

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СЪВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ

И

ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ,

СОВЕРШЕННОЕ, ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 И 1824 Г., ВИСЦЕ-
ЛИНИЮ, СОСТОЯВШЕЮ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА ЛЕЙТЕНАНТА

Фердинанда Фонтъ-Врангеля.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРСАНДА И К^О.

1841.

4-й лист
2165
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ указанное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
апреля 10 дня, 1840 года.

Ценсоръ С. Куморинъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛУ,

всепреданнѣе приносить

Сожинствъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

=

Не многія путешествія, совершенныя Русскими мореплавателями, обращали на себя широкое вообще, Европейское вниманіе, какъ предполагалось написать *путешествіе* Е. П. г-на Кошуръ-Адмирала *Фердинанда Петровича Фонъ-Врангеля*, совершенное пять въ чинѣ лейтенанта Флота, съ 1820-го по 1824 годъ. По Высочайшему повелѣнію поручено ему было начальство надъ экспедиціею, осматривавшею *берега Ледовитаго моря* отъ Индигирки до залива Колючинскаго на пространствѣ 35° разности долготы; при чемъ совершены продолжительныя поѣздки по льду въ удаленіи отъ береговъ слѣшкомъ на 250 верстъ, для отысканія предполагаемой на сѣверъ неизвѣстной земли, когда другая экспедиція, подъ началь-

своимъ сыномъ лейтенантомъ Анжу (нынѣ капитанъ 1-го ранга), осматрѣла въ тоже время изъ устья Ины острова: Котельный, Огдеевскій, Новую Сибирь и берега Сибири отъ Индигирки до Оленека. — Переведенное съ Русской рукописи нашего путешественника на Нѣмецкій языкъ г-омъ Энгельгардтомъ путешествіе г-на Врангеля было издано въ прошедшемъ году, въ Берлинѣ, подъ смотрѣніемъ и съ предисловіемъ извѣстнаго Германскаго географа Риншера (Reise des Kaiserlich russischen Flotten-Lieutenants Ferdinand v. Wrangel längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismere, in den Jahren 1820 bis 1824. Nach den handschriftlichen Journalen und Notizen bearbeitet von G. Engelhardt, Staatsrath. Herausgegeben nebst einem Vorwort von C. Ritter Dr. und Professor, Berlin, 1839). Въ нынѣшнемъ году, съ Нѣмецкаго перевода переведено оно было на Англійскій языкъ съ другою извѣстнаго ученаго Британскаго путешественника, майора Сабина, который самъ и былъ издателемъ Англійскаго перевода (Narrative of an Expedition to the Polar sea, in the years 1820 — 1824, comp. by lieut., now admiral, F. v. Wrangel, edit. by Major Edw. Sabine etc. London, J. Modden and C. 1840, in 8), и Англійская публика получила его такимъ вниманіемъ, что *первое изданіе* книги немедленно разошлось и уже печатаются *второе*, а между тѣмъ съ пер-

наго изданія книга переводится на Французскій языкъ.

Такое лестное для народнаго честолюбія нашего вниманіе побуждаетъ издателя въ обязанность объяснить о томъ, почему Русскій подлинникъ путешествія выходитъ въ свѣтъ послѣ Нѣмецкаго и Англійскаго переводовъ? Знаменитый путешественникъ нашъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ 1824 году, назначенъ былъ командиромъ военного шлюпа *Кронвейдъ*, на которомъ совершилъ плаваніе вокругъ свѣта въ 1825 — 27 годахъ; возвратясь изъ сего воляжа, прилежъ онъ въ надлежащій порядокъ журналы и записки, веденныя во время путешествія по сѣверной Сибири и Ледовитому морю, и составленное имъ описаніе предсдѣлать на разсмотрѣніе Адмиралу Василію Михайловичу Головинну. Вскорѣ потомъ г. Врангель принялъ на себя званіе правителя нашихъ Русскихъ колоній въ сѣверо-западной Америкѣ, и только въ 1836 году возвратился въ Россію. Въ его отсутствіе, нашъ флотъ и государству лишились знаменитаго Головина; рукопись г. Врангеля была забыта, доколь не обратилъ на нее своего вниманія просвѣщенный Предсѣдатель Ученаго Комитета Морскаго Министерства, Е. П.

Могилъ Ивановичъ Голенищевъ - Кутузовъ, который распорядился о печатаніи ея. Между прочимъ рукопись была переведена на Нѣмцкій языкъ Спашскимъ Слѣбникомъ Е. А. Энгельгардтомъ, съ нѣкоторыми противъ подлинника измѣненіями, которые состояли главнѣйше въ томъ, что отдѣльныя особо замѣтки по части Гоголеви въведены переводчикомъ въ общий рассказъ событій, а описаніе р. Колымы и ея жителей, дополнено замѣчаніями, разбросанными въ разныхъ главахъ подлинника. Измѣненія Нѣмецкаго переложенія одобрены были г. Врангелемъ, который, желая ввести ихъ и въ Русскомъ изданіи, просилъ о прекращеніи печатанія, начинавшагося на счетъ Ученаго Комитета. Въ 1858 году г-нъ Врангель препоручилъ мнѣ изданіе вновь пересмотрѣнной рукописи, когда въ тоже время Императорская Академія Наукъ приняла на свое издѣваніе печатаніе особеннаго *прибавленія* къ путешествію, содержащаго въ себѣ рисунки и оцѣдышныя ученые списки. Къ печатанію мною было тогда же приступлено, но медленность въ печатаніи попомъ произошла отъ тяжкой болѣзни и другихъ литературныхъ заглазій Н. А. Полеваго, котораго просилъ я принять на себя надзоръ за печатаніемъ рукописи. Издавая теперь Русскій подлинникъ, свѣдѣвъ удо-

удовлетворить нетерпеливое ожидание отечественной публики.

Въ *прибавлении*, которое, какъ сказано выше, издастся Академією Наукъ, кромѣ собранія литографированныхъ и раскрашенныхъ рисунковъ *спасенныхъ сіяній и льдовъ Ледовитаго моря*, помѣщены замѣчанія о полярныхъ льдахъ и различныхъ льдахъ Ледовитаго моря, свѣрныхъ сіяніяхъ, выдрахъ въ северной Сибири, тѣхъ на собакахъ, топографическій очеркъ возвращающаго пуня въ Якутскъ изъ Средне-Колымска, собраніе словъ Чуванскаго и Ойюкскаго языковъ, метеорологическихъ, термометрическихъ и магнетическихъ наблюденій, географическихъ опредѣленія широты и долготы мѣстъ, и проч. Изображенія свѣрныхъ сіяній рисованы были съ натуры, карандашемъ, г. Магюнкынѣмъ, сопутникомъ г. Врангеля, а перерисованы и раскрашены спаравіемъ знаменитаго Академика Паррона.

Надобно ли прибавлять что нибудь о важности и любопытности издаваемаго нами путешествія, когда оно заслужило уже столько великое вниманіе даже и иностранцевъ? Отечественная публика, конечно, оценитъ вполне труды нашего путешественника, чепыре лучшие года жизни посвятившаго милое сердце возлюбленнаго на него просвѣщеннаго Правитель-

спомъ порученія и пользы науки, и пить пославшаго имя свое наряду съ именами Парри, Россомъ и Франклиновъ, не падшихъ ничего при исполненіи экспедицій, распространявшихъ географическія свѣдѣнія наши на ледяныя страны сѣвера, и ознаменовавшихъ подвигами на славу Отечества и для чести науки безкорыстное самоопроверженіе, достойное памяти современниковъ и потомства.

А. Смирдинъ.

ГЛАВА I.

Историческое обозрѣніе путешествій въ Ледовитомъ Океанѣ, черезъ Карскіе моряхъ и Беринговъ проливъ, до 1920 года. Состояніе парті въ то время. — Назначеніе отряда въ Северо-восточномъ мѣстѣ Сибири.

Обширное пространство земнаго шара, заключающееся между Бѣлымъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, почти на 145° долготы, по матерому берегу сѣверной Европы и Сибири, открыто и описано Россіянами. Въ покушеніи мореплавателей другихъ народовъ проникнуть Ледовитый моремъ изъ Европы въ Китай, или изъ Великаго Океана въ Атлантическій, ограничены на западъ Карскіе моря, на востокъ меридіаномъ мыса Сѣвернаго; непреодолимая препятствія, останавливавшія иностранцевъ въ дальнѣйшемъ плаваніи, преодолены нашими мореплавателями.

Часть I.

ходили; они болѣе привыкли къ суровости климата, и пользовались всеми средствами, которыя представляла имъ смежность съ Россією Сибиря, уже покоренной.

Въ первыя времена таковыхъ предпріятій, соотечественники наши были побуждаемы къ снѣзъ многотрудныхъ путешествій надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны, обильной драгоценною рухлядью. Въ послѣдствіи, съ одобренія Правительства, военнo-служашіе отправлялись на кочахъ вдоль морскаго берега и сухопутно къ устьямъ большихъ рѣкъ, въ море впадающихъ; цѣль ихъ предпріятій состояла въ томъ, чтобы покорить жителей сихъ странъ и обратъ съ нихъ подать (называемую *ясакъ*) звериными кожами; потомъ Правительство неоднократно отправляло разныя отряды, для того токмо, чтобы описать берега уже извѣстные и искать новыхъ.

Желая представить обзоръ послѣдовательнаго открытія и описей береговъ Ледовитаго Океана, отъ Карскаго моря до Берингова пролива, не буду описывать неудачнаго плаванія Англичанъ Пета и Джамана, въ 1580 году, блуждавшихъ по Карскому морю среди льдовъ, безъ пользы для географіи того края; плаванія адмирала Наа, въ 1594-мъ году, который предполагалъ, что находится при устьи рѣки Оби, когда была въ губѣ Мутной, что въ Карскомъ морѣ; плаванія сени судовъ, въ 1595 году, подъ начальствомъ того же Наа, еще съ меныиныхъ успѣхомъ, пе-

желез въ первомъ путешествіи; покушенія Босхана, въ 1623-мъ году, остановленнаго льдами почти при самомъ поступленіи въ Карское море. Сими предпріятіями весьма мало пріобрѣтено свѣдѣній о Карскомъ морѣ, и даже самые предѣлы его остались неопределенными.

Въ то время берега отъ Бѣлаго моря до рѣки Оби были уже известны Россіянамъ. Лѣдники (въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія) ходили изъ Бѣлаго моря и рѣки Печоры, черезъ Карское море, до рѣкъ Оби и Енисей. Иногда они совершали сей путь моремъ, но обыкновенно перетаскивали суда черезъ волокъ между Карскимъ моремъ и Обскою губою, входили въ рѣку Мушугу, впадающую въ Карское море, поднимались вверхъ по сей рѣкѣ бичевою 8-мъ сутокъ и достигали двухъ озеръ, въ окружности отъ 10-ти до 12-ти миль. Тамъ выгружали свои суда и перетаскивали черезъ перевалъ, шириною около 200 сажень, въ озеро, называемое Зеленымъ, изъ котораго течетъ въ Обскую губу рѣка Зеленая. Сего рѣкою достигали рѣки Оби. Плаваніе изъ Архангельска къ Оби, моремъ, продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ недель, а изъ Оби въ Енисей 2, или 3 недели *.

Сибирская летопись сохранила извѣстіе о первомъ сборѣ лѣса съ Енисейскихъ Самоѣдовъ, въ 1598-мъ году, по повелѣнію Царя Феодора Юановича, отправленнымъ нарочно для сего изъ

* Четырехкратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Линде, часть I, стр. 76.

Тобольска Федоромъ Дьяковымъ. Для надежнаго распространенія и утвержденія въ Сибирѣ Россійскихъ владѣній заложены, въ 1600 году, при Борисѣ Федоровичѣ Годуновѣ, въ землѣ Самоѣдской, на рѣкѣ Тазѣ, новый городъ Мангазея, перенесенный въ послѣдствіи на рѣку Туруханку, гдѣ въ 1607 году казаки, перешедше въ собираніи лѣса съ кочевальными Самоѣдами, Остяками и Тунгусами, построили зимовье, названное по имени рѣки Туруханскимъ. Туруханскою казаки вошли въ Енисей, и въ 1610-мъ году, достигнувъ устья сей знаменитой рѣки, доставили первыя подробныя объ ней извѣстія, послѣдствіемъ которыхъ были новыя предпріятія.

Въ томъ же году составилось въ Мангазѣ общество изъ купцовъ и промышленниковъ; съ довольно цѣлью открытій и торговли отправлялись они сухопутно въ лѣтнее Туруханскъ, гдѣ построивъ кочи*, пошли внизъ по рѣкамъ къ устью Енисея, и чрезъ четыре недѣли увидѣли Ледовитое, или, какъ тогда называли, *Студеное море*; здѣсь встрѣтили столько льду, что должны были стоять пять недѣль на мѣстѣ, доколе южный вѣтръ, разогнавъ льды, открылъ возможность выйти въ море. Известно, что они достигли устья р. Писиды**, но о дальнѣйшихъ успѣ-

* Кочи, суда плоскодонныя, въ длину около 18-ти саженъ, саражирной шпраны, въ одною налудбою, ходили сребрено, и подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ.

** Ся рѣка достояннѣе тѣхъ, что некогда вса низовья

хоть сего предпріятія нѣтъ никакихъ слѣд-
ствій.

Циркованіе рѣкъ Тунгуски и Вилуя, кото-
рыя имѣють вершины свои на одномъ хребтѣ,
и сливаются, перешелъ въ Енисей, послѣдняя въ
Лену, привело казаковъ города Енисейска, въ
1639 году, къ важному открытію величествен-
ной рѣки Лены.

Дѣятельнымъ Сибирскимъ воеводамъ и пред-
пріимчивымъ исполнителямъ ихъ воли, казакамъ,
дѣлкимъ и славянолюбимъ и корыстнымъ, сіе но-
вое открытіе было поводомъ къ овладѣнію даль-
нѣйшими странами Сибири.

Въ 1636-мъ году отправленъ изъ Енисейска
на Лену, казанскій десятникъ, Енисей Буза, съ
помощніемъ осмотрѣть всю рѣку, въ Ледовитое
море выходящую, и положить лѣсъ на при-
брежныхъ жителей. Буза, съ десяткомъ казаками,
остался зимовать въ Олекминскомъ острогѣ; при-
гласилъ къ себѣ 40 человекъ промышленниковъ,
или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, *промыш-
лящихъ*; вместе съ ними, по наступленіи вес-
ны, отправился въ путь, въ дѣе недѣлю до-
стигъ западнаго устья Лены, откуда въ одинъ
сутки, Ледовитымъ моремъ, прошелъ къ устью
рѣки Оленекъ, и продолжая путь вверхъ по сей
рѣкѣ, зимовалъ у Тунгусовъ, съ которыхъ соб-
ралъ лѣсъ. Весною Буза пустился съ своимъ
судномъ р. Енисей подыматься съ плескомъ. Слово *Лена*, на Са-
модвижномъ языкѣ, означаетъ ровную, безвзволную землю, тундра. —
См. *Сибирскій Вѣстникъ* на 1821-й годъ.

отрядомъ къ рѣкѣ Ленѣ и вышелъ на оную при устьѣ рѣчки Молоды. Оттуда, на двухъ построенныхъ лѣтъ коцахъ, предпринялъ онъ путь къ Ледовитому морю, вошелъ въ него по десятидневномъ плаваніи, и черезъ пять дней достигъ устья рѣки Яны. Слѣдуя вверхъ по рѣкѣ, по трехдневномъ плаваніи, встрѣтилъ онъ Якутовъ, съ которыхъ собралъ богатый ясакъ.

На Янѣ Буза построилъ четыре коца, и въ слѣдующемъ 1639 году пошелъ вверхъ по рѣкѣ; восточнымъ рукавомъ достигъ къ устью узкаго протока, втекающаго въ Ледовитое море; близъ сего мѣста, у впадающей въ море рѣки Чендоны, нашелъ Юкагировъ, жившихъ въ землянкахъ, собралъ съ нихъ ясакъ и пробылъ въ сихъ мѣстахъ до 1642 года.

Въ то же время, когда Буза, въ 1638 году, пошелъ съ моря въ рѣку Яну, некто Постникъ Ивановъ открылъ съ горной стороны рѣку Индигирку, побѣдилъ жившихъ близъ оной Юкагировъ, основалъ зимовье и оставилъ въ сѣнь ибей 16-ть казаковъ; они построили два коца, но Индигирка вышла въ Ледовитое море, и простирая оный путь далѣе, доставили первыя свѣдѣнія о рѣкѣ Алазеѣ.

Неизвѣстно, каковыя путевыя и кмѣ открыта рѣка Колыма. Сибирская исторія упоминаетъ въ первый разъ о сей рѣкѣ въ 1644 году, когда Якутскій казакъ Михайло Стадухинъ, на лѣвѣмъ ея берегу, около ста верстъ отъ устья, основалъ Нижне-Колымское зимовье, перенесено-

важное послѣ въ острогъ. Стадухинъ доставилъ свѣдѣніе о воинственномъ Чукотскомъ племени, и объ одномъ *большомъ островѣ* на Ледовитомъ морѣ. Какая-то женщина сказывала ему, что противъ рѣкъ Илы и Колымы находится островъ, усматриваемый съ материка берега, и что Чукчи, съ рѣки Чукочей (впадающей въ Ледовитое море къ западу отъ Колымы), зимою въ одинъ день переѣзжаютъ на оленяхъ на сей островъ, гдѣ промышляютъ моржей, возвращаясь съ добытыми моржевыми головами и клыками. Стадухинъ также слышалъ о большой рѣкѣ *Ногачи*, или *Ковачи*, будто бы впадающей въ Ледовитое море къ востоку отъ Колымы, на три дня плаванія, при благополучномъ вѣтрѣ.

Последовавшія путешествія, частью опровергли сказанія сей женщины; островъ, который описывали Стадухину обитавшіе тамъ, является на нашихъ картахъ маленькимъ *Крестооскимъ* островомъ, въ купѣ Медвежьихъ острововъ; отъ идящаго съ материка берега въ ледную погоду, и жители рѣки Большой Чукочей доѣзжаютъ до него въ одинъ день.

Первое плаваніе по Ледовитому морю къ востоку отъ Колымы предпринято въ 1846 году, обществомъ промышленниковъ, подъ предводительствомъ Исаи Игнатьева, родомъ изъ Мезени. Мореходцы нашли море покрытое льдомъ, а между льдами и материкомъ береговъ свободную отъ льдинъ полосу, по которой продолжали плыть двое сутокъ сряду. Всплелъ въ губу, окру-

женную двумя скалами материка, увидѣли на берегу Чукчей, и выжидали у нихъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ. Довольствуясь открытіемъ сей новой промышленности, и можетъ быть, не дождавъ Чукчамъ, конхъ языка были имъ совершенно чужды, они возвратились на Колыму. Изъ сего поверхностнаго описанія мы не идимъ до котораго именно мѣста доходилъ Игнатъевъ; однакожь, судя по времени плаванія, онъ могъ быть въ губѣ Чаушъ, въ заливѣ противъ острова Араутава, гдѣ берегъ действительно гористъ.

Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь открытую ими страну, по привычкѣ къ трудностямъ кочевой жизни, довольно было утѣшаться о яродѣ въ ихъ соседствѣ, еще незнающимъ и боязномъ моржевыхъ зубовъ, чтобы побуждаться къ предпринятію поисковъ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, открывавшія новое поле неутомимой дѣятельности. Составилось общество промышленниковъ, къ коимъ присоединился Московскаго купца гостинной сотни Алексѣя Усова прикащикъ, Федотъ Алексѣевъ Колмогорцевъ, и по просьбѣ его, государевъ въ Пензенско-Колымскъ прикащикъ дѣлать имъ служащаго казака, для соблюденія въ предпринимавшемъ путешествіи пользы казенной. Сей казакъ былъ Семѣй Панаковъ сынъ Дежневъ, вызвавшійся сотовариществовать Колмогорцеву, тотъ самый, который въ послѣдствіи обнесъ сѣверо-восточную оконечность Азіи.

Въ Июнь 1647 года, съ устья Колымы, на четырехъ кочахъ, отправились они въ море; предполагали отыскать реку Анадырь, о которой слышали, будто она впадаетъ въ Ледовитое море, но, по множеству льдовъ на пути, возвратились безъ всякаго успѣха.

Извѣстiя, доставленные въ Якутскъ основателемъ Нижне-Колымскаго острога, казакомъ Михайломъ Стадухинымъ, объ островѣ на Ледовитомъ морѣ и о рѣкѣ Погычъ, какъ выше упомянуто, подали поводъ къ отправленію сего казака вторично на Колыму, съ повелѣніемъ отыскать рѣку и привести въ подданство прабрежныхъ жителей. Стадухинъ, отправясь изъ Якутска въ Июнь 1647 года, зимовалъ при рѣкѣ Ицъ, и въ походѣ зимы 1648 года перескалъ на партахъ къ Индигиркѣ, гдѣ построилъ кочъ, на которомъ поплылъ въ Колыму.

Въ 1649 году, Стадухинъ, на двухъ кочахъ, поплылъ изъ Колымы для отысканiя рѣки Погычъ; одинъ кочъ разбило при самомъ выходѣ въ море. Продолжая путь семь сутокъ, подъ парусомъ, и не видя никакой новой рѣки, присталъ онъ къ берегу, и послалъ людей своихъ узнать объ ней отъ жителей, но и они ничего не знали. Берегъ состоялъ изъ крутаго каменнаго утеса, такъ, что не было возможности ловить рыбу; путешественники, крайне нуждались въ състныхъ припасахъ, принуждены были возвратиться, и ничего не приобрѣли, кромѣ малаго числа моржевыхъ зубовъ. Невозможно

опредѣлить до какого мѣста Стадухину доходить, но весьма вѣроятно, что въ семь сутокъ, хотя и не безпрерывнаго плаванія, отъ далеко простирающагося Шелагскій мысъ, восточнаго берега, большую частію, успѣли, что согласно съ описаніемъ Стадухина.

Неудача перваго покушенія Дежнева и его спутниковъ ни сколько не охладилъ ихъ рвенія; напротивъ, число охотниковъ умножилось до того, что на другой же годъ по возвращеніи Дежнева изъ перваго путешествія, т. е. въ 1648 году, спарядили семь кочей*, для отысканія рѣки Анадыря. Неизвѣстно, что случилось съ четырьмя кочами**; на остальныхъ трехъ кочахъ

* Кота Бурней (Bureau's Chronological History of North Eastern Voyages, p. 63) не рѣшается назвать Дежнева судномъ кочами, не находя сего наименованія въ выпискѣ Кокса, въ подлинныхъ описаніяхъ Дежнева (Casse's Account of Russian Discoveries, p. 378), и выводитъ слово *koca* отъ Английскаго *keetch*, переводное судно, отличающееся вооруженіемъ, однакожъ я думаю, что не отступило отъ истиннаго названія кочами до сихъ поръ, на концы Сибирскія наши мореходцы въ то время ходили вдоль береговъ Ледовитаго моря, ибо Фишера, въ Сибирской Исторіи, стр. 525, въ замѣчаніи говоритъ: «кожи необходимо должны быть обшвареной волнистой [12 сложивъ въ длину]; довольно того, когда они идутъ судна шмелей».

** Бурней, въ Chronological History, стр. 63, говоритъ, что 4 коча разбились на островахъ къ северу отъ Колымы, и что люди съ нихъ спаслись. Я полагаю, откуда они жамъ сіе свѣдѣніе. Въ Хронологической Исторіи г. Берга, часть I, стр. 89, сообщая читателямъ сказку о борющихся людяхъ, живущихъ будто бы въ Америкѣ, при рѣкѣ Хуварки, говорить, что повѣстіе сіе происходило отъ того, что 4 коча, бывшіе съ Дежневыми, разбились безъ вѣсти. Въ Сибирской Вѣстникѣ, на 1821-й годъ,

были начальниками Семенъ Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, а надъ промышленниками вышеупомянутый Федотъ Алексеевъ.

Дежневъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхъ, что обещалъ привезти съ рѣки Андыра семь сороковъ соболей, «сіе золотое руно того времени», сказано въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, «котораго домогался не только казакъ и промышленники, но многіе пѣть людей высшаго состоянія, и для того единственно, оставляя все выгоды службы, родства, удовольствій жизни въ изобиліи, стремились изъ Россіи въ Сибирь, отдаленную и дикую тогда страну.» Къ чести нашихъ соотечественниковъ прибавить можно, что жадность корысти, побуждая ихъ на отчаянныя предпріятія, не означеновывалась безчеловѣчными поступками, какъ ненасытная личность къ золоту Испанцевъ въ Перу и Мексику. Надежды Дежнева исполнялись, но не такъ легко и скоро, какъ онъ сперва предполагалъ. Въ Іюль мѣсяцъ, 1648 года, отправился онъ въ путь, не предвидя, сколько предстояло препятствій, и не помышляя, что весьма долгое время пославъ не будетъ совершенно подобнаго плаванія. Дежневу и его отчаяннымъ спутникамъ исключительно принадлежить честь совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Сѣверный Великій Океанъ.

сказано, что островъ Кочевый (противъ рѣки Яны) названъ такъими бродячими людьми, но видно изъ этого, что островъ сей необитаемъ, да и весьма пещеристо, чтобы упомянутые четыре лица туда зашли.

Сожаления достойно, что не весь пропешествіи сего знаменнаго предпріятія описали. — Дежневъ, въ допесепіяхъ въ Якутскъ, мало упоминаетъ о томъ, что съ нимъ случилось на морѣ; онъ ли слова не говоритъ о препятствіяхъ отъ льдовъ, которыхъ, вѣроятно, я не встрѣчалъ, ибо въ другихъ мѣстахъ напоминаетъ, что море не всегда бываетъ отъ нихъ такъ свободно. Повѣствованіе свое начинаетъ онъ отъ большаго Чукотскаго носа. Сей мысъ, по замѣчанію Дежнева, состоитъ весь изъ камня, находится между съверномъ и сѣверо-востокомъ, и поворачивается кругомъ, къ сторонѣ реки Анадыря. На Русской, т. е. западной сторонѣ Чукотскаго носа, стекаетъ въ море рѣчка *Станосъ*, близъ которой Чукчи устроили родъ башни изъ китовыхъ костей. Противъ самаго мыса лежатъ два острова, на которыхъ видны Чукчей, съ прорѣзанными губами и продвѣтymi въ нихъ кусками моржовыхъ зубовъ. Отъ мыса къ рѣкѣ Анадырю попутнымъ вѣтромъ можно достигнуть въ трии сутки, и въ такое же время дойти сухимъ путемъ; первый мысъ отъ Колымы не Чукотскій, а тотъ, который названъ *Солымы*, и для Дежнева особеннаго примечанія былъ достоинъ потому, что кося Анкудинова на томъ мѣстѣ разбился, и нѣсколько жителей взято въ плѣнъ, когда они гребли на своихъ лодкахъ.

Въ краткомъ, весьма недостаточномъ описаніи плаванія Дежнева не упомянуто ни о губѣ Чаупъ, ни о Колочинскомъ островѣ, ни о другихъ

примятыхъ мѣстахъ, которыя должны были усмотрѣны на пути изъ Колымы до Берингова пролива; однакожъ описаніе большаго Чукотскаго носа, его заворотъ къ сторонѣ рѣки Анадыря, близость двухъ острововъ, днахъ съ порезанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками изъ моржевыхъ зубовъ, все служить доказательствомъ, что Дежневъ говоритъ о восточной оконечности Азіи, и что онъ первый прошелъ черезъ проливъ, до котораго 80-тъ лѣтъ послѣ него достигъ мореплавателъ нашъ Берингъ, коему приписана честь обретенія сего пролива и разрѣшенія вопроса о несоединеніи Азіи съ Америкою.

Мысъ, названный Дежневымъ: *Святой Носъ*, конечно тотъ, который нынѣ называется Шелагскимъ мысомъ, ибо отъ Колымы къ востоку сей мысъ наиболее пріятель по отличительной высотѣ и протяженію.

Бурней *, стараясь доказать существованіе соединенія Азіи и Америки, посредствомъ воображаемаго мѣстечка около Шелагскаго мыса, прибѣгаетъ къ различнымъ страшнымъ предположеніямъ, а именно, что Дежневъ шелъ не на конѣ, а въ шипчикъ **, который расшивали на одной

* Burney's Chronol. Hist. p. 69.

** *Шипчикъ* съ Сибиря называлъ довольно большія лодки, у коихъ мѣстечко выдѣлано изъ одного дерева, а къ бокамъ прибиты доски, вставши прутьями. Такая постройка трудна, ибо прутья должны быть, чтобы достигли мѣстечку гнѣзды, и Бурней объявляетъ, говоря о шипчикѣ: it was customary to

сторонъ перешейка, и по перепутью составныхъ частей его на другую сторону, сплывали. Такимъ образомъ Дежневъ могъ вовсе не обгибать Шелагскаго мыса. Бурией въ доказательство приводить путешествіе Тараса Стадухина изъ Колымы въ Камчатку: будучи не въ состояніи обойти большой Чукотскій носъ, онъ оставилъ свое судно, и перешелъ ныкомъ чрезъ узкій перешеекъ на другую сторону, гдѣ построилъ свое судно. — При ныльвинныхъ свѣдѣніяхъ о берегахъ Чукотской земли, съ большою вероятностію полагать можно, что Тарасъ Стадухинъ прошелъ поперекъ сей земли тамъ, гдѣ залитъ Колычинскій, вдаваясь далеко внутрь, весьма сближается съ вершиною губы св. Креста, образуя довольно узкій перешеекъ, соединяющій гористый полуостровъ съ западною частью Чукотской земли. Нынѣ известно, что къ сѣверу весь берегъ Сибири омывается моремъ, а потому, мы не имѣемъ никакого права оспаривать у Дежнева чести совершеннаго морскаго пути изъ Колымы въ Анадырь, темъ болѣе, что онъ имѣлъ намѣреніе изъ Анадыря въ Колыму идти моремъ.

Обратимся къ Дежневу и его спутникамъ. Люди, бывшіе на разбившемся у восточной оконечности Азіи кочѣ Герасима Анкудинова, перешли на остальные два коча Семена Дежнева

construct vessels in a manner that admitted of their being with ease taken to pieces, by which they could be carried across the ice to the outer edge, and there be put together again, p. 62.

я Федота Алексеева. 20-го Сентября на берегу дралась съ Чукчами и Федотъ Алексеевъ былъ раненъ. Вскорѣ послѣ того буря разлучила оба коча и они уже болѣе не соединялись. — Кочъ Дежнева долго несло крѣпкими вѣтрами по морю, наконецъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, выбросило на берегъ, въ немаломъ разстояніи къ югу отъ рѣки Анадыря, впрямую, близъ губы Олюторской. Что случилось съ Федотовъ Алексеевымъ и его товарищами, увидимъ ниже.

Дежневъ, съ бывшими при немъ 25-ю чело-вѣками, немедленно отправился пѣшкомъ, для пролѣзанія рѣки Анадыря, отсюда не отчаяваясь достигнуть предполагаемой цѣли. Безъ проводника пришелъ онъ, не прежде, какъ чрезъ десять недѣль, къ устью рѣки, въ землю безлѣсную и необитаемую. Лишенные всѣхъ средствъ искать себѣ пропитаніе, не имѣя рыболовныхъ снарядовъ и не находя дикихъ зверей, укрывавшихся въ лѣсахъ, путешественники наши рѣшились отправить вверхъ по Анадырю 12-ть человекъ, которые блуждали 20-ть дней, и не находя ни людей, ни пищи, большую частію отъ голода и изнеможенія умерли; остальные принужденны были возвратиться къ стану Дежнева.

Слѣдующаго лѣта, 1619 года, Дежневъ съ товарищами пошелъ * вверхъ рѣкою, и былъ такъ

* Должно полагать, что они построили себѣ лодку, или дуб (ихъ было почти 20-ть человекъ), изъ вымороженнаго лѣса, котораго въ Сибири скомо устья рѣки всегда много.

счастливъ, что встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ жителей сихъ мѣстъ, называвшихся *Анаулами*, которые заплатили ему первый лекарь, но въ послѣдствіи, за оказанную имъ непокорность, были совершенно истреблены. Дежневъ основалъ Анадырскій острогъ, въ видѣ обыкновеннаго зимовья, не переставая заботиться о томъ, какъ перейти на Колыму, или послать о себѣ уведомленіе.

Между тѣмъ промышленники на Колымѣ не оставались праздными. Вскорѣ послѣ неудачнаго покушенія Михайла Стадухина къ отысканію рѣки Погмыи, узнали, что названіе оной Анадырь, что устья ея не по сѣверному берегу Чукотской земли искать должно, и что кратчайшій путь туда лежитъ по горамъ, чрезъ которыя протекаютъ возвышенныя Ходыны, народъ, покоренный казками въ 1650 году, въ верховьяхъ рѣки Анюи.

Составилось общество охотниковъ изъ казаковъ и промышленниковъ, получившихъ дозволеніе идти къ Анадырю и объявить тамошніе народы. Въ 1650 году, Марта 23-го, Семенъ Мотора, предводитель сихъ охотниковъ, взявъ на Анюи одного старшину изъ Ходыноцъ, выступилъ въ путь, и Апрѣля 23-го соединился на Анадырь съ Дежневымъ, къ обоюдному удивленію. Михайло Стадухинъ * пошелъ въ слѣдъ за Моторой, проведя семь недель въ пути, обо-

* Въ Сибирской Вѣстникѣ ошибочно сказано, что Стадухинъ отправился моремъ. См. Миллера, Nachrichten von Sibirien, p. 15.

целью стороною зимовье Дежнева, и действовали от него отдельно. Дежнев и Мотора, стараясь избежать неудовольствий съ завистливыми Стадухинцами, готовились перейти къ рѣкѣ Пенжинѣ, но вмѣсто нихъ пошелъ туда Стадухинъ, о которомъ не получено никакихъ извѣстій.

Дежнев и Мотора не оставались въ бездѣйствіи. Они построили суда, на коихъ намеревались дѣлать новые поиски. Хотя въ одно изъ сраженій съ Анаурами, въ исходе 1631 года, Мотора былъ убитъ, Дежневъ не унывалъ, и лѣтомъ 1632 года пошелъ внизъ рѣки къ ея устью, и на северной сторонѣ открылъ отшель⁴, на которой собиравлись обыкновенно моржи, въ великомъ множествѣ. Добывъ несколько моржевыхъ зубовъ, возвратился онъ въ зимовье, почитая свое пріобрѣтеніе достаточною наградою за всѣ перенесенные имъ труды.

Въ 1633 году, Дежневъ готовилъ лѣсъ для постройки кочи, на которую предполагалъ отправить въ Якутскъ, морезъ, собранный имъ лѣсъ, но недостатокъ въ прочихъ необходимыхъ потребностяхъ, и извѣстіе, что берега Чукотской земли не всякое лѣто бываютъ такъ чисты отъ льдовъ, какъ во время его плаванія въ 1648 году, понудили его оставить свое намереніе.

Въ слѣдующемъ году, Дежневъ предпринималъ вторичное путешествіе къ вышеупомянутой земли, на которой было много моржей, и взялъ съ собою казака Юлику Селиверстова, недавно при-

⁴ *Кортъ*, на Сибирскомъ нарѣчіи.

⁵ А СТЬ 1.

бывшаго изъ Якутска, съ предписаніемъ, въ пользу казны промышленать норжевые зубы. Селиверстовъ утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли сію мель, названную Анадырскою коргою, будто бы или найденною въ первое морское путешествіе съ Михайломъ Стадухинымъ (въ 1649 году), но Дежневъ доказывалъ противное. Возникшему отъ того между ними несогласію, обязаны мы извѣстіемъ о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Опровергая утвержденія Селиверстова, онъ приводитъ въ дописаніяхъ къ Якутскому Воеводѣ разные обстоятельства своего путешествія, который, въ 1726 году, собраны Миллеромъ изъ подлинныхъ бумагъ Якутскаго архива.

Дежневъ, продолжая плаваніе къ коргю, держался берега, видѣлъ Коряковъ, и между ними упалъ Якутку, жившую прежде съ Федотомъ Алексѣевичемъ; она сказала ему, что Федотъ и Герасимъ (Анудинъ) отъ цыгикъ умерли, яковѣ изъ нихъ товарищей убиты, а малое число спаслось на лодкахъ, но куда, и что съ ними случилось, она не знала. — Въ послѣдствіи открылось, что они достигли рѣки Камчатки, гдѣ, живши некоторое время въ великомъ уваженіи у Камчадаловъ, были наконецъ жертвами собственныхъ раздоровъ, подланныхъ Корякамъ и Камчадаламъ случай ихъ убитъ.

Послѣ сего нѣтъ дальнейшихъ свѣдѣній о Дежневѣ, который провелъ 6-ть лѣтъ (съ 1648 по 1654 включительно) въ неутомимой дѣятельности, среди дикаго народа, въ странѣ нынѣ откры-

той и частью покоренной. Возвратился ли онъ въ свою отчизну, или сдѣлался жертвою своей смѣлости, не находимъ извѣстій въ сочиненіи исторіографа Миллера.

Какихъ великихъ опасностей подвергались простиравшіе плаваніе по Ледовитому морю, читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго, въ Сибирскомъ Листинкѣ помѣщеннаго, описанія путешествія нѣсколькихъ казаковъ, подъ начальствомъ казака Булдакова.

Въ 1649 году, Булдаковъ посланъ изъ Якутска на рѣку Колыму приказникомъ. Прозимовавъ въ Жиганскѣ, онъ пришелъ, Іюня 2-го 1650 года, въ устье Лены, но за восточнымъ и сѣвернымъ вѣтрами, идущими къ берегу множество большихъ ледовъ, принужденъ былъ стоять четыре недѣли. По наступленіи благополучнаго вѣтра, отправился онъ, подъ парусами, въ Онолову губу, гдѣ встрѣтилъ льды, между которыми кося его былъ 8 дней, и немало повредился. Приближаясь къ островамъ противъ устья Лены, рѣшился онъ пристать къ одному изъ нихъ; двое сутокъ пробивались между льдинами. Булдаковъ, по продолжавшимся вѣтрамъ, то съ моря, то съ берега, простоявъ на мѣстѣ 6 дней, увидѣвъ, что море ото льда, какъ будто очистилось, и пустился вторично въ Онолову губу; но къ несчастію, опять попалъ между льдинами, которыми аренытвовали идти далѣе, а потому и пошелъ онъ къ рѣкѣ Ленѣ. При ея устьѣ стоялъ 8 ночей, принадлежавшихъ казакамъ и

промышленникам, готовых выступить в море. Когда настала восточная зима, и море очистилось ото льда, все кони восток поплыли к Омоловской губе, в которой была также значительная ледя; сквозняки пробивались не без затруднений. На другой стороне губы находились острова; протоки между ними островами и берегом обыкновенно закрывали кони, но в это время протоки были совершенно открыты ледом, оставшимся на дне моря; путешественники с успехом разламывали лед и выносили свои кони; к семи часам встретили еще 4 коня, которые шли с Колымой на Индигирку.

Ночи 15-го, по выходе коней из протоки, настала холодная зима, и все суда в один день достигли устья реки Яны. Здесь опять они встретили столько льда, что могли быть раздавлены; если бы по близости морского берега, представляющего большие льдины, приближаться к нему, не оставалось для них свободного пути. Следуя подальше берега, они благополучно миновали Св. Илья, который, по северному его положению, с давних лет мореплаватели считали самым опасным местом.

На другой день Вудяков достиг Хроновской губы. Она была наполнена огромными льдинами, затруднявшими плавание коней, особенно когда от ночных морозов начекал новый лед, который 30-го Августа покрылся все море; тогда пять коней находились недалеко от берега, на глубине одной сажени. Предприм-

чивый и отважный Булдаковъ, надеясь, что ледъ уже достаточно твердъ, задумалъ грузъ перетаскивать на берегъ; но надежда его обманула, ибо 1-го Сентября, когда ледъ былъ толщиною на полладенн, подулъ съ берега жестокий вѣтеръ, которымъ ледъ изломало, кочи занесло далеко въ море и носило пять дней; потомъ вѣтеръ стихъ, море замерзло, и на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ послалъ несколько человекъ, чтобы узнать, какъ ближе подойти къ берегу. Они нашли, въ разстоянн на одинъ день вѣды, бывший съ нимъ коучъ казака Андрея Горькова, стоявшн во льду, и хотѣли перенести скарбъ и запасъ на сей коучъ, дабы ближе быть у берега, но вдругъ въ море приблизъ вода и ледъ изломало; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, которымъ занесло кочи, вмѣстѣ со льдомъ, еще далѣе въ море, и такъ быстро, что подъ парусами невозможно идти скоро. Черезъ пять дней вѣтеръ утихъ, и кочи въ третій разъ замерзли во льду. Отъ стеченн столькихъ бедствей, спутники Булдакова были въ отчаянн, и чтобы избавиться отъ очевидной гибели, взяли каждый изъ своего скарба и съестныхъ припасовъ, сколько могъ взять на саняхъ, отправились къ берегу, но не избѣгли преследовавшаго ихъ несчастн. Ледъ изломало, и они принуждены были санки свои перетаскивать съ одной льдины на другую, а сами перебираться съ помощью шестовъ и веревотъ. Между тѣмъ водили, какъ кочи ихъ, одну

послѣ другой, разбилазо льдомъ. Напоследокъ, изнуренные цынгой, стужей, голодомъ и трудомъ, вышли на берегъ близъ устья рѣки Ивачгирки, и при разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ продолжали путь вверхъ по пей до Улидинскаго зимовья, гдѣ нашли себѣ успокоеніе отъ болѣзни и трудомъ и провели всю зиму.

Два года послѣ плаванія Булдакова, т. е., въ 1652 году, на мѣсто его начальникомъ острога на Колымѣ посланъ пятидесятникъ Иванъ Ребровъ. Ему въ особенности предписано съ подробностію ослѣдовать о большомъ островѣ, который, по донесенію Михайла Стадухина, находится на Ледовитомъ морѣ. Миллеръ не отыскавъ въ Якутскомъ архивѣ никакихъ доказательствъ о существованіи сего острова, и говорить, что рассказы Стадухина были совершенно забыты, доколѣ наконецъ, въ 1710 году, Февраля 20-го, Якутская Канцелярія собрала нѣсколько изустныхъ показаній отъ казаковъ, которые простирали плаваніе Ледовитымъ и Камчатскимъ морями. Следующія извѣстія непосредственно относятся до предназначенныхъ намъ изысканій.

Между 1661 и 1678 годами, служивый Никифоръ Мальгинъ, съ торговымъ человекомъ Андреемъ Воропаевымъ, на когѣ ходили съ Лены на Колымѣ. До Святаго Носа слѣдовали они большою частью подлѣ берега; потомъ, по причинѣ приливающего къ берегу льда, держали мористѣе. На семъ пути, бывшій съ ними ко-

черышкѣ Родіонѣ Михайловѣ указавъ имъ лежащій по сию сторону Колымы, вдали, островъ, который они все видали, а по прибытіи ихъ въ Колыму, купецъ Яковъ Вятка сказывалъ Малыгину, что однажды въ плаваніи изъ Лены въ Колыму на девяти кочахъ, три отнесены къ сему острову, и посылаемые на берегъ видали стады неизвестныхъ зверей, но людей не видали.

Торговый человекъ Тарасъ Стодухинъ также говорилъ Малыгину, что за несколько до того лѣтъ, онъ, съ 90 человѣками, на кочѣ, ходилъ съ Колымы моремъ къ Чукотскому носу, котораго водою обойти не могли, а перешли на другую сторону его пещкомъ, и построивъ кочъ, шли вдоль берега, до устья рѣки Пенжины.

Нико Михайло Насеткинъ показавъ, что въ 1702 году, путешествуя по Камчаткѣ, видалъ съ южной оконечности ея землю; после того на пути между Колымой и Индигиркою усмотрѣлъ въ морѣ еще землю, о которой кочевникъ Даниилъ Монастырскій сказывалъ ему, будто она соединится съ берегомъ, противъ Камчатки лежащимъ, и простирается далѣе противъ устья Лены.

Въ 1710 году получено въ Якутскѣ письменное показаніе Устьинскаго казака Якова Пермякова, что на пути изъ Лены въ Колыму, онъ видалъ противъ Святого носа островъ, и что противъ устья рѣки Колымы находится островъ, и на немъ есть горы, усматриваемыя съ материка берега.

Островъ, который видѣли Мальгинъ и Вятка, можетъ быть, одинъ изъ острововъ, лежащихъ противъ рѣки Яны, или Крестовскій островъ, изъ числа Медвѣжьихъ. Михаилъ Насетинъ говоритъ о первомъ Курильскомъ и первомъ Медвѣжьемъ островѣ; словомъ Монастырскаго назвать нельзя. Показаніе Якова Пермякова, безъ сомнѣнія, касается до перваго Яховскаго и Крестовскаго острововъ.

Носившіеся такъимъ образомъ слухи, а частію и достовѣрныя извѣстія, о находившихся на Ледовитомъ морѣ островахъ, побудили Якутскаго воеводу Трауринхъ произнести о семъ изысканіе съ возможною подробностію, особенно, когда, въ 1711 году, Сибирскій губернаторъ Князь Тагаринъ писалъ ему: «Сказывали мнѣ казаки и дворяне Якутскіе, что ваша милость изволить нарядить казаковъ, также и охотниковъ отпустить на новую землю, что островъ противъ р. Колымы, и удержалися-де, мой государь, за тѣмъ, что безъ указа не смѣли, и ваша милость отнюдь того медлить не изволь.»

Трауринхъ отправилъ два отряда, одинъ къ устью рѣки Яны, другой къ Колыму; имъ предписали обозрѣть Ледовитое море, ильмъ или змѣю, и не возвращаться, доколѣ не разрѣшатъ вопроса объ островахъ, или новой землѣ.

Первый отрядъ, изъ 11 казаковъ, поручень казакъ Меркурію Вагину. Онъ отправился изъ Якутска 1711 года осенью; выехалъ изъ Усть-Лисы на чартахъ, въ Мѣѣ мѣсяцѣ 1712 года, и

держась берега до Святого носа, пустился прямо на север. Они приехали къ одному острову, на котором не было никакого леса; вокруг него было 9, или 12 дней. Съ сего острова виднелся другой остров, или земля, но за позднимъ временемъ, и по недостатку въ съестныхъ припасахъ, отправились назадъ къ матерой землѣ, съ тѣмъ, чтобы летомъ заправиться рыбою, и слѣдующею зимою опять выступить въ путь. Они вышли на берегъ между Святымъ носомъ и рѣкою Хроною, при урочищѣ, гдѣ Якутскій казакъ Катаевъ въ прежнія времена поставилъ крестъ, почему оно прозвано *Катаевъ крестъ*. Оттуда направили путь на Хрону для рыбнаго промысла, по кенитамъ съестныхъ припасовъ, при нуждѣ были вѣсть собакъ, на которыхъ вѣхали, наконецъ пловцовъ, и потому должны были возвратиться къ чорскому берегу, гдѣ прожили все лето, питаясь рыбою, дикими гусями, утками и ихъ яичами. Бывшіе съ Вагивымъ казаки, наскуча пребываніемъ въ сихъ мѣстахъ, и опасаясь, что на пути къ усмотрѣнному острову будутъ подвержены еще большимъ нуждамъ и голоду, убили Вагива, его сына, одного казака и одного промышленника. По возвращеніи въ Усть-Янскъ, убійцы скрыли преступленіе разными вымыслами, и объ островѣ не упомянули ни слова. Положеніе пераго Ляховскаго острова объясняетъ обретеніе Вагива; величина его, конечно, не соответствуетъ показаніямъ, но пренебреженію важности обретенія весь-

на часты въ повествованіяхъ древнихъ путешественниковъ.

Второй отрядъ, повсюду Траурныхъ отъправленный, состоялъ изъ 22 человекъ, на однопятникъ,* подъ управленіемъ казака Василія Стадухина. Изъ донесенія его, отъ 28-го Іюля 1712 года, видно, что онъ усмотрѣлъ на восточной сторонѣ Колымы, протянувшейся въ море мысъ, окруженный непроходимыми льдами, но не замѣтилъ никакого острова, и что жестокою погодою съ моря отнесло его назадъ, при чемъ едва онъ не погибъ. Стадухинъ, крѣпко, говорить о Шелагскомъ мысѣ, который предшественники его называли Сивильскъ носомъ.

Въ 1714 году были еще два подобныхъ отрядовъ казаковъ Алексѣя Маркова и Григорія Кузакова. Первому вѣрно идти въ море съ устья Колымы, и если увидѣть, что шитики неудобны, дозволено построятъ другія суда. Каждому дано было по одному матросу, пѣзъ присланныхъ Княземъ Гатаринымъ въ Якутскъ, для предположенной морской экспедиціи пѣзъ Охотска.

Марковъ, по призыву въ Устьинское зимовье, послалъ 2 Февраля 1715 года, въ Якутскъ довести, что на Сянголъ портъ лѣтомъ а зимою

* Шитики того времени были даны въ 8 сажень, шириною въ 2 сажени, съ лубого, плоскодонныя, обсажены мѣдью, въ его веревки съ канатами, на шитикахъ употребляли реми досинные; паруса были рифленные, якоря деревянные, съ плавниками изъ канчаловъ. Нѣтъ шитиками плаваютъ бондубина большія рыболовныя лодки; а въ моряхъ прибрежные жители походятъ на шитики, а паруса рифленные употребляютъ досыла рѣдко.

всегда стоять ледъ, и потому въ назначенный путь невозможно отправиться иначе, какъ партами на собакахъ; онъ отправился 15-го Марта, взявъ 9 человекъ. 3-го Апрѣля возвратился онъ опять въ Устьянское зимовье, и привезъ извѣстіе, что вхалъ по морю, прямо на сѣверъ, семеро сутокъ, съ самою большою, на собакахъ возможною скоростію, но ни земли, ни острова не видалъ, достигъ такого мѣста, гдѣ льдами стояли, какъ высокіе холмы, выходилъ на овыдъ и вдали не усмотрѣлъ никакого берега. По недостатку корма для собакъ, многіе съ голоду издыхали и ими кормили остальныхъ. Въ 17 дней непрерывной ѣзды, Марковъ не могъ проѣхать болѣе 680 верстъ, или 340 верстъ въ одну сторону; следовательно, прямо на сѣверъ, онъ долженъ бы упираться какой либо островъ изъ лежащихъ противъ устья рѣки Ины и Сыллага носа, а потому въ справедливости показаній Маркова должно сомнѣваться.

О путешествіи Кузкова не отыскано никакихъ свѣдѣній, кромя слышаннаго Миллеромъ отъ Якутскихъ жителей, будто бы Кузковъ также отправился въ море на собакахъ, и предпріятіе его было такъ же безуспѣшно, какъ и Маркова.

Такія неудачи остановили на некоторое время предпріимчивыхъ казаковъ въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ, но въ 1723 году, сынъ боярскій Федотъ Амосовъ опять обратилъ вниманіе на какой-то островъ, простирающійся отъ устья Ины до

устья Индигирки и далее. Онъ вызвался покори-
тить жителей острова, и для исполненія такого
предпріятія отправленъ съ отрядомъ. Вмѣсто
того, чтобы выскочить вѣсть съ Яны, или Инди-
гирки, поехалъ онъ на Колыму. При самомъ
выходѣ изъ устья сей рѣки, 13-го * 1724 го-
да, встрѣтилось такое чужество несущагося льда,
что не рѣшился онъ продолжать пути далее.

Между тѣмъ промышленникъ Иванъ Вилегинъ
подтвердилъ слухъ о появленіи острова, расска-
зывалъ, что въ Ноябрѣ 1720 года, онъ заплылъ,
вмѣстѣ съ промышленникомъ Григоріемъ Сан-
кинымъ, съ устья рѣки Чукочей во лоду на
тотъ островъ, или землю, но за безпрерывны-
ми вѣтрами и туманами они не могли ѣхать дальше,
почему и не знаютъ, твердая ли то была земля,
или островъ, и есть ли на немъ жители и рас-
тутъ ли лѣсъ **? Видѣли старыя юрты и мѣста
прежде бывшихъ пертъ, но не могли узнать ка-
кому народу онѣ принадлежать. Землю сію, при
ясной погодѣ, можно усмотрѣть съ рѣки Чукочей,
и казалося, что она простирается мимо
Индигирки и Салтанаго боса до вернадана рѣки Яны
съ одной стороны, а съ другой мимо устья Ко-
лымы и далее, до жилища Шелогова, некоторы-
ніе Чукчей. Вилегинъ заключалъ такъ о разска-

* Изъ Сибирскаго Вѣстника сказано Апрѣля 45-го, а у Мил-
лера 13-го 1724 сіе послѣднее соотвѣстуетъ юліанскому Агосто-
ву, то въ 40-е послѣд. года.

** Изъ Сибирскаго Вѣстника сказано, что Вилегинъ не могъ
тутъ льда, но у Миллера тако несть.

хоть какого-то Копья, или племени Шелатоги, и полагать, что достигнуть до сей земли можно, ни съ устья реки Колымы, ни съ Чукоткей и Индигирки невозможно, по причине множества льда, но противъ жилища Шелатовъ море блавестъ чище, и потому должно искать земли съ сей стороны.

Амосовъ, утвердсь на семъ мнѣніи, пошелъ моремъ вдоль берега къ жилищу Копал, котораго достигъ 7 го Августа 1723 года, но по множеству льдовъ не только не могъ продолжать пути, но даже съ трудомъ возвратился.

Въ слѣдующую зиму, Амосовъ рѣшился для открытія островъ вхаты на широтахъ, и прислалъ о своемъ путешествіи въ Якутскую Воеводскую Канцелярію слѣдующее донесеніе: «Отправясь въ намѣренный путь, изъ Нижне-Колымскаго ункова, Полбра 3-го 1721 года, нашель я на морѣ островъ, или землю, и отгуда 23-го того же успада возвратился обратно на Колыму. На той землѣ видѣлъ старыл земляныя курты, а какіе къ нимъ жили люди, и куда сошли, неизвѣстно. Наконецъ състныхъ припасовъ и корма для собакъ неостало; для сей причины невозможно было ничего болѣе и проведывать. Путь по льду былъ весьма труденъ, потому что море замерзло негладко. Вездѣ стояли высокія льдины, и ледъ отъ выступающей морской соли былъ шероховатъ».*

* Описанія сихъ путешествій, и ископаныхъ въ слѣдующихъ,

Въ бытность свою въ Якутскѣ, Миллеръ лично спрашивалъ Аносова объ его путешествіи. По словамъ его, жилище Копая на 200 верстѣ къ востоку отъ устья Колымы, близъ небольшого острова, подле самаго берега лежащаго. Отъ матерой земли, между рѣками Чукочью и Алазею, вѣды до открытаго Аносовымъ острова одинъ день, и погрузъ онаго столько же; на семь островъ горы незначительной высоты, которые видны и съ матерой земли; изъ животныхъ попадались олени; служившій для шихъ пищеню мохъ расгѣтъ по всему острову.

Обрѣтенія Вилегнина и Аносова одно и то же. Оба они были на первомъ Медвѣжьемъ островѣ, на которомъ прежде ихъ бывали промышленники, и по слухамъ давно уже извѣданъ объ немъ свѣдѣніе. Вилегнинъ, не зная, что находился на маленькомъ островѣ, и услышавъ, вѣроятно, объ усмотрѣнной противъ Яны земли (1-й Ляховскій островъ), вообразилъ, что сѣмъ дѣмъ земли соединяются и составляютъ берегъ одной обширной земли. Но можемъ ли мы полагаться на показаніе Копая? Его жилище было, безъ сомнѣнія, подле острова Сабадея (около двухъ сотъ верстѣ отъ Колымы, какъ Аносовъ Миллеру сказывалъ), а противъ сего мѣста къ северу на $21\frac{1}{4}^{\circ}$ по широтѣ (около 230 верстѣ), мы, въ 1824 году, ни малѣйшихъ признаковъ земли не нашли, да и Чукчи, живущіе около Шелагскаго мыса, съ ко-

заинтересовали лично изъ Сибирскаго Вѣстника на 1824 годъ, а послѣдствіи, гдѣ были неослабѣ, съ сочиненіемъ Миллера.

тории въ 1822 году мы имѣли сношенія, не зна-
ли ни о какой землѣ въ этихъ странахъ, хотя и не
скрывали отъ насъ, что со скалы Иканъ (около
200) верстъ къ востоку отъ Шелаговскаго мыса,
и въ 300 верстахъ отъ мыса Копал) иногда
видна въ морѣ гора. Можетъ быть, Коплю и
Вилегину то было известно, но удивительно,
что они, говоря объ одномъ только островѣ про-
тивъ Колымскаго устья, и о большой землѣ, за
нимъ лежащей, не знали о прочихъ 4-хъ остро-
вахъ, составляющихъ одну купу съ островомъ,
который усмотрѣвъ Вилегинцы. Не должно-ли
заключить, что сѣмь-то четыре острова и припа-
ты за большую землю?

Карты наши въ то время были сообразны по-
верхностному обозрѣнію северныхъ береговъ Си-
бири, которые отъ Карскаго моря до восточной
оконечности Азии, въ продолженіе ползавим сто-
лѣтія открыты казаками и промышленниками,
неугомымыи въ трудахъ, но не имѣвшими ника-
кихъ познаний. Безъ путешественниковъ, бывшихъ
до того времени при упомянутыхъ берегахъ,
также не имѣли способовъ и нужныхъ средствъ
для изображенія берега съ некоторою вѣрностью,
и потому карты наши составлены были, такъ
сказать, на угадъ, на основаніи обихъ словъ, тем-
ныхъ разсказовъ.

Казанскій полковникъ Шестаковъ, прѣхавшій
въ 1726 году изъ северной Сибири въ С. Пе-
тербургъ, сочинилъ карту, которую напечаталъ,
а потомъ сопровождалъ въ Парижъ географъ Де-

диль и Буашъ. На сей картѣ островъ Копай назначенъ на разстояніи двухъ-дневной езды отъ матерого берега, и по параллели занимаетъ такое же пространство, какое находится между противоположными сему острову рѣками Колымною и Алазеею; на картѣ написано, что островъ Копай обитаемъ непокорившимъ Шемаганн. За нимъ къ северу проведенъ берегъ большой земли, и въ надписи сказано, что отстоитъ онъ отъ острова Копая на неопытный двухъ-дневный переездъ (следовательно, островъ отъ матерого берега Сибири далѣе, нежели отъ большой земли).

Противъ сѣверо-восточной оконечности Азии, на востокъ, означенъ большой островъ, съ слѣдующею надписью: «Островъ противъ Анадырскаго носа; въ немъ многолюдно и великаго зверя довольно; данн не платятъ; живутъ своею властію.» Сѣверный берегъ Чукотской земли проведенъ довольно прямою чертою, и губа Чаухъ и Шелагскій мысъ непримѣтны.

Другая карта, появившаяся исторіографу Миллеру, сочинена Якутскимъ дворяниномъ Иваномъ Львовымъ. На сей картѣ изображены два носа. Крайній, къ сѣверовостоку, обыкновенно называемый Чукотскимъ носомъ, или Восточнымъ мысомъ, названъ Шелагскимъ и неограниченъ. Другой, лежащій прямо на югъ отъ первого, названъ Анадырскимъ носомъ, и между ними двумя мысами, въ обширной губѣ, помещенъ островъ, обитаемый Чукчами, а противъ Анадырскаго носа назначены два острова, одинъ

другого къ берегу ближе, съ слѣдующею надписью: «До перваго острова отъ берега вѣды водою полдиз. На немъ обитають люди, концы Чукчи называютъ Ахьюхалить. Они говорятъ особымъ языкомъ; платье носить изъ утинныхъ кожъ; питаются моржами и кятами. За недостаткомъ у нихъ на островѣ лѣсу, варятъ рыбный жиромъ. Другой островъ отъ перваго находится въ разстояніи двухъ дней вѣды водою. Жители оного называются по Чукотски Пескали. Они щепки принимаютъ и вставляютъ въ нихъ зубы; живутъ въ кряжкахъ изъ шкуръ; платье носить изъ утиныхъ же кожъ.» За сими островами изображена большая земля, съ надписью: «Чукчами именуются Кичинъ-Элагъ. Сіа говорятъ особымъ языкомъ; платье носить соболье; живутъ въ землянкахъ, а бой у нихъ луной. Звери въ нихъ лодятся всякіе, концы кожи употребляютъ на платье. Лѣсъ тамъ растеть ельничъ, соснякъ, лиственничъ и березничъ.»

Миллеръ упоминаетъ еще о картѣ, въ Якутскѣ же сочиненной. На сей картѣ Шелагскій Носъ также неограниченъ, и противъ него проведена неограниченная земля, гдѣ надписано: «Обитаемая народомъ Кыкыкме, который подобенъ Юкагирямъ.» Надъ Шелагскимъ Носомъ надписано: «Жители говорятъ языкомъ особливымъ. На бою весьма жестоки и покорить ихъ не можно. Хотя изъ нихъ кто и въ колонъ попадаетъ, тотъ самъ себя убиваетъ.»

Не только на сихъ картахъ, составленныхъ

часть I. 3

въ Якутскъ самоучками-географами, но и на сочиненной Берингомъ, въ 1728 году, по возвращеніи его изъ перваго плаванія къ восточнымъ берегамъ Чукотской земли, не отличаютъ Шелагскаго Носа отъ восточной оконечности Азии и Чукотскаго Носа, а чтобы согласить карты съ плаваніемъ Дежнева, присовокупили къ послѣднему мысу, на изкоторыхъ картахъ, названіе Святаго Носа, а на другихъ, полагаясь на вышеупомянутую карту Лавова, оставили Шелагскій его мысъ на сѣверѣ неограниченнымъ, и тѣмъ изъясняли сомнѣніе о плаваніи Дежнева; но должно замѣтить, что оно не было известно сочинителямъ этихъ картъ, ибо Миласеръ первый нашелъ свидѣніе объ немъ въ Якутскомъ архивѣ 1736 года. Въ названной на одной картѣ Большой Землѣ, за островами противъ Анадырскаго Носа, мы узнаемъ сѣверо-западный берегъ Америки, и Большая Земля противъ Шелагскаго Носа также назначена по неосновательнымъ свѣдѣніямъ о дальнѣйшемъ протяженіи того Берега на сѣверѣ. Предположеніе наше объясняется слѣдующими обстоятельствами:

Въ 1711 году, Якутскій ваякъ Поповъ, который пѣлъ Анадырскаго острова звалъ на Чукотскій Носъ, между прочимъ сказывалъ: «Напротивъ Носа, по обѣимъ его сторонамъ, какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Анадырскомъ морѣ, много островъ, называемый Чукчами Большою Землею, на коей живутъ народы съ предѣлами въ щека большими зубами,» и проч. Потомъ го-

воротил о берегъ, простирающемся южнее и севернѣе Чукотскаго Носа (конечно, о берегахъ Америки), и слова ясно доказываютъ, что тогда называли Колымскіе моремъ часть Океана къ северу отъ Чукотскаго полуострова, а находящуюся по южной сторонѣ его Анадырскіе моремъ. Восточную часть Чукотскаго полуострова, следовательно, и ту часть берега, гдѣ тогда называли Шелагскій мысъ, Поповъ называетъ Чукотскіе Носомъ. И такъ, по моему мнѣнію, изъ сего весьма ясно видно, отъ чего на картахъ, сочиненныхъ по сбивчивымъ рассказамъ безграмотныхъ людей, назначена противъ Шелагскаго Носа Большая Земля.

Выше упомянуто, что известный географъ Деллль перенесъ и на свою карту неакрестн Шестакова карты. На изданной Делллемъ, въ 1728 году, картѣ изображены: островъ противъ Колымскаго устья, въ широтѣ 73° , а за нимъ, въ широтѣ 75° , Большая земля, будто бы открытая Россіянами въ 1723 году, по указанію Шелагскаго князя Копаю; но въ означенномъ году издѣль Амосовъ къ Копаю и не сдѣлано никакихъ новыхъ открытій.

По обстоятельному разсмотрѣніи бывшихъ въ то время извѣстій о Большой Землѣ въ северномъ Ледовитомъ Океанѣ не найдено ни одного, которое достойно и малото вѣроятія. При внимательнѣмъ сличеніи нашихъ о сихъ странахъ было возможно нѣсколько пояснить неосновательность географіи сѣверо-восточной Азіи, и

находить назначіе острова, или чистое море, тамъ, гдѣ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія полагали обширныя земли.

Слѣдующія путешествія совершены нашими мореплавателями единственно для исправленія картъ свѣрныхъ береговъ Сибири.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны предпринято опознаніе береговъ Сибири отъ Бѣлаго моря до Берингова пролива, и изслѣдованіе возможности Ледовитый моренъ пройти изъ Архангельска въ Камчатку. Адмиралтействъ Коллегія, для лучшаго исполненія сего предпріятія, положила отправить мореплавателей въ Ледовитое море въ одно время изъ трехъ разныхъ мѣстъ: 1, отъ города Архангельска, два судна, на востокъ до устья Оби; 2, изъ рѣки Оби на востокъ, до устья Енисея, одно судно; 3, изъ рѣки Лены два судна, одно на западъ къ устью Енисея, другое на востокъ, мимо устья Колымы до Берингова пролива.

Для перваго отряда Коллегія сдѣлала всѣ нужныя распоряженія, предоставивъ главному командиру Архангельскаго порта выборъ и снабженіе судовъ. По совету мореходцовъ того края построили два коча, Экспедиціонъ и Оби, длиною въ 52½ фута, шириною въ 14 футовъ, глубиною въ 8 футовъ. Экипажъ каждого судна состоялъ изъ 20 человѣкъ; командиры опредѣлены лейтенанты Муравьевъ и Павловъ.

Они отправляясь отъ города Архангельска 4-го Іюля 1734 года, достигли Мутнаго залива (въ

Карскомъ морѣ) и возвратились зимовать къ устью рѣки Печоры. Въ Июлѣ мѣсяцѣ 1735 года вышли опять въ море, прошли неудаче, какъ въ прежнее плаваніе, и зимовали по прежнему въ рѣкѣ Печорѣ.

Адмиралтействъ-Коллегія, уваживъ представленіе лейтенанта Муравьева, что онъ не могъ имѣть желаемыхъ успѣховъ отъ того, что ходилъ на кочахъ, приказала постронть у города Архангельска два палубные бота, длиною въ 60 и 50 футовъ, и отправить опыте подъ командою лейтенантовъ Скуратова и Сухотина; на мѣсто лейтенанта Муравьева поступилъ лейтенантъ Малыгинъ, который былъ тогда на рѣкѣ Печорѣ. Мая 27-го 1736 года, на кочѣ Экспедиціонъ, онъ пошелъ внизъ по рѣкѣ; 29-го, противъ устья, льдомъ кочъ разбило, и едва могли спасти людей и часть груза. Исраелъ немедленно другой, бывший съ нимъ кочъ Оби, Малыгинъ отправился въ путь 17-го Іюля. Превозмогалъ чрезвычайныя затрудненія отъ льдовъ, задержанный долгое время подъ островомъ Долгимъ, гдѣ 7-го Августа присоединился къ нему вышеупомянутые боты, подъ начальствомъ лейтенантовъ Скуратова и Сухотина, г-нъ Малыгинъ пересѣлъ на первый ботъ, а на второй опредѣлилъ Скуратова; Сухотина на кочѣ Оби отправилъ въ Архангельскъ, и съ двумя ботами дошелъ до рѣки Кары, гдѣ остался зимовать. Сухотинъ возвратился въ Архангельскъ благополучно.

Въ семь же году, въ Іюль и Августъ мѣся-

цах, геодезистъ Селифонтовъ описалъ изъ оленяхъ западный берегъ Обской губы, и перешагивъ на карбасъ къ острову Белому, осматривая часть его южнаго берега. Въ Ноябрь присоединился онъ къ лейтенанту Малыгину. Въ слѣдующемъ году, Марта 16-го, Селифонтовъ отправленъ вторично на оленяхъ съ Самохданъ къ Ледовитому морю, для описи материка берега и острова Бѣлаго. Дѣйствія его неизвестны.

Въ началѣ Июля 1787 года, вскрылась рѣка Кара, но какъ море очищается ото льда не прежде половинны Июля, то Малыгинъ и Скуратовъ, съ общаго совета, позволили пребыть на мѣстѣ до 1-го Июля. Въ половинѣ Июня показалась между служителями цынготная болѣзнь, которую одинакожь успѣли истребить противоязвиготными травами, растущими по окрестнымъ тундрамъ¹.

3-го Июля, наши мореплаватели достигли устья рѣки Кары; въ морѣ видно было еще весьма много льду. Направивъ плаваніе по возможности къ сѣверу, наконецъ 23-го Июля усмотрѣли островъ Бѣлый, и 24-го легли на якорь въ проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка берега. Широту опредѣлили 73° 8'. Приякъ шелъ отъ W только 4 часа, а отливъ 8 часовъ отъ 0; первый приносилъ съ собою соленую воду, послѣдній прѣсную. Теченіе отлива было многими сильнѣе теченія прилива, которое иногда было едва ощутительно. Прикладный часъ 3 ч., воз-

¹ Четырехкратное путешествіе капитана-лейтенанта Липка, стр. 87.

вышение воды $1\frac{1}{2}$ ф. Проливъ устья ильми, между кончи бызюють сильныя спорылы теченія. Противные ветры задержали лейтенанта Малыгина въ семь проливъ 25 дней. Обогнавъ (по Миллеру) мысъ, называемый Самойдами Ямалъ, 18-го Августа боты вошли наконецъ въ Обскую губу, 11-го Сентября въ рѣку Обь, 5-го Октября въ рѣку Сочку, гдѣ и зимовали; служителей помистили въ Березовъ по квартирамъ. Лейтенантъ Малигинъ возвратился берегомъ къ С. Петербургу; Смуратовъ и подштурманъ Головинъ, на прежнихъ ботахъ, 11-го Августа 1739 года, пришли въ рѣку Двину, исцѣлывъ на пути множество опасностей отъ льдовъ.

Другіе два отряда, которымъ надлежало осмотрѣть берега отъ рѣки Оби къ востоку, поступили въ распоряженіе командора Беринга. Онъ приказалъ построить въ Тобольскѣ дубель-шлюпку, названную Тоболь, назначилъ командиромъ лейтенанта Овцына, и снабдилъ его наставленіями, данными Адмиралтействъ-Коллегіею. Дубель-шлюпка была длиною 70, шириною 15, глубиною 8 футовъ, двухъ мачтовая, съ 8 двухъ-фунтовыми фалконетами; вооружена, какъ шиппа; экипажъ состоялъ изъ 53 человекъ; сверхъ того еромоняхъ, штурманъ и геодезистъ*.

* Помянутое здѣсь описаніе путешествій Малигина, Овцына, Проничева, Лаврова, и штурмановъ Челомкина и Шипина, измѣнено много челою изъ Омскаго бывшаго Государствннаго Адмиралтейскаго Директора, въ 1820 году; довольно значительныя ошибки и пропуски, въ сѣкъ по-

15-го Мая 1734 года, по совершенномъ изготовленіи дубель-шлюпки Тоболь, лейтенантъ Овцынъ отправился изъ Тобольска внизъ по Иртышу, и съ нимъ несколько дощениковъ, нагруженныхъ провизіонъ и морскою провизіею. Тобольскій губернаторъ Пашинъ, флота капитанъ Чириковъ, и профессора Академіи Наукъ, находившіеся при Камчатской экспедиціи, провожали лейтенанта Овцына несколько верстъ; 9-ть дней, онъ шелъ внизъ по Иртышу, миновалъ многія Русскія деревни и Остацкія юрты; 24-го Мая остановился на короткое время при устьѣ сей рѣки, у большой слободы, называемой Салмаховскій Язъ, и перемѣнивъ проводника, продолжалъ путь далѣе, внизъ по рѣкѣ Оби.

2-го Іюня пришелъ онъ къ городу Березову, принялъ на суда проводниковъ и служителей, назначенныхъ въ дополненіе къ вѣнчющейся у него командѣ. Черезъ три дня отправился далѣе, и 12-го въ полдень достигъ къ Обдорскому острожку, послѣднему Россійскому селенію при рѣкѣ Оби.

15-го, Овцынъ пришелъ къ устью рѣки Оби, гдѣ она впадаетъ въ Обскую губу тремя рукавами, и по восточному, въ которомъ глубина болыше, вышелъ въ губу 19-го Іюня. Въ сіе время, отъ сильнаго и яркаго вѣтра, дощеники такъ повредились, что плаванія на нихъ продолжать было невозможно; одинъ разломалъ; изъ

всѣхъ, много замѣченныхъ, исправленъ и пополненъ изъ поданныхъ журналовъ.

дѣла построили на берегу магазинъ, и выгрузили къ нему провіантъ и прочіе припасы. При этомъ мѣстѣ семь озеръ, почему и называли оное Семиозернымъ. Ширина по наблюденіямъ найдена 60° 36'.

Оставив караулъ при магазинѣ, 21-го Овцынъ продолжалъ нуть далѣе, вдоль правого берега Обской губы. 26-го послалъ на лодкахъ унтер-офицера и семь человекъ служителей, впередъ къ Ледовитому морю, для поставленія при устьѣ Обской губы знаковъ, и для встречи ожидаемыхъ отъ города Архангельска судовъ; по препятствію отъ противныхъ вѣтровъ и льдей, между коими надлежало искать фарватера, Овцынъ шалъ впередъ по Обской губѣ къ сѣверу весьма медленно. 6-го Августа пришелъ онъ въ широту 70° 4', и опасаясь пускаться далѣе, по приближавшейся осени и наступившимъ морозамъ, рѣшился идти зимовать къ Обдорскому острожку, и прибылъ къ нему 4 Сентября.

Во время плаванія по Обской губѣ, лейтенантъ Овцынъ на берегахъ ея находилъ болѣзненные тундренныя мѣста, и землю, замерзшую въ самое льдисто глубже полу-аршина; мнѣлъ частыя селенія съ кочующими Самодѣями; видѣлъ по тундрѣ много оленей и медвѣдей, и одинъ разъ примѣтилъ въ губѣ плавающихъ бѣлугъ.

Дубель-шлюбку разрушили и выгрузили всѣ припасы въ магазинъ; люди перебралась въ острогъ; 13 Октября рѣка Обь покрылась льдомъ.

Въ Ноябрь приехали въ Обдорскъ съ запад-

ной стороны оленные Самоды, для вноса въ казну ласа, и сказывали, что прошедшаго лѣта видѣли на берегу Медовскаго моря, близъ реки Кары, Русскихъ людей, посланныхъ изъ Пустозерска на оленяхъ, для постановленія маяковъ. Овцынъ съ тѣмъ Самодѣмъ отправилъ въ Пустозерскъ двухъ казаковъ, къ лейтенанту Муравьеву, для извѣщенія его о плананіи своемъ по Обской губѣ, и о маякахъ, поставленныхъ на ея устьѣ.

1735 года, Мая 29-го, лейтенантъ Овцынъ пошелъ внизъ по Обѣ, но льдомъ принуждаемъ былъ безпрестанно останавливаться у береговъ. 6-го Іюня пришелъ онъ къ Семеновскимъ магазинамъ и изъять оставленную прошедшаго года провизію. 11-го продолжалъ путь далѣе; вскорѣ вновь задержанъ льдомъ, неподвижнымъ по всей Обской губѣ; 20-го ледъ вломало и фортаторъ началъ очищаться, но до 8-го Іюля Овцынъ шелъ на дубель-шлюпку вездѣ на льдомъ весьма медленно; въ то время оказался у многихъ изъ бывшихъ съ нимъ дынга, которая вскорѣ усилилась до того, что въ половинѣ мѣсяца изъ 53 человекъ оставалось здоровыхъ только 17 человекъ. Овцынъ былъ также тяжело боленъ, и съ собою своихъ подчиненныхъ принужденъ 18-го Іюля пойти въ обратный путь. Предполагая излечить больныхъ и исправленія поврежденной дубель-шлюпки, такъ и для запаса на будущее время провизію, онъ, при помощи присланныхъ

къ нему изъ Обдорка и Березова служителей, сколько возможно поспешалъ плаваніемъ, по при-
шлѣ къ Tobольску не прежде 6-го Октября;
въ сіе время по Иртышу уже несю ледъ и рѣ-
ка скоро стала.

Черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Tobольскъ,
Овцынъ, получа отъ болѣзни облегченіе, отпра-
вился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія
Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ плаваніи, и
предстоящихъ препятствіяхъ къ исполненію
возложеннаго на него дѣла. Онъ представлялъ,
что ежели ему повелѣно будетъ на будущее лѣ-
то идти въ Ледовитое море, то, по причинѣ опас-
наго плаванія между льдами, нужно дать еще
другое судно, для значимаго вспомошествованія,
въ случаѣ поврежденія одного изъ нихъ, и что
онъ почитаетъ полезнымъ послать весной, по зим-
нему пути, на оленяхъ, или на собакахъ, ге-
одезиста, освѣщать берега Ледовитаго моря до
устья рѣки Енисея. Адмиралтействъ Коллегія,
находя представленіе основательнымъ, пред-
писала Овцыну построить въ Tobольскѣ къ бу-
дущему лѣту малубный ботъ, для совокупнаго
плаванія съ дубель-плутоккою, назначила на оный
командиромъ Флотскаго мастера Кошелева, и по-
ложила отправить геодезиста для описи береговъ
Ледовитаго моря. Овцынъ поспѣшилъ возвра-
титься въ Tobольскъ, взявъ съ собою мастера
Кошелева, которому поручено было строеніе но-
ваго судна; они прибыли на мѣсто 24-го Фе-
враля, приступили къ заготовленію лѣсокъ, и

Марта 11-го заложили дубовый ботъ, длиною въ 60, шириною въ 17, глубиною въ $7\frac{1}{2}$ футовъ. Какъ ни поспышались строениемъ, но не успѣли приготовить бота въ плаванію на слѣдующее лѣто.

Въ 1736 году, Мая 23-го, лейтенантъ Овцынъ, на дубель-шлюпкѣ, съ дощениками, нагруженными провіантомъ, отправился изъ Tobolska внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби. 14-го Іюня пришелъ въ Березовъ, гдѣ простоялъ до 23-го, для перегруженія провіанта и для разныхъ исправленій на дубель-шлюпкѣ. 4-го Іюля миновалъ Обдорскъ, 7-го достигъ къ устью рѣки Оби, оставилъ дощеники у Семнозерныхъ магазиновъ, и на дубель-шлюпкѣ слѣдовалъ далѣе къ северу по Обской губѣ. 23-го прошелъ то мѣсто, откуда возвратился въ 1734 году; 6-го Августа достигъ въ широту $72^{\circ} 34'$, гдѣ остановленъ льдомъ, который впереди покрывалъ всю Обскую губу и стоялъ еще твердо съ прошедшей зимы. Лейтенантъ Овцынъ ходилъ изады и спереди около сего мѣста, въ ожиданіи, что ледъ будетъ разломанъ и унесенъ въ море; видя, что онъ стоитъ неподвижно, рѣшился, съ советомъ своихъ подчиненныхъ, для зимовья возвратиться въ Обдорскъ, куда и прибылъ 26-го Сентября. Въ началѣ Октября рѣка Обь покрылась льдомъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ пріѣхали къ Обдорску оленные Саломы, для вноса въ казну ясака; съ ними отправленъ геодезія ученикъ, описывать берегъ Ледовитаго моря.

1737 года, Мал 5-го, флотскій мастеръ Комселевъ и штурманъ Мининъ, на вновь построенномъ ботѣ, названномъ Почталіонъ-Объ, поплыли отъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби, 5-го прибыли къ Обдорску, и вступили подъ начальство лейтенанта Овцына. Въ то время дубель-шлюпка была готова къ походу. Овцынъ опредѣлялъ на нее командиромъ мастера Комселева, а самъ перешелъ на ботъ.

29-го Июня, оба судна отправились отъ Обдорска внизъ по рѣкѣ Оби. 9-го Июля приплыли къ Семизернымъ магазинамъ; взяли на суда оставленный въ нихъ пропѣдшаго лѣта провіанта и другіе припасы. 14-го поплыли далѣе къ северу по Обской губѣ, но за противными вѣтрами и туманами весьма медленно. 6-го Августа находились въ широтѣ $72^{\circ} 46'$, у праваго берега Обской губы, близъ устья залива, называемаго Гыдымъ, вдавагося внутрь берега къ юго-востоку на 160 персты; къ вершинѣ его впадаетъ рѣчка того же названія.

7-го Августа, лейтенантъ Овцынъ, съ собою своихъ подчиненныхъ, положивъ, по позднему осеннему времени, не осматривать лѣваго берега Обской губы, а поспѣшить къ рѣкѣ Енисею. На другой день мореплаватели вошли въ Ледовитое море; близъ устья Обской губы, въ широтѣ $72^{\circ} 40'$, увидѣли, что направленіе прилива на SW, по $3\frac{1}{4}$ мили, отъиза на NO съ равной скоростью. При попутномъ вѣтрѣ, продолжая путь къ северу до широты $73^{\circ} 56'$, встрѣтили густой, вы-

сокини бутрами стоявший ледъ, на которомъ сидѣли чибчи во множествѣ; глубина въ сѣнѣ мѣста была 11 сажень; теченіе моря къ западу по $\frac{3}{4}$ мили въ часъ. Здѣсь видѣли кита. Поворотили отъ льдовъ къ берегу на SWS, и впереди льдовъ уже не было. На другой день усмотрѣли на ONO землю; глубина была 7, 6 и 5 сажень; грунтъ сѣрый и краснѣй песокъ. 10-го приблизились къ невысокому и ровному берегу, у котораго стали на якорь, въ разстояніи полумили, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ сажень, имѣя сѣверный мысъ на NNO, южную оконечность берега на SIO. Для обозрѣнія сего берега послали на лодкѣ штурманъ Мининъ, который, къ вечеру возвратясь, доносилъ, что берегъ ровный, невысокій, положеніе отъ SW къ NO; на заплескѣхъ лежитъ много выброшеннаго моремъ лѣса; далѣе внутрь берега шесть озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ рѣчкою, впадающею въ море; по озерамъ и рѣчкѣ множество дикихъ гусей, утокъ и чирковъ. Земля всѣмъ тундреная и нѣтъ никакого растенія; вдали видѣли дикихъ оленей и одного бѣлаго медведя. Широта якорнаго мѣста найдена $73^{\circ} 10'$; склоненіе компаса $\frac{1}{2}$ румба восточное; теченіе моря примѣчено, съ 7-го часа утра до полудня, $3\frac{1}{4}$ мили къ сѣверу.

Слѣдующіе шесть дней, мореплаватели шипи, при противныхъ вѣтрахъ, лѣсомъ лавироваши, а въ ночное время стояли на якорѣ. 16-го находились въ широтѣ сѣверной $73^{\circ} 18'$; тогда сѣ-

веро-восточный мысъ, называемый Мате-Соль*, былъ отъ нихъ на OSO, въ $3\frac{1}{2}$ мильхъ. На сеймъ мысъ лейтенантъ Овцынъ приказалъ поставить изъ выкиданаго лѣса знакъ, съ надписью, что онъ въ 1737 году, 16-го Августа, проиель съ двумя судами изъ Обской губы къ достоку. Въ семь мѣстъ вода горька и солона, дѣята светло-зеленаго; прилькъ къ отмель N и S по $3\frac{1}{4}$ милн. Идучи далѣе къ O, на глубинѣ 10, 7, 5 сажень, замѣтили 17-го числа множество лѣса, несомато отъ S къ N. Глубины оказывались весьма неравныя и обширныя мѣли простирались отъ берега въ море. За мысомъ Мате-Соль, къ SIO, вдалѣ большой заливъ на 100 верстъ, шириною до 35. Далѣе сего залива морской берегъ до устья рѣки Енисея простирается къ SO на 160 верстъ.

30-го Августа мореплаватели наши подошли къ устью рѣки Енисея, и чрезвычайно были обрадованы прѣбѣтѣмъ на водѣ геодезца ученика Пронинькова, который близъ устья Енисея ожидалъ суда, чтобы показать нѣтъ входъ въ рѣку.

1-го Сентября, оба судна благополучно вошли въ устье рѣки Енисея и остановились у магазиновъ, которые, по приказанію начальства, на-

* Въ Хронологической Исторіи г. Берга, часть I-я стр. 194, ошибочно сказано, что се четвертое названіе Оуцынъ было въ 1738 году, и что отъ тогда, обоемъ мысъ Ломилъ, возмась по рѣку Енисей, у Миллера также ошибки въ годѣ, по нѣмъ названіе отъ Мате-солъ. Мысъ Ямалъ, какъ мы выше видали, находится на западной сторонѣ Обской губы. Мате-Солъ на Санкт-Васильевъ должка значить Тупой мысъ.

рочно были построены для припасовъ, сужившихъ нашимъ путешественникамъ. Ширина сего мѣста измѣрена $71^{\circ} 31'$; склоненіе компаса $\frac{3}{4}$, румба постояное.

Получивъ изъ магазиновъ провіантъ, и взявъ проводника, знакомаго фарватеръ рѣки, лейтенантъ Овцынъ пошелъ 2-го Сентября Енисею; въ продолженіе мѣсяца поднимался онъ вверхъ подъ парусами, поспѣвая сколько возможно къ городу Туруханску, но 2-го Октября остановленъ льдомъ и зимовалъ въ Ангутскомъ заливѣ, не доходя 30 верстъ до Туруханска. Мастеръ Кошелевъ на дубель-шлюпку отсталъ на нѣсколько верстъ, не могъ идти далѣе, принужденъ былъ спуститься внизъ по Енисею, и при устьѣ рѣки Девешкиной остался для зимованья, въ 100 верстахъ отъ Туруханска.

1738-го года, лейтенантъ Овцынъ, по доводу подчиненныхъ, отданъ подъ судъ. Мастеръ Кошелевъ потребованъ въ С. Петербургъ, для отчета по дѣламъ. Штурману Минину предписано слѣдующаго лѣта идти въ Ледовитое море, и стараться обойти Таймурскій мысъ.

По наступленіи весны, оба судна были осматрѣны, и оказалось, что дубель-шлюпка къ плаванію ненадежна. Штурманъ Мининъ приготовилъ ботъ, на которомъ, Июля 4-го, отправился внизъ по рѣкѣ Енисею, и 3-го Августа пришелъ къ ея устью. По выходѣ въ море продолжалъ плаваніе подлѣ берега; 8-го Августа наблюдалъ утесистаго, каменнаго берега мысъ, назы-

взятый Ефремовъ Камень, въ широтѣ $72^{\circ} 36'$; 9-го, въ широтѣ $72^{\circ} 53'$, на глубинѣ 15 сажень, встрѣтилъ густой ледъ, который принудилъ его возвратиться къ зимовью Волгану; широта его найдена $72^{\circ} 20'$. Простоявъ три дня, Мининъ пошелъ опять къ северу, вдоль утесистаго каменистаго берега. 16-го, въ широтѣ $73^{\circ} 8'$, сталъ на якорь за утесистымъ же каменистымъ островомъ, отъ матераго берега въ 4 миляхъ; далее, за великими льдами, продолжать плаванія было невозможно. 22-го послали на яботь штурмана Стерегова, вдоль берега, для осмотра, не найдется ли гдѣ возможности пройти; черезъ три дня посланный возвратился и донесъ, что онъ шелъ подлѣ самаго берега, между льдовъ, съ великою трудностію; въ 40 верстахъ отъ судна узнавалъ, что берегъ заворачивался къ востоку и дальній мысъ впередъ былъ тогда на ОЖО $\frac{1}{4}$ О, въ 16 миляхъ. Идти къ нему штурманъ Стереговъ не могъ, по недостатку взятой имъ провизіи, и принужденъ былъ возвратиться къ судну. Вдоль сѣвернаго берега того острова, за которымъ боть былъ на якорѣ, глубина 19 и 20 сажень.

Штурманъ Мининъ, простоявъ за островомъ до 30-го Августа, по причинѣ пастушьящихъ морозовъ, отправился въ обратный путь; 13-го Сентября вошелъ въ рѣку Енисей, и зимовалъ, не доходя до города Туруханска, у зимовья Исакова Терехино.

1739-го года, Іюня 3-го рѣка вскрылась.
часть 1. 4

Штурманъ Мининъ весною занялся описью тѣхъ частей Енисея, которыя въ прошедшіе годы не были еще осмотрѣны; въ февралѣ вышелъ онъ отъ 2 до 8 сажень глубины. 18-го Іюня, на ботѣ, ходилъ Мининъ вверхъ Енисея къ Туруханску, чтобы завестись провіансомъ, долженъ былъ ожидать ея до 31-го Іюля, и потому отправился въ предназначенный ему путь весьма поздно, дождалъ только до устья рѣки Енисея и возвратился.

Въ 1740 году, изъ Туруханска, на собакахъ, посланъ штурманъ Стерлеговъ къ устью Енисея, для описи вѣрскаго берега до рѣки Таймуры. Онъ поехалъ отъ Волгвинскаго зимовья, при устьѣ Енисея, и 22-го Марта былъ у сѣверо-восточныхъ острововъ, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 51'$; 23-го началъ опись; въ тотъ же день, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 9'$, нашелъ склоненіе компаса 10° восточное; ему казалось, что въ 3 и 4 верстахъ отъ берега носился ледъ, и, какъ онъ говоритъ: «Надъ водою стоитъ муть, яко дымъ». Продолжалъ опись вдоль берега на сѣверъ, Стерлеговъ почти каждый день определялъ широту по наблюденіямъ. Берегъ материка и близъ него лежащіе острова скланились до широты $75^{\circ} 13'$, въ которой выходилъ Стерлеговъ Апрѣля 12-го. 14-го, на высокомъ каменномъ мысѣ, въ широтѣ $75^{\circ} 26'$, поставили маякъ. Компаса склоненіе отъ праваго сѣвера (такъ говоритъ Стерлеговъ) весьма много стало показывать, и неравное, и уповаемо, что въ дальнихъ сѣверныхъ мѣстахъ маг-

житная сила служить не стала. По причине боли в глазах, от блестящей болезни снега, как у проводников, так и у Стерлегова, они принуждены пойдти в обратный путь, и остановились при устье реки Паспны, в экаовые двух промышленников, чтобы дать отдохнуть собакам, из коих большая половина так истощала, что не могла далее везти нарты. 23-го Мая достигли устья реки Енисей.

Штурман Мининъ, 7-го Июня, по боту, отправился вверх по реке Енисею; 4-го Августа вышел в Ледовитое море, и следовал вдоль берега къ северу. Прошел острова северо-восточные, терпел жестокий штормъ отъ SW и NW, потерял яликъ, который висел на боканцахъ, и 14-го Августа, для укрытия отъ волнъ, зашелъ за рифъ, гдѣ и отстоялся на яхтѣ. Продолжая плаваніе, 16-го находился близъ устья реки Паспны, въ которое, по причине мелей, войти не могъ. 17-го, осмотрѣвъ залива въ устьѣ сей реки, дабы въ случаѣ нужды найти надежное убежище. Заливъ закрытъ отъ NW вѣтровъ; глубина $4\frac{1}{2}$ сажени; грунтъ хорошъ. 20-го, въ широтѣ по наблюденіямъ $74^{\circ} 43'$, увидѣли за двумя островами закрытый заливъ. При благополучномъ вѣтрѣ, продолжая плаваніе на N, подходили глубину 8 и 10 сажень, и вдругъ лотомъ недостали дна *. Августа 21-го, въ ши-

* Въ журналѣ не упомянуто, сколько сажень дна недостали.

ротъ 75° 15', Мидия вѣстрѣвалъ непроходимый ледъ, и потому въ журналъ его сказано: «Отъ незнакомія впереди положенія берега, къ прибъжищу отъ всякъ случася, къ сохраненію судна, приужденъ былъ поворотить назадъ». Время уже настало холодное, и Делилевъ термометръ опускался на 203° (Реомюр. 3°). 28-го Августа вошли въ устье р. Енисей, вверхъ которой продолжали плаваніе до широты 69° 40', гдѣ, 16-го Сентября, при устьѣ рѣки Дудина остановились зимовать.

Въ 1741 году, штурманъ Мидинъ описывалъ рѣку Енисей до города Енисейска, гдѣ оставилъ Почтаіонъ-Объ, съ командою отправился въ С. Петербургъ.

На дубель-шлюбку Якутскъ, подобную Оби, построенную въ Якутскѣ, назначенъ командиромъ лейтенантъ Проничевъ, которому предписано идти Ледовитыхъ моремъ, отъ устья Лены на западъ, къ Енисею, на встрѣчу боту Оби, подъ командою лейтенанта Олчина. Въ то же время приготовлено было къ Якутскѣ другое судно, Иркутскъ, подъ начальствомъ лейтенанта Ласингуса, которому велѣно идти на востокъ по Ледовитому морю, близъ береговъ, и стараться пройти Беринговымъ проливомъ въ Восточный Океанъ, а потомъ продолжать путь къ Камчаткѣ, или къ рѣкѣ Анадыру.

Юня 30-го 1755 года, оба судна отправились внизъ по теченію рѣки Лены, сопровож-

даеныи дощениками, на коихъ погружены были запасный провiантъ, съ другими разными потребностями. Плаванiе по Лентъ совершили безъ великаго затрудненiя; глубина по рѣкѣ найдена отъ 4 до 9 сажень; берега были покрыты лиственничнымъ и березовымъ лѣсомъ; мореплаватели миновали много острововъ, на которыхъ, какъ и на берегахъ рѣки, вѣдѣли промышленники, ловившихъ рыбу; по всѣмъ снѣгъ обстоятельствомъ путешествiе было довольно прiятное.

2-го Августа пришли къ устью Ленты, впадающей въ Ледовитое море пятью рукавами, образуя черезъ то четыре острова; 8-го, восточнымъ рукавомъ, называемымъ Быховскiй Протокъ, вышли въ Ледовитое море; тогда, перегрузивъ на суда провiантъ и припасы, отправили дощеники обратно въ Якутскъ.

9-го Августа, оба мореплавателя разошлись, пожелавъ другъ другу достигнуть благополучно назначенной имъ цѣли. Ласкинъ пошелъ на востокъ. Прончичевъ, за противнымъ вѣтромъ, не прежде 14-го направилъ путь къ северу, обходя острова Кирилловъ, Тунны и Креста, которые лежатъ въ устьѣ рѣки Ленты, и ея рукавами отдѣляются отъ матерой земли.

16-го Августа, Прончичевъ увидѣлъ къ северу множество льда, и потому, не удаляясь отъ вышепомянутыхъ острововъ, по держась подлѣ нихъ, шелъ къ северу и сѣверо-западу,

Съ наступлениемъ ледовъ 1736 года, лейтенантъ Проничевъ началъ готовить судно къ походу, но рѣка Оленекъ вскрылась до устья не ранее 21-го Июня, и тогда въ морѣ стоялъ еще твердый ледъ.

3-го Августа отпустио льды отъ устья Оленека, и Проничевъ направилъ путь къ сѣверо-западу.

5-го, пришедъ въ устье рѣки Анзбары, послалъ геодезиста Чекина вверхъ по рѣкѣ, промѣривать глубину; черезъ 6 дней Чекинъ возвратился.

12-го, Проничевъ отправился далѣе къ сѣверу, вдоль берега, но отойдя только 32 мили, встрѣтилъ льды, между коими, при противномъ вѣтрѣ, застрялъ; 13-го пробрался къ устью губы Хотанги, которая при входе шириною до 30 миль; на среднѣхъ два острова, одинъ низменный, и отъ него къ западу другой, утесистый каменный; глубина въ устьѣ отъ 9 до 12 сажень. Проничевъ, усмотря на берегу пса, послалъ провѣдать, имѣтъ ли жителей; посланные, вскоре возвратясь, объявили, что усмотренный шалашъ анимовъ промышленниковъ; людей не видали; нашли только собакъ и свѣжій хлѣбъ,

5. Въ большихъ сѣверныхъ широтахъ, земною и при такой сильной рефракціи, горизонтальная рефракція бываетъ такъ велика и неравнообразна, что измѣняетъ широту обыкновеннаго математическаго вычисленія широты по времени сверженія свѣтъ за горизонтъ.

изъ чего заключили, что хозяинъ вышелъ на промыселъ.

По наблюдению высоты солнца, Августа 14-го находивсь въ широтѣ $74^{\circ} 48'$; склоненіе компаса было $1\frac{1}{2}$ румба восточное; устье губы Хотанги отстояло на $8^{\text{IV}} 2^{\circ} 44'$, въ 30 миль.

17-го, увидѣли губу, покрытую сплошнымъ льдомъ, мимо коего пробирался далѣе съ великимъ трудомъ, на глубинѣ отъ 2 до 14 сажень. Между льдомъ видѣли много острововъ, но за туманомъ величіяны ихъ опредѣлить не могли. По счисленію, мореплаватели наши полагали, что они въ 120 миляхъ отъ устья губы Хотанги, въ широтѣ $76^{\circ} 20'$.

18-го, держась подлѣ стоячаго льда, по препятствіямъ отъ льда плавающего, шли впередъ весьма медленно. Высокія горы, покрытыя снѣгомъ, видны были за низменнымъ берегомъ, въ отдаленіи на юго-западъ. Море было наполнено булгами плавающего льда, и въ губѣ стоялъ неподвижный, гладкій ледь.

19-го, прошли мимо большой губы, которая простиралась на юго-западъ до 20 миль; впереди увидѣли два острова, и между ними проливъ, шириною около мил.

Проехвъ сѣ острова, Проничевъ держалъ къ северу, дабы обойти сплошные, целоманпые льды, пролегающіе изъ губы въ море; суда были подвержены непрестанной опасности быть разлавленными отъ льда. Въ полдень мореплаватели

паша полагали, что находятся против устья рѣки Таймуры, берега коей возвышены. Глубина моря поперекъ губы Таймурскаго устья была отъ 10 до 35 сажень *. Пробираясь далее къ западу, видѣли между островами много плавающихъ блуждъ и летающихъ чаетъ. Это еще болѣе удостовѣряло, что были точно при устьѣ рѣки Таймуры **, но войти къ нему не имѣли возможности, по причинѣ стоявшаго сплошнаго льда, который, кажется, всегда неподвиженъ; у береговъ не видно было никакихъ заливовъ, но отъ него простирался въ море ледяныя закраины, по коимъ во множествѣ ходили бѣлые медведи. 20-го Августа, около полуполни, судно льдами сжало со всехъ сторонъ, такъ, что не было возможности идти далѣе, и потому, въ широтѣ сѣверной 77° 20', Проничевъ рѣшился, по совету своихъ подчиненныхъ, возвратиться, и идти зимовать въ рѣку Хотангу, или другое удобное мѣсто. Въ сіе время настала совершенная тишина, сдѣлался морозъ, и море покры-

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента сказано, что 18 Августа, съ 5 сажень вдругъ оказалось 113 сажень глубины, а сегомо далѣе локомъ для недостатка. Въ упомянутомъ журналѣ Проничева о томъ ничего не упомянуто.

** Проничевъ ошибался, вѣдая себя противъ устья Таймуры, выходящей въ губу на западной сторонѣ сѣверо-восточнаго мыса, котораго онъ не обмѣрилъ, въ чемъ легко можно удостовѣриться, сравнивъ журналъ его съ описаніемъ лейт. Х. Миллера и штурмана Чеснокова.

лось льдомъ. Оставалось одно средство—пробираться назадъ греблемъ между льдами.

25-го, задуть крѣпкій сѣверный вѣтеръ, и судно со льдами попело къ югу. Мореплаватели наша отчалываясь въ своемъ спасеніи, но на другой день, къ счастью ихъ, сильными порывами вѣтра разнесло весь ледъ и открылся свободный путь; тогда воспользовались благополучнымъ вѣтромъ, пришли къ устью рѣки Хотагчи, но войти въ него не имѣли возможности, по множеству льда, и отъ того направили путь къ рѣкѣ Оленекъ; 28-го достигли ея устья; за противными вѣтрами и льдами востановили были шесть дней назадъ и впередъ. Всю окрестность отъ стужи и трудовъ была въ великомъ изнеможеніи и едва управляла парусами, которые отъ мокроты и стужи оледѣвали. Проничицевъ, болѣе, не могъ выходить изъ каюты; болѣзнь его еще болѣе усилилась отъ отчаяннаго положенія его судна, и онъ, къ крайней горести всѣхъ подчиненныхъ, умеръ 30-го Августа. После него вступилъ въ начальствованіе судномъ штурманъ Челюскинъ.

3-го Сентября, мореплаватели наиперъ удались войти въ устье Оленска. На другой день, они съ надлежащею почестью отдали послѣдній долгъ бывшему своему начальнику. Несчастная супруга Проничева, бывшая съ нимъ въ его путешествіи, лишаясь вѣчно любимаго ею мужа, не перенесла такой потери; снѣдаемая печалью,

она вскоре за ними последовала, и похоронена съ ними вместе.

18-го Сентября, Оленскъ покрылся льдомъ. Штурманъ Челюскинъ зимовалъ при сей рѣкѣ; слѣдующаго 1737 года, въ походъ Иова, вышелъ онъ на дубель-шлюбку къ Ледовитое море, и предполагалъ, что послѣ тщетныхъ покушеній прошедшаго лета, и при очевидной невозможности миновать сѣверный Таймурскій мысъ, предпринимать вторичное плаваніе въ западь къ устью Енисея напрасно, рѣшился идти назадъ къ устью Лены, и по оной вверхъ возвратиться въ Якутскъ. По прибытіи въ сей городъ, не найдя онъ тамъ командора Бернга, который былъ тогда въ Охотскѣ, послалъ къ нему рапортъ о своемъ возвращеніи, и отправился въ С.-Петербургъ, для личнаго объясненія вышеупомянутому начальству о плаваніи лейтенанта Кроуцингера. Адмиралтействъ-Коллегія, по разсмотрѣніи карты Ледовитаго Моря, представленной штурманомъ Челюскинымъ, не утвердась на его объявленіяхъ о невозможности пройти къ рѣкѣ Енисею, положила, для большаго удостовѣренія, испытать еще разъ, не удастся ли слѣдующимъ летомъ, на дубель-шлюбкѣ, по Ледовитому морю обойти сѣверный Таймурскій мысъ; когда же при всѣхъ усиліяхъ сего сдѣлать было бы невозможно, тогда осмотрѣть и обойти мысъ берегомъ. Штурманъ Челюскинъ отправленъ обратно въ Якутскъ; между тѣмъ командиромъ на

дубель-шлюбку определенъ, вместо лейтенанта Прончищева, лейтенантъ Харитонъ Лантеевъ.

1739 г., лейтенантъ Лантеевъ, исправля дубель-шлюбку, и запасшись на два года провiантомъ, 9-го Июня пошелъ отъ Якутска внизъ по рѣкѣ Лена; 20-го Июля, вышедъ въ Ледовитое море черезъ Крестовскій рукавъ, на устьѣ сего рукава построилъ изъ высокаго льда маякъ, вышиною въ 7 сажень, отпустилъ обратно въ Якутскъ дощашки, кроме одного, который отправилъ къ устью Оленека, велѣлъ тамъ выгрузить провiантъ, и на дубель-шлюбку пошелъ къ заваду вдоль берега. Вскорѣ встрѣтилъ льды; продолжая путь между ними, миновала рѣку Оленекъ, потомъ губу, покрытую столпимъ льдомъ, по которому бѣгали во множествѣ песны и одинъ бѣлый медвѣдь; губу сію называлъ онъ Норд-вигъ; наконецъ, 6-го Августа, пришелъ къ устью губы Хотанги. Въ семъ мѣстѣ лейтенантъ Лантеевъ намеренъ былъ выгрузить изъ дубель-шлюбки часть провiанта, но окружающая со всѣхъ сторонъ льдомъ, который припело возставшимъ сѣвернымъ вѣтромъ, дубель-шлюбка была совершенно сжата, и ежеминутно надлежало ожидать ея крушенія. Въ такомъ опасномъ положеніи мореплаватели находились до 16-го Августа; тогда перемѣнившійся вѣтеръ отнесъ льды въ море, и они продолжали путь къ сѣверу. На льдинахъ видѣли множество лежащихъ моржей.

20-го, прошли мимо мыса святаго Фаддея. Льды вновь прижимали дубель-шлюбку къ берегу, и наконецъ стоячіе льды совсемъ загродили ей путь.

21-го, остановились на якорь подъ самаго мыса св. Фаддея, въ широтѣ $76^{\circ} 47'$ по счисленію, лейтенантъ Лантсѣвъ послалъ геодезиста Чекина по льду, узнать, далеко ли на западъ простирается матерой берегъ. Въ то же время два человека посланы къ югу береговъ, отыскать устье рѣки Тайвуръ, и шестеро на мысъ, для устройства на немъ маяка; они нашли на самомъ мысѣ мамонтовый рогъ. «Мысъ св. Фаддея состоитъ изъ каменнаго утеса, и простирается въ губу къ S и къ W; местами мелкій камень, бѣлый, какъ алебастръ, вязкая глина, и нѣрѣдка мохъ, негодный для корма оленей.» Къ NW впадала земля, и на ней высокія горы, местами покрыты снѣгомъ и простирающіеся отъ N къ S около 30-ти верстъ. Лейтенантъ Лантсѣвъ полагалъ, что земля сія была та самая, отъ которой, въ 1736 году, лейтенантъ Прончищевъ пошелъ въ обратный путь, а островъ, отстоявшій отъ нихъ на NW близъ 10-ти миль, признавъ за послѣдній къ северу, въ прошедшую кампанію описанный, и названъ островомъ св. Лаврентія.

Геодезистъ Чекинъ возвратился, не разсмотрѣвъ, по причинѣ тумана, положенія берега; штурманъ Челюскинъ, посылаемый на берегъ для обозрѣнія моря, по возвращеніи донесъ, что

дальше къ северу губа и море покрыты гладкими, сплошными льдами, и что не видно никакого прохода. Тогда лейтенантъ Лаптевъ, съ совета своихъ подчиненныхъ, рѣшился, по приближающейся осени, и уже наступившихъ морозовъ, возвратиться.

На обратномъ пути, мореплаватели были подвержены непрестаннымъ опасностямъ отъ льдовъ, между коими пробирались съ великимъ трудомъ. Наконецъ, 27-го Августа, благополучно вошли въ Хотангу, гдѣ и остались зимовать, при устьѣ рѣчки Блауной. Въ семь мѣстъ нашли охотничьихъ Тунгусовъ, называемыхъ сидачими, потому, что не кочуютъ, а живутъ на одномъ мѣстѣ; они не ищутъ оленей, а вѣдьсто пѣть, для зимней еды, держатъ собакъ, и запрашиваютъ въ нарты, точно такъ, какъ Охотскіе сидачіе Тунгусы.

Оживаясь съ дубель-шлюпки перебрался на берегъ, въ пазухи, которыя устроены изъ выкиднаго лѣса, но какъ по близости было его недостаточно и для построения жилищъ, а въ соотвѣстію въ зимнее время надлежало имѣть весьма большое количество дровъ, то все служители должны были ходить за лѣсомъ ежедневно по пѣснольку верстъ. Сіе безпрестанное движеніе много предохраняло ихъ отъ многотной болѣзни.

Лейтенантъ Лаптевъ, стараясь въ точности исполнить порученное ему изслѣдованіе о положеніи Таймурскаго мыса, отпривилъ, 17 Ю года,

23-го Марта, геодезиста Чекина, на собакахъ, къ рѣкѣ Таймуръ, для описи морскаго берега, отъ устья оной къ сѣверу лежащаго, до рѣки Пясинны. Тунгусы взяли въ возы Чекина на своихъ семи нартахъ, запряженныхъ собаками. Двое оленныхъ Тунгусовъ, съ 18-ю оленями, согласились содѣлывать, но 9-го Апрѣля возвратились и объявили, что у нихъ всѣ олени отъ недостатка корма пали.

17-го Мая, геодезистъ Чекинъ, возвратясь, доносилъ, что онъ, добравъ до рѣки Таймуры, продолжалъ путь внизъ оной до морскаго берега, и пошелъ вдоль оного къ западу до 100 верстъ. Тогда увидѣлъ, что направленіе берега прямо на югъ. Отъ сего мѣста, далѣе подлѣ моря слѣдовать онъ не могъ, по недостатку корма для собакъ, и долженъ былъ возвратиться, дабы поспѣшить къ зимовью.

Лейтенантъ Лаптевъ, зная изъ опыта, что сѣверный Таймурскій мысъ обойти моремъ невозможно, по причинѣ простирающагося отъ него сплошнаго неподвижнаго льда, не разсудилъ предпринимать вторичнаго плаванія и рѣшился идти къ устью Лены. Два раза выходилъ онъ въ море, но льды принуждали его возвращаться въ Хотаангскую губу; 30-го Іюля вышелъ въ третій разъ, и съ великимъ трудомъ сталъ пробиваться между льдами къ востоку.

13-го Августа, дубель-шлюбку сжало льдами, выломало форштевень, и пробило подводную часть, отъ чего оказалась великая течь. Три дня

безпрестанно отливала воду, но какъ она не убывала, то сбросили пушки и прочія тяжести въ море, и начали выгружать провизію на ледъ, чтобы облегчить судно и спасти отъ потопленія.

Въ семь бѣдственныхъ положеній, мореплаватели наши, находясь далеко отъ береговъ, носимые между льдомъ кутрами и теченіемъ, совершенно предалися отчаянію и ожидали томительной смерти.

19-го, наставшій сильный морозъ покрылъ тонкимъ льдомъ поляны мѣста между льдинами; тогда нѣкоторые сильнѣе изъ служителей дубель-шлюпки пошли вѣшкомъ по льду къ берегу, полагая, что онъ находится къ югу въ 20-ти верстахъ; но многихъ мѣстахъ встрѣчали поляны, черезъ которыя принуждены были переплывать на малыхъ льдинахъ, съ великою опасностію, и наконецъ благополучно достигли берега. Три дня послѣ того продолжавшійся морозъ покрылъ все море твердымъ льдомъ; лейтенантъ Липтель, забравъ сколько возможно провизіи, перешелъ со всѣмъ экипажемъ на берегъ. Сначала обрадовались, достигнувъ твердой земли, но скоро увидѣли, что положеніе было не лучше прежняго, ибо не могли продолжать пути къ своему Хотанскому зимовью, по причинѣ рѣискъ, которыя тогда еще не стали, но покрыты были густымъ несущимся льдомъ; должно было остановиться на пустомъ берегу, гдѣ не находили даже и дровъ, для согрѣванія себя и варенія пищи. Вырыли въ землѣ ямы, въ ко-

торыхъ укрывались отъ стужи и вѣтровъ; между тѣмъ посылали попеременно людей къ дубель-шлюпкѣ, переносить на берегъ сундари и прочую провизію, но 30-го, возмущившись крѣпкимъ вѣтромъ, весь ледъ сломало и унесло въ море, вместе съ дубель-шлюпкой, и мореплаватели наши лишились большей части провизіи, оставшейся на льдинахъ. После сего провели три недѣли въ пустомъ мѣстѣ, претерпевая стужу и голодъ; отъ чего многіе умерли, но при всемъ томъ оставшіеся сохраняли бодрость, и съ твердостью, безъ роптанія, переносили свое несчастіе.

21-го Сентября, претрещавшій путь рѣки покрылся крѣпкимъ льдомъ, и лейтенантъ Лаптевъ съ командою началъ пробираться къ прежнему своему зимовью. Путь былъ весьма трудный и продолжительный; малую часть провизіи, истощенныя собаки везли на нартахъ; прочее несли служители на себѣ, прокладывая дорогу по мерзлымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ; наконецъ, измученные 25-ти-дневнымъ странствованіемъ, прибыли къ прежнему зимовью на рѣкѣ Хотангѣ, лишивъ дорогою 12-ти телосѣкъ, умершихъ отъ стужи, голода и болѣзней.

Лейтенантъ Лаптевъ расположился провести зиму въ Хотангскомъ зимовьѣ, и весною, какъ скоро возможно будетъ, пробираться ко всему командою къ устью рѣки Енисея, гдѣ находился приготовленный въ магазинахъ провіантъ.

Въ данномъ случаѣ наставленій предписано было осмотрѣть и описать свѣрный мысъ, между рѣками Хокангою и Таймурою, и ежели сего не можно будетъ исполнить моремъ, то произвести берегомъ, а потому, въ началѣ Апрѣля 1741-го года, онъ послалъ на соборахъ итурманъ Челюскина къ рѣкѣ Писинѣ, и велѣлъ ему, иاکорая собака и запасившись кормомъ у сидочихъ Тунгусовъ, живущихъ въ сѣхъ мѣстахъ, идти на сѣверо-востокъ вдоль морскаго берега, къ устью рѣки Таймуры.

Лейтенантъ Лаптевъ, приготовляясь отправиться на островъ итурману Челюскину, и съ восточной стороны, другая часть Таймурскаго, описать берегъ, неосмотренный итменъ, послалъ Апрѣля 8-го, на 19-ти картахъ, провіанта и другихъ съестныхъ припасовъ къ устью рѣки Таймуры и на озеро Таймурское, а 10-го отправилъ, въ 60-ти оленяхъ санкахъ, команду свою къ устью Енисея.

22-го, геодезистъ Чекинъ вышелъ, на 3-хъ картахъ, для описи морскаго берега до Таймуры, а 24-го лейтенантъ Лаптевъ, черезъ тундру, къ Таймурскому озеру, куда прибылъ 30-го, именованъ нѣсколько озеръ и рѣчекъ, по курсу NW, на разстояніи около 192 верстъ. Отъ сего мѣста до вершины рѣки Таймуры, истекающей изъ озера, полагалъ онъ 22 версты, по rumbo WNW. Сѣверные берега озера и рѣки (ширина ея отъ 2 до 2½ верстъ) состоятъ изъ высокихъ горъ, образованныхъ изъ камня желтова-

таго цвета. Въ горахъ надъ берегомъ замѣтили пещеру, въ 5-ть сажень длины и въ 3 пещерсть, коей стѣны состоятъ изъ чернаго асфида, а дно въ камень бѣлый, какъ алебастръ.» Слѣдуя по вѣтвѣ низиннаго рѣки, Мая 6-го, Лаптевъ достигъ ея устья, гдѣ дожидались уже посланные впередъ парты съ провизією; по наблюдению широта сего мѣста найдена $75^{\circ} 36'$; склоненіе компаса 2 румба восточное. Мая 10-го отправились черезъ тундру на востокъ, дабы выйти къ морскому берегу и оный описать, но мучительная глазная боль принудила Лаптева возвратиться къ зимовью на устье Таймурское, куда и прибылъ онъ 17-го. Оставя запасы для геодезиста Чеккина, которому надлежало испрѣизмѣнить бытъ къ зимовью, Лаптевъ отправился 20-го числа къ западу, на встрѣчу штурману Челюскину, производившему опись берега отъ рѣки Пасины къ востоку; въ полдень того же дня опредѣляли широту $75^{\circ} 33'$; 21-го прѣикаль къ скалистому мысу, гдѣ опредѣляли широту $75^{\circ} 49'$, и склоненіе компаса 2 румба восточное; продолжали описывать берегъ, слѣдуя вдоль оваго по льду, который, по видимому, зѣтомъ былъ неподвиженъ; берегъ мѣстами крутой, мѣстами отлогой; въ полдень 24-го, по наблюдению, широта мѣста $76^{\circ} 38'$.

Пройдя 3 версты къ SW, и удостовѣривъ, что направленіе берега идетъ къ югу, лейтенантъ Лаптевъ поставилъ маякъ на приметномъ мѣстѣ, отъ котораго, въ 17-ти верстахъ, прѣикаль къ

мязку, востроумному геодезисту Чеккину, въ 1740 году. 26-го, широта по наблюдению определена $76^{\circ} 23'$; въ семь мѣстъ нашли довольно много плавника; на восточномъ берегу его не видно. 29-го, по наблюдению, широта найдена $75^{\circ} 37'$, а Юня 1-го $75^{\circ} 21'$; берегъ возвышенный и на немъ ологія горъ. 2-го Юня, лейтенантъ Лантевъ встрѣтился съ штурманомъ Челюскинымъ, и съ нимъ продолжалъ путь вдоль берега, до устья рѣки Пясны, гдѣ находится Тунгусское жилие. Прибывъ къ оному Юня 10-го, определили широту мѣста $73^{\circ} 39'$ (на полнѣнной картѣ штурмана Минина, устье сей рѣки въ широтѣ $73^{\circ} 38'$), а склоненіе компаса $21^{\circ}.00'$ восточное. Лантевъ на пути вѣдалъ мѣлку, поставленный Мининъ, и въ лабазахъ оставлялъ съестные припасы для геодезиста Чеккина.

На другой день по прибытіи къ жилию, лейтенантъ Лантевъ отправилъ штурмана Челюскина берегомъ къ Енисею, а самъ, за худостію собакъ, остался веновать.

Штурманъ Челюскинъ, прибывъ 29-го Юля на устье рѣки Енисея, продолжалъ путь вверхъ рѣки, 4-го Августа соединился съ лейтенантомъ Лантевымъ, который отъ устья рѣки Пясны привѣхалъ на оленяхъ, прямымъ путемъ, чрезъ тундру. Августа 11-го сошлись со всюю командою, которая ожидала начальника при устьѣ рѣки Дуинѣ, впадающей въ Енисей въ широтѣ $69^{\circ} 40'$. Къ неудовольствію Лантева, весьма неожиданно встрѣтилъ его и геодезистъ Чеккинъ,

который, по недостатку въ разныя припасы, принужденъ былъ возвратиться къ Хотангу, откуда прямымъ путемъ прѣхалъ къ рѣкѣ Дуина. 29-го Августа, всѣ прибыли въ городъ Мангазею, гдѣ остались зимовать.

Лейтенантъ Лангелъ, желая довершить опись берега, простирающагося къ западу отъ мыса св. Фаддея, отправилъ, Декабря 4-го, штурмана Челюскина, на 5-ти нартахъ, и 8-го Февраля, 1742-го года, выехалъ изъ Мангазеи, на 5-ти же нартахъ, для произведенія описи.

Лейтенантъ Лангелъ возвратился въ Мангазею Іюля 16-го, не приобщивъ къ прежней описи ничего новаго; штурманъ Челюскинъ прѣхалъ къ мысу св. Фаддея Мая 1-го, и занимался описью берега, удостоверился, что мысъ св. Фаддея не есть самая сѣверная оконечность Азии; однакожь, хотя и объѣхалъ онъ часть берега, которая до того времени не была описана, но какъ не произведено наблюденій для опредѣленія широты, и опись была весьма поверхностная, то о положеніи сего берега знаетъ только, что оный омываемъ океаномъ, не соединяясь ни съ какою неизвѣстною, къ сѣверу лежащею землею; изъ журнала Челюскина не видно даже численной широты самой сѣверной оконечности сего берега. Мая 15-го, находясь на описанномъ прежде берегу, Челюскинъ прѣхалъ чрезъ тумдру къ близинѣ Якутѣи, и 20-го Іюля соединился съ лейтенантомъ Лангелымъ въ Мангазею.

Лейтенантъ Лангелъ, со всеми состоявшими

подъ его начальствомъ, отправился изъ Мангазея вверхъ по рѣкѣ, производилъ опись ея до города Енисейска, куда прибылъ 27-го Августа, и потомъ доѣхалъ въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ путешествіи.

1735 года Августа 9-го, лейтенантъ Ласпиусъ, разставшись при устьѣ рѣки Лены съ лейтенантомъ Прочищевымъ, шелъ къ востоку; 13-го числа встрѣтилъ льды, между которыми съ великимъ трудомъ подвигался впередъ; 18-го Августа, видя невозможность продолжать путь далѣе, за множествомъ льда, принужденъ былъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, зайти въ рѣку Харіулахъ, отъ восточнаго устья Лены, называемаго Быковскимъ Протокомъ, въ 120 верстахъ, гдѣ и расположился зимовать.

Въ семъ мѣстѣ вышелъ много выкиднаго льда, и построили съ разными отдаленіями избу, въ которой помѣстилась вся команда. Въ продолженіе зимы, отъ тѣсноты жилья и малаго движенія, все подверглось цынготной болѣзни, и она къ веснѣ такъ усилилась, что большая часть изъ служителей, и самъ Ласпиусъ, умерли; осталось въ живыхъ, изъ 52 человекъ, только священникъ, подпурхачъ и 7 матросовъ. Командоръ Берингъ, извѣстася о смерти лейтенанта Ласпиуса и его спутниковъ, послалъ изъ Якутска къ рѣкѣ Харіулахъ пурмана Щербина и 14 человекъ служителей; они пріѣхали къ мѣсту зимовки 4-го Июня 1736 года, нашедъ лѣтъ остан-

шихся людей заражёнными ошпацою и къ службѣ неспособными; почему Щербинъ отправилъ ихъ въ Якутскъ. Между тѣмъ командеръ Берингъ, вѣстко лейтенанта Ласиніуса, опредѣлилъ командиромъ на ботъ Прдутскъ лейтенанта Дмитрія Лавтева; который со своимъ экипажемъ назначенъ былъ на дощаникахъ, погруженъ былъ потребнымъ количествомъ провіанта, отправленъ вѣнъ рѣкою Леною. Когда вышли они въ Ледовитое море; непроходные льды не позволили ему продолжать пути далее; онъ оставилъ у Быковскаго устья дощаники, и на легкихъ лодкахъ пошелъ берега пробырался между льдами къ рѣкѣ Харылахъ, гдѣ находилась ботъ. 18-го Лена начала приготовлять его для предвѣщаемаго плаванія.

30-го, лейтенантъ Лавтевъ вышелъ въ Ледовитое море; и для забранія съ оставленныя имъ дощаниковъ провіанта; направилъ путь къ устью Лены. По морю носило множество льда, между которыми съ великимъ трудомъ пробрался онъ къ Быковскому устью; перегрузилъ съ дощаниковъ на ботъ провіантъ; а 11-го Августа отправился по Ледовитому морю на востокъ вдоль берега; два дня шелъ между льдовъ; на третій день ботъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ льдами, которые, соединившись, зажали его, такъ, что невозможно было упрямать. Въ семъ положеніи ботъ носило по морю до 16-го Августа; тогда льды несколько раздвинулись. Мореплаватели испу, видя невозможности, продолжать путь да-

лде, рѣшившись, съ общаго совета, возвратиться къ устью Лены. Августа 22-го вошли въ устье Быковского Протока, по которому съ великими трудами продолжали плаваніе, и отыскивая фарватеръ, становились часто на мель. 27-го усмотрѣли по полярной звѣздѣ склоненіе компаса 3°. 00' восточнее, «и въ тотъ же день вступили въ рѣку, близъ такъ называемаго Столба,» гдѣ глубина была 20, 15, 10 сажень, а далѣе вверхъ рѣки, по фарватеру, 5, 3, 2 сажени. 6-го Сентября вошли въ рѣку Хуматорки, гдѣ остались зимовать. Вскорѣ послѣ того пошло по рѣкѣ густой ледъ, и 8-го числа Лена нѣмъ покрылась. Во время зимы у многихъ изъ служителей оказалась цынга, отъ которой избавились динжеиѣмъ, и декостою изъ коры и шишекъ кедроваго кустарника.

Лейтенантъ Лаптевъ послалъ къ командору Берингу, находившемуся въ Якутскѣ, донесеніе о своемъ плаваніи и невозможности пройти по Ледовитому морю около мысовъ Барго и Святаго, простирающихся между рѣками Леною и Индигиркою далѣе прочиѣхъ къ северу; стояніе около сихъ мысовъ сплошныя льды препятствовали идти далѣе. Якуты уверяли, что льды никогда не отходятъ отъ береговъ. Лаптевъ доносилъ, что все покушеніе, которое впродѣ предприняты будутъ, почитаетъ онъ тщетнымъ, и потому просилъ позволенія возвратиться съ лубель-шлюпкою въ Якутскъ; командоръ Берингъ позволилъ ему сіе исполнять.

1737 года, Мая 29-го, пошелъ лейтенантъ Лаптевъ вверхъ по Лене, на глубинѣ 4, $3\frac{1}{2}$ и 3-хъ сажень. По возможности производилъ онъ опись рѣки, и 2-го Іюня прибылъ въ Якутскъ. По приказанію Беринга, Лаптевъ отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія о своемъ плаваніи высшему начальству, представилъ Адмиралтействъ Коллегіи карту своего путешествія, и объяснилъ затрудненія и препятствія, которыя не позволяли ему пройти по Ледовитому морю къ устью рѣки Колымы. Коллегія донесла о томъ Правительствующему Сенату. Карты и журналъ лейтенанта Лаптева были разсматриваемы въ Сенатѣ, и положено еще разъ сдѣлать покусеніе отъ рѣки Лены по Ледовитому морю къ востоку, и когда невозможно будетъ пройти моремъ, тогда прозвѣсть опись морскаго берега сухимъ путемъ, на собакахъ, или на оленяхъ. Въ слѣдствіе сего Лаптевъ отправленъ обратно въ Якутскъ.

1739 года, весною, посланъ сухимъ путемъ изъ Якутска матросъ Лошквинъ, описывать берегъ отъ устья Лены до Святаго Носа. Между тѣмъ ботъ Пркутскъ былъ исправленъ и снабженъ провизіею, и 7-го Іюня Лаптевъ отправился на немъ изъ Якутска внизъ по Лене; 21-го Іюля, Быковскимъ рукавомъ, вышелъ онъ изъ устья рѣки въ Ледовитое море. Тогда возирателся на ботъ матросъ, посылаемый берегомъ, для описи мысовъ Борго и Святаго.

23-го Іюля ботъ стоялъ за Быковскимъ мысомъ,

укрывалась отъ носившихся въ моръ льдовъ; широту мыса Дяттевъ определялъ по численію $71^{\circ} 42'$. Въ то время штурманъ Шербинъ вздвигъ оповещать берегъ въ мысу Борго, и нашелъ простирающуюся отъ мыса, отъ 2-й до 7 миль, между N и NNO, олавля, приливную по стоящему изъ ней льду.

24-го, ботъ вышелъ въ море, пробываясь между льдей, которыми фарватеръ до острова Быковского весьма стѣсненъ; производя опись губы Борго, лейтенантъ Лаштевъ, 8-го Августа, подошелъ къ мысу Борго, на глубину 12 сажень; широта мыса найдена Лаштевинымъ $71^{\circ} 53'$. Того же дня обещан отъѣздъ, и 11-го Августа находились уже противъ устья Яны, гдѣ положили якорь. Въ семь положеніи, наставшіе жестокие сѣверные вѣтры повесело много льду прямо на ботъ, но, къ счастью, огромный ледъ остался на мѣлѣ, въ некоторомъ разстояніи отъ бота, удерживая собою мѣлкій ледъ. Нескѣтъ ледины однакожь прорывались, проплывали мимо бота, и доставили командѣ случай убить нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей, на нихъ лежавшихъ.

Лодка, посланная для промѣра фарватера, нашла въ устьѣ рѣки Лны 6 и 7 фут. глубины, а сколько выше по теченію глубина увеличилась отъ 3 до 10 сажень.

13-го, съ попутнымъ вѣтромъ, лейтенантъ Лаштевъ снялся съ якоря, и продолжалъ плава-

ніе къ Святому Носу. Аоть показывала отъ 2 до 10 сажень.

14-го, западный вѣтеръ обратился въ штиль, почему, опасаясь наблизиться на мѣль, положили якорь, а 15-го, по укрощеніи вѣтра, вступили опять въ путь; того же дня прошли Святой Носъ, положенный на картѣ Лантеса въ широтѣ 72° 50'. Продолжал плаваніе къ О, имея глубины 18, 17, 13 сажень; по приближеніи къ берегу на $\frac{1}{4}$ Немецкой мили глубина уменьшалась до 2 сажень. Проплывъ 26 миль и 7 отъ Св. Носа, увидѣли островъ Меркуреевъ на NO, а въ 16 Нѣ. миль далѣе усмотрѣли и островъ Св. Діоніада, на NNW $\frac{1}{4}$ W, въ 3 $\frac{1}{4}$ Немецкихъ миль *.

16-го, по приливѣ густаго тумана, пролежали на якорѣ; 17-го, западнымъ вѣтромъ воздухъ очистился, почему и пошли въ путь; 18-го, проплывъ около 105 миль отъ Св. Носа вдоль берега, увидѣли въ морѣ островъ, по румбу ONO, но вдругъ нашедшая насмурность не позволила обстоятельно рассмотреть сего открытія, почему Лантесъ приказалъ положить якорь и дожидаться ясной погоды. На другой день, когда воздухъ былъ чистъ, мореплаватели угадали въ обманѣ: мнимый островъ превратился въ массу высокихъ ледяныхъ горъ, подобныя которымъ

* Кажется, сіи два острова лежали въ послѣднѣмъ между собою разстояніи, и, вѣроятно, почитались за одинъ островъ, ибо на картѣ Лантеса островъ Меркуріа не показанъ, а Св. Діоніада показанъ согласно съ журналомъ. Мы ниже увидимъ, что сіи острова вовсе не существуютъ.

носились по морю во множестве и во всех направлениях. 19-го пошел большой снег, при юговосточномъ вѣтрѣ, противъ котораго лавировали; лежа въ темной ночи, или при пасмурности, на якорь. 21-го, сильное теченіе отъ SO, по одному направленію съ вѣтромъ, весьма затрудняло лавировку; 22-го, пришедъ на пресную воду, остановились на якорь, и послали шлюпку проводить, противъ какой рѣки находится. Между тѣмъ, прежде возвращенія шлюпки, 24-го настала штормъ, отъ SO, съ сильнымъ съ той же стороны теченіемъ, такъ, что съ трудомъ боть отстоялся на якорь; 28-го буря несколько смягчилась. Замѣта, что вода получила соленый вкусъ, подошли ближе къ берегу, дѣлая изъ пущекъ частые призывные сигналы не возвращавшейся съ берега шлюпки. Отъ SO наносило на боть много льда, для избежанія коего безпрестанно должны были перемѣнять мѣсто, что конечно всегда было сопряжено съ трудами, тѣмъ болѣе тягостными, что стужа увеличивалась и снѣгъ весьма часто падалъ. Лучшее убѣжище находили за огромнѣйшими льдинами, служившими отводами мѣленимъ, однакожь и то не спасло боть отъ поврежденія форштевня и самого борта, что съ великимъ трудомъ исправляли.

31-го, находясь опять на прѣсной водѣ, лейтенантъ Данчевъ послалъ питурчака на шлюпку къ берегу, для отысканія удобнаго мѣста къ за-

моланію. Штурманъ съ великимъ трудомъ добрался до берега.

1-го Сентября море покрылось льдомъ, при восточномъ вѣтрѣ, который дулъ уже несколько дней сряду. Въ семь положеній дѣлали непрерывные, но тиетные сигналы посланнымъ на берегъ мяннкамъ. Положеніе команды и бота сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда 4-го числа настала жестокой вѣтръ отъ WSW, дѣйствіемъ котораго вода стала прибывать, ледъ возмало и ботъ понесло къ NO, съ 10 футовъ глубины на 5 сажень, по $2\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Къ счастью, вѣтеръ пережился черезъ сутки, и утвердился въ NW четверти, приблизилъ ботъ къ берегу. Наконецъ на 7-е число настало безвѣтріе, а 9-го судно, на 12 футахъ, совершенно замерзло, находясь въ $2\frac{1}{4}$ верстахъ къ югу отъ образовавшагося изъ льдовъ высокаго зали.

Мореплаватели, не зная какъ далеко отъ берега судно ихъ замерзло, и противъ какого мѣста находилось, не осмѣивались идти къ берегу по иствердому еще льду, и оставались въ бездѣлствіи до 20-го Сентября; тогда посланный на берегъ въ шлюпкѣ, 31-го Августа, штурманъ возвратился на ботъ, плыномъ по льду, и привелъ съ собою Якутовъ съ устья рѣки Нидигирки; они объявили, что устье близкаго рукава сей рѣки отстоитъ отъ бота въ 50 верстахъ, и что недалеко отъ него есть Русское зимовье. Такимъ известіемъ мореплаватели чрезвычайно были обрадованы; въ то же время некоторые от-

правился пешком на берег, а 24-го числа и вся остальная команда перебралась съ бота въ Русское зимовье; Якуты перевезли на собакахъ часть провизии.

Лейтенантъ Лоптевъ проводилъ здѣсь зиму не безъ пользы; онъ послалъ геодезиста Киндякова, на нартахъ, описывать берегъ до Колымскаго устья, а самъ ѣздилъ для описей на рѣку Хрому, которую нашелъ стою мыкою, что однимъ лодкамъ входить можно. Говоря вообще о морскомъ берегу къ востоку отъ Св. Носа, Лоптевъ замечаетъ, что обширные отмели простираются отъ него въ море, на такое расстояние, что низменный берегъ въ рѣдкихъ мѣстахъ съ моря усматривается. При устьяхъ Индигирки, въ 30 верстахъ и болѣе отъ моря, лежитъ въ изобиліи паносный лѣсъ, между тѣмъ, какъ у самаго моря его нѣтъ.

По наступленіи весны 1740 года, Лоптевъ предпринялъ спасти бота. Для того, со всею своею командою, разбивалъ онъ ледъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ; въ Юліи мѣсяца привелъ судно въ безопасное мѣсто, сталъ исправлять его починкою и въ исходѣ Юліи приготовился къ походу.

Юлія 15-го опредѣлилъ по полуденной высотѣ солнца широту въ устьѣ рѣки Индигирки, 70° 58'; склоненіе компаса 7°, 00' восточное.

31-го Юлія Лоптевъ вышелъ въ Ледовитое море, направляя путь къ востоку вдоль берега. 2-го

Августа назвали устье реки Алазси, моего широту нашли по счислению $70^{\circ} 58'$.

3-го Августа усмотрели остров, lying вне-пущенный Паравым Медвежьимъ, къ которому подошли вплотъ, lying $3\frac{1}{2}$ сажени глубины. Дей-тенантъ Лантевъ назвалъ его именемъ *Святого Антонія*, и нашли по счислению широту сре-дины $71^{\circ} 00'$. Слѣзия воспользоваться безмедно-стью моря, продолжая оны плыть къ востоку, а 4-го числа, находясь противъ устья Средней Колымы, остановились на якорь, посылъ шлюпку провѣривать фарватеръ реки. Давши о себѣ знать въ близкое селеніе, Лантевъ пошелъ 8-го числа далѣе; вскоре показались льды, между кото-рыми плыль оны къ востоку съ великимъ тру-домъ; 9-го находились у Малаго Баранова Камня; 10, 11 и 12, при западномъ вѣтрѣ, шло теченіе на OSO, по два узла въ часъ, отъ чего огром-ныя льдины являлись были на бортъ, не нахо-дившій надежнаго прикрытія у притлубаго и ровнаго берега.

14-го числа, будучи у Большаго Баранова Кам-ня, остановлены льдянымъ полемъ, привяпу-щимся вплотъ къ берегу. Дейтенантъ Лантевъ направилъ путь обратно въ Колыму. Сего числа lying сильное теченіе отъ W; 15-го, бортъ до-шелъ благополучно въ Средне-Колымское устье, гдѣ lying глубины отъ 9 до 14 футовъ, а про-тивъ Каменное (хотя на Мерхонковомъ островѣ) глубину нашли отъ 2 до 7 сажень. 24-го на-ходились противъ Нижне-Колымскаго острова,

гдѣ тогда было 10 жилищъ домовъ; здѣсь Лантевъ расположилъ свою команду для зимовки.

28-го, Лантевъ, по обсервации, нашелъ широту острога $68^{\circ} 31'$, а 31-го числа наблюденіе показало $68^{\circ} 34'$ широты; склоненіе компаса $8^{\circ} 30'$ восточное.

Дабы получить понятіе о точности наблюденій лейтенанта Лантева, сравнимъ широты главныхъ пунктовъ, выведенныя сими мореплавателями, съ наблюденіями новѣйшихъ обсерваторовъ:

Лантева. Въ 1823 г.

Мысъ Борго . . . . . $71^{\circ} 55'$ $71^{\circ} 56'$

« Свѣтой Носъ . . . . . $72^{\circ} 50'$ $72^{\circ} 54'$

Нижне-Кольмскій острогъ . . $68^{\circ} 33\frac{1}{2}'$ $68^{\circ} 32'$

Въ продолженіе зимы лейтенантъ Лантевъ построилъ двѣ лодки, на которыхъ съ большою удобностію полагалъ предпринять плаваніе въ будущемъ лѣтѣ.

1741 года, по вскрытіи рѣки Колымы, 8-го Іюля, вышелъ онъ на боть въ Ледовитое море, и плыль на востокъ; лодкамъ велѣлъ идти впередъ и прощупывать глубину; посланный на нихъ матурантъ долженъ былъ давать знать сигналами, гдѣ найдеть удобный проходъ между льдами для безопаснаго плаванія. Такимъ образомъ лейтенантъ Лантевъ, при противныхъ большаю частію льдахъ, подвигался медленно впередъ; 5-го Августа навалила на боть льдина, возвышавшаяся около 15 сажень надъ водою, и угрожающая боту гибелью, но однакожь счастливо избежала опасности. Того же числа, находясь въ

30 миль от Итал. от Лоптевского маяка на Колыме, у высокого каменного утеса, встрянули непроходимые льды, остановившие дальнейшее плавание, почему 7-го предприняли обратный путь в Нижне-Колымск, куда 10-го прибыли благополучно, вошедъ въ рѣку восточнымъ ея устьемъ.

И такъ мы видимъ, что лейтенантъ Лоптевъ, какъ прошлаго года, такъ и теперь, не могъ обойти Большаго Баранова Камня, бывшаго крайнимъ пунктомъ къ востоку, до котораго доведени оныхъ берега, осмотреннаго симъ усерднымъ офицеромъ отъ рѣки Лены на 37° разности долготы.

Лейтенантъ Лоптевъ, желая исполнить порученную ему опись рѣки Анадыря, и устремившись въ невозможности достигнуть сей рѣки моремъ, рѣшился на трудный и опасный походъ, со всею командою, черезъ горы и страну, обитаемую враждебными племенъ Чукчанъ.

1741 года, Октября 27-го, выступилъ онъ изъ Нижне-Колымскаго, сопровождаемый 45 нартами. Находясь на границѣ Чукотскихъ кочевьевъ, близъ *Лобязнаго*, на Большомъ Аинѣ, Ноября 4-го, Лоптевъ, отдавши по командѣ приказанья, установилъ воинскій порядокъ, который надлежало соблюдать со строгостью на походѣ черезъ неприятельскую землю.

Слѣдуя вверхъ рѣки Большаго Аиня, потомъ переваливъ чрезъ хребтъ горъ на рѣку *Яблому*, впадающую въ рѣку Анадырь, путешественники,

Полбри 17-го, достигли благополучно Анадыр-ского острога, не выдать на всем пути ни одного инородца. Въ острог провели они остальную часть зимы, и встрѣтили здѣсь 1742 годъ, «призывающа Бога Всемогущаго на помощь.»

Въ журнале Лаптева, подъ Февралемъ мѣсяцемъ, сказано : «Отъ 26-го до 28-го числа, по ночамъ, видима была чрезвычайная звѣзда, или комета, которая явилась около полуночи; хвостъ отъ нея долгой, острой, лежащій къ югу, а иногда къ концу хвоста раздѣляется на двое острыми же концами; свѣтлостію на подобіе звѣзды, а къ зрѣ хвостомъ поворачивается къ W и отсѣивается, и остается одна звѣзда.»

Марта 13-го, Лаптевъ, по полуденной высотѣ солнца, определялъ широту Анадырскаго острога $64^{\circ} 54'$; склоненіе компаса $20^{\circ} 00'$ восточное.

Цюя 9-го пошелъ онъ, на двухъ новопостроенныхъ лодкахъ внизъ Анадыра, но, по причинѣ разлитія реки, не могъ дѣлать ей описи, которую началъ Юля 11-го, находясь близъ устья оной. Къ осени, возвратившись въ острогъ, Лаптевъ, Октября 19-го поѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, оттуда въ Якутскъ; въ сей городъ прибылъ онъ Марта 8-го, 1743 года, послѣ семилѣтняго отсутствія. Отъ капитана Чирикова получалъ онъ здѣсь предписаніе отправиться немедленно въ С. Петербургъ, для доносенія о своемъ путешествіи вышнему начальству.

Описаніе сихъ путешествій представляетъ чрезвычайно рядъ опасностей, трудовъ и неудачъ, про-

твѣ конѣ плаватели наши должны были пооружаться твердостью духа, неустойчивымъ равеніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей и мужественнымъ терпѣніемъ, свои отличительными свойствами мореходовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Не осыпаясь пристрастіемъ, мы невольно должны признаваться, что подвиги лейтенантовъ Проничева, Ласивіуса, Харитона, и особенно Дмитрія Лаптевыхъ, заслуживаютъ удивленіе потомства. Журналы сихъ дѣятельныхъ офицеровъ, конечно, во многомъ недостаточны; мало, или почти вовсе не знакомы они намъ съ обитателями Сибири, не касаются предметовъ физическихъ и естественной исторіи, и самое производство описи оставляетъ желать еще многого. Но это не умаляетъ достоинства офицеровъ въ глазахъ справедливаго потомства, видящаго въ недостаткахъ одно несовершенство средствъ того времени.

Относительно гидрографическихъ операцій замѣтимъ вкратцѣ: отъ Ыклага моря къ востоку описать матерой берегъ Сибири съ моря на судахъ, плававшихъ вдоль береговъ, не всегда въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чтобы опись могла быть точною, тѣмъ менѣе, что мореплаватели, стараясь пользоваться вѣтрами, погодою, и другими благоприятными обстоятельствами для плаванія къ востоку, не могли терять времени въ подробной описи береговъ, бухтъ, гаваней, опредѣленіи приметныхъ мысовъ и въ промѣрахъ глубинъ, вездѣ, гдѣ для безопасности мореплаванія то было бы пужно. Однакожъ опись и

не вовсе лишена астрономических наблюдений широты и промеров глубины, какъ въ близкихъ разстояніяхъ отъ береговъ, такъ и въ фарватерахъ главнѣйшихъ рѣкъ Сибири, и карты Овцына, Мицина, Челюскава, Прончищева и обонихъ Лаптевыхъ представляютъ немало гидрографическихъ подробностей въ изображеніи береговъ и прилежащихъ къ нимъ острововъ, отъ Обской губы до устья рѣки Таймуры, и отъ рѣки Оленеки до Баранова Камня.

Но какъ описъ, болѣею частью, основанъ на счисленіяхъ, подтвержденномъ неизбѣжными повтореніями отъ теченій и непрерывныхъ поворотовъ въ льдахъ, и поелику наблюденія для широты не всегда были надежны, а для долготы и вовсе ихъ не дѣлано, то она могла служить только приготовительнымъ началомъ другой вѣрнѣйшей описи.

Отъ устья Таймуры до мыса св. Евддея берега не могъ быть обойденъ на судахъ, и весьма поверхностно осмотрѣнъ зрѣно по льду, на собакахъ, штурманомъ Челюскинымъ, такъ, что положеніе сѣверо-восточнаго, плеча Таймурскаго, т. е. самаго сѣвернаго мыса Азии, остается неопредѣленнымъ.

Затрудненія и опасности, въ снѣхъ путевыхъ испытаній, и неизнаградимыя желанными успѣхами, послѣ 20-ти лѣтняго бездѣйствія, казались, усугубили духъ предпримчивости.

Въ 1760 году, Якутскій купецъ Шалауровъ

построил при раке Лена, на собственное издвигение, галюта (по Кокеу, шития), на которую намеревался совершить плавание вокруг северо-восточной Азии великий Океан, или в Камчатку. Г. Берх (Хронологической Исторіи, часть I, стр. 144), говорит, что Шалауров побуждался къ такому предпріятію находкою мамонтовых роговъ на островахъ, открытых до его отправленія Якутомъ Етериканомъ, и исключительныя права, данныя купцу Ляхову промышлять ихъ — мѣны, которое частью подтверждается и въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1822 годъ, съ прибавленіемъ, что Шалаурова путешествіе имѣло цѣль и открытіе земель, полагавшихся противъ устья Колымы. Однакожъ Шалауровъ не пытался проставать своего плананія отъ устья Колымы далеко на северъ; также изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, чтобы онъ искалъ мамонтовыхъ клыковъ. Напротивъ, Шалауровъ старался единственно обойти Челатекій мысъ, и плыть далѣе на востокъ; стремился за сѣвную разрѣшенія вопроса о северо-восточномъ проходѣ изъ Атлантическаго въ великій Океанъ — сей слѣзь привнесъ онъ въ жертву и жизнь свое и самую жизнь *.

* Въ 1755 году состоялся Сенатскій указъ, о допущеніи купца Балаша и Шалаурова предпринять путешествіе, для отысканія по северному морю пути въ Камчатку. Въ самомъ указѣ сказано, чтобы Устюжскій купецъ Пому Бакову и Пивети Шалаурову для сего ирмала, по изысканію отъ устья Лены рѣки, по северному морю, до Колымы и Чукотскаго Паса, отпустилъ ихъ умышлять.

Сокращенное известіе о плаваніи несчастнаго Шалаурова взято мною изъ известнаго сочиненія Колса и Сауерса описанія путешествій Биллингса. Члены достовернѣйшіе и полнѣйшіе восточными мѣст. неизвѣстны*.

Въ 1760 году, Шалауровъ съ Баховымъ поплывъ на галіотъ внизъ по Лентъ. По причинѣ ледоватости моря прошли они недалеко реки Яны, при которой и зимовали.

Въ Іюль 1761 года вышли они изъ реки Яны въ море. Для избежанія льдовъ, Шалауровъ держался близъ береговъ, и обошелъ 6-го Сентября Святой Носъ, открылъ на сѣверъ, въ маломъ разстояніи, гористую землю. Онъ продолжалъ плаваніе къ востоку, но встрѣчая препятствія отъ льда и льдовъ, прошелъ на прежде 15-го числа черезъ проливъ, находящійся между Сибирскимъ берегомъ и островомъ Коммодъ. 16-го числа, получивъ попутный SW вѣтеръ, поплывъ безпрепятственно до чистому отъ льдовъ морю, и въ 24 часа прошли устье Индигирки; 18-го зимовали Амалею. Вскорѣ за сѣмъ, галіотъ, находясь между Медвѣжьими островами и матерымъ берегомъ, былъ совершенно окруженъ льдами, отъ коихъ освободясь, Шалауровъ, по позднему времени, пошелъ въ рѣку Колыму на зимовку. Команда тотчасъ построила на берегу избу, окруживъ ее снѣжнымъ валомъ, и баттарсею изъ быч-

* Въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морского Министерства хранится карта Шалаурова, съ приписками, которыми и также въ сѣмъ описаніи воспользовался.

ших на судия пушек. Дикие оленя табунами приходили к сему месту, и были убиваемы из оленя. Перед накуплением зины, пошла вверх по реке рыба, сельмы, муксуны и омули, которая, доставляя мореплавателям в изобилии свежего мяса, предохраняла их от цынги; однакож в начале следующего года умерь от сей болезни Иванъ Баховъ, оставъ Шалаурова безъ помощника.

В 1762 году, устье Колымы очистилось от льдов не ранее 21 июля. Тогда Шалауров вышел из рьяки в море, и до 28-го плыл на NO и NO¹/₂ O. Вышел на берег, спускал оны складение компаса 11° 15' восточное. Противный ветер и последовавшее за ним безветрие пону-дили его положить якорь, и держали галіотъ на мѣстѣ до 10-го Августа; тогда, съ подувшимъ попутнымъ ветромъ, вступилъ оны подъ паруса, и старался держать не свѣривше NO¹/₂ O; по галіотъ былъ увлекъсь огромнымъ массами моря, несомато "сильнымъ теченіемъ, которое, казало-сь, направлено было къ западу, по одной вер-стѣ въ часъ. 18-го, при насурной погодѣ, пла-ватою, противъ ожидашія, увидѣвъ себя близъ берега, воскъ "яру сѣраго песку," названнаго Пещаный мыс. Впередъ плылао немалоо числоо ледаыныхъ острововъ, которые 19-го числа галіотъ окружили и совершенно затерли ". Въ

* На Шалаурова порта написано: «За покрытие туманом берега, и за неизменным моротением, две на ствол жилая лодка возмущались, в сражи напыло много льда и судно при-

такомъ положении, и всегдашнемъ туманѣ, оставшись Шалауровъ до 23-го числа; тогда удалось ему высвободиться изъ окружающихъ его льдинъ, и держась NO, войти въ довольно чистое отъ льдовъ пространство моря; но противные ветры склоняли его къ SO и къ O, среди большихъ массъ ледутаго льда; пройдя черезъ нихъ, онъ опять направлялъ плаваніе къ NO, дабы обойти Шелагскій мысъ, но не дошедъ до него, встрѣтивъ противные ветры, понудившіе его, по позднему времени, искать мѣста для зимовки. Въ такомъ настроеніи поплылъ Шалауровъ на SW, къ отверзтой губѣ, находившейся по западной сторонѣ Шелагскаго мыса и нигдѣ прежде его не описанной. Онъ вошелъ въ нее 25-го числа, проливомъ между материкомъ и островомъ Араутанъ, а 26-го попалъ на мѣль, у низменной оконечности, противъ устья рѣки Нахля. Съ великимъ трудомъ ставилъ свое судно на вальную воду, поплылъ Шалауровъ на берегъ, искать удобнаго мѣста для зимованія. Онъ нашелъ двѣ рѣчки, но какъ тутъ не было ни растущаго, ни вѣтвистаго лѣса, то, ища другаго мѣста, поплылъ онъ по южной сторонѣ губы, въ вѣду и въ близкомъ разстояніи отъ берега, до острова Сабадеа ^.

5-го Сентября, находился противъ узкаго про-

тѣвленія, а стоялъ до 23-го числа, нигдѣ не испытывая въ такой близости поперечнаго берега, а скланилъ ледъ только къ южной Шелагскій мысъ и представлялъ опасность.

^ На югъ Шалаурова островъ называлъ Завоева.

лива, между островом Сабадеем и материком, увидели Чукотские палаша, коих жители убивали, когда Шалауровъ къ нимъ приближился.

8-го числа, въ полдень, онъ находился у SO оконечности острова Сабадея; 10-го, будучи въ 10 миляхъ къ NW отъ Пещаного мыса, за безвѣтріемъ, «положили дрехть на льдину, и плыли по теченію 5 верстъ» къ WSW; около сего времени увидѣли къ NOEN, въ дальнемъ разстояніи, гору *.

12-го числа, Шалауровъ вошелъ въ Кольму и занялъ прежнее мѣсто для зимовки. У Кокса упомянуто, что Шалауровъ замѣтилъ двѣ примечательныя скалы, близъ того мѣста, гдѣ берегъ заворачивается къ NO, и проливу между островомъ Сабадеемъ и материкомъ; что одна скала названа *Зячымъ Камнемъ*, п подобна согнутому рогу, а другая *Бараний Камень*, въ видѣ груши, то есть, верхъ шире низа, и возвышается надъ горизонтомъ воды на 20 аршинъ. Такихъ названій на картѣ Шалаурова нѣтъ, да и трудно опредѣлить: какія скалы, или горы Шалауровъ разумѣетъ? Гора, известная нѣмъ подъ названіемъ Баранова Камня, ни малѣйшаго сходства съ грушею не имѣетъ, а по всему берегу Ледовитаго моря до Шелагскаго мыса, я не за-

* У Кокса сказано, что Шалауровъ, 8-го Сентября, обошелъ островъ Сабадей, и тогда течение было по 3 версты въ часъ; но я основываясь на оригинальной картѣ Шалаурова, приписки къ ней совершенно объясняю его плаваніе.

метилъ ни одной согнутой на подобіе рога горы, или скалы.

На картѣ Шалаурова, берегъ Ледовитаго моря, отъ рѣки Яны до Шелагскаго мыса, изображенъ съ геодезическою вѣрностію, дѣлающею немалую честь сочинителю. Губа Чаунъ прежде него ни кѣмъ не осмотрѣна, да и потомъ морской описи съ промеромъ тутъ не было. Широты около $1\frac{1}{2}^{\circ}$ избыточно неврны, и, вѣроятно, обсервационныхъ не было, что не касается берега между Колымою и Леною, который, кажется, сдѣланъ съ описи Дмитрія Лаптева, о коей говорено было выше. Острова Араутанъ назначены на Шалаурова картѣ въ губѣ Чаунъ, точно на своихъ мѣстахъ, и не видать на ней третьяго островка, нарисованнаго у Кокса близъ Шелагскаго мыса, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, онъ вовсе не существуетъ. Относительно усмотрѣнной Шалауровымъ горы по rumbo NOn, я долженъ замѣтить, что съ 1822 году находились мы на сей линіи, съ 75 Итал. миль, отъ пункта, съ котораго Шалауровъ думалъ видѣть землю, но хотя погода и горизонтъ довольно были ясны, однакожь мы ничего похожаго на землю не замѣтили, почему полагаю, что ледяная гора была Шалаурова въ заблужденіе.

Склоненіе компаса у Баранова Кампа показано Шалауровымъ $11^{\circ} 15'$ восточн., Биллингсомъ, въ 1787 году, $17^{\circ} 12'$ восточн., а вновь, въ 1822 году, $12^{\circ} 35'$ восточн. Теченіе моря, испытанное имъ, подтверждаетъ то, что и другіи морепла-

кателями замѣчено къ сѣви моря, гдѣ лютонъ воды стремятся отъ востока на западъ.

Путь Шалаурова въ 1761 году показываетъ, что островъ Діоннда, къ востоку отъ Святаго Носа, еще существовалъ въ то время, и точно на томъ мѣстѣ, гдѣ Дмитрій Лангевъ, въ 1739 году, его видѣлъ. Но при описяхъ, учиненныхъ Геденштрекомъ въ 1810, и лейтенантомъ Анжу въ 1823 году, островъ сей не найденъ, и прежняго существованія его не осталось даже и въ преданіяхъ промышленниковъ, которые весьма часто въ сихъ мѣстахъ развѣзжаютъ. Лангевъ и Шалауровъ изображаютъ берегъ отъ Святаго Носа къ рѣкѣ Хромъ съ изгибами, и не такою прямою чертою, какъ по послѣдней описи онъ оказался, а островъ Діоннда положенъ на обоихъ картахъ отъ Св. Носа въ 45 миляхъ на NO, 78° по правому компасу, и въ 13 Итал. миляхъ отъ ближайшаго берега. Сравненная сіи карты съ картою лейтенанта Анжу, мы съ перваго взгляда удостоверимся, что островъ Діоннда не присоединился къ берегу *, а, вѣроятно, смытъ, или сдвинутъ отъ сильнаго напора льдовъ; та же причина могла сравнять и низменный берегъ къ востоку отъ Святаго Носа.

Усмотрѣнная Шалауровымъ гористая земля къ сѣверу отъ Святаго Носа, есть, безъ сомнѣнія, первый Ляховскій гористый островъ.

Неудача, испытанная Шалауровымъ, не лишила его надежды на лучший успѣхъ въ слѣ-

* Хрон. Истор. г. Берга, часть I, стр. 141.

дующемъ году; онъ рѣшился испытать еще разъ обходъ Шелагскаго мыса, но команда взбунтовалась, разбѣжалась, и привела его въ необходимость возвратиться на Лецу. Оттуда вѣдѣлъ Шалауровъ въ Москву, и получивъ вспоможеніе отъ Правительства, предпринялъ вторичное путешествіе къ Шелагскому мысу, въ 1764 году, но болѣе уже не возвращался.

Различныя были слухи и мнѣнія о жребии, постигшемъ сего предприимчиваго мореплавателя. Въ 1823 году найдено нами мѣсто, куда Шалауровъ спасся съ погибшаго во льдахъ судна; мѣсто сіе находится на матеромъ берегу, въ 70 Нав. миляхъ отъ Шелагскаго мыса. Тамъ, въ необитаемой пустыни, кончилъ Шалауровъ жизнь, передавъ потомству имя свое, въ воспоминаніе рѣдкаго примѣра предприимчивости и самоотверженія.

Острова, лежащіе противъ рѣкъ Яны и Колымы, не могли оставаться долго въ полной неопредѣленности. Найденное Якутскимъ купцомъ Ляховымъ, около 1750 года, богатство въ недрахъ земли тувырскаго полуострова, между рѣками Хотангой и Анабарой*, мамонтовые рога, подстрекали къ новымъ обретеніямъ. У приморскихъ жителей существовали давнія преданія объ островѣ противъ Салтаго Носа; Шалауровъ видѣлъ горы на немъ, и паставало время повѣрить извѣстія и распространить промышленность.

* Уров. Истор. с. Берга, часть II, стр. 144.

Въ 1759, или 1760 году *, Устьинскій Якутъ Этериканъ рѣшился на сіе предпріятіе, увѣнчанное открытіемъ противъ Святаго Носа острова, сохранившаго и поднесъ названіе Этериканъ, или Первой Ляховскій островъ; послѣднее названіе дано ему по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ честь Лихова, вздѣвшаго туда и открывшаго новыя острова.

Купецъ Ляховъ, которому, вѣроятно, открытіе Этерикана было уже извѣстно, находился въ Мартѣ мѣсцѣ 1770 года у Святаго Носа, увидѣвъ многочисленное стадо оленей, шедшихъ къ югу, слѣды коихъ простирались отъ сѣвера черезъ море. Рѣшившись навестать, откуда шли сіи звѣри, Ляховъ пустился рано утромъ, въ началѣ Апрѣля, на нартахъ, по слѣду, и проѣхавъ около 70 верстъ отъ мыса прямо на сѣверъ, прибылъ къ острову, гдѣ остался ночевать. Слѣдующаго дня, не оставляя оленьихъ слѣдовъ, достигъ онъ, на 20 верстъ, другаго острова. Слѣды, простираясь еще далѣе на сѣверъ, скоро завлекъ Лихова въ тороса, по коимъ ему невозможно было пробираться далѣе, почему возвратился онъ назадъ, и съ трудомъ вылезалъ на материкъ.

По полученіи извѣстія объ его поѣздкѣ, Правительство предоставило Ляхову исключительное право промысливать мамонтовую кость и песчювъ, какъ на сихъ островахъ, такъ и на тѣхъ, которые онъ впредь откроетъ.

* См. Путешествіе Гаденштрека, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1823 годъ.

1773 год, Ляховъ, сопутствуемый Якутскимъ купцомъ Протодьяконовымъ, поплылъ въ лодкѣ, съ 5-ю гребцами, на первый островъ; въ проливъ морская вода казалась имъ весьма солона; теченіе было отъ востока. Со втораго острова увидѣлъ Ляховъ, при ясной погодѣ, еще землю на свѣрѣ, и скоро прѣхалъ на нее, назвавъ ее Третьимъ островомъ. Берегъ покрытъ былъ напоснымъ лѣсомъ. Земля, гористая, казалась обширною. Путешественники нашли кѣйки мамонтовые и видѣли слѣды звѣрей. Возвратясь на первый островъ, Ляховъ выстроилъ изъ напоснаго лѣса зимовье, гдѣ и провелъ зиму. Здѣсь должно замѣтить еще, что одинъ изъ его товарищей оставилъ на третьемъ островѣ котель мѣднѣй, обстоятельство, доставившее ему названіе Котельнаго острова.

Протодьяконовъ рассказывалъ Сауеру, въ бытность Биллингса въ Якутскѣ, что земля на первомъ островѣ состоитъ изъ песка со льдомъ. Мамонтовыхъ костей находили на немъ такое множество, что казалось, будто островъ весь состоялъ изъ нихъ. Между мамонтовыми костями видѣли головы и рога, похожіе на буйволовые. На третьемъ островѣ нашли нѣсколько ручейкъ; въ устьяхъ лежало множество напоснаго лѣса, и въ ручьи выплывали съ моря рыбы, между коими и краснотелъная перка, которая водится въ Охотскѣ и Камчаткѣ, но нѣ въ Колымѣ, ни въ Индигиркѣ не бываетъ. Въ морѣ видѣли китовъ и бѣлугъ, а на землѣ бѣлыхъ медвѣдей, волковъ

и оленей. Незнание пространства сего острова возобновила старую молву о продолженіи Американскаго берега.

По возвращеніи Лихова на Яну, распространился слухъ о вновь открытой большой землѣ, для изслѣдованія которой отправленъ изъ Якутска землемеръ Хвойновъ, съ порученіемъ сопутствовать Лихову на ту землю и сдѣлать ей вѣрную опись.

Въ концѣ Марта 1775 года, Хвойновъ прибылъ въ Устьянскъ и по льду перешелъ къ Святому Посу. 16 Мая прибылъ онъ къ первому острову, имѣющему по его счету 150 верстъ въ длину, поперекъ 80, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и 20 въ самомъ узкомъ. По срединѣ напелъ онъ озеро, значительной величины, но весьма мелкое, холм берега его были круты. Дѣлая опись, Хвойновъ объѣхалъ кругомъ всего острова, и насчиталъ 367 верстъ во всей окружности. Дурная погода и недостатокъ въ кормѣ собакъ удержали землемера безъ всякаго дѣла въ Лиховскомъ зпновѣ на семь островъ до 6-го Іюня; тогда выступилъ онъ въ обратный путь и благополучно пріѣхалъ въ Устьянскъ.

Въ 1776 году надлежало Хвойнову довершить опись Лиховскихъ острововъ, но дурная погода и недостатокъ въ съестныхъ припасахъ остановили его. Въ 1777 году нить онъ тотъ же неуспѣхъ, отъ тѣхъ же причинъ. Однакожъ, онъ собралъ отъ промышленныхъ людей столько извѣстій, что на картѣ начертить и второй островъ

со словъ другихъ, а первый по собственной описи, которая въ главныхъ размѣреніяхъ острова неибрна, а въ частныхъ подробностяхъ довольно хороша. Замѣчательно, что отъ юго-восточнаго мыса, въ 10 верстахъ на востокъ, усмотрѣлъ Хвойновъ отрядышъ во льдахъ, который на его картѣ, ниже на новѣйшей картѣ лейтенанта Анжу не означенъ, и, можетъ быть, действительно, болѣе не существуетъ *.

О Медвѣжьихъ островахъ существовали въ то время одни темныя, на преданіяхъ основанныя вѣсти. Надлежало ихъ привести въ ясность, и испытать на дѣлѣ степень развитія жолвы о продолженіи Америкъ мимо Колымы, въ недалекомъ отъ Сибирскаго берега разстояніи.

Дѣло поручено было геодезистъ сержанту Андрееву **, посланному, въ 1762 году, отъ Сибирскаго генер. губернатора Чичерина на Колыму.

* Извлечено изъ журнала Хвойновъ, помѣщенного въ *Таллассе поляр. Вестникѣ*, 7 ч., стр. 134—142.

** У Палласа, въ *Nouveaux voyages*, т. I, ч. II, стр. 331, сообщается журналъ геодезистовъ Андреева, Леонтьева и Лихочева, поднявшихъ по Ледовитому морю къ 1763 году. Въ *Сибирскомъ Вестникѣ*, на 1823 годѣ, тотъ же журналъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: «Журналъ Амурской команды сержанта Андреева» и проч., помѣщенный въ 1763 году. По Хронол. Ист. Берха, стр. 149, ч. II, сказано, что полковникъ Пленцисеръ, будучи вѣдомъ осматрѣть Амурской островъ, и получивъ отъ Чукчей свидѣніе, что къ северу отъ устья Колымы есть большая земля, именувшаяся Нюганъ, отправилъ сержанта Андреева, чтобы удостовериться въ справедливости сего сказанія. Г. Берхъ приводитъ о путешествіи Андреева краткія толки, что въ приложеніяхъ журналовъ сказано. Давно говорить, что послѣ

Марта 4-го дня, 1763 года, отправился Андреев из Нижне-Колымского острога, на собаках, к речке Крестовой, и оттуда на речку Индигирку, с казаком Шкулевым, который должен был указывать путь. Возвратясь к Крестовой и откормивши собак, Апреля 22 го, при благополучной погоде, отправились они по льду, на собаках, к морю, и переехав 90 верст, прибыли к первому видному острову, который протянулся по морскому берегу, от восточка к западу, на 50 верст; ширина острова около 40, окружность до 100 верст.

Андреев, описывая подобный образцы и прочие острова сей группы, находил на каждом признаки бывшей обитаемости, развалившиеся землянки, или вкопанные в землю юрты. Особенно примечательна юрта, найденная им на скале у третьего острова, который, по описанию Андреева, превышает величину первый остров, имея 120 верст вокруг и 60 в длину. Вот слова его: «Съ северной стороны острова имеется у берега называемый отрядышъ, разстояніе отъ берега 11 сажень печатныхъ, и на прибыли мжгуткии бываеъ вода, а нынѣ суко, одна мылка дресва, а оный камень отрядышъ весьма

Андреева (путешествовавшего въ 1763 году), въ 1767, 1768, 1769 годахъ, вѣдши по Ледовитому морю три геодезиста, Леонтьевъ, Лыковъ и Пушарскій. По рукописному же журналу сихъ трехъ геодезистовъ видно, что они вѣдши по Ледовитому морю въ 1768, 1770 и 1771 годахъ, а что касается до земли Инолунъ, то известно, что перый островъ отъ Чукотскаго Носа въ Беринговомъ проливіи назывался Инолунъ. (См. Палласовъ, X. т. II, IV, 107).

мягко, дрсавы, вышиною отъ земли въ 5 сажень печатныхъ; на немъ же ямется сѣмь тѣсный завадокъ (уступъ), вышины отъ земли три сажени печатныхъ, на которыхъ сдѣлана крѣпость, на подставныхъ десяти лѣсинахъ матерыхъ (крупныхъ), лѣственничныхъ; а ставлены лѣсныя вверхъ корнями, къ землѣ же вершинами; такъ прилѣплено, какъ птица на деревѣ гнѣздо вѣсть, а сдѣлано подобно, какъ быть надобно лабазу. Первый полъ настланъ изъ напосаго лѣственничнаго матераго изъ лѣсу; поверхъ пола настланъ песокъ съ зѣлкою дресвою, толщиною на четверть, а по тому полу обстелено вокругъ, на подобіе юрты, досечками и пластинами шести-четвертными, столь высоко, челоуку въ поясъ; вокругъ юрты осыпано тою же дресвою съ дерномъ, а на верхъ пакданы мѣлкій, чаносный, лѣственничный, еловый и оосиновый лѣсъ, на коемъ была насыпана жъ дресва съ пескомъ, тою обшита. Для сѣней рублены проухи и связаны уши ремнями; оныя проухи рублены и доски тесапы топоромъ не желѣзнымъ, а каменнымъ, или какиахъ костянымъ, подобно какъ зубами прызено. Поперекъ ея четыре сажени, въ длину $4\frac{1}{2}$ сажени, а когда она цѣла была, вдоль и поперекъ по 6 сажень; вывъзъ къ берегу изъ юрты спускъ на землю; другой спускъ въ каиень на северную сторону, тою много же развалилось. А признается дѣлани оная крѣпость съ превеликимъ трудомъ, по высотѣ и по тѣснотѣ того Завалка, тою

строены на Русские люди, а другие, но какими
о томъ знать не можно.»

Объѣхавъ и четвертый островъ, онъ наконецъ
прибыль на пятый, по его словамъ, разстояніемъ
отъ четвертаго 100 верстъ, въ длину 70, вокругъ
140, а поперегъ 50 верстъ, «и много поотшибелъ
противъ устья рѣки Чауна, или можно сказать
къ Чукотскому Посу.» Описавъ найденныя двѣ
развалившіяся юрты, и «два камня, стояшіе,
оъ прѣзда отъ западной стороны, въ полугора,
называемыя кекуры, съ издали видимыя напохо-
біе чловчквы,» Андреевъ продолжалъ, «да на
«семъ же островѣ всходили на верхъ горы и смо-
трѣли во всю сторону. Въ полуденную сторону
«видѣнь голоченный камень, который, по разсуж-
«денію нашему, тотъ Ковыльскій камень, а въ
«лѣво, въ восточной сторонѣ, едва чуть видѣть,
«спль синѣть, или назвать какая чернь: что
«такое, земля или лолое море, о томъ въ по-
«длиннѣкъ обстоятельно довести не умѣю.» Отъ
сего острова возвращаясь къ Крестовой рѣкѣ, по-
чевали на третьемъ островѣ. Малъ 1-го, готовясь
ѣхать, встали поутру рано, и «увидали, что два
«медведя лобызали въ море, за которыми от-
«пустили собакъ и расшибли ихъ порезны, а
«раздѣля на двое команду, догнали медведей и
«убили.»

Выѣхавъ благополучно на Крестовую рѣку, Ан-
дреевъ, въ заключеніе журнала своего, говоритъ:
«Хотя по сказкѣ, данной отъ казака Федора Та-
«дирникова, съ товарищи, и показано отъ рѣчки

Крестовой до первого, а отъ первого до второго, даже и до пятого острововъ, въ длину, поперекъ и по кругу, разстояніемъ перестъ, но только онаго весьма явилось много; а что касается ко моему мнению, то развѣ единая въ чаломъ числѣ верстъ ошибка быть можетъ.»

Вокруги столь скромному утврѣнію, Андреевъ въ описаніи погрѣшилъ на 440 верстъ избыточно, протягивая пять острововъ отъ рѣчки Крестовой къ постоку на 550 верстъ. Также возникшее положеніе и раздѣленія острововъ весьма ошибочны.

Укрѣпленная на скалѣ юрта и скала тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ 1820 году оныя бывшую тамъ акседицію не найдены, почему думать должно, что льдомъ стерты и сокрыты нынѣ подъ водою. Разрушенныя жилища, коихъ остатки найдены и нами на нѣкоторыхъ изъ сихъ острововъ, конечно, замѣчательны, но не болѣе махъ свидетельства прежней (вѣроятно, на короткое время) обитанности острововъ, опустѣвшихъ подобно приморскимъ берегамъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса, во концы видѣли мы также немалое число развалившихся землянокъ. Г. Берхъ находитъ причины сего опустѣнія въ перемены климатъ*.

* См. Хрон. Ист. часть I, стр. 148, гдѣ сказано: «Оставшіяся жилища сіи подымаютъ намъ идею о тѣхъ великихъ измѣненіяхъ, коиныя ширь землей подверглась къ теченію своего южного крутоизмѣненія». Должно замѣтить, что сіи жилища не суть развалины Греческой архитектуры, а юрты, жилища, какія строится въ семъ видѣ у южныхъ странъ подлѣ 78° широты.

Что касается до усмотривной Андреевыи съ пятаго острова синевы, замѣчу, что ставъ лицомъ къ Колымскому Камню на полдень, синева замѣчена на лѣвой рукѣ «къ восточной сторонѣ», то есть, въ той сторонѣ моря, которая изслѣдована нами, въ 1821 и 1822 годахъ, на 250 верстъ: доказательство, что синева не могла быть неизвестная земля, которая долженствовала бы нами непременно открыться.

Впрочемъ, въ слѣдующемъ году сержантъ Андреевъ былъ опять на пятамъ островѣ, ибо въ дополнителномъ извѣщеніи, данномъ Билингсу*, сказано: «Въ 1764 году сержантъ Андреевъ, съ послѣдняго изъ Медвѣжьихъ острововъ, усмотрѣлъ въ всякой отдаленности, полагаемый имъ величайшимъ, островъ, куда и отправились льдомъ на собакахъ, но не дождавъ того верстъ за 20, наткнули на свѣжіе слѣды превосходнаго числа, на оленяхъ и въ саняхъ, неизвѣстныхъ народовъ, и будучи малолетны, возвратились на Колыму. Больше о сей землѣ, или великомъ островѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній.»

Какое доверіе заслуживаетъ Андреевъ, показывая намъ его описъ Медвѣжьихъ острововъ, и вышеизложенная мною невозможность видѣть землю съ пятаго острова въ восточномъ извѣщеніи. Если же Андреевъ вѣдалъ въ ту сторону, въ которой усмотрѣлъ онъ свѣсу, то есть, на востокъ, и действительно видѣлъ высокую

* См. Путешествіе капитана Билингса, изд. г. вице-адмиралаъ Сарычева, стр. 199.

землю и оленьи слезы, то его открытіе должно быть отнесено къ матерому берегу Азии, къ которому непримѣннымъ образомъ могъ онъ скланиваться, идучи на востокъ. Иначе показаніе Андреева должно называться баснею, которая въ послѣдствіи еще болѣе распространена и раскрашена. Напримеръ, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, за 1823 годъ, въ замѣчаніи къ журналу сержанта Андреева, мы находимъ: «Другія извѣстія доказываютъ, что сія земля кишеть жителями, которые называютъ ее *Tikegenz*, а сами извѣстны подъ именемъ *Хрохаевъ*, и состоятъ изъ двухъ племенъ. Некоторые изъ нихъ бородатые и похожи на Россіянъ, другіе же Чукотской породы. Бывшіе при экспедиціи Биллингса, сотникъ Кобелевъ и толмачъ Дауркинъ, подтвердивъ описаніе Андреева, представили даже абрисъ видѣнной имъ земли, составленный некоторымъ Американскимъ тесномъ.»

Здѣсь, вѣроятно, говорится о сѣверо-западномъ берегу Америки, котораго главнѣйшіе мысы и бухты могли быть извѣстны Американскому топу, а названіе народа Хрохаи взято изъ разсказовъ Чукчей Сѣвернаго мыса, какъ означено въ томъ же журналѣ.

Извѣстіе, доставленное Андреевымъ объ обширной на сѣверъ землѣ, подало поводъ къ отправленію секретной экспедиціи изъ Тобольска на Колыму. Г-нъ Берхъ намѣлъ въ Тобольскомъ архивѣ журналъ сей экспедиціи, которая иначе осталась бы для насъ поднесѣе секретною.

Въ 1767 году ездили геодезиз прапорщики Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ изъ Якутска въ Охотскъ, и оттуда въ Нижне-Колымскъ. Въ сей острогъ прибыли они въ 1768 году, и въ слѣдующемъ году предприняли путешествіе по Ледовитому морю.

1769 года, Марта 1-го, поехали они на собакахъ изъ Нижне-Колымска, а 17-го числа отъ правляясь отъ устья рѣки Крестовой на первый Медвѣжій островъ, и объѣзжая всѣ другіе острова, дѣлали имъ подробную геодезическую опись, ставъ вѣрную въ отношеніи къ извѣстному имъ положенію и отстоянію, что въ 1821 году, мы не нашли значительныхъ погрѣшностей. Геодезисты нашли тѣ же развалившіяся юрты, о которыхъ говорилъ Андреевъ.

23-го Марта, находясь на самомъ восточномъ островѣ, въ бухтѣ, по северному его берегу, Леонтьевъ, по наблюденію, нашелъ широту $71^{\circ} 58'$, почти въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1821 году мною найдена широта $70^{\circ} 37'$.

24-го числа отирались они въ море на NO 18° , и проехавъ 37 верстъ по торосамъ и расколу, остановившись на почтѣ, гдѣ крѣпкимъ отъ W вѣтра въ начало ломать ледъ, такъ, что едва успѣли перейти на другое безопаснѣйшее мѣсто.

25-го числа стояли за погодую и тургою.

26-го числа, проехавъ на NW 5° три версты, черезъ трудные торосы, нашли, что ледъ тонокъ, почему не рѣшились слѣдовать далѣе, «ибо

до большой Американской земли расстояние не-
известно*. Притом не стало у них пищи и
корма собакамъ, подбившимъ себя ноги, такъ,
что они съ трудомъ бѣжали. Поворотясь назадъ,
приѣхали тѣмъ же путемъ, Апрѣля 7-го, къ
Нижне-Колымскъ, проѣхавъ по нѣмъ счету впе-
редъ и обратно 830 верстъ и 200 сажень.

1770 года, Февраля 28-го, пустились вто-
рично изъ Нижне-Колымска, а Марта 7-го изъ
устья Чукотской протоки, и направили путь къ
Медвѣжьимъ островамъ, на самый восточный изъ
коней прибыли Марта 10-го; за погодою оста-
вались на семь островъ 3 дней.

16-го числа поѣхали на NO 5°, къ «большой
Американской землѣ» и на 28 верстъ остано-
вились на ночь.

17 на NO 8°	протх.	23 верстъ	300 саж.	} торосы — сами.
18 — NO 5°	—	18 —	150 —	
19 — NO 5°	—	25 —	« —	
20 — NO 5°	—	22 —	« —	
21 — NO 5°	—	18 —	« —	} всякая часть — ни то- росамъ.
22 — NO 10°	—	18 —	« —	
23 — NO 15°	—	40 —	400 —	
24 —				

25-го чинили нарты, совершенно изломавшія-
ся въ торосахъ.

26-го стояли за погодою.

27-го, что видности, что впереди торосы еще
чаще, поѣхали Лысохъ и Пушкарекъ, въ числѣ
10 человекъ, на отобранныхъ собакахъ, съ кор-

* Слѣдовательно, Андрей не могъ сказать, что не доѣхалъ 30
верстъ до негъ.

момъ и нищего на 3 дня, «для осмотра», не увидится ли гдѣ какая земля. На 5-й верстѣ до-
ѣхали къ небольшимъ торосамъ, въ 4 сажени вы-
шиною; по нимъ проѣхали около 30 верстъ;
осмотрѣли зрительною трубою горизонтъ, и ви-
дѣли одни частые торосы, черезъ которые не
предвидѣ возможности ѣхать далѣе, повернули
28-го числа назадъ.

На пути къ острову перѣехали они 5 раз-
линья на льду, шириною по 1 аршину, и 1-го Ап-
рѣля прибыли на 5-й островъ, гдѣ остались три
дня для осушки платья и обуви; убили 4 медве-
дей.

5-го Апрѣля поехали на Колыму, и 9-го чи-
сла прибыли въ Нижне-Колымскій острогъ, сде-
лавъ впередъ и обратно 950 верстъ 150 са-
женъ.

Полагая склоненіе компаса 15° восточное, при-
водить курсы ихъ въ широту $72^{\circ} 00'$ то шесто, гдѣ
остановлены были съѣзжии торосаки.

1771 года, Февраля 27-го числа, геодезисты
въ третій разъ отправились изъ Нижне-Колым-
ска, и отъ устья Средней Колымы направили
путь къ послѣднему Медвѣжьему острову, куда
прибыли 9-го Марта. Будучи удержаны пого-
дою, поехали отъ острова 15-го числа, держа
на NO 77° , къ Чаунской сторонѣ. Провѣавъ въ
три дня 78 верстъ, почти на истинный востокъ,
и не замѣтя ничего примѣчательнаго, повернули
на SW 10° , къ большому Баранову Камню, куда
прѣехали на 50-й верстѣ, 18-го числа.

19-го длевали, и убили одного бѣлаго медвѣди въ берлогу.

Отъ 20-го до 24-го числа, включительно, шли къ постуку вдоль береговъ; 25-го длевали; 26-го поѣхали далѣе, до губы Шелагинской; 28-го повернули назадъ, за неизвѣннѣе корма, а 6-го Апрѣля прибыли въ Нижне-Колымскъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 432 версты 450 сажень.

На картѣ, сочиненной геодезистомъ Лесиньскимъ, изображенъ берегъ отъ Колымы къ губѣ Чаунъ съ великимъ небреженіемъ, и какъ будто въ доказательство, что геодезисты не только вовсе не помышляли объ описи, но даже не пользовались картою Шлаурова, на коей сія часть берега проведена съ довольною точностію. Такая неосновательность геодезистовъ удивляетъ тѣмъ болѣе, что пройденныя ими разстоянія при описи Медвѣжьихъ острововъ, и даже суточные переходы въ сію послѣднюю повѣдку, показываются въ саженахъ, почему должно думать, что разстоянія измѣрены были пьюю; но въ торосахъ такой способъ вовсе неудобенъ, и, вѣроятно, употреблялся только на ровныхъ мѣстахъ*.

Ноября 6-го отправившись геодезисты изъ Нижне-Колымска, по ордеру отъ полковника Пленнскера, въ Тобольскъ, откуда Сибирскій губернаторъ Чичеринъ, 1773 года, въ Августѣ, послалъ

* Служивъ Нижне-Колымска поимать эту шель, и разсказывать, что при описи Медвѣжьихъ острововъ тирани не люди.

довсели и карты, съпроращивомъ Леонтьевымъ, въ С. Петербургъ.

Экспедиція, продолжавшаяся пять лѣтъ, и сдѣлавшая три поѣздки въ Ледовитое море, хотя и не достигла предполагаемой ей Правительствомъ цѣли, но не была и вовсе безуспѣшна. Мелвильскіе острова съ великою вѣрностью, геодезически описаны, и море изслѣдовано къ северу и къ востоку отъ нихъ, сколько обстоятельствъ позволяли; показаніе сержанта Андрева о северной землѣ, обитанной оленными народами, приняло видъ басни, равно и преувеличенное повѣстіе о дальнѣмъ протяженіи Мелвильскихъ острововъ, и ихъ размѣренія, достаточно опровергнуто.

1778 года, Августа $11\frac{1}{2}$, появился Кукъ въ Беринговомъ проливѣ, съ извѣстною цѣлю: отыскать проходъ въ Атлантическій Океанъ, мимо северныхъ береговъ Америки или Азіи. Дѣланыя волы, прикхнувшись къ Ледовитому мысу, остановили Кука на востокъ, а противные вѣтры и позднее время года понудили знаменитаго мореплавателя возвратиться, достигнувъ на западъ мыса, названнаго имъ Северный, который определенъ въ широтѣ $68^{\circ} 50'$, долготѣ $179^{\circ} 11' W$, отъ Гринича; склоненіе компаса найдено здѣсь 20° восточное. Капитану Куку казалось, что отъ сего мыса, берегъ принимаетъ почти западное направленіе, и что за нимъ находится озеро, или заливъ.

Учпенная въ 1823 году опись показываеъ,

что догадки Кука въ семь случаевъ были непрерывны, а опредѣленіе широты мыса Севернаго довольно согласно съ моими наблюденіями, на самомъ почти мысѣ учиненными; по онымъ широта $68^{\circ} 55' 16''$, долгота $179^{\circ} 54' W$; склоненіе компаса $21^{\circ} 40'$ восточное.

Азіятскій берегъ до мыса Севернаго не могъ быть осмотрѣнъ Кукомъ иначе, какъ весьма поверхностно. На обратномъ плаваніи усмотрѣнъ островъ, «визнущій отъ 4 до 5 миль въ окружности, средней вышины, съ отвѣсными, скалистыми берегами, въ разстояніи 3-хъ миль отъ материка.» На картѣ положивъ сей островъ, названный *Burney's island*, въ широтѣ $66^{\circ} 45'$, долготѣ $185^{\circ} 5'$ вост.

Послѣнку около сего мѣста не находится другаго острова, кромѣ *Кулючина*, то, безъ сомнѣнія, *Burney's island* есть тотъ самый, до котораго, въ 1823 году, наша экспедиція дошла: описаніе паруснаго вида его совершенно оправдываетъ догадку, хотя въ опредѣленіи географическаго положенія находитъ значительное несогласіе, ибо, по наблюденіямъ, учиненнымъ мною на южной оконечности острова, широта мѣста $67^{\circ} 28' 46''$, долгота, по счисленію, $181^{\circ} 28'$ вост.

Далѣе къ востоку, въ широтѣ $67^{\circ} 3'$, долготѣ $188^{\circ} 11'$, усмотрѣлъ капитанъ Кукъ довольно значительной высоты мысъ, отвѣсно стоящій надъ моремъ. «Къ востоку отъ него берегъ идетъ высокій и приглубый, но къ западу отъ низменъ и направляется къ *NNW* и *NW $\frac{1}{2}$ W*, коими

до самаго мыса Свѣрнаго. Глубины, въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ берега, вездѣ почти одинаковы, какъ у Азіатскихъ, такъ и у противоположныхъ береговъ Америки. Самая большая глубина, плавая вдоль нихъ, была 23 сажени, и ночью, или въ туманную погоду, лодь можетъ служить не бесполезнымъ поводомъ въ плаваніи вдоль обонхъ сихъ береговъ».

На счетъ силъ замѣчаній капитана Кука можно сказать, что весь берегъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса до мыса Свѣрнаго, и отъ сего послѣдняго до острова Кулючипа, нельзя назвать ни низменнымъ, ни высокимъ; онъ перемѣняется, и именно около мысовъ *Опмалъ* (къ западу отъ острова Кулючипа), *Кибера* и *Ковьлама*, представляеть довольно высокія, нѣсколько отлогія горы и отвѣскія скалы.

Въ плаваніи между берегами Азіи и Америки, къ северу отъ Берингова пролива, капитанъ Кукъ и астрономъ Билей неоднократно думали видѣть признаки близости земли на сѣверѣ. Почти неприхотное увеличеніе глубины моря, съ удавленіемъ отъ береговъ обонхъ материковъ, стада гусей и утокъ, летѣвшія отъ сѣвера на югъ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ такое время, когда сіи птицы, действительно, въ полуденныя страны отлетаютъ, самое образованіе льдовъ, все, по мнѣнію Бурнелъ, согласно указывало на непротивную землю, къ сѣверу отъ пролива. Теченія никакого не замѣчено, хотя льды примѣтно на югъ подавались.

Подвиги Англичанъ, старавшихся знакомить Европу съ отдаленнѣйшими странами нашей земли, обратили на сей предметъ вниманіе и Россія. Кому неизвѣстны описанія экспедицій, отправленной въ сѣверо-восточную Азію и къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки, для географическихъ изслѣдованій, подъ начальствомъ капитана Биллингса, съ 1785 года по 1794 годъ? На Русскомъ языкѣ описаны ея дѣйствія капитаномъ Сарычевымъ*, который былъ дѣятельнѣйшимъ въ ней сотрудникомъ, а на Английскомъ секретаремъ экспедиціи Сауеромъ**.

Въ числѣ многихъ предметовъ, составлявшихъ цѣль сего предпріятія, было и испытаніе возможности мореходнаго сообщенія пѣзъ Ледовитаго моря чрезъ Беринговъ проливъ, въ Восточный Океанъ. Для того (на рѣкѣ Ясанѣ, близъ Верхне-Колымскаго острога) построили два мореходныхъ судна, Чалласъ*** и Ясашну****. На первомъ находился начальникъ экспедиціи капитанъ Биллингсъ; второе поручено въ командование капитану Сарычеву.

1787 года, Мая 25-го, появились оба судна внизъ по Ясанѣ и Колымѣ, и 18-го Іюня находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ имѣла широту $68^{\circ} 17' 14''$, долготу $163^{\circ} 17'$

* Немецкій переводъ, von Duns, Leipzig, 1805.

** An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia.

*** 45 пушекъ по лѣзю.

**** 28 пушекъ по вѣсу.

30° восточную; склонение компаса 14° 14' восточное.

19-го числа, Паламъ поплылъ dalje, а 21-го последовала за нимъ и Ясашна; 22-го соединились оба въ восточномъ устьѣ Колмыи, близъ Шалауровскихъ казармъ и Лаптева маяка. Капитанъ Сарычевъ замечаетъ: «Кажется изрочно, что прежде фарватеръ рѣки былъ возлѣ правого берега, что доказываютъ построенныя на немъ Лаптевыми для людей казармы, близъ коихъ вытѣсненъ былъ и ботъ его, но теперь, не только большое судно приблизиться къ сему берегу не можетъ, но и шлюпка подходить съ трудомъ, и то въ водопаде, а во время убыли воды отсюда бываетъ версты на три.»

23-го числа, югозападнымъ ветромъ развелъ полешія, и въ Ясашну оказалась уже течь, которую однакожь скоро остановили.

24-го, начальникъ экспедиціи объявилъ себя чинъ капитана 2-го ранга, и того же дня оба судна снялись съ якоря, и чрезъ 6 миль вышли изъ устья Колмыи въ Ледовитое море. Глубина рѣки, по фарватеру, который здесь до 200 сажень шириною, была отъ 3 до 5 сажень; на дни жидкій илъ. Берегъ продолжается каменистымъ утесомъ, вышиною до 8 сажень; подвѣсивъ видно много напосаго лѣса.

Укрываясь отъ льдовъ, носившихся близъ береговъ, суда входили въ небольшие заводи за мысами, и останавливались на якорахъ, когда не находили возможности плыть далее. 28-го,

находясь въ заливѣ между Большимъ и Малымъ Барановымъ каменьями, противъ руты, Биллингсъ устроилъ свою обсерваторію, на берегу, нашелъ широту того мѣста $69^{\circ} 27' 25''$, долготу, по хронометру, $167^{\circ} 50' 30''$. Капитанъ Сарычевъ въ своемъ сочиненіи показываетъ обсервованную широту того же мѣста $69^{\circ} 29'$, прибавляя: «Изъ сего видно, что на всѣхъ прежде изданныхъ картахъ, берегъ Ледовитаго моря положенъ дальѣ къ северу почти на два градуса». Склоненіе компаса было здѣсь $16^{\circ} 00'$ восточное.

1-го Іюля, оба судна снялись съ якоря, и стараясь пробираться на северъ, гдѣ льды, казалось, уменьшались, но самый густой туманъ, препятствовавшій видѣть дальѣ 2-хъ сажень, принуждалъ ихъ ложиться часто на якорь. Самое большое отдаленіе отъ берега къ сѣверо-западу простерлось не болѣе 20 миль; отсюда принуждены были поворотить обратно, «ибо высокіе и большіе льды, концы не видно было конца, покрывали впередъ все море, и ударяющіеся объ нихъ волны производили ужасный шумъ». Пятая, 2-го числа, положила якорь въ заливѣ за мысомъ, западнѣе того, у котораго вчера стояли; Ясашпа скоро съ нею соединилась.

5-го, и въ слѣдующія числа, пыталась проплыть дальѣ на востокъ, и встрѣчая всегда препятствія отъ льдовъ, при частыхъ, густыхъ туманахъ, иновали 19-го Іюля Большой Барановъ камень, но прошелъ на сѣверо-востокъ около 11 миль; ледяныя громады, изъ коихъ многія на

16 саженьях глубины доставали дно, принудили их укрыться по западной стороне сего мыса, и положить якорь.

Затѣмъ капитанъ Биллингсъ составилъ советъ изъ офицеровъ, въ коемъ положено: «за невозможностію пройти далѣе къ востоку, и за позднимъ осеннимъ временемъ, возвратиться на Колыму.» Лишь только кончился советъ, то снались, и на звездахъ поплы по западу. 26-го Июля вошли въ устье Колымы, коей теченіе было столь тихо, что черезъ пять дней дошли до Нижне-Колымска, къ темъ кончили, сколь трудное, столь и опасное плаваніе по Ледовитому морю.»

По окончаніи плаванія, Биллингсъ вторично собралъ советъ, въ коемъ разсуждено было: «какъ бы удобнѣе и безопаснѣе обойти, водою или берегомъ, мысы Шелатскій и Чукотскій.» Опытъ показалъ, что водою сего исполнить было не можно; оставалось еще средство объѣхать мысы зимою на собакахъ, «но оно отвергнуто въ советѣ, такъ какъ неудобно, потому, что нельзя взять съ собою для собакъ корма болѣе, какъ на 200 верстъ пути.»

Наконецъ, положено сдѣлать еще покушеніе съ восточной стороны, отъ Берингова пролива, на судахъ, приготовлявшихся въ Охотскѣ.*

На пути въ Беринговъ проливъ, въ 1791 году, капитанъ Биллингсъ, на суднѣ *Слава Россіи*,

* Состр. Путешествіе капитана Биллингса черезъ Чукотскую землю, составленное вице-адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

защелъ въ губу Св. Лаврентіа, гдѣ его навѣстили Чукчи. Они сказывали начальнику экспедиціи, что Ледовитое море почти всегда покрыто бываетъ множествомъ льду, и что нѣтъ возможности плавать по сему морю, не только на большихъ судахъ, но и на байдаркахъ. Поверивъ такимъ рассказамъ, болѣе нежели собственному опыту*, капитанъ Биллингсъ отложилъ намереніе обойти моремъ Шелагскій Носъ, и, какъ будто изъ благодарности къ Чукчамъ за избавленіе его отъ предстоявшихъ ему въ плаваніи опасностей, рѣшился на труднѣйшій, но менѣе славный подвигъ: проехать чрезъ Чукотскую землю, и войти въ дикому и коварному ея народу, пренебрегая даже итрами осторожности, вопреки убѣдительнымъ представленіямъ своихъ подчиненныхъ, и особенно капитана Сарычева.

11-го Августа, капитанъ Биллингсъ отправилъ геодезиста сержанта Гилеса, моремъ, на Чукотской байдарѣ, описывать берегъ кругомъ восточнаго Чукотскаго мыса, до острова Кулючина, откуда стараться выйти ему на встрѣчу, при путешествіи Биллингса берегомъ.

Сержантъ Гилесъ, отправясь, вѣхалъ на байдарѣ вдоль береговъ до Восточнаго мыса, перешелъ пшхомъ чрезъ перешеекъ его къ Ледовитому морю, откуда слѣдовалъ вдоль береговъ къ NW, то на байдарѣ, то пшхомъ; смотря по тому,

* Известно, что капитанъ Биллингсъ находился съ Кукомъ въ третью его путешествіе, и что Куку достигъ мыса Св. Лаврентіа не встрѣтивъ болѣе препятствій отъ льду.

какъ носившаяся по морю льды ему поземляки или препитствовали; наконецъ, не доходя до острова Кулючиа 90 миль, сидачіе Чукин отказался провожать дальше, и отдалъ его, случившимся тутъ, оленнымъ Чукамъ, которые, на своихъ оленяхъ, черезъ горы, привезли его въ станъ къ Биллингсу, находившемуся тогда близъ вершинныя рѣки Юпей, впадающей въ Кулючинскую губу.

На пути сюда, на 1-й верстѣ отъ озера Юпей, осмотрѣлъ Штурманъ Батаковъ ключи теплыхъ водъ, которые описываетъ такимъ образомъ: «Они находятся на невысокой каменистой горѣ, и составляютъ четыре, овальнаго вида, водоема, которые возвышены отъ поверхности горы на $1\frac{1}{2}$ фута тонкими заградами, сверху загнувшимися на внутреннюю сторону, такъ ровно, что сіи водоемы походятъ совершенно на котлы, прикрытыя въ землю. Они перъ наполнены, съ краями на-ровень, теплою, густоватою, белесоватого цвѣта водою. По срединѣ ихъ видны бьющія съ виду ключи, на подобіе кипящей воды, гдѣ до дна не могли достать палькою, а къ краямъ находится вязкій известковый илъ, отъ осадки котораго, какъ думать должно, произошли заграды котловъ. Величина сихъ водоемовъ отъ 6 до 8 сажень въ окружности; другіе два находятся въ 50-ти саж. отъ первыхъ.» Штурманъ Батаковъ, по наружнымъ признакамъ, предполагаетъ, что сія гора некогда была огнелыбцею соевою.

Капитанъ Биллингсъ, съ сержантомъ Гилевымъ,

вздымъ по Кулючинской губѣ, до ея устья, которос по описанію смежить въ 120 мильхъ отъ Беринтова пролива, и адалось инутрь Чукотской земли, къ югу, на 60 миль. Ширина ея не болѣе семи миль. Въ нее впадаютъ много рѣчекъ; я давъ рѣки: *Юзмей* и *Килю*; первая течетъ изъ озера, вторая изъ горныхъ хребтовъ. Устье Кулючинской губы имѣетъ ширины 4 мили; по срединѣ ога лежить островъ *Несомне*, величиною до 3 миль. Чукчи сказывали, что по западную его сторону мѣководно, а по восточную глубоко, такъ, что сима проливомъ входятъ въ губу киты. Островъ Кулючинъ лежить въ морѣ, отъ устья губы къ Н въ 10 мильхъ. По картѣ капитана Виллинга, средина острова Кулючина находится въ широтѣ $67^{\circ} 30'$, долготѣ $135^{\circ} 26' W$, отъ Гринича.

На всемъ пути капитана Виллинга, до перваго Русскаго селенія на Большомъ Анюѣ, при устьѣ Индигирки, куда онъ прибылъ 17-го Февраля 1792 года, Чукчи, державшіе путешественниковъ, такъ сказать, у себя въ неволѣ, нисколько не измѣнили обыкновеннаго своего тракта и медленнаго на оленяхъ кочеванія, ния всегда доливши и не приближаясь къ морскому берегу ближе 50-ти миль. Виллингеъ скучалъ продолжительностью, трудностями пути и нахальствомъ Чукчей, отъ которыхъ долженъ былъ нереносить обиды.

Штурманъ Батаковъ съ великимъ трудомъ замышлялъ направленія пути, и измѣрялъ пройден-

ныя разстоянія, означая въ журналѣ своемъ вѣсна рубку, положеніе горъ, и все, что намъ распросами узнать отъ Чукчей, для положенія всего на картѣ.

Говоря о Чукотской странѣ вообще, капитанъ Биллингсъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «Она вся состоитъ изъ горъ и бесплодныхъ долинъ; на горахъ никакой травы непримѣтно, исключая моха, который служить пищею оленямъ; вездѣ видны голыя каменья. Въ некоторыхъ долинахъ торчатъ палочки тальниковыя, очень не толстыя; климатъ самый неспосный: до 20-го Июля непримѣтно лѣта, а около 20-го Августа приближеніе зимы во всемъ уже является.»

«Чукотская земля возвышенна, и часто попадаются на ней горы удивительной вышины. По горамъ и въ долинахъ, во многихъ мѣстахъ, сыпавшіяся кучи покрываютъ землю весь годъ. По долинамъ, направленнымъ къ северу, протѣкаеть множество мѣловодныхъ рѣкъ и ручьѣвъ, имеющихъ каменистое дно. Самыя долины, большую частью, болотисты и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Ягоды рождаются только годубника, брусника и водяника, называемая шикшию. При берегахъ сѣверо-восточной, восточной и отчасти южной стороны, ловятся сивучи, моржи и тюлени, Сибирскій олень, горный баранъ, бѣловатый волкъ, медвѣдь, лисицы и песцы составляютъ все царство четвероногихъ. Во время кратчайшаго лѣта видны орлы, соколы, куропатки и разныхъ родовъ водныя птицы, а во время

званы, когда жители путешествуют, то всегда летают за ними вороны.»

Объ обитателях сей дикой страны, Виллингс в своих записках намъ ничего не сообщаетъ, кромѣ описанія некоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, и намъ остается сказать, что необычайныя труды, путешественниками перенесенныя, въ прозвѣдъ черезъ всю Чукотскую землю, не познакомили насъ короче съ ея обитателями.

По смерти купца Лихова, купецъ Сыроватскій вступилъ, по частной передачѣ указа Якутской Воеводской Канцеляріи, во владѣніе островами, открытыми Лиховымъ. Желая распространить промыслы, поредовичикъ (начальникъ артели) Сыроватскаго, ишанникъ Санниковъ открылъ отъ сѣверо-запада острова на западъ новый островъ, который, по высокимъ каменнымъ горамъ, и по малому объему своему, назвалъ *Столбовой*. Тотъ же Санниковъ, послѣ смерти Сыроватскаго, бывъ посланъ сыномъ его, ишанникомъ Сыроватскимъ, открылъ, въ 1806 году, на востокъ отъ третьяго Лиховскаго, или Котельнаго острова, другую землю, которая названа *Фаддеевскимъ островомъ*, потому, что первое на немъ жилище построилъ промышленникъ Фаддеевъ.

Въ 1806 году, промышленниками Сыроватскаго открыта отъ сей земли въ близкомъ разстояніи другая, названная въ послѣдствіи времени *Новой Сибирью*.

Въ то же время, купецъ Протодаконовъ, ис-

имевший сначала успеха въ обретеніи отъ устья Лены какого либо новаго острова, рѣшился просить Государя Императора о всемілостивѣйшемъ дозволеніи, ему, съ товарищемъ его, мѣщаниномъ Бѣлковымъ, производить промыслы на Котельномъ островѣ, и тамъ уничтожить исключительное право Сыроватскихъ.

Сіе обстоятельство подало поводъ Государственному Канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянову, отправить г-на Геденштрона на сін острова, съ порученіемъ обозрѣть ихъ со всею подробностію.

Между тѣмъ, еще до отъѣзда Геденштрона, въ 1808 году, найдены мѣщаниномъ Бѣлковымъ островки, отдѣляющіеся отъ западнаго берега Котельнаго острова узкимъ проливомъ, и называемый концы *Бѣлковскіе* островомъ.

1808-го года, въ Августѣ, отправился г-нъ Геденштронъ изъ Иркутска въ Якутскъ, вѣсть съ землемеромъ Кожевниковымъ, откомандированнымъ ему въ помощь. Окончивъ всѣ нужныя къ предстоящему путешествію приготовленія, г-нъ Геденштронъ отправился изъ Якутска 18-го Ноября, и 5-го Февраля 1809 года прибылъ въ Усть-Янскъ. Здѣсь представился ему величайшій затрудненій въ исполненіи первоначальнаго плана, состоявшаго въ томъ, чтобы учредить на Котельномъ островѣ главную складку запасовъ и начать отъ него описъ береговъ къ востоку. Хотя сіе извѣреніе и рушилось, но благоразуміемъ и дѣятельностію своею, г-нъ Геденштронъ пріятель се-

бы съ состояніе употребить наступившую весну съ пользою для географіи.

Средства его, конечно, были весьма ограничены, но онъ старался вознаградить недостатки усердіемъ. Онъ нанимъ октанъ, одну старую астролябію, «которая для вѣрнаго назначенія широты мѣста не годилась», и довольно хорошій, «морской, или пель-комбасъ». Для усиленнѣйшаго дѣйствія, г-нъ Геденштромъ поручилъ землемеру Кожевинну, съ астролябію, описать первую отъ Котельнаго острова, къ востоку лежащую землю, т. е. Фаддеевскій островъ, и на обратномъ пути объѣхать первый и зачленговать второй Лаховскій острова. Мыщанину Саникову, который находился при экспедиціи въ числѣ добровольно содѣйствующихъ, поручено узнать про-странство пролива, отдѣляющаго Котельный островъ отъ Фаддеевскаго. Себѣ предоставилъ г-нъ Г., раздѣлѣсь съ Кожевиннымъ на Фаддеевскій островъ, описать спириту, по объявленію Сыроватскихъ, изъ 300 перстѣ къ востоку отъ сего послѣдняго острова землю, называемую нѣмцѣ *Новой Сибирью*.

Отправясь 7-го Марта изъ Усть-Яиска, приѣхали къ первому Лаховскому острову (число въ журналѣ г-на Геденштрома не показано), гдѣ шесть дней сплывши въюга держали на мѣстѣ. Но приблѣти наконецъ на Фаддеевскій островъ, жители Кожевинъ и Саниковъ съ г-нъ Геденштромомъ раздѣлились. Онъ самъ направилъ путь на

Новую Сибирь, извая вожатым Усть-Янским крестьянином Нортягином.

Землемер Кожевник описал западный, южный и восточный берега Фаддеевского острова, объявляя также первый, запленив второй Ляховский остров, и возвратился въ Усть-Янскъ благополучно.

Мещанинъ Санниковъ перетажалъ по многихъ мѣстахъ проливъ между Котельными и Фаддеевскими островами, и нашелъ, что ширина его, примѣрно, отъ 7 до 30 верстъ.

Г-нъ Геденштромъ описалъ южный берегъ Новой Сибири на 220 верстъ; нашелъ, что промышленникомъ Сыроватского, около 300 верстъ, какъ объявлялъ, протѣхалъ по новой землѣ только 65 верстъ, и возвратился благополучно въ Усть-Янскъ, три дня послѣ Кожевника.

Г-нъ Геденштромъ, намереваясь въ будущемъ году провести лѣто на Новой Сибири, завезти туда оленей и лошадей, построить заблаговременно зимовье на семь острововъ, а укрѣпиться въ способѣ продовольствія на немъ, отправилъ мещанина Санникова, съ пятью промышленниками, на Новую Сибирь, на лодку, такъ сказать, для испытанія, а самъ ѣздилъ въ Верхоянскъ, для разныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

Возвратясь къ осени 1809 года въ Усть-Янскъ, чтобы не остаться празднымъ, дѣлалъ г-нъ Геденштромъ опись приморскаго берега къ Индигиркѣ. Тутъ узналъ онъ о возвращеніи, въ на-

часть Ноябрь, Савинкова, съ артелью, отъ Новой Сибири. По объявленію ихъ, лѣто было столь холодное, что даже во многихъ мѣстахъ не ело-дили сибгъ и травы никакой не было. Рыбы въ рѣкахъ не видно другой, кромѣ рогатки (рыб-ка въ 4 вершка длины); впрочемъ рыба и не могла входить съ моря, потому, что берегового льда въ то лѣто не разошло. Бывшій при артели плотникъ построилъ на Новой Сибири два зимовья и три стана. Мышаннъ Савинковъ так-же вывезъ съ собою нѣкоторыя вещи, найденныя на Гаддеевскомъ островѣ и на Новой Сибири. На первомъ найдены Юкагирскія сани, и обдѣланная кость, съ выемкою, въ которую вставлялось каменное острѣе, для обитія съ оленьихъ кожъ шперсти, а на Новой Сибири обдѣланный кусокъ мамонтовой кости, наподобіе Чукотскихъ топорцовъ. «Все доказываетъ», говоритъ г-нъ Геденштромъ, въ своемъ замѣчательномъ журналѣ, «что были на тѣхъ островахъ Юкагиры, съ до-внѣхъ лѣтъ туда зашедшіе, ибо ежели предпола-гать, что вещи сіи принадлежать вывѣзшимъ Юкагирамъ матерга берега, то для чего ихъ употребляютъ кость и камень, вместо железа, ко-торого у нихъ довольно привознаго?»

Зиму провелъ г-нъ Геденштромъ съ своими людь-ми въ такъ называемомъ Посадномъ зимовьѣ (на морскомъ берегу, около 100 верстъ къ востоку отъ Св. Паса, и въ 180 верстахъ отъ ближай-шаго селенія изъ Индигиркѣ), куда всѣ нужные запасы завезены были заблаговременно. «Примѣ-

говорить Геденштромъ, «прохладо у насъ скорѣе, нежели у насъ при всѣхъ городскихъ забавахъ. Но цынга, которая въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно случается зимою, посетила и насъ. Больше двухъ мѣсяцевъ продолжающаяся здѣсь ночь дѣлаетъ воздухъ чрезвычайно густымъ и нездоровымъ; безъ частыхъ вѣтровъ и пьютъ, которые посылаетъ тогда благотворная природа, для приведенія въ движеніе сего тяжелаго воздуха, мѣста сіи были бы действительно для человека анимомъ необходимы. Я предполагалъ нашу опасную близость, и принявъ для соучастниковъ моихъ всѣ предосторожности, состоишій въ сѣджей нить, безпрестанномъ движеніи, и проч. За то и показалась она только у меня и у одного казака, потому, что мы не въ всѣхъ другихъ предохранялись движеніемъ. Но потерленные крижки селитры, отваръ кедроваго смолца, и принужденное сильное движеніе при самомъ появленіи болѣзни, избавили насъ скоро отъ нея.»

1810 года, Января 20-го, г-нъ Геденштромъ повѣхалъ въ Посадного стана въ Усть-Янскъ, гдѣ присутствіе его для различныхъ распоряженій было необходимо нужно. Руководствуясь опытомъ Санникова, летовавшаго въ прошедшемъ году на Новой Сибири, г-нъ Геденштромъ отыскалъ лошадей, и распорядился, чтобы одинъ олень былъ переведенъ туда, но не прежде, какъ увидѣвшись, что Посадъ Сибиря не есть островъ, а действительно обширная земля.

Преодолевъ многія препятствія и затрудненія; г-нъ Геденштромъ наконецъ, 2-го Марта, отправился изъ Русскаго Устья (на Индигирку), на 29-го марта, въ море, держа путь къ поставленному маяку, въ 1800 году, кресту, близъ Песцовога мыса. 13-го числа прѣехали къ Новой Сибири, въ 10-ти верстахъ западнѣе сего мѣста. «Столь малою ошибкою», говорятъ опъ, обблзаны я Деревянныя горы, которыя увидали мы еще за 120 верстъ до Новой Сибири. Дорога была по частымъ торосамъ весьма трудна, тѣмъ болѣе, что Индигирскія собаки и проводники не имѣютъ довольноаго навыка въ разбѣдахъ такого рода. Отправивъ съ креста 22 марта обратно на Индигирку, продолжалъ Геденштромъ, на 7 числнхъ марта, описывать берегъ къ востоку. У Песцовога мыса опредѣляли по наблюденію склоненіе стрѣлки 13° восточн., а широту 74° 45', которая отъ опредѣленія лейтенанта Анжу разнится только 5' недостаточно.

Мыщанинъ Санниковъ отправленъ на одной картѣ черезъ островъ, къ сѣверному берегу Новой Сибири.

16-го Марта, Геденштромъ находился уже у Каменнаго мыса, съ котораго берегъ Новой Сибири склоняется къ западу. Съ высоты сего мыса видѣлась на NO синева, совершенно похожая на отдаленную землю.»

На утро прѣехалъ и Санниковъ. Протхавъ землекоу 70 верстъ на сѣверъ, выехали оны къ мор-

скому берегу, откуда повернулся къ востоку и ночевалъ въ 5-ти верстахъ отъ Геденштрома. Онъ также принялъ синеву къ NO за отдаленную землю.

Утѣрившись къ небольшому протяженію Новой Сибири на востокъ, Геденштромъ отменилъ намереніе ѣздить на шей, и отпустивъ Санникова въ Усть-Янскъ, пустился къ NO за новыми открытіемъ.

«Дорога была изъ труднѣйшихъ, но всѣ труды были забыты, когда прежде видѣнная синева представилась черезъ зрительную трубку блѣдымъ промъ, изрытымъ; какъ казалось, множествомъ ручеекъ. Вскоре при сей показался простирющійся полуциркулемъ, почти соединяющійся съ Новою Сибирью. Но, къ крайнему прискорбію всѣхъ, на другой день узнали мы, что обманулись. Минная земля преобразилась въ гряду высочайшихъ ледяныхъ громадъ, 15 и болѣе саженъ вышины, отстоящихъ одна отъ другой въ 2 и 3 верстахъ.»

Желая запасть въ дремлющій на дальній путь, возвратился Геденштромъ отсюда на Новую Сибирь, и нагружа шки нарта на 14 сутокъ, отправился зорично, 24-го Марта, на востокъ, по горести была столь густа, что въ 4 дни проехали не болѣе 70 верстъ. «Здѣсь увидѣли мы, къ крайнему удивленію, въ 5 верстахъ воду и поспѣиша по морю ледъ. Сія вода была, какъ я послѣ утѣрился, морская полынья, простиравшаяся почти отъ Новой Сиби-

ри до Медвѣжьихъ острововъ, что составитъ до 500 верстъ.»

Намѣревался ѣхать прямо къ Лаптевскому маяку на устьи Колымы, три раза приближался Геденитромъ къ поминѣ, и наконецъ, устранившись въ непростоимость сей предпосы, поворотилъ изъ юга, и выѣхалъ на Азіатскій берегъ около устья рѣки Куражигинной, пробывъ 43 дня въ пути (считая отъ Индигирки), вмѣсто предполагаемыхъ 28 дней, отъ чего онъ весьма нуждался бы въ запасахъ, еслибы 11 убитыхъ нѣтъ, бѣлыхъ медвѣдей не отирали недостатка въ кормѣ собакъ. 13-го Апрѣля прѣехали къ Лаптевскому маяку.

Еще до отправленія своего на Новую Сибирь, Геденитромъ послалъ на Колыму нарочнаго, съ предписаніемъ изготовить подъ экспедицію 5 отборныхъ нарты, но нѣтъ, вмѣсто такихъ, встрѣтили ихъ 4 весьма дурныя нарты, то онъ принужденнымъ нашелся ѣхать въ Нижне-Колымскъ, и немедленно принять нужныя мѣры. Выесть съ тѣмъ, вновь присланнаго къ нему въ Усть-Янскъ землемѣра Пшеницына (на мѣсто заболѣвшаго Кожекина) отправилъ онъ для доставки на Котельный островъ.

Наконецъ, 18-го Апрѣля, Геденитромъ отправился изъ Нижне-Колымска, на 5 нартахъ, имея корма на 20 дней. У Баранова Камня придержала его жестокая буря отъ постака 7 дней; итогомъ пустился онъ въ море, держа на НО 20°. На разстояніи 150 верстъ стали попадаться земляныя глыбы на льдинкахъ.

«Мая 1-го видяща мы стало гусей, летвавших на NNW, и благо филина; на N поднималась облака; глубина морская уменьшалась. Все доказывало близость земли. Въ 245 верстахъ отъ Баранова Камня переходили мы щель, въ 1 аршинъ ширины, но въ 5 верстахъ доехали до щели въ 15 сажень. Здесь замѣтить я быстрое морское теченіе на OSO, и заключить, что щель сія сдѣлалась отъ бывшей съ востока бури. Въ 5-ти верстахъ свѣтъ, глубина морская, отъ 11½ саж., уменьшилась до 11-ти сажень.»

Сравнивъ сіи обстоятельства съ тѣми, которыми испытаны мною, десять лѣтъ послѣ Геденштрома.

Курсъ NO 20°, по компасу, испрaвилъ склоненіежъ компаса (15° восточное), проходить по самымъ тѣмъ мѣстамъ, по конѣ, въ 1821 и 1822 годахъ, мы проѣзжали. 150 верстъ отъ Баранова Камня, гдѣ Геденштрома нашелъ земляныя глыбы на льдинахъ, есть почти тотъ самый пунктъ, откуда, въ 1821 году, слѣдуя къ юго-востоку, повернули мы назадъ, а встрѣча শেষъ въ 245 верстахъ воспомѣдовала тѣмъ, гдѣ въ 1822 году нашли мы поперечно полынью и чрезвычайные тороса, въ конѣхъ вырыли вторую яму, для хранения припасовъ, дабы облегчить ѣзду въ торосахъ. Наши измѣренія глубина здѣсь 14½ саж., грунтъ пѣлъ, а на 30 миль сѣвернѣе нашли мы 14½ саж., грунтъ дресса, или камень. Сіи глубины несогласны съ показаніемъ Геденштрома, и какъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ нашей ѣзды, во время моей

многочисленно измѣривъ была глубина моря, воз-
растаяшая съ удаленіемъ на востокъ и уменьшаю-
щаяся къ западной сторонѣ, не уменьшаясь къ
сѣверу, то я извѣдъ достаточныя причины пола-
гать въ измѣреніяхъ его ошибки, тѣмъ болѣе въ-
рооятныя, что, какъ мнѣ извѣстно, настоящаго,
на футы измѣреннаго лотъ-линя при немъ не на-
ходилось, а пройденныя разстоянія полагались
по приблизительному соображенію бѣга собакъ, безъ
поправки наблюдаемыхъ широтами. Что полагае-
мыя такимъ образомъ разстоянія весьма не надеж-
ны и у Геденштрёма всегда были слишкомъ ве-
лики, въ томъ свидѣтельствуеъ его описъ Новой
Сибири, въ послѣдствіи поврежденная лейтенантомъ
Анжу. Давленіе гусей и филина въ значительномъ
отдаленіи отъ материка не должно также насъ
удивлять, и отнюдь не можетъ служить доказа-
тельствомъ близости другой земли на сѣверѣ, ибо
гуси, пролетая къ морскому берегу отъ юга, и
не находя воды, обыкновенно пускаются вдаль
къ полынѣмъ, пока вскрытіе рѣкъ не позволитъ
имъ обратнo, а филины есть плотоядныя птицы,
питающіяся въ объѣздахъ бѣлыхъ медвѣдей.
Если бы въ нѣкоторой мѣстѣ являлись стада гусей,
отъ сѣвера черезъ море къ югу летѣвшихъ, то,
конечно, можно бы думать съ нѣкоторою осно-
вательностью, что они оставили сѣверную землю
и возвращаются въ полуденныя страны.

Не видя возможности вѣхать далѣе на сѣверъ, Ге-
денштрёмъ желѣлъ выѣхать къ Шеланскому мысу,

но тонкий ледь ему и в томъ покушении воспрепятствовать, такъ, что съ трудомъ вышелъ онъ свой старый слѣдъ, по которому прѣвхалъ, 8-го Мая, къ Баранову Камню, гдѣ вторично сильная буря два дня его продержала.

Проведя лѣто въ Нижне-Колымскѣ, Геденштромъ отправился, 18-го Сентября, на нартахъ къ Индигиркѣ, дѣлая всему берегу опись. На Индигиркѣ засталъ онъ геодезиста Пшеницына, который оставался во все лѣто на Янѣ и Индигиркѣ, не находя возможности перебраться для лѣтовки на Котельный островъ.

Въ половинѣ Октября отправился въ Усть-Янскъ, прямымъ путемъ черезъ тундру. «На семъ пути», говоритъ Геденштромъ, «примѣчательно озеро Хастахъ, длиною 14, а шириною 6 верстъ. Оно въ каждую осень выбрасываетъ на берегъ великое множество, известнаго по Естественной Исторіи, смолистаго дерева (bituminosis Holz), въ видѣ щепъ. Берега зазелены пѣсь отъ нихъ; мѣстахъ на аршинъ вышиною; между ними щепами попадаетъ бѣлый кусками вещество, очень похожее на камень. Оно горитъ, какъ липецаръ, но имѣетъ смолистый запахъ, и судя по-тому есть, вѣроятно, ни что иное, какъ затвердѣлая смола лиственницы. Ближнее разстояніе «сего озера отъ моря 115 верстъ, отъ лѣса 60 верстъ.»

Онъ сообщаетъ намъ и другое, не менѣе примѣчательное явленіе природы. «На тундрѣ также

«находить, даже отъ лѣса, въ драхъ, надъ озерами и рѣками, цѣлыя березы, съ корнемъ и скорюю. Онѣ истлѣли, но жители употребляютъ ихъ на топку, въ случаѣ недостатка въ дровахъ. Онѣ не даютъ пламени. Жители называютъ сіи березы «адамовица»».

Въ Усть-Илскѣ осведомился Геленштронъ о позвращеніи Санникова отъ Котельнаго острова. Вотъ краткій отчетъ его:

«Мѣщанинъ Бельковъ (компаньонъ купца Протодьяконова), вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Санниковымъ, летовали сего 1810 года на Котельномъ островѣ, для промысла мамонтовой кости и песковъ. Они избрали для летованія западную сторону острова, на которой предполагали найти изобилѣйшіе промыслы, потому, что до сего времени никто на сей сторонѣ не бывалъ».

«Мѣщанинъ Санниковъ, проходя по западному берегу Котельнаго острова, въ 150 верстахъ отъ этихъ мѣстъ, до коихъ доходили прежніе промышленники, нашелъ:

1. «На берегу выкопанную могилу; тѣло было крѣпко сохнута. После могилы стояла долгая, узкая и высокая нѣрта, строеніе коей отъ всѣхъ извѣстныхъ отлично, и доказывало, что ставили ее люди аляками. Въ одномъ концѣ могилы сдѣлалъ деревянный крестъ, обложенный сивирномъ, съ обыкновенною, церковною, Русскою надписью. Подъ креста лежали желѣзные

«ботась (родъ узкаго одиозевого копья) и
«два желѣзные стрѣлы.

2. «Въ недалекомъ отъ сего мѣста разстояніи
«было четырехугольное рубленое зинковѣ, въ ко-
«емъ найдено нѣсколько вещей изъ оленьяго ро-
«га, тѣсаныхъ топоромъ.

3. «На рѣчкахъ, гдѣ линяють гуси, находили
«Сааниковы гусиные кости, въ доказательство,
«что были здѣсь люди, а на морскомъ берегу
«видѣть китовыя позвонки. Также замѣчено нѣтъ,
«что дикіе олени сего мѣста гораздо боязливей
«и осторожнѣе находящихся на матерой землѣ
«Сибири.

4. «Берегъ, въ томъ мѣстѣ, до коего Сааниковы
«доходили, обращивается на востокъ, а на се-
«веро-западъ, въ примѣрномъ разстояніи 70 верстъ,
«видны высокія каменные горы.»

Какъ Сааникову и всѣмъ Усть-Янскимъ и Ин-
дигирскимъ промышленникамъ было извѣстно, что
на западномъ берегу острова янко прежде не бы-
вало, то видѣнные признаки бытія здѣсь Рус-
скихъ людей приписываютъ Геденштромъ круше-
нію какого либо кося мореходовъ 17-го столѣтія.

Замѣчаніе Сааникова, касательно высокихъ горъ
на NW отъ Котельнаго острова, побудило къ
наиболѣе, весной слѣдующаго года, подробнѣе
все изслѣдовать. Окончательную опись Шолой Си-
бири и Вадеевскаго острова поручили геодези-
сту Ишеницину, а казачьему сотнику Татарни-
нову, котораго обучали употребленію компаса,
приказано попытаться объѣхать съ сѣверной сто-

роны полынью, проткнувшуюся отъ Новой Сибирѣ къ Колымѣ.

Занимаясь распоряженіями къ приведенію изложенныхъ намѣреній для будущаго года въ исполненіе, задѣлалъ Геденштромъ въ Верхо-Искѣ, гдѣ получилъ повелѣніе отъ Иркутскаго Гражданскаго Губернатора возвратиться немедленно въ Иркутскъ, для личнаго обо всемъ отчета, съ тѣмъ, чтобы ко времени отправленія на острова, быть опять въ Усть-Искѣ.

По прибытіи Геденштрома, 4-го Января 1811 года, въ Иркутскъ, объявлено ему, что Гражданскій Губернаторъ, видя отлагательство, которое малочисленные жители береговъ Ледовитаго моря несутъ отъ экспедицій, представлялъ уже высшему начальству объ ея уничтоженіи. По разсмотрѣніи всѣхъ дѣйствій Геденштрома, предполагено было окончить опись острововъ Котельнаго, Боддеевскаго и Новой Сибирѣ, однакожь съ тѣмъ, чтобы все выполнено было безъ Геденштрома, котораго Губернаторъ оставилъ при себѣ.

Въ слѣдствіе сего даны нужныя предписанія геодезисту Пшеницыну, которому назначены въ помощь мѣшанинъ Санинъ, сотникъ Татаринъ и унтеръ-офицеръ Разметавковъ, находившіеся съ Геденштромомъ во время его разъѣздахъ.

Геодезистъ Пшеницынъ*, выехавъ въ началѣ Марта 1811 года изъ Рускаго Устья (деревня на Вилюиркѣ) на Новую Сибирь, въ нарѣзяхъ,

* Отчетъ сей экспедиціи нѣкогда приложенъ къ журналу г-на Геденштрома.

объѣхалъ ее, описалъ, и представилъ карту. Земля сія оказалась островомъ, выходящимъ въ окружности 470 верстъ; съ северной стороны Каменнаго мыса, сотникъ Татаринцовъ пускался въ море, но проехавъ не болѣе 25 верстъ, доѣхалъ до тонкаго льда, за которымъ вѣдно было открытое безъ льдовъ море. Сѣверные берега сей земли состоятъ изъ крутыхъ, почти неприступныхъ дровъ. Наноснаго лѣса на южной сторонѣ довольно, а на сѣверной, кромѣ двухъ губъ, нигдѣ его не находятъ.

Мышанинъ Санниковъ, также въ началѣ Марта 1811 года, пустился изъ Усть-Янска, въ трехъ штартахъ, на Фаддеевскій островъ, оставивъ товарища своего, унтеръ-офицера Рышетникова, для приготовленія всего нужнаго въ лѣтнюю на Котельномъ островъ. Прибывъ на Фаддеевскій островъ, и давъ нужнымъ собакамъ отдыхъ, 27-го отправился онъ въ путь для объѣзда всего острова. Въ западной сторонѣ его, съ которой началъ путь свой, море, подымаемое прежде вливомъ, оказалось заливомъ. Верхній конецъ сего залива оканчивается до самаго моря низменнымъ пескомъ, которымъ Фаддеевскій островъ соединяется съ Котельнымъ. Северо-западная оконечность Фаддеевскаго острова состоитъ изъ каменнаго, высокаго, узкаго, далеко въ море простирающагося мыса, отъ котораго земля, оборачиваясь круто на юго-востокъ и востокъ, составляетъ губу; въ восточной частѣ острова, берегъ, склонясь къ юго-востоку, простирается до Благовѣщенска-

го мыса, составляющего восточную оконечность острова, до которого Геденштромъ дотажалъ въ 1809 году, и съ котораго онъ пустился на Новую Сибирь.

Съ сѣвернаго берега видѣль Саниковъ на сѣверъ землю, съ высокими горами; пустившись туда, прохаживалъ не болѣе 25 верстъ, когда былъ удержанъ помынью, простиравшеюся во все стороны; земля явно была видна, и онъ полагалъ, что она отъ него тогда не болѣе 20 верстъ отстояла. Съ Благовѣщенскаго мыса также пускался онъ на сѣверъ въ море, но прохаживалъ не болѣе 30 верстъ, дождался до открытаго моря.

12-го Апрѣля Саниковъ позвратился въ Усть-Янскъ, и тотчасъ приступилъ къ отправкѣ оленей и прочаго на Котельный островъ для лѣтновки. 2-го Мая, обозъ его выступилъ изъ Усть-Янска, а 17-го прибылъ благополучно на Котельный островъ. Олени, по долгимъ ожиданіямъ, наконецъ пригнаны на островъ 9-го Июня, числомъ 23, тогда, какъ ледъ во многихъ мѣстахъ уже былъ нарѣзанъ щелями и сообщеніе давалось крайне опаснымъ. Назначенные для Пшеницы на Бадеевскій островъ олени, по причинѣ поздняго времени, не были приведены, почему предвидѣлось для него величайшіе недостатки и затрудненія провести лѣто въ такомъ безпомощномъ состояніи.

Олени, не зная на то, что отъ труднаго и дальняго пути къ Котельному острову, были весь-

на изнурены, скоро поправились, такъ, что 25-го Юня могли отправиться въ путь.

Слѣдуя на оленяхъ, не могли всегда держаться берега, гдѣ рѣдко бывають довольно хорошія для оленей кормовища; знала также западную и восточную стороны острова на дальное разстояніе, пришли намереніе пройти ввѣтрь земли, какъ можно далѣе, и тогда оборотиться къ берегу, и придерживаться его, сколь возможно ближе, пока опять дойдутъ до извѣстныхъ уже мѣстъ.

Такимъ образомъ пустились вперѣхъ по Царевой рѣкѣ, съ которой своротали вправо, на восточную сторону острова, къ Санниковой рѣкѣ, отъ которой, все уже держась берега, обошли весь островъ вокругъ. Сей путь совершили въ 54 дня, и возвратились въ зимовье 17-го Августа. На пути хитались болѣе дикими гусями и оленями; первыхъ стрѣляли изъ ружей, а оленей убивали Юкатирскіи Киласки, посредствомъ приученнаго къ такому промыслу домашняго оленя, который непрямымъ образомъ приближался къ табунамъ дикихъ оленей и закрывалъ собою своего хозяина.

Въ семъ путешествіи встрѣтились слѣдующіе замѣчанія достойные предметы:

«1-е. Въ значительномъ разстояніи отъ берега, на возвышенныхъ мѣстахъ, лежали кости, буйволыи, бычачьи и овечьи головы и кости въ великомъ множествѣ, ведущія къ заключенію, что сіи животныя водились здѣсь въ древнія времена цѣлыми стадами. Но чѣмъ могли они питаться въ

такой, бесплодной и суровой страны? Иначе объяснить невозможно, как предположить, что тогда климат был здесь гораздо умереннее, и сии стада рогатого скота, вероятно, были современники мамонтов, кости которых во множестве там находят, и тогда же провозрастали и лось, окаменевшие остатки которого встречаются дьявольскими слоями на Новой Сибири.

«2-е. Многие признаки Юкагирских жилищ. В Усть-Ивскъ и на Индигаркѣ есть преданіе, что лось за 150, множество Юкагировъ удалились на острова, избѣгая отъ свирѣпствовавшей тогда оспы; вероятно, что сей народъ перешелъ потомъ на другіе острова или земли Ледовитаго моря.

«3-е. Изъ окаменелостей, кроме окаменелаго и смолистаго дерева, найдено въ Санниковой рѣчкѣ, на восточной сторонѣ острова, множество аммонитовъ, въ большихъ шарахъ затвердѣлаго пла. На западной сторонѣ острова находимы были на берегу китовыя кости, и оныя доказываютъ, что отъ Котельнаго острова къ сѣверу простирается безпрепятственно обширный океанъ, не покрывающийся льдомъ, подобно Ледовитому морю при материкахъ Сибири, гдѣ вѣкогда китовъ и костей ихъ не видывали.»

«4-е. Изъ описанія путешествія Санникова, въ 1810 году, по западной сторонѣ Котельнаго острова, извѣстно, что Санниковъ тогда нашелъ на

Изъ описанія путешествій XVIII столѣтія видно, что тогда киты вѣрѣно попадались въ сѣнь моря.

самый берегу старое Русское зимовье и могилу съ крестомъ, и проч. Нынѣ Самниковъ и Рышетниковъ, прибывъ на то мѣсто, рѣшились открыть могилу; они нашли въ ней деревянный срубъ, а въ немъ нижнія челюсти человека, и слѣдующія вещи: 17 желѣзныхъ стрѣлъ, топоръ, колыбель для литья пуля, пилу, двѣ уды, огниво, кремль обитый, костяной гребень, и излѣвнѣе песчовые, оленья и овчьиныя лоскутья, и кожаные переды шарковъ (Сибирскихъ котовъ). Неподалеку отъ могилы нашли желтой мѣди кастрюлю, топоръ и перерубленные лыжи. Могла была пылать огнемъ, что доказывали найденныя въ ней обгорѣлыя головки и опаленная дрсва. Откуда человекъ Русскій зашелъ на сей островъ? Кто его похоронилъ по обрядамъ Русскихъ и Азіатскихъ? Когда онъ здѣсь былъ и куда дѣвались его товарищи? Вотъ вопросы, на которые отвѣчать невозможно.

«5-е. Вблизи устья Царевой рѣки нашли также ветхое судовое дно. Доски были изъ соснового, а кокоры изъ кедроваго лѣса. Конопать была засмоленныя концы.»

4-го Октября, Самниковъ отправился для обозрѣнія низменнаго песчанаго мѣста, простирающагося вдоль восточной стороны острова, и для прохода отсюда на Гаддеевскій островъ, для извѣдана, какъ о томъ приказано ему было отъ Геденитрова, о геодезистъ Пшеницынъ.»

Геодезистъ Пшеницынъ, въ исходѣ Апрѣля, выехалъ изъ Русскаго Усть-Янскаго селенія, съ

сотниковъ Татариновымъ на Фаддеевскій островъ, полагая провести на немъ лето. Они расположились въ зимовьѣ, въ ожиданіи оленей, которыхъ должны были тула привезти Князекъ Юкагирскій, но какъ Князекъ не прибылъ, то старался Пшеницынъ пашкомъ, сколько возможно, слѣдовать берегомъ.

Перенесъ величайшія трудности, онъ не могъ пройти и 50 верстъ, возвратился въ зимовьѣ, и ожидалъ осени, чтобы выехать на матерую землю, или на Котельный островъ. Къ несчастію, не было въ то лето мышей на островѣ (мыши островныя часто кочуютъ съ острова на островъ, и даже на матерую землю), и собаки совершенно изнурившись, потому, что вся надежда ихъ прокормленія полагалась на мышей, которыхъ они лѣтомъ сами ловятъ. Завесенный корѣй хранился только на обратный путь.

6-го Октября, прибылъ Санниковъ на Фаддеевскій островъ, и засталъ геодезиста Пшеницына съ товарищами въ самой крайности. Большая половина собакъ у нихъ перемерла, а остальные, по недостатку въ корѣй, стали были худы, что никакъ ехать было невозможно, а также и въ сѣстныхъ припасахъ терпѣли они крайній недостатокъ.

10-го Октября, весь, съ Санниковымъ и Рышетниковымъ, отправился съ Фаддеевскаго, и 13-го прибылъ на Котельный островъ, гдѣ геодезистъ Пшеницынъ, изъ записокъ Санникова и словес-

ныхъ разсказовъ, составилъ журналъ и сочинилъ Котельному острову карту.

27-го Октября, отправились съ Котельнаго острова въ путь. На морѣ подвержены были, по причине топкого льда и многихъ помыней, великой опасности, но опытностью Санникова благополучно всего набавлялись.

12-го Ноября, съ оленями прибыли благополучно въ Усть-Янскъ. Отсюда Санниковъ и Рашетниковъ, 27-го числа, вышли въ Иркутскъ, куда прибыли 15-го числа Января 1812 года.

Никоницынъ оставался для распродажи вещей, припасовъ, оленей экспедиціи, и удовлетворенія жителей за корки, шарты, и прочее. Окончивъ все, возвратился онъ въ Иркутскъ, въ Сентябрѣ 1812 года.

Тамъ кончилась экспедиція г-на Геленштрона, столь занимательная по многимъ отношеніямъ. Особенно любопытны замечанія сего достойнаго исполнителя снискаго и труднаго порученія о предметахъ естественной исторіи страны, такъ, что не измѣняямъ снотаю выписать ихъ возвратъ изъ его журнала:

«По всему берегу Ледовитаго моря льст не растетъ. Онъ оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрывъ мхомъ, низомъ и перхляемъ. На нѣкоторое пространство отъ конца льсовъ растутъ еще низкій тальники и ерники (*betula nana*), которые съ приближеніемъ къ морю становятся прихвато рже и ниже, и нахо-

ицы вовсе теряются. Изъ деревь одна лиственница растетъ въ крайнихъ къ северу мѣстахъ.

«Все пространство отъ лѣсовъ до берега Ледовитаго моря состоитъ изъ тундры, т. е., покрыто мхомъ, крайне болотисто и усеяно озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произрастаетъ трава. Берегъ Ледовитаго моря во многихъ мѣстахъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличать безъ паноснаго лѣса. Все доказываетъ, что сей увалъ въ древнѣе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое море удаляется отъ береговъ Сибири. Отъ низменныхъ береговъ простираются въ море на дальное расстояние мѣли, которые зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густыми и высокими торосами.

«Многіе яры, на берегахъ Ледовитаго моря, рѣкы и озера, удивленія достойны тѣмъ, что состоятъ изъ правильныхъ слоевъ льда и земли. Въ некоторыхъ видны ледяныя жилы, перерывающія земныя слои.»

На Ледовитомъ морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ Апрѣль мѣсяцъ, видимы отдаленнѣйшіе предметы. Отъ устья Индигирки часто видать *Деревяныя горы* * на Новой Сибири. Расстояние ихъ отъ Индигирки не менѣе 312 верстъ. Быковскій мысъ, на правомъ устьѣ Лены, видѣть низменный берегъ, но также часто ясно видѣнь бываетъ съ мыса Бархана, вѣско отъ Ялы, на разстояніи 115 верстъ.^а

* Вышина ихъ, по замѣреніямъ лейтенанта Анжу, около 30 саж.

^а Въ журналѣ Геленштрёма сказано 300 верстъ, но несправедливо.

О северных островах Геленцистромъ замѣчаетъ, что берега ихъ, болѣею частью, состоятъ изъ си-
невахой глинны. Изъ произрастеній находится мохъ,
и въ рѣдкихъ мѣстахъ являла трава, изъ рода
солянкохъ. Напротивъ, повсюду довольно, такъ на-
зывасмой, куропаточьей травы; растскіе сіе низ-
кое, стелющееся, гнѣздообразное; нѣкъ нѣтаются
бѣлыя куропатки. Наноснаго съ моря гѣса до-
вольно на берегахъ, кромѣ северныхъ береговъ
Фадеевскаго острова и Новой Сибири. *Четверо-*
ногіа: олени, выше станомъ олсней материка Си-
бири; весцы, бѣлыя и голубые; бѣлыя медвѣди;
мышь, бурыя съ желтыми струйками, нѣрѣдка
бѣлыя; также замѣчены слѣды россомахи. Въ
сіа зѣри туземныя, вѣроятно, кромѣ россома-
хи. *Пшцы*: бѣлыя куропатки; бѣлыя ошаны,
какіе бывають въ Лапландіа и по всему съ-
веру; турпаны, тагары, и родъ черныхъ гусей,
величавою мѣнѣ казарки, у коихъ крылья чер-
ныя, хвостъ и спина бурыя, брюхо и зобъ свѣт-
ло-бурые. Жители прииорскіе называютъ ихъ
пѣлѣми. Мѣсо ихъ весьма вкусно и жирно. Ры-
бы: на Котельничъ островѣ, въ Персѣй рѣкѣ, ло-
вится красная рыба *зубалка*, а на Новой Си-
бири довольно *рогинки*. Она величавою до 4 вер-
шковъ, походять на налима видомъ и вкусомъ,
только брюхастѣе, и хвостъ у ней тонче; на го-
ловѣ четыре твердыя, копической фигуры, воз-
выщенности, отъ которыхъ рыба сіа и имя свое
получила.

Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири

смолистое дерево; тут же по близости есть превосходной доброты точильный камень. Упомянуты выше Деревянные горы названы сием именем от того, что образуют утесы, состоящие из горизонтальных, раслой толшины слояе лещаника и смолистого дерева, вь видь бревень. Вь утесах бревна сии имьют горизонтальное положение, а на самой вершинь горы стоят вертикально одно подь другого. Вышина копцовъ, на поверхности земли, отъ 2 до 4 вершковъ. Видь ихъ весьма походить на званную платину, изъ которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большіе куски каменнаго угля. Видь сего угля чрезвычайно обманчивъ, потому, что онъ совершенно походить на потухшій только что уголь, подернутый вь некоторыхъ мѣстахъ непложь. Геденштромъ не могъ узнать, изъ чего состоитъ всякая, беловатая плена его, крьшко впрочемъ соединенная съ углемъ.*

На Котельномъ островѣ попадаются аммониты. На всѣхъ островахъ находятъ изрядка темно-красныя серолины. Мамонтовые клыки, или, какъ некоторые называютъ, рога мамонта, не попада-

* Лейбманъ Анну говоритъ о Деревянныхъ горахъ слѣдующее: «Они сущи по возмъ, какъ отвѣсной, до 90 сажъ высокой крь, образующій морской берегъ, на расстоянии около 6 верстъ; въ семъ крь льзеть, почти горизонтально, бревна кучма, выстѣи до 50-ти выстѣи, выходяща концами своими наружу. Самое толстое, много шдѣнное, имѣло въ дѣметріи полторы четверти; состояло хрупка, полутверды, чернато, слабо-осидающа пѣста; горѣть на угляхъ трудно и имѣють смолистый запахъ.»

лись тяжело шести пудовъ, а напротивъ, на матеромъ берега, въ некоторой отдаленности отъ моря, находили рота въ 12-ть пудовъ. Въ замѣнь того островная кость свежѣе и ближе. На первомъ Ляховскомъ островѣ примѣчательно, что если отыдемъ на западной сторонѣ острова, отъ продолжительныхъ ветровъ, обнажится, то находить на ней множество вновь нанесенныхъ изъ моря роговъ.

Астрономическія наблюденія г-на Геденштрома, для опредѣленія географическаго положенія мѣсть, не заслуживаютъ большаго вниманія. Широта Святаго Носа, полагаемая км. $71^{\circ} 50'$, разнствуетъ ровно однимъ градусомъ, недостаточно, съ опредѣленіемъ лейтенанта Лаптева, и около $1^{\circ} 5'$, также недостаточно, противъ вѣрнѣйшей observacii лейтенанта Анжу. Въ другихъ мѣстахъ берега болѣе полу-градуса положены южнѣе появившихъ опредѣленій. Сѣверные острова слишкомъ по долготѣ растянуты; отъ самаго западнаго мыса Котельнаго острова до самаго восточнаго Новой Сибиріи по картѣ Геденштрома 285 миль разстоянія, но лейтенантомъ Анжу найдено оно не болѣе 25 миль Итальянскихъ. Подобныя неспирности дѣлаютъ описъ Геденштрома нецѣлесообразною.

Читатель легко усмотритъ изъ предшествоващаго, что хотя сѣверные берега Сибиріи, и прилегающіе къ нимъ острова, болѣе неоднократно осмотрѣны и частію описаны, однакожъ, за исключеніемъ капитановъ Кука и Биллингса, ни одна

географическая экспедиція, занимавшаяся в сей части сѣлта, не могла соответствовать требованіямъ географовъ и мореходцевъ, и морскія карты берега разнствовали въ широтѣ нѣкоторыхъ пунктовъ на $1\frac{1}{2}^{\circ}$. Такъ, напримеръ, на генеральной меркаторской картѣ, издавшею капитаномъ Сарычевымъ при путешествіи экспедиціи капитана Биллингса, положены: Святой Носъ $70^{\circ} 53'$, а сѣверный пунктъ берега между Алаассо и Колымой $70^{\circ} 07'$; у Геленштрёма, первый $71^{\circ} 50'$, второй $70^{\circ} 27'$, а на оригинальной картѣ Дмитрія Лаптева, первый $72^{\circ} 50'$, а второй $71^{\circ} 05'$.

Сверхъ того, отъ Шелагскаго мыса до мыса Сѣвернаго оставался берегъ вовсе еще неосмотраннымъ, а известіи о плаваніи казака Дежнева изъ Колымы въ Беринговъ проливъ были столь неопредѣленны, что Бурней находилъ въ нихъ доказательства въ подтвержденіе гипотезы своей о соединеніи Америки съ Азіею перешейкомъ близъ Шелагскаго мыса.*

Наконецъ, неопровергнутыя преданія, возобновленныя въ позднѣйшее время мѣшаниномъ Савиновымъ, о существованіи земель на сѣверъ отъ Котельнаго острова и Новой Сибири, и противъ рѣки Колымы, дѣлали географію сей части земли еще болѣе неизвѣстною, въ то время, когда сѣверные берега новаго материка приводились въ точнѣйшіе предѣлы трудами Росса, Парри и Франклина.

* См. Burrey's Chronological History.

Таковы были причины, побудившія блаженной памяти Императора Александра I-го повелѣть отправить къ устьямъ рѣки Лны и Колымы двухъ морскихъ офицеровъ, съ помощниками, снабдивъ ихъ нужными инструментами, и доставить всевозможные способы къ открытію предполагаемыхъ въ Ледовитомъ морѣ земель и точнѣйшему описанію береговъ Сибири, между означенными рѣками и до Шелагскій мысъ.

Въ слѣдствіе сей Высочайшей воли, морское начальство назначило два отряда, въ каждомъ морскаго лейтенанта, двухъ помощниковъ, врача, слѣдующаго по части Естественнаго, и двухъ чело-
вѣкъ инжирныхъ цѣловъ, знающихъ слесарное и плотничное ремесла. Одинъ отрядъ, подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, долженъ былъ отправиться на рѣку Лну; другой, назначенный действовать съ рѣки Колымы, поручить мнѣ, и по собственному моему желанію опредѣлится къ сему отряду:

Мичманъ Матюшкинъ,

Штурманъ Козьминъ,

Докторъ Медицинскій Киберъ,

Слесарь Иванниковъ.

Матросъ Пехоронковъ.

Въ числѣ инструментовъ для астрономическихъ и физическихъ наблюденій находилось при семъ отрядѣ:

Секстансъ	3
Артифіціальныхъ горизонтовъ со ртутью	3
Карманный секстансъ	1
Азимутъ-компасъ	1

ЧАСТЬ I.

Государственный Адмиралтейский Департаментъ,
въ составленной для руководства инструкції,
изложилъ средства и цель отряда слѣдующими
словами:

«Изъ журналовъ прежнихъ плавателей по Ледовитому морю видно, что въ лѣтнее время, за множествомъ носимого по оному морю льда, невозможно производить описи на хореодномъ суднѣ. А какъ сервантъ Андреевъ, въ 1763 году, и титулярный советникъ Геденштромъ и геодезистъ Шпонлицъ, въ 1809, 1810 и 1811 годахъ, въ весеннее время, съ удобностию по льду на собакахъ обзѣзжали и описывали, первый Медвежьи острова, а двое послѣднихъ Ляховскіе острова и Новую Сибирь, то и нынѣ предполагается такими же способами исполнить Высочайшую волю Его Императорскаго Величества, и первый отрядъ отправляемой экспедиціи назначается для описи береговъ отъ устья рѣки Колымы къ востоку до Шеланскаго мыса, и отъ оного на сѣверъ, къ открытой обитаемой землѣ, находящейся, по сказанію Чукчей, въ недалекомъ разстояніи.»

Экспедиція поступила въ полное распоряженіе Сибирскаго Генералъ-Губернатора, действительнаго

тельного тайного советника, Михайла Михайловича Сперанскаго; вслѣдъ, что экспедиція совершить успѣла, обязана она мудрымъ распоряженіямъ Его Высочайшего Превосходительства; безъ его особеннаго и сильнаго покровительства, предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ, отъ недостатка вѣстныхъ способовъ.

=

ГЛАВА II.

Отъездъ Экспедиции изъ С. Петербурга. Присутств. въ Петербургъ. —
Поездка по реке Ямъ. — Городъ Якутскъ.

Оба отряда нашей экспедиции отправились изъ С. Петербурга 23-го Марта 1820 года, и прибыли въ Москву 3-го Апрѣля. Здѣсь отдавался я отъ начальника втораго отряда, лейтенанта Анжу; онъ рѣшился пробыть въ Москвѣ, со всяки нашими инструментами, до установленія лѣтнаго пути, а я, поручивъ оставшемуся при немъ г-ну Козьянову частный присмотръ за инструментами, принадлежащими къ моему отряду, посоветовалъ, съ чичиномъ Матюшкинымъ, въ Иркутскъ, дабы тамъ немедленно заняться нужными приготовленіями къ дальнѣйшему пути. Для ускоренія вѣды нашей, мы взяли съ собою только два небольшие чеходана, съ необходимыми платьемъ и бѣльемъ, и отправились изъ обыкновенныхъ перекладныхъ.

Разлитіе многихъ рекъ, по сѣ и по ту сторону Уральскихъ горъ крайне замедляло путешествіе наше, но въсѣмъ съ тѣмъ однакожъ и разнообразно его окружавшими насъ видами. Вся удолья прерывались въ огромныя вышвырнутыя воды и въ озера; изъ нихъ торчали вершины уже зеленымихъ дурсей, представляя взору чудное явленіе плывущихъ садовъ, между которыми, несся черезъ холмы и горные хребты по хорошиимъ, и дурнымъ дорогамъ, достигли мы наконецъ до неопредѣлимой Сибири.

Отъ Москвы до Иркутска, на пространствѣ 5317 верстъ, составляющемъ едва третъ всего протяженія Россіи отъ запада къ востоку, встрѣчали мы нѣсколько разъ весну и нѣсколько разъ зиму; спорога въ сторону, на незначительное по Сибирскому размѣру разстояніе, мы могли бы найти столь же легко совершенное лѣто. Въ Казани зеленѣли уже деревья и луга украшались прекраснѣйшими цвѣтами, а на высотахъ и въ долинахъ Уральскихъ горъ лежалъ еще глубокий снѣгъ. Въ окрестностяхъ Тобольска едва пробивалась свѣтлозеленая трава по отлогимъ мѣстамъ, между тѣмъ, какъ въ романтическомъ Красноярскѣ улыбалась намъ роскошнѣйшая весна, а въ Иркутскѣ стояли сады уже въ полномъ цвѣтѣ. Къ сожалѣнію, спѣша на мѣсто нашего назначенія, мы только мимолетно удивлялись безпрестанно сменявшимся красотамъ природы и резкими противоположностямъ всякаго рода, кото-

рыи дѣлались еще болѣе разкини отъ быстрой
вѣды нашей, и отъ того, что не въ состояніи
будули слѣдовать за постепеннымъ измѣненіемъ
предистовъ, переносились мы изъ великолѣпныхъ
чертоговъ столицы блочкаменной Москвы въ юр-
ты кочующихъ Тунгусовъ, изъ необозримыхъ ду-
бовыхъ и липовыхъ лѣсовъ Казани на голыя,
снѣгомъ и льдомъ покрытыя тундры по берегамъ
Алзеемъ и Колымы. Какая разность въ климатѣ,
произведеніяхъ, пасажіахъ, флѣогноміахъ странъ!
Какое разстояніе между степенно умственнаго
образованія жителей столицы и народовъ кочую-
щихъ!

Когда скоро перешагнете за Уральскій хре-
бетъ, или, по тамошнему, за *Каменный Поясъ*,
слѣдовательно, вступите въ Сибирь собственно,
васъ поражаютъ самымъ неожиданнымъ образомъ
редкое добродушіе и пріятельность обитателей
сей страны, которую все еще представляютъ се-
бѣ столь многіе, особенно иностранцы, ужасною,
хладною пустынею, наполненною злодѣями и
преступниками. Вѣсто того, путешественникъ
встрѣчаетъ здѣсь, именно въ южной части, рос-
кошную растительность, хорошо воздѣлываемыя
поля, отличныя почтовые дороги, большія, хо-
рошо устроенныя деревни и совершенную без-
опасность, какую едва ли можно найти въ обра-
зованныйшихъ государствахъ Европы. Вездѣ при-
нимали насъ съ радужнымъ гостепріимствомъ
и безкорыстіемъ, и безъ малѣйшей задержки,

тотчас отправляя далее. При перемѣнѣ лошадей, случалось ли то днемъ или ночью, вещи наши лежали на большой дорогѣ безъ всякаго присмотра, и часто, при малѣйшемъ изъясненіи на счетъ того опасенія, намъ отвѣчали простосердечно: «Чебось! Тутъ ничего не украдутъ.»

Мая 18-го прѣехали мы въ Иркутскъ, и остановились въ домѣ начальника Адмиралтейства, лейтенанта М. Н. Кутыгина, у котораго, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, проведеннаго мною здѣсь, пользовался я самымъ радушнымъ гостепріимствомъ. Немедленно двинулся я къ бывшему тогда Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ, действительному тайному совѣтнику Сперанскому. Его Высочайшеское величество, удостоивъ меня санаго лестнаго пріема, съ предупредительною готовностью доставилъ мнѣ всевозможныя пособія къ снаряженію и приготовленію всего нужнаго для нашего дальнѣйшаго путешествія, такъ, что въ короткое время успѣлъ я заняться всѣмъ, что только здѣсь и отсюда получить было возможно. Между прочимъ, М. М. Сперанскій сообщилъ мнѣ, по своей благосклонности, всю переписку, веденную имъ по предмету нашей экспедиціи, со всѣми мѣстными начальствами тѣхъ областей, черезъ которыя провѣщать ей подлежаю, какъ равно и донесенія господина Геденштрона, посѣщавшаго въ 1811 году берега и острова Ледовитаго моря, приказавъ мнѣ представить

собственное мнѣніе мое обо всемъ, что казалось бы еще нужнымъ и полезнымъ для лучшаго успѣха въ предпріятіи нашемъ. Письменные свидѣнія и личное мое знакомство съ г-нъ Геденштромъ, вызвавшими въ Иркутскъ по распоряженію господина Генералъ-Губернатора, были для меня весьма важны, ибо я узналъ уже здѣсь, что предстоитъ мнѣ въ Нижне-Колымскъ и на берегахъ Ледовитаго моря. Картина странъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, соотвѣщающимъ изъ снѣга и льдовъ, странъ, гдѣ, крокъ суроваго климата, помогала мнѣ непреодолимыя препятствія еще недостатку въ жизненныхъ потребностяхъ всякаго рода, такая картина была, приплюсось, по крайней мѣрѣ, непріятельская; впрочемъ, она не имѣла никакого особеннаго вліянія на веселую бодрость нашу, съ какого приступили къ данному намъ порученію, мы взяли для того надлежащія хвры.

По прибытіи въ Иркутскъ (въ первыхъ числахъ Іюня) лейтенанта Анжу, съ прочими къ экспедиціи принадлежащими чинами, и съ инструментами, оставили мы 25-го Іюня столицу Сибири, исполненные признательности и благодарности за участіе, дружбу и всѣ пріятности, которыми пользовались въ пей, и которыя были для насъ тѣмъ драгоценнѣе, что здѣсь изъ некоторымъ образомъ разставались мы съ образованнымъ светомъ, отираваясь года на четыре въ льдистыя пустыни, гдѣ надлежало отказаться отъ всѣхъ пріятностей и наслажденій общественной жизни, ко-

торьми съ избыткомъ пользовалась въ гостеприимномъ Иркутскѣ, и особенно въ радушномъ семейномъ кругу тамошняго Губернатора И. Б. Цейдлера.

Юня 27-го, прибыли мы въ вѣстечко Качугъ, находящееся въ 236 верстахъ отъ Иркутска, на лѣвомъ берегу Лены, которая отсюда начинаетъ быть судоходною. Тутъ нашли мы устроенный для насъ *навозокъ*, большое плоскодонное судно съ палубою, и нагрузивъ его припасами, заготовленными для насъ въ Иркутскѣ Адмиралтействомъ, пустились, 28-го Юня вечеромъ, внизъ по теченію величественной Лены.

Урочище Качугъ является собою нечто похожее на пристань, ибо отсюда сплавиваются всѣ купеческіе товары и казенныя тяжести къ разнымъ городамъ и мѣстамъ, лежащимъ по Ленѣ.

Для того употребляютъ суда двоякаго рода: *навозки* и *Ангарки*. Первыя суть большія, широкія барки, которыя нагружаются вскими тяжестями, отправляемыми до самаго Якутска, но по причинѣ своей величины, они не могутъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, и потому, прибывши къ мѣсту своего назначенія, разбираются, и употребляются, какъ въ Петербургѣ барки, на строгія и дрова. Ангарки, напротивъ того, суда меньше, поднимающія не больше 80 пудовъ груза, позвращаются назадъ греблемъ и бичевомъ. Есть еще родъ довольно большихъ, покрытыхъ палубою судовъ, съ парусами; ихъ употребляютъ для перевозки разныхъ товаровъ

во рѣкъ, внизъ и вверхъ. Путешественники па-
легкѣ пользуются небольшими скороходными лод-
ками, и для безопасности держатся извѣстнаго
берега; со станцій, расположенныхъ здѣсь въ
извѣстной разстоянціи одна отъ другой, они
имѣютъ право требовать столько гребцовъ, сколь-
ко лошадей значится въ ихъ подорожной, такъ,
что могутъ продолжать плаваніе свое доволь-
но скоро и безостановочно, особенно внизъ по
рѣкѣ.

Но вотъ все, что по сіе время сдѣлано здѣсь въ
пользу внутренняго сообщенія по рѣкамъ, а оно,
по своей великой важности, заслуживаетъ осо-
бенное вниманіе, въ столь малолюдной землѣ,
какова большая часть Сибири, гдѣ поселе-
нія отдалены одно отъ другаго нередко на нѣ-
сколько сотъ верстъ, и преимущественно пото-
му, что поселенія, лежащія далѣе къ сѣверу, не
могутъ существовать, ежели не подвезутъ или
необходимыхъ для содержанія запасовъ изъ болѣе
южныхъ и болѣе обработанныхъ областей. Ве-
личественныя, исполнскія рѣки пересѣкаютъ Си-
бирь съ юга на сѣверъ, и, кажется, самою при-
родою предназначены нести избытки изъ юж-
ныхъ странъ съ въ отдаленныя сѣверныя, оби-
таемыя концы терпѣть недостатокъ во всемъ;
главныя рѣки соединяются между собою множе-
ствомъ побочныхъ, большихъ или меньшихъ,
но вообще судоходныхъ, такъ, что едвали най-
дется какое либо средоточное мѣсто, до ко-
торого нельзя было бы достигнуть водою. Та-

жить благодѣиіемъ природы хотя и пользуются, отправляя съ Якутской ярмарки* въ Жиганскъ, и въ прочія, внизъ по Лене лежащія селенія, на большіяхъ или меньшихъ судахъ, въ которыхы необходимыя жизненныя потребности и предметы роскоши, какъ то: муку, соль, чай, сахаръ, горячее вино, табакъ, и незначительное количество матерій, однакожь, при несовершенствѣ судовъ и недостаткѣ работниковъ для привеленія ихъ въ движеніе, плаваніе не только бываетъ весьма ненадежно, но и производится обыкновенно столь медленно, что транспорты часто зазимовываютъ, не достигнувъ мѣста своего назначенія, и принуждены бываютъ оставаться до слѣдующей весны, гдѣ приходится. Конечно, въ такомъ случаѣ доставляется иногда сухимъ путемъ некоторая часть самыхъ необходимыхъ вещей, но сего рода доставленіе сопряжено съ столь великими затрудненіями, и обходится столь дорого, что привозимые такимъ образомъ въ незначительномъ количествѣ товары продаются по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ, и большая часть бѣдныхъ жителей не въ состояніи ими запастись. Потому безпреставно падаютъ они въ ничтожнѣйшей неувѣренности на счетъ столь

* Большая часть товаровъ отправляется по условіямъ, заключеннымъ на Якутской ярмаркѣ въ началѣ Августа; по каждаго изъ совершающаго Лены зимовки обыкновенно въ Сентябрѣ, но иногда случается, что значительные зимовки наводина не доходятъ даже до Жиганска.

важных для них подвозовъ, тѣмъ болѣе, что остановка ихъ влечетъ за собою, кромѣ недостатка въ той или другой жизненной потребности, вредныя слѣдствія для здоровья вообще. Наконецъ, и самое сохраненіе грузовъ, остановившихся на зимовку, въ продолженіе которой часть товаровъ подвергается порчѣ, крайне обременяетъ прибрежныхъ жителей, обязанныхъ поставить нужное число сторожей для надзора за казенными ввуществами.

Вся сія псудобства можно устранить, по моему мнѣнію, постройкою одного парохода, съ помощью коего суда успѣвали бы промывать въ мѣсяцъ отъ Качужской пристани до отдаленнѣйшихъ мѣстъ нижней Лены. Совершая такимъ образомъ плаваніе, можно удобно дѣлать два оборота въ одно лѣто, и черезъ то достаточно снабжать сѣверную Сибирь всѣмъ нужнымъ. Отъ подобнаго ускоренія судоходства по Лѣнѣ, все пространство, тысячи за четыре версты, между Иркутскомъ и берегами Ледовитаго моря, получило бы новую жизнь, промышленность возросла бы въ тѣхъ странахъ, жители ихъ имѣли бы необходимыя потребности надежныя и по гораздо дешевѣйшимъ цѣнамъ, и Сибирское лѣто, нынѣ слишкомъ короткое, показалось бы болѣе продолжительнымъ отъ благоустроеннаго употребленія времени. При великомъ множествѣ неизвѣрныхъ лѣсовъ, растущихъ по обоимъ берегамъ верхней Лены, снабженіе парохода дровами, уже нарубленными, будучи со-

пряжено съ незначительными издержками, представлять мало затруднений, а жителям открывалась новая отрасль промышленности.

Обратимся однакожь къ моему речному плаванію. Судно шло, скользя на поверхности величественной Лены, между высокихъ, романическихъ береговъ, неслоя, или по теченію струй, или подъ распущеннымъ парусомъ, когда вѣтеръ благоприятствовалъ, или, въ противномъ случаѣ, на веслахъ.

Лена принадлежитъ, какъ известно, къ числу величайшихъ рекъ на земномъ шарѣ. Отъ Кичужской пристани до станка Рики (на разстояніи 400 верстъ) протѣкаетъ она черезъ страну гористую, покрытую дремучими лѣсами, между берегами живописными (особенно въ верхней, южнѣйшей половинѣ), въ своихъ водахъ до безконечности разнообразными. По скатамъ горъ видны обработанные поля, луга, огороды, и между ними хижины поселянъ, живущихъ здѣсь отчасти отдѣльными дворами, а отчасти небольшими деревнями *. Самая река усіяна множе-

* Жители сихъ мѣстъ приписываютъ великій вредъ разлитію рекъ, которая отъ сильныхъ проливныхъ дождей и скоро растопившихъ снѣговъ въ удаляхъ горъ жарено выстушаютъ изъ береговъ, и разливаясь, завосятъ обработанные уже поля, луга и огороды надлѣны, безплодными пломъ. Черезъ то они лишаются плодъ трудовъ своихъ, и средствъ, для прокормленія себя и содержанія своихъ вѣнчательныхъ стадъ рогатыхъ скотовъ. Въ такомъ случаѣ они обращаются къ казеннымъ магазинамъ, которые каждый годъ, всегда пробыла, наполняются избытками съ плодотворныхъ полей Иркутскихъ и Красноярскихъ. Сн за-

ствоитъ низменныхъ острововъ, поросшихъ лесомъ. Горы постепенно возвышаются и становятся болѣе утесистыми; у станка Риги вдругъ поворачиваетъ Лена круто на востокъ, и съ перваго взгляда кажется, что сближающіеся внизу оба стременистые берега, какъ будто стѣсняютъ теченіе рѣки. Съ сего мѣста принимаютъ многоотрасавъ горныхъ хребтовъ направленіе къ югу, и Лена, освободясь отъ стѣсняящихъ ее досей горъ и отъсыпныхъ скалъ, величественно и великодушно продолжаетъ свое теченіе между низменными берегами.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Лену, на означенномъ пространствѣ, упомяну только объ Орленгѣ, впадающей въ нее съ правой стороны; она замѣчательна по мелко-зернистому пещаному камню, добываемому въ горахъ, образующихъ берега рѣки, и употребляемому жителями на бруска, которыми запасались и мы; въ послѣдствіи, они были для насъ весьма полезны.

Между Риги и станкомъ Усть-Кутскимъ находится кое-гдѣ нѣсколько отмелей, затрудняющихъ плаваніе во время лѣтняго разлива; да и въ однихъ мѣстахъ ходятъ употребленные здѣсь плоскодонныя суда вездѣ безпрепятственно. При устьѣ рѣки Кули, впадающей въ Лену съ лѣвой стороны, построено Русскими, въ 1631 году, первое постоянное заимовье на берегахъ Лены, которую

низкими жилищами весьма благоудобными и необходимыми для существованія здѣшнихъ жителей; путешествующихъ въ особѣи отлучаютъ отъ нихъ по дешевой цѣнѣ зерно и муку.

открыли въ первый разъ, въ 1607 году, Мангазейскіе, или Туруханскіе, а потомъ, въ 1628 г., Енисейскіе казаки. Последние спустились съ верховья *Идирны* въ Куту, а первыя поднялись вверхъ по рѣкѣ Нижней Турусу, изъ которой, преследуя непокорившіяся еще Якутскія племена черезъ узкій волокъ, вошли въ Вилюй, а по немъ въ Лену.

Отъ станка *Забора* до города *Киренска* считается по сухому пути только 35 верстъ, а по Лѣнѣ 105. Она течетъ большими извилинами по сему пространству, которое отъ того и названо *Великими лужами*, и при глубинѣ въ 7-мъ сажень, не имѣетъ почти ни малѣйшаго стремленія. Отъ станка *Риги* горы опять начинаютъ показываться съ правой и съ левой стороны. У *Киренска* вся лѣвая береговая покатость состоитъ изъ чернаго шифера, съ настилками слюды. Нѣсколько верстъ внизъ, на той же сторонѣ, находится слой зеленого шифера въ красной глинѣ; далѣе верстъ за 100 весь берегъ состоитъ изъ обыкновенной глины и не настоящаго шифера. Около такъ называемыхъ *Щекъ*, въ 250 верстахъ ниже *Киренска*, лѣвый берегъ образуютъ известковыя скалы, содержащія въ себѣ яичныя кремнистой породы и кристаллы извѣстковаго шпата. Слѣ скалы безпрестанно умножаются, на разстояніи 350 верстъ, выше города *Олекмы*, у котораго берега опять поднимаются и дѣлаются измѣстными. Въ нихъ лежатъ во множествѣ обломки зеленого порфѣра, простаго квар-

на, съ глянцевитыми блестящими и глянцевитыми шиферами, въ величайшемъ количестве. Около 150 верстъ до Олекмы, крутой берегъ состоитъ изъ слоевъ разноцвѣтнаго шифера, свѣтло-зеленыхъ, а въ промежуткахъ свѣтло-сѣрыхъ, очень тонкихъ; попадаются также шиферъ зеленого цвѣта, жесткій и неудобораскалываемый пещаники, а между шиферными пластками кое-гдѣ несколько гипса. Наконецъ, весь лѣвый берегъ у Олекмы составляетъ глина, въ которой сероватый шиферъ стелется довольно толстыми пластами, и вверху показывается прекрасный гипсъ, осадочной близны.

Около 180 верстъ выше Якутска, у станицы *Батомоя*, правый берегъ Лены образованъ изъ отвѣсно стоящихъ скалъ, которыя по своему виду называются *Столбами*; въ нихъ, говорить, находятся различныя породы мрамора. Далѣе, верстахъ въ 60 ниже Столбовъ, видны въ высокомъ отвѣсномъ берегѣ, изъ чisto-известкового камня, пещеры, подземные ходы и тому подобное. Это, кажется, остатки отъ бывшихъ поисковъ серебряной руды, которую, по известнымъ признакамъ, надѣялись здѣсь открыть; но какъ найдено только незначительное количество свинца, а серебра вовсе не оказалось, то работы вскорѣ прекратились. Въ одной изъ сихъ пещеръ, въ 120 верстахъ отъ Якутска, докторъ Кибель нашелъ странное явленіе природы: посреди пещеры, въ несколько сажень глубины, на утѣстой почвѣ, растетъ, по видимому, до-

полно успешно, ластышница, не смотря на урочъ, ее окружающий.

Въ заключеніе моихъ краткихъ, неполныхъ замечаній о качествахъ Ленскаго берега, сообщу еще нечто о двухъ примѣчаніяхъ достойныхъ, совершенно противоположныхъ ключахъ, находившихся верстахъ за 150 ниже Столбовъ. Одинъ изъ нихъ, вытекающій изъ крутого известковаго утеса, на лѣвомъ берегу, издаетъ свѣрлый запахъ при высокой температурѣ; другой, вышійся на правомъ берегу, содержитъ холодную, весьма прозрачную, но вкусомъ пресоленую воду.

Городъ Киревскъ есть не вѣсь что, какъ довольно жалкая деревня, я не представляеть ничего примѣчательнаго, кромѣ того, что жители его, занимаясь огородничествомъ, снабжаютъ Якутскъ, между прочимъ, отличнѣйшею капустою, картофелемъ, рылою и другою зеленью, даже огурцами, которые однакожъ въ зныя годы, при наступленіи раннихъ морозовъ, несашкомъ удаются. Огороды располагаются всегда такъ, чтобы съ сѣверной и восточной стороны были защищены горами, утесами или лѣсомъ.

Неподалеку отъ станка *Чистые Острова*, около 250 верстъ выше Киревска, Лева, при глубинѣ въ 12 сажень, съ великимъ напоромъ протѣкаетъ между скаль, отвѣсно поднимаясь на 80 сажень. Сіе мѣсто, называемое *Щеки*, знаменито по необыкновенно сильному и продолжительному шуму, повторяющему ружейный и пистолетный выстрѣль разъ сто или болѣе, и притомъ столь

часть 1.

11

усиливающему отголосокъ, что, кажется, слышать продолжительный близкий стонъ, даже пущенную пальбу цѣлаго парва. На сейзъ вѣсть, рассказывали намъ, случилось за нѣсколько лѣтъ предъ симъ весьма печальное происшествіе: Туигусъ, преслѣдуя на лыжахъ лоса, замѣтилъ, въ своемъ охотничьемъ пылу такъ же мало, какъ и перепуганный звѣрь, что находится на краю отвѣсной скалы, и—оба изпрыгнулись въ 80-ти саженьную бездну, на неровный ледъ рѣки, гдѣ нашли ихъ совершенно разбитыми.

По близости Щекъ торчать изъ рѣчнаго русла довольно высокій утесистый столбъ, который прибрежные жители, въ знакъ признательности, назвали *Полкинь Божкомъ*, потому, что за нѣсколько лѣтъ, къ немалой ихъ радости, разбилось объ него, по неосторожности корявого, судно съ хатбинскимъ экипажемъ, при чемъ они, разумеется, пожизнились частью дорогаго груза. Этотъ памятникъ столь замѣтельнаго кораблекрушенія объѣхали мы благополучно, и при замѣтно уменьшившейся быстротѣ теченія проплыли мимо устья *Витима*, рѣки, знаменитой по добываемой на ея берегахъ слюды, а еще болѣе по превосходнымъ соболѣмъ, которые, послѣ *Олекинскихъ*, считаются лучшими въ цѣлой Сибири. Вообще леса на припломъ берегу *Лены* изобилуютъ различными пушными звѣрями отличной породы, между тѣмъ, какъ на лѣвомъ берегу они попадаются рѣже и шкура ихъ цѣнятся не столь высоко. Естественной причины сказанному долж-

поискать въ томъ, что правый берегъ покрытъ дремучими лѣсами, соединяющимися непосредственно съ лѣсами Яблоннаго Станового хребта,¹ въ которые не проникали самые отважные промысловики; напротивъ того, лѣвый берегъ не столь лѣсистъ, болѣе заселенъ, и, следовательно, для нихъ доступнѣе.

Юля 9-го находились мы напротивъ города Олекмы²; тутъ, при сильномъ дождѣ, поднялась съ низу рѣки столь жестокая буря, что совершенно остановила теченіе рѣки съ нашими павозками, и заставила насъ прибѣгнуть къ средству, которое употребляется здѣсь въ такихъ обстоятельствахъ не безъ успѣха: связавъ веревками четыре лѣнтяки въ рядъ, прикрѣпили ихъ веревками къ передней части нашего судна, и привѣсивъ къ нимъ камни, погружали ихъ вершины въ рѣку, съ небольшою на сажень отъ поверхности воды; при такой глубинѣ, нижнее теченіе въ рѣкѣ, не будучи под-

¹ Така называется южный хребтъ, протянувшійся вдоль Лены съ истока на югъ, и соединяющійся съ Байкальскими горами.

² Олекминскіе соборы почитаются лучшими въ Сибирѣ; швейцарскій соборъ продается по 50, по 100 рубл. и дороже. Златые бляхи мѣла, отличающіеся весьма густотою, дѣловитостью и темно-сѣрыми полосами, покупаются также въ значительномъ количествѣ и по дорожкамъ знаютъ. Потому Олекма есть важный городъ въ торговлѣ кунными товарами; она значителѣе еще и тѣмъ, что составляетъ въ Сибири порубежную точку земледѣлія, за которую, да въ сѣверу, оно простирается, да и здѣсь не всегда съ успѣхомъ производится; часто дѣлныя пироты уничтожаютъ каждый посѣвъ. Сѣютъ почти исключительно озимую рожь.

вержепо аліянію вѣтра, понесло весь впередъ посредствомъ нашего подводнаго чируса, вопреки вѣтру и сильному волненію, при чемъ нашего паровика не могло повернуть рѣки, такъ прежде.

Не смотря на продолжительный дождь во время плаванія, нѣсколько разъ видѣли мы горящіе лѣса, на великихъ пространствахъ вдоль береговъ. Мѣлкій кустарникъ и сухой валежникъ были болѣею частью уже сожжены, но исполинскія сосны и лиственны, совершенно облиты пламенемъ, стояли густыми рядами, подобно огромнымъ огненнымъ столбамъ, а отражавшіеся отъ нихъ въ рѣку зарева, при ужасномъ трескѣ смолистаго хвойника, представляли, особенно ночью, великолѣпное зрѣлище. Подобные лѣсные пожары, простирающіеся перѣдко версты на сто, случаются здѣсь довольно часто, и почти всегда отъ безпечности промышленниковъ, или провѣзжихъ: они не тѣсятъ огня, разводимаго ими для приготвленія пищи, или для того, чтобы посредствомъ дыма избавиться ночью отъ комаровъ, ошрабающихъ здѣсь воздухъ своими, подобно облакамъ густыми рядами, и причиняющихъ нестерпимое мученіе. Такіе лѣсные пожары, уже сами по себѣ вредные, дѣлаются несравненно вреднее потому, что тревожатъ и разгоняютъ дичь и пушныхъ звѣрей всякаго рода въ отдаленныя страны. Хотя предъ нами сѣмь промышленниковъ падаетъ, во все таки не можетъ ихъ образумить и сдѣлать осторожными.

Чѣмъ далѣе на сѣверъ подавались, мы темъ пустыниѣе во всякомъ отношеніи становились берега Лены; у Олекмы приметны еще послѣдніе слѣды садовничества и земледѣлства, но далѣе исчезаютъ совершенно; жители достаютъ себя пропитаніе исключительно одними скотоводствомъ и рыбною ловлею. Кромѣ станковъ, весьма рѣдко гдѣ попадаются небольшія селенія, да и тѣ съ ихъ обывателями находятся въ бедственномъ состояніи. Прѣбавшіе къ намъ со станковъ гребцы были покрыты рубищами жалкаго вида, удрученны недостаткомъ и нуждою, что замѣтно особенно на Русскихъ крестьянахъ, которые встрѣчаются до станка Улалики, находящагося верстахъ въ 50-ти отъ Якутска; отсюда далѣе на сѣверъ все народонаселеніе состоитъ изъ однихъ только Якутовъ, которые, какъ природные туземцы, свыклись съ суровымъ климатомъ, привыкли отъ него къ недостаткамъ и средствамъ пособить себѣ гораздо больше, нежели чужеземные переселенцы, а отъ того и подвержены нуждѣ менѣе Русскіе.

Проведя цѣлую ночь на льду, наконецъ достигли мы Якутска 25-го Іюля, но 27-ми дневнымъ плаваніемъ отъ Качуга до сего города (около 2500 верстъ). Весною, когда река течетъ гораздо быстрое и противные вѣтры не задерживаютъ, можно проплыть отъ 190 до 200 верстъ въ сутки, и совершить плаваніе въ 13 или 14 дней.

Но прибытіи въ Якутскъ, немедленно явился мы къ тамошнему главному начальнику, стат-

оному советнику Мининскому, известному своею прежнею, отличною службою по олову. Онъ принадлежалъ намъ весьма ласково и дружелюбно, и во все время нахождения экспедиціи нашей по вверенной ему управленію области, всегда съ предупредительною готовностію старался оказывать намъ пособіе и помощь во всѣхъ потребностяхъ, что въ лишенномъ всего, пустынномъ краѣ имѣло самое существенное вліяніе на успѣшный ходъ нашего предпріятія. Намъ обонхъ, г-на Анжу и меня, помѣстилъ онъ въ собственномъ своемъ домѣ; мы, въ продолженіе нашего пребыванія въ Якутскѣ, выжили много случаевъ почерпнуть изъ его поучительной бесѣды весьма важныя уроки и на основаніи основанныхъ соображеній, касательно странствованія нашего по такой землѣ, которую изучалъ и узнавалъ онъ по долготренинаго въ ней пребыванія и многократныхъ путешествій по большей части Сибири.

Якутскъ носитъ на себѣ совершенный отпечатокъ хладнаго, мрачнаго сѣвера. Городъ расположенъ на голой равнинѣ, примыкающей къ лѣвому берегу Лены. Въ его широкихъ улицахъ видны только незначительныя дома и хижинки, окруженныя высокими деревянными заборами. Между серыми, мертвыми бревнами и досками, тщетно будете искать дерева, или хотя одного зеленого кустика; ничто не изобличаетъ здѣсь существованія кратковременнаго лѣта, развѣ только отсутствіе снѣга, который своею близкою,

быть можеть, несколько оживляет печальную, скую однообразность.

Въ городѣ считается всего 4,000 жителей, около 500 домовъ, 5 церквей (изъ коихъ три каменныхъ и двѣ деревянныя), одинъ монастырь; при немъ строился каменный гостинный дворъ. Единственную достопримѣчательность Якутска составляетъ старинная деревянная крѣпость, или острогъ, съ угрожающими паденіемъ угловыми башнями, которую, въ 1647-мъ году, построили завоеватели Сибири, казаки. Сколь ни ветхъ сей памятникъ пераго основанія Якутска, однакожь жители взирють на него съ благоговѣніемъ, и охотно разсказываютъ о богатырскихъ подвигахъ своихъ предковъ, началъ и приращеніи своего любезнаго города, который, къ счастью, большая часть изъ нихъ любить и находить довольно красивымъ. Впрочемъ, въ послѣдніа тридцать лѣтъ, онъ дѣйствительно улучшился приметнымъ образомъ; уже исчезли всѣ Якутскія юрты, видѣнныя въ немъ, въ 1793 году, капитаномъ Биллингсомъ между обывательскими домами; тогдашніа лѣдины *, и даже сенокоса, замѣнены стеклами, по крайней мѣрѣ, у болѣе зажиточныхъ горожанъ, а въ нѣкоторыхъ до-

* Во всѣхъ отдаленныхъ сѣверныхъ странахъ Сибири вставленная въ отверстіе окна чистая лѣдяная пластинка, сплывшая съ пола и лодки, заступая стекломъ, который отъ чрезвычайныхъ морозовъ ломается. Да же стекла, изъ которой такъ обиваются окна, не можеть устоять противъ жестокой стужи, и потому при наступленіи зима шпинуется и захватывается лѣдяною пластинкою.

мать мерцать уже заря копанной роскоши, как то: большія окна, высокія коннаты, ставчатые двери, и тому подобное, неоспорное свидѣніе благосостоянія жителей, и плодотъ неутомимаго помеченія, прилагаемаго достойнымъ областнымъ начальникомъ обо всемъ, что можетъ служить къ ихъ пользѣ.

Якутскъ, какъ известно, есть средоточіе немалой части сѣверной Сибирской торговли. Отъ Анабры до Берингова пролива, отъ береговъ Ледовитаго моря до находящагося у Оленки горнаго хребта Алдана, назъ Удакаго острога, даже назъ Охотска и Камчатки, съ пространства, составляющаго несколько тысячъ верстъ въ окружности, свозится въ сей городъ драгоценнѣйшіе и простѣе пушные товары легкаго рода, сверхъ того моржевыя зубы и загадочныя мамонтовыя кости, остатки донотопиле, для прожвня или продажи въ теченіе лѣта. Въ оборотъ привозится всего болѣе дешево на два съ половиною милліона рублей, и однихъ пушныхъ товаровъ бываетъ милліона на полтора *.

Со открытіемъ Лены купцы приказываютъ назъ Иркутска въ Якутскъ, привозя съ собою въ обмѣнъ всевозможные товары, какіе только нужны здѣсь въ житейскомъ быту. Кроме вѣрнаго Чер-

* На ярмаркѣ 1836 года поступило товаровъ въ продажу поступило: бѣлыхъ 615 тыс., лапска 16 тыс., рѣчныхъ бобрровъ 300, выдры 200, куницы 2000, песцовъ 30 тыс., хорьковъ 45 тыс., хорьковъ 3500, струнъ бобржевой 10 тыс., собачей 19 тыс., моржоваго зуба пудовъ 1000, мамонтовой кости пудовъ 1000.

какаго табаку въ панушахъ, играющаго важную ролью, главнѣйшіе предметы торговли суть: хлѣбъ въ зернѣ и мука, чай и сахаръ, горячіе напитки разныхъ сортовъ, особенно водка, Китайскія, бумажныя и шелковыя матеріи, нисшей доброты сукна, вѣдьяныя и желѣзныя вещи, стекло, и т. д. Жители Якутска не упускаютъ случая запастись въ продолженіе ярмарки всякъ нужнымъ, ибо съ окончаніемъ расторжки всякіе торгаша возвышаются цѣны на все товары до чрезвычайности, а некоторыхъ нельзя достать и за деньги.

Времени главной расторжки нельзя назвать собственно ярмаркою, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой она имѣетъ въ Россіи: здѣсь не видишь на тылѣ того, что происходитъ на всѣхъ другихъ пашняхъ, ярмаркахъ; товары нигдѣ не выставляются; особенно ярмарка не сопровождается никакими народными увеселеніями; на улицахъ даже незаметно увеличившейся дѣятельности или суетливости. Купцы, какъ будто пріютивъ со всеми своими товарами въ домахъ, или дворахъ, тамъ рывають они свои дѣла, стараюсь, какъ можно болѣе содержать другъ отъ друга въ тайнѣ цѣны товаровъ и числа техъ лицъ, съ которыми имѣются торговать; они, кибичи и кызакъ занимаются почти исключительно торговлею пушнымъ товаромъ съ окрестными Якутами, бѣднѣйшіе изъ нихъ употребляютъ капиталъ свой, сколько ни было бы онъ малопочувствъ, на то, чтобы въ продолженіе зимы, мало по малу, пона-

купить изъкоторое количество шкуръ, и потомъ съ значительнымъ барышомъ продать ихъ Иркутскимъ гуртовымъ купцамъ, или прочесть ихъ на различныя житейскія и другія потребности. Какъ говорили мы, между Рускими не найдется ни одного ремесленника. Напротивъ того, здѣшніе Якуты, занимавшіеся некогда только звериною ловлею и скотоводствомъ, принялись нынѣ за разныя ремесла и доставляютъ своимъ бывшимъ учителямъ, Рускимъ, все нужное, получая отъ того значительную прибыль. Между ними находятся искусные плотники, столяры; рыцики, даже живописцы *, и они отличаются покладчивостію, любовью къ труду и порядку.

О воспитаніи дѣтей заботятся здѣсь мало; ребенка съ малолѣтства отдають обыкновенно какой либо Якуткѣ, которая, вскормивъ посылъно и по крайнему своему разумѣнію, тогда черезъ два или три возвращаетъ воспитанника, конечно, уже нѣсколько обжученнаго, родителемъ; дома онъ дорастаетъ, и изучившись нѣсколько грамотѣ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства Сибирской торговли пушнымъ товаромъ, или опредѣляется въ писцы какого-либо присутственнаго мѣста, для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскъ бывають крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества обясняется, съ перваго взгляда

* Всѣ образы въ новомъ нашенскомъ Соборѣ, и столарная и ризничья работы на иконостасѣ, произведены Якутами, весьма искусно и хорошо.

странным кажущееся явление, что даже съ нѣсколько высшихъ кругу общества Якутскій языкъ играетъ почти столь же главную роль, какую Французскій въ обществѣ изыскъ столичныхъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давала богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцовъ кяхми, въ имении своей жены. Общество состояло изъ областного начальника, почетнѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ Якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе.

Хлебосольство жителей Якутска славится повсюду и вошло почти въ пословицу, но какъ здѣсь бызастъ обыкновенно мало приказныхъ, или путешественниковъ, въ отношеніи которыхъ они могли бы исполнить сію добродѣтель, то Якутчане ограничиваются почти исключительно своимъ собственнымъ кругомъ, и имѣя много свободнаго, празднаго времени, проводятъ его въ довольно шумныхъ собраніяхъ, гдѣ кушанья и напитки составляютъ, разумется, главные предметы ихъ наслажденія. Послѣ вышнаго стола, приправленнаго малевками въ изобиліи, старики проводятъ остальное время за стаканчикомъ пуншу и картоннымъ столомъ, а дамы за кляпачнымъ самоваромъ и тарелками съ каменными кедровыми орѣхами, которые пощелкиваютъ безпрестанно; молодежь между тѣмъ танцуетъ Сибирскую

восмерку, подь гусли, или скрипку. Такъ проходитъ день за днемъ, единообразно, безъ малѣйшей перерывы, исключая разве тотъ случай, что нечаяннымъ образомъ попадется въ Якутскъ какой нибудь новый, въ остальномъ міра уже преданный забвенію, дамскій нарядъ; онъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе, зависть и соревнованіе, ибо, не смотря на уединенность здѣшняго края, нарядъ составляетъ и здѣсь для дамъ самую существенную принадлежность и наслажденіе жизни. Каково въ Якутскѣ жилали прежде «во дни оны», не знаю; слышать однакожь отъ многихъ старожиловъ горькія жалобы, что настоящее поколѣніе крайне уклонилось отъ прежнихъ, скромныхъ и аскетскихъ нравовъ, страсть къ картежной игрѣ, шарламанъ, мотовству, чрезвычайно въ немъ усилилась, и разорила уже не одно семейство въ концѣ. Но кратковременному пребыванію моему въ Якутскѣ, я не въ состоянни сказать ничего рѣшительнаго на счетъ основательности такихъ жалобъ; не смѣюстъ имъ однакожь приписать вѣхъ отчасти также стариковщинъ, которая здѣсь, какъ и вездѣ, почиталъ свой вѣкъ блаженнымъ, осуждаетъ настоящій?

Послѣ моего маленькаго отступленія, обращаюсь опять къ нашей экспедиціи.

Неутомимыми, деятельными распоряженіями г-на Миничаго были мы приведены въ состояніе предпринять путешествіе къ Ледовитому морю еще до истеченія лѣта. Г-нъ Анжу посылалъ съ своими отрядами шикъ по Лентѣ въ первыхъ числахъ

Августа. Около того же времени отрядилъ я впередъ личнаго Матюшкова въ Нижне-Колымскъ, для приведенія въ порядокъ и устройства всего нужнаго къ принятію и пребыванію тамъ экспедиціи. Вскорѣ послѣ того, егда покрылись льдомъ болота и рѣки, поручилъ я штурману Козьмину просмотрѣть за всѣми изъ Якутска назначенными припасами, слѣдовавшими равноварно въ Колымскъ, какъ главный пунктъ нашихъ дѣйствій, но самъ не могъ отправиться прежде 12-го Сентября.

ГЛАВА III.

ПУТЬ ОТЪ ЯКУТСКА ДО НИЖНЕ-КОЛЫМСКА.

Высочайшая гора. — Первый поселок. — Якуты. — Якутское общество.
Мирга. — Юрты, одрежам, одрежам, револ, пища Якутов. — Якут-
ский характер. — Река Алдана. Река
Тында. — Покорить якуты. — Восток-Якутский характер. Бродячие
Тында. Станок Баранов в Тоболке. — Городок Зиминский. —
Омичевский станок. Река Алдана. — Станок Сарда. — Среда-
Колымский. — Зимнее дорожное платье. — Река Оленок. — Восток
на соборных. — Преемство в Нижне-Колымский.

У Якутска прекращается тележный и санная
езда; отсюда до Колымска и по всей огромной
ледяной пустыне северной Сибири нет ни
одной проложенной дороги; только изредка встре-
чаются узкие, колючатые тропинки, проложен-
ные через болота, сквозь обширные леса, гус-
то сросшиеся кустарники, по холмам и крутым
горам, так, что не иначе, как верхом на
лошади, можно достигнуть до мест более
ровных, где начинается санная езда на оленях
и соборах. По так называемой Якутской до-

рога, отъ правого берега Лены наискось до Алдана, устроены для перектных лошадей стацин, на разстоянїяхъ 15, 18 и 40 верстъ.

12-го Сентября, въ полдень, при легкой пого-
дѣ, отправился я въ путь, и съ поклажею своюю
переходя въ лодкѣ черезъ рѣку на противополо-
жный берегъ, гдѣ на стацинѣ должны были
дождаться насъ лошади.—Въ семь мѣстъ Лена
сужена множествомъ острововъ, такъ, что глав-
ный средній протокъ ея нешире четырехъ верстъ.
Мои спутниками были матросъ, прибывшій
со мною изъ С. Петербурга, и отставной унтеръ-
офицеръ изъ Якутска, прежде вѣдвшій уже съ
г-мъ Геденштромомъ по берегамъ Ледовитаго
моря. Въ спонсїалахъ моихъ съ Якутами и дру-
гими Сибирскими племенами, онъ служилъ мнѣ
толмачомъ; сверхъ того опытною спосѣю, лов-
костью и истинно Русскою смѣлливостію была
въ послѣдствїи весьма полезна для экспеди-
ціи. Мы заказали вообще тринадцать лошадей,
изъ коихъ три были назначены для меня и моихъ
спутниковъ, а остальные подлѣ инструмента, пу-
тевые припасы, зимнее платье, и разныя другія,
въ дорогѣ необходимыя потребности.

По прибытіи моемъ на стацию, я нашелъ ее
совершенно пустою; не видно было ни людей, ни
лошадей. «Худое начало!» подумалъ я, но унтеръ-
офицеръ утѣшалъ меня увѣренїемъ, что такъ слу-
чается часто, и что стационные Якуты съ своими
лошадьми, вѣроятно, откочевали персты за три
въ долину, гдѣ находится лучшїя пастбища. Тотъ-

часть отправив мы двухъ проводниковъ отыски-
вать ихъ, а сами между тѣмъ развели на берегу
огонь, чтобы пообогрѣться отъ довольно суроваго
осенняго вѣтра, и подкрепить себя горячими па-
мя въ предстоящему пути.

Наконецъ, спусти часа три, показались наши
проводники съ лошадьми, и мы тотчасъ приня-
лись укладывать на нихъ свои вьюки, перевышная
на каждую лошада по пяти съ половиною вѣдо-
въ: два 220 фунтовъ, имѣю по два съ половиною вѣ-
да на каждую побочную, и по полу-вѣду проже-
побочены. Для укрѣплѣнія и принажи вещей упо-
требляются перевки, витыя изъ конскихъ волосъ.
Нарыочивъ такимъ образомъ лошадей, приважи-
ваютъ заднюю повозку къ хвосту передней, такъ,
что онѣ на ходу тгнутся одна за другой гусемъ.
При нашемъ караванѣ, въ девять лошадей, нахо-
дился только два проводника; одинъ изъ нихъ
сидѣтъ на передовой, управляя повозкою, а дру-
гой на самой задней, присматривая за всѣмъ и
вособилъ первому, гдѣ нужно было. Должность
проводниковъ претрудная; она требуетъ осо-
бенной споровки и утливья, потому, что въ го-
ристыхъ мѣстахъ лошади часто сбрасываютъ съ
себя ношу и отвызываются, а въ болотахъ вязнутъ.
Въ такихъ случаяхъ передній проводникъ дол-
женъ быть въ готовности вособить и привести
все въ надлежащій порядокъ, при чемъ, разу-
мается, задній проводникъ, неусыпно надсматри-
вающий за вѣлымъ караваномъ, работаетъ и хло-
почетъ немалое своего товарища. Отъ долговре-

менного навыка проводники Якуты приобретают проворство и сноровку, в столь высокой степени, что одного опытного из них достаточно бывает для управления восьмью караваномъ въ 20 лошадей, и содержания его въ совершенномъ порядкѣ, не смотря на то, что въ такомъ случаѣ онъ принужденъ бываетъ идти, болѣею частью, пешкомъ. Караванъ слѣдуетъ шагомъ, и смотря по болѣе или менѣе затруднительной дорогѣ, проходить въ сутки отъ 20-ти до 50 верстъ.

Приведеніе въ порядокъ и узда нашихъ вещей занимали насъ довольно долго, и мы тронулись уже подъ вечеръ, довольно поздно. Вскорѣ оставивъ я тинувшійся медленнымъ шагомъ караванъ, вѣсь одинъ пѣхотный спутниковъ отправился впередъ. Мы ѣхали по узкой тропинкѣ, называвшейся частью между низкими кустами, частью по равнинамъ, усыпаннымъ небольшими озерами, на которыхъ и между которыми водится множество дикихъ утокъ и куропатокъ. Въ весьма короткое время, мы настрѣляли ихъ себѣ на ужинъ довольно много, и при заходѣ солнца прѣехали къ столѣней удивленно Якутской юртѣ; она называется *ночнымъ станціей* и находится отъ первой въ 13-ти верстахъ. Начало уже смеркаться, и я рѣшился было къ ней переночевать, но скорѣ оставивъ свое намѣреніе, когда заглянувъ въ нее, нашелъ ее наполненною людьми, животными и отвратительнѣйшею нечистотою. И такъ расположился я въ ближайшемъ лиственничномъ лѣсу, гдѣ довольно пріятно про-

весь вочь, на разостланной медвѣжьей шкурѣ, подъ толстымъ меховымъ одеяломъ, возле аркавылаваго костра.

При восхожденіи солнца, я пробудился отъ сильно трепещаго хвороста, который набросали прибывшіе съ вьючными лошадьми Якуты въ потушавшій уже огонь. Воздухъ былъ чистый и свѣжій; термометръ показывалъ 2° ниже точки замерзанія, что показалось мнѣ при одѣваньи довольно несноснымъ; съ содроганіемъ, въ буквальный смыслъ сего слова, подумалъ я о предстоявшей Сибирской зимѣ, въ продолженіе которой нѣсколько градусоу мороза называется *теплою* погодой, и не понималъ, какъ можно будетъ сносить безпрестанную, жестокую стужу! Но человекъ созданъ для всѣхъ климатовъ, для всѣхъ поимовъ земли. Нужда, твердая воля и сычка пріучаютъ его ко всѣмъ неудобствамъ, даже къ самымъ ужаснѣйшимъ тѣлеснымъ страданіямъ. Спусти нѣсколько недель, мнѣ, наравнѣ съ Холмыцкимъ, казался морозъ въ 18-ть и 20-ть градусоу мягкой температурою.

Вскорѣ все пришло въ движеніе; на огонь поставили для меня чинникъ, а для моихъ провожатыхъ котель со щами. Въ продолженіе нашего завтрака пригнали лошадей съ ближайго луга, навьючили, ихъ, и мы пустились далѣе, подвигаясь на возвышеніе, поросшее мистелицею и сочною. У тропинки, по которой тянулася нашъ поѣздъ, стояло нѣсколько устарѣлыхъ деревъ; ихъ сучья были увѣшаны конскими волосами, а кор-

ни утыкали множеством шестов и прутьев, изукрашенных также подобным образом. Наши Якуты проводники остановили караванъ, слезъ съ лошади, выдернули изъ ея гривы нѣсколько волосовъ, и съ благоговѣніемъ прицѣпили ихъ къ сучку одного дерева; за тѣмъ объявляя намъ, что умилостивилъ горнаго духа такою, по туземному обычаю принесенною жертвою, можно уже надвигаться на его запиту въ предстоящемъ пути. Странствующіе пѣвники посланцы здѣсь Сибирскому лѣшему и рутья, вѣяли ихъ въ землю. Такое простое изъясненіе благоговѣнія передъ невидимымъ существомъ замѣлеть здѣсь, длинныя молитвы, которыя совершаютъ въ Монголіи у Обо, или священныхъ холмовъ, находящихся почти на каждомъ, нѣсколько значительномъ возвышеніи. Здѣсь, равно какъ и тамъ, нѣтъ одинакова, и обычай протекать изъ одного источника но только шаманскаго горнаго духа умилостивить, кажется, легче, нежели ламайскаго. Якуты впрочемъ строго придерживаются сего обряда, и даже тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру, не гнушаются еще оказывать своему оставшему горному духу знака почтенія.

Сегодня Якуты не пѣли во всю дорогу безъ умолку; напѣвъ ихъ, единообразный и заунывный, есть отголосокъ ихъ скрытнаго, угрюмаго, суроваго характера. Но болѣе разнообразіи поэзіи представляютъ самыя слова Якутскихъ пѣсней: въ нихъ воспеваются красоты природы, стройно и

роскошно растущія деревья, шумъ быстрыхъ рѣкъ, высота горъ, и т. п. Пѣвцы болѣею частью импровизаторы, и усматриваютъ во всемъ одинъ очаровательный красота: въ пустыни прекрасную страну, въ полубогрѣвшемъ сосновомъ стволѣ прекрасное могучее дерево, въ первой встрѣтившейся грязиной лужѣ чистос, словно кристалль, прозрачное озеро. Сначала приписывалъ я такіа преувеличенія ихъ выпрежнему воображенію, но вскоре узналъ отъ своего чичероне унтеръ-офицера, что они столь высокопарно преувозносятъ область горнаго духа только изъ страха, чтобы его не разсердить и задобрить.

Провхавъ 13-го Августа 63 версты, и перемѣнивъ лошадей только разъ на половинѣ сего пространства, подъ вечеръ прибыли мы къ станціонной юртѣ. Во всю дорогу выхаживали мы ся просторъ, и особенно отличную оиратность; я было напередъ уже радовался хорошему, теплomu кочлегу, но, къ сожалѣнію моему, удостоверился, что надобно быть непременно природнымъ Якутомъ, дабы вайдуги хоть нѣсколько сносивши господствовавшую въ немъ, какъ и въ другихъ юртахъ, спершуюся атмосферу, и все ее сопровождающее. Только частый, холодный дождь принудилъ меня укрыться въ хваленной юртѣ, но удлинивый воздухъ, безчисленное множество всякой гаднны, крикъ дѣтей и ревъ скотины, помещаемой въ жильѣ отъ холода, не дали сомкнуть глазъ, и я очень обрадовался разсвѣту и возможности отправиться въ путь.

Отъ продолжительныхъ дождей дорога, и безъ

того уже негодная, еще болѣе испортилась, а въ иныхъ мѣстахъ сдѣлалась почти непроходною, и потому крайне затруднила нашу сегодняшнюю ѣзду; за то пробѣжанное нами пространство представляло великое разнообразіе видовъ. Несомнѣнный видъ придаетъ сей сторонѣ множество небольшихъ озеръ, которыми здѣсь усыпана вся поверхность, и которыми заставляли насъ употребить въ обѣздъ болѣе 20-ти верстъ лишняго. Всѣ сіи небольшіе озера, имѣя правильно-отальный очеркъ, заключаютъ въ своемъ образованіи нечто отычтно привлекательное: крутые, лѣссовидные моросшіе берега, защищая водную поверхность, уподобляютъ ее огромному гладкому зеркалу; вѣчно царствуютъ здѣсь тишина и безмятежіе, и нарушаются только изрѣдка вспугнутою птицею, или вертлявою бѣлкою, прыгающею по деревьямъ.

Прѣѣхавъ около 40 верстъ отъ ночлега, мы спустились въ ложбину, или долину *Miore*, по многимъ отношеніямъ примѣчательнѣйшее изъ всѣхъ имѣть, какія мы встрѣчались на пути; она продолговато-круглаго, правильнаго очертанія, имѣетъ въ поперечникъ 8 верстъ, и окружена землянымъ возвышеніемъ, похожимъ на валъ, въ иныхъ мѣстахъ въ 10 саженъ вышины, безъ сомнѣнія, берегомъ бывшаго некогда значительнаго, но уже исчезшаго озера; еще и нынѣ находится на самомъ днѣ долины много соединенныхъ между собою озеръ, небольшихъ, но чрезвычайно рыбныхъ. Это обстоятельство, и притомъ защищенное

положеніе долины и весьма обильныя пастбища, побуждали некогда одного богатого Тунгусскаго старшина, Міоре, по имени коего она называется, въ ней поселиться; но подавившіеся безпреставно съ юга Якуты вытеснили его отсюда далеко, на лежащая къ северу тундры, и основали здѣсь значительнѣйшее и многочисленнѣйшее изъ всѣхъ поселеній, встрѣчающихся на пути до самаго Алдана. Множество большихъ и малыхъ юрты, изъ которыхъ нѣтъ уже нѣсколько походить на Русскія крестьянскія избы своимъ размеромъ, дѣвъ порядочныя церкви, съ колокольнями, живость въ движеніи народонаселенія, большіе стада и табуны, все въвѣсть представляетъ разительную противоположность сей отчужденной долины, сего оазиса, съ пустынею, его окружающею. Цвѣтущіея своимъ состояніемъ обильно одѣланное селеніе преимущественно одному Якутскому Голови, который собственными изданіемъ построилъ и украсилъ упомянутыя двѣ церкви. Говорить, что его капиталъ простирается до полумилліона рублей; не смотря на то, придерживаясь своихъ прародительскихъ обычаевъ, онъ еще не измѣнилъ нравовъ отцовъ: живетъ въ юртѣ, грѣется, какъ истинный Якутъ, у чуола (камня), пьетъ кумысъ * и ѣстъ на

* Извѣстный напитокъ, который Якуты приготовляютъ изъ кобыльаго молока, такъ же какъ и Татары, съ тою только разницею, что въ качествѣ сахара, не умѣютъ дѣлать его изъ сахара; онъ весьма пріятенъ и очень питателенъ, что Якуты, отправляясь далеко отъ своего жилья или съемосны, берутъ съ собою,

здоровье коннику. Главнѣйшую отрасль промышленности сего поселенія составляютъ скотоводство, звериния ловля, торговля мехами и извозничество, по поводу коего держать здѣсь значительное количество лошадей.

О происхожденіи Якутовъ, ихъ обычаяхъ и образѣ жизни вообще писано уже столь много и столь подробно, что послѣ всего мнѣ кажется почти излишнимъ умножать прежнія извѣстія новыми замѣчаніями, сведенными на лету, во время скорой ѣзды; ограничиваюсь только сообщеніемъ въ некоторыхъ этнографическихъ, главныхъ очеркахъ, нужныхъ для уразумѣнія моего разсказа, дабы тѣмъ избавить читателя отъ труда рыться въ дружки, помѣстившихъ описаніяхъ.

Окладъ лица и языкъ Якутовъ совершенно подтверждаютъ преданіе объ ихъ Татарскомъ происхожденіи. * Они народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство ихъ заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ имъ почти все нужное для пропитанія и содержанія. Изобиліе пушныхъ зверей, обитающихъ по безконечнымъ лѣсамъ, и прибыль, получаемая отъ продажи ихъ Рус-

амского исландъ другой провинціи, часто только мѣшка для кожанныхъ сумки, и нѣсколько дней среди нихъ истратся.

* Преданіе говоритъ, что нѣкто изъ Татаръ, по имени Саладаръ, переселившись изъ какой-то земли, лежащей гдѣ-то за горами, къ Киренгѣ на Лену, поселился тутъ, женился на Турускѣ, и сдѣлался родоначальникомъ Якутовъ, которые потому еще и часто называютъ себя Саладарами.

клят, заготовили и прибрали Якуты къ извѣствованію, которыми занимаются они съ неутомимымъ рвеніемъ и удивительнымъ искусствомъ. Съ самаго младенчества приученные къ лишеніямъ всякаго рода, и въ нихъ закаленные, Якуты съ величайшимъ терпѣніемъ противостоятъ всякъ житейскимъ нуждамъ, неразлучнымъ съ суровымъ климатомъ нѣбъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительнымъ къ стужѣ, и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ.

Пища ихъ состоитъ изъ коровьяго и козьяго молока, изъ конины и говядины, но только вареной; о жареніи и печеніи, также о хлѣбѣ, Якуты не имѣютъ никакого понятія. Жиръ почитается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумеренное пресыщеніе оныхъ — высочайшимъ блаженствомъ; они употребляютъ его въ разныхъ видахъ: сырой и топлый, свѣжій и испортившійся, и полагаютъ все достоинство только въ количествѣ, а не въ качествѣ, какой бы то ни было пищи, пожираютъ все почти съ скотскою жадностью. Абы умножить объемъ и продѣлать нѣсколько вкуса пищи, берутъ они внутреннюю часть коры, сосновой, предпочтительнѣе лиственничной, раскалываютъ ее, толкутъ мелко, мизаютъ съ рыбою, частицею муки, молокомъ, особенно съ жиромъ, варятъ изъ такой смеси нечто похожее на размазню и пожираютъ въ ужасномъ количествѣ. Изъ коровьяго молока приготовляется у нихъ, такъ называемое, Якутское масло, по

настоящему родъ сыра, или второму, на вкусъ кислостатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно питательную пищу.

Мужчины и женщины страстно любятъ курить табакъ, и при томъ самый крепкій, какой только достать могутъ, преимущественно Черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ того въ какое-то опьяненіе, которое иногда, ежели Якутъ разъярится, производить пагубныя слѣдствія. Не зная искусства дѣлать кумысъ хмѣльнымъ, почему потребно его великое количество къ произведенію желаемаго дѣйствія, они предпочитаютъ ему горячее вино, хотя нѣтъ оно и весьма дорого обходится, по причинѣ привоза изъ отдаленныхъ мѣстъ. Русскіе закупаючи мягкую рухлядь, пользуются страстью Якутовъ, ставятъ горячее вино и табакъ важнѣйшими предметами въ торговыхъ съ ними сношеніяхъ.

У Якутовъ бываютъ жилища двоякаго рода: льготъ уросы, * родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей и обглнутыхъ берестою; въ нихъ конуютъ они по обширнымъ травянымъ лугамъ, на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ, какъ хозяева стада безпрестанно запасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна;

* На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кору съ березъ большими лопатами, разжижаютъ ее посредствомъ жарна пемзуютъ кипяткомъ; будучи снаружи бѣлыя, а внутри желтыя, уросы представляютъ видъ весьма красивый, и весьма удобныя для зимнихъ домашнихъ шатровъ.

съ наступленіемъ зимы переходить Якуты въ свои теплыя юрты. Они суть родъ хижинъ, стромныхъ поперекъ земли изъ тонкихъ бревенъ, въ видѣ отъ-занной пирамиды, покрываемой снаружи тол-стыми слоемъ травы, глины, дерна, и нимающей размѣръ сообразно съ потребностями въ ней по-мывающихся. Въ такихъ жильяхъ окна замѣня-ются много что двумя, тускло освѣщающими ину-трешность ихъ, небольшими, квадратными отвѣра-стіями, въ которыхъ зимою вставляютъ лѣдники, лѣтомъ вклеиваютъ рыбыя пузыри, а иногда по-рлочно напичканую жиромъ бувару. У бѣдныхъ ноль опускается внизъ, обыкновенно на два, или на три фута, и плотно укрывается изъ глины, а у богатѣхъ поднимается и выстилается досками. Вдоль стѣнъ устраниваются изъ лежаныхъ мѣстовъ шпрокіе залавки, похожіе на низкія поматы, ко-торыя вмѣстѣ служатъ и кровлями, и по числу жильцовъ, или, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, раз-гораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій. По срединѣ юрты, ближе къ дверямъ, ставит-ся чумаль, родъ очага, или открытаго камыша, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ горитъ безпрестанно огонь, для тепла въ юртѣ и для варенія пищи. По стѣнамъ развѣшиваются платье, бѣлье и другая домашняя рухлядь, но во всемъ господствуютъ позитическій безпорядокъ и вели-чайшая неопрятность. Въ юрты ставятъ кру-гомъ еще нѣсколько, подобнымъ образомъ по-строенныхъ сараевъ для коровъ, которыя поль-зуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоять

подъ крышею и коряются снегомъ, а иногда, въ жестокіе морозы, ихъ помыкаютъ даже въ юрту, въ переднечъ темномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей; лошади, напротивъ того, остаются всегда подъ открытымъ небомъ, и должны скудно питаться изсохшею осеннею травою, выгребая ее копытами изъ-подъ снега. Только въ случаѣ дальнихъ поездокъ корятъ ихъ за нѣсколько дней снегомъ для подкрѣпленія. Хотя здѣшество и устройство Якутскихъ жилищъ крайне несовершенны, однакожъ они въ полной мѣрѣ соответствуютъ здѣшнему климату, мѣстности и потребностямъ жильцовъ, а въ некоторомъ отношеніи даже предпочтительнѣе полярныхъ уже здѣсь кое гдѣ Русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляютъ не настоящія бревна, а только одни тонкіе древесные стволы, равномерно и чузель, съ вѣчно пылающимъ огнемъ его, имѣетъ то преимущество, что вытягивая безпрестанно воздухъ, некоторымъ образомъ очищаетъ въ юртѣ атмосферу, напичканную всякаго рода испареніями. Словомъ, какъ бы то ни было, юрта удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ Якута въ разсужденіи удобства жизни, такъ, что онъ спокойно проводитъ продолжительную, ужасную зиму безъ страданій отъ холода. Днемъ мужчины ходятъ на охоту; женщины сядятъ вокругъ чучала, обдѣлываютъ зѣврычьи кожи, шьютъ платье, вяжутъ веревки, вяжутъ сети, и т. д., а вечеромъ, когда вся семья собирается вмѣстѣ, курятъ табакъ, пьютъ кумысъ,

и въ ужасномъ количествѣ есть, съ свѣжими или прогорѣлыми жиромъ, хорошо уваренную сосисую размазню. Случается, что въ это время князедъ, или старшина, разбираетъ небольшіе споры между своими; дѣла поважнѣе поступаютъ къ головѣ пѣлой волости, или улуса*. День заключаетъ нередко какой нибудь шаманъ, который, въ полночь, у тѣлющихъ на чумахъ угольскъ совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для излеченія отъ какой либо болѣзни, или исцрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ предпріятіяхъ. — иногда даже для прекращенія долговременной тѣжбы, неоконченной обыкновеннымъ порядкомъ.

Хотя почти весь Якуты крещены, и уже переведены на ихъ языкъ заповѣди, часть Нового Завета и главнѣйшія молитвы, но только весьма немногіе изъ нихъ, и то жившіе долго между Русскими, имѣютъ нѣкоторые основныя понятія о христіанской вѣрѣ; потому они все еще крѣпко придерживаются шамановъ и множества суевѣрныхъ обрядовъ языческихъ.

Главныя черты Якутскаго характера суть: истинность, сугубая чуждость, необходимость и

* Улусъ составляетъ цѣлое Якутское колено, состоящее подъ общими начальникомъ, Головою, и раздѣляющееся на нѣсколько хасгитовъ (именесовъ); каждый изъ нихъ имѣетъ своего старшину, или князедъ, изъ числа коихъ избирается Голова цѣлаго улуса. На Колымѣ есть улусъ, состоящій изъ десяти хасгитовъ. Принадлежащіе къ одному улусу называются родичами (родовичами).

скрытность. Якутъ никогда не забываетъ претерпѣнной обиды, и если самому не удастся отыскать, непременно передастъ мщеніе своему сыну, или ближайшему родственнику. Страсть Якутовъ къ глѣбамъ безпредѣльна: только представилась бы возможность затѣять нѣчто похожее на жалобу, или доносъ, они тотчасъ готовы лбедничать, и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому приѣзжему, иному, по ихъ предположеніямъ, некоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточные для себя походы, чтобы завести только тяжбу, нередко изъ-за одной полтины *. Необходимость и скрытность, побуждающія ихъ селиться болѣе разсѣянно, нежели въ совокупности между собою, представляютъ впрочемъ весьма разительную противоположность съ гостепріимствомъ и радушиемъ предупредительностью, какую они оказываютъ проезжимъ. Селиться обществами у нихъ не въ обычаевѣ; только между Якутскомъ и Алданомъ, на пространствахъ болѣе многочисленныхъ, встрѣчаются кое-гдѣ наслѣги (почаги), состоящіе изъ несколькихъ юртъ; напротивъ того, за Верхоянскимъ хребтомъ отстоятъ одна юрта отъ другой часто верстъ на двѣсти, такъ, что ближайшіе сосѣди не видаются иногда по дѣльнѣ годовъ. Къ такому необыкновенно великому удаленію побуж-

* Тѣмъ отличаются особенно подгородные Якуты, конечно, не безъ содѣйствія мелкихъ чиновниковъ, служащихъ въ ихъ имѣніяхъ преступленіемъ ихъ, и питающихся въ нихъ страстью къ чужбѣ, разбратствомъ которыхъ приносятъ беднѣхъ полку.

дается Якуть не столько нуждою въ пастбищахъ, сколько своимъ характеромъ: имѣя уже однажды сильную склонность къ уединенію и отчужденію, онъ всячески старается уклониться, гдѣ только можно, отъ взаимныхъ связей съ другими. Не смотря на то, путешественники, проѣзжающій по Якутскимъ пустынямъ, найдеть въ каждомъ изъ разбросанныхъ на великомъ разстояніи жильцовъ радушиное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Міоре, явился ко мнѣ Гилоа улуса, съ однимъ Княземъ и двумя писарями, чтобы поздравить меня съ пріѣздомъ и пожелать счастья на дорогу. Я угостилъ ихъ чаемъ, водкою, табакомъ, а въ замѣну того должны были выслушать предлинную Іереміаду жалобъ на разныя минныя притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ Якутскихъ казаковъ, которые, по ихъ утверженію, будто бы безъ всякой нужды, безпрестанно протѣкаютъ черезъ нихъ насилье и причиняютъ обывателямъ разныя обиды. Я старался успокоить своихъ гостей утверженіемъ, что все это, вѣроятно, теперь прекратится, ибо Сибирскіе казаки, получивъ новое устройство, будутъ заниматься воздѣлываніемъ отведенныхъ имъ земель, достаточныхъ для прокормленія ихъ съ избыткомъ, следовательно, тѣмъ самымъ лишатся они повода приниматься за непослужительныя средства къ пріобрѣтеніямъ. Но на дѣлѣ ничто не помогло, сколь ни благодѣтельны, сколь ни мудры устройство я вообще все новое постановленіе о Сибир-

ри для пользы и благосостоянія всехъ обитающихъ въ ней, разномыслившихъ народовъ. Якуты все таки не отстаютъ отъ ябедничества и сутяжничества.

Отдохнувъ нѣсколько въ Миоре, и закупивъ достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, мы отправились, 15-го Сентября, далѣе. Дороги были крайне худы, и не разъ попадались мы въ болота, гдѣ лошади вязли по шею; однакожь, при чрезвычайномъ проворствѣ и расторопности нашихъ караванныхъ проводниковъ, намъ удалось безъ особенной бѣды протѣхать девяносто верстъ, черезъ самые опасныя мѣста. Съ наступленіемъ ночи прибыли мы на станцію Алданскую, или Железную, лежащую въ полуверстѣ отъ Алдана, который за девяносто верстъ отсюда впадаетъ въ Лену. У сей станціи прекращаются соединенныя Якутскія селенія, и встрѣчаются опять не ближе, какъ за 400 верстъ отсюда, за Верхоянскій хребтою, у Баранаса. Все пространство отсюда пустыня, усапная гора и ископывались между ними болотами, которыя весьма затрудняютъ ѣзду; по сей причинѣ караваны никакъ не упускаютъ случая останавливаться у Алданскаго жилища, для надлежащаго приготовленія къ предстоящему пути, выбираютъ по нѣскольку самыхъ дюжихъ, надежныхъ, заводныхъ лошадей, не навьючивая ихъ ни чѣмъ, для замѣны усталыхъ въ случаѣ нужды, запасаются съѣстными припасами, и т. д., выжидая между тѣмъ, иногда по нѣскольку дней, сухой погоды, или мороза, чтобы

удобнѣе проѣхать черезъ болота. Намъ погода благопріятствовала; за нѣсколько времени наступившіе морозы скрѣпили болота, такъ, что мы, употребивъ только одинъ день для приготовленій, могли уже продолжать наше путешествіе.

Между Леною и Алдапомъ простирается холмистая страна, примѣчательная по своему особенному образованію; ея возвышенія тянутся валообразными грядами отъ востока къ западу, тераясь далѣе въ болотистыхъ покостяхъ и низменныхъ вѣстахъ по берегамъ Алдана и Лены. Между холмовъ находится безчисленное множество большихъ и малыхъ котловинъ, которыя на сѣверномъ спускѣ горнаго хребта образуютъ болотистыя удолия, болѣе или менѣе между собою соединившіяся; на южной сторонѣ сія углубленія, будучи отдѣлены одно отъ другаго и наполнены водою, составляютъ множество большихъ и малыхъ озеръ. Почти на срединѣ сего холмистаго пространства лежитъ круглая долина, верстъ восемь въ поперечникѣ, усаженная озерами, которыя всѣ между собою соединяются. Горный хребетъ здѣшній состоитъ весь изъ глинистой почвы, перемѣшанной съ суглеемъ и поросшей преимущественно лиственничкомъ; сѣверный склонъ его показался намъ гораздо круче южнаго.

Въ семь мѣстъ Алданъ будетъ шириною версты поторы, и съ великимъ стремленіемъ течетъ, въ западномъ направленіи, между земляными берегами. На сѣверъ за сѣю рѣкою показывается вдали гряда острокопечныхъ горъ, съ

сильными вершинами, и тянется, как нить казалося, въ западно-сѣверо-западномъ направленіи.

Сентября 17-го переправлялись мы съ своимъ вѣщами и лошадьми черезъ рѣку. Почти на половине переправы открылась значительная течѣ въ нашихъ плоскодонныхъ судахъ; всѣ наши совокупныя усилія вычерпать нахлынувшую воду оставались тщетными; судно тонуло все глубже и глубже, и безъ сомнѣнія, пошло бы ко дну, если бы по близости, на срединѣ рѣки, не случилось, къ счастью нашему, небольшого острова; намъ удалось посадить судно на отмель, законопатить его сухой травой и мохомъ, и въ непродолжительное время привести по возможности въ такое состояніе, что безъ дальнѣйшихъ приключеній доплыли мы до противоположнаго берега. Тутъ, на скатѣ, подъ огромною развесистой березою, раскинули мы свой большой *полазъ* *, или дорожную палатку, занялись стряпаньемъ себя обѣда, а лошадей пустили на отаву, пастись на бѣлкнувшей уже травѣ.

На разсвѣтъ (18-го Сентября) потянулись мы далѣе. Уходя, едва приметная тропинка вело по пустынь, болотнымъ мѣстамъ, на которыхъ повидно было ни одного деревца; только изрѣдка попадались кое-гдѣ повышенныя, скудно поросшія

* *Полазъ* называется родомъ шала, то есть, изъ выдѣленныхъ, насклада оленячьихъ кож сшитая, четырехугольная палатка, длиной въ 7, ширинѣ въ 4, а вышнѣе въ 5 футовъ; ее употребляютъ только въ дорогѣ, и раскладываютъ, протыкая въ откосъ воткнутыми въ землю шестами.

травною дугеиной. Спутники мои говорили, что далее и он совершенно исчезнуть; по сей причине мы решились сделать привалъ на первомъ большомъ лугу такого рода, чтобы дать отдыхъ лошадямъ, и подкормить ихъ сѣна къ предстоящимъ трудамъ, хоть и осепниамъ, но все еще довольно изряднымъ кормомъ. До того времени погода благопріятствовала намъ непрерывно, потуть вдругъ пережилась; небо заволело мрачными, свинцового цвѣта облаками; пошелъ снегъ съ градомъ, а въ полдень стоялъ термометръ уже на 2 градусахъ мороза. Лопатки наши между тѣмъ дружно принялись выгребать изъ-подъ молодого снѣга остатки скудной травы; мы сами укрылись подъ пологомъ вокругъ огня, на которомъ кипѣлъ чайникъ—наша единственная отрада. Вдали слышались глухой ревъ и шумъ Тукулана, который, между узкими долинами горъ Верхо-Лянскихъ, съ адскою яростью пролагаетъ себѣ путь къ Алдану.

На слѣдующій день жара была крайне обременительна. Выбравшись съ великимъ трудомъ изъ окружающаго насъ отбросу болота, мы вступили въ мрачный лѣсъ, состоявшій изъ лиственницъ, изъ, осипъ, и должны были продирались сквозь густо сросшіеся ветви и упавшія деревья, чтобы достигнуть единственнаго брода черезъ рѣку. Лишь поздъ вѣсѣр добрались мы до пустынныхъ береговъ Тукулана и остановились ночевать на лугу. Передъ нами, на сѣверъ близясь дымилась гряда снѣжныхъ горъ, видѣнныхъ мною уже съ Ал-

дана; за нами чернелся безконечный густой лесъ, а вокругъ парствовала мертвая тишина, прерываемая грознымъ ревомъ буйнаго Тукулава.

Съ утра (20-го Сентября) переправлялись мы черезъ рѣку, въ бродъ; лошади шли въ водѣ по сѣдло; стремленіе было ужасно, но дно твердо и ровно, такъ, что мы безъ всякаго вреда, только изрядно промокши, достигли до противоположнаго берега. Кроме сей переправы, намъ пришлось переходить въ бродъ еще черезъ нѣсколько другихъ рѣкъ, менше широкихъ, но столь же быстрыхъ, какъ и Тукулантъ; значительнѣйшія изъ нихъ были: *Торо-Тукуланъ* (поперечный Тукуланъ) и *Антис-Мердлахъ* (железные ворота). За сильными проливными дождями и внезапныхъ таліемъ снѣговъ, послѣдній наводняется столь быстро, что уносить съ собою и низпровергаетъ все, встречающееся ей на пути. По всему лугу сихъ рѣкъ разсыпаны вырванные съ корнями деревья, и громады камней, отторгнутыя съ высоты и брошенныя сюда стремлениемъ водъ во время весеннихъ наводнений, что затрудняло насъ на каждомъ шагу и утомяло лошадей до такой степени, что мы принуждены были сдѣлать прѣлать гораздо раньше обыкновеннаго.

Зима, казалось, пачае теперь совершенно установилась; термометръ стоялъ на 5° мороза; обильно выпавшій снѣгъ не таялъ и покрывалъ всю окрестность. При скучномъ однообразіи нашихъ переездовъ, мы радовались такой,

хоти и пелешковъ привѣтливой переменѣ, пред-
вкушая уже адыпную зимию, дотавую жизнь.
И такъ, выбравъ ровное, чистое мѣсто между вы-
сокими деревьями, доставлявшими некоторую за-
щиту отъ вѣтра и вьюги, и очистивъ его нѣсколь-
ко отъ снѣга, мы притащили превеликое сухое
дерево, которое послужило средоточіемъ нашей
становини, и вѣсть основую порядочному ог-
ню, освѣщающему всю окрестность. Въ слѣдъ за-
тѣмъ, проводники паша, съ удивительнымъ про-
воротливомъ, разложивъ на сырой землѣ нѣжно на-
рубленнаго хвороста и покрыли довольно тол-
стый изстиль его зелеными вѣтвями, растущаго
здесь во множествѣ, низменнаго кедровника, или
слива. На такомъ душистомъ коврѣ поставлены
были три полога, такимъ образомъ, что они со-
ставляли три стороны квадрата; четвертую заня-
ли проводники, но какъ, по ихъ мнѣнію, было еще
довольно тепло, то удовольствовались единствен-
но тѣмъ, что на покрытой снѣгомъ землѣ разки-
нули потники съ лошадей, а въ ноголовья, вмѣсто
подушекъ, положили по сѣдлу. Пока мы занима-
лись установкою своихъ палатокъ, они уже успѣ-
ли развьючить лошадей, обтереть ихъ не много
сухою травою, и привязать къ столбикамъ тутъ
деревьямъ, мордами повѣсивъ, чтобы онѣ не хвата-
ли холодной мокрой травы, или снѣгу, пока не
простынутъ.

Устроясь такимъ образомъ, мы воспѣшили на-
полнить чайники и котлы рѣчною водою, или мо-

лодыми сивонгъ, и подвѣсить на огонь. Въ ожиданіи отраднаго чаю и сытной похлѣбки, мы задалили свои *заклзы*, коротенькія Якутскія трубки, съ величайшимъ усердіемъ похмивая дрова, чтобы скорѣе поспѣть нетерпѣливо ожидаемый ужинъ. Въ непродолжительномъ времени исполнилось общее желаніе, и всѣ подкрепили свои истощенныя силы простою, но здоровною пищею. Потомъ проводники наши принялись, какъ водится, рассказывать о приключеніяхъ своихъ, или своихъ коротенькихъ знакомыхъ, на звериной ловлѣ и въ дальнихъ странствованіяхъ. Это любимый предметъ, скажу болѣе—страсть Якутовъ и Сибирскихъ Русаковъ; на рассказы они неистощимы, и чтобы возбудить вниманіе своихъ слушателей, стараются перещеголять другъ друга сильными преувеличеніями безконечныхъ походовъ, истинныхъ и вымышленныхъ. Такъ сегодня вечеромъ запыкали насъ два краснобала повѣстаніи о томъ, какъ одинъ казакъ, почти вдругъ, убилъ трехъ, на него напавшихъ медвѣдей, одного ножомъ, другого топоромъ, третьяго дубиною, да еще о неслыханныхъ примѣрахъ немощной силы сохатаго (Сибирскаго лоса), который на всемъ скаку, будто бы, можетъ рогами своими вывернуть и повалить на землю большое дерево съ корнями. После такой изидательной бесѣды, сократившей нашу вечеръ, мы вползли въ свои палаты, и на разостланныхъ медвѣжьихъ шкурахъ, подъ плотными меховыми одеялами, проспали цѣлую ночь довольно хорошо и тепло. Проводники изъ

ши, пустьъ лошадей * на запасенную сѣномъ отаву, также впадались на потники, и после дневныхъ трудовъ спали подъ открытымъ небомъ, вѣроятно, не хуже нашего.

Не всегда одинаково пользуются здѣсь путешественники измѣруемымъ спокойствіемъ, нашему подобнымъ; весною и лѣтомъ случается часто, что отъ внезапнаго талія снѣговъ, или сильныхъ проливныхъ дождей, текущіе изъ горныхъ ущельевъ ручьи и рѣчки сильно наводняютъ, и въ одну ночь совершенно заливаютъ долину. Отъ того-то опытные и осторожные Сибиряки останавливаются всегда подъ двумя, тремя, близко сѣвными, большими деревьями, чтобы въ случаѣ опасности можно было спастись на ихъ вершины. Тутъ, съ величайшею поспѣшностью, сплести они изъ вѣтвей родъ моста, отъ одного дерева

* Въ северной Сибирѣ лошади, кажется, какъ будто переродились; они росту небывшаго, шеею имѣютъ толстую, кости, особенно съ великою, восьмью ребрами, ширею блѣднѣе-сѣрую, длинную, жемчужную, а какъ у прочихъ четвероногихъ сѣю жри, въ меженъ (среди лѣта) линяющую. Во время самыхъ трудныхъ переходовъ, продолжающихся иногда по три мѣсяца, они питаются единственно вѣлою, покусившию травкою, вырѣзая ее копитами лѣтъ-подъ силу, но не смотря на то, остаются дорожными, сильными, и удивительно, что могутъ отъ выдержки. Достопримечательно, что у Якутскихъ лошадей, даже, когда они сплотно състарѣются, зубы не портятся, между тѣмъ, какъ у нашихъ, они съ лѣтами крошатся, бѣтъ оживленія, отъ зорковаго корма, котораго получаютъ никогда не даютъ, предосудительнѣе питались одною лишь травкою. Вообще они остаются молодыми несравненно долѣе нашихъ, такъ, что двадцатилѣтніе почитаются у Якутовъ еще не старыми, и служатъ, обыкновенно, силоче по тридцати лѣтъ.

до другого, и со всеми своими пожитками, висят на цепи между небом и землею, спокойно ожидают скорого стока воды, хотя и линяют; средств защитить себя въ такомъ воздушномъ жилищѣ отъ холода и непогоды.

По мѣрѣ приближенія къ истокамъ Тукулана, ложбина его суживается болѣе и болѣе; крутыя скалы по обѣимъ сторонамъ сходятся ближе и ближе; лѣса, украшающіе берега сей рѣки, постепенно рѣдѣютъ и наконецъ исчезаютъ. Чаше всего попадаются въ нихъ тополи, огромной высоты и толщины; встрѣчается также много ивы. Далѣе, въ сторонѣ отъ берега, на сухой и каменистой почвѣ, растутъ березы и ели, преимущественно же низменный кедровникъ (по адеману слепецъ). Онъ стелется по скаламъ и ущельямъ горъ; его мелкіе, но вкусные орѣшки равно привлекаютъ непонортившаго медвѣдя и развужу быка. Въ густыхъ еловыхъ и лиственничныхъ лѣсахъ гнѣздятся во множествѣ глухари и куропатки.

22-го Сентября, мы ночевали на безлѣсной долинѣ, у подошвы горы, подъ защитою навѣсной скалы. Приближеніе зимы становилось съ каждымъ днемъ чувствительнѣе. По утрухъ термометръ показывалъ 16° мороза, а ночью, не смотря на толстое мѣховое покрывало, нельзя было согрѣться. Мы достигли подошвы Верхо-Янского хребта; переходъ черезъ него самая труднѣйшая и опаснѣйшая часть пути отъ Якутска до Нижне-Колымска. Должно взбираться по

голыми, скалистыми крутизнами, съ еженипутною опасностью сорваться съ скользкой высоты, или проходить по узкимъ, заваленнымъ снѣгомъ ущельямъ, прогребая себе лопатами лороту. Горько съ такими препятствіями и опасностями, мы достигли, послѣ трехъ часовъ ѣзды, высочайшаго пункта перевала. Вершины горъ поднимаются отсюда еще на 800 футовъ, и дорога пролегаетъ между ними. Лютѣ переходъ менѣе затруднителенъ, но ужасенъ по частымъ и жестокимъ бурямъ, здѣсь случающимся, а зимою всевозможныя опасности угрожаютъ путешественнику. Между прочимъ, изъ ущельевъ и пропастей внезапно вырываются сильные порывы вѣтра, и ничто не можетъ противостоять ихъ жестокости; они опрокидываютъ лошадей и сѣдоковъ. Случалось, что цѣлые караваны низвергались въ пропасть, вдоль которой вѣлся узкая дорога. Все время нашего перехода погода была благопріятна; небо было чисто и безоблачно; лучи полуденнаго солнца зажигали тысячи огней на покрытыхъ инеемъ скалахъ и наполняли воздухъ безчисленными блестящими. На свѣрхъ разстилась подъ нами долина рѣки Яны, которая, имѣя здѣсь свой истокъ, течетъ отсюда въ Ледовитое море. На югъ крутые, нагроможденные утесы завыкали горизонты.

Верхо-Янский хребтъ, раздѣляя Ленскую и Янскую водныя системы, состоитъ сплошь изъ чистаго чернаго сланца; свѣрхный скатъ его не такъ крутъ, какъ южный. Хребтъ сей, по нашимъ наблюденіямъ, лежитъ подъ 64° 20' широты, и со-

становится замечательный раздѣлъ въ произведеніяхъ произрастаемаго царства. Къ югу отсюда растутъ сосны и ели, а на сѣверъ ихъ нѣтъ; вместо того стоятъ лѣса лиственничныя, тополей, березы и ивы; послѣднія растутъ до 68°, по берегамъ Оленокана и обитыхъ Анкюевъ, но только въ низменностяхъ, защищенныхъ горами отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Тунгусы, встрѣченные нами въ послѣдствіи, рассказывали, что на вершинѣ одной изъ Верхо-Янскихъ горъ находятся остатки большаго мореходнаго судна, но дѣтальныхъ подробностей они не сообщили.

Все протяженіе отъ Алдана до Верхо-Янскихъ горъ называется *Тукуланскимъ путемъ*. Во всей Сибири, кромѣ опасныхъ переходовъ черезъ горы, нѣтъ дорогъ хуже сихъ 140 верстъ. Глубокія болоты, дремучіе лѣса, крутыя скалы и быстрые рѣки, кажется, нарочно стѣснены на всемъ иностранцевъ, чтобы претраждать и затруднять путь. Сверхъ того путешественникъ не находитъ здѣсь ни юрты, ни другаго пристанища для защиты отъ непогоды, и принужденъ проводить ночи подъ открытымъ небомъ. Тукуланская пустыня издается подъ вѣдѣніемъ Якутскаго Земскаго Судя, который однакожъ еще не позаботился объ удобствахъ путешественниковъ. Напротивъ того, достойны занять вниманіе и попеченіе, обращенныя на сей предметъ Верхо-Янскими окружными исправникомъ г-нъ Тарабукинъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, онъ устрег-

быть все зависящий от него средства для расширения и уравнивания горных тропинок, и для проведения удобных, безопасных дорог через болота. Такое улучшение пути особенно важно для казенных перевозок съезды и провизантов, которые каждое лето отправляются из Якутска в селения, по речкам Лена и Индигирка лежащих. Тарабушкины также обзавели путешественников устройством, так называемых, *пожирень*, деревянных хижин, стоявших из некоторых одна от другой отделений. Сил строения состоять только из четырех ствн и плоской кровли, в которой находится дыра для дыма; в средине комнаты помещается очаг, а по краям лавки. Несмотря на несовершенное и нецелостное устройство, поварами составляють благодать для путешественников, и доставляют имъ достаточную защиту отъ непогоды и вьюга *.

Тукуланская долина, по которой вьзид имъ отъ береговъ Алдана, направляется сначала на ONO, а потомъ на NNW. Сие последнее направление принимаетъ она будучи сужена съ обѣихъ сторонъ двумя высокими горами, которые являютъ плоскія вершины, крутыя, изторазъзанныя стороны, и примыкають къ цепи зубчатыхъ горъ, издали являющихъ видъ дуги, обращенной западную стороную на NNW, а восточную на NNW. До сихъ двухъ горъ долина довольно шир-

* Съ 1881-го года, Якутскій Земскій Судъ послыдалъ ему благодѣльному приказу, и сдѣлавъ изъотвора распоряженія для улучшения дорогъ, устроилъ нѣсколько повирень.

рока, а скаты горы круты. Грунтъ вездѣ болотистъ, и покрытъ обломками сильно выветреннаго сланца. Рѣка Тукулани подымаетъ скалы, на лѣвомъ берегу ея стоявшіе, и принимаетъ въ себя нѣсколько ручейковъ. По мѣрѣ приближенія къ среднимъ дугообразной цѣпи горъ, горизонтъ сгѣсняется, и наконецъ дорога влѣтъ въ узкомъ оврагѣ, нѣкоимъ образомъ на NtO, и ограничена съ обѣихъ сторонъ огромными навислыми скалами. Западный хребетъ состоитъ изъ слоевъ чернаго сланца, слоями направленнаго на NtW, имѣя наклоненіе къ WtS, подѣ угломъ 70° съ горизонтомъ.

Сей оврагъ, до 30-ти верстъ длины, приводитъ къ подошвѣ крутыхъ, высокихъ, островерхихъ горъ; между двумя сопками, ущельною, переваливаются черезъ хребетъ; по барометрическому измѣренію Лейтенанта Анжу, высшая точка сей ущельи находится надъ поверхностью воды рѣки Тукулани (въ 30-ти верстахъ разстоянія) на 2100 фут. отвѣсной высоты; горныя вершины возвышаются еще на 800, или 1000 футовъ болѣе. Горы состоятъ изъ чернаго сланца, слоями котораго направляются на NtO, наклоняясь на WtS, подѣ угломъ въ 50° съ горизонтомъ.

Южный спускъ Верхо-Янской горы крутѣе сѣвернаго. На уступѣ сѣвернаго ската лежитъ небольшое озеро, изъ котораго вытекаетъ Яна. Въ немъ, по разсказамъ Тунгусовъ, попадаются въ значительномъ количествѣ рыба хариусъ (*Salmo thymallus*). — Отсюда отдѣляются отъ Верхо-Ян-

скихъ горъ двѣ вѣтви, одна по правую, а другая по лѣвую сторону Яны, и сопровождаютъ теченіе сей рѣки. Сначала обѣ вѣтви состоятъ изъ горъ значительной высоты, которыя, въ послѣдствіи понижаются, и наконецъ исчезаютъ въ болотистыхъ равнинахъ. Восточная изъ нихъ омывается Япою, идетъ далѣе западной, и простирается всего на 150 верстъ отъ Верхо-Янискаго хребта. Горы и холмы восточной цѣпи состоятъ изъ ломаного сланца и пещаного камня. На WNW Верхо-Янискія горы пускаютъ значительную вѣтвь, которая раздѣляетъ Ленскую и Янскую водныя системы, и упираясь въ Ледовитое море, известна на северъ подъ именемъ горъ Оруганскаго хребта. И еще, какъ въ доселѣ мною замѣченныя, состоятъ изъ червато сланца, слои котораго направляются на NNW, наклоняясь, то къ востоку, то къ западу.

Спустившись съ хребта, мы слѣдовали по лѣвому берегу Яны, встречая на пути описанныя выше повари. 25-го Сентября, подѣвъ одной изъ нихъ, мы замѣтили небольшой шалазъ, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей и покрытый листьями, по видимому, необиитаемый и неспособный служить жилищемъ для человѣка. Къ нашему великому удивленію оказалось, что здѣсь постоянно проводить зиму и лѣто престарѣлый Тунгусъ, съ своею дочерью и двумя собаками. Онъ занимается оленьей охотою. Надобно себя представить необозримую, безлюдную пустыню и его полупрозрачное жилище, чтобы получить понятіе объ об-

разн жизни сих отшельников. Особенно ужасно положение бродячей девушки, когда отец ее на лыжах уходит в лес, и часто несколько дней гонится безуспешно за оленями, а она остается одна, почти не имея одежды, чтобы согреться от ужасного холода, терпит часто недостаток в пище, и проживая в жалком шалаше, который даже в лето не доставляет достаточной защиты от дождя и непогоды. Отец ее принадлежит к тем, которые каких-нибудь несчастных случаев лишались своих оленей, и принужденные отдаться от своих земляков, удаляются в ледяные пустыни, где борясь с бесчисленными недостатками, опасностями и голодом, свивают себе скудное пропитание. Блудственное положение таких несчастных не укрылось от внимательного взора Правительства. По новому преобразованию Восточной Сибири положено соединять их с обществами, и снабжать от казны необходимыми для рыбной ловли вещами, селить на берегах рек, изобильных рыбою.

26-го Сентября, мы достигли первой почтовой станции *Барылааса*, которая отстоит от *Верхо-Инск*ого хребта на 157-ми верст, и лежит, по нашим наблюдениям, под $65^{\circ} 51'$ широты. Здесь нашли мы просторную юрту для путешественников. Есаул из Якутов содержит свою станцию в примитивном порядке. * У входа,

* На важную станцию избирают благонадежного человека, который обязан смотреть за порядком. Туземцы величают смотрителя Есаулом.

на свѣжѣ снѣгу, лежали куски чистаго льда для котловъ и чайниковъ; юрта была тщательно выметена; лавки по стенамъ покрыты свѣжими skins; въ чужахъ горѣлъ яркій огонь; въ окна были вставлены прозрачныя, гладкія льдины, укрѣпленныя размоченнымъ снѣгомъ, адышнюю замаскою; словомъ, все свидетельствовало порядокъ, чистоту и опрятность. После десяти дней, которые провели мы подъ открытымъ небомъ, въ снѣгу и холодѣ, Борзасская юрта показалась намъ дворцомъ. Мы послѣднимъ сбросили тяжелыя, покрытыя льдиною коротыя шубы, переизлить былое и умыться; въ теченіе послѣднихъ десяти дней объ этомъ нельзя было подумать, опасаясь отморозить носъ и уши. Такія удобства доставили намъ несказанное облегченіе, и мы почти долгомъ выразить нашу признательность Есаулу, который прочесть, кажется, неслишкомъ ясно понималъ причину нашей благодарности. Вскора внесли въ комнату вытесанный топоромъ столъ, уставленный адышскими лакомствами: рублеными, нерзлыми Якутскими масломъ; струганною, нерзлою рыболою, разрезанною на тонкія пластинки, и наконецъ, въ заключеніе, вышеною роскошью сей страны, сырью, свѣжими оленими мозгами. Приваюсь, сначала меня немало не привлекали эти *glaces au beurre et au poisson* и *compote aux reinettes*, и я только въ угожденіе гостепріимству хозяина отъдавалъ всего по немногу, но въ послѣдствіи такъ привыкъ я къ этой пище, что вареною рыбою всегда предпочиталъ ломтики нерзлой струганной.

Отъ Бараласа начинается опять почтовая станція, въ которыхъ всегда находили мы болѣе или менѣе удобныя перты, и обыкновенно дѣя, одну для путешественниковъ, а другую для Есаула и проводниковъ, которые по очереди привозятъ съ лошадьми изъ ближайшихъ населеній. Якуты измѣряютъ разстояніе кіоссами, разувая подъ силой часть дороги, которую можно провалить въ столько времени, сколько потребно, чтобы сшить кусокъ мяса. При такомъ, повсе не математическомъ расчетѣ, истинная величина кіосса зависитъ совершенно отъ состоянія дороги; можно положить, что кіоссъ при гористой или болотистой дорогѣ равняется пяти верстамъ, а при гладкой и ровной семи.

Не смотря на гостепріимство Бараласскаго Есаула, мы остались здѣсь только одинъ день, и 27-го Сентября поѣхали далѣе, на ближайшую станцію *Табалакъ*, которая лежитъ отсюда въ 300 верстахъ. Мы вѣхали не по почтѣ, а на особыхъ лошадяхъ, собственно для экспедиціи приготовленныхъ, почему свернули въ почтового тракта, идущаго на Верхо-Янскъ, и поѣхали по другой дорогѣ, которую обыкновенно выбираютъ куческіе караваны, и которая, по уверенію Якутовъ, сокращаетъ путь почти на сто верстъ. Въ 20-ти верстахъ отъ Бараласа должно переправляться черезъ Яну, которая имѣетъ здѣсь 70-ть сажень ширины. Ледъ былъ такъ скользокъ, что наши лошади, какъ обыкновенно, неподкопавшія, на каждомъ шагѣ падали. Мы сидѣли въякомъ, до-

тели вести лошадей за повод, по все напрасно. После многих попыток, прибегли къ послѣд-
нему средству, отправили одного проводника
въ Бараласъ за пескомъ и золою, посыпали ими
ледъ, и такимъ образомъ счастливо перебрались
на другую сторону.

Берега Яны здѣсь плоски, и поросли по боль-
шей части лиственничнымъ лѣсомъ средней вы-
соты. Страна между Бараласскою и Табалахскою
станціями представляетъ мало разнообразія. Сна-
чала тянутся въ сѣверномъ направленіи ряды хол-
мовъ, исчезающіе въ послѣдствіи въ болотистыхъ
равнинахъ. Подъ защитою возвышеній стоятъ не-
высокіе, лиственничные и березовые кустарники.
Равнина устлана множествомъ озеръ, соединенныхъ
между собою протоками и ручьями; мы перепра-
вились черезъ одну изъ нихъ, извѣстную подъ
именемъ *Адычъ*, которая съ *NNO* впадаетъ въ Яну,
принимая въ себя рѣчки *Табалахъ*, *Тостатъ*,
и другія.

3-го Октября достигли мы Табалахской стан-
ціи, содержимой Верхоянскими Якутами. Она рас-
положена на холмистой равнинѣ, которая изры-
тана рыбными озерами, и нѣстами имѣетъ хоро-
шіе луга. Просторная и довольно опрятная стан-
ціонная юрта была намъ тѣмъ пріятнѣе, что всю
дорогу отъ Бараласы, при холодѣ отъ 10° до 19°,
мы принуждены были проводить ночи подъ за-
щитою полуразвалившихся юртъ.

Здѣсь встрѣтилъ я окружнаго врача, г-на То-

маневского, который пробыл по разным службам 30-ть лет в Нижне-Колыме и теперь возвратился в отечество. Он сообщил нам много весьма полезных подробностей и сведений об оставленной им стране. Между прочим, рассказывал он, что Колыма и Индигирка так разнись у Средне-Колымска, что жители принуждены были спасаться на крайний из колодок.

На восток от станции видна зубчатая цепь гор, направленная почти по меридиану и замечательная правильностью своих вершин, которые, имея конусообразный вид, кажутся при приближении к сторонам хребта. 5-го Октября, мы отправились из Табалыха по холмистой, болотистой равнине. Местами она поросла невысокими и частью обгорелыми лиственными лесом. На 85-й версте, мы достигли замкнутой из степей, горной цепи, которая гораздо ниже Верхо-Янского хребта; она разграничивает Янскую и Индигирскую водные системы. По узкой долине среди гор, пролегает дорога. Не могу наверное определить составных частей гор, но, судя по множеству обломков гранита, фельдшпата, слюды и кварца, должно полагать, что они сложены из этих пород.

Мы следовали узкою долиною вдоль берегов реки Додо, впадающей в Яну. Недалеко отсюда лежит, окруженная горами, котловина долины, известная под именем «Убиенного поля».

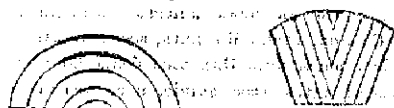
В ней, говорит предание, скрывалась цыган-орда Тунгусовъ, спасаясь отъ завоевателей Сибири, казаковъ, в побѣдѣ упорной битвы, капля отъ себя свою могилу. Осматривая окрестности, я отыскалъ отъ меня съпутниковъ, и хотѣлъ вѣкъ догнать поспѣвшей жаротъ, которая казалась мнѣ корою. Она вела черезъ небольшую рѣку, но едва отъѣхавъ нѣсколько шаговъ отъ берега, какъ дошла провалилась и исчезла подъ льдомъ. Къ счастью, мнѣ удалось, не смотря на тяжелую шубу, до-времени перескочить на твердый ледъ и пинкомъ перейти на другую сторону. Лошадь не показывалась изъ воды, и я полагалъ, что она погибла, но Якуты проводники, заметив мое несчастье, со слухомъ поспѣшали ко мнѣ на помощь, уверяя, что сей часъ достанутъ лошадь, не только живую, но даже и не мокрую. Въ самомъ дѣлѣ, когда они шестами разломили у берега ледъ, я увидалъ, и въ послѣдствіи неоднократно имѣлъ случай тоже замѣтить, что рѣчная вода почти вся вытекла и образовала между лдомъ и ледяною корою пустое пространство, аучи въ шесть вышиною, гдѣ находилась моя лошадь. — Къ счастью, при паденіи выюкъ, съ чѣмъ, сахаромъ и ромомъ, охотился и упалъ на дно рѣки. Потеря такихъ, необходимыхъ въ путешествіи по ледянымъ пустынямъ предметовъ, была для всѣхъ насъ весьма чувствительна.

Съ береговъ рѣки Догло дорога сворачиваетъ къ сѣверу и идетъ по оврагу, обсаженному вы-

соняны, крутыми скалами. Оши: состоит почти изъ чистого сланца, гдѣ нрѣдка попадаются кварцы. Камни въ слое наклонены отъ WNW и QNS, наклоняясь отъ N10, и SiW, подъ угломъ 30° съ горизонтомъ. У подошвы лежатъ обломки конгломерата, составленнаго изъ сланца и гранита.

Недалеко отсюда вьтскается на востокъ рѣчка Русская Разсоха. Окрестности ея изобилуютъ живописными видами, а въ окрѣгахъ гдѣ находится источникъ ручья, обставленнаго скалами, мнѣрными, изобитаго образованіи, похожими на дымъ на холмиках и скалахъ рѣшарскихъ замковъ.

Слѣдуя по теченію ручья, мы свѣзали съ горы на долину, которая на 20 была перерѣзана другою, параллельною съ предыдущей нѣско горъ, невысокихъ и низкихъ вершинъ, на подобіе сидель. Дорога идетъ по берегамъ одного изъ притоковъ Индигирки, рѣчки Гуляйскаго, которая пробивается сквозь гору среди второго горнаго хребта. Видная каменная порода здѣсь сланцы, но слои идутъ чрезвычайно разнообразно и не правильно такими образомъ:

10-го Октября, въ полночь, прѣехали мы въ Зашиверскъ, городокъ, лежащій на правомъ бере-

гу Индигирки, въ 415-ти верстахъ отъ Тобольска. — Во время переезда термометръ показывалъ отъ 16° до 24½° холода. Ночи проводили мы въ полуразвалившихся чортахъ, или въ поларникахъ, давъ послѣ двенадцати часовъ непрерывной дымки, несмотря на холодъ, сквозной вѣтеръ и густой, вѣдый дымъ, хорошо и крѣпко спали. Снѣгу было мало, особенно на ровныхъ мѣстахъ, открытыхъ порывамъ вѣтра.

Зашиверскъ былъ прежде деревнею и состоялъ изъ несколькихъ только хуторовъ въ 1786-мъ году, не за долго до экспедиціи капитана Билингса, указомъ Императрицы Екатерины назначенъ узденнымъ городомъ. Слѣдующая мѣстопробываніемъ узденныхъ властей, онъ расширился, такъ, что въ послѣдствіи считалось въ немъ до 30-ти жилищъ домовъ. По соединеніи Зашиверскаго уззда съ Верхо-Янскимъ, Зашиверскъ упалъ въ прежнее ничтожество. Имя, кромя хорошо поддерживаемой церкви, мѣстечко состоитъ изъ пяти домовъ, въ коняхъ живутъ священникъ, съ своимъ братомъ, смотритель станицы Якутъ, и два Русскихъ семейства.

Впрочемъ мѣстечко заслуживаетъ примѣчаніе, потому, что въ немъ живетъ, извѣстный во всей Сибири, отецъ Михаилъ, восьмидесяти-седмилѣтній священникъ. Онъ уже болѣе 60-ти лѣтъ занимается здѣсь своею званіе, и въ теченіе сего времени, силою своихъ убѣжденій, обратилъ къ христіанству до 15000 Якутовъ, Тунгусовъ и Юкагировъ, что наставленій, совѣтовъ и примѣровъ

нители самое благотворительное влияние, не только на образование, но и на нравственность окрестных жителей. Ревность благочестиваго старца въ распространѣніи божественнаго ученія ни сколько не охлаждала съ лѣтами, и досель ежегодно, презирая вся трудности и опасности, онъ объезжаетъ верховья слишкомъ по 2000 верстъ, весь свой приходъ. Впрочемъ, въ своихъ путешествіяхъ отецъ Михаилъ не только исполняетъ священнодѣйствіе въ приходѣ, но старается вездѣ, гдѣ можетъ, помогать несчастнымъ, и обѣщать и утѣшать страждущихъ. При всемъ томъ, онъ живетъ еще столько времени и силы, что ходитъ въ горы, охотиться за дикими баранами и ловить силами куропатокъ. Короткое лето посвящаетъ онъ своему небольшому огороду, въ которомъ, при усиленныхъ трудахъ и вниманіи хозяина, посигнаютъ капуста, редька и рѣпа—большая редька и едва ли не единственный примѣръ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Отецъ Михаилъ угостилъ насъ истинно по Русски: горшкомъ жирныхъ щей и свежими ржаными хлѣбми, которые показались намъ лучше всякихъ лакомствъ. Въ заключеніе подали пироги, испеченный изъ рыбьей муки, изобретеніи нашего хозяина. Для сего сухая рыба разтирается въ мягкій порошокъ, который, если его держать въ сушѣ, долго сохраняется, и съ примесью ржаной муки составляетъ очень вкусный хлѣбъ.

Зашливерскъ построень среди пространной ра-

винны, богатой прекрасными лугами и усеянной озерами; обильными работ. Здесь водятся: *Сиги* (*Salmo tshawytscha*) и чирь той же породы. Народонаселение состоит здесь из Якутов, которые все лето кочуют съ табунами лошадей и стадами рогатого скота. В теплое время года загнаются они степью на зиму. При наступлении осени, Якуты расселяются по берегам рѣкъ и занимаются только рыбною ловлею. Охота составляет у них побочный промысел. Выдѣлывшіе Якуты, не пьюшіе ни рогатого скота, ни лошадей, живутъ оседло на берегахъ рѣкъ, и называются отъ того *рыбными*. Для перевозки тяжестей содержатъ они собакъ, которыя, питаются только рыбными костями, почти не стоятъ хозяину никакихъ издержекъ, а между тѣмъ чрезвычайно полезны; даже необходимы. Рыбная ловля составляетъ главный промыселъ и почти единственное средство пропитанія рыбныхъ Якутовъ. Зимой занимаются они добычею пушныхъ зверей.

Противъ Зашиверска, на лѣвомъ берегу Индигирки, стоитъ отдельный утѣсъ, сажень 150 вышины. Онъ сложенъ изъ слоевъ чернаго сланца, проросшихъ селенитомъ; кромѣ того, чистыя бѣлыя жилы сей породы лежатъ между слоями сланца, которые наклонены къ WIV и OS, наклоняясь къ StW, подъ угломъ въ 60° съ горизонтомъ.

Не задолго до моего прибытія въ Зашиверскъ, проходили здѣсь изъ Якутска въ Инжис-Колымскъ

казенный транспортъ съ собою не имело. Подъ него требовалось сто лошадей, а потому принужденъ я былъ прожить здесь два дня, пока изъ близъ лежащихъ поселковъ притаили нужныхъ мнѣ лошадей. Наконецъ, 13-го Октября отправился мы dalje, сопровождаемые благословеніями отца Михаила. Два дня, проведенныхъ въ гостяхъ у пригласившей почтеннаго старца, приходится жать къ пріятнѣйшимъ воспоминаніямъ нашей унылой поездки.

Мы въѣхали по равнинамъ и болотамъ, усеян-нымъ озерами и покрытымъ низменнымъ, стелющимся листоватымъ кустарникомъ. — На сей дорогѣ, которая идетъ въ 40 верстахъ отъ Нидигирки, параллельно съ ее теченіемъ, были мы такъ счастливы, что всегда могли почерпать въ населенныхъ Якутскихъ юртахъ. Такимъ образомъ достигли мы большаго озера Оринкина, въ 315-ти верстахъ отъ Зашиверска, лежащаго на границѣ Колымскаго уѣзда. Здесь превращаются въ Якутскія селенія. Отсюда дорога къ рѣкѣ Алазеѣ, на протяженіи 250 верстъ, по совершенно безлюдной пустынѣ, покрытой болы-мешю частыхъ болотами, которая лѣтомъ, особенно после дождей, совершенно непроходима. Озера попадаются рѣже, мѣла, поросшіе травою, исчезаютъ, такъ, что при совершенномъ недостаткѣ средствъ пропитанія для людей и животныхъ, сія полоса врядъ ли когда нибудь сдѣлается обитаемою. Лежащая къ западу отъ Алазейскихъ горъ

верничий лес. Вообще здесь все так хорошо и удобно, что кажется, что Сарадах может быть сравняема с роскошными оазисами в песчаных Африканских степях.

Тут получал я первое известие от Т. Матюшина, который письмом уведомлял меня о счастье холу своего дьяка.

От Сарадах до Средне-Колымска считается 250-ть верст; на сей дороге лежат три хороших и удобных станции: Возвышенность, разводящая систему вод р. Алазеи от р. Колымы; называють Половинновскими хребтом; восточная покатость его покрыта болотами, озерами и редкими лесами; западная почти безлесна, вероятно, по привычке холодных, западных ветров. Ближе к р. Колыме, страна становится приятнее; большія озера сменяются лиственными рощами, или отдельными группами их. Здесь, на небольшом озере, увидать я первое стадо диких оленей; съ удивительною скоростью пронеслись они мимо нас по льду; на берегах озера бьжали за ними два волка.

25-го Октября, поздно вечером, выехали мы на берега Колымы. Было уже совершенно темно; но лай собак, слышнй изъ трубъ, тускло свѣтающаго сквозь льдинныя стекла огня и резко рвущагося, чернѣйшій инеевъ косяколыни показавши намъ, что мы вѣрjхали въ горныя Средне-Колымскыя. Съ тѣхъ поръ, какъ означенъ въ-стопрѣбываніемъ Колымскаго Исправника, онъ

видимо ухудшается; кроме хорошей церкви, в немъ считается тринадцать домовъ, которые впрочемъ летомъ, по большей части, бываютъ пусты. Къ зимѣ возвращаются жители съ оленовъ и другихъ промысловъ въ городъ, и онъ оживаетъ. Въ наше время все народонаселеніе занято было устройствомъ на рѣкѣ эскимовъ для лова сельдей, которыя подымались къ верховьямъ Колымы. Рыбная ловля была гораздо менѣе прежнего изобильна, такъ, что жители Средне-Колымска должны значительно уменьшать число своихъ собакъ и завозить лошадей. Такая перемѣна сопряжена съ большими затрудненіями, потому, что лѣто здѣсь часто бываетъ слякотью кратко для сбора достаточныхъ запасовъ сѣна.

Стужа усиливалась. На последнемъ переходѣ отъ Сарыдаха, термометръ, при ливнѣ вѣвъ и совершенномъ безвѣтріи, показывалъ отъ 18° до 20° холода. Мы приспосабливали снабжаться лодными эскимозъ гардеробомъ, и въ короткое время доставили все нужное. Задѣшная эскимозская одежда состояла изъ широкой куртки, на песцовомъ меху, и также нагрудника и широкихъ шароваровъ изъ заячьихъ шкуръ, что надѣвалось на всеобыкновенное, форменное платье. На ноги, кроме двухъ паръ носковъ изъ оленней мягкой шкуры, надвигались такіе же высокие сапоги, торбасы, а сверху того, какъ мы вѣхали верхомъ, особые меховые накольнички. Наконецъ надвигалась широкая кушляшва, родъ чепка, съ отверстіемъ для головы, съ рукавами и ками-

шюны. Она делается из двойных оленьих шкур, обращенных, одна шерстью наружу, а другая внутрь, и подпоясывается широким кушаком. Лицо также закутывается лоскутками мехов, как то: палюбником, канюшником, нагубником, наберолушником и наушником, а на голову надевается огромная шапка из лисьего меха. Сперва такая одежда была мнѣ нестерпима и тлостна; я на спину вальзала на лошади и не бѣть труда промзала сквозь узкія двери Якутскаго порта, но въ послѣдствіи, особенно при 30° мороза и рзкомъ северномъ вѣтрѣ, наряд мой казался мнѣ превосходнымъ и удобнымъ.

27-го Октября поехали на лошадахъ изъ Средне-Колымска, даже по лѣвому берегу рѣки, встрѣчая довольно часто Якутскія селенія. Въ 320-ти верстахъ лежитъ Русская деревня Омолонская, на рѣкѣ того же имени; отсюда начинается взда на собакахъ. Здѣсь исчезаютъ высокоствольные лѣса и луга; вмѣсто нихъ по низменностямъ стелется изогнутый кустарникъ.

На легкихъ нартахъ проехали мы въ два дня 120-ть верстъ, и 2-го Ноября, при 32° мороза, прибыли въ Нижне-Колымскъ.

Такимъ образомъ, проехавъ всего одиннадцать тысячъ верстъ въ 224 дни, достигли мы верховья нашего путешествія—бѣдной рыбацкой деревни, которая на три года сдѣлалась нашимъ главнымъ изстопрѣблѣніемъ.

ГЛАВА IV.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О НИЗОВОЙ ЧАСТИ КО- ЛЫМЫ И ЖИТЕЛЯХЪ ЕЯ.

Рѣка Колыма. — Енисейскъ. — Жигитскъ. — Селенскъ. — Березскъ. —
Орланскъ. — Орланскъ жидовскій. — Голыскъ. — Рыбинскъ промывальскій. — Селен-
скъ жидовскій. — Орланскъ жидовскій. — Орланскъ жидовскій. — Орланскъ жидовскій.
Орланскъ жидовскій. — Орланскъ жидовскій. — Орланскъ жидовскій. — Орланскъ жидовскій.

Прежде нежели приступлю къ описанію на-
шихъ занятій и пребываній въ Нижне-Колымскѣ,
почитаю приличнымъ изложить несколько об-
щихъ замѣчаній о такъ называемой, *низовой ча-
сти* Колымы и жителяхъ ея, чтобы въ послед-
ствии менѣе прерывать рассказы мой подобными,
местными и этнографическими описаніями.

Рѣка Колыма начинается подъ $61\frac{1}{2}^{\circ}$ северной
широты и 146° восточной долготы (отъ Гринвича),
въ горахъ, известныхъ подъ названіемъ *Станю-
ваго Хребта*, изъ которыхъ течетъ также рѣка
Омеконъ, или Индигирка. Колыма простирается

на 1500 верст, по направлению восточной стороны тех горъ къ NNO, и выйдет наконецъ, подъ 69° 40' северной широты, въ Ледовитое море. На первыхъ 800 верстахъ отъ источника, стремленіе чрезвычайно быстро, но потомъ, при возрастающей ширинѣ, мало по малу становится умирненіе. Правый берегъ вообще утесистъ и состоитъ изъ скалъ, исключая пространство между *усредни*, сходящихся въ Большую рѣку, *Омолон* и *Аюя*, где вѣтрочныя теченія въ некоторыхъ мѣстахъ принимаютъ тонкіе слои земли къ утесамъ. Крутые берега возвышаются почти всегда отъ воды; нередко также висятъ они довольно далеко надъ русломъ рѣки и состоятъ изъ различныхъ породъ скалы. Въ сѣхъ щеляхъ утесовъ между слоями показываются жвалы отвердѣлой красной глины и зеленого каменнаго шифера, наприм. у мыса *Крестна*; даже находится также большія полосы чистѣйшаго чернаго асфальта, безъ всякой примѣси, какъ то замѣтно у мыса *Алиидина*; наконецъ, близъ *Канца Кандакова*, имѣющаго все свойства лавы, встрѣчаются известковыя шары, которые заключаютъ въ себѣ виднѣеобразныя кристаллы халцедоновыя и жемчужныя. Изъ утесовъ высочайше возвышаются также большіе горные кристаллы. Окаменалостей, какъ кажется, на Колымѣ нѣтъ. Несмотря на каменистое свойство берега, про-

* Граница начинается у *Беринга Камня* и въ сторону Шибирскаго Моря, первое примѣчаніе его замечается у *Медвѣжьего мыса*.

ябених; здесь довольно изобильно; мы видели наступивших крапчатый *хитрей* (широколиственный) (*eribolium latifolium*). Здесь растет также и очень жесткая трава *кровохлестка* (*vaiguis-otva*), корень которой туземцы собирают для употребления в пищу.

Левый берег реки оложье, к Средне-Кольмскому впадине еще довольно высоко лежащее дуга, но чем более приближаемся к морю, тем низменнее и оложье становится берег и окрестности; наконец вся страна представляется обширную тундру, или степь, простирающуюся к реке Алазеи и до самого моря.

Кроме двух рек Анисов (Большого и Малаго) и Оноюна, впадает в Кольму еще много небольших рек и ручьев; из них, которые вытекают из гор и утесов, называются поименно *каменными* *протоками*, а протекающие поименно из озер, означаются названіями *иски*. Между последними важнейшие суть: *Керетовая*, *Черноусова*, *Пожодская* и *Малая Чуконья*; из первых стоит упомянуть о *Пингелесовой* и *Филлиповой*.

Несколько верст выше устья Оноюна, Кольма образует рукав, который пересекает в ОНО направлении западную тундру, и на 100 верст далее к низу, соединяясь опять с главной рекою, представляет знаменитый, довольно болотистый остров, на южном берегу которого, трех верстах к западу от поворота Коль-

мы, лежит островъ Нижне-Колымскій; продолжая течение около 100 верста къ постоянному направлению, река даетъ здѣсь внезапный поворотъ къ северу. Сорокъ верста далее внизъ, разделяется она, опять на два рукава, образующіе островъ Мерхониовъ, самая большая ширина котораго составляетъ $9\frac{1}{2}$ верста. Онъ простирается къ северу до самаго моря, и перерѣзывается, особенно по близости моря, множествомъ ручейковъ. Восточный изъ сихъ двухъ рукавовъ называется Канонидъ Колымы и имеетъ ширины 6 верста; западный рукавъ, получившій название Походской, или Средней Колымы, не шире 4 верста. Наконецъ есть еще, 24 верста дальѣ къ северу, третій, не очень широкій рукавъ, Чукотскій, на NW. Сѣмъ три рукава образуютъ истокъ Колымы въ Ледовитое море, шириною около 100 верста. Средняя и Каменная Колымы имѣютъ значительную и для мореходныхъ судовъ всякаго рода достаточную глубину; не смотря на то, плаваніе тамъ затруднительно и сопряжено съ опасностью, потому что отъ быстроты теченій, особенно при вскрытіи льда, образуется ежегодно множество песчаныхъ кумъ, который безпрестанно перемѣняютъ свое положеніе, и такимъ образомъ дѣлаютъ фарватеръ непостояннымъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ, большихъ острововъ, лежитъ также на рѣкѣ и въ рукавахъ ея множество малыхъ низменныхъ островковъ, которые, подобно негаснущимъ отголоскамъ, издалека образовались изъ оседающаго и укрѣпленнаго

Суровость зимняго климата должно принять, сколько возвышенной широты ея, столько, и может быть, еще болѣе, неблагоприятно-му физическому положенію страны. Къ западу простирается необозримая, безлѣсная тундра, а къ северу изъяснимъ льдомъ покрытое море, отъ чего холодные сѣверо-западные вѣтры, почти постоянно здѣсь господствующіе, безпрепятственно могутъ дѣйствовать со всею жестокостію. Не только зимою, но и среди лѣта наносить они сильныя вѣтры. Сѣму открытому местоположенію приписать должно, что средняя температура лѣтлаго года составляетъ не менѣе 8° ниже точки замерзанія по Реомюру (14° Фаренг).

У Нижне-Колымска рѣка становится въ первыхъ числахъ Сентября; болѣе къ устью, именно, въ Чукотскомъ проливѣ, нивьющее теченіе слабѣе, переходить часто уже 20-го Августа изъясненныя лодки на льду; вскрывается рѣка въ началѣ Іюня. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, которые здѣсь называютъ лѣтомъ, солнце не заходитъ 52 дни (въ Нижне-Колымскъ съ 15-го Мая по 6-е Іюня); однакожь отъ того мало пользы, ибо оно стоитъ такъ низко, что только свѣтитъ, но почти совсѣмъ не нагреваетъ воздуха. При сѣмъ видномъ сближеніи съ землею, лучи теряютъ почти всю свою яркость; самое солнце представляется въ эллиптической фигурѣ, и на тусклый свѣтъ его можно смотреть простыми глазами.

Хотя, какъ сказано, въ продолженіе всего лѣтняго періода солнце не заходитъ, однакожь обыкновенно

новенный порадок дневного времени замечать. Когда холодное солнце понижается на горизонте, наступают вечер и ночь, и природа покоится, а когда, часа через два, оно опять несколько возвысится, то все пробуждается: птички приветствуют новый день веселым щебетаньем; свернувшийся желтый цыпчонок осмывается открыть свою чашечку, и все, кажется, спешит наслаждаться, хоть немного, благотворным влиянием слабых солнечных лучей. Тоже происходит и с временами года; как под поворотами кругами сменяются между собою только весна и лето, так и здесь существуют лишь лето и зима, вопреки мнению туземцов, которые утверждают говорить о весне и осени. Первую полагают они около того времени, когда солнечные лучи начинают быть заметны в полдень, что случается обыкновенно в половине Марта; но и тогда часто бывает ночью 30° мороза. Осень считают они с того времени, когда заморозить реки, именно, с первых чисел Сентября; тогда бывает обыкновенно 35° мороза. Лето начинается в последних числах Мая; низкая вода опускает маленькие листочки, а лежащие к югу отлогости берега покрываются бледною зеленью. В Июне случается в полдень до 18° тепла; показываются цветки и развешивают молодые кусты; но если поднимется морская востер, и от него сдвигается воздух суровый, скудная зелень желтеть и цветки пропадают.

В Июле воздух становится гораздо чище и

приятны, но природа, как будто хочет про-
извести въ здвигиныхъ жителяхъ отвращеніе отъ
предстой лета и заставить ихъ желать воз-
врата зимы: въ первыхъ числахъ мѣсяца во-
пыхаются мѣланы конаровъ, поворачивающіе воз-
духъ густыми облаками, и единственное убѣ-
жище отъ нихъ въ вѣжкахъ сирадъ дымокурровъ,
* который отгоняетъ несносныхъ мучителей.
Но какъ все въ природѣ имѣетъ благотворительную
цѣль, и вредъ съ пользою всюду уравновѣши-
вается, то и насѣкомыя сіи оказываютъ жителямъ
самую существенную услугу, заставляя оленей
выходить изъ лѣсовъ на приморскую тундру, от-
крытую холоднымъ вѣтрамъ. Они бѣгутъ огром-
ными стадами, состоящими изъ нѣсколькихъ сотъ,
и даже тысячъ; тогда охотники подстергаютъ
ихъ, особливо при переправахъ черезъ рѣки и озе-
ра, и съ малымъ трудомъ убиваютъ великое множе-
ство. Другую, не менѣе существенную, но совер-
шенно противоположную пользу доставляютъ рог
келаровъ пасущихся въ табундахъ безъ присмот-
ра лошадей, которыя на безконечной тундрѣ
легко могли бы заблудиться, еслибы природ-
ный вѣстникъ не научалъ ихъ держаться всегда
по близости дымокурровъ, гдѣ находятъ они за-
щиту отъ крылатыхъ враговъ своихъ. Всегда па-
сется они въ густомъ дыму около тѣпыхъ кучъ,

Дымокурры суть огромныя кучи мота и сырыхъ дровъ; отъ
горышекъ ихъ происходитъ густой дымъ, который отгоняетъ кон-
маровъ. Кучи сіи расплавляются, настолько вѣдутокъ для скота,
но также и овалъ селскій, а потому все время, пока есть комп-
ры, жители проводятъ въ безпрестанныхъ облакахъ тѣплаго дыма.

а когда не станеть травы въ одномъ мѣстѣ, кучи переносятся далье. Обыкновенно огораживаютъ дымокуры шестаки, чтобы скотъ не могъ приближаться къ огню.

Въ продолженіе лѣта и здѣсь бываетъ громъ, который слышанъ въ горахъ, а надъ снѣжною и ледяною равниною надаетъ только слабый гулъ и не производитъ никакого дѣйствія.

Настоящая зима продолжается нѣсколько девяти мѣсяцевъ; въ Октябрѣ холодъ нѣсколько умиряется густыми туманами и испареніями отъ замерзающаго моря, но съ Ноябрь наступаютъ большіе морозы, которые въ Январѣ доходятъ до 43°. Тогда захватываетъ дыханіе. Дикій олень, житель полярныхъ странъ, забирается въ глушь льсовъ и стоитъ тамъ неподвижно, какъ бездыханный — даже снѣгъ испарается! Вѣсто почти двухъ-мѣсячнаго дня начинается, съ 29-го Ноября, 38-ми суточная ночь, которая однакожь отъ сильной рефракціи и снѣжнаго свѣта, а равно и отъ частыхъ сѣверныхъ сіяній, бываетъ довольно сносна. Декабря 28-го показывается подъ горизонтомъ блѣдная утренняя зари, которая и въ полдень не въ состояніи помрачить звѣзды. Съ возвращеніемъ солнца, холодъ становится чувствительнѣе, и бывающіе въ Февралѣ и Мартѣ утренніе морозы отличаются особливою пронзительностію. Совершенно лѣные дни зимою бываютъ здѣсь не часто, ибо дующіе съ моря вѣтры напосылъ пары и мглу, которые иногда такъ густы, что совсемъ закрываютъ звѣзды. Такую гу-

стую мглу называютъ здѣсь *морозомъ*. Всего больше ясныхъ дней въ Сентябрь.

Замѣчательное здѣсь явленіе природы есть, извѣстный подъ именемъ *теплаго вѣтра*, *OSO*, или правильнѣе *SOLS* вѣтеръ, который иногда, при ясномъ небѣ, начинается дуть внезапно, и среди жесточайшей зямы, въ короткое время переизмѣнить температуру изъ 35° мороза на 1¼° тепла, такъ, что льдины, завыняющія здѣсь стекла въ окнахъ, таютъ. Въ долинахъ Аннонскихъ теплый вѣтеръ дуетъ часто, а къ западу отъ Чукотскаго мыса (къ W отъ устья Колымы) чудесное дѣйствіе его прекращается. Вѣтеръ сей продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

Хотя по всему вышесказанному, здѣшній климатъ можно считать самымъ суровымъ и неблагоприятнымъ, но должно согласиться, что вообще онъ не вреденъ для здоровья. Здѣсь не бываетъ ни цыготной, ни другихъ опасныхъ прилипчивыхъ болѣзней; * простудная лихорадка и особенно глаза болѣе случаются обыкновенно только въ Октябрь, въ продолженіе густыхъ тумановъ, и въ Декабрь, когда наступаютъ сильные морозы. Оказывающееся тогда воспаленіе глазъ отчасти сдѣлствіе отраженія свѣта на необозримыхъ

* Неострастная болѣзнь, къ сожалѣнію, въ сѣверо-восточной Сибири, и особенно по берегамъ обоехъ Ларовъ, произволившая весьма гибельныя опустошенія, хотя и есть доказательство, не столько климата, сколько совершеннаго недостатка свѣтлыхъ съѣстныхъ припасовъ, но тѣмъ не менѣе сдѣлствуя въ высшей степени и дѣлаясь смертельною.

сложных равнинахъ, столь сызноваго, что надобно закрывать глаза, дабы не ослепнуть. Такъ называемое «поветріе», которое часто оказывается между обитателями западной лежащей страны, бываетъ здѣсь, на сѣверной Колымѣ, гораздо рѣже и не такъ опасно. Распространившееся въ 1821-мъ году по всей сѣверной Сибири между собаками поветріе появилось въ Колымскѣ почти годомъ позже, нежели у западныхъ рѣкъ и вдоль береговъ Чукотскихъ. Замѣчательна еще, случающаяся здѣсь, какъ и вообще въ сѣверной Сибири, странная болѣзнь, называемая *мирянь*, которая по мнѣнію жителей происходитъ отъ того, что духъ одной, хотя давно умершей, но все еще страшной чародѣйки, *Асрабены Жиганской*, вселяется въ больныхъ и всячески ихъ мучить. Мнѣ кажется, *мирянь* есть ни что иное, какъ истерика въ сильнѣйшей степени, ибо сего болѣзнію страдаютъ по большой части женскій полъ. *

Скудная растительность соответствуетъ печальному климату. Особенно въ сѣвѣ отношеніи близка окрестность Нижне-Колымска. Низкое болото, на поверхности котораго тонкій, никогда совершенно не растаявающій слой растительной земли, изъ перегнившей травы и листьевъ, съ приквѣсною частицею льда, едва можетъ питать какое нибудь уродливое листоватое деревцо; корни его, недопускаемые вѣтвями льдомъ въ глубину земли,

* Докторъ Кибель чинилъ случаи дѣлать замѣчательные опыты какъ надъ *мирянью*, такъ и надъ другою, снѣрястающею въ Сибирь, ужасною болѣзнію, которую онъ призналъ за *Ehrhaniais*. Выходы его опытовъ помѣщены ниже.

большую часть лежат обнаженные на поверхности. У береговых отмелей къ югу растут изредка мелколистный ивнякъ, а на равнинахъ возвышается жесткая трава, которая близъ моря доставляетъ скоту несколько питательные корма, потому, что при случающихся ежегодно наводненіяхъ проникается соленою водою. Чемъ ближе приближаешься къ морю, темъ рже видишь малорослыя деревья и кустарники, которые наконецъ, у лѣваго берега Колымы, около 35 верстъ сѣверѣ Нижне-Колымска, вовсе исчезаютъ. На правомъ берегу лѣсъ простирается одинаково немногo далѣе къ сѣверу. Вообще сей берегъ, по сухой, и глинистой почвѣ, благоприятенъ для произрбнній, которыя растутъ здѣсь сплнне и въ большемъ разнообразіи, нежели по ту сторону, на мертвой, льдистой и болотной почвѣ. На равнинахъ, покрытыхъ хорошою травою, попадаются тнзьяны, и въ особенности польны; также цвѣтеть шиповникъ. Чета яглобениныхъ, если только можетъ здѣсь существовать любовь, находить сантиментальную незабудку на берегахъ ручейковъ. Мѣлкая смородина, голубица, брусника, морошка, княженика и шикша цвѣтутъ здѣсь, а въ благоприятное лѣто даютъ и ягоды. Но объ огородныхъ овощахъ нельзя и думать; никто не рѣшается разводить ихъ, ибо навѣрное можно предполагать, что здѣсь ничто подобное не прижится. Въ Средне-Колымскѣ, лежащемъ 2° южнее, видѣлъ я одинаково рѣдьку, а также и капусту безъ выковокъ.

Въ Аляйскихъ долинахъ, защищаемыхъ горами отъ холодныхъ ветровъ, растутъ береза, осина, тополь, ива и кедровникъ. Когда придешь сюда съ нераскоятой, покрытой мохомъ тундры, то вообразишь себя переселившимся въ Италию. Но и тутъ еще, кажется, что сплечь тастъ только для того, чтобы подъ тонкнчь слоемъ земли образовать новый ледъ, * на который не могутъ ннзть вліянія слабые лучи солнца.

Со скудостью, или лучше сказать, ничтожествомъ прозабаемой природы, представляется въ замѣчательной противоположности богатство животнаго царства. Олени въ безчисленныхъ стадахъ, лоси (сохатые), черные и бурые медведи, лисенцы, соболн и бѣлки наполняютъ нагорные лѣса; песцы и волки рыскаютъ по низменностямъ; огромныя стада лебедей, гусей и утокъ, прилетая весною, ннцуютъ уединеннаго мѣста, безопаснаго отъ преслѣдованія охотниковъ, чтобы вылннять тамъ и вывести дѣтей; орлы, филины и чайки преслѣдуютъ свою добычу у береговъ морскихъ; бѣлые

* Я не имѣлъ возможности удостовѣриться, какъ глубоко отъ поверхности земли замерзаетъ, или снѣживается со льдомъ. На разстояніи полуверсты отъ моря, въ лѣсъ, которую нарочно послалъ я рѣчь, вытекула вода, едва только км. достигли горнонтъ моря; тоже самое случилось и по близости большаго озера. Въ Нижне-Колымскѣ, на разстояніи $3\frac{1}{2}$ саж., ннходя въ мерзлую землю. По возвышенностяхъ встрѣчались часто рѣзко льдомъ в припавш, гдѣ на 4-хъ саженахъ, и глубже, нижній слой земли содержалъ въ себѣ болѣе льда, чѣмъ верхній. Въ Якутскѣ, на лѣтъ лнмъ, выкопанной въ 45 саж. глубины, въ полсѣда найдти полъ и ннть колодезь, температура земли была еще 1° ниже точки замерзанія по Реомюру.

куропатки стадами бьгають около кустарниковъ, и маленькіе кулики заботливо пересеивають по болотистымъ берегамъ. Вблизи жилищъ хозяйничаютъ широкія крылья вороны, и когда светаетъ, перелетное солнце, слышно иногда пѣніе веселого зяблика, а осенью широкіе маленькихъ ремезовъ.

Но при всей такой разнообразной дѣятельности, одинъ взглядъ на ужасную пустыню невольно поселяетъ мысли: здѣсь граница обитаемаго свѣта! Присутствіе животныхъ отнести должно къ вѣчному закону природы; единственно по инстинкту сдѣлались они обитателями ледяной пустыни. Но какъ очутился здѣсь человекъ? Что могло завлечь его сюда, въ могилу природы? Говорю не о маломъ числѣ Русскихъ, которые, въ надеждѣ на значительную прибыль рѣшились придти сюда на нѣсколько времени, но о тѣхъ народахъ, которые, безъ такого побужденія здѣсь поселились.

Кочевые народы умереннаго климата переходятъ изъ одной плодородной страны въ другую, и постепенно, черезъ многія поколѣнія, удаляются столь далеко отъ своей родины, что дѣлаются

* По наблюденію доктора Кюбери, зимуютъ здѣсь голубиная куропатка (*lagopus lagopus*), обыкновенная ворона (*corvus corax*) и бѣлый выдръ (*lutra lutra*), большая хищная птица. Въ началѣ Апрѣля появляются: подорожки, пушкы, смѣтуча пухляк, трапезуза (*motacilla caliope*); потомъ широкій пестушекъ (*tringa vulgaris*), шилохвость (*tringa canellae*), бѣлохвостъ (*scelopax galinago*) и зямень чернозобый (*charadrius hiaticula*); наконецъ въ Мѣсяцъ Лебеди, четыре народа гусей и однанадцать породъ утокъ.

для нас чуждыми, предпочитаю ей новую отчизну. Но здесь, куда ничто не заманивает надеждою на будущее, где один лишь безконечный, сытый и льдом покрытый пустыни, ограничивают мрачный горизонтъ, где подъ твердымъ покровомъ вѣчной зны погребенная природа, не можетъ почти ничего представить человеку, и где жизнь есть лишь горестное бореи со всеми ужасами холода и голода, съ недостаткомъ первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслаждений, что могло побудить человека оставить свое прежнее, вѣроятно, прѣятѣйшее жилище, и поселиться въ сей ужасной могилѣ природы, которая заключаетъ въ себѣ только кости уже давно несуществующихъ, первобытныхъ животныхъ? Напрасно будемъ мы искать разрѣшенія нашему вопросу: никакой памяти нѣтъ, никакое преданіе не говоритъ о томъ, что было прежде. Даже изъ недавней еще эпохи покоренія Сибири Русскимъ неизвѣстно ничего достовернаго о тогдашнихъ обитателяхъ здѣшней страны. Одно лишь тѣнное преданіе сохранялось въ народѣ, что «на берегахъ Колымы было прежде огней у Омюковъ болѣе, нежели звездъ на ясномъ небѣ.» Дѣйствительно, видны еще въ нѣкихъ мѣстахъ остатки укрѣпленій изъ толстыхъ бревенъ и слѣды огромныхъ могильныхъ кургановъ (въ особенности у рѣки Нидитирки); то и другое принадлежало, какъ полагають, сильному и многочисленному поколѣнію Омюковъ, которое шизъ вовсе исчезло.

Судя по несвязнымъ отзывамъ некоторыхъ стариковъ, кажется, что Омоки не были кочующимъ народомъ, и вѣли постоянную охоту по берегамъ верховья рѣки, питаясь звериноводствомъ и рыбными промыслами. Другое многочисленное племя, называемое Чукчи, кочевало, съ огромными стадами оленей, на необозримой тундрѣ, чрезъ которую протекаетъ Колыма на сѣверъ къ морю, отъ чего и доселѣ существуютъ въ сей странѣ названія рѣчекъ, каковы *Малая* и *Большая Чукочья*. Омоки сдѣлались, вѣроятно, жертвою войны и болѣзней, а Чукчи, или *Чухчи*, переселились частью еще далѣе къ сѣверу, гдѣ нынѣ обитаютъ, частью сѣмлялись съ другими племенами, которыя также вѣдуютъ здѣсь пребываніе, или заходятъ сюда впрочемъ и составляютъ нынѣшнее скудное населеніе здѣшней страны.

Во всемъ Колымскомъ округѣ состоитъ жителей: Русскихъ крестьянъ, мѣщанъ и казаковъ 326, Якутовъ 1,034; Юкагировъ и другихъ племенъ 1,130, вообще 2,498 человекъ мужескаго пола, изъ коихъ 2,173 обложены ясакомъ. Они платятъ дѣка, или податей, 803 лисицы и 28 соборлей, которые по среднимъ цѣнамъ можно положить въ 6,704 руб., и сверхъ того деньгами 10,847 р., такъ, что на каждую душу мужескаго пола Якутовъ и другихъ племенъ, въ сложность, падаетъ около 8 р. 8 коп. Большая часть крестьянъ и мѣщанъ происходятъ отъ сѣверныхъ, а казаки суть потомки тѣхъ, которые по раззореніи Анадырскаго острога Чукчами переселились сюда.

До 1812 года казаки считались въ действительной службѣ, и получали отъ Правительства провіантъ, который однакожь обязаны были сами перевозить на судахъ съ перховья Колымы. При свойственной здѣшнему народу беззаботливости о будущемъ, облаченные нѣсколькими срлду, весьма прибыльными годами для звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, казаки оставили сію, нѣсколько трудную для нихъ перевозку, такъ, что наконецъ, въ 1812 году, Правительство вовсе прекратило продовольствіе ихъ провіантомъ. Пынтъ, когда нѣсколько уже дѣтъ рыбные и звѣриные промыслы скудны, и господствуетъ всеобщій въ здѣшнемъ краю недостатокъ, казаки должны очень раскаяться, что собственною безпечностью лишили себя благотвительною подмогою Правительства. Исключая нѣсти человекъ, которые оставляемы въ действительной службѣ для содержанія караула и исполненія всякихъ приказаній, прочіе казаки составляютъ особую станицу, подъ непосредственною командою сотника, подчиненнаго частному Исправнику въ Средне-Колымскѣ. Казаки не платятъ никакихъ податей, но вѣстно того обязаны, по первому востребованію, являться на службу, имея при себѣ сабли и ружья. Главнѣйшую ихъ службу составляетъ походъ къ крепости *Островной*, куда отправляются ежегодно отъ 25-ти до 30 человекъ, для соблюденія порядка на Чукотской арзакѣ, и для защиты, въ нужномъ случаѣ, Русскихъ и другихъ промысловиковъ противъ Чукчей.

Хотя обитающіе здѣсь собственно Русскіе, черезъ смѣшеніе съ Юкагирами и Анчойскими Якутами заимствовали отъ нихъ много въ одеждѣ, образѣ жизни, и даже въ чертахъ лица, но все еще отличаются весьма замѣтно крѣпкими своими сложеньемъ. Они вообще ростомъ выше, тѣломъ бѣлее, и у многихъ свѣтлорусые волосы, чего не встрѣчалъ я у природныхъ жителей. Русскія женщины, не смотря на трудныя работы, или исправленія, и неопрятность, въ какой живутъ, съ чертами лица пріятнѣе и правильнѣе, нежели у настоящихъ Юкагирокъ, Тулгусокъ и Якутокъ, и многія изъ нихъ могутъ похвастаться красавицами. Они не чужды супружеской нежности, и пріятно видѣть радость жены, или матери при возвращеніи отца семейства, или сына, съ опаснаго промысла, или изъ дальней поправки. После первыхъ привѣтствій и благодарственной молитвы, выставляется на столъ все, что есть лучшаго въ запасѣ, и потомъ возвратившійся долженъ рассказать, какіе преодолевалъ онъ труды, какихъ избѣжалъ опасностей, и т. д. Съ искреннимъ участіемъ, все семейство слушаетъ разсказчика, который старается скрыть малѣйшее обстоятельство, могущее дать невыгодное понятіе объ его твердости духа, рывительности или смѣлости, зная, что въ противномъ случаѣ онъ потерялъ доброе о себѣ мнѣніе.

Многія изъ женщинъ одарены способностью слагать пѣсни, заключающія въ себя большую часть жалобъ на разлуку съ любезными. Въ такихъ

пѣсняхъ замѣчательно воспоминаше о прошедшемъ времени; главные роли въ нихъ играютъ голубокъ, соловей, цвѣты, и многіе другіе предметы, которыхъ не найдете и за тысячу верстъ отсюда, и о которыхъ пѣвица знаетъ только по слухамъ. Вотъ два образа:

1.

Напишу я и письмо, не перьями, не перьями,
Напишу масломъ горючей слезой;
Отдамъ я письмо съ сибирскими голубкомъ.
Полети ты, сибирячекъ, въ сказный городъ во Иркутскъ,
Оброни ты письмо подъ косячекъ подъ окошечко, и проч.

2.

Ты скажи, соловушко,
Ты скажи мнѣ, черноперевай,
Гдѣ морскихъ ты посурывалъ—
Повстрѣчалъ я нѣтъ на домикахъ на ласкахъ,
На морскихъ на бѣлыхъ горкахъ,
И какой островъ увидѣлъ тутъ еще.
Полети ты, соловушко, въ синее море
И скажи моему ты вышку,
Что подружился его горько плакать, и проч.

Мужчины изъ здѣшнихъ Рускихъ поютъ также довольно пріятно; пѣсни ихъ называются *ан-дильфонами*. Въ продолженіе длинной зимней ночи, сосѣди собираются въ кружокъ, поютъ, пляшутъ и забавляются разными играми. Однимъ словомъ, между здѣшними Рускими видимъ еще некоторую веселость и наслажденіе жизнью, чего, къ сожалѣнію, не замѣтно у природныхъ жителей, исключая тѣхъ, которые обращались въ общество Рускихъ, но и тѣ не умѣютъ вполнѣ изъ-плакать своей веселости. Однакожъ такое, и мно-

гя другіл, свойственныя Русскому характеру преимуществъ, цѣнятся ими, и когда они хотятъ описать некуснаго, проворнаго и счастливаго промышленника, то говорятъ: «Онъ истинный Русский.» Дѣти избытчихъ Русскихъ, несмотря на суровый климатъ, рано приходятъ въ возрастъ, и мальчики показываютъ особенное остроуміе и перенчивость.

Въ отношеніи жилищъ, Рускіе имѣютъ различіе отъ природныхъ жителей. Растущія здѣсь лиственничныя деревья очень тонки, и потому для постройки жилищъ надобно лавить здѣсь, напослѣднѣй съ моря, при весеннемъ разлитіи рѣкъ. Часто проходитъ нѣсколько лѣтъ, пока наберется потребное количество бревенъ. Стѣны выводятся по обыкновенному образцу Русскихъ избъ; промежутки между бревенъ закладываются мехомъ и замазываются глиною, а нижняя часть строения снаружи, до оконъ, заливается землею, для предохраненія отъ холода. Жюкима имѣетъ обыкновенно отъ двухъ до трехъ сажень въ квадратъ и $1\frac{1}{4}$ сажени вышины. На плоскую крышу насыпается земля. Внутреннее устройство бываетъ слѣдующее: въ углу стоитъ Якутскій чумалъ, родъ камина, сложенного изъ ивовыхъ прутьевъ и обложеннаго внутри и снаружи глиною. Трубу замыкаетъ сдѣланное въ крышѣ отверстіе. Съ извѣстнаго времени стали однакожъ устраивать истинныя Русскія печи изъ битой глины, и проводить трубы сквозь кровлю. Смотря по пространству жилищъ и по потребности хозяина, ставится одна, или двѣ, или нѣкія

перегородке, для отдыха спалили; остальная часть хижины заключает в себя кухню, рабочую и гостиную, обставленную довольно широкими скамьями, которые покрываются оленьими кожами. По стенам развешивают разную домашнюю утварь, ружья, стрелы, луки, и т. п. Два окна, в квадратный футъ, а иногда и меньше, кой какъ освещали бы хижину, еслибы въ нихъ вставлены были стекла, но застилающие ихъ лежатъ рыбы пузыри (обыкновенно изъ ланжа), а зимою льдины, въ шесть дюймовъ толщины, едва только пропускаютъ дневный светъ. Съ одной стороны дома пристроиваются сени, къ которымъ примыкаетъ анбаръ, складенный изъ тонкихъ бревенъ. Въ сеняхъ обыкновенно дымается очагъ. Въ домы расположены окнами къ югу. Какъ возле дома, такъ и на крыше, устроены бывають вышки, для сушенія рыбы, а у анбара стоитъ конура, гдѣ во время жестокихъ морозовъ укрываются собаки, при черныиъ холодѣ обыкновенно лежащія передъ домомъ; онѣ привязаны къ дланному ремню и зарываются въ снѣгъ. Заборовъ почти нигдѣ нѣтъ. Такъ вообще строятся здѣсь думы, безъ всякихъ правилъ, по произволу хозяина. До бивъ жители небольшіе охотники, и во всемъ Нижне-Колымскѣ нашли мы одну общественную баню, и та была въ самомъ неисправномъ положеніи.

Опрятность въ жилищахъ и одеждѣ можно видѣть только у богатыхъ, жены которыхъ носятъ рубахи изъ бумажной матеріи и холста. Обыкновенныя рубахи (*парки*) шьются изъ мягкихъ

оленьих шкуръ, спереди открытыя, и надвываются шерстью внутрь; наружная сторона выкрашена ольховою корою въ красный цвѣтъ, и опущена по кнзю и рукавамъ тонкими бѣлыми ремнями, или кожей рышай выдры, которая покупается довольно дорого у Чукчей. Изъ оленьей шкуры шьются и нижнее платье. Сверху рубахи надвываются *камлєю*, изъ родуги, которая отъ дыма становится желтою. *Камлѳя* закрыта спереди и сзади; къ ней пришитъ капишонъ, накидываемый на голову, при выходе изъ двора. Заживоточные люди носятъ дома китайчатяя камлѳи. На ноги надвываютъ родъ башмаковъ (*каплички* и *пипрочки*), изъ темной юфти, или чернаго сафьяна, которые пришиваются къ голенищамъ, сдѣланнымъ изъ жесткой оленьей кожи, и вышиваются разноцвѣтными шелками, даже золотомъ. Два длинныя ремня, прикрѣпленные къ каблукъ, обхватываютъ ногу крестообразно. Мѣховая шапка, острая къ верху, такъ широка и высока, что можетъ покрывать лобъ и щеки; кромѣ того, для щегольства и большаго тепла, надвываются *налобники*, *каптанки*, *пинюсники* и *набородники*; особенно *налобникъ* вышивается разноцвѣтными шелками и золотомъ. При входѣ въ комнату шапка снимается, а *налобникъ* остается несколько времени, какъ будто на доказъ.

Во время похолодъ, сверху всего платья, накидывается еще *кудьянка*, широкая, изъ двойнаго чѣха сшитая камлейка, съ капишономъ; къ рукавамъ придѣланы большія рукавицы, у которыхъ

подъ шлою разрезъ, чтобы иногда, въ случаѣ надобности, можно было просушить руку и опять тотчасъ спрятать ее отъ холода. Въмѣсто домашнихъ сапоговъ, надѣваются полушубки или носки, изъ кожи молодого оленя (*шижи*), а сверху *торбосы*, или теплые сапоги. Въ такой одеждѣ можно долго выносить самый сильный морозъ. На кушакъ висятъ большой ножъ, маленькая *гал-за* (иванная, или оловянная трубка), съ короткими, вдоль разрезанными и ремнями связанными *чубкомъ*, и кошель, гдѣ лежатъ огниво и табакъ, изъ экономіи сшитыиный съ илько-на-скоблешными, листовичными деревомъ. Зѣлшіе Рускіе курятъ подобно всѣмъ сѣвернымъ Азіатскимъ народамъ: вбирютъ въ себя дымъ и выпускаютъ потомъ изъ носа, отъ чего приходятъ въ безпамятство, которое бываетъ иногда такъ сильно, что они, сидя передъ чучаломъ, безъ чувствъ падаютъ въ огонь. Впрочемъ, много разсказываютъ они о пріятностяхъ такого опьяняющаго куренія, и уверяютъ, что оно весьма со-грѣваетъ въ большіе морозы.

Одежда жепиновъ разнится отъ мужской преимущественно тѣмъ, что состоитъ изъ легкой кожи, а у богатыхъ изъ какой нибудь бумажной, или шелковой матеріи, съ лежащими воротничкомъ изъ собольихъ, или куньихъ хвостовъ; бѣдныя довольствуются оленьими вышоротками. Замужнія женщины пользуются обыкновенно головою бумажною, или шелковымъ платкомъ; иногда надѣваютъ и кампакъ, подъ которымъ, по

Русскому обычаю, подбирают волосы; незамужнія заплетають ихъ въ длинныя косы, и сверхъ того, когда въ нарядѣ, носятъ повязки на лбу. Праздничное платье очень похоже на то, какое лѣтъ за 50 носили наши купчихи; чѣмъ цветнее и пестрое шелковый матеріалъ, и чѣмъ блестяще и длиннѣе серьги, тѣмъ красивѣе почитается нарядъ. Купцы, прибѣгающіе на ярмарки, ужьютъ здѣсь пользоваться, бывавъ на берегахъ Колымы, за дорогую пшву, такіа платья, которыя даже въ Якутскѣ вышли изъ моды.

Желая имѣть понятіе объ образѣ жизни прибрежныхъ Колымчанъ, надобно несколько предположить съ ними: слѣдовать за ними въ зимнихъ избѣ въ лѣтніе балаганы; плавать съ ними въ *карбасѣ*, или въ *елькѣ*, по быстрѣиимъ рѣкамъ; взбираться верхоми, или пѣшкомъ, на скалы; прокладывать дорогу черезъ густой лѣсъ; въ жестокіе морозы и вѣтель носиться на легкой нартѣ, запряженной борзыми собаками, по безконечной тундрѣ; словомъ, надобно ни въ чемъ не отставать отъ нихъ. Такова была жизнь наша, въ продолженіе почти трехъ-лѣтняго пребыванія здѣсь; мы жили въ ихъ обществѣ, одѣвались такъ же, какъ они, питались ихъ сышеною рыбою и раздѣляли съ ними всѣ неудобства зѣлшняго климата, при крайнемъ недостаткѣ въ потребностяхъ всякаго рода, что все даетъ намъ возможность представить вѣрное изображеніе жизни въ Нижне-Колымскѣ, а за исключеніемъ нежныхъ

мѣстныхъ обстоятельствъ, она одинакова по всему берегу Колыки.

Начиная съ весны. Рыбная ловля, какъ я уже замѣтилъ, важнѣйшая отрасль здѣшней промышленности; все существованіе обитателя зависитъ отъ нея. Но, мы увидимъ въ послѣдствіи, что Нижне-Колымскій острогъ стоитъ на самомъ невыгодномъ мѣстѣ для рыбнаго промысла, и потому жители должны отправляться въ другія мѣста за пищею. Лишь только наступитъ весна, они оставляютъ жилища, и вдоль береговъ рѣки отыскиваютъ мѣсто, гдѣ, съ большою поспѣшностью, устраиваютъ балаганы и готовятъ все необходимое для рыбной ловли. Многие изъ Нижне-Колымскихъ индейцевъ живутъ въ окрестностяхъ при устьяхъ рѣчекъ (впски) маленькія дачи, куда разъѣзжаются еще въ Апрель, чтобы все своевременно устроить, и въ половинѣ Мая, когда купцы, возвратясь съ армарки, бывающей въ Островной, на Маломъ Аякоу, собираются обратно въ Якутскъ, все мѣстные жители сѣдлать на свои ладьи, и въ острогъ остаются только казачій сотникъ, съ двумя караульными въ канцеляріи, священникъ съ причетомъ, и всѣмъ голоднымъ семействамъ, которыхъ не въ состояніи содержать на общій промыселъ.

На Колымѣ весна самое тяжелое для жителей время года: сытные припасы, заготовленные лѣтомъ и осенью, все исходить въ продолженіе зимы; рыба, укрывшаяся отъ жестокой стужи на днѣ рѣкъ и озеръ, не показывается еще

въ воду; собаки, изнуренныя зимнею работою и недостаткомъ корма, не могутъ уже болѣе служить для того, чтобы пользоваться послѣднимъ весеннимъ благодѣяніемъ природы, такъ называемымъ *настоємъ**, гнаться на нихъ за оленями и сохатыми; куролетки, наполненныя кой гдѣ силками, доставляютъ весьма незначительное пособие; однимъ словомъ—угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ. Въ то время Тунгусы и Юкагирь толпами переходятъ съ тундры и съ Ангоя въ Русскія селенія на Колымѣ, искать спасенія отъ голодной смерти. Блѣдные, безсильные бродятъ они, какъ тѣни, и бросаются съ жадностью на трупы убитыхъ или падшихъ оленей, кости, шкуру, ренин, на все, что только можетъ сколько нибудь служить къ утоленію мучительной потребности въ пищу. Но и здѣсь видать они мало отрады: и здѣсь свирѣлствуетъ голодъ, такъ, что самыя жѣлѣи принуждены довольствоваться скудными остатками отъ заготовленнаго собакамъ корма. Многія собаки падаютъ истощенныя голодомъ.

* Когда отъ теплоты весенняго луча солнца таяющій на поверхности снѣгъ опять замерзаетъ ночью, то образуется толстая ледяная кора, которая столь твердая, что можетъ поддерживать легкую партію, запряженную собаками. Она называется *настоємъ*, и способствуетъ передвиженію оленей и сохатыхъ, которые по тяжести своей проламываютъ сквозь ледъ, появляясь въ руки охотника. Прочность лѣста зависитъ отъ того, болѣе или менее открыто местоположеніе, и вода болѣе твердая или рыхлая силой. Впрочемъ, лѣстъ образуется не каждый годъ: во все пребываніе наше мы не видали его въ окрестностяхъ Нижне-Колымска.

Хотя из казеннаго запаснаго магазина можно покупать затѣлую ржаную муку, и брать даже въ долгъ до осени или зима, но немногіе въ состояніи платить по 20 рубл. за пудъ. Такъ дорого продается мука отъ того, что провозъ ея изъ дальнихъ мѣстъ сопряженъ съ большимъ затрудненіемъ и нерѣдко продолжается около двухъ лѣтъ. Въ бытность нашу въ Средне-Кольменскъ, тамошнему Комиссару надлежало сдѣлать смету: какое количество муки нужно для обезпеченія народа на все время весенняго голода? Онъ потребовалъ о томъ свидѣнія отъ казацкаго сотника, подъ особенныя падаюныя котораго находятся Тунгусы и Ювагирь, и получилъ въ отвѣтъ: «Не могу сказать опредѣлительно, но уверю васъ, что многіе согласятся лучше умереть съ голода, нежели платить по два рубля за каждый день горестной жизни.»

Три такіа ужасныя весны прожили я здѣсь, и теперь еще съ содроганіемъ представляю себѣ плачевную картину голода и нищеты, которой, хотя былъ свидѣтелемъ, описать не въ силахъ.

Но когда бѣдствіе достигаетъ высшей степени, Правдѣніе посылаетъ обыкновенно и помощь: внезапно прилетаютъ изъ южныхъ странъ большія стада лебедей, гусей, утокъ, куликовъ и другихъ птицъ. Они предвѣщаютъ конецъ всеобщему бѣдствію. Старый и малый, мужчины и женщины, кто только въ состояніи держать въ рукахъ ружье или лукъ, все спѣшатъ убивать изъ пер-

пятихъ гостей что могутъ. Въ разставленныя подь льдомъ сѣти уже попадаетъ и рыба. Такимъ образомъ ужасное время голода проходить. Но все еще нѣтъ изобилія въ пищѣ; кажется, будто природа, подобно искусному врачу, съ удивленною подкрѣпляетъ истощенныхъ. Наконецъ, въ Юнѣ вскрывается рѣка, приплываетъ множество рыбы, и вслѣдъ за тѣмъ спешить занастыся на будущій годъ. Но въ то время случается иногда новое бѣдствіе: рѣка не въ состояніи довольно скоро избавиться отъ несущихся по ней ужасныхъ громадъ льда, которыя, свиряясь въ узкихъ мѣстахъ, образуютъ родъ плотинъ и останавливаютъ теченіе воды; она выступаетъ изъ береговъ, затопляетъ луга и селенія. Если жители не успеютъ отогнать лошадей своихъ на высокое мѣсто, то лишаются ихъ невосвратно. Летомъ 1822 года было при насъ наводненіе въ Нижне-Колымскѣ, распространившееся столь внезапно, что мы едва имѣли время, съ некоторыми вещами, возвратиться на плоскія крыши, и должны были просидѣть тамъ болѣе недѣли. Вода быстро неслась между домами; къ северу лежащее озеро соединилось съ рѣкою, и весь островъ походилъ на архипелагъ маленькихъ острововъ, потому, что одна только кровля не была покрыта воюю. Жители переезжали другъ къ другу на карбасахъ и вѣткахъ, и сѣли на крышахъ закидывали сѣти и ловили рыбу.

Наводненія бывають, въ болышій или меньшій степени, но ежегодно. Лишь только вода сбѣ-

жить, начинается ловля неродами. * Весною рыба плывет вниз по течению реки; в нивых местах ходъ ее продолжается несколько дней, а в других, какъ то, близъ Походска и въ Чукотскихъ протокахъ, плывущая рыба ловится цѣлое лѣто, но только количество ее постепенно уменьшается. Преимущественно попадаются стерляди, нельма, муксуны, и такъ называемые чиры. Вся рыба обыкновенно бываетъ очень толста, и поэтому большую часть приготавливаютъ ее для корма собакамъ, въ видѣ юхолом, т. е. разпластываютъ, потрошатъ и сушатъ на воздухе. Изъ внутренности вывариваютъ жиръ, который употребляется въ пищу и на освѣщеніе изъ въ зимнія ночи.

Сильнѣе морскіе олтры, приводящіе реку въ

* Къ востоку отъ Лены Колыма особенно изобилуетъ рыбою, потому берега ея населены болѣе, нежели берега Лены, Подигирки и Алазеи. Давно нѣтъ некоторое понятіе о чрезвычайномъ расходѣ рыбы, составлявшей главнѣйшую пищу алтунскихъ жителей и собакъ ихъ, надобно знать, что на годовое содержание ста семей, живущихъ въ окрестностяхъ Нижне-Колымска, потребно не менѣе трехъ миллионовъ семей. Но колыма хорошій токъ Колыма даетъ окоо миллиона семей, то оставшее количество захватывается другою рыбою, которой нужа, по крайней мѣрѣ, до 200,000 штукъ. Впрочемъ, почисламъ дозволенной рыбы нельзя дѣлать явнаго заключенія объ изобилии ея въ реку, ибо успѣхъ промысла много зависитъ отъ обстоятельствъ. За небольшое лѣто до прибытія нашего на Таймыръ, случилось, что въ началѣ обыкновеннаго осенняго хода муксуновъ устье Онокова замерзло, такъ, что прибывшіе жители могли перепродить реку цѣлѣмъ мѣсяцамъ и нѣсколько вѣтри для 80,000 крупныхъ муксуновъ, чего въ обыкновенныя годы не доставить промысла цѣлаго лѣта.

сильное волнение, часто препятствуют закидыванию неводов, именно в то время, когда ходы рыбы бывает обильнее. Къ тому присоединяется несовершенство здѣшнихъ неводовъ, дѣлаемыхъ изъ конскихъ волосовъ, и то, что жители не умѣютъ, или боятся кидать невода посреди рѣки, гдѣ рыба всегда крупнѣе и въ большемъ количествѣ. Они ограничиваются ловить въ вискахъ и побочныхъ рѣчкахъ Колымы, которая, какъ выше сказано, вѣсною сильно разливается и загоняетъ множество рыбы въ маленькія рѣчки и соединяющіеся съ ними озера, откуда она, когда главная рыба возвратится въ берега свои, идетъ на прежнее мѣсто и ловится мережами, или *мордами*, сплетенными изъ ивовыхъ прутьевъ. Сей промыселъ съ большою дѣятельностью начинается тогда, какъ кончится осенній ловъ неводами, или *неводою*, по названію Сибиряковъ. Въ жители, или хоть по одному изъ каждой семьи, перебираются на вески. При ловѣ неводами наблюдается очередь въ закидываніи ихъ, и добытая каждый разъ рыба принадлежитъ хозяину невода; въ вискахъ же дѣлать рыбу въ каждый *выселотъ* * на равные паи, между хозяевами погружаемыхъ мережей.

Последній способъ ловится всего болѣе жирныхъ *иросъ*, состоящихъ изъ иловой плоти жителей, такъ называемую, *идомную юколу*. Она отличается отъ вышеупомянутой юколы выборомъ лучшей рыбы и болѣе стараніемъ въ

* Такъ называется снотъ веревъ, погруженной въ воду.

приготовлении. Распластавъ рыбу на двое, вынимаютъ изъ нея все кости, мясо надрезываютъ, мясо, чтобы оно свѣдлось мягче, и сушатъ на воздухѣ. Иногда коптятъ и въ дыму, для предохраненія отъ порчи. * Верхняя часть мяса обыкновенно ерзывается, сушится особо, толчется въ деревянной ступкѣ, и съ небольшою прихвосью жира сберегается на зиму въ флягахъ. Такимъ же образомъ отдѣляются костра, составляющіе самыя жирныя части рыбы, сушатся и употребляются для лакомоѣ начинки пироговъ, которые пекутся не изъ тѣста, а изъ толченыхъ мякоти частей сѣжей рыбы.

Когда весенній промыселъ приводитъ къ концу, появляется опять въ рѣхъ большая морская рыба, ильмы и стерляди, которыхъ ловятъ неводами и сѣтями.

Въ продолженіе рыбныхъ промысловъ привлекаютъ къ морскому берегу лебеди, гуси и утки, липлютъ здѣсь, выютъ гнѣзда и высиживаютъ птенцовъ. Тогда нѣкоторые изъ промышленниковъ отправляются вынимать яицы изъ гнѣздъ; настоящая ловля начинается въ то время, когда птицы, лишенные перьевъ, не могутъ летать. Тутъ охотники собираются во множествѣ къ гнѣздамъ, пугаютъ птицъ соба-

* Лучшій икра готовится изъ Поломанъ и Миломъ Чукоцкихъ, гдѣ водятся золотые и рыбіе терпѣе жемчугу. Таковой отличный родъ икры называется латима. Икра, такъ же какъ и юкола, продается сызками, изъ которыхъ каждая являющаяся въ себѣ 50 штукъ аршинной и 100 ильной рыбы.

кази и загоняютъ въ озера, гдѣ на вѣткахъ быють пня, чемъ попало, изъ ружей, стрѣлами, даже палками. Часть добычи коптится, а остальная замораживается и зарывается въ снѣгъ, для употребленія зимою. Впрочемъ, сей промыселъ съ нѣкотораго времени весьма оскудѣлъ; лѣтъ за 20-ть охотники приносили домой въ ные дни по нѣскольку тысячъ гусей, а нынѣ при устьѣ Колымы почитаютъ за счастье, если удастся во все лѣто убить до 1000 гусей, до 5000 утокъ и сотни двѣ лебедей *, что происходитъ не отъ уменьшенія птицъ, иногда въ чрезвычайномъ множествѣ разсыпавшихъ по горамъ, тундрамъ и протокамъ, но отъ того, что жители заняты болѣе рыбными промыслами, требующими меньшихъ трудовъ и приносящими вѣрнѣйшую прибыль, и не ухитряются на ловлю птицъ.

Противъ рыбы и птицы, добрые хозяева запасаютъ также оленьимъ мясомъ. Для того ные пѣхутъ на карбасахъ по Аляска, къ лѣтней лавѣ оленей, а другіе отправляются на лошадяхъ въ тундру, къ большимъ селамъ, загоняютъ оленей пріученными собаками въ воду и убиваютъ по колѣновою. ** Промыселъ гораздо прибыльнѣе на

* Кажется, что перелетныя птицы иногда не вьютъ нѣбось два года гряду въ вѣдѣхъ итти, но довольно правдиво пересчитываютъ свое пребываніе. Запрималъ лопка подвергается также нѣкоторой правильной переклѣткѣ; здѣсь вообще полагаютъ, что птицы по-мѣщаются во множествѣ только въ третій годъ; соборы жъ птицъ часто совсѣмъ исчезаютъ.

** Большею вождь, наскакивая на лавную ружейку.

Лягуш, ижели въ тундрѣ; ловкіи охотники убьютъ на рѣкѣ, въ хорешій годъ, до 100 оленей, а въ тундрѣ достанется каждому охотнику не болѣе 20; и даже иногда только по 5-ти оленей, но за то здѣсь они раслазе и жиряте.

Между тѣмъ, пока мужины занимаются рыбными промыслами и охотою, женщины также пользуются короткимъ лѣтомъ, собирая на блумъ произведенія растительнаго царства. Выше сказано уже, что частію расталишия почва, особенно на горѣхъ, производитъ ягоды, душистыя травы и коренья. Женщины знаютъ ихъ совершенно, и набираютъ столько, сколько дозволяетъ болѣе или менѣе благопріятное лѣто. Однакожь не вездѣ каждый годъ есть ягоды; въ трехъ-лѣтнее пребываніе наше на Кольмихъ не нашли мы ни одной иже острога. Изобиліе растутъ ягоды, особенно голубица, на восточномъ берегу Кольмыи и на отлогости Паптековской сопки, куда ходятъ собирать ихъ въ половинѣ Августа—самое пріятное время года для дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ: онѣ отправляются туда большими обществами, проводятъ часто цѣлыя ночи подъ открытымъ небомъ, поютъ пѣсни, пляшутъ и веселятся различными образами. Набранныя ягоды обливаютъ водою, замораживаютъ и сохраняютъ на зиму, какъ любимое лакомство.

Изъ растений и кореньевъ полезны только пшени-

¹ Сей замечательный промыселъ обстоятельно описанъ ниже, въ журналѣ мичмана Матюшкова, который писалъ слѣдующее: "Издѣлиши иже топиши наблюдатели."

яна и макарша; первый употребляется преимущественно для куренья, а иногда и въ пищу. Макарша мушноватый корень, который кладутъ для приправы въ пироги съ рыбою и масломъ, или подаютъ отдельно, вмѣсто десерта, передъ вечернимъ чаемъ; его находятъ въ подземныхъ норахъ полевыхъ мышей, собирающихъ на зиму большой запасъ всякихъ кореньевъ. Женщины имѣютъ особенный даръ отыскивать такіа убежища и уносить у бѣдныхъ животныхъ плоды предусмотрительной ихъ заботливости.

Наступаетъ Сентябрь, и большой ходъ сельдей * съ моря заманиваетъ почти всѣхъ жителей на тони. Сельдей является такое множество, что въ благопріятные годы вытаскиваютъ въ одну тони 3000 и болѣе, и въ три или четыре дня хорошииіе неводы добываютъ до 40,000. Нередко случается, что послѣ трехъ-иногда неудачной ловли другой рыбы, бѣднымъ жителямъ угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ, но вдругъ показываются въ рѣкахъ благодѣтельные сельди и цѣлыя анбары наполняются ими. До наступленія морозовъ, наловленные сельди развешиваются, чтобы вытекла изъ нихъ вода; отъ того они дѣлаются легче въ дорогѣ и пригодны для кор-

* Надобы замѣтить, что отъ Ногромнаго до Никше-Коачиона, на расстоянии 3-хъ верстъ, ходъ сельдей продолжается три дня. Самые крупныя ловятся въ Коачикъ, похлѣе въ Аэзъкъ, а еще хлѣе въ Иланирекъ и Яшъ. По тому, кажется, можно заключить, что они плывутъ направленно отъ запада къ востоку.

на собаканъ. Сельди, добываемыя во время морозовъ, покрываются льдомъ, безвкусны, и на морозѣ собаки вѣхъ съ трудомъ раскусываютъ.

Къ тому времени, когда идутъ сельди, возвращаются съ Аниол и тундры промышленники, отправлявшіеся на ловлю оленей, а вѣсть съ ними возвращается и новая жизнь въ страну, которая незадолго предъ тѣмъ была пуста и безлюдна. Съ робостью ожидаютъ вѣстий: чего должно надѣяться или страшиться для предстоящей зимы? Удачный промыселъ производить всеобщую радость, и долгое время составляетъ единственный предметъ разговоровъ, причемъ самыя незначительныя обстоятельства, каждое движеніе оленя, ловкость охотника, смелость собаки, и т. д., рассказываются съ такою подробностью, какъ будто дѣло идетъ о разбитіи непріятельской арміи.

Съ наступленіемъ морозовъ прекращается лѣтній промыселъ рыбы, и лишь только рѣки замерзнуть, начинается осенній. Сѣти, сдѣланныя изъ конскихъ волосовъ, погружаются въ проруби поперегъ рѣки. Тогда ловятся преимущественно муксуны, омули (*salmo autumnalis*) и нельма (*salmo nelma*), приплывающія вѣтрами съ моря, близость коего въ особенности благоприятствуетъ сему промыслу. По Каменной Кольмѣ, около Шалаурова зимовья, Кабачкова и Сухарнаго, и по Средней Кольмѣ, у Каменнаго острова, ловли продолжается, съ переменными успѣхами, до Декабря, когда темнота и сильные морозы застав-

люють рыбаковъ прекращать работу и возвращаться въ селенія.

Такимъ образомъ, съ каждымъ временемъ года переменяются занятія Кольмскихъ жителей, которыми недостатокъ образованности, естественное положеніе и тяжкій климатъ не дозволяютъ думать ни о чемъ иномъ, кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни. Вся ихъ смысленность, вся дѣятельность ограничивается тѣмъ, чтобы не пропускать благоприятнаго времени для каждаго промысла, и когда излѣживъ одинъ источникъ пропитанія, тотчасъ пользоваться другимъ, гдѣ только онъ откроется. Какъ мы видели, за промысломъ рыбы въ большихъ рѣкахъ слѣдуетъ ловля въ рѣчкахъ; потомъ идетъ крупная морская рыба, за нею сельди, и наконецъ рыба, которую ловятъ сѣтями подъ льдомъ.

Для птицъ также есть различные періоды: сначала линяють утки, потомъ гуси, наконецъ лебеди. Сверхъ того раздѣляются онѣ здѣсь, по времени линянія, на два класса: *дальничковъ* и *холостабу*. Первыми называются птенцы, которые не оставляютъ еще своихъ матокъ, и доводятъ, или убиваются, вѣсть съ ними; вторые уже суть подростшія молодые птицы, которые линяють позже старыхъ и ловятся позже нихъ.

Единственно такое благотворное устройство природы даетъ жителямъ способы, запастись на долгую зиму необходимыми потребностями для себя и для полезнѣйшаго домашняго скота, собравъ, избавляясь отъ всегдѣшняго недостатка

въ пищу, ибо при бедности и малочисленности семействъ было бы невозможно имъ успѣвать въ вести промыслахъ, еслибы надлежало имъ проводить въ одно и то же время. Но зависѣть тѣмъ приготовленіе запасовъ имъ крайне тяжело, ибо, кромѣ рыбной ловли и охоты, въ чемъ заключаются почти единственные источники ихъ пропитанія, есть еще много другихъ, не менѣе нужныхъ занятій. Кто вѣдетъ лошадей, * долженъ пахать для нихъ сѣна; иныя надобно исправить избу, или построить новую; поставить въ лѣсу и насторожить пасты **

* Почти у каждого пиратоваго хозяйства есть два, а въ доде болѣе лошадей, которыя не употребляются прямо, а ходятъ на свободу и вырываютъ мысатыми копытами сѣно и снѣжки еще поблизкую траву и корни.

** Пасты устроивается изъ бревна, положеннаго наизлѣсокъ, и находящагося подъ нимъ продолговатая дырка, въ который кладутъ приманку. Лишь только зверь дотронуется до приманки, бревно падаетъ въ лѣто и задерживаетъ его въ лѣвѣ до тѣхъ поръ, пока придетъ промышленникъ. Мѣста, гдѣ разставлены ловушки, называются пастышками; а настороживши пасты значить положить наживу, или приманку, и вообще изготовить пасты для поимки зверя. Русскіе, живущіе въ Нижне-Колымскѣ и въ окрестностяхъ его, имѣютъ болѣе 7500 подобныхъ пастей, какъ по берегу рѣкъ, такъ и на восточной и западной тундрахъ. Но восточному берегу Колымы, въ долину рѣкъ Финшовой, Навтелеевой, и другихъ належащихъ рѣчекъ, ловятъ лисицу и соболь, а на западной тундрѣ песцы. Россоманъ рѣдко поимаетъ; онъ такъ силенъ, что ловитъ пасты. Забѣлннскій промышленникъ объявляетъ свои пасты затию разъ десятъ по другимъ гораздо рѣже, отъ чего, можетъ быть, волонна добычи пропадаетъ. При каждой высылкѣ считаютъ по одному зверю на десятъ пастей. Весьма вредное вліяніе на размноженіе зверей, особенно песенъ, производятъ принятой между Юкагирями, Тунгусами, и вообще въ Сибирѣ обычай вырывать поросль еще молодыми.

(ловушки) для пушных зверей. На посидельную работу отправляются обыкновенно вертолы, по мерзлой земле передъ парализъ свягомъ, и потому, когда выпадетъ снѣгъ, на собакахъ. Въ то время охотники переходятъ съ восточнаго берега рѣки на западный и жители ловятъ ихъ различными способами: ставятъ ременные петли въ узкихъ мѣстахъ, гдѣ проходитъ зверь, или устраиваютъ заборы, въ которыхъ изрѣзано оставляютъ отверстія. Другіе бьютъ пѣртыми, на нартахъ, къ Барановымъ Камнямъ за сохатыми и длинными бѣранами, или по свѣжему снѣгу, съ прицепными собаками, ловятъ лисницъ, соболей и бѣлокъ. Последний родъ промысла принадлежитъ въ особенности Анюйскимъ и Омогонскимъ Юкагирамъ и Средне или Верхне-Колымскимъ Якутамъ, живущимъ въ горахъ и лѣсахъ.

На тундрѣ, по морскому берегу, ставятъ длинными рядами пасты для песцовъ, которые хотя гораздо дешевле прочихъ пушныхъ зверей, зато ловятся въ большемъ количествѣ. Выше упомянуто уже, что черезъ каждые три года бываетъ на тундрѣ множество песцовъ, но по изобилію тамъ мышей, они питаются ими и нейдутъ въ шкуру за приманкою, которая состоитъ изъ маленькаго живаго зверька, или куска мяса, напичканнаго лѣбомъ. Настороживаніе пасты требуетъ особенной внимательности, и некоторые изъ жителей славятся искусствомъ обманывать зверей. Въ наше время казацкій сотникъ Солдатовъ помнитъя первымъ промышленникомъ *мѣлкой пака-*

сти⁴, особенно лисицъ. Честь его страдала, если не удавалось ему обмануть лисицу, или окермить ее ядомъ. Быве въ большеск. уваженіи закъ промысловика, который не боится ни сохатаго, ни медведя. Изобрѣтательность въ случаѣ битвы, и мужество, съ какими преодолевается противникъ, заслуживаютъ общее вниманіе. Вотъ некоторые примѣры: отецъ съ сыномъ отправились верхомъ на лисью охоту; не имѣя удачи, они были бы принуждены возвратиться съ пустыми руками, еслибы, случайно, не набрели на медведя, лежащаго въ берлогу. Хотя у нихъ не было оружія, необходимо для борьбы съ такимъ зверемъ, но они рѣшились сдѣлать нападеніе. Отецъ прижался спиною къ одному выходу берлоги и закрылъ его совершенно своими широкими плечами, а сынъ, вооруженный только поволокою, началъ колотъ медведя черезъ другое отверстіе. Медведь, чувствуя боль, напрасно искалъ спасенія въ противоположной сторонѣ; ни когтями, ни зубами не могъ онъ прохватить толстой, гладко натянутой шубы широкоплечаго Юкагира, который защищалъ свой постъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ удалось сыну заколотъ зверя. Нерѣдко однакожъ за подобную самонадѣянность дорого платить промысловикъ. Одному Юкагиру, павшему на вѣки по рѣкѣ, и жившему при себѣ только поволоку,

⁴ *Наставки* называютъ здѣсь вообще всѣхъ застрѣй, прохваченныхъ въ животъ наживами. Подъ именемъ застрѣй собственно разумѣется одинъ сохатый (Сибирскій лось), а иногда имъ уваживаіи къ старинному медвѣдю называютъ и его черныя застрѣя.

случилось упасть на берегу большого черного медведя, который был занят выкапыванием корней, был вынужден так, что промышленник надеялся подрастаться к нему незаметно и воткнуть в него свой нож. Действительно, ему удалось подойти близко к медведю и обхватить левою рукою заднюю его ногу; но прежде, нежели он мог воспользоваться своим ножом, зипрь, испугавшись неожиданного нападения, пустился бежать на гору и поволок за собою несчастного Юкагера по кочкам и камням, так, что он, измученный и разбитый, должен был наконец оставить неутомленного плывунка. Подобной участи подвергся один Русский, который плыл через Колыму на карбасе и упал в сохатого во средине реки. Разчитывая, что карбас не подымет огромного авара, еслибы я удалось заколоть его из воды, промышленник надумал накинуть его веревкою, привязать за рога к лодке и прибуksировать к берегу. Хитрец уже радовался своей счастливой выдумке и кривой добыче, но сохатый, доставши длинными ногами дно реки, вдруг позвал привязанный к рогам его карбас на берег, в лес, вместе с промышленником, который, забыв и законное жаркое и славу победы, почитал себя счастливым, когда успел выкарабкаться из безмятежного своего охижака.

Между всеми домашними животными эскимосов краб, во всяком отношении первое место за-

нивает собака. Животное, какъ будто сачюю природою предназначенное быть сотоварищемъ человека, охранять его, слѣдовать за нимъ на охоту, могущее, подобно ему, переносить всякій климатъ, питающееся на островахъ Южнаго моря бананами и травами, а на Ледовитомъ морѣ рыбою, и вездѣ приносящее пользу, приучается здѣсь къ тому, что въ другихъ странахъ вовсе ему несвойственно.

Крайность заставила обитателей сѣвера употреблять собаку, по видимому, въ сравненіи съ другими животными, твореніе слабое, вѣсто рабочаго скота. Вся народы, живущіе по берегамъ Ледовитаго моря, отъ Оби до Берингова пролива, въ Гренландіи, въ Камчаткѣ, запрагаютъ зимнюю собаку въ сани, совершаютъ на нихъ дальнія путешествія и перевозятъ значительныя тяжести.

Здѣшнія собаки весьма похожи на волка; морда у нихъ длинная, острая, уши острые, стоячія, хвостъ длинный, и мохнатый; у нѣкихъ шерсть гладкая, у другихъ мохнатая, черная, бѣлая, рыжая, пегая, и т. д. Величина ихъ также различна, однакожь хорошая нартенная собака должна быть не ниже аршина двухъ вершковъ и некороче аршина пяти вершковъ. Лай ихъ походить болѣе на волчій вой. Круглый годъ проводить они на открытомъ воздухѣ; лѣтомъ вырываютъ себѣ ямы въ землѣ, для прохлады, или цѣлый день лежать въ водѣ, избавляясь отъ жаровъ, а зимою вьютъ убежища подъ снѣгомъ, и свернувшись въ глубокихъ снѣговыхъ

дыкахъ, прикрываютъ морду своими мохнатыми хвостами. Каждый хозяинъ держитъ у себя, кромѣ назначенныхъ въ упряжку собакъ, только одного кобеля и одну или двухъ сукъ, для приплода. Изъ щенятъ вскармливаютъ большую часть кобелей, а сукъ почти всѣхъ бросаютъ въ воду. Выкармливаніе и обученіе собакъ для вѣды составляютъ главныйшее занятіе рѣчнаго жителя. Щенята, родившіеся зимою, приучаются съдущою осенью къ упряжкѣ, но не раньше третьяго года употребляются къ дальнѣй поведки. Самыхъ проворныхъ и смѣлыхъ собакъ ворягаютъ впереди. Скорый и правильный бѣгъ всего цуга, состоящаго обыкновенно изъ 12-ти собакъ, а иногда и самая безопасность вѣдока, зависятъ отъ проворства и послушанія передовыхъ собакъ. Поэтому необходимо приучить ихъ слушаться одного слова хозяина и не бросаться на звериный слѣдъ, что составляетъ самую трудную часть въ обученіи собакъ и очесъ рѣдко удается. Обыкновенно вся упряжка съ вѣдокомъ бросается на слѣдъ звѣря, и никакая сила, кромѣ естественнаго препятствія, не въ состояніи удержать ея. Въ такихъ обстоятельствахъ особенно важно имѣть хорошую передовую собаку. Нѣсколько разъ были мы случаи удивляться искусству, и обдуваншій, такъ сказать, хитрости, съ какими передовая мало по малу отъдекала прочихъ собакъ отъ звериного слѣда, или, если ей не удавалось, съ землею бросалась въ противоположную сторону, какъ будто увидя тамъ другаго звѣ-

ра. Въ разъездахъ по обширнымъ тундрамъ, въ темныя туманныя ночи, или сильныя вѣтры, когда путешественникъ, ни зги, не видя передъ собою, тщетно ищетъ поваринъ, и находится въ ежеминутной опасности замерзнуть, или быть занесену снѣгомъ, обученная передовая собака нередко спасаетъ его отъ гибели. Можно было убедиться, что среди необозримой, снѣгомъ занесенной пустыни, собака всегда найдетъ поваринку, въ которой хоть однажды бывала, и тогда путешественнику остается только лопаткой (необходимую принадлежностью зимнихъ поѣздокъ) открыть себѣ входъ въ найденный таковыя образомъ посылать.

Летомъ собаки также полезны, и обыкновенно употребляются для тяги лодокъ противъ теченія. Замѣчательно, какъ при сей работѣ, если на дорогѣ встрѣтится какое нибудь препятствіе, или перемѣнится бичевникъ, собаки по одному слову хозяина переплываютъ на другой берегъ, и становятся снова въ порядокъ. Даже по сухому пути, они перетаскиваютъ иногда, за неимѣніемъ лошадей, лодки (вѣтки), при птвичьей помощи употребляемыя. Словомъ, для охотниковъ жителей здѣшнихъ странъ, собаки такъ же полезны и необходимы, какъ олени для кочующихъ. * Вотъ

* Предлагали изобрѣсти ружьямъ жителямъ держать собакъ, и тогда основали, что большая часть поймаемой рыбы (на одну упряжку, въ 12 собакъ, подобно ежедневно отъ 50 до 70 собакъ) назначается для ихъ корма, и такимъ образомъ отличается у жителей тундрныхъ головокъ, по сія игра, извѣсто облегчающа туземцевъ, отъ того бы у нихъ всѣ средства пропитанія. Большая

доказательство ихъ необходимости: въ 1821 году, сильное поветріе истребило большую часть собакъ на берегахъ Индигирки, такъ, что у одного Юкагирскаго семейства, изъ 20 собакъ, осталось только два щенка, и тѣ слабые, которые также должны бы погибнуть, еслибы хозяйка юрты не рѣшилась вскормить ихъ своею грудью, наравнѣ съ собственнымъ ребенкомъ. Такимъ образомъ два щенка сдѣлались въ послѣдствіи родоначальниками многочисленнаго поколѣнія. Въ 1822 году, большая часть Колымскихъ жителей потеряли отъ поветрія своихъ собакъ и были тѣмъ приведены въ самое бѣдственное положеніе. Они принуждены были таскать на себѣ дрова, а также собирающую въ разныхъ мѣстахъ добычу рыбной ловли. Работа была затруднительна и медленна, такъ, что время, удобное для птичьей и звериной ловли было пропущено. Всеобщій ужасный голодъ сдѣлался отъ того слѣдствіемъ недостатка собакъ, которыхъ, по краткости лѣта и недостатку травянаго корма, замѣнить лошадьми невозможно.

Получивъ понятіе о вѣтшей жизни и дѣйствіяхъ сибирскаго Сибиряка, послѣдуемъ за нимъ въ жизнь, куда съ конца лѣта удаляется отъ общества въ круту семейства отъ понесенныхъ трудовъ и по своему наслаждаться жизнью. Прежде всего, стены кончатѣе мхомъ, обмазываются

морь между собаками въ 1821 и 1823 годахъ достаточно доказала неудобность сего предложенія, которое потому и было отвергнуто.

глиною, самый домъ до окна обсыпается землею, чуваля исправляется, и т. д. Обыкновенно въ Декабрь, по окончании всѣхъ работъ, ляминныя поллярныя почи собираютъ всѣхъ членовъ семейства вокругъ очага, гдѣ трескучее пламя захватываетъ нѣтъ лучи солнца, надѣло скрывшагося за горизонтъ. Огонь чутала и нѣсколькихъ жирняковъ тускло светится сквозь ледяныя окна, а изъ трубъ поднимаются высокіе столбы дыма и яркія искры разсыпаются надъ кровлями. Собаки, спернувшись, ложатся на снѣгу вокругъ домовъ, и только по временамъ прерываютъ всеобщую тишину ужаснымъ воемъ, обыкновенно четыре раза въ день, но при лунномъ свѣтѣ и чаще. Замѣательно, что не смотря на множество собакъ въ Инжене-Кольмскѣ (при насъ было ихъ до 400), вой ихъ чрезвычайно разнообразенъ, такъ, что въ стройномъ, хоть и несильномъ гармоническомъ хорѣ, можно ясно различать высокіе, средніе и низкіе голоса.

Маленькая дверь, обитая мохнавою шкурою бѣлаго медвѣдя, или оленя, ведетъ въ горницу. Хозяинъ дома, съ сыновьями, исправляетъ сѣть изъ лошадиныхъ волосовъ, или приготовляетъ луки, стрѣлы и копья. Женщины, на лавкахъ и на полу, вымывають шкуры зверей, добытыхъ на охотѣ мужьями, либо оленьими жилами, вместо нитокъ, шьютъ и чинятъ одежду. Надъ очагомъ, въ желѣзномъ котлѣ, варится рыба на кормъ собакамъ. Далее готовится для семейства скромный

обидь, состоящий обыкновенно из вареной, или зажареной в рыбьем жире рыбы, либо оленины. Какъ лакомство, подаютъ алады изъ красной икры, или пироги, испеченные, вѣсто муки, изъ толченого муксуна, и начиненные искрошенными рыбьими брюшками, олениною, толченою малашиною. Призжато угощаютъ ислетъ, что есть лучшаго въ домѣ: сначала является *сыруганина* (тонкими пластинками нарезанная рыба, мерзлая, и едятъ сырую, прежде нежели она растаетъ), потомъ кокола, коленные оленины языки, толстый олений жиръ, сырой мозгъ изъ оленьихъ костей, замороженное Якутское масло, мороженая морошка, словомъ — все драгоценнѣйшія лакомства. Столъ, въ переднемъ углу горницы, покрывается, вѣсто скатерти, кускомъ сѣти, а вѣсто салфетокъ подаются тонкія стружки дерева, впрочемъ, послѣднее есть уже признакъ роскоши. Соль является рѣдко, и то развѣ для гостя, потому, что туземцы не только ея не употребляютъ, но чувствуютъ отъ нея даже отвращеніе. Въ домахъ жилищныхъ жителей Нижне и Средне-Колымска, тогдашъ по приѣздѣ, угощаютъ гости чаемъ съ Китайскимъ леденцомъ и — съ коколою, вѣсто сахарой. Хлѣбъ вообще рѣдко подается. Изъ муки, которая здѣсь очень дорога, приготавливаютъ особаго рода питье, называемое *затуранъ*; муку зажариваютъ въ маслѣ, или въ рыбьемъ жирѣ, потомъ разводятъ горячею водою и пьютъ, какъ чай, въ чашкахъ; такое питье съ хорошиимъ масломъ приготовленное, очень полезно въ путешествіи,

иметь приятный вкусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сытно и очень согреваетъ.

Къ ежедневнымъ занятіямъ молодыхъ дѣвушекъ принадлежатъ черпанье воды изъ проруби. Всякая дѣвушка, являющая хоть нѣсколько притязаній на красоту или молодость, и непертерливая еще надежды выйти за мужъ, наряжается около полуца въ свое лучшее платье и спешитъ съ ведрами на реку, къ проруби. Тамъ собираются всѣ ея подруги, разсказываютъ, слушаютъ новости, уговариваются, какъ провести день, у кого будетъ вечеринка; словомъ, какъ въ Германіи молодцы, такъ здѣсь проруби служатъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ дѣвушекъ. Нерѣдко являюся между ними молодыя пары и усердно помогаютъ красавицамъ черпать воду. Часто подобныя встрѣчи на проруби играютъ не послѣднюю роль въ сердечныхъ дѣлахъ молодыхъ Колымчанъ.

Святки, Масленица и Святая недѣля приносятъ минутную жизнь въ мѣстечко. Въ большіе праздники, по звуку колокола, всѣ жители, какъ пельзя лучше разряженіе, собираются въ церковь. Послѣ службы ещенники, съ крестомъ, посвящаютъ всѣ дома. Иногда въ праздники, при свѣтѣ чучала, сосѣди собираются на вечеринки. Женщины садятся на лавкахъ; мужчины толпятся по горнищъ и около очага. Обыкновенно начинаютъ играми и пѣснями, а иногда, не смотря на то, что рѣдко горнища бываютъ болѣе 3-хъ сажень длины и ширины, находятъ возможность палсать, или, лучше сказать, только прыгать, не передвига-

ясь съ мѣста. У богатѣйшихъ главнымъ угощеніемъ служить чай и выпивается въ неизвѣрномъ количествѣ: десять, двѣнадцать чашекъ, или стакановъ, порція самая обыкновенная. Самовары здѣсь рѣдки, и обыкновенно чай готовится въ котлѣ. На столѣ, въ правомъ углу комнаты, ставится другія лакомства: юкола, струганина, масло, а иногда, какъ предметъ роскоши, кедровыя орѣхи. Не смотря на дороговизну, водка занимаетъ не последнее мѣсто на празднествахъ.*

На Масленицу также веселятся, и обыкновенно строить горы, хотя здѣшніе жители и безъ того почти никогда иначе не ездятъ, какъ на саняхъ, по снѣгу или льду.

Такъ однообразно, въ быдлыхъ наслажденіяхъ, проходитъ жизнь обитателей здѣшней ледяной пустыни, къ счастью ихъ не имѣющихъ почти никакого понятія о другихъ удовольствіяхъ жизни. Если удачны рыбныя ловли и охота предохранить ихъ отъ голода, и чай и водка есть у нихъ въ изобиліи, они довольны—даже въ некоторой степени счастливы.

Жители Нижне-Колымска одарены крѣпкимъ телосложеніемъ. Ростъ ихъ выше средняго, а между дѣвушками попадаются очень хорошенькія лица. Большии очень рѣдки, и мужчины до глубокой старости сохраняютъ всю свою бодрость. Здоровью ихъ много способствуютъ безпрестанное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, и усилія, требуе-

* Въ самое дешовое время, фунтъ сахара стоить 9 руб., фунтъ сахару 4½ руб., а шотландскаго вина 13½ рублей.

мыя при частой вездь на нартах и беганьи на лыжахъ. Цынга, сколь часто свирепствующая въ странахъ, на западъ отсюда лежущихъ, является здѣсь редко, потому что жатси, по недостатку соли, сохраняють свои рыбные и звериные запасы всегда мерзлыми.

=

ГЛАВА V.

Нижне-Колымскъ. — Основаніе нѣм. — Приготовленіе экспедиции. — Основательное сообщеніе объ открытіяхъ сержанта Адамова. — Принятіе Авдѣеваго путешественника Коновалова. — Вечеринка. — Принятіе нѣмца Кюльмана. — Поездка на сопкахъ. — Извѣдательное отступленіе отъ первоначальнаго плана. — Извѣстіе о принятіи Чукчей въ Малое Амодъ и отъѣздъ г. Матюшина въ Острожную.

Мастечко Нижне-Колымскъ основано, по мнѣнію Фипера, въ 1644 году, Якутскимъ казакомъ Михайломъ Стадухинымъ, который выстроилъ на сѣверномъ рукавѣ рѣки Колымы острогъ, церковь и нѣсколько юртъ. Агъ за шестидесять острогъ еще существовать, и по немъ названъ рукавъ рѣки Староостроженскимъ. Въ послѣдствіи, для удобнѣйшаго перевоза провіанта, перенесли заселеніе на островъ, въ другомъ рукавѣ находящійся. Острогъ лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ $68^{\circ} 31' 53''$ сѣверн. широты и $160^{\circ} 35'$ восточ. долготы отъ Гринвича. Склоненіе магнит-

ной стрельки было тогда $9^{\circ} 56'$ 0, а inclination $77^{\circ} 32\frac{1}{2}'$. Ширина рѣки здѣсь три версты. Горизонтъ ограниченъ къ югу Анюйскими горами, очевидно соединенными съ такъ называемыми *Биллими*, *Кимими*, *Пачиеласскою* солкою и *Суровыми* *Каменемъ*, который надолго имѣетъ видъ кровли. Къ северу и западу взоры теряются въ необозримыхъ тундрахъ, изрѣдка покрытыхъ искривленными лиственницами и мѣлкими пшювыми кустарниками. Самый острогъ обведенъ деревяннымъ заборомъ, во углахъ коего вѣстроены четыре мѣленькія, остроконечныя башни. Внутри сейограды находится большое строеніе для канцелярій, для присутственнаго мѣста, и нѣсколько сараевъ, по большей части пустыхъ. Въ двухъ изъ нихъ собираются матеріалы и остатки всякаго рода отъ бывшей, въ 1739 году, экспедиціи лейтенанта *Лазарева*, а также и отъ судовъ *Ниласа* и *Ясина*, на которыхъ капитаны *Сарычевъ* и *Биллисъ* совершили свои плаванія по Ледовитому морю. * Мѣстечко состоитъ, кромѣ острога, изъ 1 церкви и 42 домовъ и юртъ.

Въ Нижне-Колымскомъ уездѣ находятся еще четыре селенія: *Керетова* (6 дворовъ), $68^{\circ} 49' 27''$ сѣвери, широты и $12'$ восточн. долготы; *Понгодекъ* (15 дворовъ), $69^{\circ} 4' 21''$ с. ш. и $4'$ вост. долг.; *Чернушовъ* (8 дворовъ), $68^{\circ} 50' 20''$ с. ш.

* Суда сія, столь извѣстныя въ лѣтописяхъ Русскаго вѣка, стояли прежде въ Нижне-Колымѣ, но по зрѣнію одного изъ обитателей здѣсь всенѣшнихъ паводковъ, они были отнесены на 3 версты отъ рѣки и версты $1\frac{1}{4}$ западнѣ острога, на мѣсто, покрытое лѣсомъ, гдѣ теперь лежатъ.

и 14' 42" вост. долг.; *Наймалева* (7 дворовъ), 68° 35' 57" ш. и 40' долг. (долготы считаны отъ извѣстной обсерваторіи въ Нижне-Колымскѣ.) Кроме сихъ деревень, находится еще на рѣкѣ *Омолонъ* нѣсколько незначительныхъ селеній.

По приѣздѣ моемъ въ Нижне-Колымскъ отдели мнѣ квартиру въ самомъ большомъ домѣ, столѣтнюю уже нѣсколько лѣтъ пустыню и слышавшую убѣжищемъ нечистыхъ духовъ. Изба была выстроена по общему образцу здѣшнихъ строеній, и состояла изъ двухъ комнатъ, каждая изъ двѣхъ квадратныхъ сажени, и въ 4 арш. вышины отъ полу до крыши, совершенно плоской и покрытой землемою. Первая комната, съ Русскою печью, служила кухней; въ ней помѣстивъ я людей моихъ; въ задней, съ чуланомъ, расположился самъ. Въ обѣихъ комнатахъ находилось по одному маленькому окну, задѣланному сѣченомъ льна, въ 6 или 8 дюймовъ толщины, сквозь который проникалъ тусклый свѣтъ, подобный тому, какой даютъ на судахъ стекла, вѣдѣнные въ нагубу надъ каютами. Скамья, служившая кроватью, шаткій столъ, и стулъ, сдѣланный ремнями, составляли всю мою мебель. При всей скудости и тѣснотѣ, и не взирая на дурную репутацію дома, провелъ я въ немъ зиму довольно сносно. Желая лучше предохранить себя отъ холода, приказавъ я выстроить перелѣ дверями родъ сѣпей, и къ нимъ пристроили еще чуланы, для сохраненія припасовъ и другихъ вещей.

Черезъ полгода послѣ моего приѣзда, возвратился

г. Матюшкинъ съ устья Колымы, куда уезжалъ онъ, вместе съ частнымъ Исправникомъ, собирать свѣдѣнія объ успѣхъ рыбнаго промысла. Намъ пріятно было, за вечернимъ чаемъ, рассказывать о томъ, что мы испытали во время дороги, о новѣйшихъ предметахъ, нами встреченныхъ, о нартахъ, рыбномъ промыслѣ, оленяхъ и Сибирскихъ морозахъ, въ честь которыхъ оставались мы притомъ въ шубахъ, теплыхъ сапогахъ и шапкахъ; мы находились на берегахъ Ледовитаго моря.

На слѣдующее утро, донесъ мнѣ г-нъ Матюшкинъ о сѣмьманныхъ нѣхъ распоряженіяхъ. До прибытія его въ Средне-Колымскъ (2-го Октября), тамошнее мѣстное начальство о нуждахъ экспедиціи не озаботилось: не было, ни припасено ни одной рыбы, ни привезено ни одного бревна для постройки обсерваторій, ни приступлено къ приготовленію зимовья у Баранова Каменя, долженствовавшего служить прилазомъ во время поѣздокъ экспедиціи, не взирая на подробныя предписанія отъ Иркутскаго Областнаго Начальника по сему предметамъ. Исправникъ увѣрялъ, что ему казалось необыкновеннымъ прибытіе экспедиціи изъ С. Петербурга сюда къ выходящей году.

Такія несправности могли имѣть самыя пагубныя послѣдствія для нашихъ дѣйствій, если бы г. Матюшкинъ, во время краткаго своего здѣсь пребыванія, повсѣлнѣе своею дѣятельностью не успѣлъ ничего поправить; узнать по прибытіи своемъ о положеніи дѣлъ, онъ закулилъ и уложилъ тотчасъ помощнику нужной для экспедиціи

рыбной провизии, закупивъ ее у жителей Колымска и окрестностей. По распоряженію его я водъ его надзоромъ, не вступая на сильные морозы, отъ которыхъ тонеры, какъ стекло, ломались, была выстроена изъ домовъ минія башня, съ 4-мя окнами къ четыремъ странамъ свѣта, для астрономическихкихъ наблюдений; вскорѣ послѣ моего приезда она была окончена, такъ, что мы могли перенести туда инструменты и начать наши занятія.

Устроивъ нѣсколько квартиру свою, я озабочился прежде всего заготовленіемъ остаткаго провѣанта и другихъ нужныхъ для экспедиціи потребностей. Для сей цѣли приглашены были на совѣщаніе зажиточные жители Нижне-Колымска и старшины Якутскихъ, Юкагирскихъ и Чукотскихъ селеній, находившихся на рекахъ Омо-лону и Анюю. 25-го Ноября всѣ собрались; мы начали съ того, что установили положительную таксу, по которой жители согласились доставить намъ припасы и другія потребности. * Опредѣливъ сіе, приступили мы къ немнѣе важному распредѣленію подрядовъ по мѣрѣ способностей участвующихъ и назначили сроки доставленія. Анчойскіе Юкагиры, жившіе въ прошедшемъ го-

* Цены были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: сырой мускусъ 15 коп., олень 12 коп., мускусъ 30 коп. 12 к., мускусъ юкагирскій 8 к., соль 8 к., лѣдъ сушеной оленины, съ костями, 4 руб.; лѣдъ оленій 10 к.; ая провозъ парты до Баринова Камня, съ хозяйскими порохомъ, 2 руб. въ день. За парту во все время поездки 3 1/2 руб. въ день. Восточная лошадь изъ Средне-до Нижне-Колымска 25 р. Восточная оленья шкура 2 р. Восточная лошадь для парты 4 рубля.

ду изобильный олений промыселъ, обязались доставить нужное количество оленьихъ кожъ на походное передвижное жилище, называемое уро-ся, также и большое количество оленьихъ ребръ для корма собакъ. Омоленскіе Юкагиръ должны были снабдить изъ березовыхъ лѣсомъ на байдуръ и всѣхъ приборовъ, съ полозьями, на походныя нартъ. Жителямъ острога и другихъ селеній, по берегамъ Колымы лежащихъ, богатые одною рыбюю, дополнили потребное для экспедиціи количество морской рыбы, а сколько не доставало сухаго корма, т. е. нисколы и похалы, привозили изъ Средне и Верхне-Колымска на разстояніе 800 верстъ, ибо лѣтній рыбный промыселъ былъ тамъ изобильнѣе, нежели при устьѣ рѣки. Остался еще для успеха нашихъ поѣздокъ по льду весьма важный предметъ, т. е. выборъ для нашихъ нартъ потребнаго числа сильныхъ, привыкшихъ къ вѣдъ собакъ, что поручилъ я казачьему сотнику Антону Татаринскому, бывшему проводникомъ г. Геденштрёма и съѣзжавшему здѣсь отличными знаткомъ въ искусство водиться съ собаками. Такимъ образомъ отъѣзжали мы тѣмъ самымъ пораженіемъ и оставалось только повуждать къ скорѣйшему исполненію ихъ.

Здѣсь встрѣтилъ я однакожъ много затрудненій. Жители сомнѣвались въ вѣрной платѣ за доставляемые ими припасы, а мѣстное начальство не имѣло доброй воли быть полезнымъ. Частный Исправникъ, преувеличивая бѣдность обывателей, старался всячески склонить меня къ уменьшенію

новых требований, и пугал разными несбыточными рассказами о предстоящих опасностях. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что динини собаки слишкомъ слабы и не могутъ выдержать столь дальней поездки, а проводники неопытны и ненадежны. Онъ рассказывалъ мнѣ множество примеровъ коварства Чукчей, описывая ихъ медведи самыми опасными и жестокими. Хотя и видѣлъ я, какъ преувеличены были его рассказы о предстоящихъ опасностяхъ, но не зналъ на кого положиться, принужденъ былъ, болѣе или менѣе, вѣрить его отзывамъ о состояніи края и обитателей. Снисходя такимъ образомъ неоступчивымъ его представленіямъ объ ужасныхъ усилахъ и жертвоприношеніяхъ, которыя разоренные жители должны дѣлать для экспедиціи, я согласился: убавить сдѣланнымъ по утѣпкой смѣтѣ мои требованія, такъ, что въ послѣдствіи мы даже нуждались. После бывшей въ 1812 году экспедиціи г. Геденштрёма рыбный и звериный промыслы въ дининемъ краю значительно уменьшились, я, дѣйствительно, бывали голодовки, такъ, что Колымчане принуждены были рѣзать собакъ своихъ. Но после того имѣли они время поправиться и положеніе ихъ было вовсе не столь бедственнымъ, какъ Неправникъ описывалъ. Въ слѣдующіе два года, возникая болѣе съ мѣстностью, распредѣляя я поставки такимъ образомъ, что не огорчая жителей, экспедиція ни въ чемъ не нуждалась, даже могу утверждать, что значительный избытокъ произведений доставилъ жите-

алимъ немалыя выгоды, и пребываніе экспедиціи нашей имѣло выгодное вліяніе на процвѣтаніе и благосостояніе ихъ.

Испущеніемъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента предписывалось мнѣ: достигнувъ Шелатскаго мыса, раздѣлить экспедицію на два отряда, изъ коихъ съ однимъ слѣдовать мнѣ на сѣверъ, для отысканія предполагаемой земли, а другому описывать берегъ материка, такъ далеко на востокъ, какъ обстоятельства позволятъ. Для исполненія того и другого требовалось до 50 партъ, съ 600 собакъ. Поѣздка должна была начаться не позже Февраля мѣсяца и намъ оставалось для покупки партъ и значительнаго количества корма собакамъ только около 2-хъ мѣсяцевъ. По словамъ Исправника и по обыкновенному ходу дѣлъ срокъ былъ весьма недостаточенъ, однакожъ мы успѣли заготовить все, что нужно.

Въ Январѣ 30-го Исправникъ отправился по дѣламъ службы на Аппю и Алазено, собирать ясакъ съ кочующихъ тамъ Тунгусовъ и Юкагировъ.

Между тѣмъ, готовясь къ предстоящимъ поѣздкамъ, собирали мы у жителей нужныя намъ свѣдѣнія о предметахъ, относящихся къ дѣлу экспедиціи. Пребываніе въ Нижне-Колымскѣ, въ 1767 году, трехъ геодезистовъ Лычева, Пущкарева и Леонтьева, было, болѣе или менѣе, еще у всѣхъ въ свѣжей памяти; о сержантѣ Андреевѣ, бывшемъ здѣсь въ 1762 году, весьма немногіе помнили, связывая, что онъ предпринималъ отсюда одно путешествіе на Индигирку и другое къ Ме-

девятымъ островамъ. О видѣнной имъ на сѣверѣ землѣ, слѣдахъ многочисленнаго оленяго народа ствердиле Медвѣжьихъ острововъ, и тому подобныхъ вещахъ, упоминаемыхъ въ журналѣ Андреева, здѣсь никто не зналъ и отъ старожилцевъ и отцовъ своихъ не слыхивалъ. Совершенное неслѣдіе жителей объ открытіяхъ Андреева, помѣщенныхъ даже на новѣйшихъ картахъ, показало намъ тѣмъ страннѣе, что о походахъ Павлуцаго, бывшихъ гораздо ранее (т. е. въ 1731 году) еще многія подробности были имъ извѣстны. Замѣчательное открытіе Андреева могло ли быть забыто, когда помини повѣдку его къ Медвѣжьимъ островамъ? Признаюсь, все сіе соображенія не поселяли въ насъ большаго доверія къ открытіямъ сержанта Андреева.

Въ подобныхъ, занимательныхъ для насъ изысканіяхъ, упражненіяхъ на обсерваторіи и опытахъ надъ скоростью бѣга собакъ проходило время непринятно, а каждый день научалъ насъ чему нибудь новому. Съ особеннымъ восхищеніемъ взирали мы на величественнѣйшее полярное явленіе, освѣщавшее продолжительную здѣсь ночь. То окрашивалось небо дугобразными тусклыми свѣтомъ, то двигались медленно и быстро огненные столпы, то зажигались пучки яркихъ лучей, достигавшіе расходящимися вершинами до зенита, изображая свѣтлые вѣнцы вокругъ полной луны. Мгновенныя измѣненія, тысячи бѣлыхъ и розовыхъ фигуръ, появлявшихся, какъ свѣтлыя тѣни, на темнотѣ лубомъ неба, при глу-

бокой, ненарушимой тишины ночи, придавали явлениям необыкновенную записательность и таинственность, приковывавшія изумленного наблюдателя силою, какъ будто сверхъ-естественною.

Предоставляя себѣ говорить о сѣверныхъ сѣніяхъ съ большою подробностью, скажу здѣсь только одно, какія образы объясняютъ ихъ здѣшніе жители. Морскими путями разведенное воображеніе, говорятъ они, бѣсть сильно въ ледяныя горы; отроизнившаяся отъ нихъ брызги, раздробившись въ воздухъ, принимаютъ яркій цвѣтъ отъ розовыхъ льдинъ и представляются намъ въ видѣ свѣтлыхъ столбовъ, или *солодовокъ*. Такое темное понятіе о сѣверныхъ сѣніяхъ можно уподобить несвязнымъ рассказамъ о какихъ нибудь происшествіяхъ, гдѣ сохранялись одни названія действующихъ лицъ, ибо весьма вѣроятно, что льды и вода принимаютъ участіе въ произведеніи сѣвернаго сѣнія.

Декабря 2-го, въ всеобщему удивленію, прибыла вода, гонимая сѣверо-западными и западными ветрами съ моря къ Колымѣ, съ такою силою, что принудила рѣку течь въверхъ, съ быстротою, противъ коей не удержались сѣти, спущенныя жителями въ проруби для ловли рыбы; каждую сдѣлавъши широкія трещины и вода выступила изъ береговъ. Съ морской воды прибыла въ рѣку рыба, покрывшая надежду нашу на изобиліе осенняго промысла.

Декабря 31-го обрадовало насъ совершенно пе-

ожиданное появленіе известнаго Англійскаго психода, капитана Кокрена, котораго любопытство привело даже и сюда. * Ограниченные только собственными насичъ обществом и совершенно отдаленные отъ просвещеннаго міра, мы весьма обрадовались такому пріятному приращенію нашего круга. Мы встрѣтили новый годъ при морозномъ морозѣ, 37° по Реомюру. Полуденное солнце, долженствовавшее появиться на горизонтѣ еще 28-го Декабря, скрывалось еще за снѣжными и ледяными горами, окружающими долину излещенна болота Коымскія; сѣрый туманъ стлался надъ низкими кустарничкомъ бѣлой тундры; небо покрывалось близкою. Съ 3-го на 4-е Января морозъ возвышался до 30°, а 5-го числа, въ продолженіе 24-хъ часовъ, термометръ показывалъ 40° по Реомюру. Дыханіе захватывало; ледъ въ окнахъ растрескался. Въ нѣбѣ моей пылалъ безпрестанно огонь, но не изирая на то, въ ней было такъ холодно, что я принужденъ былъ сидѣть въ пухѣ и теплыхъ сапогахъ, и

* Г. Джонъ Дилдъ Кокренъ (Cochrane), капитанъ Англійскаго флота, извѣстенъ своимъ путешествіемъ въ южную Гостерландію Гускутъ и тою же охотой всенному вуждающагося уму и помощи, данъ г. Кокрену возможность совершить свое путешествие и дѣлать до Камбеса. Для того нужны были только открытія отъ Губернатора, данна для сопровожденія, и Кокренъ совершилъ безъ всякаго плати по пустынямъ Сибиря, на показкахъ и кормилъ, имѣя свое путешествие. Онъ издалъ свое приключеніе въ нашей экспедиціи, но я не призналъ его приключенія, потому, что когда каждый долженъ быть груда бѣды нѣтъ въ тѣлѣ, увеличеніе числа людей еще увеличиваетъ одиночество одиночества затруднено бы нѣтъ.

когда писалъ, то чернила мои отогревались въ горячей водѣ.

Дѣйствіе горизонтальной рефракціи произвело родъ Фаты Моргавы; горы, лежащія къ югу, казались намъ, въ разныхъ искаженныхъ видахъ, висящими на воздухѣ; дальнѣйшія горы представлялись съ опрокинутыми внизъ вершинами; рѣка сузилась; противоположный берегъ казался находившимся почти у нашихъ избъ.

Жестокіе морозы препятствовали обыкновенной ловлѣ подледной рыбы, производимой жителями съѣзю на устьяхъ Колымы, и потому Колымчане начали съезжаться въ остроги, болѣе и болѣе наполнявшійся зародомъ и собаками, дружный лай, или вой которыхъ по временамъ оглашалъ воздухъ.

Часто и много говорили намъ о прежней здѣсь веселой жизни, когда рыбный промыселъ бывалъ изобиліемъ и сохатые (люди) не чуждались береговъ Колымы, прозванной Сибиряками Полотымъ Дномъ. Но время безпечныхъ увеселеній минуло и здѣсь; оно осталось единственнымъ въ воспоминаніяхъ и пѣсняхъ. Желая позабавить Колымскихъ жителей и дать гостю моему понятіе о здѣшнихъ увеселеніяхъ, пригласилъ я въ Крещенье почетныхъ особъ на вечеринку, избравши для того одну изъ просторнѣйшихъ домовъ, принадлежавшій здѣшнему казаку скряпачу. Гостиная, и въсѣсть съ тѣмъ заломъ для танцовъ, въ 6 аршинъ во все стороны, была великолепно освѣщена рыбными жирами. Стѣны и

лавки, после долгого времени вымытыя, были покрыты кусками пестрой материи, а полъ усыпанъ желтымъ пескомъ. Для дамы были припасены чай, несколько кусковъ бѣлаго сахара и кедровые орѣхи; ужинъ состоялъ изъ пироговъ, струганины, юкеры и мороженого оленьего мозга. Въ 5-ть часовъ явились гости, въ лучинныхъ шубахъ и нарядахъ; дамы усажены на лавкахъ и запѣли народныя пѣсни; молодцы играли въ разные игры и плясали, тихо и чинно, какъ будто на заказъ, подъ странные звуки, извлеченные тяжелыми руками нашего музыкальнаго козимины, стараго промышленника, изъ треснувшей скрышки, натянутой струнами изъ крученого шелка и оленьихъ жилъ. Въ 10-ть часовъ всѣ разошлись, весьма довольные проведеннымъ вечеромъ.

На слѣдующій день позвали мы осмотрѣть оставшіеся отъ Билингсовой экспедиціи суда, *Нилмась* и *Ясаина*, стояшіе теперь въ ясу, въ 2-хъ верстахъ отъ острога, куда занесены они высокою водою. Часы судовъ наши мы еще довольно свѣжины, хотя уже почти 50 лѣтъ подвержены они испостоястелу погоды. На возвратномъ пути осмотрѣли мы хранящіеся въ магазинѣ достопримѣчательности: мортиры, бомбы и разные орудія для прѣрубки льда, оставшіеся послѣ лейтенанта Лавтѣва въ 1739 году.

Феврала 2-го прибылъ благополучно изъ Якутска штурманъ Козыминъ, съ большимъ транспортомъ припасовъ и потребностей разнаго рода. Сверхъ того г. Козыминъ обрадовалъ насъ еще

весьма приятным гастрономическим подарком: лудочъ свежей, мерзлой оленины, и молокомъ и сливками, замороженными въ кружкахъ, и такими образомъ сохраненнымъ въ совершенной свежести. Такие привасы, а къ особенности молока, считались здѣсь величайшею роскошью, и мы рады были, что послѣ столь долгаго времени, могли полакомиться свежими мясомъ и чаемъ со сливками.

Наступало для Нижне - Колымска самое блестящее время: пріѣздъ купцовъ изъ Якутска, на пути ихъ къ Чукотской ярмаркѣ, въ Островную крепость на Анюѣ. Числомъ до 20-ти, имѣлъ каждый отъ 10-ти до 40 навьюченныхъ товарами лошадей, купцы пріѣзжаютъ сюда, и обязуютъ часть своихъ товаровъ, для чего стекаются ко времени ихъ пріѣзда окрестные жители, съ шкурами мусныхъ зверей, приобретенными охотою, или кѣною съ Алазейскими Тунгусами, прикочевывающими ежегодно, въ неходѣ Нивыря, къ устьямъ рѣки Оюлгона. Мѣла бываетъ весьма выгодна для Русскихъ: за малое количество чаю, табаку, и особенно водки, выкупаютъ они у Тунгусскихъ пріятелей годовой промыселъ мусныхъ зверей, преимущественно песцовъ, которые въ болышомъ изобиліи водятся на безлюдныхъ тундрахъ, извѣстныхъ Тунгусамъ для кочеванья. Подобнаго рода торгъ скоро совершается; страсть Тунгусовъ къ горячимъ напиткамъ такъ сильна, что нередко, послѣ нѣсколькихъ лотковъ, отдаютъ они весь запасъ меховъ за стаканъ водки, а за

второй даже свой последний *саянхъ* (т. е. верхнее платье).

Столь легко приобретенны пушнымъ шкуры, Нажие-Колымскими торгашами съ великимъ ба-рышомъ продаются и провиживаются купцамъ Якутскимъ.

На бывшей сего года въ Нажие-Колымск яр-маркѣ, самыя низкія цѣны главнѣйшихъ товаровъ состояли слѣдующія:

1 а. Черкаскаго листового табаку .	3 $\frac{1}{8}$ рубл.
— белого сахара	4 $\frac{1}{2}$ —
— Китайскаго леденцу	3 —
— чаю низкаго сорта	9 —
— пивокъ тонкихъ	3 $\frac{1}{2}$ —
Осиина простаго халбнаго вина . .	13 $\frac{1}{2}$ —
Кусокъ китайки (въ 2 аршинъ) . .	10 —
— полуселковой матеріи, въ 20 п	
21 аршинъ	30 —
Холста толстаго (аршинъ)	1 —
Платокъ бумажный настрѣй	4 —

При концѣ торго, цѣны почти всегда удвои-ваются: фунтъ чаю стоитъ тогда обыкновенно до 15 р., белого сахара 10 рубл., осина подки 20 рубл.; торговые обороты дѣлаются частью на деньги, частью на жину, мехами и рыбою въ маломъ количествѣ. Цѣны пушныхъ зверей были въ нынѣшнемъ году слѣдующія:

Лисица красная	отъ 8 до 10 руб.
— черная	50 — 150 —
Песецъ бѣлый	2 $\frac{1}{4}$ — 3 —
Песецъ голубой	7 — 10 —

Соболь *	отъ 10	до 25 руб.
Стерлядь (въ 20 ф.) . .	—	5 —
Нельма (родъ форели) въ 30 ф.	—	5 —

Якутскіе купцы пользуются тѣмъ, что хотя здѣсь въ оборотѣ мало денегъ, но жители должны вносить подати наличными деньгами.

Во время ярмарки обыкновенно появляется больше жизни и движенія въ Нижне-Колымскѣ; за нѣсколько дней улицы становятся уже шумны; множество прѣзжающихъ окрестныхъ жителей, съ цѣлыми стадами собакъ, исполняютъ дома и кауры. Проводникамъ нартъ много труда содержать порядокъ между собаками, привыкшими къ одиночеству и внезапно окруженными множествомъ себя подобныхъ, отъ чего нерѣдко происходятъ между ними жестокія битвы. Владѣтели домовъ притопиваютъ свои комнаты для пріятія прѣзжихъ гостей, вставляютъ во всю длину въ окна, выкачиваютъ мѣха, складываютъ ихъ въ чуланы, поливаютъ нарты и упряжку; словомъ, все ожидаетъ здѣсь пріѣзда Якутскихъ купцовъ. И вотъ появляется на горизонтѣ облако пара, и болѣе и болѣе приближаясь, означаетъ путь каравана; всякій, кто только можетъ дингаться, спѣшитъ на встрѣчу друзьямъ и знакомымъ. Среди ликованія и пѣсень въѣзжаетъ караванъ въ острогъ и раздѣляется по домамъ, въ которыхъ обыкновенно нѣсколько дней

* Цѣна собольихъ шкуръ значительно колеблется въ разные годы. Въ 1821 году шкура стоила до 40 рубл., а въ слѣдующіе только 15 рублѣй.

сряду веселятся до поздней ночи. Вскорѣ послѣ того прѣзжаетъ изъ Средне-Колымска Исправникъ, съ своею канцеляріею, для сбора податей и тому подобнаго. Съ его появленіемъ исчезаетъ безмечная радость обитателей Нижне-Колымска и является несчастная страсть къ тяжбамъ. Несогласія и ссоры заступаютъ мѣсто увеселеній. Пользуются каждымъ поводомъ къ жалобѣ Исправнику, который не всегда находитъ свой разсчетъ въ водвореніи между жителями мира и согласія.

Наконецъ, изъ Островнаго прѣзжаетъ казакъ съ извѣстіемъ о приближеніи Чукчей; тогда все отправляется въ путь, и Исправникъ, оставя неконченныя дѣла въ архивѣ до будущаго года, спѣшитъ къ Островное, предупредить тамъ прѣздъ Чукчей; кунцы, на нартахъ, нанятыхъ у здѣшнихъ жителей, за довольно дорогую цѣну, * слѣдуютъ за Исправникомъ, и улицы и дворы снова пустыютъ. Въ концѣ зимы возвращаются кунцы и Исправникъ изъ Островнаго, но не останавливаются уже въ Нижне-Колымскѣ, продолжая путь свой черезъ Средне-Колымскъ домой. Вскорѣ наступающая весна вызываетъ Колымчанъ на берега озеръ и рѣкъ, къ обыкновеннымъ лѣтнимъ занятіямъ, и тогда дѣятельность въ острогѣ исчезаетъ, мертвая тишина заступаетъ мѣсто во-

* Обыкновенная цѣна за упряжку 10—12 собакъ, на проѣздъ 250 верстъ, отъ Нижне-Колымска до Островнаго, 100 рубл., но часто платятъ и болѣе.

общей веселости, и въ оспротылых хижинахъ, снова закрываются двери и окна.

Отъ много эпизодическаго отступленія возвращаюсь къ разсказу въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ теченіе зимы закупленные и съ разныхъ мѣстъ доставленные рыбные запасы * отосланы были на устье Восточной, или Каменной Колымы, въ урочище *Судирное* (120 верстъ къ сѣверу отъ острога); членки нарть также были доставлены съ рѣки Онолона и для устроения нарть разданы проводникамъ, выбравшимъ къ предстоящему путешествію; недоставало наръжевыхъ ремней, замывлющихъ железо и ковку въ окрѣпленіи нарть, и мы должны были ждать прибытія Чукчей на Анюй, для закупки у нихъ ремней.

* Запасы заключались въ слѣдующемъ:

для употребленія людскою силой (чировой силой)	850
для собакъ муксунской породы	4,289
Мукусунская порода	3,385
Шокуринская порода	700
Костей муксунскихъ	500
Сатжидъ зимовочныхъ собакъ	30,740
----- муксунскихъ	543
Оленьихъ провальныхъ собакъ	1,393

Для надлежащаго понятія объ истинной величинѣ запасовъ должно замѣтить, что въ кормъ собакамъ могла служить муксунская кожа, за исключениемъ ошейника, такая же средняя собака 3¼ саж., сажидъ муксунъ 6 саж., для зимовочныхъ собакъ 1 саж., 1 кость муксунская ¼ саж., бокъ оленій 8 саж. длины. Такимъ образомъ, пришло за сравнительную единицу взять провальную собаку, комокъ мяса и кости составляютъ хорошую порцію каждой собаки на день, раздѣленъ весь приготовленный въ кормъ собакъ запасъ выйдетъ 18,041 саж. длины.

Февраля 12-го известился я, что изъ числа 36 нартъ, съ собаками, требованных мною, готовы будутъ только 29, къ половинѣ Марта; проводники утѣрали меня также, что равне сего времени нельзя пуститься въ путь и потому, что собаки не выдержатъ сильныхъ морозовъ, на большихъ перекздахъ, по совершенно открытымъ вѣздамъ, тѣмъ болѣе, что они вовсе къ тому не привыкли.

Принимая все къ соображенію и не желая провести цѣлаго мѣсяца въ бездѣйствіи, я отменилъ прежній планъ, и вознамѣрился, составив отрядъ изъ готовыхъ уже нартъ съ собаками, какъ малъ и безсрочно оцъ, ни былъ, отправиться безъ потери времени для описи берега къ востоку, возвратиться въ Нижне-Колымскъ къ сроку изготовленія пѣнаго количества нартъ к проч., и тогда пуститься черезъ лѣдъ на сѣверъ.

Февраля 14-го отправилъ я три нарты, съ хорошими собаками, подъ надзоромъ 3-хъ казаковъ (изъ которыхъ одинъ знаетъ Чукотскій языкъ), съ налимь запасами въ Сухарное, гдѣ имъ надлежало откармливать собакъ, отогнанныхъ отъ частой лѣды хозяйствъ по промысламъ.

Г-нъ Матюшкинъ отправился въ Островное, познакомиться съ Чукчами, закупить у нихъ нужные для нартъ боржевые ремни к китовымъ ребра, * а въ osobенности успокоить сей де-

* Отъ замутненной морской воды остается на поверхности лѣдъ морской разсолъ, по которому деревянныя полозья лѣзутъ

доверчивый народъ на счетъ нашего путешествія по берегамъ ихъ, объяснилъ имъ, что мы намерены отыскать свободное отъ льдовъ море для плаванія судовъ съ товарами, доставленіе которыхъ сухимъ путемъ обходится весьма дорого.

Еще до отъезда кунцовъ и жителей въ Островное наступила масляница. Соорудили гору, украсили ее флагами Лалтева и Биллигса, и выставили несколько ведръ свареннаго чаю и нѣсколько пудовъ кедровыхъ орѣховъ; противъ такого сильнаго магнита ничто не могло устоять; женщины и дѣвушки, ловкіе парни, купеческіе прикащики и казаки спускались съ горы цѣлыми группами, на оленьихъ кожахъ (вмѣсто саней), и до поздняго вечера предавались смѣху и шуткамъ. Погода весьма благоприятствовала общему увеселенію, ибо 18-го числа, въ первый день Масляной недѣли, здулъ, такъ называемый, теплый вѣтеръ, отъ югопостока, и термометръ, стоявшій 16-го числа на 32° Реомюр., возвысился 18-го, въ 4 часа по полудни, до 4°, при ясномъ небѣ.

Наконецъ получено извѣстіе изъ Островнаго о прибытіи 26-ти человекъ Чаунскихъ и Приморскихъ Чукчей, на мѣсто, называемое *Эмоль-балло*, отстоящее отъ Островнаго на 90 верстъ; *Носовые* Чукчи, изъ окрестностей Берингова пролива, ко-

тлжело склонялись для отарашенія казана иудобствъ привозимыхъ подъ пологомъ шитыя ребра, который, будучи дворяне дерева, не впитываютъ въ себя соли и не поддерживаютъ сажеи.

челами въ большемъ числѣ позади первыхъ. Извѣстнѣе всѣмъ образовало Якутскихъ купеческихъ приказниковъ, и они спѣшили ѣхать въ Ост-ровскос, а за ними отправился туда и г-нъ Матюшкинъ, въ сопровожденіи г-на Кокрева. *

=

* Г. Кокревъ хотѣлся добраться изъ Чукотскому Посу и Берингову проливу съ обратю плутиль Чукотскихъ паравозовъ, но полагаясь вернее съ Чукотскихъ паравозовъ, оставилъ плутиль свой и возвратился въ Николь-Колымскъ.

ГЛАВА VI.

Первое путешествие на картах по льду по морю. — Отъездъ изъ Нижняго-Колыменска. — Студеный островъ. — Баранова Земля. — Ронный, измѣненный восточной ветвью. — Большая Баранова река. — Холмъ. — Низменный островъ Чукотскій. — Рибисковъ. — Невольный Соборъ. — Пещерный мѣстъ. — Шелудный мѣстъ. Скалы Цыганскія. — Стадоульскія холмы. — Мысъ Матюшкина. — Островъ Араттана. Четыре съезженныхъ припасовъ. — Возвращеніе въ Нижняго-Колыменскъ.

Я уже возложилъ прищипы, побудившія меня отступать въ семь году отъ данной мнѣ инструкции и предпринять съ немногими спутниками путешествіе по льду въ море. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ въ такое короткое время достать девять вартъ, съ надѣжающимъ числомъ собакъ, но только три варты были назначены для моего путешествія; остальные шесть, нагруженные провіантомъ для насъ, кормомъ для собакъ, и проч., должны были, для сбереженія по возможности съезженныхъ припасовъ, тотчасъ по разгрузкѣ обратиться назадъ.

Съ тремя партіями хотѣлъ я осмотрѣть, такъ далеко, какъ позволятъ обстоятельства, берега, на востокъ лежащіе. Глубоко вкоренившійся и всеобщій страхъ туземцовъ къ Чукчамъ заставлялъ меня выдавать за окончательную цѣль предприняемаго путешествія точнѣйшее обозрѣніе и опредѣленіе Баранова Камня и окрестныхъ береговъ, которые составляютъ предметъ и предѣлъ поѣздокъ туземцовъ на востокъ. Немногіе изъ нихъ рѣшались пройти верстъ 50 далее; все остальное протяженіе берега на востокъ имъ совершенно неизвѣстно. Не смотря на то, узнавъ, что я намѣренъ посѣщать Чукчей, они охотно согласившись мнѣ соизувствовать и я могъ выбрать себѣ лучшаго и надежнѣйшаго проводника.

Весь берегъ отъ Колымы до Шельгскаго мыса совершенно необитаемъ и изрѣдка посѣщается Чукчами, которые тутъ охотятся, или собираютъ выброшенный моремъ дѣбрь, но дѣлается, и они не переходятъ за Большой Барановъ Камень, составляющій предѣлъ поѣздокъ Русскихъ, такъ, что здѣсь остается полоса земли, верстъ на 80 шириною, никому не посещаемая. За сего, такъ сказать, нейтральной землею, лежатъ пространныя мшистыя равнины и поля, на которыхъ единственные Чукчи, сохраняющіе доселѣ свою независимость, скитаются съ безчисленными стадами оленей. Каждое покушеніе вторгнуться въ ихъ земли возбуждается мнѣ съ большими вниманіемъ, и, какъ нѣкоторые горькіе опыты прежнихъ лѣтъ доказали, Чукчи всегда прини-

или мры къ отраженію вторженій. Наше внезапное появленіе въ близкіхъ безлюдныхъ степяхъ должно было произвестъ большое безпокойство между Чукчами; потому намъ надлежало преимущественно остерегаться я не возбуждать въ нихъ какого нибудь подозрѣнія, которое могло помѣшать достиженію цѣли экспедиціи.

Три изъ нашихъ парть, собственно для путешествія назначенныя, находились уже, какъ выше сказано, въ Сухарной.

Туда послалъ я, 18-го Феврала, шесть парть съ провіантомъ, которые должны были сопровождать насъ только въ первой части пути, а 19-го отправился самъ, съ 1-мъ Козыньнымъ, въ путь. Важнѣйшіе жители города провожали насъ до маленькаго, не вдалекѣ лежащаго озера.

Довольно хорошо устроенная дорога, извивавшаяся между низкими кустарниками, довела насъ къ ночи въ деревню Черноусову, въ 45 верстахъ отъ Нижне-Колымска. Отдохнувъ сами и давъ отдохнуть нашимъ собакамъ, продолжали мы на другой день по утру путь и достигли, черезъ восемь часовъ вѣды, къ вечеру 21-го Феврала, вѣстечка *Лобаннаго*, лежащаго въ 80 верстахъ отъ нашего ячдета.

Въ устьѣ восточнаго рукава Колымы, которая здесь въ ширину 23 версты, находится плоскій, толстый и столь низменный островъ, что зимою онъ совершенно равенъ съ горизонтомъ рѣки. На южной оконечности его построены два балагана, или сарая, въ родѣ описанныхъ

выше поварить, отстояние одинъ отъ другого почти на полверсты, и служаніе защитой отъ сильныхъ морскихъ ветровъ жителямъ Нижне-Колымска, когда зимою посещаютъ они сей край для рыбной ловли и охоты — это подобіе человеческого жилья называется: *Сухарино*. Версты за 50 исчезаютъ даже мѣлкіе, стоящіеся кустарники, которые до сихъ мѣстъ иногда еще понимаются. Здѣсь глѣзая представляется необозримая снѣжная равнина, и ужасное однообразіе прерывается только кой гдѣ выставленными дощечками песцовъ. Со временемъ привыкаешь ко всему, но первое впечатлѣніе, при видѣ необъятнаго пространства земли, покрытаго саваной снѣговъ, ни съ чѣмъ не можетъ сравниться; даже радуешься, когда ночь, покрывал все темнотою, производитъ хоть какую нибудь перемену.

Еще не достигли мы Сухарнаго, какъ уже совершенно снѣжилось. Мы никакъ не могли разсмотрѣть запасенныхъ снѣгомъ багачаговъ, и вѣроятно проехали бы мимо, если бы павъ не указалъ мѣста ихъ яскры, къ счастью вылезшія изъ трубы, выходясь дымою. Измученныя собаки повернули въ сторону, безъ понужденія побѣжали скорее и остановились у снѣжнаго бугра, гдѣ изчодникъ уведомилъ насъ, что мы пріѣхали къ первому Сухарному близгину. Пока я осматривался во все стороны, ниша чего нибудь похожаго на человеческое жилище, къ великому удивленію моему, увидѣли изъ-подъ снѣга, одна за другою, лани три казакъ, поставленыя впередъ съ

дорожными нартами. Они провели ночь сквозь отверстие, вырытое въ снегу на подветренной стороне, въ балаганъ, вышпую около двухъ аршинъ, гая съ радостью нашли мы горящій огонь. Согрѣвшись и подкрепивъ себя хорошими ужинами, мы провели ночь въ нашей спальной нещаръ очень хорошо, не смотря на то, что она была наполнена густымъ дымомъ, который наполнило спальнымъ вѣтромъ.

Послѣ слѣдующій день занималась мы разнѣсными нашими вещами и припасами по нартамъ, и другими приготовлениями къ путешествію. Наша поездка была довольно различна отъ обыкновенныхъ путешествій, а потому, кажется, не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ снаряженіи. Мы взяли съ собою коническую палатку, изъ оленьихъ кожъ, два топора, карманный фонарь, съ двумя восковыми свѣчами, желѣзную плиту для раскладыванія на ней огня, желѣзный треножникъ, чайникъ и котелъ; для каждаго изъ насъ нѣсколько бѣлья и медвѣжью шкуру, вмѣсто постыля, и для каждаго двухъ человекъ одѣло изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ. Изъ инструментовъ взяли мы два хронометра, одинъ секундные часы, два секстанта, съ искусственными ртутными горизонтами, спиртовой термометръ, три нель-компаса, изъ коихъ одинъ съ призматическую трубу, телескопъ, веревку съ означеніемъ футовой изры и еще нѣкоторые инструменты. Провіанта для пяти человекъ на одинъ

меховъ было приготолено: $2\frac{1}{2}$ пуда ржаныхъ сухарей, $1\frac{1}{2}$ пуда говядины, 10 фунтовъ сухаго бульона, 2 фунта чаю, 4 фунта сатару леденцу, 8 фунтовъ крупы, 3 фунта соли, 39 рюмокъ крепкой водки, 12 фунтовъ табаку и 200 штукъ лучшей кожаной обуви. На каждый изъ частей одежда состояла изъ парки, довольно широкой кушачки, большихъ меховыхъ сапоговъ (*торбасовъ*), такой же шапки и рукавицъ; все было сшито изъ оленьихъ шкуръ. Для корма собакамъ запасли мы 750 ш. большой муки, исокры, 1200 ш. говядины и 2400 ш. свѣж. замороженныхъ сельдей. Сельди помѣщались главнѣйше на провѣантныхъ нартахъ, но часть запасовъ положили мы и на дорожные. Каждый изъ насъ имѣлъ ружье, 50 патроновъ, пистолетъ, и на правой стороне, привѣшенный къ кушаку, большой ножъ и огниво. Нарты нагружались во всю длину, по возможности равномерно, и когда мысли полный грузъ (около 25 вудовъ), то накрывались кожаными одвалами и такъ брыки стягивались ремнями, что сами и грузъ составляли, какъ будто одно цѣлое и могли падать, даже вверхъ копыльцами, не вываливая поклажи. Въ среднѣ, по длинѣ нашихъ узкихъ саней, садился бокомъ, или придеживался только, кожатый, опиравъ ноги на полозъ нарты, въ ежеминутной готовности соскочить и принесть нарту опять въ равновѣсѣ, когда она слишкомъ раскатывалась, или когда угрожала ей какая либо опасность. Для того держалъ онъ въ рукѣ протолкнутый

вдоль по саням и къ нимъ прикрѣпленный ремешъ, и кроме того вѣшать въ рукахъ, такъ называемый оштолъ, или *прудило*, довольно толстую палку, обитую желѣзомъ на одномъ и обшитую колокольчиками на другомъ концѣ, которою управлялъ собаками, останавливая ихъ, а иногда подпирался. Точно также балансируя, сидѣли и мы съ г-нъ Козыинымъ каждый на своей нартѣ, за проводничкомъ, въ безпрестанной готовности соскочить, поддержать и привести въ равновѣсіе нарту, что при неровной дорогѣ очень часто случалось. Не смотря на то, что каждая изъ нартъ вѣсила груза до 25 пудовъ, онѣ такъ легко скользили по вѣско заморзшему снѣгу, что одною рукою, безъ большаго усилія, можно было передвигать ихъ съ мѣста на мѣсто, и собаки наши при хорошей дорогѣ ѣхали отъ 10 до 12 верстъ въ часъ. 21-го Февраля было 26° холода; къ полудню успѣхнулся онъ до 14 $\frac{1}{2}$ °. Солнце стояло очень низко, но г-ну Козыину удалось, съ помощью искусственнаго ледянаго горизонта, взять полуденную высоту солнца, которая показала, что мы находились подъ 69° 31' 22" широты. Тригонометрическимъ измѣреніемъ отъ Нижне-Колымска до Сухарнаго найдено, что Сухарное лежитъ подъ 161° 43' 41" долготы, въ востокъ, отъ Гринвича. Полуденная тѣнь давала 13 $\frac{1}{2}$ ° восточнаго склоненія путевого компаса.

22-го Февраля, рано по утру, передъ разсвѣтомъ, отправились наши нарти съ проводникомъ къ Ма-

тому Баранову Камню¹, отстоявшему на 41 версту, где стояла покочья; тамъ и остановились мы провести следующую ночь. Ужасный лой, какой собаки обыкновенно поднимаютъ въ минуту отъезда, разбудилъ насъ. Мы приготовились къ дальнѣйшему пути, и въ 9-ть часовъ утра оставили наши, итсколько нагрѣвшись балаганы. По назначенію для поѣздки норд-ку, моя нарта всегда находилась впереди, а г. Кольмизъ на своей нарте заключалъ шестіе. Каждый изъ насъ занималъ направленіе пути, и по скорости бѣга собакъ, которую мы изучали въ Ивжиге-Кольмисъ, ² определялъ разстояніе одного пункта отъ другаго. Наши наблюденія, по вечерамъ сравниваемыя одно съ другимъ и записываемыя, составляли главные данныя для очерченія карты береговъ.

Сокращая дорогу, мы не обгибали Медовжиги мыса, а шѣлали прямо черезъ перешеекъ, соединяющій его съ твердою землею. Снѣгъ былъ гладокъ и крѣпокъ; собаки бѣжали очень скоро, и нарты наши, не смотря на баланспрова-

¹ Барановъ. Камень получилъ это имя отъ великаго множества скачавшихъ тамъ дикихъ барановъ, или архаровъ. Животныя эти питаются, по большей части, травою, которая, выходя съ водою изъ порога камня, растетъ на склкахъ между ними.

² Скорость бѣга моихъ собакъ, сравниваясь съ болѣе или менѣе извѣстною дорожн., представлялась отъ 6 до 12 верстъ въ часъ. По лой и по направленію продолженія пути, означала имъ ширину и высоту, которая и буду я въ послѣдствіи отличать названіемъ: снѣжидая, отъ означенныхъ другими образцовъ.

нѣ сидюки, часто опрокидывались. Въ полдень четвертаго часа по полудни достигли мы поварни, лежащей на берегу маленькой рѣчки, гдѣ нашли совершенно сохранившійся деревянный крестъ, поставленный въ 1787 году экспедиціею капитана Биллингса. Парти съ провіантомъ, вытѣхавшія двумя часами ранее, но запряженныя не столь сильными собаками, прибыли къ поварнѣ послѣ насъ. Море казалось отсюда совершенно гладкимъ; густой туманъ застилалъ сѣверный край горизонта.

Мы нашли поварню совершенно наполненною снѣгомъ и льдомъ, и ихъ надлежало выгребать, чтобы намъ поместиться. Слишкомъ трудно и медленно было производить такую работу черезъ отверстие, служащее дверью; мы сняли бревна, составляющія крышу, и соединенными силами выбрасывали снѣгъ во все стороны. Менѣе нежели черезъ часъ, жилище наше было готово, крыша настлана, въ срединѣ разложены огни, и мы спешно поселились. Къ несчастію, поварня была такъ тѣсна, что только четверо нашли себѣ мѣсто, и те лежали столь близко къ огню, что искры безпрестанно осыпали ихъ плуки, сапоги и одѣялы. Остальные сѣверо изъ насъ должны были довольствоваться палаткою, которая, хотя была не такъ тепла, но за то совершенно суха, а сквозь брезентовыя стѣны поварни ручьями лилась вода отъ тающего снѣга и льда.

Вечеромъ, по обыкновенію, занимались мы сра-

низацией и приведением въ порядок сделанных нами наблюдений, и къ великому удовольствию нашему, они совершенно согласовались, какъ съ точными наблюдениями сей части берега, сделанными капитаномъ Биллингсомъ, такъ и съ составленною по нимъ вице-адмираломъ Сарычевымъ картою, а тѣмъ совершенно убѣдили насъ въ достаточности и надежности принятыхъ нами правилъ измѣренія.

До сего мѣста морскій берегъ почти совершенно плоскій, и только нѣкоторые выдающіеся мысы образуютъ крутые и свѣсистыя возвышенія. Правый берегъ Колмы, состоящій болѣею частью изъ черпаго шифера, былъ покрытъ наноснымъ лѣсомъ. Мы видѣли, въ 14 верстахъ отъ Сухариныхъ балагановъ, выстроенную въ 1733 году лейтенантомъ Лагтевымъ, на возвышеніи, деревянную башню, для указанія входа съ моря въ устье рѣки.

На слѣдующій день, съ ранняго, продолжали мы путь. Погода была ясная и пріятная. При легкомъ юго-западномъ вѣтрѣ, термометръ по утру показывалъ 27°, въ полдень 23°, къ вечеру 26°. Мы вѣли довольно скоро по гладкому льду вдоль морскаго берега, который становился все крутѣе и обрывистѣе. Пройдя 42 версты, остановились мы недалеко отъ Большаго Бяранова Камня, въ поварѣ; ова была гораздо просторнѣе прежней, но за то не такъ прочно выстроена. Однакожь, согрѣвшись чаемъ и хорошими супомъ, и закутавшись въ дорожныя

платья, под толстыми меховыми одеялами, про-
вели мы ночь очень хорошо, не слишком чув-
ствуя холода.

Во время пути удалось мне взять полуденную
высоту солнца, и найти, что довольно значитель-
ный мыс у Малаго Баранова Камня лежит под
 $69^{\circ} 41' 49''$ с. широт., и по нашему счислению
под $163^{\circ} 20'$ восточн. долготы. Мы видели на
горах много замечательных утесов, из коих
иные представляли видъ развалинъ, древнихъ
огромныхъ зданій, а также испанскихъ полей
и закрей; капитанъ Сарычевъ упоминаетъ о сихъ
утесахъ въ своемъ путешествіи. Въ послѣдствіи
буду я имѣть случай говорить о такомъ стра-
номъ образованіи прибрежныхъ скалъ здѣшнихъ.

24-го Феврала отправились мы изъ пути при
 25° холода; въ послѣдствіи увеличился онъ до
 28° . Гористый мысъ Бѣлаго Баранова Кам-
ня, довольно далеко вдавшійся въ море, остано-
вилъ насъ къ сѣверу, и проехали черезъ узкую по-
лосу земли, за нѣю лежащую, гдѣ къ востоку
отъ мыса впадаетъ въ море маленькая рѣчка; утѣе-
ся, по сдѣланному нами полуденному наблю-
денію, лежитъ подъ $69^{\circ} 38' 21''$ с. широты и
 $164^{\circ} 26'$ счислимой долготы. Склоненіе путевого
компасъ было 17° восточное. Съ сего пункта бе-
рега принимать совсѣмъ другой видъ: утѣе-
сы скалы исчезаютъ и совершенно плоское при-
брежье прерывается только кой гдѣ круто-обры-
стыми возвышеніями. Къ югу, въ некоторомъ

разстояніи отъ берега, видна высокая гѣнь горы; она, по видимому, тянется отъ NtW на SuO).

Провхавъ 34 версты, достигли мы небольшой рѣчки; прозрачный ледъ ея обтекалъ нашу чистую хорошую воду; на берегу нашли мы множество наноснаго лѣса, а потому остановились и раскинули палатку, предполагая здѣсь переночевать. Тутъ предѣлъ, до котораго туземцы доходить иногда, боясь за звѣрями, по съ 1765 года, послѣ путешествія Шаллурова, никто изъ Рускихъ не посѣщалъ сей части Ледовитаго моря.

Намѣреваясь оставить здѣсь часть взятаго нами провіанта, въ запасъ на обратный путь и для уменьшенія числа нартъ, мы выстроили, такъ называемую, *сайбу* гдѣ могли обезопасить наши вещи отъ вѣсковъ и россомахъ, здѣсь водившихся во множествѣ. Мы врыли въ свѣтъ вертикально четыре столба, каждый около 9 фут. вышины; на нихъ укрепили бревенчатый ящикъ, положивъ туда наши запасы и покрыли все бревнами и сивомъ. Между тѣмъ въ несколько минутъ была раскинута наша палатка. Шесть тонкихъ длинныхъ шестовъ вогнувши въ свѣтъ и верхніе концы ихъ связали; потомъ обтянули все легкимъ, изъ оленьихъ шкуръ спитымъ покрываломъ, и такимъ образомъ составились комическая палатка, въ 10 фут. вышины и несколько болѣе 12 фут. въ поперечникѣ основанія. Въ верху палатки оставили маленькое отверстіе для дыма; въ срединѣ, на желѣзной плитѣ, разложили мы огонь;

на немъ мы варили пищу и огонь согревалъ насъ, хотя пущая съ тѣмъ исполняла всю палатку густымъ вѣднимъ дымомъ, отъ чего глаза наши очень страдали. Въмѣсто двери, на подвѣренной сторонѣ палатки оставили мы небольшое отверстіе, завѣшенное оленьимъ шкурою. При бурной погодѣ, въ сѣхъ страхѣ обыкновенно господствующей, воздушное жилище наше было въ безпрестанномъ движеніи, и нагибалось то на ту, то на другую сторону, что намъ немало не беспокоило; гораздо непріятнѣе бывало, когда вѣтеръ срывалъ всю палатку. Но къ тому привыкли мы въ послѣдствіи, и покрывая вѣдніи стороны палатки до некоторой высоты шнуромъ, вовсе отклонили такое неудобство.

Когда палатка была раскинута, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, пока закипятъ чайники, напоившіе насъ, или ледоколы, потому, что чай былъ пріятнѣе и подкрѣпительнѣе для насъ пищи. Послѣ двухъ чашекъ являлась жизнь и веселость въ оныишемъ отъ холода обществѣ. Замѣчательно, что мы такъ любили наше ароматическое питье, и кусокъ его былъ намъ такъ пріятенъ, что вмѣсто обыкновенной пропорціи, по три куса сахару на чашку, мы пили целый вечеръ, отъ 10 до 12 чашекъ, съ однимъ кускомъ леденца. Иногда присоединяли мы къ тому ржаные сухари, либо отливный кусокъ тополя. Между чаемъ и ужиномъ выходили наши проводники къ собакамъ, привязывали ихъ. для того, чтобы привлеченныя слюдами зверей, сѣвъ

не разбужалась ночью, а притомъ давали каждой назначенную долю корма.

Между тѣмъ занимаясь мы сравиваніемъ нашихъ изобретеній и вносили на карту осматрѣнное днѣмъ пространство, что при сильномъ холодѣ и дымѣ, наполнявшемъ всю палатку, было не весьма легко. Въ то же время приготовлялся ужинъ; онъ всегда состоялъ изъ одного блюда, супа съ рыбою, или съ мясомъ, пока мы его имѣли; все варилося въ одномъ котлѣ, вѣшать съ тѣмъ служившемъ намъ и общему тарелкою. После ужина все общество ложилось спать. По причинѣ холода, мы не могли снимать нашего платья и обуви, и должны были спать въ полной дорожной одеждѣ; за то постоянно каждый вечеръ мыли мы чулки и сапоги, которые, вместе съ меховыми шапками и рукавицами, развѣшивались для сушки на шестахъ въ палаткѣ, что, особенно на счетъ чулковъ, необходимая предосторожность, ибо съ сырости обувь, замерзавше почти неизбежно. На ночь разстилались на твердомъ ситѣ медвежьей шкуры; на нихъ все общество располагалось, и подъ оленими одеялами крѣпко и хорошо отдыхало отъ дневныхъ трудовъ. Пока всѣ нарты насъ сопровождали, мы должны были, по причинѣ тѣсноты, располагаться въ палаткѣ, какъ спички къ колесѣ, ногами къ огню, а головами къ стѣнѣ; въ послѣдствіи, когда наше общество уменьшилось, располагались мы вокругъ удобнаго; во время ночи огонь не поддерживался и

мало по малу потухалъ. По утру вставали мы, обыкновенно, въ 6 часовъ, разводили огонь и мылись: съѣли снѣжокъ; потомъ пили чай и тотчасъ послѣ него принимались за обѣдъ, который былъ совершенно подобенъ нашему ужину. Наконецъ чистили посуду, свертывали палатку и одѣялы, нагружали нарты, и часовъ въ 9-ть отправлялись въ путь. Такого порядка держались мы постоянно во время перваго путешествія.

25-го Февраля, при 25° холода, поднялся резкій восточный вѣтеръ, съ сильною метелью, что чрезвычайно затрудняло дорогу. Мы однакожъ продолжали некоторое время путь, но утомленные собаки наши, пребывая 24 версты, не въ состояніи были dalje тащить нарты противъ вѣтра, по рычлому снѣгу, и мы принуждены были остановиться для ночлега, на плоскомъ морскомъ берегу. Метель продолжалась всю ночь; наша палатка была совершенно занесена снѣгомъ, но тѣмъ доставила намъ защиту отъ бури. Мы радовались неподвижности нашего жилища и его пріятной теплотѣ. За то спали снѣга, лежашіе на вѣтцовой сторонѣ его, растаяли и образовали ледяную кору, которая сдѣлала шкуру твердою, неудобостигаемою и гораздо тяжелѣе прежняго, а тѣмъ причиняла намъ много трудовъ при складываніи палатки.

26-го, по утру, вѣтеръ совсѣмъ затихъ, и хотя термометръ все еще стоялъ при 25° холода, но намъ казалось, что было гораздо теплѣе вчерашняго. Море было покрыто твердою и гладкою

спяжистого корю, по которой паши нарты, снабженные ледяными полозьями, так легко скользили, что собаки без всякого подужения бежали очень скоро. Мы всегда держались в расстоянии от 50 до 300 саженей от морского берега, который здесь плоский и низменный; на всем открытомъ взору протяженіи его никакой предмет не прерывалъ унылаго однообразія печальной сляжистой пустыни. Мертвая тишина, царствовавшая вокругъ насъ, умножала еще болѣе характеръ грустнаго унынія сей сцены, такъ, что съ радостію встрѣчали мы груды махисаго лѣса, лежавшія на берегахъ и хоть нѣсколько прерывавшія однообразіе.

Въ полдень опредѣлилъ я, по валтой полуденной высотѣ, что устье рѣчки, противъ которой мы находились, лежитъ подлѣ $69^{\circ} 34' 38''$ широты и $165^{\circ} 54'$ восточной долготы. Отъѣхавъ 25 перестъ отъ нашего послѣдняго ночлега, велѣлъ я рѣкѣ обыкновеннаго остановиться на ночь, чтобы быть нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною. Солнце стояло такъ низко надъ гориз-

* Каждый вечеръ оборачиваютъ нарты вверхъ дномъ и полозья обливаютъ водою, отъ чего образуется на нихъ ледяная кора, которая очень гладка, такъ, что сами съ безпримѣною легкостію скользятъ на твердому снѣгу; такое обливанье называется *обливомъ*; пожалуй нарты дѣлаютъ это частію для легчайшей воды, а частію для обереженія самакъ полозьевъ, и по той же причинѣ нами проводимы всегда тщательно избѣгаемъ мѣста, покрытыя не снѣгомъ, а ледяными обломками, обсыпанными съ полозьевъ лѣдъ.

зоптомъ, что мы принуждены были прибѣгнуть ночью къ звездамъ, желая узнать истинное время. Взятые лунныя расстоянія опредѣлили положеніе нашего ночлега въ $166^{\circ} 11'$ восточной долготы, которая по нашему счисленію была $5'$ восточнѣе. Хронометры, отъ внезапныхъ переизмѣнъ температуры, потрясеній, вѣды и частаго опрокидыванія штуртъ, такъ пострадали, что не сходствовали между собою и съ вѣроятною долготой, и мы почти не могли употреблять ихъ. Здѣсь выстроили мы вторую сабѣу, и положили въ нее остатки нашихъ съестныхъ припасовъ на обратный путь, отославши назадъ разгруженныя шарты. Лежь, вчера покрывшій нашу палатку, растаялъ сегодня отъ разложеннаго въ ней огня и наполнилъ наше жилище такою удушливкою сыростью, что мы принуждены были отъ времени до времени выходить освежаться и отдыхать на воздухъ.

Ночью въ 31° мороза присоединился рѣзкій, юго-восточный вѣтеръ, и несмотря на хорошо поддерживаемый огонь и теплая покрывала изъ оленьихъ и медвежьихъ шкуръ, сдѣлавъ холодъ столь чувствительнымъ, что нѣсколько разъ принуждены мы были вставать, прыгать и бѣгать вокругъ нашего жилища, чтобы нѣсколько согрѣться. Особенно г. Козыньинъ жаловался поутру, что ноги у него необыкновенно мерзнутъ. Мы посоветовали ему переменить чулки и сапоги, и когда онъ снялъ сапоги, то съ ужасомъ уви-

дали мы, что чулки у него примеряли к по-
гаме. Бесмя осторожно сняли мы чулки, и на-
шли, что они были покрыты ледяным слоем,
почти в одну линию толщины; кь счастью,
ноги еще не были отморожены и мы скоро от-
терли их подою. Сей опытъ утвердилъ насъ
въ необходимости всегда перемывать и содер-
жать сухою нашу обувь, потому что всякая
сырость, впитывая и отъ собственной испари-
ны, при большомъ морозѣ имѣетъ самыя ги-
бельныя следствія. Въ полдень, выходясь на
 $1\frac{1}{2}$ версты кь северу отъ каменнаго берега,
опредѣлили мы $69^{\circ} 30' 28''$ широты, а сим-
сильная долгота была $166^{\circ} 24'$; склоненіе магнит-
ной стрѣлки $17\frac{1}{2}^{\circ}$ восточн.

Усильвшійся холодъ и рѣзкій вѣтеръ чрез-
вычайно затруднили нашу езду. Проводники
принуждены были надѣть собакамъ на ноги родъ
сапоговъ, а болѣе чувствительныя, менѣе прочныя
покрытыя волосами и замораживающіяся
части тѣла ихъ завернуть лоскутками шкуры. Это
значительно препятствовало бѣгу собакъ, темъ
болѣе, что слишкомъ сильный морозъ сдѣлалъ
снегъ рыхлымъ и полозья шартъ не могли такъ
легко скользить по нему, какъ скользили досель.
Сегодня (27 Февраля) не могли мы проѣхать бо-
лее 26 верстъ и остановились на ночлегъ близъ
устья довольно значительной рѣки, въ верховьяхъ
у прибрежныхъ жителей Малаго Аниса из-
вѣстной подъ именемъ *Большой Барантини*. Какъ
здесь, такъ и на всемъ протяжении низменнаго

берега, вдоль которого мы сегодня шли, лежить великое множество павшего льда. Къ югу и юго-западу отъ нашего почлега показывались въ некоторомъ отдаленіи горы, простиравшіяся до восточнаго берега рѣки. Самый берегъ образуетъ здѣсь значительную бухту, обращенную къ сѣверу, и подымаясь мало по малу на востокъ, достигаетъ 6 сажень высоты.

Прямо къ сѣверу отъ насъ, на морѣ, показывалась бѣлая полоса, нѣтъ-ли по видимому параллельное съ берегомъ направленіе; въ послѣдствіи нашли мы, что то было ни что иное, какъ болыпіе *моросы**, поднявшіеся надъ поверхностью моря; издали, по своему разнообразному устройству, часто давали они поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ о существованіи земель и береговъ.

Во время ночи взялъ я нѣсколько разстояній между луною и Полюскою, которыхъ не могъ никакъ-жъ употребить для опредѣленія долготы, потому, что когда хотѣлъ я, съ помощью искусственнаго ртутнаго горизонта, взять нѣсколько высотъ Канелы и опредѣлить истинное время, то нашелъ, что на поверхности ртути образовались кристаллы, отъ чего она хотя и не замерзала, но сдѣ-

* Моросами называютъ на сѣверныхъ берегахъ Сибири болыпіе неправильнаго образованія громады льда, которые на Ледовитомъ морѣ, подобно скаламъ, поднимаются на высоту до 100 футовъ надъ гладкою ледяною поверхностью и весьма затрудняютъ ходъ, а иногда дѣлаютъ ее и вовсе невозможною.

малась столь черепно, что я принужденъ былъ прекратить мои наблюденія.

Вообще сильный холодъ часто затруднялъ наши астрономическія наблюденія. Особенно съ секстанами дѣлали мы болѣзненные опыты, и въ послѣдствіи принуждены были чѣмъ нибудь обвертывать тѣ части инструментовъ, которыхъ должны были касаться пальцами или лицомъ, потому что въ противномъ случаѣ кожа тотчасъ примерзала къ металлу. Также въ продолженіе всего наблюденія, а особенно при считаніи градусовъ на дугѣ, надобно было удерживать дыханіе, а впаде стекла и зеркала мгновенно покрывались тонкимъ слоемъ льда, или инеемъ, что происходило даже отъ одной испарины нашего тѣла. Не смотря на то, мало по малу, достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюденія при 30° мороза, и ночью, при тускломъ свѣтѣ маленькаго ручнаго фонаря, съ достаточною точностью считывали на дугѣ секстана градусы, минуты и секунды.

На хронометры также простерлось вліяніе холода; они сами собой остановились. Опишусь этого носилъ я нѣзъ днемъ при себѣ, а на ночь всегда пряталъ въ обвернутый пѣсковымъ шкуркамъ лщикъ, который клалъ съ собою подъ одѣло. Не смотря на мои предосторожности, вѣротно, ночью, когда огонь потухъ въ нашей ваткѣ, холодъ, проникнувъ черезъ все обвертки, заморозилъ масло, между колесами находившееся, и остановилъ ихъ движеніе.

Февраля 23-го, по утру, было 27° холода, а вечером 25 $\frac{1}{2}$ °, сь созвонъ SW вѣтръ, который былъ намъ попутный, а потому и несильнокомъ насъ затруднялъ. Вѣдухъ былъ пасмуренъ и туманенъ, такъ, что мы едва могли отличать берегъ, вдоль котораго ѣхали, направляя нашъ путь на лежащій передъ нами высовый мысъ, показывавшійся сквозь туманъ. Здѣсь, подъ защитою довольно крутаго и обрывистаго землянаго уступа (яра), остановились мы на поч-легѣ, пробѣжавъ сегодня, по причинѣ рыхлаго снѣга, не болѣе 27 верстъ. Желая согрѣться, вальзали мы на гору, и нашли тамъ нѣсколько бревенъ, оленьихъ рогъ, ульевъ и другихъ признаковъ, что на семъ мѣстѣ находилась извѣгда юрта, или другое тому подобное жилище. Къ вечеру атмосфера нѣсколько прояснилась, такъ, что г. Козьмину удалось вальз нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною, которыя показали, что нашъ вочасъ лежалъ подлѣ 167° 43' долготы. Полуночная высота луны дала намъ 69° 38' 24" широты. Здѣсь устроили мы третью сайбу для про-мѣнта.

Ночью одна изъ нашихъ собакъ подняла сильный лай. Мы все бросились изъ палатки, но ничего не могли рассмотреть. Наши проводники утѣрали, что собаки чуяли близость Чукчей, и боясь внезапнаго нападенія, всю ночь не могли сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро (1 Марта) продолжали мы путь. Термометръ цѣлый день показывалъ болѣе

25°. Легкій NW втеръ, разогнавъ облака, очистилъ атмосферу. Въ полдень опредѣлили мы 69° 42' 48" широты; склоненіе магнитной стрѣлки было 18 $\frac{1}{4}$ ° восточное.

Берега, направляясь здѣсь на NNO, образуетъ уступъ (аръ), поднимающійся на 5 п болѣе сажень надъ поверхностью моря. На берегу наши въ недавно оставленную Чукотскую хижину, вокругъ которой ясно видны были слѣды саней, вѣста, гдѣ горѣли огни, и проч. Хотя я и не разделялъ болзни нашихъ проводниковъ (они хотѣли было тотчасъ возвратиться назадъ), но признавъ за нужное оставить на ночь у нашей палатки караульного.

На разстояніи 3 $\frac{1}{2}$ верстъ отъ места полуденнаго наблюденія широты встрѣтили мы довольно значительное, открытое къ сѣверу углубленіе въ берегу, стороны, котораго казалось, соединялись въ некоторомъ отъ насъ отдаленіи, а потому мы и приняли сіе углубленіе за бухту, или маленькій заливъ. Но въ слѣдующіе годы, по ближайшемъ наблюденіи, мы нашли, что то былъ проливъ, названный Иллауромъ *Собадей*, отдѣляющій островъ сего имени отъ твердой земли. Мы направили путь по сему проливу и на срединѣ длины его нашли нѣсколько Чукотскихъ хижинъ, довольно тщательно выстроенныхъ изъ наоснаго листовитчанаго лѣса; напавшій снегъ покрылъ слѣды саней и стѣлалъ у насъ возможность узнать направленіе, по которому поехали Чукчи. На сѣверномъ концѣ про-

лишь $5\frac{1}{2}$ версты ширины, но она слишком приятно суживается на противоположном конце. Берег твердой земли плоский, а къ востоку становится холмистъ. Берег острова Собаделъ, напротивъ, крутой и обрывистый, возвышается на 20 и болѣе сажень. Подъ защитою сего уступа расположились мы ночлегомъ, пробхавъ сегодня 23 версты. По луночной высотѣ луны опредѣлили мы широту нашего ночлега въ $69^{\circ} 48' 46''$ и $168^{\circ} 4'$ долготы, по разстоянію луны отъ Алдебарана. Здѣсь снова нашли мы слѣды Чукчей. Съ вершины близлежащаго холма видны вдали обширную тундру.

Сегодня на дорогѣ было нѣмъ случай наблюдать совершенно новый, замѣчательный феноменъ: на NO горизонтѣ показалось совершенно отдѣльное, темно-сѣраго цвѣта облако, изъ котораго, по направленію зенита, проталивались блѣловатыя лучи къ противоположной части неба и давали явленію сходство съ свѣрными сіяніемъ. Не могу утверждать, чтобы сіи лучи, подобно лучамъ свѣрнана сіянія, изали свѣтъ, потому, что явленіе, продолжавшееся съ полудня, наблюдали мы днемъ, когда свѣтъ лучей не можетъ быть замѣтенъ при сильномъ сіяніи солнца. Казакскій сотникъ Татаринковъ, бывшій уже прежде въ силѣ страхъ съ Геденштромомъ, уверялъ, что видимое нами темное облако было ни что иное, какъ поднимавшися, но еще не разсыпавшися пеплашенія изъ внезапно происшедшихъ во льду трес-

нить, или откратит (полюней). Если принять такое предположение, то беловатые лучи образовывали тот же парь, мало по малу раздвигавшийся и освещавший солнцем. Вечером наблюдали мы на горизонте северное сияние, которое занимало все пространство от NO до NW, и попеременно, то являлось, то пропадало.

На следующее утро (2-го Марта), при ясной погоде и 27° холода, едва отъехали мы от палатки, как г. Козынец показалось, будто он видит землю. Мы остановились и тотчас полезли на высокий берег, откуда ясно увидели, что минную землю составляли груды льда (торосы), нагроможденные на краю необозримой ледяной. В полдень определили мы широту 69° 52' 6". Около двух верст на NNO от сего пункта прекращаются высокие крутые берега и земля является снова плоскою. Сему месту, вероятно, далъ лейтенантъ Лаптевъ название Пепланого мыса, хотя здесь собственно незаметно никакого мыса, потому, что берег нечувствительно направляется от NO къ O, не образуя значительнаго углубленія въ море.

Место, гдѣ прекращается возвышенный и наклоняется плоскій берегъ, лежитъ, по нашимъ наблюденьямъ, подъ 69° 52 $\frac{1}{2}$ ' широты и 168° 00' долготы, на востокъ отъ Гринвича. Отсюда ъехали мы, то по морю, то по землѣ. Берегъ здесь почти нисколько не возвышается надъ моремъ и, вероятно, ледомъ, онъ, и весь рядъ

параллельно съ нить вдушить, наносныхъ пешаныхъ коачовъ, покрываются водою.

Долго и напрасно искали мы наноснаго лѣса, который вообще къ востоку отъ пролива Собадея рѣдко встрѣчается; наконецъ пашли на берегу нѣсколько бревенъ, но оне были сюда, ввронто, перетащены Чукчами, слѣды конхъ ясно видѣли мы по всей окрестности. Сегодня проехали мы уже 25 верстъ, и я рѣшился здѣсь переочевать. Мы выстроили четвертую сайбу и отослали въ Нижне-Колымскъ послѣднія провiантскія нарты. Такимъ образомъ съ нами остались только три дорожныя нарты, на которыхъ, кромѣ меня и г. Козьмина, находились для управленiя собаками три казака. По высотѣ луны опредѣлили мы здѣсь широту въ $69^{\circ} 57' 42''$, а долгота, по нашему исчисленiю и по пеленгамъ, была $168^{\circ} 41'$.

Вечеромъ наблюдали мы прекраснѣйшее северное сiянiе. Небо было чисто и безоблачно; звѣзды блистали яркимъ арктическимъ свѣтомъ. При легкомъ NO вѣтрѣ поднялся отъ NNO огромный свѣтящiйся столбъ, вѣдуш его, подобно пирокимъ пламеннымъ полосамъ, разливались на небо по направленiю вѣтра, безпрестанно перемѣляясь и, казалось, приближался къ намъ. Судя по скорости, съ какою свѣтлые лучи пробѣгали пространство горизонта до нашего зенита, мѣтѣ нежелая въ 2 секунды, полагали мы, что свѣрное сiянiе было къ землѣ ближе обыкновенно.

венной высоты облаков. В продолжение леденія не заметили мы никакой перемены на магнитной стрелке; кажется, что, конечно, принести должно грубому его устроению.

Наши собаки уже несколько раз просили дать собакам отдохнуть и собраться съ силами; по ихъ новой просьбѣ о томъ, рѣшился я остаться еще одинъ день здѣсь (3-го Марта). Отдыхъ былъ благодѣтеленъ для собакъ, но для насъ несносенъ. Мы расположились на совершенно открытой, ни чѣмъ не защищенной равнинѣ, гдѣ, при 25° и 29° мороза, съ рѣзкимъ NO вѣтромъ, у насъ была такой скудный запасъ дровъ, что мы могли только кипятить чай и супъ, а остальное время проводили безъ огня. Къ тому присоединилась еще мучительная невѣроятность объ успѣхѣ нашей поѣздки и настоящемъ положеніи предмета ея, Шелагскаго мыса. Наши малые запасы не позволили намъ предпринять безопасный, хотя и дальнѣйшій путь вдоль берега, идущаго здѣсь почти южное направление. На морѣ, прямо передъ нами, лежали высокіе ледяные холмы и заграждали намъ совершенно видъ вѣдъ, а какъ истинное положеніе Шелагскаго мыса не было еще опредѣлено, то въ отысканіи его мы потеряли бы много времени, чего, при недостаткѣ въ съѣстныхъ припасахъ, должно было вѣдчески избѣгать. Мы были въ вѣрности, что предпринять, когда при закатѣ солнца заметили на восточномъ краю горизонта два довольно значительные холма, при-

пятье наши сначала на один, северная вершина холма лежала от нас $NOHO\frac{1}{2}O$. Наши проводники были уверены, что мы нашли землю, которой искали, и радовались, что открытие ее удалить нас от соседства Чукчей, ибо они все еще нас боялись. Нетерпеливо ожидали мы разсвета, надеясь, что сн два холма составят Шалавский мыс, предмет поисков безстрашного Шалаурова.

Рано по утру, 4-го Марта, небо покрыто было облаками; слабый SO отверг нагонял снег; термометр показывал $13\frac{1}{2}^{\circ}$ (вечером 18°). Мы весьма радовались такой умеренной температуре; после сильных морозов, она казалась нам даже теплою; наши проводники уверяли, что в здешних краях никогда не бывает холода, и завидовали счастью Чукчей, живущих в столь теплою климате.

Мы шли по краю — смерзающемуся снегу, то между ледяными громадами, то через них, стараясь по возможности направлять путь наш прямо на видный гор. Но вскоре мы уверились, что они были от нас гораздо дальше, нежели нам казалось. Наступающая сумерка и усталость наших собак, пробежавших сегодня, по крайней мере, 61 версту, принудили меня остановиться на ночлег между талосами. Здесь заметили мы, что наш минный остров был мыс, на котором подымались три куполовидные горы; восточная из них казалась выше прочих. К югу от них гор тянется

рдаъ холмовъ, обставленныхъ по скатамъ такими же каменными громадами, какъ зажегши мы при Барановомъ Камнѣ; воображеніе нашихъ болѣзненныхъ проводниковъ видѣло въ нихъ обломки скалъ и утесовъ большаго лагеря Чукчей, готовившихся къ битвѣ съ пришельцами.

Съ вершинъ лавины (въ 5 саженъ высоты), подлѣ которой разбили мы палатку, показалось намъ вдали открытое море, отражавшее въ прозрачной водѣ черныя скалы и утесы берега, приписаннаго нами за Шелагскій мысъ. Чрезъ нѣсколько минутъ открытое море перемѣнилось въ гладкую ледяную равнину. Съ такою же быстротою покрывалась она множествомъ неровностей и возвышеній, а потомъ на всемъ пространствѣ появились базальныя плавающія лавины самыхъ разнообразныхъ видовъ. При нѣсколько переизмѣненіи положенія солнца, онѣ въ свою очередь исчезли, и мы ясно увидѣли необозримую, до краевъ горизонта простирающуюся стѣну огромнѣйшихъ торосовъ. По причинѣ сильнаго преломленія лучей на Ледовитомъ морѣ, подобныя оптическія обманы и превращенія весьма обыкновенны, и глупо, не разъ подавали они путешественникамъ поводъ къ ложнымъ заключеніямъ о существованіи острововъ, береговъ и мысовъ.

Нашъ дровяной запасъ совершенно истощился, и для разведенія малаго огня, чтобы сварить себѣ супъ, принуждены мы были пожертвовать тремя шестами палатки и парой запасныхъ саней по-ложьсь. Къ счастью, и на слѣдующій день (3 Мар-

та) продолжался 80 верст, который и въ Нижне-Колымскъ приносить теплую погоду; термометръ показывалъ не болѣе 18°, а мы переносили такой холодъ безъ огня.

Пройдя около 30 верстъ между высокими торосами, и перебравшись съ величайшимъ трудомъ черезъ острогранную ледяную стѣну, достигли мы наконецъ сѣверо-западной оконечности Шелазскаго носа. Путь около него представлялъ трудностями и опасностью все доселѣ нами испытанное. Часто принуждены были мы карабкаться на крутизну, въ 90 футовъ вышиною ледяныя горы, и съ такой выпятой спускаться по крутизнамъ, находясь каждую минуту въ опасности переломать сани, задвинуть собакъ, или низвергнуться вмѣстѣ съ ними въ ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большимъ пространствамъ, проваливаясь по поясъ въ рыхлый, наносимый снѣгъ; иногда встречали мы между торосами непокритыя снѣгомъ места, устланные острыми кристаллами морской соли, отдиравшими ледъ съ полозьевъ нартъ и дотогу затруднявшими вѣду, что мы должны были сами запрягаться, и везти съ собаками, съ величайшими усилиями, тянуть сани, чтобы не остаться на дорогѣ. Нагроможденные одна на другую ледяныя заслоныли намъ путь. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мы приближались къ берегу, состоялъ онъ изъ черной, плотной и блестящей, неизвѣстной мнѣ каменной породы, и являлся въ видѣ правильныхъ, наклонно лежащихъ столбовъ,

до 250 футовъ вышиною, между которыми кой-где проглядывали, въ несколько саженъ ширины, волосы бѣлаго мелко-зернистаго гранита. Мрачные черные утесы, въками нагроможденные, никогда не растаивающія ледяныя горы, необозримое, вѣчнымъ льдомъ скованное море, все остывшее слабыми, спользанными лучами сѣва поднимавшагося надъ горизонтомъ полуряга солнца, совершенное отсутствіе всего живущаго и ничемъ непрерываемая могильная тишина, представляли вамъ картину, какъ будто мертвой природы, которой описать невозможно. Казалось, мы достигли предѣловъ живаго творенія.

Продолжая, съ неистовыми усиліями, идти путь въ теченіе пяти часовъ, и пройдя около 9 верстъ, мы и наши собаки такъ измучились, что принуждены были остановиться. Для почлега выбрали мы маленькую бухту, низменный и песчаный берегъ которой, постепенно возвышаясь, сливался въ изъкоторомъ отъ насъ разстояніи съ цѣлымъ холмомъ, соединенныхъ съ главными горами Шелагскаго мыса, возвышавшагося болѣе нежели на 3000 футовъ надъ поверхностью моря.

Къ великой радости, мы нашли здѣсь несколько наноснаго лѣса (впрочемъ только соснового). По видимому, онъ очень давно лежалъ здѣсь. Мы тотчасъ развели большой огонь и спянули, послѣ долгаго времени, опять согрѣться и высушить, мы, по крайней мѣрѣ, оттаять нашу одежду. Казалось, Чукчи посѣщали сей

край; мы напали здесь большую кучу китовых ребрь, место, где недавно были разложены огонь, и вса-мско оттуда большое бревно, вертикально врытое в землю, такъ, что не болѣе трехъ футовъ торчало оно надъ поверхностью. При ярко пылающемъ огнѣ, мы провели очень пріятную ночь и собрали столько силъ и тепла, что на другой день (6 Марта) 19° мороза, съ вѣтромъ и илѣтью, казались намъ менѣе ощутительны.

Наши запасы приходили къ концу и могли достать еще дня на три не болѣе, и какъ мы не были уверены, что найдемъ въ цѣлости оставшіяся нами склады провіанта, то я колебался: идти ли далѣе, или возвратиться назадъ? Наконецъ рѣшился я продолжать путь, съ тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, определить истинное направление сей части берега, по известному мѣстѣ Бурнея, составляющей перешеекъ, связывающей будто бы Азію съ Америкой. Я выбралъ самыхъ надежныхъ, сильныхъ собакъ, и на двухъ разгруженныхъ нартахъ поехалъ далѣе; третья нарта, съ остаткомъ нашихъ запасовъ, осталась на мѣстѣ почта, подъ охраненіемъ казачка; вѣдая языкъ Чукчей, онъ могъ, въ случаѣ необходимости, съ ними объясняться.

Къ счастью, мы нашли узкую полосу твердаго и гладкаго льда, и шли по ней очень скоро вдоль берега, кромѣ немногихъ незначительныхъ изгибовъ, направленныхъ прямо на SO 80°, и состоящаго изъ утесовъ, утѣши упавшихся въ море; изрѣдка попадаются нѣдѣ

плоскій, лещаный берегъ. Скалы сии состоятъ изъ той же черной породы и черного шифера, какъ прежде нами видѣнныя. Въ 17 верстахъ отъ нашего ночлега взявъ я полуденную высоту солнца и опредѣлилъ широту $70^{\circ} 13' 24''$. Около 12 верстъ далѣе скалы исчезаютъ и горы удаляются отъ берега, который сѣлошь становится дрсевяннымъ. Съ вершины горы, близъ берега лежащей, снявши мы, на разстояніи 24 миль къ $80^{\circ} 48'$, далеко вдавшійся въ море мысъ, который называлъ я, по имени моего ревностнаго сотрудника въ экспедиціи, мыса *Козьмина*. Къ сѣверу и NO отъ насъ, кромѣ пространныхъ, болѣе или менѣе гладкихъ, ледяныхъ полей, не представлялось намъ никакого замѣчательнаго предмета. Отъ конца черныхъ скалъ до мыса Козьмина плоскій и дрсевяный берегъ образуетъ легкій изгибъ, приближаясь къ подошвѣ горъ, отстоящихъ довольно далеко отъ берега. У мыса впадаетъ въ море маленькій ручей, которому дали мы названіе *Поворотнаго*. И здѣсь нашими мы слѣды Чукчей, а именно большую яму, наполненную китовыми ребрами и утолщями. Судя по огромнымъ, полъ берега стоящимъ лдинамъ, должно думать, что море здѣсь очень глубоко, и какъ берегъ не представляетъ никакихъ заливовъ, или углубленій, то плаваніе по сей части моря должно быть опасно, ибо суда не имѣютъ никакой защиты отъ напора льдавъ.

При совершенномъ недостаткѣ всякаго рода припасовъ не было возможности продолжать путь;

и принужденъ былъ обратиться отсюда назадъ, довольствуясь на сей разъ открытіемъ, что берегъ Азии, миль на 40 къ востоку отъ Шелагскаго мыса, имѣетъ юго-восточное направленіе. Мы обозначили предѣлы нашей поѣздки пирамидою, сложенною изъ большихъ камней, недалеко отъ устья ручья, на довольно значительномъ холмѣ, и опредѣлили его положеніе въ $70^{\circ} 00' 37''$ северн. широты и $171^{\circ} 47'$ долготы къ востоку отъ Гринвича. Пирамида сія отстоитъ отъ Суларнаго на 418 верстъ. *

Возвратный путь былъ также беззатруднителенъ, и поздно вечеромъ достигли мы издѣлки нашей на Шелагскомъ мысѣ, гдѣ оставившійся казакъ, желая оставить послѣ насъ какой нибудь памятникъ, занялся сколачиваніемъ большого креста изъ двухъ бревенъ. Мы помогли окончить ему работу, выжгли на крестѣ годъ, мѣсяцъ и день нашего здѣсь пребыванія, и поставили его на высочайшемъ изъ соседнихъ утесовъ. На другой день (7 Марта), при 28° мороза, рѣзкомъ вѣтрѣ и вьюгѣ, начали мы обратный путь. Для избежанія затруднительнаго и для нашихъ самой опаснаго перебега черезъ торосы, рѣшился я идти по твердой землѣ, чрезъ низкіе холмы, къ WSW отъ насъ лежащіе. Снѣгъ путенъ уда-

* Не привожу точнаго опредѣленія географическаго положенія Шелагскаго мыса, къ другимъ астрономически опредѣленнымъ пунктамъ берега, потому, что все это положено будетъ на основаніи о путешествіяхъ ко льду, предпринятыхъ нами въ слѣдующіе годы.

лось намъ упомянуть тороса и выжить на гладкую поверхность моря. Вероятно, это самый тотъ волюкъ, по которому, въ 1700 году, купецъ Тарасъ Стадухинъ, отправившись изъ Нижне-Колымска къ востоку подою на кочь, возвратился назадъ, видя невозможность обойти мысъ, * названный имъ *Великимъ Чукотскимъ*, но въ послѣдствіи получившій название Шелагскаго.

Мы следовали почти въ южномъ направленіи вдоль по берегу, крутыя, обрывистыя скалы котораго мало по малу превращаются въ плоскіе округленные холмы, за холмы однакожъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видна нѣшь крутыхъ, островерхихъ горъ. Отъѣхавъ версты 25 отъ Стадухинскаго колока, расположились мы на ночлегъ на дровяномъ берегу залива, обращеннаго на востокъ, и нашли здѣсь множество заноснаго лѣса. Надобно замѣтить, что онъ состоялъ исключительно изъ тонкихъ лиственничныхъ стволовъ, когда до сихъ поръ мы не встрѣчали другихъ древесныхъ породъ, кромѣ сосны. При легкомъ западномъ вѣтрѣ, по утру было 30° холода, а вечеромъ 27°.

Проехавъ 10 $\frac{1}{2}$ версты, находились мы, на разстояніи 4 $\frac{1}{2}$ версты, почти на параллели мыса, довольно тупымъ угломъ выдающагося въ море и образующаго дебальшой заливъ; мысъ сей называлъ и по имени г. Матюшкина. Онъ замѣчае-

* См. глава I, стр. 28.

лесть особенно по высокой, лежащей на немъ горѣ, называемой Чукчанъ *Rautan*, отъ которой внутренняя цѣль горъ принимаетъ SO направление. Здѣсь опредѣлили мы, по полуденной высотѣ солнца, $69^{\circ} 44' 43''$ широты, и по полуденной тѣни склоненіе магнитной стрѣлки 18° восточное. Мысъ Матюшкина лежитъ подъ $69^{\circ} 43' 50''$ широты и $170^{\circ} 47'$ долготы отъ Гринвича. Въ разстояніи $3\frac{1}{2}$ версты отъ него, между WNW и SW, плоскій островъ, называемый Чукчанъ *Arautans*, отдѣленный отъ твердой земли едва замѣтнымъ проливомъ. Мы обогнули южную сторону острова и направили путь на западъ, черезъ Чаунскій заливъ. Пройхавъ 25 версты, достигли мы низкихъ береговъ острова Собадеа, и еще 7 версты ѣхали вдоль берега, прежде нежели могли пайдти несколько наосаго лѣса. Здѣсь разбили мы для ночлега палатку, подъ защитою невысокаго землянаго уступа. Сильная, продолжительная лѣгота и наступившая темнота препятствовали намъ съ точностію опредѣлить изгибы берега. Цѣлый день, 8 Марта, холодъ былъ чрезвычайно рѣзокъ и чувствителенъ.

Марта 9-го продолжали мы путь вдоль берега острова Собадеа на N и NO, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ устроили 2-го Марта четвертую сайбу, которую, поздно вечеромъ, нашли въ совершенной цѣлости, что было намъ весьма пріятно, ибо накануне издержали мы уже песь остатокъ нашихъ запасовъ. Въ послѣдствіи не

были так счастливы. От остальных трех сайб¹ остались только рыбы кости; вероятно, не смотря на предосторожности наши, песцы и рас-соныхи, которые здесь во множестве водятся, на-шли доступъ къ нашимъ запасамъ и все истре-били, какъ нашъ провиантъ, такъ и коряя со-бачій. Наши запасы вышли, и несмотря на бе-режливость, съ какою дѣлили мы найденную въ одной сайбѣ поклажу, принуждены мы были два послѣдніе дня оставаться безъ пищи. Я утѣ-шалъ моихъ товарищей, утѣря, что въ слѣдствіе сдѣланнаго мною передъ отъѣздомъ распоряженія, на Сухарномъ островѣ ожидаютъ насъ карты съ новыи собаками и провиантомъ; но моя надеж-да не сбылась, и мы принуждены были, то-мась голодомъ, продолжать путь на обезвѣс-ныхъ и измученныхъ собакахъ.

Марта 14-го приплыл мы наконецъ, послѣ 23-хъ дневнаго отсутствія, проехавъ всего до 1122 версты, въ Нижне-Колымскъ, гдѣ въ полный смыслъ наслаждались пріятностями теплой комнаты и порядочно сжареной пищи. Здѣсь на-шли мы доктора Кибера, который еще 20-го Фе-

¹ Причиной тому былъ поздній пріѣздъ окружнаго Комиссара изъ Средне-Колымска. Кушмы, отправлявшіеся въ Островное па примарку, должны были на Антонъ долго ожидать его, и потому собаки ихъ возвратились только 20-го Марта, когда по ис-сному расчету на позне 10 Марта, могли они уже быть въ Сухар-номъ, гдѣ два дня отдыхалъ хороший коряя совершенно ихъ опра-вилъ бы. Такое позднее возвращеніе собакъ, которыхъ мы хотѣли употребить для нашего втораго путешествія по льду, значитель-но замедлило нашъ отъѣздъ.

зрала прибавить из Иркутска; но, къ сожалѣнію, затруднительная зимняя дорога такъ повредила его здоровью, что по второму путешествію по льду онъ не могъ участвовать.

Марта 19-го возвратился г. Матюшкинъ изъ Острожного, гдѣ онъ съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ данное ему порученіе. Чукотскіе старшины съ удовольствіемъ и благодарностію приняли привезенные имъ подарки, и уверили, что мы встретимъ самый дружескій пріемъ, если посетимъ ихъ страну и жилища. О землѣ, которая будто бы видна въ морѣ съ береговъ, никто изъ Чукчей не зналъ.

Цѣлью путешествія г. Матюшкина было, какъ я уже сказалъ, предупрежденіе недозрѣвшихъ Чукчей о нашемъ посѣщеніи и опытъ пріобрести ихъ расположеніе предварительными подарками и указаніемъ техъ выгодъ, какія могутъ они извлечь изъ дружескихъ сношеній и торговли съ Русскими. Хотя отзывы Чукчей дѣлали неизроченныя открытіе земли, которая по предположеніямъ видна съ ихъ береговъ, но путешествіе г. Матюшкина тѣмъ занимательно, что знакомитъ насъ, изъ многихъ кочевыхъ племенъ, живущихъ подъ скипетромъ Россіи, племѣю съ такимъ народомъ, о которомъ до сихъ поръ было только извѣстно, что онъ обитаетъ по северо-восточнымъ берегамъ Ледовитаго моря, въ странѣ, климатъ которой можетъ устрашить самого страстнаго и неустоимаго путешественника.

Мы тотчасъ начали приговариваться ко второму путешествію по льду, но прежде нежели приступлю я къ описанію его, для соблюденія порядка времени и полноты предмета незымнѣнъ будетъ представить краткое извлеченіе изъ отчета г-на Матюшкина о посѣщеніи Островенской ар-марки.

ГЛАВА VII.

ОТЧЕТЪ Г-НА МАТВИШЕНКО О ПОЕЗДКѢ НА ЧУКОТСКОЕ ОСТРОВНОЕ И
ТАМОННОЙ АРМІИ. ЗАВѢЩАНІЕ О ЧУКОТСКИХЪ ЧУКАЧАХЪ И О
ИМАНАКАХЪ.

Марта 4-го отправился мы, на двухъ нартахъ, изъ Нижне-Кольмска на Островное. Меня сопровождалъ казакъ и Якуть, знавшій Чукотскій языкъ, и сверхъ того вѣзетный Англіійскій пашеходъ Кокренъ, который хотѣлъ отправиться изъ Островаго, съ возвращающимися Чукчами, на Чукотскій Носъ, а оттуда перейти въ Америку.

Глубокій снѣгъ, наметенный сильною вьюгою огромными грудами, весьма затруднялъ таду, такъ что въ первый день, не смотря на всѣ усилія, мы не могли достигнуть новарин, съ 40 верстахъ отъ Нижне-Кольмска устроивной. Удобно было провести ночь подъ открытымъ небомъ. Мы вы-

брали для привала высокій берег рѣки, защищенный отъ сѣвернаго вѣтра небольшими дѣсомъ. Къ счастью, погода, по здѣшнимъ понятиямъ, была очень теплая (термометръ показывалъ только 8° холода), и мы провели ночь, около большого костра, очень хорошо.

На другой день, рано по утру, отправлялись далѣе и ѣхали скоро, по хорошей дорогѣ, проложенной Юкагирами и другими окрестными жителями, которые съ своими товарищи (мѣлами и рыбою) съѣзжали на ярмарку въ Островное. Мы скоро достигли Малаго, или Сузлаго Анюя, и поѣхали къ его вершинѣ (почти прямо на востокъ), стараясь по возможности сокращать прямыми линиями частые изгибы рѣки. По берегамъ ея разсѣяны Юкагирскія селенія и дѣтвѣя, но теперь дома были пусты, потому что всѣ жители уѣхали на ярмарку.

Марта 8-го прибыли мы счастливо въ Островное, мѣстечко, величаемое крѣпостью; оно лежитъ въ 250 верстахъ отъ Нижне-Колымска, и устроено на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Анюемъ, подлѣ 190° ЮВ долготы и 68° широты. Кроме полуразвалившейся часовни Святаго Николая, въ немъ находится до 30-ти домиковъ и

* За 40 лѣтъ прежде, ярмарка производилась въ Алдирскотъ и Коменшотъ, куда ѣздили собираться Чукчи и сосѣднія племена, но такъ Русскіе торговцы обрываются не много. Главный торгъ, безъ всякаго принудительнаго мѣра, единственно по взаимному согласію торгующихъ, преедетъ въ Островное, которое по положенію своему гораздо удобнѣе для Русскихъ купцовъ.

нать, въ безпорядкѣ разбросанныхъ. Крепость состоитъ изъ явста, обнесеннаго заборомъ, съ петлого башеннаго вѣда воротами; въ срединѣ построены двѣ, такъ называемыя, казармы, т. е. жилища для конюшера съ канцелярією и сопровождающими его казаками; во время лѣтнихъ всѣ строенія явстечка набиты людьми и недостаточны для вышедшій многочисленныхъ посетителей, которые, по большей части, живутъ на открытомъ воздухѣ подлѣ своихъ нартъ и товаровъ. Чукчи разбиваютъ свои палатки на маленькомъ островѣ, недалеко отъ явста торга.

Вся окрестность оживлялась народомъ и дѣятельностью. Картина представляла много страннаго, но тѣмъ не менѣе была пріятна и носила на себѣ отпечатокъ оригинальности. Крепость и окрестные дома, съ трудомъ вырытые пазъ-подъ снега, не были большимъ украшеніемъ ландшафта, но вечеромъ, когда всѣ недостатки строеній скрывались, а тусклою свѣтлостію сквозь ледяныя стекла огня обличали близость жилья человеческого, видъ селенія производилъ весьма пріятное впечатлѣніе. Пламя горѣло, разложившіеся подлѣ возовъ и нартъ, высокіе столбы красноватаго, искристаго дыма, возстающіе изъ Чукотскихъ палатокъ и постепенно исчезающіе на темномъ глубокъ небосклонѣ, услаившіе яркою блестящими завѣсами, и перебѣгающіе по краямъ горизонта красные и зеленовато-бѣлые лучи сѣвернаго сіянія, бросали на окрестность какой-то необыкновенный для непривычнаго глаза свѣтъ. Вдали

раздавались глухіе звуки шаманскихъ бубновъ и протяжныя пѣсни Сибиряковъ. Новизна такого зрѣлища въ безлюдныхъ пустынныхъ стѣрахъ имѣла для меня много пріятельнаго; я могъ бы даже восхищаться живою картиною Сибирекой жизни, но рѣзкій, въ 30° холодъ гналъ несродившагося съ эдшимъ климатомъ къ горячему чужду, а разногласный вой нѣсколькихъ сотъ собакъ убивалъ всякое эстетическое расположеніе.

Въ крепости остаются только Комикарь, съ двумя нисидани и нѣсколькими казаками. На время ярмарки пріѣзжаетъ онъ сюда для собиранія податей, надзора за порядкомъ и защиты, въ случаѣ нужды, Русскихъ купцовъ отъ Чукчей. Къ счастью, не бываетъ ссоръ между торгующими, а то деревянныя стѣны крепости и Комикарь, съ малочисленнымъ, плохо вооруженнымъ гарнизонотъ, не были бы въ состояніи ни минуты сопротивляться многочисленной толпѣ воинственныхъ Чукчей. На время ярмарки пріѣзжаетъ изъ Нижне-Колымска и священникъ, привозя съ собою необходимыя для священнодѣйствій образа и утварь.

Вивѣсть съ нами прибыла въ Островное Русскіе купцы, караванотъ изъ 125-ти вьючныхъ лошадей. Чукчи уже собрались сюда прежде и расположились девятію отдѣльными станами, каждый родоначальникъ съ своими домохозянами особо. Путь сего народа въ Островное довольно замѣчателенъ. Сначала Чукчи переѣзжаютъ съ Чукотскаго Носа въ Амеряку, и тамъ живъ тамъ живутъ

и моржовых костей, отправляются въ Островное, съ своими жемами, детьми, оружіемъ, товарищи, оленями и долами — настоящее переселеніе народовъ въ маломъ видѣ. Выбирая для перехода мѣста, обильныя мохоми, Чукчи часто должны уклоняться отъ прямой дороги и совершаютъ свое путешествіе въ пять и шесть мѣсяцевъ. При переходѣ черезъ степи слѣдуетъ за караваномъ множество самей, нагруженныхъ мохоми для оленей. На берегахъ Чауской губы Чукчи перебиваютъ своихъ утомленныхъ оленей у кочующихъ тамъ племенъ и слѣдуютъ далѣе. Посѣщая по дорогѣ приморскіе мѣ. Анадырьскъ и Каменномъ на р. Ижигѣ, Чукчи приходятъ въ Островное обыкновенно въ концѣ Января, или началѣ Февраля. Здѣсь пробываютъ они десять или десять дней, и отправляются обратно прежнимъ путемъ. Обыкновенно караванъ ихъ состоитъ изъ трехъ сотъ человекъ, въ томъ числѣ 100 и 150 воиновъ. Такъ проводятъ жизнь свою Чукчи въ непре- рывныхъ переходахъ со всемъ имуществомъ и семействомъ. Каждый караванъ приходитъ въ Островное однажды въ два года; остальное время проводятъ Чукчи въ горахъ и тундрахъ своей родины, занимаясь охотою и приготовленіями къ переходамъ. Тогда переезжаютъ они на улахъ байдаркахъ черезъ Беринговъ проливъ, пристаютъ обыкновенно для отдыха къ Гвоздевымъ островамъ, и являютъ въ Северную Америку для ищущихъ на мѣхъ своихъ произведеній и Русскихъ торговцевъ. Должно удивляться смѣлости, съ какою

народъ, не имѣя понятія о судоходствѣ, совершаетъ на маленькихъ байдирахъ столь большіе перевезы по бурному и туманному морю.

Впрочемъ, Чукчи составляютъ по настоящему только посредниковъ въ торговлѣ между Русскими и Американцами; собственныхъ своихъ произведеній, кромѣ разн. оленьихъ шкуръ, пускаютъ они въ оборотъ немного. За Американскія произведенія, меха и моржовые клыки, платятъ Чукчи, по большей части, табакомъ, железомъ, бисеромъ и другими Русскими товарами. При семъ торгѣ обѣ стороны, т. е. Чукчи и Рускіе получаютъ огромныя прибыли. Чукчи вымѣниваютъ у Американцовъ за полпуда листового табаку партію меховъ, которую продаютъ за два пуда и на 100 получаютъ 300 процентовъ выгоды, а Рускіе, заплативъ, по болышой мѣрѣ, 160 рублей за два пуда табаку, промѣниваютъ его на меха, которые, по крайней мѣрѣ, стоятъ 260 рублей, и выигрываютъ 60 процентовъ.

Меха, привозимые Чукчанами, состоятъ главнѣйше изъ черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, выдръ и бобрровъ; также привозятся медвѣжьи шкуры и моржовые ремни и клыки, что все Чукчи вымѣниваютъ въ Америкѣ. Изъ своихъ произведеній доставляютъ они сѣнные пояса иль китовыхъ ребръ, рога изюжковъ изъ тюленьей кожи, впрочемъ довольно грубо отдѣланной, и множество всякаго рода готоваго платья изъ оленьихъ шкуръ. Прежде привозили они также каменные топоры, ножи, оружія

и Американскія одежды, но какъ такіе товары худо раскупились, то и исчезли совершенно изъ оборота.

Русскіе товары состоятъ главнѣйше изъ табаку, желѣзныхъ вещей, какъ то: котловъ, топоровъ, ножей, огинивъ, иглъ, мѣдной, жѣстяной, также деревянной посуды и множества разноцвѣтнаго бисера для Американцевъ и женщинъ. Гораздо охотнѣе привозили бы сюда купцы водку и вино, но изъ сдѣланныхъ мудраго и благотельнаго запрощенія Правительства, сѣи предметы не являются открыто въ оборотѣ, а, вѣроятно, только тайно и въ маломъ количествѣ. Чукчи страстные любители горлчихъ напитковъ, особенно хлѣбнаго вина, и рады отдать за него лучшіе свои товары. Для Русскихъ потребителей доставляются сюда чай, сахаръ, матеріи, платки, и проч.

Кромѣ Чукчей, собираются въ Островное все сосѣднія племена изъ-за 1000 и 1500 верстъ. Юкагвы, Лануты, Тунгусы, Чуванцы, Коряки привозятъ сюда многочисленными толпами, частью на собакахъ, частью на лошадяхъ. Все сѣи народы привозятъ для жнны собственныя произведенія, особенно деревянныя полозья для саней, которыя съ выгодною сбываются Чукчамъ на ихъ хъ. Различіе одежды, оуногнотій и пріемовъ, пріятно разнообразить и оживляеть видъ торга.

Февраля 10-го собрались Русскіе купцы и Чукотскіе старшины въ крѣпость къ Коммисару, прослушать правила, которыя должны

быть наблюдаемы при торгѣ, и съ общаго согласія установить такую товарамъ. Последнее необходимо потому, что безъ того безразсудное корыстолюбіе Русскихъ купцовъ уронило бы непремѣнно цѣну Русскихъ произведеній. После многихъ споровъ, наконецъ обѣ стороны сдвинуто положили за два пуда табакъ давать 16 лисьихъ и 20 кунныхъ шкурокъ; по такому масштабу устанавлилась цѣна и на прочіе товары. Продавшій ниже положенной цѣны обязанъ заплатить навѣстную денежную пеню и лишится права торговать въ томъ году на ярмаркѣ.

Февраля 11-го, когда Комисаръ собралъ съ Чукчей подати, впрочемъ довольно ничтожныя, за право торговли, совершаясь въ часовой торжественное богослуженіе и молебствіе^{*} о счастливомъ окончаніи торга, и потомъ подпалъ на башни крѣпости флаги, въ знакъ открытія ярмарки. Тогда Чукчи, вооруженные копьями и стрѣлами, въ порядкѣ приближаются къ крѣпости, и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ товарамъ, въ видѣ полукруга. Рускіе и другіе посетителямъ помѣщаются на противной сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ колокольнаго звона, означющаго позволеніе начинать торгъ. Съ перваго удара колокола, кажется, какая-то сверхъ-естественная сила схватываетъ Русскую сторону и бросаетъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, шумною безпорядочною толпою, въ

^{*} Къ сожалѣнію, монашеское богослуженіе Чукчей, по слову случаю простояло прежде всего слова прѣдъ.

ряды Чукчей. Каждый старается опередить другихъ, спешитъ, первый подойти къ санямъ, чтобы захватить тамъ лучшее и сбыть повыгоднее свои товары. Особенно рвностью и деятельностью отличаются Русскіе. Обвешенные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и другими товарами, таща въ одной рукѣ тяжелую клядь съ табакомъ, а въ другой желѣзные котлы, купцы перебѣгаютъ отъ однихъ саней къ другимъ, торгуются, кланутся, превозносятъ свои товары, и т. д. Крикъ, шумъ и толкотня выше всякаго описанія. Иной въ торопяхъ оступится и упадетъ въ снѣгъ; другіе сплывутъ черезъ него; онъ терпѣть шапку, рукавицы, но это не мешаетъ; онъ тотчасъ вскакиваетъ, и съ непокрытой головой и голыми руками, не смотря на 30° мороза, бежитъ далѣе, стараясь усиленно деятельностью вознаградить потерянное время. Сгущенную противоположность съ суетливостью Русскихъ составляютъ спокойствіе и неподвижность Чукчей. Они стоятъ, облокотясь на копыя, у саней своихъ, и вовсе не отвѣчаютъ на неистощающее красноречіе противниковъ; * если торгъ кажется имъ выгоднымъ, то молча берутъ они предлагаемые предметы и отдаютъ свои товары. Такое хладнокровіе, и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера Чукчей, даетъ имъ на торгѣ

* На Островскій ярмаркѣ употребляется, можно сказать, свое особенное торгѣе, состоящее изъ безпорочной смеси Русскихъ, Чукотскихъ, Якутскихъ и другихъ словъ. Только въ такомъ языкѣ обставляются между собою торгующіе.

большое преимущество перед Русскими, которые, ль торопясь, забывая таксу, отдают вместо одного два фунта табаку, а ль занятъ берутъ не соболя, а куницу, или другой мѣхъ мѣвшаго достоинства. Здѣсь имѣть я случаи удивляться верности, съ какою Чукчи, не зная вовсе вѣсѣ, просто рукою отгадываютъ истинную лѣжестъ предмета, и въ двухъ пудахъ зачитаютъ недостатокъ двухъ, даже одного фунта.

Торгъ продолжается обыкновенно три дня. Когда мѣхъ товары размысны, Чукчи начинаютъ обратный путь, а Рускіе и другіе посетители армарки свѣзжать въ свои жилища. Мѣстико снова пустѣеть, и если черезъ несколько дней послѣ торга Сибирская мѣтель налетитъ на Островное, оно исчезаетъ въ сугробахъ снѣговъ, и только торгашій «магаштокъ» крѣпости показываетъ путешественнику мѣсто, гдѣ однажды въ годъ устрояется плывущій торговый городъ. Впрочемъ, не смотря на кратковременность срока и ничтожность продажъ, платимыхъ Чукчанъ, армарка сія для Сибири довольно значительна. Обыкновенно лѣжность обращающихся здѣсь товаровъ равняется 200,000 рублей. Черезъ постоянныя сообщенія съ Русскими Чукчи познакомились со многими новыми предметами, которые отбывались уже для нихъ необходимыми потребностями, какъ то: табакъ и желѣзо. За позволеніе вымѣнивать сіи предметы у Русскихъ, Чукчи, несмотря на свое отвращеніе отъ всякаго признака зависимости, охотно платятъ положенную подать, ирочъ.

чем неслишком обременительную. Въ семь году она состояла изъ 30 лисьихъ меховъ. Вероятно, Чукчи постепенно подчинялись бы некоторымъ постановленіямъ, платежу ежегодно ясака, и наконецъ являлись покорившись бы Россіи, какъ другіе Сибирскіе народы, еслибы здѣшніе Комиссары своими поведеніемъ и обращеніемъ умѣли приобретать довѣренность и уваженіе дикарей. Къ сожалѣнію, случается противное. Боязливость и необдуманность съ одной и такое корыстолюбіе съ другой стороны воллсаютъ Комиссаровъ къ самымъ недостойнымъ поступкамъ, необходимо унижающимъ ихъ въ глазахъ Чукчей, которые отъ всѣхъ своихъ соседей отличаются вѣрнымъ, врожденнымъ поштіемъ о правдѣ.

Я воспользовался временекъ ярмарки, стараясь сблизиться съ почетнѣйшими старшинами Чукчей и предупредить ихъ о нашемъ намереніи и цѣли посѣтить Чукотскую землю. Въ крайности собрались: *Макамохъ* и *Леуль*, старшины съ береговъ залива св. *Лаврентія*, *Валетка*, скитающійся съ безчисленными стадами оленей въ тундрахъ, прилетающихъ къ *Шеланскому мысу*, *Деранка*, кочующій съ своимъ племенемъ на берегахъ Чаунской губы, и многіе другіе. Угостивъ и одаривъ ихъ табакомъ, я объявлялъ имъ, что Государь поручилъ намъ осмотреть Ледовитое море, съ его берегами, для того, чтобы найти легчайшее средство привозить Чукчанъ на корабльхъ табакъ, желѣзо и другіе товары. Но какъ при такихъ изслѣдованіяхъ легко можетъ

случится, что мы принуждены будем приближаться къ берегамъ ихъ родины, и даже выйти на землю, то мы надѣемся встрѣтить дружескій пріемъ отъ туземцовъ, и обилуемся въ послѣдствіи щедро награждать за всѣ оказываемыя намъ услуги. Такое обилуаніе, кажется, нѣсколько обилуало Чукчей, и одинъ изъ нихъ, именно Валетка, между прочимъ сказалъ: «Развѣ мы не подданные сына солнца (Императора)? Онъ намъ «далъ это оружіе для общей пользы, а не съ «тѣмъ, чтобы мы употребляли его во зло, или «вредили нашимъ друзьямъ.» При сихъ словахъ Чукча съ гордостью схватился за серебряную рукоятку кнута, подареннаго ему отцу въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Въ заключеніе всѣ присутствующіе старшины дали мнѣ слово и руки, утѣряя, что они не только примутъ насъ по дружески, но и употребятъ всѣ зависящія средства для споспѣшествованія нашему намѣренію. Договоръ, къ великому удовольствію моихъ гостей, былъ скрѣпленъ порядочно порціею хлѣбнаго вина.

Переговоры моего спутника Кокрена не были столь удачны. Выдавалъ себя за купца, онъ просилъ Чукчей провести его до залива св. Лаврентія для переезда оттуда въ Америку, обилуалъ ихъ за то щедрую награду табакомъ и виномъ. Мужъ вызвался доставить Кокрена къ Меченшенской губѣ въ Номъ мѣсяца, но требовалъ въ награду 30 пудовъ табаку; Валетка, напротивъ того, хотѣлъ безвозмездно довезти Англичанина

до своего кочавья на рѣку Верконь, и оттуда отправить съ родственниками на Чукотскій Носъ, или въ будущемъ году привезти обратно въ Островное. Дусть требовалъ цѣну саяшкомъ отъ ропшуро, а безкорыстіе Валетки раждало подаршисе. Между тѣмъ Кокренъ, познакомившисе нѣсколько съ Чукчани, увидалъ, что долгое пребываніе съ ними сопряжено съ безчисленными лишениями и затрудненіями, не можетъ доставить большаго удовольствія, а при совершенномъ неанавіи ихъ языка будетъ даже бесполезно. По снѣмъ причинамъ увѣрившисе, что данный ему отъ Губернатора открытый листъ не будетъ большою запискою отъ свирѣлости Чукчей, Кокренъ, рѣшившисе перемѣнить свое намѣреніе и возвратиться въ Нижне-Колымскъ.

Чукча еще очень мало извѣстны. Немногіе путешественники, посѣщавшіе снѣ страны, по кратковременности сношеній съ жителями и по незнанію туземнаго языка, довольствовались только описаніями одежды, нѣкоторыхъ обычаевъ и богослужебныхъ дѣйствій сего народа. Образъ жизни, внутреннее управленіе и понятія Чукчей еще не раскрыты, а потому нѣтъ достаточныхъ данныхъ для составленія точной и вѣрной идеи о характерѣ сего замѣчательнаго племени. Находясь здѣсь едва нѣсколько дней, я не имѣлъ возможности вопросамъ ближе познаться съ мнѣніями, нравами и обычаями Чукчей. Все вниманіе ихъ было устремлено на предстоящую предъ ними армарку, а потому разговоръ и самыя

мысли более склонились къ торговымъ дѣламъ. Сверхъ того я и не смѣлъ много спрашивать, потому что сей народъ, по врожденной недоверчивости, легко могъ получить подозрѣніе: не пыталъ ли мы злато намѣревіа на его свободу? Впрочемъ, по возможности старался и собирать свѣдѣнія отъ самихъ Чукчей и отъ живущихъ здѣсь Русскихъ. Такими образомъ составлены слѣдующія замѣчанія, которыя, при всей неполнотѣ, могутъ служить дополненіемъ существующихъ, и матеріаломъ будущимъ точнѣйшихъ описаній сего малоизвѣстнаго народа.

Изъ всѣхъ племенъ Сѣверной Азіи, Чукчи въ наибольшей чистотѣ сохранили своею народность. Чувствуя собственную слабость, они ипринимово кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины, предѣлы которой отъ прежнихъ кровопролитныхъ битвъ съ покорителями Сибири значительно отступились. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, Чукчи, имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленныхъ стадъ, которыя даютъ имъ жилища, одежду, пищу, и все, что требуется для кочевой ихъ жизни. На сѣверныхъ степяхъ своего мрачнаго, льдистаго отечества, подъ легкими палатками изъ оленьихъ шкуръ, Чукчи почитаютъ себя счастливыми всѣхъ своихъ соотечей, и на нихъ всегда смотрятъ съ сожалѣніемъ. Легко и хладнокровно переносятъ они всѣ недостатки и лишения, и не замечаютъ другихъ, вѣда, что за необходи-

мыя удобства и удовольствія жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

До покоренія Сибири, Чукчи и другія племена Северо-Восточной Азии, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ непрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими соседями. Первые набѣги Рускихъ значительно ослабили сіи междоусобія и сблизили враждовавшія племена, а наконецъ вторженіе Якутскихъ воеводъ Намдунцаго и Шестакова, въ 1750 году, побудило всѣхъ соседнихъ слабѣйшихъ племенъ соединиться совершенно съ Чукчами, и избравъ военновачальникомъ, дружно противостоять общему непріятелю. Бой былъ неравенъ. Послѣ нѣсколькихъ пораженій, Чукчи, торжествуяшіе всегда надъ слабѣйшими соседями, лишились высокаго понятія о своей непобѣдимости и бѣжали въ неприступныя горы и скалы своего отечества. Побѣдители не могли и неохотно слѣдовать за ними, въ землю, не обрѣцающую никакого вознагражденія за понесенные труды и опасности.

Рускіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли никакихъ сношеній съ Чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не доверяя Русскимъ, Чукчи многочисленными, вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества, но мало по малу, увидѣвшись многолѣтними опытами въ излюбленіи своихъ побѣдителей, сдѣлались доверчивѣе, и нынѣ, какъ мы видѣли, приходятъ съ своими жеманъ, дѣтми и нѣтъ имуществомъ,

въ Русскія владѣнія для выгодной обѣихъ сторонъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ Русскими имѣло выгодное вліяніе на дикарей и заметно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, подобно Юкагирамъ, Чувапцамъ, Коракамъ, и другимъ народамъ, хотя и гордымъ своею самостоятельностью, Чукчи постепенно покорятся и совершенно сдѣлаются съ Русскими.

Многіе Чукчи крещены, но это не имѣло никакого дальнѣйшаго вліянія; они остаются крещеными язычниками, не понимая собственно духа и смысла христіанскаго ученія. Большой части Чукчей крещеніе составляетъ только спекуляцію, посредствомъ которой они надѣются получить нѣсколько фунтовъ табаку, мѣдный котелъ и тому подобныя подарки. Отъ того нередко случается, что нѣкоторые добровольно являющіеся вторично креститься, и даже выражаютъ свое негодованіе, когда пѣть въ томъ отказываютъ. Священникъ, пріѣзжающій изъ Нижне-Колымска на время ярмарки въ Островное, обыкновенно находитъ нѣсколькихъ Чукчей и Ламутовъ, которые, съ надеждою получить подарки, согласны на крещеніе. При насъ также одинъ молодой Чукча объявилъ, что онъ, за нѣсколько фунтовъ Черкаскаго табаку, желаетъ окреститься. Въ назначенный день собралось въ часовню множество народа и обрядъ начался. Новообращенный стоялъ смиренно и благопрістойно, но когда слѣдовало ему окунуться три раза въ купель съ холодною

водою, онъ спокойно покачалъ головой и представилъ множество причинъ, что такое дѣйствіе во все не нужно. После долгихъ убѣжденій со стороны толмача, при чемъ, вѣроятно, неоднократно упоминался обзвѣщенный табакъ, Чукча наконецъ рѣшился и съ видными нехотѣйками ископалъ въ купель, но тотчасъ выскочилъ, и дрожа отъ холода, началъ бѣгать по часовню, крича: «Давай табакъ! Мой табакъ!» Никакія убѣжденія не могли принудить Чукчу дожидаться окончанія дѣйствія; онъ продолжалъ бѣгать и скакать по часовнѣ, повторяя: «Нѣтъ! болѣе не хочу, болѣе не нужно! Давай табакъ.»

Сей случай можетъ служить образчикомъ понятій здѣшнихъ новообращенныхъ о христіанствѣ, которое впрочемъ не можетъ имѣть достаточнаго вліянія и пользы, даже и потому, что не предшествуется предварительнымъ ученіемъ. Кажется, что самое введеніе христіанства, при уединенной, бродячей жизни, еще невозможно тѣмъ болѣе, что священники, по недостаточному знанію языка, не въ состояніи удовлетворительно объяснять основныя понятія христіанскаго ученія. С. Петербургское Библейское Общество перевело на Чукотскій языкъ десять заповѣдей. Отче нашъ, Символъ Вѣры, и если не ошибаюсь, часть Евангелія, напечатаю Русскими буквами и прислало сюда, но сей трудъ не можетъ принести большой пользы. Въ грубомъ Чукотскомъ языкѣ недостаеги словъ для выраженія новыхъ, отвѣщенныхъ наплатій, а Рускія

буквы не могут передать многих звуковъ, и потому, по свидетельству священника и почетнейшихъ Чукотскихъ старшинъ, переводъ весьма неудовлетворителенъ, а иногда совершенно непонятенъ. Вообще крещеные Чукчи исполняютъ только тѣ христіанскіе обряды, которые не сопряжены съ трудомъ или издержками, и могутъ принести какую нибудь пользу. Такъ, на приим., не смотря на крещеніе, богатые Чукчи нѣютъ по два, по три и болѣе женъ, которыхъ они по произволу берутъ, оставляютъ и нѣваютъ на некоторое время на другихъ. Не смотря на то, что женщины считаются здѣсь рабынями, судьба ихъ во многихъ отношеніяхъ лучше участи женщинъ другихъ дикихъ народовъ. Чукча никогда не разлучается съ своею женою, которая легко можетъ заслужить уваженіе своего мужа и нередко управляетъ имъ и всѣмъ домою.

Вообще нравы и обычаи сего народа суровы и часто свирѣпы. Такъ, на примѣръ, сохранялось у нихъ противестественное, безчеловѣческое обыкновеніе убивать дѣтей, рождающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи переносить трудовъ кочевой жизни. Два года тому, отецъ старшины Вилетки, соскуча жизнью и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарезанъ своими ближайшими родственниками, которые при семъ дѣйствіи исполнили, по ихъ мнѣнію, священную обязанность. Не смотря на старанія Пра-

вительства и духовенства, сей ужасный обряд строго воспрещается, поддерживаемый, вероятно, шаманами, которые вообще приобрели большую власть и сильное влияние над Чукчами. Каждое племя, каждый караван имеют своего, одного или нескольких шаманов, и их мнение требуется и исполняется во всех важных случаях. Вот пример ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шаманов: в 1814-м году, между Чукчами, прибывшими в Островное, появилась заразительная болеть, распространилась вскоре на оленей и продолжалась, не смотря на все принимаемые меры. Наконец, в общении торжественном собрании, все шаманы объявили, что разгневанные духи тогда только прекратят заразу, когда им принесется на жертву Кочень, один из почетнейших и богатейших старин. Кочень был так уважаем и любим всеми народами, что Чукчи, забыв свое привычное повиновение панацским изречениям, отказались исполнить их. Повторение продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, не смотря на подарки, угрозы, может быть и побои, * не соглашались переминить приговора. Тогда сам Кочень, второй Курт, собрав народ и объявив, что он убедился в непереклонности воли духов и рывнется для

* Говорят, что иногда платятся побоями заставить шамана изменить или вовсе приговор. но такое дикое средство редко удается; но большей частью, шаманы остаются непреклонны и тогда заслуживают общее уважение.

спасения своих соотечественников добровольно пожертвовать жизнью. Даже и после того любовь къ нему долго боролась съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ, сынъ Кочена, смаченный просьбами и угрожаемый проклятіемъ, понизилъ поже въ грудь отца и передать трупъ его шаманамъ.

Такъ сильно вліяніе шаманства, которое заступать здѣсь мѣсто религіи и отличается отъ всѣхъ вероисповѣданій тѣмъ, что имѣя весьма мало, и то самыхъ темныхъ, обихайныхъ преданій, никакихъ догматовъ, или правъ, оно не имѣетъ, почему ученіе или преподаваніе шаманства невозможно. То, во что вѣруютъ шаманы и въ нихъ приверженцы, никакъ не выдуманно, и не есть твореніе одного человека, но рождается въ понятіяхъ каждаго отъ созерцанія вышнихъ предметовъ, и какъ наружный видъ пустыль Сибири одинаковъ съ степенью образованія, на которой стоятъ ся полудикіе обитатели, то и самыя впечатлѣнія вышнія, болѣе или менѣе, сходны между собою. Каждый видитъ и чувствуетъ для себя, но и безъ наружнаго сообщенія существуетъ уже тождество въ вымыслахъ воображенія дикарей, и вѣра одного лица есть вѣра съ тѣмъ вѣра и цѣлаго народа. Отъ того, что шаманство есть, такъ сказать, твореніе каждаго, и каждому, какъ своя собственность, дорого, неминуемо жизнью, оно столь долго сохраняется, и не истребится между Сибирскими племенами до тѣхъ

поръ, пока они не выйдутъ изъ полулуннаго состоянiя, или не оставятъ тундры и скалы своего отечества, рождающихъ въ умахъ народа всегда одни и тѣ же впечатлѣнiя. Когда козюкии блебена получаютъ оседлость, и наставленiя и примѣры образованныхъ соседей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать, тогда только можетъ востепенно появиться самосозидая въ-рѣ изъ добрыхъ вѣяныхъ духовъ и шамановъ, тогда только можетъ быть съ успѣхомъ введено здѣсь и христіанство.

Обыкновенно, общее мнѣнiе называетъ всѣхъ шамановъ грубыми, корыстолюбивыми обманщиками, пласка и зриванiя которыхъ простое притворство. Но по тому, что я имѣлъ случай видѣть здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ Сибири, сей приговоръ кажется мнѣ слишкомъ строгимъ и неосновательнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ односторонень, и относится только къ тѣмъ людямъ, которые подъ именемъ шамановъ переходятъ изъ селенiя въ селенiе, и разными, по явленiю сверхъ-естественными дѣйствiями, какъ то: безвредныхъ хватанiемъ раскаленнаго желѣза, прокалыванiемъ руки длинною иглою, и т. д., удивляютъ простой народъ и выманиваютъ у него деньги. Истинные шаманы не принадлежатъ къ особой кастѣ и не составляютъ соединеннаго для известной цѣли сословія, но образуются и совершенствуются сами собою. Среди народа рождаются люди съ сильнымъ, легко восламеняемымъ воображенiемъ; съ наивлѣтливѣе слышать отъ стар-

шихъ о злыхъ и добрыхъ духахъ и шаманахъ; видяще шаманскіе обряды, и естественныя судорожныя движенія, всеобщее уваженіе и самая таинственность сильно поражаютъ юному. Онъ также начинаетъ стремиться къ необыкновенному, старается достигнуть сообщенія съ неземнымъ. Никто не можетъ указать ему къ тому пути; сами шаманы незнаютъ, какими образомъ они сдѣлались шаманами. Изъ самого себя и окружающей его врачной природы долженъ онъ извлечь познаніе непонятнаго. Уединеніе, одиночество, бдѣніе, постъ, разгорлачительныя средства напридаютъ и растроиваютъ его воображеніе. Наконецъ онъ видитъ явленія и духовъ, о которыхъ слышалъ съ малолѣтства. Онъ вѣритъ имъ твердо и безъ всякаго притворства. Тогда посвящаютъ его въ шаманы; торжественно и таинственно, въ типичъ цоли, научаютъ его пляскамъ и пріемамъ на бубнахъ. Но посвященіе не умножаетъ познаній шамана и не производитъ какой нибудь перемѣны въ его духъ; оно просто вышнналъ церемонія. Все, что шаманъ чувствуетъ, говоритъ, дѣлаетъ, чему онъ вѣритъ, есть и остается счастливѣмъ расположенія его собственнаго духа, и никакъ не можетъ быть хладнокровнымъ, обдуманнѣмъ обманомъ, или притворствомъ. Волкѣ, кто видѣлъ и наблюдалъ истиннаго шамана, въ высшей степени восторга, согласится со мною, что шаманъ, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, не можетъ и не хочетъ обманывать, и что такое состояніе про-

исходить отъ involuntary, непреодолимаго вліянія чрезвычайно напряженнаго и разстроеннаго воображенія. Истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное психологическое явленіе. Пляска и гаданія шамановъ дѣлали на меня всегда продолжительное, яркое впечатлѣніе. Дикій взоръ, налитые кровью глаза, синий гомось, съ трудомъ вырывающееся изъ стѣсненной груди дыханіе, неестественныя, судорожныя корчи лица и всего тѣла, стоящія дыбомъ волосы, глухой звукъ бубновъ, придаютъ картинѣ нѣчто ужасное, таинственное, поражающее всякаго, даже и образованнаго человека. Мудрено ли, что необразованныя дикія дѣти природы видятъ въ томъ яркое дѣйствіе злого духа?

Но пора возвратиться къ ярмаркѣ и Чукчанъ. Ихъ палатки, какъ мы сказали, были расположены нѣсколькими отдѣльными группами, и представляли, хотя не пріятельное, но довольно живописное зрѣлище. Въ срединѣ каждаго отдѣленія, обыкновенно изъ десяти, или двадцати палатокъ состоящаго, стоятъ, прилепаясь къ дереву, большой высокій палецъ старшины; вокругъ помѣщаются дорожныя сани и привязываются избранныя домашніе олени; остальные большими табунами пасутся на тундрѣ и сами выгребаютъ себѣ пищу изъ-подъ снега. На мѣстѣ дерева развѣшены въ безпорядкѣ лукъ, колючавы, одежды, разноцвѣтные меха и домашняя посуда. Изъ палатокъ поднимаются столбы искривстаго дыма; иногда на снѣгу разложены огонь

и на немъ, въ котлахъ, варится оленина. Между палатками спяють закутанные въ меховыя платья, покрытые инеемъ Чукчи, и не смотря на морозъ въ 34°, спокойно и весело существуютъ. Подумавъ по неволѣ, что они во все не знаютъ, что такое стужа!

Палатки сшиваются изъ мягко выделанныхъ оленьихъ шкуръ (рогауль) и растягиваются на несколькихъ пестяхъ, соединенныхъ веревками концами. Вверху оставляется отверстіе для дыма. Подъ наметомъ помѣщаются: кухня, гдѣ привѣшивается большой желѣзный котелъ, подъ которымъ раскладывается огонь, и собственно-жизная комната, или пологъ. Последний ни что иное, какъ большой мѣшокъ, сшитый изъ двойныхъ, тончайшихъ шкуръ молодыхъ оленей; онъ растягивается на тонкихъ пестяхъ, въ видѣ большого четырехъ - угольнато ящика, безъ всякаго отверстія для воздуха, или света. Въ пологѣ можно только сидѣть и двигаться на коленяхъ. Входящій поднимаетъ одну изъ шкуръ, служащихъ стѣнамъ полога, но столько, чтобы съ трудомъ можно было проползти на четверенькахъ, а потомъ опускаетъ и затыкаетъ подъ мехъ, лежащія на полу. Для осыщенія и нагреванія полога стоитъ въ срединѣ довольно большой глиняный сосудъ, въ которомъ день и ночь горитъ мохъ въ китовомъ жирѣ. Этотъ огонь производитъ такой жаръ въ пологѣ, что Чукчи сидятъ въ немъ при сильнѣйшихъ морозахъ, совершенно нагѣе. Иногда подъ оленьимъ чистомъ находится два, или три полога,

изъ которыхъ въ каждомъ живутъ отдельные семейства, или жены хозяина съ своими детьми.

Леуъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и почетнѣйшихъ старшинъ, пригласилъ меня къ себѣ, и я радовался случаю узнать внутреннюю семейную жизнь Чукчей, но когда я, по наставленію и примѣру гостепріимнаго хозяина, въползъ выше-описаннымъ образомъ подъ пологъ, то проклялъ свое любопытство. Можно себѣ представить, какова атмосфера, составленная изъ густого вонючаго дыма китоваго жира и испареній шести натиыхъ Чукчей! Жена и семнадцатилѣтняя дочь хозяина приняли меня въ такомъ пыльномъ, донашиваемъ костюмъ съ громкимъ смѣхомъ, возбужденнымъ, вѣроятно, моею неловкостью при входѣ въ пологъ. Они указали мнѣ мѣсто, гдѣ сѣсть, я спокойно продолжалъ вилетать бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ волосы. Послѣ я узналъ, что это дѣлалось въ честь моего прихода. Окончивъ свои занятія, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли, и прибавивъ къ тому парадочную порцію полупротухлаго китоваго жира, ласково пригласила меня закусить. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при видѣ такого блюда, но я долженъ былъ, чтобы не обидѣть хозяйку, проглотить несколько кусочков оленины. Между тѣмъ, съ невольными проворствомъ, хозяйки мои руками набивали

* Чукчи, какъ вообще все чопенны народы, не употребляютъ и не любятъ соли.

себя ротъ масломъ и китовымъ жиромъ, презаносилъ лопачины Русскимъ языкомъ необыкновенный даръ своей жены приготовить китовый жаръ, такъ, что она именно получаетъ необходимую пріятную степень горечи. По возможности сократилъ и повысилъ, естѣя вырваться на чистый воздухъ. Запахъ влаги оставался еще несколько дней въ моихъ платьяхъ, не смотря на неоднократное выколачиваніе и проветриваніе. Ауэа справедливо почитается однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ Чукотскихъ старшинъ, и по его житію можно получить некоторое понятіе о пріятностяхъ домашней жизни остальныхъ Чукчей. Удивительно, какъ при такой неопытности и зараженномъ воздухѣ жилище, народъ сей остается сильнымъ и здоровымъ. Вообще Чуки высокаго, стройнаго роста; окладомъ лица похожи на нагорныхъ Якутовъ (живущихъ въ окрестностяхъ Якутска), но отличаются языкомъ и одеждою. Произношеніе Чукотскаго языка чрезвычайно трудно для Европейца, потому, что слова состоятъ почти исключительно изъ гортанныхъ и носовыхъ звуковъ. Многіе звуки напоминаютъ гоготъ гуся, хорканіе оленя и лай собаки.

Другой старшина, Маконокъ, пригласилъ меня присутствовать на народныхъ играхъ Чукчей, которыя производились недалеко отъ крѣпости. На льду былъ очищенъ бѣгъ; почти вся посѣтители армарки собрались туда толпами. Для побѣдителей назначались бобровый и песцовый мехъ и два отличныя калыка моржовые. По дапиному

знаку началась скачка, причем равно надобно было удивляться необыкновенной быстроте оленя и искусству управлять сими животными и поощрять его. Кроме выигранных наградъ, победителям заслужили всеобщее одобрение и особенную похвалу своихъ соотечественниковъ, а послѣднее, казалось, было имъ всего дороже.

Послѣ того бѣжали въ запуски—въ своемъ родѣ странное, замѣчательное зрѣлище, потому, что Чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной, тяжелой, людской одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Не смотря на то, они бѣжали по глубокому снѣгу такъ быстро и проворно, какъ наши шарлатанскіе скороходы въ легкіхъ курточкахъ и тонкихъ башмакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость Чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ. Побѣдители также получили небольшіе подарки и громкое ободреніе зрителей. По окончаніи игры вѣдалось угощеніе, состоявшее изъ вареной оленины, разбѣзанной на мѣлкіе кусочки. Замѣчательны спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ толпѣ, не только при играхъ, но и при угощеніи; не было ни толкотни, ни споровъ и каждый вслѣ себя тихо и благопрістойно.

На другой день большое общество Чукчей, мужчинъ и женщинъ, пришло ко мнѣ на квартиру. Я предложилъ выпить чаю и леденцу, но они довольствовались леденцами, а чай имъ, какъ казалось, не нравился. Впрочемъ, не смотря на скудное угощеніе, нѣсколько ветокъ разно-

цѣпного бисера развеселила моихъ гостей, и женщины вызвались плясать. Нельзя сказать, чтобы пародная пляска Чукчей заключала въ себя много пластики и граціи, но въ своемъ родѣ она необыкновенна. Представьте себѣ пятнадцать и болѣе, закутанныхъ въ неуклюжія, широкія мѣховыя плащи женщинъ, которыя, столпясь въ кучу, медленно передвигаютъ ноги и сильно машутъ руками. Главное достоинство состоитъ въ минимѣ, которой я, по незнанію, не замѣтилъ. Вмѣсто музыки, нѣсколько Чукчей пели отрывистую, довольно нескладную пѣсню. Въ заключеніе, три отличнѣйшія тапцовщицы вызвались проплясать любимое народное *pas de trois*, отъ котораго всѣ присутствовавшіе мнѣ соотечественники были въ восхищеніи. Мы, непосвященные въ таинства Чукотскаго вкуса, видали только три неповоротливыя фигуры, сдвинувшіяся за руки. Наблюдая лица танцовщицъ, я удостоверился озабоченъ, что онѣ дѣлали, дѣйствительно, не человѣческія, нелѣпыя и самыя неестественныя гримасы. Общее утомленіе положило конецъ балу. По совету моего толмача предложилъ я трѣмъ солисткамъ водки и табаку. Все общество было тѣмъ очень довольно, и Чукчи со мною разстались въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно пригласивъ меня посѣтить ихъ отчизну.

На шестой день послѣ нашего прѣзда ярмарка окончилась. Чукотскіе старшины пришли еще разъ со мною проститься, и потомъ въ шести карава-

нах потянулись в свое отечество. Тоже савлали и другие посетители армарки. Я потяла вместе с Колюскими купцами, Коммиссаровъ в священники. Островное опустело. Савжій свѣтъ изгла-
дѣлъ слѣды многочисленныхъ посетителей. Тот-
часъ явился станъ голодныхъ лисницъ и не-
сладость, и въ короткое время уничтожили все ко-
сти и остатки, валившіеся грудями около жи-
лищъ и становъ.

Марта 16-го выехали мы изъ Островнаго.
Обратный путь, по хорошо узвѣженной дорогѣ, на
отдохнувшихъ и откормленныхъ собакахъ, шелъ
очень быстро, такъ, что 19-го Марта благопо-
лучно прибыли мы въ Нижне-Колюмскъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

=

	Стр.
Глава I. Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому Океану, между Барскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 года. — Состояніе карты въ то время. — Назначеніе отряда къ северно-восточнымъ берегамъ Сибири.	1
Глава II. Отъѣздъ экспедиціи изъ С. Петербурга. — Прибытіе въ Краутекъ. — Канализъ по рѣкѣ Лекѣ. — Городъ Якутскъ.	148
Глава III. Путь отъ Якутска до Нижне-Колымска. — Высочайшая лошадь. — Первый лѣтнѣе. Якуты. Якутское селеніе Мирѣ. — Юрты, одежды, обыряды, плетни, пила Якутовъ. — Якутскія деревни. — Черты Якутскаго характера. — Рѣка Алданъ, рѣка Тукулунъ. — Ночлеги въ лесу. — Верхо-Янский хребтъ. — Бродячіе Тунгусы. — Станки Баранскъ и Табола. — Городакъ Зашигарскъ. — Окрестные жители. — Рѣка Алазея. Сѣвѣкъ Сардакъ. — Средне-Колымскъ. — Зимнее дорожное платье. — Рѣка Околонтъ. — Фабрика собакъ. — Приѣздъ въ Нижне-Колымскъ.	174
Глава IV. Общія замѣчанія о низовой части Колымы и жителей ея, Рѣка Колыма. — Климатъ. — Жителы. — Селенія. — Берега. — Оленія. — Образъ жизни. — Голода. — Рыбные промыслы. — Бѣроженіе рыбы въ прокъ. Охота за оленями. — Пушныя звѣри и лова ихъ. — Собаки, необходимые рабочій скотъ.	221

	Стр.
Глава V. Нижне-Колымскъ. — Обзаведеніе наше. — Приготовленіе экспедиціи. — Основательное сомнѣніе объ открытіяхъ сержанта Алдротта. — Прибытіе Ангійскаго путешественника Кокреса. — Вечерняя. — Прибытіе штурмана Козмича. — Познакомленіе съ собаками. — Необходимое отступленіе отъ первоначальнаго плана. — Извѣстіе о прибытіи Чукчей съ Малаго Амыа и отъѣзда г. Матюшкина въ Островное.	169
Глава VI. Первое путешествіе на востокъ по льду въ море. — Отъѣздъ изъ Нижне-Колымска. — Суларный островъ. — Баранова Намета. — Ромкой, выжженный морской берегъ. — Большая Баранова рѣка. — Холодъ. — Первые слѣды Чукчей. — Метель. — Прогнъ Собадей. — Несчастный мѣсь. — Шельский мѣсь. — Скала Колымца. — Сладчайшей волонъ. — Мысь Матюшкина. — Островъ Араутатъ. — Потеря съѣстныхъ припасовъ. — Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ.	200
Глава VII. Отчетъ г-на Матюшкина о походахъ въ Источное Островное и тамошней ярмарки. — Заключеніе о встрѣченіяхъ Чукчахъ и о Шельцахъ.	318

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.	Срок.	Напечатано:	Чтати:
48	3	71° 31'	71° 33'
74	4	отъ 2-8 до 7 июля	на 2 нел. или
116	9	нескопе	нескопе
222	11	въ некоторыхъ мѣстахъ прямую тонкую слонъ ли въ углубленіи	прямую къ горѣ ослабую ширину кости.
	22	Коллекция, изображающая	Коллекция захо-
	23	свойствами, истрочаютъ	дана въ мѣстахъ
	24	съ известными шара, ко- торые заключаются въ се- бѣ янтарообразные кри- сталлы халцедоновые и ахистовые.	известные шары, заключенные внут- ри кристаллы ян- таровъ и халцедо- новъ, въ видѣ та- кихъ выводовъ по- токи.
224	43	ручейковъ	протоковъ
226	21	Сентября; тогда....	Сентября и продол- жается до Ноября; тогда.....
	22	обыкновенно	не рѣдко
229	въ выв. 2-я сенту	свойствахъ при- роды.	приведены пособій

Стр.	Стр.	Напечатано:	Читайте:
230	1	резнилахъ, столъ силь- наго	резиныхъ, бываю- щаго съ ползаниемъ солнца надъ гори- зонтомъ, столъ силь- наго.
изъ латинской послѣд. стр.		Выводы его опытовъ помѣщены ниже—это совер- шенно вымышленны, потому что ни изъ помѣщен.	
253	22	Юкагиря	Якута
260	12	изъ Германіи	изъ другихъ странахъ
267	6	изъ котла	изъ черномъ чайникѣ
276	11	двѣ	четыре
279	10	на берегахъ	близъ береговъ
282	2	оленины	топояны

ПУТЕШЕСТВІЕ

до

ОКЕАНА И ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ.

II.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

100 EAST 57TH STREET, 4TH FLOOR
NEW YORK, N.Y. 10022

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СѢВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ

И

ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ,

СОВЕРШЕННОЕ, ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 ГГ., ЭСЕЙ-
ЛИЧНО, СОСТОЯВШЕЕ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА ЛЕЙТЕНАНТА

Фердинанда Фонъ-Врангеля.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Др. 6069.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И С^Ю.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ законченное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
• апреля 10-дня, 1840-года.

Ценсоръ С. Кунорнъ.

ГЛАВА I.

Второе путешествие во лед. — Приготовления. — Путь. — Отъезд. — Меленькая охота. — Походка на морскомъ ледѣ. — Глазныя болыни. — Четыре Столбовой острова. — Рассветъ. — Лодка льдеетъ. — Путь торосовъ. — Торосы стараго сирафанова. — Счастливо соображенъ курсъ среди торосовъ. — Свѣдѣе вторичнаго во ледѣ. — Ледяной хлыстъ. — Превыше Наси. — Бѣлые пельмели. — Меленькій островъ в Кресновомъ островѣ. — Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ.

Приготовленія къ нашей второй поездкѣ интенъ почти не отличались отъ приготовленій къ первой, но только производились въ болѣе обширнѣ. Узнавъ собственнымъ опытомъ затрудненія и препятствія, какія наиболее встрѣчались въ подобномъ путешествіи, мы принимали для отклоненія ихъ всѣ зависящія отъ насъ мѣры. Прокладывать дорогу черезъ высокія, плотныя купы торосовъ, которыя по мѣрѣ нашего удаленія въ море должны были попадаться все чаще, взяли мы нѣсколько пеленей, а для переправы чрезъ полыньи легкую кожаную лодку.

часть II.

Испытавъ, какъ вредна для сапныхъ полозьевъ вода по морскому разсолу, вѣкъ по снѣгу, смерзающемуся остроконечными кристаллами, и представилъ, что по причинѣ поздняго времени изъ чаето придется ѣхать такою дорогою, мы запаслись китовыми ребрами, чтобы въ случаѣ надобности подпирать ихъ подъ нарты. Изъ инструментовъ, кромѣ прежнихъ, я взялъ еще съ собою шкешматоръ и лопъ съ лиснемъ.

Провиантъ для насъ и кормонъ для собакъ запаслся мы на 30-ть дней, пахъся, при удачной медвѣжьей охотѣ, и долге держаться въ морѣ.

Назначенныя собственно для путешествія, шесть самыхъ прочныхъ и длинныхъ нартъ, съ надежными упряжками, находились уже съ 16-го Марта въ Сухарномъ, гдѣ собаки отдыхаютъ и хорошихъ кормонъ приготавливались къ продолжительному путешествію. Марта 22-го отправился въ Сухарное г. Матюшкинъ, съ остальными 14-ю транспортными нартами, чтобы присутствовать при нагрузкѣ провіанта и другихъ вещей для экспедиціи; 25-го числа прибылъ и самъ въ Сухарное и нашелъ все готовымъ и въ наилучшемъ порядкѣ. Нарты, каждая съ грузомъ въ 30-ть пудовъ, были плотно обернуты и обвязаны; полозья, оббитыя нѣсколько разъ водою, снабжены были толстыми ледяными тормозами; собаки, отдохнувшія и хорошо откормленные, видимо поправлялись.

Въ путешествіи моемъ сопровождали меня г.

Матюшкинъ *, отставной унтеръ-офицеръ, Рашетиполъ и матросъ Нехорошкова. Кроме того, Колымскій кузнецъ Бережной добровольно вызвался ехать съ нами, на двухъ собственныхъ своихъ нартахъ и съ своимъ кормомъ. Шестью путевыми нартами правили три казака, одинъ Русскій крестьянинъ и два Юкагира съ Большаго Анюя; транспортныя нарты были поручены отчасти казакамъ, отчасти Колымскими жителями и Юкагирамъ.

Марта 26-го, при легкомъ ZO вѣтрѣ, безоблачномъ небѣ и 5° холода, мы отправились въ путь. Къ вечеру достигли мы Малаго Баранова Камня и остановились въ той же новарнѣ, гдѣ ночевали въ прошломъ году. На берегу лежало много навознаго лѣса, и мы нагрузили имъ, по возможности, наши нарты, такъ, что запаслись дровами дней на двѣнадцать пять.

Согласно съ данною намъ инструкціею надлежало начать опись и изслѣдованіе прямо отъ Шеллагскаго мыса къ северу, но мнѣ казалось необходимымъ осмотрѣть предварительно моря къ северу отъ Барановыхъ Камней. Къ тому побудило меня, во первыхъ, опасеніе заложить на Шеллагскомъ мысу складку провіанта, необходимаго для продолженія путешествія, ибо по содѣйствию съ Чукчами легко могъ ошъ сдѣлаться

* Штурманъ Кошкинъ остался въ Нижне-Колымскѣ, для постройкн гребного судна, на которомъ будущимъ лѣтомъ предполагалъ я отправиться для описи устья Колымы и соседнихъ морскихъ береговъ.

ихъ добычею; во вторыхъ то, что въ прошлогодней поездкѣ мыли уже мы случай замѣтить, какія непреодолимые препятствія и непроходимыя стѣны торосовъ ожидаютъ путешественника на сѣверъ отъ Шелагскаго мыса; въ третьихъ, наконецъ, самая дорога до мыса требовала столько времени и такъ могла изнурить собакъ, обезсиленныхъ зимними работами, что мы уже не могли бы провѣнчать далеко на сѣверъ. По силѣ соображеній рѣшился я оставить твердую землю и прямо отъ Баранова Камня взять направленіе къ сѣверу. Марта 27-го въ 11-ть часовъ утра, когда густой туманъ несколько разсѣялся, мы поехали далѣе. Термометръ показывалъ по утру 10°, а къ вечеру 8½° холода. Наклоненіе магнитной стрѣлки равнялось 77° 37¼'. Двѣнадцать партъ нашего каравана, ехавш одна за другой, составляли линію на полверсты длиною.

Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ берега тянулась длинная цепь высокихъ торосовъ, верстъ на семь шириною. Высота льдинъ и огромныя груды рыхлаго снѣга въ промежуткахъ весьма затрудняли путь и утомляли собакъ. Почти въ срединѣ цепи находилась довольно широкая щель, черезъ которую морская вода выступала на ледъ. Мы нашли возможность объѣзжать ее, и послѣ трехъ часовъ утомительной ѣзды выбрались изъ лабиринта льдовъ. Передъ нами открывалась необозримая, гладкая ледяная равнина. Какъ острова среди океана, подымались на ней нѣрды изъ сдвѣнныхъ, блестящей близины льдины. На-

дежда на быстрое и безостановочное путешествие взглядила у насъ изъ памяти всякое воспоминаніе о перенесенныхъ трудахъ. Съ начала, мы смотрѣли на ровную, неподвижную поверхность съ пріятнымъ чувствомъ, какое испытываетъ мореходецъ, выбравшись въ открытый океанъ изъ опасныхъ прибрежныхъ отливовъ. Вскорѣ одна-кожъ увѣрились мы въ безконечномъ различіи между оживленнымъ, непрерывно движущимся океаномъ и убійственно однообразностью окружавшей насъ ледяной пустыни, видъ которой утомлялъ взоръ и наводилъ небольшое уныніе на человека.

Въ первыхъ порывахъ радости о преодоленныхъ препятствіяхъ и трудахъ, которую, казалось, разделяли съ нами самыя собаки наши, бѣжавшія безъ всякаго принужденія весьма скоро, прошли мы 11-ть верстъ въ примотъ направлении къ северу. Здѣсь велѣлъ я остановиться, желая дать отдыхъ собакамъ и подождать транспортныхъ нартъ, оставшихъ въ торосахъ. Едва расположились мы на снегу, вдругъ изъ-за высокой льдины выскочилъ огромный бѣлый медведь и хотѣлъ броситься на насъ. Ужасный лай и вой сотни собакъ устранили звѣря и онъ побѣжалъ отъ насъ. Мгновенно все вскочило, и вооруженные ружьями, копылами и стрѣлами, погнались за неприятелемъ. Травля продолжалась три часа. Раненый гремѣя стрѣлами и двумя пулями, медведь все еще больше и больше свирѣпѣлъ, и наконецъ остановился и поджавшись на заднія

лапы, съ вошемъ бросился на охотниковъ. Къ счастью, медведь попалъ на казака Котельничкова, который неустранимо подпустилъ его къ себѣ на пять шаговъ, всадилъ ему пулю въ грудь, и съ удивительною силою и отвагою свалилъ яростнаго зверя копыемъ на ледъ. Подоспѣвшіе охотники довершили победу. Убитый медведь былъ огромнаго роста; длина его отъ морды до корня хвоста равнялась 4-мъ аршинамъ; къ тому же онъ былъ очень жиренъ, и такъ тяжелъ, что 12-ть здоровыхъ собакъ насилу могли стащить его съ мѣста; судя по тону, въ немъ было до 35-ти пудовъ вѣсу.

Во время охоты прибыли некоторые изъ трап-спортивныхъ партъ и привезли извѣстіе, что двѣ парты сильно повредились въ торосахъ и остались тамъ безъ всякой помощи. На выручку къ нимъ тотчасъ отправилъ я три разгруженныхъ парты. Черезъ два часа всѣ наши спутники собрались, хотя промокшіе и обмороженные ключьями снѣга и льду, но безъ большаго вреда.

Всѣ сіи происшествія заняли много времени; между тѣмъ становилось уже поздно; люди и собаки до того утомились, что рѣшено было остаться здѣсь ночевать. Лагерь нашъ располагался слѣдующимъ образомъ: въ срединѣ помѣщался нашъ большой урсъ, составляя, какъ будто главную квартиру; около него растягивались четыре небольшія четырехугольныя палатки, въ родѣ колодцовъ, принадлежавшія купцу Бережному и некоторымъ изъ зажиточныхъ проводниковъ.

Кругомъ ставились нарты, и къ нимъ привязывались собаки; они могли такимъ образомъ охранять весь лагерь отъ ночныхъ нападений бѣлыхъ медведей. Чутье длинныхъ собакъ стоитъ удивленія; даже во время сна, спрятавъ морду въ шерсть, они чувствуютъ приближеніе непріятеля, и всегда обипымъ лезутъ и воетъ путаютъ его, уведомляя хозяина о приближеніи опасности.

Погода была прекрасная. Перелъ сномъ, пользуясь сумерками, занимались мы стрѣляньемъ и метаньемъ въ цель. Небольшая дѣлпка представляла медведя; на ней обозначены были глаза, морда и сердце, и кто попадалъ въ одно изъ этихъ мѣстъ, получалъ право участвовать въ будущей недвижимой трапѣ. Вообще промаховъ было дано мало. Другая часть общества чинила между тѣмъ нарты, варила ужины, потрошила и разделала медведя, * и т. д. Особенное вниманіе наше было обращено на сбереженіе дровъ, ибо мы взяли ихъ съ собою весьма незначительное количество и въ случаѣ недостатка не могли ничѣмъ замѣнить. Для надзора за расходомъ сего необходимаго для насъ запаса приславленъ былъ особый, надежный казакъ, и ему было поручено собирать при рубкѣ дровъ все щепки и кусочки, такъ, чтобы ничего не пропало. Въ обязанность ему поставлено было также наблюдать, чтобы огни, тотчасъ по свареніи похлѣбки, или чая,

* Замѣтательно, что соби имъ давать съ медвѣдью мѣрное количество мяса, а до теплаго, даже при сильномъ голодѣ, не дотрогиваются.

тушки, а головешки и уголья сохраняли до другого дня. Вообще должно заметить, что из нашего небольшого хозяйства свели мы всевозможный порядок и бережливость. Провантъ раздавался также одинакъ, собственно для того назначеннымъ казаконъ. Каждый кусокъ рыбы и остатки кашп и класъ добросовѣстно возвращались отъ испѣхъ въ общую кучу запасовъ, для употребленія на слѣдующій день.

Марта 28-го, по утру, термометръ показывалъ 12°, а къ вечеру 10° холода. При большомъ количествѣ напѣхъ собакъ, мы поддерживали на ихъ кормъ столько рыбы, что отсюда одну парту отослали въ Нижне-Колымскъ. Въ 9-ть часовъ утра, весь отрядъ нашъ двинулся въ дальнѣйшій походъ на NW 15°, направляясь на заметныя, къ отдаленія лежащія льдины, для сохраненія прямой линіи. Попутный юго-восточный вѣтеръ и гладкая поверхность льда благопріятствовали нашему путешествію. Въ полдень остановились мы для наблюдений *, по которымъ вывели 69° 58' широты. Большой Барановъ Камень лежалъ отсюда, по компасу, на NO 73½°. На пути часто встрѣчали мы слѣды песцовъ, лежавшіе по одному съ нами направленію. Такое обстоятельство имѣло выгодныя для насъ послѣдствія: собаки,

* Кажется, будетъ лишнее упоминать, что при нашихъ наблюденияхъ мы высото разныхъ считали погрешность ртутнаго горизонта, потому что истинный горизонта на Ледовитомъ морѣ отражается, по большей части, неровностями и не истиню чертою.

желал достигнуть затирия, добровольно бжжали весь-
ма скоро. Протхавъ 48-нь версте, выбрали мы
для полета мсто, нисколько покрытое снегомъ.
Лагерь нашъ былъ опять устроенъ вышеописан-
нымъ порядкомъ. Обсервация здсь широта
равнялась $70^{\circ} 12\frac{1}{2}'$. Большой Барановъ Камень
видьтъ былъ на $80^{\circ} 56'$, въ разстоянн 39-ти
Итальянскихъ миль. Наклоное магнитной стрел-
ки равнялось $78^{\circ} 15'$.

На второй день путешествія уже почувствова-
ли мы вредное вліаніе яркаго отраженія лучей
свѣта отъ блестящаго льда. Всѣ мы, болѣе или
менѣе, страдали воспаленіемъ и сильнымъ болью
въ глазахъ. Предвидѣвъ сіе неудобство, запасся
и черными арсеномъ; нѣкоторые изъ насъ обжа-
нули нмъ свои очки, другіе просто завѣсили гла-
за, и тѣмъ избавились отъ ослѣпительнаго свѣ-
та, хотя предосторожность нмало не препятство-
вала зрѣнію. Для облегченія боли и уменьшенія
воспаленія употребляли мы съ пользою моченіе
глазъ виномъ. Нѣкоторые изъ нашихъ проводни-
ковъ асанились пшаче: они насыпали по вечерамъ
въ глаза нѣсколько мюхальнаго табаку, и послѣ
мучительной ночи, чувствовали на утро значи-
тельное облегченіе.

Марта 20-го, при облачномъ небѣ и слабомъ
юго-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ
по утру 8° , а вечеромъ 16° холода. Мы держа-
лись вчерашняго курса на NW 15° , и въ пол-
день, по наблюденію, находились подъ $70^{\circ} 19'$

25^ю широты. Отъѣхавъ отсюда версты двѣ, увидѣли мы въ туманѣ на NW 39° землю. Въ надеждѣ сдѣлать новое открытіе, тотчасъ направили мы туда нашъ путь. Географическое положеніе Медвѣжьихъ острововъ было определено, въ 1769-мъ году, экспедиціею трехъ прапорщиковъ Геодезин, Лисьева, Пушкарева и Леонтьева. По ихъ наблюденіямъ, самый восточный изъ острововъ лежитъ подъ 71° 58' с. широты. Основывалось на томъ, мы полагаемъ, что видѣмалъ нами земляне могла принадлежать къ купѣ Медвѣжьихъ острововъ. Между тѣмъ она безпрестано перемѣняла свое положеніе, вѣдливый вѣдъ и величину, и то казалась возвышенною, то низменною, то совершенно исчезала, такъ, что породила наконецъ разныя сомнѣнія и предположенія, относительно важности нашего открытія. Приблизившись версты на 16-ть къ предѣлу нашихъ надеждъ, мы увидѣли, что то былъ маленькій, довольно возвышенный островъ, на которомъ подымались три отдѣльные столбовидные утеса, различной вышины. Одинъ изъ нихъ, превышавшій другіе, казался похожимъ на человеческую фигуру исполинскаго размѣра. Въ 2-хъ верстахъ отъ острова надобно было переправляться черезъ крутую изрытую граду торосовъ. Наконецъ, мы достигли небольшого мыса и глубокой бухты, на отлогомъ берегу которой лежало нѣсколько пахотнаго лѣса. Такая находка, надежда согрѣться около большаго костра и утомленіе собакъ, пренебрежавшихъ уже 46-ть верстъ, побудила насъ

выбрать здесь место ночлега. Два часа спустя прибыли нами послѣднія транспортныя шарты.

Пока проводники занимались устройством лагеря и приготовленіем пищи, мы воспользовались исчезающимъ дневнымъ свѣтомъ, чтобы возвратиться на самый возвышенный пунктъ острова, отлогій холмъ, гдѣ стояли замѣченные нами столбы. Все пространство отъ берега до вершины холма, около половины морской мили, было завалено большими и малыми отломками гранита и порфира, становившимися крупнее по мѣрѣ приближенія къ столбамъ, около которыхъ лежали уже огромныя груды камней. Столбы состояли изъ горизонтальныхъ, около 5-ти дюймовъ толщины слоевъ тѣхъ же породъ. На двухъ столбахъ замѣсны были значительныя щели и трещины, раздѣляющія ихъ съ верху до низу и имѣющія повидимому параллельное направленіе на NO 60°. Изъ сего можно заключить, что три крякы раздѣляемые камнями составляли некогда одинъ большой утѣсъ, постепенно расщепляясь и разрушаясь отъ силы мороза, или другихъ физическихъ причинъ, онъ утратилъ наконецъ свой первобытный видъ. Самый большой изъ столбовъ простирался по ширинѣ измѣренія въ 48 футовъ высоты и 91 футъ въ окружности, близъ основанія. Къ вершинѣ онъ суживался и представлялъ, какъ выше замѣчено, видъ человеческого тѣла, безъ рукъ и ногъ, въ чалмѣ, или шинкѣ, надвѣтой на голову. Отсюда, на восточной оконечности острова, усмотрѣли мы четвер-

тый небольшой столбъ такого же образования, а потому и островъ получилъ отъ насъ названіе *Четырехъ-Столбового*. Вблизи отъ нашего лагерьа нашли мы два старые деревянные полога и нѣсколько оленьихъ рогов; находка наша была доказательствомъ, что островъ зимою и лѣтомъ посещается оленями.

Горизонтъ покрывался пасмурностью; на NNW, казалось, по открытому морю носится плавающая льдинка, а по захожденіи солнца поднялись въ той сторонѣ густые пары темнаго дыма. Такое явленіе приписывалъ я испареніямъ свѣта, напитааннаго морскою водою, или по Сибирскому названію *разсолоне*, а первое было, вѣроятно, слѣдствіе преломленія лучей свѣта, отъ котораго туманъ кажется волнующимся моремъ и неподвижные торосы плавающихъ льдинами. Возвращаясь, обошли мы западную сторону бухты, и пройдя 5 верстъ, спустились съ крутаго берега на морской ледъ. Въ нѣмнностяхъ показывалась красноватая, болотистая земля, поросшая низкою и рѣдкою травою, кокая покрываетъ северныя тундры Сибирскаго материка. Рытвины и овраги были завалены твердо замерзшимъ свѣгомъ; по всей дорогѣ попадались берлоги медвѣдей, а также мы видали слѣды песцовъ и мышей, но самыхъ сихъ звѣрей не видали.

Съ пріятнымъ чувствомъ глядя на наконецъ на ярко пылающіе костры, разложенные въ нашемъ лагерь. Около нихъ, съ суетливою дѣятельностью, топились наши спутники, наслаж-

длясь благодетельною теплою, столь редкимъ удовольствіемъ въ полярныхъ странахъ.

Марта 30-го, по утру, при слабыхъ юго-восточномъ вѣтрѣ и облачномъ небѣ, термометръ показывалъ 14° , а къ вечеру, не смотря на свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ, поднялся до 11° холода. Въ полдень вокругъ солнца замѣтили мы кольцо радужнаго цвѣта.

Я рывился здѣсь проднестъ, чтобы отпразднить двѣ разгруженныя нарты въ Нижне-Кольмскѣ и наколѣть, для дальнѣйшей поѣздки, какъ можно болѣе дровъ. Пока г. Матюшкинъ на легкой нартѣ объѣзжалъ кругомъ и описывалъ островъ, я взялъ полуденную высоту солнца, по которой опредѣлилъ широту мѣста въ $70^{\circ} 37' 00''$, а долготу въ $0^{\circ} 41'$ на востокъ отъ Сухарнаго. По соответствующимъ азимутамъ склоненіе компаса оказалось $14^{\circ} 6'$ восточное, а наклоненіе, съ перпендикуляра, $79^{\circ} 3'$.

Къ вечеру возвратился г. Матюшкинъ и по его описи приготовилъ мы карту острова. По наблюденіямъ и осмотру береговъ оказалось, что весь мысъ и выдавшійся въ море часть острова, состоятъ, подобно описаннымъ выше столбамъ, изъ слоевъ гранита и порфира и спускаются ступенью къ поверхности воды. Въ бухтахъ и углубленіяхъ берегъ земляной, отлогій и покрытый вездѣ разными обломками вышеозначенныхъ каменныхъ породъ. Самая западная оконечность острова можетъ похвастаться отдѣльнымъ утесомъ, сложившимъ изъ слоевъ чернаго шифера и

беловатого кварца, въ которомъ попадается колечидия. Сей утесъ обвѣшенъ безчисленными лѣвчаными глыбами и соединяется съ островомъ только низменнымъ, узкимъ перешейкомъ, который, вѣроятно, часто покрывается водою. Вообще восточная часть острова возвышеннѣе и скалистѣе западной. На северномъ берегу, въ небольшую заливъ, г. Матюшкинъ замѣтилъ много каменнаго лѣса. Съ западнаго берега показывались на западъ два небольшихъ острова, но разстояніи ихъ, за густымъ туманомъ, опредѣлить было невозможно.

Главное направленіе острова, его величина, фигура, столбы на немъ, и наконецъ два другіе острова, видимые на W и NW отсюда, вели къ заключенію, что нашъ *Четырехъ-столбовый* островъ былъ ни что иное, какъ самый восточный изъ Медвѣжьихъ, по описанію Геодезія прапорщика Леонтьева представляющій почти ту же величину и фигуру, и также обставленный нѣсколькими столбами. По наблюденіямъ Леонтьева, самый восточный изъ Медвѣжьихъ острововъ долженъ находиться на $1^{\circ} 21'$ севернѣе нашего опредѣленія, но разниця нѣсколько не опровергаетъ нашего заключенія, потому, что такую неувѣрность въ счисленіи протѣе находимъ по всему берегу материка къ западу отъ Кольмы. Отсюда, какъ на связанное съ нимъ берегомъ при наблюденіяхъ, и на Медвѣжьихъ острова, весьма естественно, перешла та же неувѣрность.

Марта 31-го, при облачномъ небѣ и свѣжестѣ

северо-восточномъ вѣтрѣ, отправились мы дальѣ. Термометръ показывалъ поутру 11°, а вечеромъ, при рывкѣ ОНО вѣтрѣ, только 8° холода. Отъ восточной оконечности острова направили мы нашъ путь, по компасу, на NO 5°. Въ полдень, пройдя 11-ть верстъ въ семь направленіи, мы находимся, по наблюденію, подъ 70° 41' 45" широты и 0° 48' долготы на востокъ отъ Сухарнаго.

Всѣмъ дорогамъ, кромѣ первой гряды торосовъ, не представляла намъ большихъ препятствій и затрудненій, но здѣсь морской ледъ былъ покрытъ крупными, твердыми и остроконечными соляными кристаллами, отдиравшими *лобду*, т. е. ледяную кору съ санныхъ полозьевъ, такъ, что нарты тащались, какъ будто по песку. Собаки наши измучились, и мы были принуждены, для ихъ облегченія, идти почти цѣлый день пешкомъ. Дорога становилась хуже и труднѣе съ каждою верстою; снѣгъ дѣлался рыхлѣе и сырѣе, а соляной слой толще. Сильный ОНО вѣтеръ нагналъ наконецъ столь густой и сырой туманъ, что наши вѣхovsky изъять казались обрызганными водою. Все сія явленіе заставляло предполагать, что недалеко отъ насъ находится открытое море. Положеніе наше становилось часъ отъ часу опаснѣе, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ скрипчалъ и нагналъ густой туманъ, совершенно покрывшій всю окрестность. При такихъ обстоятельствахъ могли мы подвигаться впередъ только ощупью, при еже-

мигнутый опасности захватить ль по льному, а оставаться здесь не было возможности, потому, что место было росное, не представлявшее ни каких возвышений, где можно было укрыться, да и снѣгъ и ледъ, налитанные морскою солью, не доставили бы здесь для нашей пищи прѣсной воды. Наконецъ, туманъ по направленію NO 35° началъ редѣть и избавилъ насъ отъ мучительной неизвѣстности. Въ разстояніи одной персты отсюда открыли мы довольно высокую кучу торосовъ, обшарившую намъ удобное место полета. Подъ защитою ледяной гряды, сажень въ пять ширины и вышины, рывались мы переждать непогоду. Поверхность морскаго льда и подонны торосовъ были покрыты слоемъ разсола, около фута толщиной. Онъ заставилъ меня предполагать, что море недавно еще покрывалось здесь льдомъ, который не можетъ быть достаточно толстъ и надеженъ въ случаѣ сильной бури. Желая удостовѣриться въ томъ, велѣлъ я прорубить ледъ, но сдѣлавъ углубленіе въ 1½ аршина, мы не только не достигли воды, но не заметили даже никакой перемены въ образованіи и качествѣ льда. Для прѣсной воды надобно было собирать снѣгъ съ вершинъ торосовъ; онъ былъ совершенно чистъ, но снѣгъ внизу лежавшій, а также и ледъ, имѣли самый отвратительный, солоноватый вкусъ. Ночью вѣтеръ сильно скръпчалъ, и дулъ съ такими порывами, что опрокинулъ нашу наметку, и, вѣроятно унесъ бы ее, еслибы она не была прикрѣплена къ то-

росань. По счислению, мы почевали подь 70° 53' широты и 1° 2' долготы отъ Сухарнаго.

По утру, 1-го Апрѣля, при слабомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и легкомъ туманѣ, термометръ показывалъ 4° мороза. Къ вечеру небо прояснилось; сѣверо-восточный вѣтеръ сильно скрѣпчалъ и ртуть опустилась на 11° холода. Въ 11-ть часовъ буря утихла; туманъ началъ разсѣиваться, и мы отправились въ дальнѣйшій путь на NO 10°. Въ полдень найдена, по наблюденію, широта 70° 54'; счисленная долгота равнялась 1° 8', къ В. отъ Сухарнаго. Провхавъ отсюда еще 24 версты, заметили мы на снѣгу песчовые слѣды, по направлению на NW, гдѣ небо обложено было густымъ синимъ туманомъ, который, по увѣренію нашихъ проводниковъ, обыкновенно подымается изъ холмней. Среди гладкой ледяной равнины попадались нѣмъ высокіе торосы, иногда покрытые пескомъ и пломъ.

На послѣднемъ ночлетѣ, подъ деревянныя полдзы нашихъ нартъ подвѣзали мы китовыя ребра, потому что на нихъ съ большею легкостью скользятъ нарти по морскому снѣгу и расколу. Хотя тѣмъ доставлено было некоторое облегченіе собакамъ, но мы принуждены были идти подъ нарти и подвигались очень медленно, такъ, что въ семь часовъ сдѣлали только 33 версты, и не смотря на то нарти съ провіантомъ отъ насъ отстали и потерялись изъ вида. Для соединенія съ отставшими и отдыха утомленныхъ собакъ, рѣшился я остановиться на ночлегъ. Мы нахо-

часть II. 2

длись подь $71^{\circ} 11\frac{1}{2}'$ счислимой широты и $1^{\circ} 3\frac{1}{3}'$ долготы, на В. отъ Сухарнаго. Ночь провели мы спокойные вчерашней и промежуток времени между сумерками и рассветом былъ почти неприметенъ.

На другой день (2-го Апрѣля) свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ нанесъ снегъ; термометръ показывалъ 6° холода. Нашъ путь лежалъ на NW 10° ; перевадь черезъ торосы былъ чрезвычайно труденъ. Мы сами перетаскивали парты черезъ большія пространства, покрытыя крупными кристаллами морской соли. Въ 14-ти верстахъ отъ ночлега заметили мы трехъ тюленей, спокойно спавшихъ на льду; собаки бросались на нихъ, но звѣри скрылись. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежали тюлени, заметили мы во льду круглое отверстіе, фута полтора въ диаметрѣ; ледъ былъ толщиною въ полъ-аршина, весьма хрупокъ и совершенно пропикнутъ морскою солью. Глубина моря равнялась 12-ти саженьямъ (въ 6 футовъ); дно его состояло изъ мягкой зеленой глинны. Полоса торосовъ, черезъ которую мы пробрались, тянулась съ востока на западъ. Въ четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ тюленейхъ продуньяхъ, въ томъ же направленіи, тянулось еще нѣсколько рядовъ высокихъ торосовъ, образовавшихся между собою дожны, версты по 3 и 4 шириною, покрытыя чистыми, глубокими сѣгочь. Пройдавъ 34 версты въ прямомъ направленіи къ сѣверу, мы остановились на ночлегъ у подошвы высокаго торо-

са; по численности лежал онъ подъ $71^{\circ} 31'$ широты и $7^{\circ} 37\frac{1}{4}'$ долготы отъ Суваригаго.

Трудности тады по сырому снѣгу, проникнутому и покрытому кристаллами соли, также уменьшенность температуры и ослабительный свѣтъ солнца, побуждали меня отдыхать днемъ, а вѣчать по ночамъ, которыя были почти совершенно светлы.

Апрѣля 3-го отправилъ я три порошійя нарты въ Нижне-Колымскъ, отпустивъ съ ними, для большей безопасности, конваса. Полученное наблюдение дало намъ $71^{\circ} 32' 20''$ широты. Погода была пасмурна; при легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 7° холода; ночью выпалъ мокрый снѣгъ.

Послѣ захожденія солнца отправлялись мы далѣе на NW 13° . На пути заметили много песчаныхъ следовъ; они шли отъ WSW на ONO. Сначала собаки бѣжали довольно скоро по гладкому снѣгу, хотя и былъ онъ покрытъ иногда соляными кристаллами, но протѣвъ 15-ть верстъ почувствовали мы, такъ сказать, въ разсольномъ болотѣ, и уже никакъ не могли подвигаться впередъ. Несмотря на лежаніи подъ соляными слоями ледъ, а вѣдѣль, что онъ былъ не толще 5 дюймовъ, и такъ мягокъ, что можно было рѣзать его ножомъ. Мы успѣлиши удалиться съ такого опаснаго мѣста, и пройдши на SO четыре версты, встрѣтили довольно гладкую, твердымъ снѣ-

гонь покрытую долину *. Въ двухъ верстахъ отсюда снова исследовали мы ледъ и цѣпили его толщиною въ поля-артиппа. Глубина моря была 12 сажень; дно его состояло изъ пластой зеленоватой глины. Провчавъ еще $1\frac{1}{2}$ версты, остановились мы отдыхать у небольшихъ торосовъ. Толщина льда и глубина моря были прежнія. Черезъ отверстія, сдѣланныя во льду для исследования, вода выступила на ледъ и разлилась на большое пространство во все стороны. Она была отратительнаго солопятаго вкуса, который тотчасъ сообщился подмоченному ею сингу. Когда водичныя частицы испаряются отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, на сингу остается толстый слой морской соли, и отчасти кристаллизуется, а отчасти проникаетъ въ ледъ и способствуетъ его разрушенію.

Северный вѣтеръ скрепчалъ, и, вѣроятно, сильно возмущалъ открытыя мѣста моря, потому, что вода изъ сѣмьиннаго намп отлержилъ болѣе и болѣе выступала, а ледъ, на которомъ мы находились, пришелъ въ волнообразное движеніе. Вдаль разлавались плески волнъ и трескъ льдовъ. Положеніе наше сдѣлалось довольно затруднительно; даже сопровождавшіе насъ туземцы весьма беспокоились, и только собаки, не чувствуя опасности, имъ угрожавшей при разломкѣ льда, спокойно спали.

* Если поста оттепелъ лустъ ривий холодный вѣтеръ, то сингъ дѣлается гладкимъ, тогдашнѣя пѣссына удобнѣе для езды; такое мѣсто называется убогѣмъ.

Сегодняшний привалъ (4-го Апрѣля) нашъ былъ подъ $71^{\circ} 37\frac{1}{2}'$ широты и $1^{\circ} 45'$ долготы, отъ Сухарнаго. По утру, при свѣжѣмъ сѣверномъ вѣтрѣ и пасмурномъ небѣ, шелъ мокрый снегъ и термометръ показывалъ 7° холода. Къ вечеру вѣтеръ переиелъ на сѣверо-востокъ; небо прояснилось; ртуть въ термометрѣ спустилась на 10° .

Когда вѣтеръ стихъ и атмосфера нѣсколько очистилась, велѣлъ я овростать дѣмъ самымъ надежнымъ партямъ, взять съ собою провіанта на одне сутки, лодку, весла, шесты и насколько досокъ, и поѣхалъ прямо на сѣверъ, желая освидѣтельствовать качество льда. Г. Матюшкину было приказано при первой опасности удалиться, сколько понадобится, со всемъ обществомъ къ югу, и тамъ ожидать моего возврата. На протяженіи семи верстъ ѣхалъ я очень медленно, по толстому слою разлома, а потомъ встрѣтилось множество щелей и трещинъ, и черезъ нихъ надобно было переправляться по доскамъ. Иногда попадались небольшіе кочки нагроможденнаго льда, но онъ даже отъ слабаго прикосновенія разсыпался и льсто его занимали поляны. Ледъ былъ не толще фута и очень хрупокъ и дыроватъ. Глубина моря, на зеленомъ глинистомъ днѣ, равнялась $12\frac{1}{2}$ саженьямъ. Безчисленныя, по всемъ направленіямъ разбѣгавшіяся во льду вѣла, выступившадъ изъ нихъ мутнал вода, мокрый снегъ, сывпаный съ земляными и песчаными частицами, описанныя выше льдины кочки и текущіе съ нихъ ручейки, все уподобляло разрушен-

ную поверхность моря необозримому болоту. Не смотря на то, мы подвинулись еще на две версты къ северу, перескакивая, или переправляясь на доскахъ черезъ небольшія щели и облоя подо льда, но вскоре однакожь полынья такъ уменьшилась и увеличилась, что трудно было определить, чѣмъ покрыто море: сплошнымъ ли разстрекавшимся льдомъ, или плавающими льдинами? Во всякомъ случаѣ, каждый нѣсколько сильный шквалъ могъ совершенно раздробить, или разогнать поддерживавшія насъ глыбы и превратить мѣсто, гдѣ мы стояли, въ открытое море. Лежавшій на поверхности свѣжій снегъ льда доказывалъ, что ледъ былъ разломанъ только въ предшествующую ночь севернымъ вѣтромъ. Судьба наша зависѣла отъ дуновенія вѣтра. Оставивъ дальнѣйшее, безполезное изслѣдованіе, посчитавъ я назадъ къ своимъ спутникамъ, чтобы вместе съ ними отыскать другіе, болѣе безопасную дорогу. Наша самая сѣверная широта была $71^{\circ} 43'$, 215 верстъ отъ твердой земли, прямо отъ Малаго Баранова Камня.

Во время отсутствія моего г. Матюшкинъ дѣлалъ наблюденія надъ наклоненіемъ магнитной стрѣлки, которое равнялось $79^{\circ} 51'$. Тотчасъ послѣ моего возвращенія весь караванъ поднялся, и мы потянули на SSO.

Не продолжая еще разсказа, я долженъ упомянуть объ удивительномъ покушеніи проводниковъ сохранить и помнить данный курсъ, не смотря ни на извѣстныя полосы тороидовъ, ни

на необозримых, однообразных ледяных полях. Особенно отличался между всеми мой картощикъ, казачій сотникъ Татариновъ. Среди самыхъ спутанныхъ грядъ торосовъ, обвѣзая огромныя горы, сворачивая, то направо, то налево, онъ всегда такъ распоталаь дорогой, что изгибы взаимно уничтожались, и какинъ-то инстинктомъ находилъ онъ всегда нашу настоящій курсъ. Съ моей стороны, я слѣдовалъ по компасу за измѣнами дороги, и не помню случая, когда мнѣ нужно было поправлять моего картощика. Расстоянія одного мѣста отъ другаго считали мы принятыми ливіанами и повторяли наблюдеными широтами. На открытой мѣстѣ гораздо легче было удерживать курсъ. Для вѣды по прямой линіи выбирали мы вдали какую нибудь одну, отличительную отъ другихъ льдину, и вѣрили на нее, но если такой не было, то слѣдовали *застругу*. Подъ симъ именемъ разумѣютъ здесь свои свѣта, образующіеся отъ постоянно душіхъ въ одну сторону вѣтровъ. Жители Сибирскихъ тундръ и сѣверныхъ степей совершаютъ большіе путешествія, на изскользко сотъ верстъ, по безлюднымъ, однообразнымъ пространствамъ, руководствуясь для нащивленія своего пути единственно застругами. Они знаютъ уже по опыту, подъ какинъ угломъ должно пересѣкать большіе и малые свои свѣта, доставая ими поѣзды, и никогда не ошибаются. Часто случается, что кратковременная перемена вѣтра, заноситъ вѣрную застругу, или стелетъ на нее

новую, но опытный глаз Сибиряка тотчас открывает различие; осторожно сгребает он слякчий снѣгъ, и по углу, образовавшему нольми и старыми слоями, поворачивает свою дорогу. Заструги уже были нашими путеводителями въ необходимыхъ равнинахъ Ледовитаго моря, потому, что частое употребленіе копыаса неудобно и требуетъ много времени. Тамъ, гдѣ не было застругъ, направляли мы путь по азимутамъ звездъ, но во всякомъ случаѣ ежечасно, а иногда и чаще, останавливались и поверяли нашъ курсъ по компасу.

Въ 20-ти верстахъ отъ лагерьа торосы увеличались и умножились. Съ начала поверхности моря была только неровна и усыпана небольшими ледяными кочками, но постепенно увеличиваясь, онѣ образовали наконецъ цѣлые ряды торосовъ, вышиною нередко въ 80-тъ футовъ. Снѣгъ огромныхъ глыбы былъ зеленовато-голубаго цвѣта и имѣлъ сильно соленый вкусъ. Переправа черезъ огромныя льдины затруднялась еще болѣе громадами рыхлаго снѣга, наполнявшаго промежутки, и безчисленнымъ множествомъ остроконечныхъ ледяныхъ осколковъ, на коихъ скользили и падали нарты и люди. Такая, совершенно отличная отъ предыдущихъ гряда состояла изъ такъ называемыхъ зимнихъ торосовъ, хотя они образуются не только зимою, но и весной и осенью, когда сильныя бури разламываютъ хворской ледъ, а внезапная стужа скрепляетъ нагроможденные одна на другую льдины.

Выбравшись из сей спутанной полосы зимних торосовъ, ощутились мы у подошвы другой купы ихъ, еще более страннаго и необыкновеннаго образованія. Ряды, отчасти коническихъ отчасти куполо-вершинныхъ льдинъ, разной величины и формы, заключали между собою нѣсколько круглыхъ и продолговатыхъ долинъ. Не видя нигдѣ льдинъ отдѣльныхъ, мы полагали, что открыли гористый островъ, но ближайшее изслѣдованіе льда на вершинѣ и скатахъ льдинъ, утѣрило насъ, что нѣмной островъ былъ ничто иное, какъ особаго рода торосы, изъ снѣга и льда состоящіе. Въ долинахъ ледъ былъ сѣро-черноватаго цвѣта, и имѣлъ совершенно прѣсный вкусъ, не притомъ былъ мутенъ и непрозраченъ. Склоны холмовъ были покрыты тѣмъ же, и нарту сколабили по немъ скоро и легко. На вершинахъ ледъ былъ такого же образованія, какъ и въ долинахъ. Провкавъ довольно быстро двѣ версты, мы достигли круглой котловины, сажень пять въ поперечникѣ, защищенной со всехъ сторонъ высокими конусо-вершинными холмами. Здѣсь сѣлали мы привалъ. Съ вершины одного изъ холмовъ, возвышавшагося на 70 футовъ надъ поверхностью долины, гдѣ были расположены наши станъ, осмотрѣли мы окрестность. На NO показывались снѣгіе зимніе торосы, а на югъ зубцы бѣлыхъ льдинъ ограничивали горизонтъ.

Образованіе сихъ островершинныхъ круглыхъ

* Высочайшій торосъ, изъ всѣхъ, которые мы здѣсь изслѣдовали, возвышался на 90 футовъ надъ поверхностью моря.

торосовъ, совершенно отличныхъ отъ всѣхъ нами видѣнныхъ, наши проводники обьѣзжали на нѣ слѣдующимъ образомъ: вмѣстѣ съ сотвореніемъ міра, говорили они, произошла и эта ледъ: отъ чрезвычайной тяжести спустился онъ на морское дно и образовалъ твердое основаніе неподвижныхъ ледяныхъ глыбъ; отъ безпрестанныхъ морозовъ, постепенно увеличивался, онъ достигли наконецъ поверхности моря. Колы произошли отъ выброшенныхъ сюда льдинъ; онъ были покрыты снѣгомъ, и постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ, то растаивая, то снова замерзая, получали наконецъ круглую и коническую форму. Ледъ, изъ коего составляется сей родъ торосовъ, называется здѣсь *дрескинь*, или *адимовичкой*, и по мнѣнію туземцовъ, онъ такъ твердъ и старъ, что даже и на огнѣ не таетъ. Въ послѣдствіи однакожь наши проводники нѣмцы случай разувѣриться. Въ другомъ мѣстѣ изъясню мое мнѣніе о происхожденіи сего рода торосовъ.

Апрѣля 5-го, при ясномъ небѣ и сильномъ SSO вѣтрѣ, по утру было 10°, а вечеромъ 11° холода. По полуденному наблюденію, широта мѣста равняется 70° 30' 30", а долгота 1° 55', отъ Сухарнаго. После захода солнца продолжали мы путь на востокъ. Въ трехъ верстахъ отъ нашего стана, ряды неправильныхъ, весьма высокихъ зияющихъ торосовъ загородили нашъ путь. Вѣроятно, что сія града, какъ и предшествовавшая ей, обязаны были своимъ существованіемъ близости древняго льда, на который они опираются.

ся. Въ некоторыхъ разстояніи замѣтили мы особенно высокую, черноватую льдину, столь похожую на скалу, что несмотря на возрастающія препятствія, рѣшились достигнуть до нея и ближе ее изслѣдовать. После трехъ часовъ утомительной работы, пробивъ льдыми дорогу на протяженіи 300 сажень, мы достигли, со всеми нартами, до замеченной нами горы. Она вся состояла изъ описаннаго выше древняго льда. Съ вершины ея открылась намъ большая часть моря. На сѣверъ и на востокъ развѣтывались и тянулись непроходимыя цепи торосовъ, изрѣзанныя щелями и пальниками. На юго-востокъ ледъ казался гладкимъ, а щели и трещины встречались здѣсь рѣже.

Отъ затруднительной бѣды между торосами, наши провіантскія нарты безпрестанно повреждались и сдѣлались почти негодными, а также и собаки обезсиляли и изнурялись. Предвидя частыя остановки, я рѣшился отпустить транспортныя нарты въ Нижне-Колымскъ, и здѣсь учредить складку провіанта. Мы прорубили во льду отверстіе, въ $2\frac{1}{2}$ аршина глубины и сажени три къ окружности, положили туда наши съестные припасы, и для защиты ихъ отъ посященія бѣлыхъ медвѣдей прикрыли оставшіяся у насъ дровами в снѣгохъ. На шести путевыхъ нартахъ оставили мы провіанта только на четырнадцать дней, и кончивъ нашу работу отправили бѣтъ разгруженныхъ нартъ обратно въ Нижне-Колымскъ. Самому помѣстившему изъ нартовщиковъ

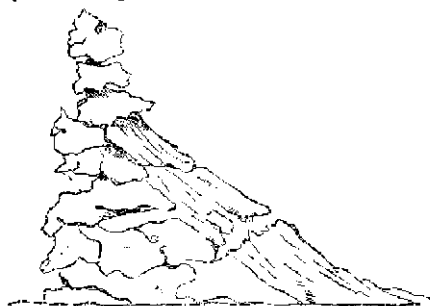
дать я на дорогу компань, съ употребленіемъ котораго нѣсколько ознакомился онъ во время нашего путешествія. Возвращавшіеся проводники, уже неоднократно отплавившіеся когда либо увидѣть еще разъ родину свою, были чрезвычайно обрадованы, когда я имъ сообщилъ мое приказаніе, и съ такою ревностною поспѣшностью сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія, что до восхода солнца могли уже отправиться въ путь. Все наше общество состояло теперь только изъ 10 человекъ, на шести нартахъ. Вместо утѣрѣ- офицера Рыметникова, предводительствовавшего возвращавшимися партиями, остался у насъ купецъ Бережной.

Апрѣля 6-го полуночи, при свѣжѣмъ юго-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ только 6°, а вечеромъ, при рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, 13° холода. Во всю ночь слышалась трескъ ломающихся льдовъ и глухой шумъ, подобный отдаленнымъ перекатамъ грома.

Цѣпь высокихъ зыбкихъ торосовъ, по направленію на SO, составляла южный предѣлъ вновь образовавшихся полей и открытаго моря, занимавшихъ весь горизонтъ отъ сѣвера къ востоку. Отъ сей цѣпи на югъ тянулись другія гряды частыхъ торосовъ, но ледъ казался невзрѣзаннымъ трещинами и полями не было видно. Осмотрѣвъ окрестности, рѣшились мы савдывать по узкой, гладкой полосѣ льда, нагбавшейся около южнаго ската сей цѣпи торосовъ, надеясь найти здѣсь возможность проникнуть даже на

сѣверъ. Покрытою хорошимъ убоємъ дорогою наши собаки бѣжали довольно скоро. Вѣздо тянулъ непрерывный рядъ торосовъ, футаго въ сто вышиною, а направо лежала огромная равнина, усыпанная большими и малыми кочками льда. Лдины сіи рѣдко превышали величину кубическую сажень, и все пространство между ними было покрыто глубокимъ рыхлымъ снѣгомъ, изъ чего можно было заключить, что окружающее насъ торосы образовались въ прошлую осень и съ тѣхъ поръ не подвергались ломкѣ, ибо въ противномъ случаѣ, лежащій на нихъ снѣгъ не могъ бы существовать. Впредъ такого рода торосы буду я называть въ описаніи моемъ *осенними*. Ледяной хребетъ, вѣздо отъ насъ стоявшій, образовался, по видимому, очень недавно, и потому принадлежать къ весеннимъ торосамъ. Тщательно осмотревъ ломку льдинъ и сравнивъ ихъ съ направленіемъ, величиною и видомъ трещинъ и полостей, простиранихся къ сѣверу отъ сей цѣпи торосовъ, я объяснялъ себя слѣдующимъ образомъ съ происхожденіе: вся поверхность моря, къ сѣверу отъ осеннихъ торосовъ лежавшая, покрылась зимою гладкимъ ледомъ и твердымъ снѣгомъ. Но весною, отъ изморозъ и волненій, ледъ разломался на многія отъѣзьяныя, малыя льдины, и оны были брошены и нагнаны на осенніе торосы, еще не ослабленные трещинами. Многія большія плавающія льдины попали притомъ подъ торосы, а другія были выкинуты изъ нихъ, и отъ того вся юго-западная сторона хреб-

та сделалась покатою, но осталась гладка и покрыта глубокимъ сугровъ, а сѣверо-восточная напротивъ, спускалась перпендикулярно съ высоты сличкомъ въ 100 футовъ, состоя изъ множества весьма разнообразныхъ, одна на другую нагроможденныхъ льдинъ. На верху хребта лежали различныя, большія и малыя, ледяныя глыбы, почти висѣли тамъ и держались непонятнымъ образомъ. Между прочимъ замѣтили мы огромную льдину, величиную, по крайней мѣрѣ, въ 1000 кубическихъ футовъ; прикрывалась къ кочкѣ, не болѣе 8 кубич. футовъ въ объемѣ, но должно полагать, что держалась очень крѣпко, ибо недолгий сильный буря не могли ея опрокинуть. Предлагаемой здѣсь рисунокъ даетъ извѣстное понятіе о странномъ образovanіи сего замѣчательнаго хребта. Лѣвая сторона изображенія представляетъ гладкую юго-западную сторону льда, а правая сѣверную, состоящую изъ нагроможденныхъ льдинъ.

На покатой юго-западной стороне заметили я горизонтальную трещину, около полу-аршина шириною. Сие отверстие дало нам возможность ближе освидетельствовать внутреннее образование льда. Верхний слой ихъ былъ до 11 футовъ толщиною, и состоялъ изъ несколькихъ параллельныхъ пластинъ, каждая около $\frac{3}{4}$ аршина въ толщину.

Въ тридцати верстахъ отъ нашей складки провіанта принуждены мы были объезжать несколько полей. Море было здѣсь 12-ть сажень въ глубину, а дно его, какъ прежде, состояло изъ зеленоватаго глинистаго ила. Мы следовали на SO 60°, вдоль по скату хребта, около 20-ти верстъ, и не найдя выхода на сѣверъ, остановились на привалъ въ 300 саженьяхъ отъ недавно вломаннаго льда. При довольно резкомъ восточномъ вѣтрѣ, ледъ подъ нами безпрестанно колебался, а на сѣверо-востокъ слытали мы трескъ сшибавшихся ледяныхъ громадъ. Полуденное наблюдение дало намъ 71° 15' 9" широты; считавшаяся долота равнялась 2° 20', отъ Сухарнаго.

Апрѣля 7-го, поутру, при ясномъ небѣ и холодномъ восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 12° холода, а вечеромъ 17°. Мы слѣдовали по прежнему юго-восточному направленію, вдоль вновь вломаннаго льда. Ледной хребетъ постепенно уменьшался и дѣлался болѣе и болѣе неправильнымъ; трещины и поляны становились чаще; глубина, въ 30 верстахъ отъ послѣдняго привала, была 11-ть сажень 3 футовъ. Образо-

ваніе два не перекрѣнялось. Проглазъ въ сію ночь всего 48-ть верстъ, къ утру остановились мы отдыхать подъ 70° 55' 42" широты и 3° 5' счислимой долготы.

Утро 8-го Августа было ледное; при слабыхъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 6° холода. Къ вечеру небо съ южной стороны покрылось густыми черными тучами и холодъ усилился до 14°. Въ прежнемъ направленіи проѣхали мы безпрятственно еще 10-ть верстъ, но здѣсь огромная шель пересекла путь. Она тянулась отъ NO къ SW 30°, правую оконечностью терлась въ осевинныхъ горосахъ, а лѣвою слагалась съ польнями и трещинами вполъ разломаннаго льда. Ширина ея разилась 8 футовъ, и мы не нашли бы никакихъ средствъ переправиться черезъ шель, еслибы, къ счастью нашену, вблизи не послышлось нѣсколько небольшихъ лавинъ. Мы устроили себѣ изъ нихъ сообщеніе и благополучно перебрались на другую сторону. Здѣсь, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, море имѣло теченіе на OSO, при быстротѣ въ половину узла; глубина его равнялась 12½ саженьямъ. Въ 22-хъ верстахъ отсюда увидѣли мы, къ SO 20°, на горизонтѣ Большой Баранокъ Каменъ. По нашену счисленію, онъ долженъ былъ лежать на SW 3°, въ 11½ верстахъ. Остановясь, чтобы объяснить другъ другу причины такого различія, мы приняты, по направленію къ западу, свѣжій ледовый свѣдъ. Дѣлъ нарты были тотчасъ опорожнены, и я съ г. Матюшкинымъ отправился по

следу за медведемъ. Пройхавъ 10-ть верстъ, услышали мы отдаленный, быстро приближавшійся трескъ. Вскоре удары слышались столь сильны и оглушительны, какъ будто близкіе перекаты грома; ледъ подъ нами колебался и расщеливался во все стороны; во многихъ местахъ вода выступала на поверхность. Преследованіе медведя надобно было отложить. Мы поспешно удалились отъ опаснаго мѣста и соединились съ нашими товарищами. На возвратномъ пути едва не лишились одной изъ лучшихъ собакъ; она была отряжена для охоты, и пользуясь свободою, бѣжала въ нѣкоторомъ отъ нартъ отдаленіи. По одному изъ безпрестанно встречаемыхъ здѣсь оптическихъ обмановъ, происходившихъ отъ преломленія солнечныхъ лучей, наши казаки приняли собаку за преследуемаго медведя и схватились за ружья; къ счастью, одинъ изъ нихъ во время еще принялъ общую ошибку.

Наши оставшіеся спутники спокойно ожидали нашего возвращенія. Ловка льда не доходила до сихъ мѣстъ, и потому рѣшился я съѣздить здѣсь приказать для отдыха утомленнымъ собакамъ. Мы находились подлѣ $76^{\circ} 46\frac{1}{2}'$ широты и $3^{\circ} 22\frac{1}{2}'$ долготы, отъ Сухарнаго.

На слѣдующій день (9-го Апрѣля), при сѣвѣжѣмъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и 12° холода, отправились мы далѣе, по направленію на SO 75° . Прѣхавъ пять верстъ замѣтили на краю горизонта, къ NO 40° , густую синеву; издали она весьма походила на гористый берегъ, но при

точнейшимъ изслѣдованіи въ трубу сходство исчезло, а черезъ полчаса измѣная земля поднялась къверху и горизонтъ кровился.

Чѣмъ далѣе подвигались мы, тѣмъ чаще и больше становились торосы, шели и полынья. Наконецъ непроходимые ледяные утесы окружили насъ со всехъ сторонъ. Всѣ усилія преодолѣть такое новое препятствіе являлись напрасными, и мы принуждены были вѣзть обратно по прежней дорогѣ, на измученныхъ собакахъ и изверженныхъ саняхъ. Станъ нашъ разбѣл мы недалеко отъ вчерашняго.

Апрѣль 10-го, по случаю праздника Свѣтлыхъ Пасхи, оставались мы на мѣстѣ. Лишенные всего, что для такого праздника необходимо, мы хотѣли, по крайней мѣрѣ, въ молитвѣ соединиться съ нашими отдаленными собратіями. Сколько возможно правильно обтесанная лѣдница заступила мѣсто алтаря; на нее поставили мы образъ чудотворца Николая, и передъ нимъ, на вѣткнутомъ въ ледъ оштелѣ, засѣяли единственную нашу восковую свѣчу. Въ надлежащее время, купецъ Березной, по необходимости съ нами священника, прочелъ предписанныя для сего дня молитвы, а казки и нартовники провѣли положенныя духовныя вѣщи. При всей простотѣ нашего богослуженія, молитва и благоговѣніе всего нашего небольшого общества были искренны. Слѣдовавшее за тѣмъ угощеніе отличалось только нѣсколькими, нарочно для Пасхи собранными, оленьими азыками и двойною порціею

водки. Въ знакъ торжества поддерживали мы еще целый день небольшой костеръ, распространявшій радость во всемъ обществѣ. Расположась около огня, провели мы весь остатокъ дня въ бездѣйствіи, въ разговорѣхъ о перенесенныхъ нами трудахъ и надеждахъ на скорое возвращеніе. Впрочемъ, не было прежде примѣра, чтобы при такомъ совершенномъ недостаткѣ всего, что почивается наслажденіемъ, удовольствіемъ, потребностью жизни, общество людей провело целый день такъ весело и довольно, какъ провели его мы. Къ тому побуждалъ насъ, хотя небольшой, но ярко пылавшій огонекъ, а главнѣйше целый день роздыха, въ чемъ, какъ мы, такъ и собаки, наши весьма нуждались.

На другой день партовидикъ мой почувствовалъ сильную боль въ крестцѣ, такъ, что мы принуждены были еще целый день простоять на мѣстѣ. По неволѣ проведенное праздно время употребили мы на поправку нашихъ, сильно поврежденныхъ нартъ. Сегодня, при умеренномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ отъ 6° до 9° холода. Вода слышалась трескъ ломающихся льдовъ. Апрѣля 12-го небо было пасмурно и облачно, но, при слабомъ восточномъ вѣтрѣ, холодъ къ вечеру усилился до 14°.

Качество и ледъ окружавшаго насъ льда, частыя и постепенно увеличивающіяся волны, обходя концы, по огромнымъ торосамъ, становился болѣе и болѣе затруднительнымъ и часто былъ даже невозможнымъ, и наконецъ, крайнее утом-

леніе собакъ, узрѣли меня въ невозможности
проникнуть далѣе въ настоящее направленіе.
Потому рѣшился я возвратиться къ нашей склад-
кѣ провіанта, о цѣлости котораго партошники
наши уже отчаявались. Выбравшись изъ окружа-
вшихъ насъ торосовъ, направилсъ мы прямо на
западъ, и вскоре достигли гладкаго льда, по-
крытаго хорошими убосями, по которому счаст-
ливо пробѣжали 6½ версты, остановившись на
ночлегъ у подошвы удивленно стоявшей ледяны,
скажешь въ 8-ть вышиною. Четырехъ-Столбовой
островъ, по счисленію лежащій отъ насъ въ
33-ми верстахъ, едва показывался на горизонтѣ
къ SW 62°. По полуденному наблюденію нахо-
дились мы подъ 70° 38' 45" широты и 1° 45'
долготы, отъ Сухарнаго.

Апрѣля 13-го, при лсномъ небѣ и сильномъ
сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ
по утру 13°, а вечеромъ 15° холода. Отсюда взя-
ли мы курсъ на сѣверъ, и пройдя въ 5-ть верстъ,
встрѣтили слѣды нашихъ транспортныхъ партъ,
сославшихся въ Иркине-Кольмисъ отъ послѣдней
складки провіанта. Слѣдуя по узбеженной доро-
гѣ, мы перебрались черезъ высокую цѣпь зме-
ныхъ торосовъ, лежавшую отъ NW къ SO. Про-
шла всего 50 верстъ, остановившись мы на при-
вѣзъ подъ 71° 3' 45" широты и 8° 00' долготы,
отъ Сухарнаго.

Апрѣля 14-го термометръ показывалъ отъ 9°
до 14° холода. Мы продолжали путь, встрѣчая
на каждомъ шагѣ, то старые, то свѣжіе слѣды

больших медведей и иссохъ; все они шли по направлению къ нашей складкѣ провіанта. Такое обстоятельство заставило встать насъ опасаться, чтобы не смотря на принятыя нами предосторожности, медведи не успѣли наконецъ проникнуть въ наши погреба и расхитить наши запасы. Желая поскорѣе удостовѣриться въ этомъ, я поехалъ на трехъ лучшихъ нартахъ впередъ къ сѣверо-востоку, по сѣвѣннѣмъ извѣжьиюкъ сѣдланъ. На пути встрѣтили мы нѣсколько берлогъ, вырытыхъ въ снѣгу, въ сажень глубиною; два довольно узкихъ отверстія служать входомъ въ такую пещеру, гдѣ съ трудомъ могутъ помѣститься два медведя. У толенныхъ продушинъ во льду замѣчалъ я довольно большія кучки снѣга съ отверстиями внизу. За такими снѣжными брустверами стерснутъ обыкновенно медведи толсней, просунувъ въ отверстіе свою лапу. Едва толсень вылезетъ на ледъ, медведь ударомъ лапы бросаетъ его далѣе отъ продушины, и потомъ безъ труда ошадываетъ беззащитный животный. Замѣчательно, что песцы, забывавъ всякій страхъ борьбы съ столь огромнымъ зверемъ, надеясь на быстроту и увертливость свою, всегда найдутъ средство захватить при семъ случаѣ часть добычи изъ-подъ лапъ медведа. Песцы, въ полномъ смыслѣ сего слова, настоянники медведей, а потому и сѣбѣ обояхъ животныхъ всегда попадаютъ впясть.

Послѣ немалыхъ развѣзловъ попали мы наконецъ на нашу прежнюю дорогу, около того мѣ-

ста, где ночевали 6-го Апреля. Медвежьи следы терялись въ непроходимыхъ торосахъ; ледъ былъ тутъ нарезанъ широкими безчисленными щелями, и потому рѣшился я следовать по нашей прежней дорогѣ, посливша одну нарту къ отстававшимъ товарищамъ, съ тѣмъ, чтобы они соединились со мною у нашей складки провіанта. Путь представлялъ намъ гораздо болѣе затруднений, нежели мы предполагали. Ледяная поверхность была взломана; замѣченныя нами за несколько дней прежде горы исчезли, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и наша прежняя дорогѣ. На каждомъ шагу огромныя волны и щели переставали намъ путь. При переправѣ черезъ одну изъ трещинъ восемь собакъ изъ моей упряжки упали въ воду, и только необыкновенная длина нарты спасла меня и собакъ отъ гибели.

Послѣ 11-ти часовъ, крайне затруднительной и опасной гонимы, мы достигли нашей складки провіанта, который, къ общей радости нашей, былъ невредимъ. Въ окрестности видны были многочисленные слѣды медвѣдей. Вскорѣ все общество наше соединилось здѣсь, и мы поспѣшили вырыть изъ льда наши скаробы.

Утомленіе собакъ принудило насъ продвигать 15-го Апреля на югъ. Поврежденные нарты были здѣсь, сколько возможно, починены, а китовыя ребра, снятыя изъ врези льда по торосамъ, снова подвѣшаны. По утру, при сѣверномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 11°, а вечеромъ, при западномъ вѣтрѣ, только 6° холода. По полудни

ному наблюдению находилась мы подь 71° 27' 36" широты.

Апреля 16-го, при легкомъ западномъ вѣтрѣ и 8° холода, мы отправились далѣе. Сильный влесапный лай собакъ разбудилъ насъ ночью и уведомилъ о приближеніи медведей. Тотчасъ схватили мы оружіе и сбились на встречу не-пріятелю. Недалеко отъ стала, мы увидѣли двухъ медведей необыкновенной величины, и казалось, они были въ нервности: нападать ли на насъ? Въ мы бросились жадно на добычу, но, къ не-счастью, охота наша была неудачна. Въ торо-пяхъ, мы худо цѣлили и все дали промахи; со-баки были также несчастны въ своихъ напа-деніяхъ, а медведи, испуганные выстрѣлами, по-бѣжали въ разные стороны. Казаки съ Юкаги-ромъ погнались за однимъ; другіе, безъ всякаго порядка и плана, преслѣдовали другаго медведя. Напрасно стараясь я собрать товарищей, чтобы общими силами гнаться за однимъ медведемъ. Раздосадованные неудачею, охотники мои не выжили моему зову и вскоре потеряли я ихъ изъ вида. Пытаясь отыскать ихъ, вскарабкался я съ большимъ трудомъ на высокую гору, но и отсюда увидѣлъ только куница Бережного и мо-его мартовенника Татарнилоа, перваго съ ружьемъ, а другаго съ конькомъ, лукомъ и стрѣлами; они отдыхали отъ безполезной бѣготни, недалеко отъ торося, на которомъ я находился. Внезапно изъ-за лѣдникъ вышелъ третій медведь, и увидя меня, намѣревался напасть. Въ ружьяхъ у меня было заря-

женное ружье, и я спокойно ожидалъ того мгновенія, когда заяць полезетъ изъ лѣдину, но замѣтивъ Бережнова и Татаринова, онъ осердился свое намереніе и бросился на нихъ. Отъ одного выстрѣла зависѣла судьба охотниковъ; подпугивъ къ себѣ медвѣдя шаговъ на пятнадцать, они выстрѣлили; раненый заяць съ ревномъ побѣжалъ назадъ въ торосы, оставляя за собою кровавые слѣды. Около утра все наше общество снова собралось въ лагерь, но Юкатиръ и казаки не возвращались, такъ, что мы уже начали беспокоиться объ ихъ судьбѣ. Но черезъ несколько часовъ пришли и они въ станъ, едва передвигая ноги отъ усталости. Еслибы въ такомъ видѣ встрѣтились они съ медвѣдемъ, то, вѣроятно, сдѣлались бы добычею ужаснаго непріятеля. Такъ, къ общей досадѣ и сожалѣнію, кончилась наша неудачная охота. Мы и собаки до того утомились, что принуждены были оставаться цѣлый день на мѣстѣ.

Апрѣля 17-го, по утру было пасмурно и термометръ показывалъ 5° холода, а къ вечеру легкій восточный вѣтеръ нанесъ вѣсной снѣгъ; морозъ усилялся до 7°. Около солнца образовались три круга. Мы посидѣли нагрузить нарты и отправились въ путь на западъ. Въ 9-ти верстахъ отсюда пересѣкли мы нашу прежнюю дорогу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились на ней 1-го Апрѣля. Выбравшись изъ торосовъ, вышли мы на ледяную равнину, покрытую корявыми сырими сѣвгомъ, по которому нарты наши, съ помощью

китовых ребрь, скользили легко и весьма быстро. Пройдя такимъ образомъ 41 версту, остановились мы на ночлегъ, подъ 71° 25' 53" широты и 0° 43' долготы, отъ Сухарнаго. На слѣдующій день морозъ усилился. По утру, при свежемъ восточномъ вѣтрѣ и облачномъ небѣ, термометръ показывалъ 16°, а вечеромъ 18° холода.

Ся часть Ледовитаго моря осмотрѣна была въ 1810 году г. Геденштронемъ, а потому дальнѣйшее путешествіе здѣсь казалось намъ безобиднымъ. Находясь по счисленію въ меридіанѣ Четырехъ-Столбового острова, я рѣшился отыскать тѣ острова, которые мы съ него видѣли, и вѣлѣ курсъ на югъ. Апрѣля 18-го проехали мы 42 версты, не смотря на сильный вѣтеръ, затруднявшій бѣгъ собакъ и даже неоднократно ихъ опрокидывавшій. Къ тому присоединилась густая мгла, затенявшая воздухъ, до того, что въ нѣсколькихъ шагахъ не было возможности различать предметы. Обиравсь разлучиться съ товарищами, мы сѣздили варты наши поларно и вожатыхъ собакъ заднихъ вартъ привязали къ переднимъ. Такимъ образомъ ѣхали мы цѣлый день, сами не зная куда и направляясь единственно по компасу. Не найдя вблизи ни тороговъ, ни отдельныхъ льдицъ, принуждены мы были остановиться вочислѣ на открытой снѣжной степи, ни чѣмъ не защищенной отъ вѣтра. Разбить палатку, или развести огонь, было невозможно, и эта ночь, безъ сомнѣнія, была самая непріятная и труд-

ная изъ всего нашего путешествія. При 11° холода, мы были совершенно предоставлены ярости бури и вьюги, не имѣли огня согрѣться или приготовить себѣ чаю, и утоляли жажду сигаромъ, а голодь сухими сухарями и затхлою рыбюю. Такъ провели мы шесть безконечныхъ часовъ на нашихъ узкихъ партахъ, нетерпѣливо ожидая минуты, когда можно будетъ отправиться въ путь. Но прежде того предстояла еще намъ трудная и скучная работа выгребать изъ-подъ сидѣга собакъ и парты. Наконецъ, мы повзвали, направившись далѣе на югъ, и надобно признаться нѣсколько опасаясь, что не найдемъ Четырехъ-Столбового острова при пасмурной погодѣ и продолжавшейся влтели. Къ общей нашей радости получили мы здѣсь новое доказательство вѣрности нашего счисленія, ибо, не болѣе, какъ въ пяти верстахъ, увидѣли мы Четырехъ-Столбовой островъ, и взятый нами за два дня курей привелъ насъ прямо къ бухтѣ на сѣверномъ берегу его, гдѣ мы и остановились, проехавъ въ сей день всего 52 версты. После перенесенныхъ въ прошедшую ночь трудовъ и лишеній, наше положеніе казалось намъ самымъ роскошнымъ. Подъ защитною высокою, крутою берегою, палатка наша стояла спокойна и безопасно, а лежащій вблизи, въ довольномъ комплектѣ наносный лѣсъ позволялъ разложить два большіе костра и просушить нѣсколько нашихъ промерзшіхъ туфъ и вѣтъ. Жадно наслаждаясь мы пріятнымъ ощущеніемъ теплоты, и скоро, за горячимъ супомъ, забыли всѣ перенесенные труды

и голодь. Только мысль о безуспешности наших усилий и недостижении цели путешествия поворачивала общее удовольствие.

На другой день, при сильном северо-восточном ветре и 10° холода, поехали мы на NW 65°, кь замеченному в семь направлений острову, где в небольшой бухте нашли также значительный запас напосного льса. Здесь неожиданно услышали мы веселое шепотанье первых предвстиков весны. Трудно изобразить, какое неопьяненно приятное впечатление произвели их немногие веселые звуки на нас, сроднившихся, так сказать, с могильною тишиною сибирских пустынь.

Для скорейшаго окончанія описи сей купы островъ разделилъ я нашу экспедицію на две части: г. Матюшкинъ поехалъ кь югу, а самъ я кь северу. Описавъ три острова, по направлению меридіана лежащіе, кь почти соединились мы на северной оконечности среднего изъ нихъ. Сильный северо-восточный ветеръ, при 11° холода, поднялъ густую мгла и удержалъ насъ целый день, 22-го Апрѣля, на мѣстѣ. На другое утро погода не переменилась, и я решился, не теряя времени, продолжать путь. Описавъ крайній на западъ островъ, ночь провели мы на его северо-западной оконечности.

Образованіе береговъ сей купы ясно можетъ быть усмотрѣно на составленной нами картѣ Медвежьихъ острововъ, почему ограничилось я здѣсь только краткими замѣчаніями.

Первый из Медвежьих островов, называемый *Крестовым**, самый большой и высокий из всей группы. Он заметен по двум горам, из которых южная занимает средину острова и отличается закругленною вершиною. Восточные и северные берега его, по большей части, круты, а местами скалисты. По южной, более покатой стороне острова течет в море маленький ручей; западный берег, совершенно отлогий, состоит из крупного песка. Только в небольшой бухте на северо-западной оконечности острова нашли мы наносный лед, состоявший, по большей части, из лиственницы и тополей, и только вблизи в нем попадались сосновые бревна. Множество берлог и нор доказывает, что остров часто посещается медведями, волками и песцами, но коренными обитателями острова, по крайней мере, по числу, казались нам полевые мыши. На южном берегу видели мы несколько оленей. Место нашего ночлега на острове, означенное на карте якорем, находится по наблюдению, под $70^{\circ} 52' 14''$ широты, а тригонометрически выведенная долгота равняется $1^{\circ} 21'$ к западу, от Сухорного.

Второй остров имеет вид кургана, сложенного из множества гранитных глыб и осколков разной величины. Он до двух сот сажень в длину и полтораста в ширину. На нем лежало несколько сложенных листве-

* Далее будут наложены причины его названия.

ничных бревенъ. Сія горада камней, непоказанная на картѣ Леонтьева, вѣроятно, была тогда заставлена высокими торосами, которые и нынѣ со всехъ сторонъ окружали ее.

Третій островъ возвышенъ, но горъ на немъ нѣтъ. На южномъ берегу его нѣсколько незначительныхъ утесовъ; постепенно возвышаясь на западъ и востокъ, они удаются довольно далеко въ море. Въ бухтахъ берега отлоги. На северной сторонѣ восточнаго мыса находится вырытый въ землѣ погребъ, внутреннія стороны котораго обставлены обтесанными бревнами. Глубокій снегъ, наполнившій весь погребъ и краткость времени не позволили намъ сдѣлать здѣсь какихъ либо разысканій, а недалеко оттуда, на берегу, нашли мы весьма старое весло, похожее на употребляемыя Юкагирами на пѣткахъ. Тутъ лежало также нѣсколько оленьихъ роговъ и человѣческихъ костей, но череповъ мы не могли одинаково найти.

На северо-восточной сторонѣ четвертаго острова возвышаются двѣ продолговатыя, въ направленіи на NW, параллельныя между собою горы. Онѣ соединяются возвышенною перемычкою; отъ восточнаго берега весьма удобно прѣехали мы черезъ нее въ бухтѣ на северо-западной сторонѣ острова. Въ мѣстахъ, обсаженныхъ ветрами отъ сѣтя, грунтъ земли состоитъ изъ тонкаго слоя земли и крупнаго песка. Впрочемъ весь островъ заваленъ обломками дачиной породы, изъ ко-

торой сложены описанные выше столбы шестого острова. Такого же образованія и скалы, очевидно спускающіяся въ море на сѣверномъ берегу, а южный берегъ состоитъ изъ крутыхъ асфальтовыхъ холмовъ, наполненныхъ магнезитовыми костями. Въ бухтахъ лежало много наноснаго лѣса. По нашимъ наблюденіямъ сѣверная оконечность сего острова подлѣ $70^{\circ} 46' 35''$ широты; магнитная стрѣлка склонялась здѣсь на 14° къ востоку.

Плѣтый островъ довольно возвышенъ. Крутые, утесистыя берега его одного образованія съ западными скалами шестого острова. Здѣсь замѣтили я нѣкоторые признаки кобальда (Schwafelkies).

Шестой, или *Четырехъ-Столбовой* островъ, описанъ выше.

На почлегѣ 23-го Апрѣля, одинъ изъ партовщиковъ утвердилъ насъ, будто, «за нѣсколько миль «прежде, находился онъ на первомъ изъ Медвѣжьихъ острововъ, лежащемъ въ 30-ти верстахъ отъ устья рѣчки *Крестовой*, и потому «подучившемъ названіе: *Крестовый островъ*». Далѣе утверждалъ рассказникъ, что островъ сей не великъ, совершенно круглый и нисколько не похожъ на тотъ островъ, гдѣ мы ночевали. Въ противность убѣжденій партовщика, сдѣлавъ карту Леонтьева, мысно находились мы на Крестовомъ островѣ. Трудно было предполагать, чтобы къ западу отъ него лежалъ еще островъ, досель не-

запыленный. Туманъ и непрерывная мятель препятствовали намъ теперь видѣть отдельные предметы. На слѣдующее лето, штурманъ Козыинъ, описывая берега Ледовитаго моря между устьями Колымы и Индигирки, имѣлъ случай убѣдиться въ неосновательности разсказовъ партовщика: съ Мало-Чукотскаго мыса и возвышенныхъ береговъ близъ устья *Крестоваго ручья*, видѣлъ онъ островъ, который проводники туземцы называли *Крестоюмъ*. Островъ сей, действительно, имѣлъ видъ кругловершинной горы, и по взятыхъ тогда нелѣнганъ оказалось, что сія гора находится не на островѣ, впереди Крестоваго лежащемъ, а за нимъ, именно на томъ, который мы такъ называли и описали. Впрочемъ, для окончательнаго разысканія сего обстоятельства отправлять я въ послѣдствіи, зимою 1823 года, г. Козыинъ осмотрѣть часть моря, лежащую между нашимъ путемъ и курсомъ г. Геденштрама въ 1810 году. Выѣхавъ изъ Нижне-Колымска 23-го Января, на двухъ нартахъ, съ провизантомъ на четырнадцать дней, 5-го Февраля, при 28° холода, г. Козыинъ вступилъ изъ устья рѣки Агазоновки на морской ледъ, и въ ночи достигъ острова, того самаго, который г. Геденштромъ видѣлъ зимою и мы нынѣ описали. Здѣсь г. Козыинъ переночевалъ. На слѣдующій день поѣхалъ онъ на северъ, и 9-го Февраля, безъ большихъ препятствій, достигъ 71° 58' широты. Во время всей поездки путешественники много терпѣли отъ холода; термометръ постоянно показывалъ 30°, а въ послѣдніе дни

на возвратномъ пути ихъ, морозъ усилился до 32°, такъ, что собаки изрочили себя поти на твердо замерзающъ снегъ. Осмотрѣвъ съ острова горизонтъ и не открывши ничего примѣчательнаго, кромѣ легкой синевы на сѣверѣ, г. Козьминъ возвратился на средній изъ Медвѣжьихъ острововъ, и оттуда прямымъ путемъ поплылъ къ Нижне-Колымскъ, куда и прибылъ 17-го Февраля.

Ся повѣдка ясно обнаруживаетъ неосновательность вышеприведеннаго разсказа нартовщика, и служить новымъ доказательствомъ вѣрности извѣстныхъ наблюдений, какъ относительно Медвѣжьихъ острововъ вообще, такъ и Крестоваго особенно. Потому возвращаясь ближайшему къ материка, первому Медвѣжьему острову, прежнее его названіе Крестоваго, наименовать я остальные острова купы, примыкая къ нимъ разстояніемъ отъ береговъ твердой земли, вторымъ, третьимъ, и т. д., такъ, что Четырехъ-Столбовой получалъ имя шестаго острова.

Послѣ отступленія отъ хронологическаго порядка, необходимаго для окончательнаго описанія купы Медвѣжьихъ острововъ, обращаюсь къ нашей путешеству.

Хотя я былъ увѣренъ въ несправедливости показаній нартовщика, однакожь, желая употребить все средства для узанія истины, рѣшился ѣхать къ Крестовому мысу, который, по картѣ Леонтьева, лежитъ на $SSW\frac{1}{2}W$ отъ острова того

же именн. По чѣрь нашего удаленія отъ мѣста вочлега, попутный намъ ОНО ветеръ кричалъ; съ тѣмъ выскѣ поднималась густая мгла. Но, не смотря на то, по гладкой дорогѣ въ короткое время проехали мы 41 версты. Здѣсь внезапно замѣтили мы, что вдемъ уже не по льду, а по твердой землѣ, и сначала полагали, что открыли пескомый островъ. Радостный крикъ одного изъ нартовщиковъ, нашедшаго свою собственную лошадку*, утѣшилъ насъ, что мы находимся уже на твердой землѣ. Мгла продолжалась и препятствовала различить даже ближайшіе предмѣты, но нартовники, здѣшній уроженецъ, указывалъ каждый холмъ, каждую кочку, и объявлялъ намъ, что мы находимся недалеко отъ рѣки Агаоновки, подлѣ устья которой построены балаганъ. Не смотря на непогоду нартовники привели насъ въ балаганъ, гдѣ, послѣ долгаго времени, мы провели первую спокойную ночь подлѣ зашитой четырехъ стѣнъ.

Совершенный недостатокъ въ съестныхъ припасахъ и приближеніе весны дѣлали невозможнымъ дальнѣйшее исследование льда. И рѣшился кратчайшею дорогою ѣхать въ Нижне-Кольскъ. На возвратномъ пути пытались мы описать сію часть берега, но непогода и продолжавшаяся вьюга дѣлали нашу работу безуспѣшною. Северо-восточный ветеръ безпрестанно кричалъ и густой снегъ затемнялъ атмосферу. Впрочемъ,

* Каждый изъ здѣшнихъ охотниковъ ставитъ на своихъ лошадкахъ особенный значекъ, который онъ отличаетъ отъ другихъ частей и.

такая погода нисколько не затруднила наших проводников. По неизменной, однообразной пустыни вдали был с неопытным для нас уверенностью и счастливо достигли балагана, построенного на мысе при устье р. Большой Чукочей, в 43-х верстах от нашего последнего ночлега. Здесь мы перемочевали.

На другой день (26-го Апреля) переехали мы через Чукотскую гору к Якутской виске, * около 24-х верст. В 6-ти верстах отсюда, на Якутском озере, были у одного из наших проводников зарыты во льду запасы рыбы; она сохранилась в углублении, покрытом с верха льдинами, засыпанными сивгом и заматыми водоем, но с таким искусством, что поверхность озера оставалась совершенно гладкою. Пока хозяин угощал все общество, мимо нас пробежало стадо оленей; не смотря на пуганье, собаки с лаем и визгом бросились за ними, и с большим трудом удалось нам собрать и привести в порядок наши упряжки, без которых мы были бы принуждены окончить путешествия павком, таща на себя палки и поклажу.

От озера проехали мы 15-ть верст, по тундре, до поварки, на Коньковой виске построенной, в 13-ти верстах от ее устья. Отсюда проехали еще 15 верст и перемочевали в трех балаганах на Убийной виске.

* Виской называется здесь каждая река, втекающая в озеро.

Апреля 27-го погода пережилась; опять перестало. Но вместо того поднялся равный юго-западный ветер и холод усилился до 15°. Отъ Убийиной шла хорошо устроенная дорога, через Чукотское озеро къ Немисленной деревнѣ, на р. Малой Чукочьей; все мѣстечко сіе состоитъ изъ пятнадцати хижинъ и полуразвалившейся казармы. Зимой все строеніе стоитъ пустыя и заносится снѣгомъ, а лѣтомъ собирается сюда нѣсколько семействъ на рыбную ловлю. Пройхавъ всего 72 1/2 версты, къ ночи достигли мы Походска. Несмотря на бѣдность и незначительность селенія, видъ его произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Мѣстами снѣгъ уже сталъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, и земля, покрытая прошлаголѣною травою, показывалась изъ-подъ него; трубы домовъ дымялись; за ледяными стеклами тускло мерцалъ огонь—мы снова были среди людей. Вокругъ лѣй собакъ поздравить о нашемъ прибытіи и изъ всехъ дверей раздались радостныя привѣтствія. После долгаго странствованія по ледянымъ пустынямъ, среди безпрестанныхъ трудовъ и лишений, мы вступили наконецъ въ жилую, теплую хижину, могли сбросить съ себя тяжелыя, промерзшія шубы, отдохнуть и согрѣться подлѣ пылающаго очага. Гостепріимные хозяева угощали насъ всѣмъ, что только было у нихъ лучшаго, и между прочимъ, недавно застрѣланными куропатками. День сей былъ для насъ истиннымъ праздникомъ; мы наслаждались имъ, какъ счастливымъ днемъ жизни.

и часть ночи провели в разговорах с хозяевами.

На другой день повхали мы dalje и 28-го Апреля благополучно достигли Нижне-Колымска, после 36-ти дневного отсутствия. Во все время, не переставая собак, проехали мы около 1,210 верст по лабиринту торосов и опасных полыней.

ГЛАВА II.

Визра. Подготовкой съездов занимались. Работал добрей для выпекания. Устройство сада. Размещение лучших работ выпекания. Жары. Колонны. Переходные ступи. Открытие на колпостроение катера. Работы ловли при ледовых Походо-вых. Охрана охоты на тулгу. Походы из Чукотского. Охотничья для охоты похороны выезда до реки Нидингана. Загрузка при охоте устья Колонны. Возвращение из Чукотского. Походы. Походы из Нижне-Колонны. Походы из Средне-Колонны. Изучение, при ледовых жидкости и охоты жидкости. Раздел ступицы. Вытекание охоты. Работы жидкости. Возвращение из Нижне-Колонны. Походы из, Митоткина, Колонны

■ Колонны.

Наступила весна, и с нею появились обыкновенные в конце каждой зимы недостатки съестных припасов и болезни. Ежегодные, торжкие опыты не могут истребить исжну жилища здеминых стрелъ вкоропщившейся в нихъ безопасности. Они разлазняютъ, принавсы такъ, чтобы вѣхъ было достаточно отъ конца настоящаго лѣта до начала будущаго, а потому позднее наступленіе лѣтняго вренія года всегда влечетъ за собою голодъ и недостатокъ. Такъ случалось и нынѣ. Когда Колыма освобождалась отъ

льда, все жители местечка поспышли на ль-
товыи къ берегамъ рѣкъ, болѣе другихъ изобиль-
ныя рыбою и посыпаемыя перелетными птицами.

Въ прошломъ году увѣрился я, что здѣшніе
жители не въ состояніи удовлетворять своимъ по-
требностямъ экспедицій, и потому рѣшился соб-
ственными средствами заготовить пужное коли-
чество съестныхъ припасовъ, для насъ и для
корча нашихъ собакъ. По послѣднему зимнему пу-
ти, на все изобильныя рыбою рѣки послалъ я
работниковъ съ сетями и неводами. Главнымъ
сборнымъ мѣстомъ и центромъ нашего рыбнаго
лова назначена рѣка Малая Чукотка, всего нѣско-
лько посѣщаемая здѣшними промышленниками. Туда
справилось большое число работниковъ, подъ
надзоромъ сотника Татарнова.

Кромѣ того назначившимъ лѣтомъ предположе-
но было исполнить слѣдующія работы: 1-е, одно-
му отряду, на лошадяхъ, описать берега Ле-
доятого моря между устьями рѣкъ Малой Чукот-
ки и Индигирки; 2-е, другому, на лодкѣ, опи-
сать устье Колымы; 3-е, у Большой Баранки по-
строить жилую пубу и чуланъ для зимней экспе-
диціи, и наконецъ 4-е, докторъ Киберъ, оправив-
шись отъ болѣзни, хотѣлъ посѣтить берега рѣкъ
Большой и Малой Анюсы.

Страннымъ покажется, что мы рѣшились описъ
береговъ Ледяного моря производить на лоша-
дяхъ, но оленіи, хотя самыя обыкновенныя до-
машнія животныя Тунгусовъ, такъ слабы, что

Летою не могут выдерживать больших перепадов, а потому и неспособны для подобного путешествия. С другой стороны, и там, на многих верстах окружающих берегов, препятствуют описывать его на лодке, не говоря уже о том, что малое судно безпрестанно подвергается опасности разбиться, или быть раздавленным огромными льдинами, целый год въ свѣх краяхъ посящавшихся. Такимъ образомъ, ближайшее соображение вѣстныхъ обстоятельствъ заставило насъ предпринять путешествие на лошадяхъ, которыхъ, я равно и проводниковъ, подрацавшихъ намъ до стѣны Средне-Колымскіе Якуты.

Опись морскаго берега предоставлялъ я г. Матюшкину, а самъ хотѣлъ на лодкѣ осмотрѣть устье Колымы. Съ знакомцомъ нашимъ, купцомъ Бережновымъ, отправлявшимся на лошадяхъ въ восточныя тундры на промыселъ мамонтовыхъ костей*, ѣхалъ я унтеръ-офицеръ Рышетникова и двухъ плечниковъ, поручая имъ выстроить при устьѣ Большой Баранки хорошую поварню, съ чуланомъ и сѣнями.

Между тѣмъ лодка, которую началъ строить г.

* По всей Сибири, особенно въ сѣверо-восточныхъ и сѣверныхъ частяхъ ея, въ разнѣстныхъ холмахъ, тундрахъ и на берегахъ рѣкъ находятъ множество мамонтовыхъ костей. Или рогъ и костей. Лучшимъ образомъ добывать сіи остатки допотопныхъ животныхъ начали тѣ, когда выступившіи изъ береговъ рѣкъ разливать прибрежныя холмы. Тогда жители отправляются къ изобилующимъ мамонтыи костями мѣстамъ, и обыкновенно возвращаются съ богатою добычею. Купецъ Бережновъ провадилъ сей промыселъ въ сѣверѣ большому обществу.

Козыничь во время нашей второй поездки по льду, была почти готова. Ему удалось отыскать на льду под снегом достаточное число кокорь для шпангоутов, устроить большую столбовую пилу и научить работников действовать ею, и наконец, не смотря на недостаток пособий и готовых материалов, къ концу Мал построил лодку. Точность въ отбѣлкѣ всѣхъ частей самодѣлательности была, какъ объ искусство и терпѣніи мастера, такъ и о понятии работникова.

Мал 25-го вышло на рѣкъ ледъ, а на следующую ночь шелъ первый дождь и оживили растенія. На берегахъ и скатахъ появились трава и кустарники покрылись почками и листьями. Теплота воздуха замѣтно усилилась; термометръ показывать отъ 10 до 15°; произрастающимъ виднымъ распускались и росли. После долгой, утомительной зимы, видъ внезапно, такъ сказать, оживающей природы представлялъ особенную прелесть. Въ селеніи явилась необыкновенная дѣятельность; все спѣшило воспользоваться и вновь наслаждаться краткимъ благоприятнымъ временемъ года. Но недолго была на то возможность: съ 4-го Іюня показалось такое безчисленное множество комаровъ, что мы снова удалились въ наши тѣсные избы. Передъ окнами и дверями непрерывно горѣли дымокуры и костры, и мы лучше рыскались сидѣть въ комнатахъ въ дымной атмосферѣ, нежели дышать свѣжимъ воздухомъ и подвергаться укушеніямъ безчисленныхъ насекомыхъ. Мы развѣсались, когда суровый сѣверный вѣтеръ

охлаждала температуру. Юня 9-го термометръ, почти внезапно, упалъ съ 12° на 2 $\frac{1}{2}$ ° и хотя на некоторое время прогналъ жаждящихъ кровососовъ. Мы сдвинули изъ острога и съ ружьями за плечами бродили по цымынъ дилимъ въ окрестности, среди кустарничковъ и болотъ. Обыкновенно, поздно вечеромъ возвращались мы домой, съ богатою добычею дикихъ утокъ и гусей. Первые перелетныя птицы появились здѣсь 29-го Апрѣля, и съ тѣмъ поръ, въ безчисленныхъ стадахъ, безпрестанно тапнулись съ юга на сѣверъ. На скалахъ речныхъ береговъ, гдѣ они спускались на землю, толпами сторожили ихъ зѣлѣные охотники.

Юня 11-го, разлившаяся рѣка вступила въ берега свои. Мы спустили на воду нашъ повозостроенный катеръ и дали ему имя: *Козыма*. По хилу былъ онъ 14-ти футовъ и конструкціею походилъ на грузовой баркасъ. Паруса спустили мы изъ найденныхъ въ эхъшпихъ магазинахъ парусовъ экспедиціи капитана Биллингса. Якорь сковали мы сами. Кроме того, для переправы черезъ неглубокія мѣста, построили мы еще родъ Юкагирской вѣтки, но только въ большемъ размѣрѣ, поднимавшей трехъ человекъ.

Всѣ приготовления къ нашимъ экспедиціямъ были кончены. Якуты обязались доставить потребное число лошадей и проводниковъ въ Малое Чукотское, откуда предполагалось начать опись морскаго берега. Шлюпка была нагружена и готова къ отплытію. Гг. Матюшкинъ и Козыминъ должны были начать свои работы отъ рѣки Чу-

комзей, а докторъ Киберъ жемать насъ проводить до ближайшей деревни, и потому 17-го Юния, подь вечеръ, отправляясь мы все вместе, на шлюпкѣ, при сѣвѣмъ NNO-мъ вѣтра, внизъ по Козьмий ", которая противъ острога ипринною на три версты. Вѣтеръ постепенно скрипчалъ, такъ, что съ трудомъ, лавиронкою, подвигались мы впередъ, и въ 5-ти милахъ отъ Нижне-Козьмска принуждены были причалить къ восточному берегу рѣки, недалеко отъ устья ружья Татарниковки.

Когда приближались мы къ берегу, собака наша выскочила изъ лодки въ воду, запуталась головою въ виставить веревкахъ, и вѣроятно, задушилась бы, еслибы г. Матюшкинъ не отрезалъ веревки. Торжась спасти жизнь нашему верному товарищу, г. Матюшкинъ, вистѣ съ веревкой, отрубилъ себѣ часть большого пальца съ ногтевъ. Рана была сильна и отъ небрежности ногла сдѣлаться опасною, а потому, по требованію доктора Кибера, я отправилъ съ нимъ раненаго обратно въ Козьмскъ, для излеченія. Проходники пришли такое происшествіе за несчастное предзнаменованіе, а ясъ заставлю оно переминуть плавъ работу. Штурманъ Козьминъ долженъ былъ одинъ предпринять описъ берега Ледовитаго моря, и докторъ Киберъ отложилъ свою пѣездку на Аюю.

Отправивъ боленнаго, мы продолжали путь внизъ по рѣкѣ, и 25-го Юния прибыли къ устью Ма-

* Бистроиз теченія Козьмий равняется здѣсь $\frac{3}{4}$ узла.

лой Чукчей. Въ деревнях Чернусовъ и Подоски получили мы благоприятныя известія, что рыбная ловля идетъ удачно. Въ домахъ были обстроены вешалками изъ шестовъ, для просушиванія рыбы. Существованіе большей части здѣшнихъ жителей зависитъ единственно отъ удачи лѣтнихъ промысловъ, а потому употребляютъ они всѣ усилія обезпечить себя ими. Обыкновенно изъла деревня, или общество изъ нѣсколькихъ лицъ, устраиваютъ для лова поперегъ рубки плетень, съ небольшою откратіею въ срединѣ, а противъ него ставятся корзины и келода всехъ участниковъ, попеременно, на 24 часа на долю каждаго. Корзины (жерсжи) въ теченіе такого времени нѣсколько разъ осматриваются, и добыча раздѣляется по равнымъ долямъ между участниками.

Подобная ловля чрезвычайно малосложна, и такъ легка, что исполняется обыкновенно женщинами и дѣтьми; мужчины, устроивъ плетень и приготовивъ все нужное, спятъ на охоту, промыселъ немаловажный необходимый для пропитанія. Они идутъ на карбасакъ * въ изобильныя днѣи

* *Карбасакъ* называется здѣсь особаго рода грузный лодка, поднимающія вѣсѣ до 50-ти пудовъ. Она выдвигается обыкновенно изъ одного брѣна. Для того берутъ самыя здоровыя и толстыя деревья изъ рода тополнѣихъ осинъ. Верхне-Колымскіе спускаютъ спуски въ карбасакъ. Судя сіи плоскодонны и для быстраго плаванія негодятся, но обыкновенно употребляются при рыбной ловлѣ. Вообще постройка, лавъ карбасовъ, такъ почти самыя выше килевыхъ, и равносильно способъ управленія ими судами, доказываютъ, что жители Колымскаго округа имѣютъ еще весьма ограниченныя понятія о судоходствѣ.

места, и обыкновенно возвращаются съ богатыми грузами гусей и уток, которыхъ отчасти стреляютъ, отчасти бьютъ палками. Другіе, на лошадяхъ, отправляются въ тундры за оленями. Охотники выезжаютъ всегда въ дюземъ, и кроме хорошо обученныхъ собакъ, каждый принаемаетъ къ своей лошади вѣтку. Главное искусство лова состоитъ въ томъ, что надобно заставить оленя броситься въ воду и плыть на другой берегъ. Тогда охотники на своихъ вѣткахъ легко догоняютъ медленно плывущее животное и убиваютъ его поклоунами. Иногда охотники удаляются отъ своихъ жилищъ на несколько дней езды и не всегда бывають въ состояніи привезти домой убитаго оленя; въ такомъ случаѣ зарываютъ его въ землю, которая въ назвѣстной тундрѣ никогда не оттаиваетъ. Тамъ оставляютъ добычу до первой санный дороги; нерѣдко одна-кожъ воликъ предупреждаютъ хозяина, и вместо оленя находятъ онъ одиѣ кости его.

Недалеко отъ деревни Чуколей, совсемъ неожиданно, встрѣтили мы цѣлое стадо оленей; извѣщаясь отъ жара и комаровъ, олени стояли по горло въ водѣ. Вѣтвистые рога ихъ издали показались на густой кустарникъ. Провожавшіе насъ Юкагиръ тотчасъ бросились въ вѣтку и погнались за оленями, но не имѣя необходимыхъ для охоты оружій, они закололи только двухъ ланей. Мы изъ шлюпки подстрѣлили большаго оленя; остальные вышли на берегъ и скрывшись въ тундрѣ.

Въ Маломъ Чукочьемъ, къ досадѣ вашей, не нашли мы ни Якута, ни заказанныхъ лошадей, но за то были обрадованы известіемъ, что рыбная ловля идетъ очень удачно и обѣщаетъ богатую добычу. Всѣ вышки были наполнены просыхавшею рыбою, и тотчасъ принялись мы за постройку чумовъ. Большая часть наловленной рыбы была изъ рода сельдей и чирковъ.

Наконецъ, 1-го Юля, приѣхалъ Якутъ съ пятью лошадьми, и сказалъ намъ, что болѣе такого количества собрать было невозможно. Изъ пяти лошадей только двѣ были столь сильны, что могли везти намотку, припасы, инструменты, и проч., а остальные были такъ слабы, что едва годились для верховой езды. По многочисленнымъ затрудненіямъ и опасностямъ предстоящаго путешествія, черезъ безлюдныя пустыни, перерѣзанныя выступающими изъ береговъ реками, не могъ бы я рѣшиться отправить столь малый отрядъ, еслибы не вполне былъ увѣренъ въ опытности и усердіи г. Козымина. Получивъ отъ меня инструкцію, отправился онъ 2-го Юля въ путь, въ сопровожденіи Якута и молодого казака. Для переправы черезъ рѣки привязали проводники къ лошадямъ своия пѣтки.

Люди, посланные на карабасъ внизъ по Чукочьему протоку, для стрѣльбы гусей и лебедей, возвращались съ печальнымъ известіемъ, что протокъ покрытъ еще твердымъ льдомъ. Такое обстоятельство заставило меня оставаться здѣсь, въ ожиданіи переменъ вѣтра, который постоян-

но дулъ отъ N, или NW, и следовательно напиралъ въ реку морской ледъ. Утѣрпѣвши въ невозможности проникнуть чрезъ устье на лодкѣ, и не желая терять здѣсь времени безъ всякой пользы, рѣшился я оставить пустынную страну, гдѣ на необозримыхъ пространствахъ, не только нѣтъ деревь и кустарниковъ, но даже и зеленая трава нѣтъ, такъ нарушаетъ утомительное однообразіе. Во все время моего здѣсь пребыванія рѣзкій сѣверный вѣтеръ наносилъ холодъ, такъ, что земля въ половинѣ Іюля мѣсяца часто покрывалась на нѣсколько дней снѣгомъ.

На шлюпокъ отправился я вверхъ по рѣкѣ, занимаясь на пути опредѣленіемъ и осмотромъ самыхъ приметныхъ пунктовъ. При мнѣ были только два человека: катроса оставилъ я въ Чукочьей для охоты, а остальныхъ распустилъ по домамъ. Іюля 18-го причалили мы къ берегу недалеко отъ устья рѣчки Крутой, въ параллели Сухарной Сопки, положеніе которой хотѣлъ я опредѣлить наблюденіемъ. Здѣсь, среди новаго кустарника, разбили мы палатки, и для защиты отъ комаровъ развели на подветренной сторонѣ дымный костеръ.

Казалось, что въ это путешествіе долженъ я былъ испытать всякаго рода неудачи. Разныя препятствія и неблагопріятныя обстоятельства отняли у насъ много времени, а здѣсь едва было не лишился я плодовъ работы цѣлаго года. Частую воду для питья и похлѣбки должно было брать съ средины рѣки. Мы отправились за

шею, но, поддавшись на безветріе, не почли необходимымъ при отъѣздѣ потушить костеръ. Едва лодка удалилась отъ берега, внезапный порывъ вѣтра бросилъ пламя костра на палатку, и прежде нежели мы прибѣжали туда, она и весь нашъ вѣщо уже обжигались пламенемъ. Потеря была чувствительна, но могла сдѣлаться неизнаградимою, еслибы мы не удалось свести отъ огня обитый кожей лодку, гдѣ хранились все наши журналы, описи, карты и инструменты. Къ счастью, огонь не коснулся еще пухъ и все было цело.

Столь непріятное происшествіе, лишивъ насъ всѣхъ дорожныхъ потребностей, заставило поспѣшить возвращеніемъ въ Нижне-Колымскъ. Июля 20-го прибылъ я туда, и засталъ еще гг. Матюшкина и Кибера, приготовлявшихся къ путешествію на берега Анюя. Докторъ совѣтовалъ мнѣ, для облегченія ревматической боли, провести остальную часть лѣта въ Средне-Колымскѣ, говоря, что не столь суровый климатъ и легкая пища будутъ мнѣ гораздо полезнее всѣхъ лекарствъ. Июля 23-го отправились мы изъ Нижне-Колымска. На шлюпку, при попутномъ вѣтрѣ, плыль я вверхъ по рѣкѣ.

По мѣрѣ удаленія отъ острога и низменности, подверженной суровому вліянію Ледовитаго моря, страна оживляется и постепенно терять однообразіе пустыни. Здѣсь обитаютъ трудолюбивые Средне-Колымскіе Якуты. Въ самомъ сѣверномъ селеніи сего народа, Илзовомъ Олбуть, въ 150

верстахъ отъ Средня-Колымы, оставилъ я, 2-го Августа, лодку, и верхомъ поткалъ во внутренность страны. После унылыхъ ледяныхъ пустынь, среди которыхъ провелъ я столько времени, разомъ показались мнѣ зальшія поля, съ нихъ тучными пастбищами, многочисленными стадами и лиственничными и ивовыми рощами. Все дышало здѣсь жизнью. Особенно роскошны были произростающія въ такъ называемыхъ *олбутахъ*, или высохшихъ (по зальшему, *сытченыхъ*) озерныхъ, которыя, сколько извѣстно, только въ сѣверной Сибири такъ часто встрѣчаются. Олбуты суть ничто иное, какъ равнины, при весеннихъ разливахъ рѣкъ покрывающіяся водою и образующія множество большихъ и малыхъ озеръ, по большей части весьма изобильныхъ рыбною. Зимой, отъ сильныхъ морозовъ, въ землѣ происходятъ щели и трещины, и нередко тлнуетъ отъ подобнаго озера до ближайшей рѣки, куда истекаетъ вся озерная вода.

Течение начинается обыкновенно зимою и бываетъ столь быстро, что не перестаетъ и въ самые сильные морозы. Дно подобнаго озера, утучненное иломъ, порастаетъ скоро потомъ густою, сочною травою, и Якуты поселяются поселиться подаль него съ своими стадами. Отъ того населенія, т. е. селенія, гдѣ живутъ отдельные роды Якутовъ съ своими начальниками, называются *олбутами* *. Лѣтніе жилища сего народа,

* Еще примечанія достойное явленіе замѣчено между озерами, лежащими около Алазейскаго селенія, Улимое, при сильныхъ по-

дѣятельнаго и веселаго, нѣхъ домашняя патриархальная жизнь, цвѣтущія окрестности, съ безчисленными стадами, предстѣлавши для меня особенную прелесть. Лѣтныя Сыды-Эторъкѣ, гдѣ жила богатый Якутъ, со всеми своими домоочадцами, стадами рогатаго скота и конскими табунами, особенно мнѣ понравилась. Главнѣйшій урѣсъ окружалъ менѣйшія палатки родственниковъ начальника; все было обнесено заборомъ, куда на ночь загоняли стада. Здѣсь все показывало изобиліе и напоминало патриархальное согласіе и чистоту нравовъ. Радужный пріемъ, теплый воздухъ долины, зашитаго холмами и рощами отъ суроваго вліянія вѣтровъ, изобиліе свѣжей легкой пищи, и наконецъ совершенное спокойствіе духа, въ отдаленіи отъ всехъ заботъ, побудили ме-

ривать, войдя въ сѣнь озера, бѣгъ всплывъ побочных пестиковъ, съ шумомъ и шипованіемъ переходятъ, оставляя обожженное нѣжнѣе, изрѣзанное глубокими и широкими трещинами. Такое странное явленіе происходитъ отъ особеннаго свойства почвы дѣйствительнаго гондра, и сколько мнѣ извѣстно, въ другихъ странахъ его не замѣчено. Здѣсь, подлѣ ветхихъ сломанъ земли, на которыхъ произрастаютъ травы, кустарники и деревья, всегда лежитъ ледъ, бывае или мѣтле порывающей съ землею. Во многихъ мѣстахъ, въ глубинахъ четырехъ сажень, выходитъ и послѣдовательно горизонтальное слое чистаго льда и замерзшей земли, скрепленнаго до 1-го, а второе до 3-хъ футовъ толщиной. Подобнаго обрамленія лѣвый берегъ Колымы, оба берега Аласа и дно вѣдъ енисейскихъ озеръ. Необходимое слѣдствіе вѣснаго разлива рекъ, что при впаденіи наступающихъ, сильныхъ короветъ, земля, налитая водою, трескается, какъ зную трескаются деревья, и даже камни, если они пропавшутъ водными частицами. Вѣроятно, отъ того образуются на днѣхъ озеръ глубокіе трещины, куда утекать вся вода.

ЧАСТЬ II.

ия провести здесь остатокъ лѣта и собрать силы для перенесенія новыхъ трудовъ предстоящей зимы.

Здесь встрѣтилъ я 82-хъ лѣтняго Якута, крестьянина действующаго Лаптева, въ 1730-хъ году обывавшаго берега Колымы. Старикъ былъ здоровъ и бодръ, самъ исправлялъ еще все домашнія работы, вѣдиль верховъ и загонялъ свою стада, и кроме того былъ онъ страстный охотникъ до чая и пушки. Жена его была изъ Русскихъ, и потому не только хорошо говорила онъ, но читала и писала по Русски, такъ что съ нимъ проводилъ я много пріятныхъ и занимательныхъ часовъ. Онъ жаловался на сѣтяжество своихъ земляковъ, и полагалъ, что вредки ихъ были гораздо образованнѣе. По его мнѣнію, Якуты утратили искусство писанія, а вѣсть съ тѣмъ и средства къ дальнѣйшему образованію своему, при разлученіи отъ единоплеменихъ имъ Татарскихъ ордъ. Также утверждалъ онъ, что Якуты обитаютъ извѣгда въ странахъ, далеко отсюда на югъ лежащихъ, и доказывалъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ древнихъ народныхъ писаніяхъ и преданіяхъ упоминается о золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, о львахъ, тиграхъ, и другихъ предметахъ, совершенно неизвѣстныхъ нынѣшнимъ Якутамъ, жителямъ полярныхъ странъ. Подробностей о прежнемъ состояніи и древней отличности своего народа старикъ не знаетъ, отъ того, что онъ сохранился только въ преданіяхъ, которыя исчезли вмѣстѣ съ шаманствомъ, при введеніи Христіанской ре-

лягин. Напротив того, онъ много и основательно рассказывалъ о настоящихъ прাপустенномъ и эпическомъ паденіи своихъ земляковъ, безпрестанно усиливавшейся страсти ихъ къ глѣбамъ, наклонности къ обманамъ и воровству и гибельномъ пристрастіи къ крепкимъ напиткамъ (самъ онъ впрочемъ страстно любилъ ихъ), чему приписывалъ и безсиліе и неподготовленность пынѣннато похолоднія Якутовъ, изъ которыхъ никто не достигаетъ даже и 100 лѣтъ. Жаловался онъ также на дурной климатъ, частые неурожаи съна и многочисленность волковъ, нередко истребляющихъ цѣлыя стада.

О древнемъ состояніи дѣйствит. страны узналъ я изъ рассказовъ старика и другихъ туземцевъ только слѣдующее:

Якуты, живущіе на берегахъ Колымы, не суть первобытные обитатели сихъ странъ. Прежде жили здѣсь четыре народа: *Омоки*, *Шелаги*, *Тунгусты* и *Юкагиры*. Омоки, охотные рыбаки, и Шелаги, кочевавшіе съ стадами оленей, погибли частью въ битвахъ съ пришельцами, частью отъ заразныхъ болѣзней, такъ что отъ сихъ двухъ народовъ сохранились только одни названія. Юкагиры были также малочисленные и слабые преждего. Въ древности кочевали они съ своими оленями, но большая часть ихъ, отъ повѣтрій и другихъ бѣдствій, извѣсилась стадо, и нынѣ живетъ въ бедности, питаясь рыбою по берегамъ рѣкъ. Немногіе, сохранившіе оленей, удалились съ ними на прибрежія тумаръ Ледоси-

таго моря. Одна только Якуты сделались многочисленнее; своимъ трудолюбиемъ и терпѣніемъ водворили они: скотоводство и козоводство въ страну, по качествамъ климата и почвы, казавшейся къ тому совершенно неспособною. Якуты, можно сказать, проложили путь къ сіи дикія пустыни сильнымъ послѣдователямъ Ермака, которые ввели здѣсь Христіанскую религію и избавили многочисленный и суровый народъ отъ варварскихъ обычаевъ шаманства *.

Якуты все христіане, и Средне-Колымскій сѣмипалатникъ ежегодно обязываетъ все окрестныя селенія для совершенія сѣмипалатничьихъ. Особенно ревностно въ истребленіи шаманства отличался здѣсь протопопъ Славцовъ. Онъ жилъ здѣсь около 20 лѣтъ, неутомимо преслѣдовалъ языческихъ обманъ, безстрашно открывалъ, жечь и уничтожалъ идоловъ и ихъ алтари, такъ что нынѣ не осталось почти никакихъ памятниковъ древняго язычества. Впрочемъ шаманы донынѣ являютсѣ между Якутами, хотя и тайно, и несмотря на христіанство имѣютъ довольно много приверженцевъ. Къ нимъ помощи прибѣгаютъ главнымъ образомъ для открытія пропаавшей вещи, и также для леченія домашнихъ животныхъ, а нерѣдко и людей. Не знаю, часто ли удаются шаманскія сред-

* Между прочимъ было здѣсь обихожденіе привѣшивать новорожденнымъ дѣтямъ пеленкаго поля, въ шорамъ, къ деревьямъ, гдѣ они и погибали, если не бывали замѣчены посторонними. И теперь еще по нѣкоторымъ семействамъ есть пеленки, замѣченныя, спасенныя и прокопченныя.

ства, но наверное можно сказать, что шаманы долго еще сохранять здесь между народами довольно значительное, так сказать, номинейское и медицинское влияние, темъ болѣе, что въ семь охотниковъ, не только ихъ единоличники, но и многіе Рускіе охотно ищутъ ихъ помощи.

Забайкальскіе Якуты составляютъ одно племя съ живущими въ окрестностяхъ Якутска. Языкъ, жилища, одежда у нихъ одинъ и тѣ же, и одинакій образъ жизни. Главное занятіе ихъ скотоводство, а рыбная ловля и охота суть занятія побочныя. Только по окончаніи сноскоса занимаются они рыболовствомъ, и только зимою, обыкновенно на лодкахъ верхохъ, углубляются въ лѣсъ за лисицами и соборами. Иногда удаются имъ убить оленя или медвѣдя. Оружіе ихъ составляютъ лукъ со стрѣлами и длинный шпорокій ножъ, называемый *палык*.

Забайкальскія лошади должны сами себя доставать кормъ, выгребая копытами траву, или мохъ, пѣ-подъ снѣга, а потому Якуты никогда не косятъ сѣна въ окрестностяхъ своихъ зимнихъ юртъ. Но съ наступленіемъ весны немедленно переходятъ они на другія поля, изобильныя травою, и делаютъ тамъ большіе запасы сѣна для своихъ стадъ рогатого скота. Лошадямъ даютъ его только за несколько дней до потѣдки, и потому всю зиму онъ очень худъ и безпаленъ. Во время сноскоса Якуты питаются обыкновенно одними кукурузою, и выпиваютъ его иногда по целому

здру. Впрочемъ, несмотря на такую пищу, они не только не хвораютъ, но даже здоровѣютъ.

Благосостояніе Якутовъ, и даже существованіе ихъ, основывается на стадахъ рогатого и коннаго скота, а также зависитъ отъ большаго или меньшаго запаса сѣна, собраннаго для нихъ въ краткое лѣто. Дѣятельность и усилія Якутовъ во время сѣнокоса превосходятъ всякое описаніе. Высшая и ранняя зима ведетъ здѣсь за собою всегда самыя гибельныя послѣдствія, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Августа 22-го холодный, рѣзкій NW вѣтеръ началъ сильный сѣвѣтъ, который покрыло несобранное въ конны сѣно и внезапно превратило лѣто въ зиму. Несчастные жители лишились большей части запасовъ, приобретенныхъ тягостными трудами. Къ тому присоединилась еще сильная стужа; озера замерзли; изъ лесовъ вышло множество волковъ и въ одинъ мѣсяцъ задушили они до 80 коровъ. Къ дополненію бѣдствія, Колыма, отъ сильныхъ дождей, вытекала изъ береговъ и рыбная ловля была неудачна.

Всегообщее уныніе заступило тогда мѣсто беззаботной веселости. Всѣ болѣзненно ожидали зимы, и увѣренныя въ недостатокъ корма, заранѣе уже оцѣнивали необходимость уменьшить число своихъ стадъ.

Раннее наступленіе зимы заставило меня подумать о возвращеніи пути. Августа 31-го отправился я водою, и провелъ первую ночь въ Русской деревнѣ, на рѣкѣ Тикьянѣ (въ 40 верстахъ

отъ Нижне-Колымска.) На другое утро (1-го Сентября) вся река была покрыта льдомъ, такъ что съ трудомъ достигли мы на лодкѣ Колымы, по ширинѣ своей и сильному волнению еще свободной отъ льда. Въ тотъ же день прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

Здѣсь нашелъ я унтеръ-офицера Рышетникова, къ ому дошелъ мнѣ, что выстроилъ при устьѣ Большой Баранки станъ. Во время работы часто подвергался онъ нападеніямъ бѣлыхъ медвѣдей, и замѣтилъ, что въ окрестностяхъ стана во множествѣ лопали гуси и лебеди, а моря изобиловало голышами.

Вскорѣ послѣ того возвратился матросъ изъ Малаго Чукоя, съ извѣстіемъ, что 21-го Августа Чукотскій протокъ покрылся твердымъ льдомъ. Сильныя бури и зноги неблагоприятствовали птичьей охотѣ, но несмотря на то, удалось ему настрѣлять довольно гусей и лебедей. Наша рыбная ловля была также очень удачна.

Между тѣмъ зима быстро приближалась. Сентября 6-го показались на Колымѣ большіе льдины, а 8-го река стала. Все время шелъ сильный снѣгъ и засыпалъ безлюдное мѣстечко, обитатели котораго не успѣли еще возвратиться съ лѣтнихъ промысловъ. Въ началѣ заты, какъ выше было сказано, все жители отправляются на рыбную ловлю, и въ Колымскомъ острогѣ обыкновенно остается только одинъ старый казакъ для караула въ канцелярскомъ домѣ. На сей годъ уединеніе инвалида разделяла старуха, слѣшкомъ

слабая для лютыхъ работъ, и они прорыли и протоптали въ глубокомъ снѣгу тропинку отъ острога къ рѣкѣ. Такимъ образомъ все пароходное население мистечка состояло, кромѣ старой четы, изъ меня и еще трехъ служителей экспедиціи.

Однимъ за другимъ возвращались съ лютыхъ промысловъ жители, и съ трудомъ выгребали свои жилища изъ-подъ снѣга, накопившаго даже комнаты, потому что ледяныя стекла лѣтѣхъ растаяли и ставни не могли удерживать снѣга, наоспаиваго сильными вѣтрами и вихрями. Известія, привезенныя жителями, не были радостны. Оленья охота Юкагировъ не удалась; рыбы наловлено было мало и также несчастными были и окрестные жители. Все предсказывало недостатки и голодъ.

Среди всеобщихъ заботъ было и на некоторое время развлеченіе почтою изъ Якутска. Давно ожидаемые письма перенесли меня въ отдаленный кругъ родственниковъ и друзей, и доставили несказанное наслажденіе, хотя они въспольку нарушались мыслями, что *шесть тысячъ* верстъ отдѣляютъ меня отъ всего близкаго сердцу.

Сентября 29-го возвратились съ Анноя гг. Матюшкинъ и Каберъ, а чрезъ недѣлю обрадовала насъ прїѣздомъ г. Козыкинъ, счастливо окончившій опись берега Ледовитаго моря. Такимъ образомъ опять соединились мы, и занимаясь днемъ приведеніемъ въ порядокъ журналовъ, картъ и описей, сходились по вечерамъ подлѣ пылющаго

го канина и проводили время въ рассказахъ о нашихъ путешествіяхъ и наблюденіяхъ. Содержанія въ себѣ много важнаго и любопытнаго замеченія г. Митюшкина составляютъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА III.

Отъезду г. Матюшкина о путешествии из Большому и Малому Анюам, Острова из Вижье-Колымска, Малюковом кочевии, Илюмских, Иеромитских жилищ и селения, Илюмских и Илюмских, Переходы олений и коней, Дальнейшее путешествие, Склад Остров, Остров замеченный в Малом Анюам, Илюмский переконь по берегам Большого Анюа, Ручья Колымского, Охота за пушными зверями, Ловля, Местечки Селения и Ловлины, Дельта реки Колымки Государя Императора, Начальство олений охоты, Голубь, Возвратный путь водок, Уточение Дельты, Рыболовство, Дальнейший путь на парусе, Прибытие в Илюм-Колымск, Опись замеченных о оленях, Животных на берегах Большого Анюа.

В июле 20-го 1921 года, отправился я с доктором Киберомъ, казакомъ и двумя проводниками, при свежемъ NNW ветре, на нашей лодке, къ устью Большого Анюа, в несколько рукави впадающего въ Колыму противъ Вижье-Колымскаго острова. Вскоре после изъе прибыли сюда и карбась, назначенный для пошей дальнейшей поездки. Нагрузивъ его всеми необходимыми потребностями, мы поплыли на веслахъ по Большому Анюаму, при сильномъ северномъ ветре почти невнятномъ никакому течению. Ночью

достигая мы лавовые Колымских жителей, занимающихся здесь, при устьях двух небольших ручьев, рыбной ловлею. Съ весеннего воюю рыба поднимается против теченія рѣкъ къ верховьямъ и въ озера, а летом во множествѣ возмрастаетъ въ море. Обыкновенно для ловли, часто весьма изобильной, устраиваютъ въ рѣкахъ заводы.

Окончательныя приготовленія къ путешествію и насъ гребцовъ задержали насъ здесь несколько времени, такъ что только 23-го Іюля могли мы отправиться далѣе. Въ 10-ти верстахъ отсюда впадаетъ рѣчка *Байкова*, текущая съ юга, изъ высокихъ горъ, спускающихся на горизонтъ. Далѣе течетъ еще рѣчка, соединяющая *Большую* съ *Малую*, или *Сухую Анюю*. Мы проплыли по ней двадцать верстъ, следуя по ея склонамъ, крутымъ изгибаѣмъ, и остановились почевать на низменномъ пещаномъ островѣ, гдѣ были въ безопасности отъ посещенія медвѣдей, во множествѣ показывавшихся на берегахъ рѣки. Въ слѣдующіе два дня (24-го и 25-го), при сильномъ попутномъ вѣтрѣ, лодка подвигалась довольно быстро, во непрерывный сильный дождь промочилъ насъ до костей. Наконецъ, мы достигли полуразвалинагося балагана, *Кильдени*, построеннаго на небольшомъ возвышеніи у лѣваго берега рѣки, купцами, проживающими здѣсь въ Островное. Тутъ можно было укрыться отъ ливня, обсушить платье и обогрѣться. Мы остались на мѣстѣ цѣлый день. Проводники исправляя

карбась и привдвали къ нему шестъ для бичевы, необходимой здѣсь по причинѣ быстрого теченія. Между тѣмъ я писалъ свой путевой журналъ и вносилъ въ него сдѣланныя наблюденія. Трудность и невозможность обозначенія вѣтхъ изгибовъ рѣки, по которымъ мы должны были следовать, и разстояній одного мѣста отъ другаго, принудили меня довольствоваться наблюденіями широты и пеленговъ, для опредѣленія положенія замѣчательнѣйшихъ пунктовъ.

Видѣнные нами берега Анны одиобразны и пустыны, какъ и въ окрестности, съ тѣмъ только различіемъ, что вместо болотъ, поросшихъ стекущими талыяниками, попадаются здѣсь мѣстами хорошіе дуга. Правый берегъ выше лѣваго и обставленъ крутыми, нависшими, пещаными холмами, вышиною по 30-ти футамъ. Только отъ морозовъ удерживаютъ они свой возвышенный видъ, ибо слабыя лучи солнца не могутъ растопить вѣчнаго льда, служащаго главнымъ основаніемъ холмовъ. Бѣда тонкій, верхній слой ихъ растаиваетъ лѣтомъ; снизу подымаются они рекою и отъ того иногда обрушиваются отъ нихъ большія глыбы мерзлой земли, и тогда лежатся наружу, болѣе или менѣе сохранившіяся, кости разныхъ животныхъ.

Не имѣя смѣлости, ни разбирать существующія предположенія о томъ, какими образомъ очутились здѣсь сіи остатки допотопныхъ животныхъ, ни коимъ нѣтъ смѣлѣе увеличивать число гилеи, необходимыми считаю однакожъ обратить

вниманіе естествоиспытателей на два довольно замѣчательныя обстоятельства: первое, отъ чего клыки, рога и остовы, принадлежащіе, вѣроятно, различнымъ породамъ животныхъ, но извѣстные здѣсь подъ общимъ именемъ мамонтовыхъ костей, попадаются не въ одинаковомъ количествѣ по всей поверхности Сибири, а лежатъ огромными слоями, или пластами, которыхъ становится чаще и изобиліе по мѣрѣ приближенія къ сѣверу? Второе, отъ чего клыки, или рога, попадаются всегда въ несообразномъ количествѣ съ другими костями? Нерѣдко находятъ въѣсть десять большихъ роговъ, следовательно, отъ пяти животныхъ, а подлѣ нихъ лежащія кости бываютъ при томъ недостаточны для составленія даже и одного скелета. Всего болѣе мамонтовыхъ костей находятъ на Ляховскихъ островахъ и Новой Сибири *, откуда вывозятъ ихъ ежегодно по нѣскольку сотъ пудовъ; на твердой землѣ встрѣчаются онѣ нѣвѣ, а въ южныхъ частяхъ Сибири находятся чрезвычайно рѣдко. Замѣчено еще, что лучше сохранившіеся и огромнѣйшіе клыки попадаютъ на сѣверѣ, гдѣ, по увѣренію промышленниковъ, находятъ иногда клыки въѣсомъ по 12-ти пудовъ, тогда, какъ здѣсь весь клыка рѣдко бываетъ болѣе 5-ти пудовъ. Не смотря на великое количество мамонтовыхъ костей, ежегодно изъ Сибири вывозимыхъ, уменьшенія ихъ не замѣтно, и въ 1821 году одинъ Якутскій мѣша-

* Путешествіе Рихардсона и Салликова, см. выше, часть I, стр. 139 — 139.

путь вывезъ изъ Новой Сибири къ востоку до 500 пудовъ, лучшаго качества.

Юля 26-го отправились мы dalje. Река съ каждою верстою становилась быстрее. Теченіемъ своимъ образуетъ она безчисленныя, короткія излучины и цѣпи мелкихъ острововъ. Русло и берега ея усыяны острокопечными камнями и утесами. Не смотря на искусство гребцовъ, теченіе бросило насъ на камень, съ такою силою, что дно лодки преломилось и она получила точку. Впрочемъ, такое происшествіе ни мало не затруднило Сибирскихъ мореходовъ; они извѣжали на первый пещаный островъ, разгрузили, перевернули лодку вверхъ дномъ, затащали на скорую руку отверстіе и поплыли dalje. Кроме потери двухъ часовъ времени, остановка не причинила намъ никакого вреда. Берега рѣки dalje становятся скалистые, и доказываютъ постепенный переходъ къ каменистому образованію; вместо мѣкаго красноватаго песка, лежатъ дресва и мѣлкіе камни, а подлѣ Малотковской излучины замѣтили мы первый слонъ шибора, проросшаго кварцовыми жилами. Прозрѣніе здѣсь также многообразнѣе и изобильнѣе; въ долинахъ растутъ душица, богородицкая трава, и другія, а кустами показывается Сибирскій кодръ, впрочемъ рѣдко выше 3 и 4 футовъ, и всегда съ опущенными внизъ вѣтвями.

Весьма медленно плыли мы противъ быстрого теченія (при всѣхъ усиленныхъ дѣланіяхъ неболе 2-хъ унсовъ, т. е. около 4-хъ верстъ, въ часъ) такъ,

что только на третій день достигли *Плотиныца*, урочища, гдѣ осѣли олени обыкновенно переправляются черезъ рѣку. Они еще не проходили. Сюда собралось между тѣмъ множество Юкагировъ изъ окрестныхъ селеній, уже терпѣвшихъ голодъ, а также приплыли на яткахъ Русскіе изъ Нижне-Колымска, и все съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидали прихода оленей. Отъ большаго или меньшаго изобилія промысла зависѣла участь и существованіе почти всего народонаселенія окрестностей. Русскіе и важнѣйшіе охотники устроили себѣ изъ ятвей и дерна небольшія землянки, а бѣднѣйшіе изъ Юкагировъ жили подъ открытымъ небомъ.

Престарѣлый, жалостливый Юкагироній старшина Коркинъ радушно пригласилъ насъ къ себѣ въ дождь, и угостилъ лосинымъ, что только у него было лучшаго, т. е. сухою оленьюю и оленьими жиромъ, довольно старымъ и сохраняемымъ въ пузыряхъ. Съ рѣдкой добродушіею, Коркинъ безвозмездно угощалъ такимъ образомъ всѣхъ проказавшихся. При всеобщемъ недостаткѣ и неизвестности будутъ ли еще удачны оленя охота и рыбная ловля, такая щедрость показется неумѣстною, даже безразумною, но въ ней-то именно и состоитъ истинное гостепріимство, равно отличающее народы, живущіе отъ Москвы до Качатаи и отъ Кавказа до Ледовитаго моря. Здѣсь особенно, между кочующими племенами Сибири, сохранялась еще сія истинно магріархальная добродѣтель, побуждающая хозяина съ

удачных самоотверженіем уступить гостю первое место и лучший кусок.

Докторъ Кибель, найдя разные медицинскія и естественныя испытательныя запятія, пожелалъ остаться въ Плотышъ на несколько дней *. Я воспользовался пречещемъ, стараясь собрать изъ которыхъ свѣдѣнія о жителяхъ страны и ихъ бытъшнемъ и первобытнѣмъ состояніи.

До покоренія Русскими народонаселеніе Сибири было гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе. Многія племена, какъ то: *Шелаги, Анюны, Омоки*, и другія, названія которыхъ сохранились въ преданіяхъ, нынѣ совершенно исчезли. Однакожъ и въ наше время, на весьма небольшихъ пространствахъ, живутъ въ Сибирѣ по восьми и по десяти различныхъ народовъ, всѣ отличающіеся одинъ отъ другаго языкомъ, обычаями и даже внѣшнимъ видомъ, и такое обстоятельство такъ замѣчательнѣе, что нѣкоторые изъ сихъ, такъ называемыхъ *народовъ*, состоятъ только изъ несколькихъ семействъ, но тѣмъ менѣе сохранили свою народную отличительность. Впрочемъ, различныя поколѣнія, здѣсь разсѣяныя, суть остатки первобытныхъ многочисленныхъ обитателей, или отдѣльныя семейства, случившійся оторванными отъ

* Между другими болѣзнями сибиряковъ была *эбола*, такъ называемая, черная оспа, родъ сыпи, или болѣзнь на лицѣ, рукахъ и ногахъ. Чѣмъ всего случается она съ женщинами и влечетъ за собою обыкновенно истерическія припадки. По извѣстію народа, сія болѣзнь происходитъ отъ людей злыми волшебниками.

своих соотечественниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что покореніе Сибири заставило кочующіе народы, привыкшіе къ независимости, подвинуться далѣе на востокъ, и сѣм переселеніи, также и кровопролитными междоусобными войнами, опустошительными болѣзнями, и наконецъ сліяніемъ разныхъ племенъ между собою и съ Русскими, постепенно истребили первообычныхъ жителей страны. Такъ, между прочими, Омюки, по преданію, многочисленный и богатый народъ, совершенно погнѣбъ, и въ ихъ былыхъ отечествахъ живутъ нынѣ небольшія орды Юкагировъ, Ламуговъ, Тунгусовъ, Коряковъ, Чувашевъ, Якутовъ, и т. д.

Нашъ хозяинъ увѣрялъ насъ, что онъ происходить отъ Омюковъ, и не мало гордился тѣмъ, что въ его семействѣ во всей чистотѣ сохранилась лѣзвѣ сего народа. Коркинь часто и охотно разсказывала намъ много чудеснаго и неслыханнаго о своихъ предкахъ, ихъ богатствахъ, храбрости, битвахъ съ иностранцами, и вообще съ удовольствіемъ говорилъ о старинѣ. По его словамъ, на берегахъ Колымы, къ сѣверу отъ Омолона и на устьяхъ обонхъ Анюевъ, жили некогда Омюки, ипробытый и столь многочисленный народъ, что тогда говорили: «на берегахъ Колымы болѣе Омюкскихъ огнищъ, нежели въ ясную ночь звѣздъ на небѣ». Омюки занимались охотою и рыболовствомъ; и то и другое, а особенно рыболовство въ Колымѣ и побочныхъ рѣкахъ, были очень изобильны. Народъ Омюкскій стоялъ уже на некоторой степени цивилизованнаго образова-

нія и задолго до пришествія Русских знали употребленіе желѣза. При завоеваніи Сибири, гибельные предшественники Русскихъ, корь, оспа и другія приличивыя болѣзни произвели ужасныя опустошенія между туземцами. Омоки разшились, оставивъ свое отечество, удалиться туда, гдѣ пачные сивга и льды могли спасти ихъ отъ преслѣдованія чужеземцовъ, и отирались двумя большими отдѣленіями, со всякъ своимъ имуществомъ и безчисленными оленями, отъ устья Колымы на сѣверъ. Куда направили Омоки свой путь, гдѣ поселились, и вообще о дальнѣйшей судьбѣ ихъ старикъ ничего не зналъ. Я спрашивалъ другихъ, но никто не могъ мнѣ сообщить никакихъ достовѣрныхъ извѣстій.

Вероятно, что Омоки пошли на западъ берегами Ледовитаго моря, потому что при устьѣ рѣки Индигирки находятся донныя лѣныя и многочисленныя савды юртъ и другихъ жилищъ, о происхожденіи и существованіи которыхъ туземные старожилы ничего не помнятъ, кромѣ того, что сіи развалины, съ незапамятныхъ временъ, назывались *Омокинымъ юртовоицемъ*. Существованіе Омоковъ не подлежитъ сомнѣнію, но куда они скрылись? Гдѣ живутъ нынѣ потомки сего, некогда многочисленнаго народа? Вопросы неразрѣшенные.

На оставленныхъ Омоками берегахъ Колымы поселились разные народы, изъ коихъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія: *Юкагирь*, съ дерховель сей рѣки, *Тунгусы*, изъ Амурскихъ степей, и

Чуванцы, вытесненные Чукчами съ береговъ Анадыря.

Въ такомъ положеніи была здѣшняя страна въ 1750 году, когда Якутскій Воевода Палыцкий, подстрекаемый многочисленными тогда Чуванцами и Юкагирами, предпринять походъ на Чукчей. Не смотря на победы союзниковъ, окончаніе войны было неблагоприятно для Сибиряковъ. Большая часть Юкагировъ, и почти все Чуванцы, пали въ кровопролитныхъ битвахъ. Заразительныя болѣзни произвели окончательное опустошеніе между туземцами и Рускими. Два раза свирѣпствовала здѣсь оспа; послѣ того корь и горячки истребили множество народа, а наконецъ сильно распространившіяся венерическія болѣзни, всегда неизлечивыя въ сей странѣ, по недостатку свѣжей, легкой пищи и суровому климату; они нанесли окончательный ударъ туземцамъ.

Нынѣ все народонаселеніе береговъ Малаго Липла состоитъ изъ нѣсколькихъ Юкагирскихъ семействъ. Лишась своего единственнаго богатства, домашнихъ оленей, они принуждены были отказаться отъ кочевой жизни, поселились здѣсь, приняли Христіанскую вѣру, и постепенно утрачиваютъ свою народность, нравы и обычаи. Говорящій языкъ у нихъ нынѣ Русскій.

Дома здѣшнихъ Юкагировъ построены довольно прочно, изъ бревенъ, и состоятъ по большей части изъ одной пространной комнаты. Въ ней всегда нѣтъ отъ входа, вместо обыкновенной въ Русскихъ избахъ печи, помѣщается чуждая, надъ

очагъ, гдѣ непрерывно горитъ огонь, для согрева-
ванія комнаты и очищенія воздуха. Въ одномъ
изъ угловъ помѣщаются обыкновенно образы; по
стѣнамъ развѣшиваются ружья, дубы и стрѣлы;
на полкахъ стоятъ горшки и другая посуда; по
срединѣ ставится большой столъ, и широкія лав-
ки идутъ по стѣнамъ комнаты.

Одежда Юкагирей совершенно сходна съ одеж-
дою живущихъ здѣсь Русскихъ и соответствуетъ
суровому климату. Мужчины и женщины одина-
ково носятъ *парки, камлейки*, и т. д., изъ оленьихъ
шкуръ, съ того различіемъ, что женщины повязы-
ваютъ голову платкомъ, и на паркахъ дѣлается
у нихъ откидной воротникъ изъ соболѣ, или рос-
сохоти, а на мужскихъ бываетъ стоячій ворот-
никъ изъ какого нибудь болѣе дешеваго мѣха.
Впрочемъ женская одежда сшита изъ шкуръ
оленьихъ выноротковъ, вырезанныхъ изъ живот-
та савки, а мужская просто изъ молодыхъ оленей.

Въ очеркѣ лица Юкагирей почти совершенно
сходны съ здѣшними Русскими, или здѣшніе Рус-
скіе, можетъ быть, похожи на Юкагирей. Темные,
почти черные глаза и волосы, продолговатое, до-
вольно правильное лицо, и удивительная, особен-
но у женщинъ близость **тѣла**, составляютъ отли-
чительныя черты тѣхъ и другихъ. Вообще они
стройны и средняго роста.

Въ характерѣ и образѣ жизни Юкагирей ви-
дѣть еще отпечатокъ легкаго, беззаботнаго, весе-
лаго расположенія духа кочевнаго народа; у нихъ
сохранилось еще во всей чистотѣ радужное гос-

тепѣрѣшество, какъ равно и некоторыя другія добродѣтели, исчезающія съ дальнѣйшимъ образованіемъ. Такъ несчастно, отъ сообщенія съ Русскими, на которыхъ смотрятъ они, какъ на своихъ поработителей, между Юкагирами вкоренились притворство и скрытность, и особенно въ торговлѣ всегда стараются они обмануть противную сторону.

Юкагиры страстные любители музыки. Каждый изъ нихъ, молодой и старый, играетъ, или на скрипкѣ, или на балабайкѣ *. У женщинъ довольно чистые и пріятные голоса, но въ напѣвахъ ихъ пѣсней есть что-то особенное, исправленное и дикое, сначала непріятное для слуха, но въ послѣдствіи оно можетъ нравиться. Вообще Юкагиры при пѣніи импровизируютъ, не только слова пѣсней, но и самыя напѣвы, и потому здѣсь нѣтъ никакихъ народныхъ, общихъ мелодій. Не смотря на такое разнообразіе въ музыкальномъ отношеніи, смыслъ пѣсней Юкагирскихъ женщинъ почти одинъ и тотъ же, т. е. жалобы на невѣрность или отсутствіе возлюбленнаго. Иногда упоминается притомъ о соловьяхъ, сизокрылыхъ голубяхъ, рѣшетчатыхъ окнахъ, и другихъ предметахъ, нѣтъ Юкагирамъ совершенно неизвѣстныхъ. Можетъ быть, сіи понятія принесены сюда предками Юкагиромъ изъ другихъ, болѣе благословенныхъ странъ. Надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ никогда не упоминаются преданія стари-

* Слѣдуетъ, что при такой общей склонности Юкагиромъ къ музыкѣ, у нихъ нѣтъ національнаго музыкальнаго инструмента: но крайней мѣрѣ, намъ не удалось замѣтить ничего.

ны, хотя туземцы, особенно мать хозяйки Коркичи, рассказывали много чудеснаго о похождениях своих предковъ. Я говорилъ о томъ изъ которыхъ пѣвцамъ; онѣ отвѣчали, что то не ихъ дѣло и что онѣ о томъ не поютъ. Мужчины, напротивъ того, восхваляютъ собственные подвиги, напоминая убитаго оленя, изложеннаго медвѣдью, или преодолѣнную опасность, превозноси притомъ самыми лестными выраженіями свое мужество, силу и ловкость.

Единственнымъ занятіемъ здѣшнихъ жителей суть рыбный ловля и охота. Рыболовство менѣе значительно, потому что большая морская рыба подымается только до Плотбища. Произведенія произвѣснаго царства, подъ суровымъ небомъ и на заплѣ почти вѣчно скованной морозомъ, чрезвычайно скудны*. Все существованіе бѣдныхъ жителей здѣшней безплодной страны зависитъ единственно отъ охоты, и именно оленей, доставляющихъ имъ пищу, одежду, а отчасти и жилище. Оленей всего легче бить, когда они переплываютъ рѣки, потому здѣшніе жители и не могутъ удалиться отъ береговъ внутрь страны, въ лѣса, или на тундры, гдѣ водятся другіе Сибирскіе звери. Время переправы оленей черезъ Амуръ составляетъ здѣсь важнѣйшую эпоху въ году, и Юкагры съ такимъ же безразсуднымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія сего животнаго, съ кѣмъ земледѣль-

* Здѣсь растутъ извѣстныя плоды и съладковатый, мясистый корень макарши; женщины собираютъ его лопатою, или осекою и зѣвко выжимаютъ изъ него земляныя масла.

ны другихъ странъ ожидаютъ времени жатвы, или сборація винограда.

Олени два раза въ годъ перескакиваютъ здѣсь черезъ рѣку, весною и осенью, но по краткости лѣта, оба промысла отдѣлены одинъ отъ другаго только короткими промежуточными зреніями, хотя по изобилію въ добычѣ они весьма различны. Первый промыселъ оленей бываетъ въ концѣ Мая, когда безчисленными табунами оставляютъ они лѣса и тѣнутся на северныя тундры, отыскивая лучший кормъ и избѣгая комаровъ, съ первую теплою погодою являющихся во множествѣ, и мучительнымъ кусаньемъ отравляющихъ пріятность бѣднаго Сибирскаго лѣта. Майскій промыселъ не столь прибыленъ для охотниковъ; олени часто переходятъ черезъ рѣку по льду, и тогда только въ ущельяхъ горъ можно ихъ бить изъ ружей и луковъ, или ловить петлями, но последнее средство не всегда надежно, а первое слишкомъ дорого. Впрочемъ, весенній олень обыкновенно бываетъ чрезвычайно худъ и все тѣло его покрыто царапинами и ранами, такъ что въ крайнихъ только случаяхъ употребляется въ пищу жителями, и годится единственно для корма собакамъ; даже и шкура оленя въ то время года не имѣетъ настоящей доброты и въ дѣлахъ.

Гораздо важнѣе и изобильнѣе второй промыселъ, въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ, когда олени съ приморскихъ тундръ возвращаются въ лѣса. Тогда сіи животныя здоровы, жирны и мясо ихъ составляетъ вкусную пищу, а также и

шкура, покрытая уже новою шерстью, тверда и прочна. Разница в доброте между весеннею и осеннею кожей оленя столь велика, что первую можно купить за рубль, а вторую за полтора, но за вторую надобно платить от 5-ти до 8-ми рублей.

Когда прѣехали мы въ Плотвище, все собранное тамъ народонаселеніе находилось еще въ нѣчелательномъ ожиданіи, и отъ всякаго прѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ разнесся слухъ, что первые многочисленныя табуны оленей показывались въ долину, къ северу отъ Аноя. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки, и сѣли на крыльяхъ въ изгибахъ и обрывахъ высокаго береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячъ, и нѣрѣдко занимаютъ они пространство отъ 50-ти до 100 верстъ. Хотя олень, какъ мнѣ казалось, всегда ходитъ особыми табунами, по 200 и по 300 головъ каждый, но такія отдѣленія слѣдуютъ столь близко одно отъ другаго, что составляютъ одно огромное стадо. Дорога оленей почти всегда одна и та же, т. е. между верховьями Сухаго Аноя и Плотвищемъ. Для переправы обыкновенно спускаются оленьи въ рѣкъ по руслу высохшаго, или маловоднаго протока, выбирая место, гдѣ противоположный берегъ отлогъ. Сначала весь табуна стѣсняется въ

одну густую толпу, и передовой олень, съ немнотыми, сильнѣйшими тосарницами, выходитъ нѣсколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривал окрестность. Уверившись въ безопасность, передіе скачутъ въ воду; за ними влѣдается весь табунъ, и въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, скрывавшіеся на своихъ лодкахъ, за камнями и кустарниками, обыкновенно подѣ втроемъ отъ оленей, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ двое, или трое опытнѣйшихъ проныслинниковъ, вооруженные длинными кобылами и поволоками, врываются въ табунъ и колютъ, съ невероятной скоростью, плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для уверщивленія животного, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противоположнаго берега.

Поломка оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ ежеминутно подвергается опасности разбиться, или опрокинуться, среди густой, безпорядочной толпы оленей, всачески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются, бодаются и лигаются, а самки обыкновенно стараются выскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если нѣтъ удасть опрокинуть лодку, гибель охотника почти неизбежна. Онъ можетъ спасти только ухватившись за сильнаго черанегаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣ-

сть на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ непонятною ловкостью въ управленіи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усилія животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ, менѣе нежеланъ въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда табуна весьма многочисленна и прѣдъ въ безпорядокъ, покаяка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ (уснувшихъ) оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣетъ завладѣть.

Можно подумать, что такими образомъ пообычу расхитываютъ другіе, а собственно-охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностью жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый законъ, что только совершенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другаго берега и тамъ падающіе, принадлежать промышленникамъ, которые ихъ кололо. Среди тѣсной толпы устремленныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическія и нравственныя силы человека должны быть обращены на сохраненіе собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ соблюдаютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ сохранять силу своихъ ударовъ и убивать только маленькихъ оленей, а большихъ наносить только раны, такъ что они достигаютъ берега и падаютъ уже на берегу. Впрочемъ,

такіе промышленники салвуть съ народѣ хунди-ли динди; тѣмъ не менѣе однакожъ употребляются и уважаются по недостатку опытныхъ охотниковъ.

Оленья охота въ водѣ представляеть нечто необыкновенное. Шумъ итьсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болзавшее карканіе раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ етълживающихся роговъ, обрызганные кровью поколышныи, прорывающіе съ неистропкою быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержатъ табука, обогренная кровью поверхность ряки — все имѣеть составляеть картину, которую трудно себѣ представить.

По окончаніи охоты и развѣвъ добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухъ они черезъ итьсколько часовъ портятся и начинаютъ гнить, а напротивъ въ холодной текучей водѣ безпретно сохраняются итьсколько дней, пока холода успѣють вынотропить и приготовить ихъ для сохраненія. Оленье мясо обыкновенно сунуть на воздухъ, коптить, или при равныхъ холодахъ, замораживать. Звериніе Русскіе иногда также солить лучшія части. Особымъ закономъ почитается копченіе оленьи лоски; ихъ тщательно сберегаютъ и подаютъ на столѣ только при торжественныхъ случаяхъ.

Мы провели въ Платбинѣ двѣ недѣли, и по совершеніи окончанія чистой оленьей охоты отправились, 13-го Августа, поутру, далѣе.

Къ ночи прибыли мы въ *Арсуново*, где застали несколько Юкагирскихъ семействъ; они встрѣтили здѣсь также довольно большой табуны оленей и получили богатую добычу.

Въ 20-ти верстахъ отсюда впадаетъ съ правой стороны въ Анюю рѣка *Погнидена*, равная ему шириною и объемомъ воды. Въ теченіи своемъ Погнидена не столь глубока, во быстра, и образуетъ множество пороговъ и водоналовъ, отъ чего и олени табуны не посещаютъ ее. Потому, не смотря на выгодное положеніе, берега Погнидены остаются необитаемы. Зимною замерзшая рѣка составляетъ удобную гладкую дорогу къ верховьямъ Березовой и Бараныхъ, куда эскимосы Юкагиры ходятъ на промыселъ дикихъ барановъ.

У *Арсунова* берега Анюя становится разнообразнѣе и красивѣе. Вмѣсто крутыхъ, черныхъ скалъ, изрѣдка прорѣзанныхъ ручейками, видятъ здѣсь отлогія прибрежья, образующія большія излучины, и самый рѣка усѣяна островками, покрытыми купами высокихъ деревьевъ. Все составляетъ пріятную и живописную картину; она оживлялась еще при насъ стадомъ оленей, отделившимся отъ своихъ товарищей и догнавшими ихъ побольшими табунами. Течение здѣсь весьма быстро, и намъ можно было подвигаться медленно и съ большою осторожностію.

Августа 16-го почваали мы въ глубокомъ оврагѣ, между двумя скалистыми горами *Нендиной* и *Огородной*. Вторая получила свое названіе отъ

того, что подлѣ нее находится обнесенное заборами мѣсто, куда туземцы, разными средствами, стараются загнать небольшіе табуны дикихъ оленей, и тамъ безъ труда колютъ ихъ.

Вечеръ былъ ясный. Желая вѣсть нѣсколько пеленговъ, пошелъ я на одну изъ горъ, но съ полонныи высоты увидалъ, что нѣсь горизонтъ заставленъ цѣпями островершинныхъ черныхъ утесовъ и сопокъ, дѣлавшихъ невозможнымъ исполненіе моего намѣренія. Надобно было возвратиться къ товарищамъ, и послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, съ рассветомъ, отправился мы дальше. Вскорѣ мы увидѣли цѣль нашего путешествія, скалу Обромъ, съ ея утѣчавшею облаками вершиною, и проехавъ опустѣлый Островскій острогъ, прибыли въ Обромское лѣтнее, лежащее въ 250-ти верстахъ отъ Нижне-Колымска, на лѣвомъ берегу рѣки, прямо противъ упомянутой скалы. Мы нашли здѣсь только голодавшихъ старухъ и дѣтей; мужины и женщины носильные пошли къ верховьямъ рѣки, на встрѣчу оленей, которые здѣсь еще не показывались.

Докторъ Кибиръ пожелалъ остаться здѣсь на нѣсколько дней. Пользуясь временемъ, а бродить съ ружьемъ за плечами по окрестности, отчасти для осмотра страны, а отчасти въ надеждѣ пополнить дѣльно нашу оскудѣвшую провизію. Охота моя была неудачна, и старался хоть чѣмъ нибудь вознаградить потерянные труды, рѣшился я взобраться на вершину Обромской скалы. У подножья ея встрѣтился мнѣ Юкагиръ, искавшій въ

кустах ягодъ и кореньевъ для прокормленія своего голодавшаго семейства, и вызвался служить мнѣ проводникомъ. Мы начали подниматься на гору, карабкался руками и ногами по крутымъ ложбинкамъ и отстоямъ, или перескакивая съ камня на камень. После часового труднаго пути выбился я изъ силъ и хотѣлъ возвратиться, но проводникъ мой, знавшій хорошо всѣ тропинки, рывительно объявлялъ, что спуститься съ горы можно только по противоположному скату, котораго достигнуть нельзя иначе, какъ черезъ вершину. Къ счастью, мы попали на оленью тропу, и она доставляла намъ, хотя не совсемъ удобную, но однакожъ безопасную дорогу, и воемъ трехъ часовъ пути привела благополучно на вершину скалы, покрытую снѣгомъ.

Только тотъ, кто самъ бывалъ въ сѣверныхъ странахъ Сибири, можетъ имѣть ясное понятіе о не уязвляющихъ взоръ, но истинно величественныхъ и поражающихъ красотахъ природы, собственныхъ здѣшнихъ лѣдистыхъ, безжизненныхъ, пустынныхъ краяхъ.

Подъ нѣмой тянулось разнообразно развѣтвленное нѣпо горъ, окруженныхъ яркою зеленью, съ увеличенными снѣгомъ вершинами, теряясь въ голубоватыхъ льдахъ и туманахъ никогда нестареющаго моря. Багровые лучи солнца, предвѣстники приближающейся бури, окрашивали бѣлые верхи горъ прозрачными розовымъ цветомъ и рисовались безчисленными радугами въ наполненной ледяными частицами атмосферѣ. Мѣстами,

как острова среди океана тумановъ, торчали черные, обнаженные, зубчатые верхи утесовъ. Картина представляла нечто неописанно величественное. Совершенная безжизненность и могильная тишина поражали меня. Виззанию поддался сильный восточный ветеръ. Природа оживилась; ветеръ завыпалъ въ ущельяхъ и оврагахъ; веселье и свистъ клубились и столбами поднимались къ небу. Съ удовольствіемъ смотреть я на позрастающую бурю, но мой проводникъ испугался и спешилъ удалиться, прежде нежели наступитъ выюга. Мы спустились по болѣе отлогому скату горы и съ наступленіемъ ночи достигли рѣки; здесь нашли мы лодку и счастливо возвратились домой.

До полонны высоты слесей Обронъ поросъ лисомъ; у подножьи его расстелъ густой, высокоствольный лѣсъ, а далѣе стелется низменный, изогнутый кедровникъ, и наконецъ встрѣчается только низкая твердая трава и стрѣлый мохъ. Вся гора состоитъ главнѣйше изъ неровнаго, лозаннаго и выветрѣлаго гранита; мѣстами попадаются шиферы. Въ щеляхъ и углубленіяхъ низкими образовался тонкій слой земли и въ немъ растутъ разныя произроста.

Непогода, бури, дожди и свистъ продолжались нѣсколько дней сряду. Деревья облизались отъ зелени, берега и скаты горъ покрылись снегомъ, а края рѣки льдомъ *. По нашимъ понятіямъ

* По датскому говорится: «рѣка дала доверженіе». Такъ называютъ здесь таянныя льды осенью и перелетъ воды весной, выходящія у береговъ.

изступала зима, но Юкагирь утврляи, что *осень только начинается*, и спокойно оставался въ своихъ лъзовьяхъ.

Августа 21-го начали мы обратный путь. При помощи быстрого теченія и крѣпкаго попутнаго вѣтра дѣлали мы по пяти узловъ въ часъ, и на слѣдующій день въ вечеру прибыли въ Плотбище. По берегамъ раздавались здѣсь веселыя пѣсни Рускихъ и Юкагирь, празничныхъ счастливыхъ окончаніе скоты. У береговъ, въ водѣ, лежала еще часть убитыхъ оленей, покрытыхъ древесными вѣтвями, а другая была уже приготовлена для храненія впрокъ. По дорогѣ встрѣчали мы многихъ туземцевъ, спешившихъ домой на лодкахъ, таща за собой по рѣкѣ добычу.

Отъ Оброма до Плотбища весь Анюй устья безчисленными островами, мылами и камнями, весьма затрудняющими плаваніе, а выше Обромской скалы дѣлающими его вовсе невозможнымъ. Анюй принимаетъ въ себя много рѣкъ и ручей, текущихъ съ горъ, и потому, при малѣйшемъ дождѣ, или оттепелѣ, дѣлается онъ полноводнымъ, и нѣсколько разъ въ годъ выступаетъ изъ береговъ, смывая при томъ существовавшіе прежде мылы и острова, образуя новыя, алача въ быстрой теченіи огромныя глыбы камней и перекаты безпрестанно фарватеръ, причемъ надвигаетъ пороги и водопады тамъ, гдѣ за нѣсколько дней было глубокое мѣсто. Анюй перемѣняетъ также часто русло свое, такъ что и прибрежныя

жители никогда не могут совершенно знать теченія рѣки.

Отъ Наотбиша хотѣли мы продолжать наше путешествіе по Большому Анию на лошадахъ, которыхъ припуждены были ждать до 25-го Августа. Начало поездки нашей было весьма затруднительно и неприятно; надлежало пробираться по *бадаринамъ*, обремененнымъ бозотамъ, при сильномъ разномъ вѣтрѣ, густой вьюгѣ и утопая въ снѣгу. Такъ проѣхали мы 30 верстъ, и достигли довольно высокаго хребта, отдѣляющаго Большой Аній отъ Малаго. Здѣсь встрѣтилъ насъ житель здѣшнихъ горъ, большой черный медвѣдь; онъ внезапно выскочилъ изъ-за кустовъ; лошади наши испугались и поднялись на дыбы, но и медвѣдь струснулъ, увидѣвъ передъ собою шесть всадниковъ. Онъ бросился обратно въ лѣсъ и скрылся, прежде нежели мы успѣли взяться за ружья. Подобныя встрѣчи не всегда оканчиваются столь счастливо, и въ минувшемъ году, надримъръ, медвѣдь вломился ночью въ лагунскую юрту и передавалъ въ ней всѣхъ обитателей, кромѣ одного, нашедшаго средство уйдти.

Верстахъ въ трехъ отъ подошвы горы, на берегу рѣчки *Камешихой*, впадающей въ Большой Аній при истечекъ *Датисильномъ*, расположились мы ночевать и развели большой огонь; было еще довольно рано. На свѣжестъ снѣгу видны были многочисленные стады соболей, и взявъ съ собою ружье, я рѣшился попробовать счастья на охоту. Вѣроятно, неопытность и испробычка

моя была причиною, что мне не удалось, не только убить, но даже и увидеть какогонибудь соболя; за то я настрелял куропаток, и они составили весьма приятный и полезный прибавок к нашему скудному обеду.

Берега обоих Ашоовъ обставлены безчисленными иножествами ловушекъ, снаковъ, клепцовъ и пастянокъ всякаго рода, для соболей, росомахъ, лисицъ, блоковъ и горностаевъ, которыми, не смотря на постоянное преследованіе ихъ съ недавнихъ временъ, все еще водятся здѣсь въ большомъ изобиліи. Обыкновенно, каждую осень ловятъ здѣсь отъ 200 до 300 соболей и соразмерное съ тѣмъ количество пушныхъ зверей низшей доброты. Каждый трудолюбивый Юкагиръ ежегодно выставляетъ съ первыми снѣгомъ въ разныхъ мѣстахъ до 500 ловушекъ, и въ продолженіе зимы осматриваетъ ихъ по пяти и по шести разъ. Въ хорошій годъ можно положить круглымъ счетомъ, что хозяинъ при каждомъ осмотрѣ въ 8 или 9-й ловушки находитъ болѣе или менѣе важную добычу.

Расположеніе и устройство ловушекъ, дѣлаемыхъ обыкновенно только при пособіи топора, изъ дерева, безъ всякаго желѣзнаго скрѣпленія, чрезвычайно разнообразны, и въ некоторыхъ изъ нихъ весьма сложный и отчетливо обдуманый механизмъ заслуживаетъ удивленіе. Они такъ приспособлены къ свойствамъ, походя и снѣга каждой породы попадающагося здѣсь зверей, что ка-

жется невозможно придумать въ нихъ никакого болѣе полезнаго или необходимаго улучшенія.

Пужа лучший наставникъ людей. Она заставила Юкагировъ и сосѣднихъ имъ народовъ, по недостатку другихъ родовъ промышленности, обработать всѣ утѣвительныя свои способности на ловлю зверей и обученіе необходимыхъ для охоты собакъ, *манчичковъ* *, и проч., и должно признаться, что туземцы дошли въ томъ и другомъ искусствѣ до высокой степени совершенства.

Вечеромъ 26-го Августа прибыли мы въ маленькое мѣстечко *Тизику*, лежащее на Большой Аншѣ, гдѣ напалъ только двухъ старухъ и въ-сколько полуголодныхъ дѣтей. Мѣй сонутникъ, докторъ Киберъ съдвинулся болѣе и не могъ продолжать пути впередъ, такъ что мы принуждены были остаться здѣсь целый день. Отсюда послалъ я одного изъ нашихъ проводниковъ, на вѣтку, вверхъ по рѣкѣ, къ мѣстечку *Сладкому*, гдѣ собрались для оленей охоты почти всѣ прибрежные жители Аппол, и гдѣ потому можно было достать просторную лодку для насъ и нашихъ вещей, который въ продолженіе путешествія значительно умножились. На другой день посланный возвратился и привезъ съ собой карбась, который былъ однакожъ такъ малъ, что мы ни

* *Манчичками* (отъ слова: *манчикъ*) называютъ домашнихъ оленей, приученныхъ отпаскать дикихъ оленей отъ табуловъ и подпалить на разстояніи выстрѣла къ своему хозяину, для ихъ доставленія въ лапы. Хорошій, надежный машинъ дорого стоитъ, и обученіе его требуетъ большихъ трудовъ и терпѣнія.

какъ не могли подняться въ немъ съ нашими вещами. Уступивъ лодку больному, я рѣшился взять перхоть по берегу до Лабазнаго. Тамъ надѣялись мы найти лодку побольше, и согласно съ изысканіемъ первоначальнымъ планомъ, продолжать въѣздъ путешествіе до устья Ангари, куда приходять иногда Чукчи для зимовой торговли.

Августа 28-го отправился я въ путь, черезъ лѣса и болота, по глубокому снѣгу. Проѣхавъ целый день, при густой мглѣ и рѣзкомъ вѣтрѣ, мы достигли рѣчки *Витренюки*, берега которой, крутые и возвышенные, доставили намъ защиту отъ непогоды. Лѣсъ, по которому шла дорога, былъ гораздо выше и толще, нежели встрѣченный на берегахъ Малаго Аюна. Кроме большихъ лиственницъ, попадаются здѣсь довольно высокія березы, тополя, ивы и другія древесныя породы. Въ чащѣ лѣса нашли мы несколько гробницъ древнихъ первобытныхъ обитателей здѣшней страны. Онѣ состояли изъ небольшихъ, сколоченныхъ изъ бревень строеній (на подобіе описанныхъ выше сайбъ), куда клали трупы умершихъ, совершенно одѣтые, съ луками, стрѣлами и копьями. Въ одной изъ гробницъ нашли мы остатки бубна и несколько медныхъ колецъ и колокольчиковъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, погребенному тутъ шаману. На горѣ, въ изъяснительномъ разстояніи отъ насъ, мы замѣтили довольно большое строеніе, похожее на полуразрушенный острогъ; бревна, изъ которыхъ оно было построено, по видимому, срублены были каменными то-

порами. Некаждою замерзшее болото и сильная выжга препятствовали нам приблизиться к строению, разрушенный видъ котораго не обещалъ впрочемъ богатой добычи.

Рычка Вятренова течетъ частыми излучинами, въ крутыхъ, скалистыхъ берегахъ. Между холмами и утесами попадаются здѣсь близости и овраги, покрытые нескомъ и горами остроокрашенныхъ каппей, которые вода еще не округлила. Здѣсь, такъ же, какъ на Сухомъ Аниевъ, замѣтилъ я, по большей части, шичерныя и шпатовыя жилы, проросшія кварцомъ и каріоломъ; послѣдній въ незначительныхъ массахъ, а первый большими пластинами. Въ одномъ изъ ущельевъ, въ песокъ, нашелъ я хорошо сохранившуюся мамантовую скелу, съ нѣсколькими боковыми зубами.

Послѣ неудобно проведенной ночи, отправилсъ мы далѣе. Еще вчера казалось намъ, что нашъ проводникъ, Юкагиръ, не такъ-то хорошо знаетъ дорогу, а нынѣ, замѣтивъ снова, что онъ сворачиваетъ, безъ всякой видимой надобности, то направо, то налево, я объявлялъ ему мои сомнѣнія на счетъ его познаній. Юкагиръ обидѣлся моимъ отзывомъ, и въ доказательство того, что онъ уже неоднократно бывалъ здѣсь, назвалъ по именамъ всѣ горы, отдельные скалы и ручьи, мною которыхъ мы проѣзжали. Между тѣмъ совершенно стемнѣлось. Мы ѣхали по глубокимъ оврагамъ и ложбинамъ, среди крутыхъ горъ, въ

густоты лесу. Лошади измучились и все общество тремко роняло на незнакомые проводники, который призвался наконец, что заблудился, и совершенно не знает, куда запел насъ. Я принужденъ былъ самъ отыскивать выходъ изъ пустыни, и полагая, что Анюю лежить на западъ отъ насъ, направился туда. По некизизно compassa, оставленного въ лодкѣ, я могъ руководствоваться только корою лиственницъ, которая здѣсь, какъ и по всей сѣверной Сибири, на обращенной къ сѣверу сторонѣ дерева бываетъ черна, а на южной красновата, и нередко служить путеводителемъ заблудившимся охотникамъ. Не смотря на сумерки, мы поехали далѣе, и вскоре достигли рѣчки, которую помни за одинъ изъ притоковъ Анюя. Избывъ трудной и опасной въ темнотѣ дороги черезъ горы и ущелья, мы слѣдовали по теченію рѣчки, постепенно расширявшейся и принявшей сѣверо-западное направленіе. Прохаживъ такимъ образомъ 20 верстъ, къ великой радости услышали мы плески воды большой рѣки, выступившей отъ прибывлой воды изъ береговъ и съ ревомъ стремившейся черезъ камни и скалы. Черезъ четверть часа достигли мы Большаго Анюя, и увидѣли, что после долгаго, безплоднаго скитанія, претхали только до мѣстечка Сладкаго, лежащаго передъ нами на другой сторонѣ рѣки. Для утѣшнія стѣны балагана доставили намъ на ночь нѣкоторую защиту отъ вѣтра и ятеми. Здѣсь, въ черно-шиферномъ утѣсѣ Сладкой горы, находить землю бле-

этого цвѣта, сладкаго, вяжущаго вкуса, которая, по уверенію туземцовъ, весьма полезна противъ поноса. Я велѣлъ принести мнѣ такой земли, желая показать ее доктору Каберу, но къ сожалѣнію, по неосторожности при вырываніи, такъ смятали ее съ посторонними веществами, что никакъ уже нельзя было опредѣлить ея составныхъ частей. Кажется, впрочемъ, что сія земля того же рода, какой находятъ около Окотска и прибавляютъ тѣмъ къ куку при леченіи хлѣбковъ.

Нашъ огонь примаскъ съ противоположащаго берега несколько Юкагировъ; они привезли намъ съѣжей оленины, и рассказали, что докторъ Каберъ сегодня прибылъ въ Сладкое. Оставивъ утомленныхъ лошадей и лошадей свои подъ охраненіемъ Юкагиря, обѣщавшаго доставить намъ икъ въ цѣлости, я отправился въ легкой лодкѣ къ доктору Каберу. На другой день вмѣстѣ поткали мы dalje, и послѣ семи часовъ опаснаго, по причине сильнаго вѣтра и волненія, плаванія, прибыли 30-го Августа счастливо въ Лабазное, гдѣ около сего времени производятъ обыкновенно изобильная поколка оленей.

Издаль услышали мы нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и отголоски веселыхъ пѣсень. На берегу встрѣтили насъ Юкагирскіе калѣки Рукачевъ и Чайнъ, и рассказали, что они празднуютъ день тезоименитства Государи Императора, по званію Благославленнаго Царя, или Тиряхъ-Аренье (Сына Солнца). Мы соединились съ ними, раздѣлили между туземцами порядочную порцію вина и та-

баку, и там немало возвысили общую веселость. Мужчины показывали намъ свое искусство стрѣлять въ цѣль изъ луковъ и ружей, бѣгали въ запуски и переговлились на лодкахъ, а женщины танцъ и плясали; такое веселье продолжалось до разсвѣта. Вѣроятно, этотъ день во многихъ странахъ Россіи праздновали гораздо торжественнѣе, но трудно представить себѣ радость беззаботные и искреннѣе той, которая оживляла жителей изъ степей Лабызнаго, въ *девятнадцати тысячахъ верстахъ* отъ столицы лежащаго.

Пока спутникъ мой съ утра до ночи занимался подаваніемъ помощи страждущимъ, и многихъ изъ нихъ счастливо доставлялъ болѣе или менѣе облегченіе, принужденъ я былъ проводить время въ совершенномъ бездѣйствіи, потому что безпрерывная выюга препятствовала мнѣ осматривать окрестность, и только однажды дала возможность взять полуденную высоту для опредѣленія широты мѣста.

Здѣшніе жители рассказывали мнѣ, что въ окрестныхъ горахъ часто попадаются кристаллы колчедана и карнѳола, а въ устьяхъ рѣкъ большія глыбы *кремней* съ отпечатками растений и раковинъ. Вообще Большой Анхой, при большомъ народонаселеніи и разнообразіи произведеній царства прозябающаго и животнаго, представляется для естествоиспытателей предметъ гораздо занимательнѣе, нежели берега Сухаго Анхоя. Мы весьма сожалѣли, что позднее время года и безпрерывный снѣгъ не позволили намъ подробнѣе

исследовать страну, и часто принуждали насъ руководствоваться исполыми, темными и ненадежными рассказами туземцовъ.

Оленя здесь еще не проходили. Трудно себя представить, до какой степени достигать голода среди здѣшнихъ народовъ, существованіе которыхъ зависитъ единственно отъ случая. Часто съ половины лѣта люди питаются уже древесною корою и шкурами, до того служившими имъ постелями и одеждою. Случайно пойманный или убитый олень дѣлится поровну между членами цѣлаго рода и съѣдается, въ полномъ смыслѣ слова, съ *костями* и *шкурою*. Все, даже внутренности и толченныя рога и кости, употребляется въ пищу, потому что подобно члвкъ нѣбудь наполнить терзаемый голодомъ желудокъ. Въ продолженіе нашего здѣсь пребыванія приходило оленей быть единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ.

Наконецъ, 12-го Сентября, на правомъ берегу рѣки, противъ Лабизнаго, показались отряды и спасеніе туземцовъ — безчисленный табунъ оленей покрывъ всѣ прибрежныя возвышенія. Вѣтвистыя рога ихъ колыхались, какъ будто огромныя полосы сухаго кустарника. Все пришло въ движеніе. Со всѣхъ сторонъ устремились Якуты, Чуванцы, Лануты и Тунгусы, пшккомъ и въ лодкахъ, въ надеждѣ счастливою охотою положить предѣлъ своимъ бедствіямъ. Радостное ожиданіе оживило всѣ лица и все предсказывало обильный промыселъ. Но въ ужасу всѣхъ,

внезапно раздалось горестное, рековое измѣтѣе: «*Олень поцѣпнулся!*» Дѣйствительно, мы увидѣли, что весь табунъ, вѣроятно устрепенный множествомъ охотниковъ, отошелъ отъ берега и скрылся въ горахъ. Отчаяніе заступило мѣсто радостныхъ надеждъ. Сердце раздиралось при видѣ народа, вѣсело лишеннаго всякъ средствъ поддерживать свое бѣдственное существованіе. Ужасна была картина всеобщаго унынія и отчаянія. Дѣвочки и дѣти стояли громко, ломая руки; другіе бросались на землю и съ воплями кариали спѣтъ и злѣю, какъ будто приготавливая себѣ могилу. Старшины и отцы семейства стояли молча, неподвижно, устремивши безжизненные взоры на тѣ возвышенія, за которыми исчезла ихъ надежда.....

Кончивъ всѣ наши занятія и не имѣя средствъ пособить народному бѣдствію, мы отправились 13-го Сентября изъ Лабазнаго, куда прѣехали среди радостныхъ восклицаній, и гдѣ теперь слышали только вопли и плачъ. Не смотря на сильный, совершенно противный вѣтеръ, плаваніе наше, при помощи теченій, шло довольно быстро, такъ что къ вечеру проехали уже мы 40 верстъ и прибыли въ мѣстечко Сладкое. Отъ Лабазнаго до мѣстечка Долгого, въ 80-ти верстахъ лежащаго, по правому берегу тянется безпрерывная цѣль высокихъ горъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, упирался извѣсникъ, крутыми скалами въ рѣку, образуетъ она мысы. Горы и утесы состоятъ здѣсь, по большей части, изъ стараго гранита и

черного шпателя. Между ними видны изредка слои железной охры, а на берегу попадаются обломки гранита, яшмы и карнеолов.

По всей дороге видели мы, что туземцы страдали отъ холода, и отчаявшись въ оленьемъ промыслѣ, прибѣгали къ рыбной ловлѣ. Летомъ употребляются заводы для сѣти, невода, мережи, и устраиваются заводы въ устьяхъ притоковъ Большой Анюи, а осенью перегородиваются въ несколькихъ мѣстахъ самую рѣку. Большой Анюей хотя и не очень широкъ, но глубокъ и теченіе его плавное, непрерывное порогами и водопадами; потому рыба поднимается въ него довольно высоко, даже за Лабазное, и ловъ бываетъ иногда весьма изобилующій. Въ нынѣшнѣмъ году, къ несчастію жителей, рыбы оказалось такъ мало, что прибрежные туземцы остались въ самомъ безпомощномъ и ужасномъ положеніи.

Путешествіе наше становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. Холодъ усиливался; ледъ у береговъ дѣлался шире, и во многихъ, менѣе быстрыхъ мѣстахъ покрывалъ уже всю рѣку, такъ, что мы принуждены были топоромъ и пестами прокладывать себѣ путь. Все заставляло насъ сѣзжать, чтобы до совершившаго рѣзковаго достигнуть селенія, гдѣ можно было намъ завести всѣхъ нужныхъ для дальнѣйшаго путешествія. Съ трудомъ дошли мы до скалы Большой Брусники, гдѣ находилось дѣтвое Юкагирскаго Князика, у котораго могли мы надѣяться

ся найти удобное убежище. Здесь обождали мы, пока река совершенно замерзла и установился зимний путь. Лед в Большом Аниче, как вообще во всех значительных реках Сибири, образуется двойным образом. Во первых, в Мокейских заливах и около берегов, подобно небольшим озерам, поверхность воды, даже при весьма небольшом морозе, покрывается ледяным слоем. Во вторых, наиболее, лед образуется в русле на дне реки, между камнями, и от множества подводной травы получает вид замерзшей зеленой тины. Когда такая ледяная глыба перейдет уже в значительный объем, то отстает от дна и поднимается на поверхность воды, где тотчас превращается в твердый лед, смешанный с травой, песком и илками камыля. Источники отдельных льдин сливаются и в короткое время река совершенно замерзает, так, что по ней можно уже ходить.

Во время нашего пребывания у Большой Брусники холод ни разу не был сильнее 10° , по Реомюру. Температура воды переменилась весьма медленно; в течение семи дней, на глубине 4-х футов, она спустилась с $1\frac{1}{4}^{\circ}$ до $\frac{3}{4}^{\circ}$.

Сентября 24-го кончили мы все необходимые приготовления и в мартахи отправились далее. По недостатку корма, худые и безсильные собаки бѣжали весьма медленно, так, что только 28-го Сентября довели нас до Пятистопного, Якутского селения. Имя его происходит от ле-

жащаго вблизи, высокаго, отдалёнаго утеса, пять равныхъ сторонъ котораго поднимаются перпендикулярно отъ земли и придаютъ ему видъ огромной башни.

Здѣсь напали мы свѣжнхъ, сильныхъ собакъ, и въ тотъ же вечеръ прѣехали въ *Басковъ*, гдѣ есть убогья исколькихъ Русскихъ семействъ изъ Нижне-Колымска.

Отъ Брусники начинаются почти плоскіе берега, изрѣдка прерываемые небольшими пешаными холмами, каждый годъ подымаемыми водой и постепенно обрुшивающимися. Вся окрестность усеяна безчисленными ялкими озерами; между ними таятся низменныя болота, поросшія стелющимися кустарниками. Изрѣдка, на сухихъ мѣстахъ и возвышеніяхъ, попадаются небольшія деревья. Вся страна уныла, пустынна и не представляетъ никакого предмета, могущаго привлечь вниманіе путешественника. Провѣдавъ пять дней по сей обнаженной степи, наконецъ, 26-го Сентября, послѣ семидесяти-дневнаго отсутствія, прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

Къ сожалѣнію, наше путешествіе было неизобильно занимательными наблюденіями, отчасти по самому качеству края, а отчасти потому, что позднее время года и почти безпрерывная мгла отличали у насъ возможность углубляться вънутрь страны, не обѣщавшей впрочемъ много достопримѣчательнаго путешественнику. Прибавлю здѣсь еще нѣсколько словъ о жителяхъ сей части Сибири.

Большая часть народовъ, живущихъ нынѣ по берегахъ, Анюевъ прежде кочевала, обладала безчисленными стадами оленей. После покоренія Сибири и обложенія туземцовъ *ласками*, или *податью*, они не смѣли уже скитаться произвольно по необозримымъ тундрамъ своей отчизны, и должны были кочевать на вѣстныхъ пространствахъ, куда были приписаны. Слѣдствіемъ сего было постепенное истребленіе ихъ оленьихъ стадъ, отъ недостатка пищи въ кочевьяхъ, назначенныхъ каждому поколѣнію, и отъ того, что каждая зараза неизменно распространялась на всѣ стада, которыя не могли, какъ прежде, убѣгать въ отдаленныя тундры и тѣмъ спасаться отъ неурядъ. Такъ, мало по малу, истреблялись эдашніе кочевые народы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и охота дѣлалась менѣе изобильна, потому что по истрѣ поселенія людей въ пустыняхъ, дичь тамъ исчезала и скрывалась въ лѣса.

Отъ безпрерывныхъ сношеній съ Русскими покоренные народы перенимали у нихъ образъ жизни, одежды, устройства жилищъ, и наконецъ заимчивали оленей собаками *. Языкъ побѣдителей также постепенно получалъ преимущество и дѣлался общимъ. По крайней мѣрѣ, почти всѣ туземцы понимаютъ теперь нашъ языкъ и говорятъ

* Первый изъ народовъ, употребившій собакъ для переноса тяжести, были, безъ сомнѣнія, Калышанцы, отъ которыхъ заимствовали такое обихованіе Русскіе, потому, что всѣ другіе народы северо-восточной Сибири въ прежнія времена ездили, конь задѣвъ домыль Чукчи, только на оленяхъ.

по Русски. Они сохраняли только свойственную кочевым народам безопасность о будущем. Как предки их, они не готовили себе никаких запасов, или весьма малые, совершенно несообразные съ продолжительностью зимы; здесь главная причина голода, ежегодно возобновляющегося. Сверх того, будучи подданными и союзниками Русских, туземцы сдѣлались непримиримыми врагами диких соседей, Чукчей и Кораквов, не позволяющих имъ приближаться къ своимъ границамъ. Кровавые войны и заразные болезни, какъ выше было мною замечено, истребили наконецъ значительную часть обитателей адынскихъ странъ, такъ, что некоторые изъ народовъ, здесь бывшихъ, существуютъ только по названію. Единственно привязанность къ родной землѣ и совершенное притомъ, и у аверомовъ замѣчательное, незнаніе края по ту сторону Колымы, преслѣдуютъ туземцевъ разсѣлаться на западъ и удерживаютъ ихъ въ ледяной пустыни, гдѣ только оленья охота и рыбная ловля доставляютъ имъ самое скудное пропитаніе.

Говорятъ, что Чуванцы нѣсколько разъ просили уже позволенія переселиться на необитаемые, плодородные берега Анадыря и Пенжины, но Колымскіе Коммиссары не соглашались на ихъ просьбу, опасаясь лишиться значительной прибыли отъ меховой торговли сего народа.

Незначительная часть Чуванцовъ и однихъ называть Юкагировъ, килѣка Чайна, ведутъ еще ко-

челую жизнь. Отъ своихъ оседлыхъ единоплеменниковъ отличаются они одеждою и языкомъ. Одежда ихъ совершенно сходна съ Чукотскою, а что касается до языка, то, по редкости непосредственныхъ и продолжительныхъ сношеній съ Русскими, сохранили они въ большой чистотѣ свой природный языкъ. Число такихъ кочевыхъ жителей въ окрестностяхъ обихъ Анюевъ простирается до 400 человекъ. Все они обложены ясакомъ и вносятъ его мехами и деньгами.

Оседлые съ давнихъ временъ на берегахъ Анюевъ Тунгусы и Ламуты, лишивъ стада своихъ, занимаются только охотою и рыбною ловлею, и равномерно предоставлены голоду и бѣдности. Въ такомъ положеніи находятся и Якуты, переселенные сюда съ береговъ Алдана по распоряженію Правительства, для переноса състныхъ припасовъ и другихъ потребностей въ Анадырскую крѣпость. Удаливъ отъ своихъ соотечественниковъ, они сдѣлались совершенно Русскими и занимаются рыбною ловлею.

Въ новѣйшее время прибрежное народонаселеніе Анюевъ увеличилось, но не въ слѣдствіе большаго благосостоянія туземцевъ, а отъ того, что нѣкоторыя поколѣнія, кочевавшія прежде по тундрамъ, лишившись своихъ стадъ и принужденны были поселиться на берегахъ рѣкъ.

Все сіи различные народы крещены, и однажды въ годъ, когда Нижне-Колымскій священникъ объѣзжаетъ селенія и деревни своего прихода, присутствуютъ при батослуженіи. Хо-

ти подобные обычаи, по обширности страны и разбланному народонаселенію, сопряжены съ великими затрудненіями и неудобствами, однакожь священники всегда щедро за то награждаются своими прихожанами и возиращаются въ Нижне-Колымскъ, обыкновенно, съ нѣсколькими нартами, тяжело нагруженными множественъ драгоценнѣйшихъ меховъ. Безъ сомнѣнія, введеніе христіанской религіи истребило здѣсь много пагубныхъ суевѣрій, но досель, не смотря на всѣ усилія Правительства и священниковъ, шаманы сохранили однакожь значительное вліяніе между эскимосскими народами, и принимаютъ всевозможныя мѣры поддержать увѣренность въ сверхъестественную силу и связь свою съ добрыми и злыми духами. Даже и нынѣ, не только прежніе эскимосы, но и прирочные Рускіе иногда прибѣгаютъ еще къ помощи шамановъ, для открытія поровѣна, или отклоненія какого нибудь предстоящаго несчастія. Впрочемъ, шаманизмъ у большей части эскимосаго народа утратилъ свой прежній религіозный характеръ, и превратилось въ простое колдовство, такъ, что нынѣ нередко отъ скуки, для препровожденія времени, призываютъ колдуна и просятъ его «немного пошаманить.»

Но смотря на сближеніе и почти совершенное сближеніе съ Русскими, туземцы сохранили однакожь нѣчто отличное въ образованіи лица, мнѣніяхъ и нравахъ, пріемахъ и вообще образѣ жизни.

Подобно всѣмъ обитателямъ полярныхъ свѣр-

ныхъ странъ, они невысокаго роста, но широкоплечи и крѣпкого тѣлосложенія. Голова ихъ противъ туловища слишкомъ велика; руки и ноги слишкомъ коротки; лицо плоское и широкое; большія щеки суживаютъ ротъ и даютъ ему слишкомъ круглую форму. Волосы черны и косматы, а маленькіе, узкіе глаза лишены огня и выраженія. Суровость климата, голодь и недостатки, кажется, препятствуютъ здѣсь совершенному развитію физической природы человека, и такое вліяніе оказываетъ климатъ и на умственные силы сѣверныхъ Сибиряковъ. Кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ; сердце ихъ бьется вяло, и чувства, если не истреблены, то, по крайней мѣрѣ, почти совершенно подавлены. Незнакомые съ наслажденіями жизни, располагающими обитателей другихъ, болѣе счастливыхъ земель къ радости и печали, любви и ненависти, народы полярныхъ странъ живутъ, или лучше сказать, прозябаютъ въ убивающемъ однообразіи, непрерывной борьбѣ съ недостатками, голодомъ и стужей, и незаметно переходя отъ юности къ старости, безъ всякаго сожалѣнія оставляютъ потомъ жизнь, представляющую имъ одни лишения, безъ радостей и безъ наслажденій.

ГЛАВА IV.

Настоящий журнал штурмана Косыкина, в 1821-м году, при описи восточнаго Ледовитаго моря, между островом реки Малой Чукочей и Иланином.

Порученную мне опись части берега Ледовитаго моря надлежало начать съ деревни Малой Чукочей. Поля 2-го кончены были все необходимыя приготовления, и во утру, въ 11½ часовъ, отправился я въ путь, при пасмурной погодѣ и 7¼ тепла.

Рѣка *Малая Чукочья* вытекаетъ изъ озера сего имени, лежащаго въ 10-ти верстахъ къ WNW отъ ея устья и измѣняющаго до 18-ти верстъ въ длину, отъ W къ O, а въ ширину около 8-ми верстъ. Оно соединяется протокомъ съ озеромъ Боковымъ, почти равной съ нимъ величины. Въ 8-ми верстахъ къ югу отъ восточной оконечности Боковаго лежить третье озеро, называемое *Нерничнымъ*, по найденной на берегахъ его мертвой

перть (племню). Оно, отъ W къ O, почти на 15 верстъ длинны. Изъ западной оконечности его вытекаетъ рѣка Убиенная, а изъ юго-восточной Полодская и обѣ впадаютъ въ Колыму. Всѣ сіи три рѣки изобилуютъ рыбою, и потому весьма важны для жителей Колымскаго округа.

Отъ устья Малой Чуконьей берегъ къ западу весьма низменъ, почти равенъ съ водою и усыпанъ безчисленными, разной величины озерами. Здѣсь всегда лежитъ множество напоснаго льда. Лошади наши, по привычкѣ безпрестанно переступать и скакать черезъ бревна и кучи льда, на каждомъ шагу спотыкались, и наконецъ стали до такой степени пугливы, что мы едва могли управлять ими. Лодки наши сильно покривились, а зычныя лошади вывалились, сбросили поклажу и убѣжали на тундру, гдѣ мы съ трудомъ поймали ихъ.

Такимъ образомъ проехали мы 36 верстъ до рѣки Убиенной и остановились на ночлегъ въ балаганѣ, построенномъ Колымскими жителями, посещающими сіи мѣста для рыбной ловли.

По утру 3-го Іюля сильный вѣтеръ нагналъ густой туманъ; вечеромъ шелъ снѣгъ, при $1\frac{1}{2}^{\circ}$ холода; съ полуднѣ термометръ показывалъ столько же градусовъ тепла. Слѣдуя по теченію Убиенной къ NO, въ $12\frac{1}{2}$ верстахъ отъ нашего пункта достигли мы устья сей рѣки, образующей здѣсь небольшой заливъ, называемый жителями Убиенная лагѣда. Сильный вѣтеръ не позволялъ

намъ переправиться въ лодкахъ на противолежа-
щий берегъ, и мы принуждены были следовать
погибшихъ залпа до устья рѣки Конжовой, гдѣ
привели ночь подъ открытымъ небомъ.

Последняя часть сегоднѣшняго пути была чрез-
вычайно затруднительна. Сильный NO вѣтеръ
поднималъ на морѣ большія волны и онѣ на-
бегали на низменный берегъ, такъ что лошади
нерѣдко шли по грудь въ воду. На небольшомъ
возвышеніи наши мы два пингвина, повиди-
мому, довольно значительнаго судна, скрѣплен-
ные деревянными штеггами; уцѣлѣвшіе два же-
лезные гвоздя заставляли предполагать, что ими
была прикрѣплена вѣшняя обшивка судна. На
WtN, въ разстояніи 13 верстъ, видны были Тун-
гускія горы.

Ночью на 4-е Ноля вѣтеръ перемѣлъ къ сѣве-
ру. Густой туманъ, то разстилался по землѣ, то
снова поднимался. Поутру термометръ показыва-
лъ 1° тепла, но мы весьма зябли, потому что
платья наши были совершенно мокры, а при силь-
номъ вѣтрѣ и влажномъ воздухѣ не было возмож-
ности развести огня. На разсвѣтъ увидѣли мы,
что вся окрестность и наши вещи и платья бы-
ли покрыты тонкою, бѣлою, окристаллизованною
коркою солоноватаго вкуса. Лошади стояли на
снѣгу и ели и жевали траву, которая также бы-
ла покрыта подобною коркою. Въ послѣдствіи за-
мѣтили я, что сѣверные и сѣверо-западные вѣт-
ры всегда мокрываютъ землю такими кристал-

перше (тлюмено). Оно, отъ W къ O, почти на 15 верстъ длины. Изъ западной оконечности его вытекаетъ рѣка Убиенная, а изъ юго-восточной Походская и обѣ впадаютъ въ Колыму. Всѣ сѣи три рѣки изобилуютъ рыбою, и потому весьма важны для жителей Колымскаго округа.

Отъ устья Малой Чукчѣй берегъ къ западу весьма низменъ, почти равенъ съ водою и устьевъ безчисленными, разноразличными озерами. Здѣсь всегда лежитъ множество наноснаго лѣса. Лошади наши, не привыкшія безырестанно переступать и скакать черезъ бревна и кучи лѣса, на каждомъ шагѣ спотыкались, и наконецъ сделались до такой степени пугливы, что мы едва могли управлять ими. Лодки наши сильно поворедились, а вымочныя лошади вырвались, сбросили поклажу и убѣжали на тундру, гдѣ мы съ трудомъ воймали ихъ.

Такимъ образомъ проехали мы 36 верстъ до рѣки Убиенной и остановились на ночлегъ въ балаганѣ, построенномъ Колымскими жителями, посвящающими сѣи мѣста для рыбной ловли.

По утру 3-го Июля сильный вѣтеръ нагналъ густой туманъ; вечеромъ шелъ снегъ, при $1\frac{1}{2}^{\circ}$ холода; въ полдень термометръ показывалъ столько же градусовъ тепла. Слѣдуя по теченію Убиенной къ NO, въ $12\frac{1}{2}$ верстахъ отъ нашего ночлега достигли мы устья сей рѣки, образующей здѣсь небольшой заливъ, называемый жителями Убиенная лава. Сильный вѣтеръ не позволялъ

намъ переправиться въ лодкахъ на противополож-
ный берегъ, и мы принуждены были следовать
изгибомъ залива до устья рѣки Конжовой, гдѣ
провели ночь подъ открытымъ небомъ.

Последняя часть сегодняшняго пути была чрез-
вычайно затруднительна. Сильный ЮВ ветеръ
поднималъ на морѣ большія волны и онѣ на-
бегали на лѣвый берегъ, такъ что лошади
нерѣдко пали по грудь въ воду. На небольшомъ
возвышеніи напали мы два инпангоута, повиди-
мому, довольно значительнаго судна, скреплен-
ные деревянными нагелями; уцѣлѣвшіе два же-
лезные гвоздя заставляли предполагать, что она
была прикрыта ватинами обшивки судна. На
WUX, въ разстояніи 13 верстъ, видны были Тун-
гускія курты.

Ночью на 4-е Пиллъ вѣтеръ перешелъ къ сѣве-
ру. Густой туманъ, то растянулся по землѣ, то
снова поднимался. Поутру термометръ показы-
валъ 1° тепла, но мы весьма албли, потому что
платья наши были совершенно мокры, а при силь-
номъ вѣтрѣ и влажномъ воздухѣ не было возмож-
ности развести огня. На разсвѣтъ увидѣли мы,
что вся окрестность и наши вещи и платья бы-
ли покрыты тонкою, бѣлою, окристаллизованною
корою соленоваго вкуса. Лошади стояли на
своемъ явствѣ и жевали траву, которая также бы-
ла покрыта подобною корою. Въ послѣдствіи за-
метили я, что сѣверные и сѣверо-западные вѣт-
ры всегда покрываютъ землю такими кристал-

лами. Рывка Конковая при устье около полу-версты шириною. Сильный ветер препятствовал переправить здесь лошадей, а потому поднялись мы 9-ть верст выше по рывку, где она не шире 70 сажень, и там успешно переправились на другой берег. Приближаясь снова к устью рывка, переезжали мы через не глубокое озеро, когда вдруг лошадь моего казака чего-то испугалась, поднялась на дыбы и сбросила в воду съедок и выюки, где заключались мой журнал, чай и порох. Пока мы вытаскивали выюки, чай и порох были уже совсем мокры и испорчены. Потеря пороха была темъ чувствительнее для насъ, что мы находились, такъ сказать, въ отечестве медведей, и ежедневно могли ожидать встрѣчи съ ними, а единственными оружіями нашими остались теперь лукъ у Якута, топоръ и два ножа.

Проводники ловили разбѣжавшихся лошадей, а я пошелъ къ Тунгусскимъ юртамъ, виданнымъ нами вчера. Селеніе расположено было на несколькихъ низменныхъ холмахъ (единахъ), и состояло изъ 13-ти юртъ, выстроенныхъ изъ бревенъ, шестовъ и древесной коры. Въ немъ нашелъ я около 30-ти Тунгусовъ и Юкагировъ, съ ихъ старшинами. Сюда приходятъ они въ началѣ лѣта, т. е., въ Іюль мѣсяцъ, на рыбную ловлю и охоту оленей и перелетныхъ птицъ. Въ Августъ мѣсяцъ перекочевываютъ отсюда на берегъ моря, для добычи песцовъ и мамонтовыхъ костей, а съ наступленіемъ морозовъ удаляются

въ свои дѣла и занимаются тамъ ловлею пушныхъ зверей. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Тунгусы и Юкагиры собираются въ селеніе Четырехъ, на рѣкѣ Алазѣ, привезти туда ясакъ и запасаются табакомъ, порохомъ и другими потребностями. Остальное время года кочуютъ они между Колымой и Нидвигскою.

Жители и старшины селенія, принявъ меня за одного изъ купцовъ, прибѣгающихъ иногда сюда изъ Колымска, для мѣны пушныхъ товаровъ на табакъ и водку, вышли ко мнѣ на встрѣчу. Я объявилъ имъ, что я не купецъ, а проезжающій любовъ, что нисколько не перемѣнило ихъ дружескаго приема. Они пригласили меня и проводникомъ въ свои хижины и радушно угощали насъ всѣмъ, что только у нихъ было лучшего. Я одарилъ ихъ табачкомъ и чаемъ, и выменялъ себѣ двѣ юмалы лодки, потому что наши совершенно испортились.

Докторъ Кибель, въ своемъ путешествіи являть случай хорошо познакомиться съ этимъ народомъ и описалъ образъ его жизни, нравы и обычаи, потому и дажеже палиманимъ помѣщать здѣсь мои замѣтки. По моему мнѣнію, кочующіе Тунгусы и Юкагиры самый счастливѣйшій народъ въ Сибири. Образъ кочевой жизни не привлекаетъ ихъ ни къ чему; они переходятъ съ мѣста на мѣсто со всѣмъ своимъ достояніемъ и незаночны съ горестными чувствами разлуки съ родиною. Обудущіе они не забываютъ и наслаждаются

настоичамъ, а въ величайшихъ бѣдѣяхъ не унываютъ, надѣясь на Провидѣніе, или на то, что авось все будетъ лучше. Любимая ихъ пословица: «чѣму быть, того не миновать».

Врожденная Якутамъ страсть къ спорамъ, Тунгусамъ вовсе неизвестна. Они отличаются рѣдкимъ съ дикарѣхъ чувствомъ преданности къ родственникамъ и друзьямъ и удивительною чистотою нравовъ. Замечательно наказаніе Тунгусскихъ дѣвушекъ, до замужества начинающихъ излости любовныя: ихъ подводятъ къ дереву и сѣкутъ до тѣхъ поръ, пока не обмоютъ все съ него сучья. Къ счастью, деревья здѣсь невысоки и малосучны.

Рядъ холмовъ, сѣдѣ расположенъ Тунгусскія хижинны, постепенно возвышались, образуя на восточномъ берегу Большой Чукотскій рѣки значительную горную гряду. Страна сія весьма низменна и прорѣзана множествомъ озеръ; самое значительное изъ лежаныхъ къ сѣверу и изобильное рыбною тою, изъ коего вытекастъ рѣка *Масрина*, а къ югу отъ холмовъ озеро *Ойроное*, образующее рѣку *Якутскую*. Здѣсь, дѣйствительно южныя Тунгусскія хижинны, построены лѣтній балаганъ Колымскихъ жителей.

Западный скатъ холмовъ всегда покрытъ намокрымъ лѣсомъ, между которымъ Тунгусы пасли и показывали мнѣ обломки корабля и доски съ желѣзными гвоздями.

Въ полдень 3-го Июля оставили мы гостеприимное селеніе и отправились далѣе. Пробиравсь

между множеством мелких озеръ, мы достигли морскаго берега, и здѣсь, пройдя 26-ть верстъ, расположились ночевать, подъ 70° 00' широты и 159° 41' долготы. Море въ двухъ верстахъ отъ берега было покрыто льдомъ и высокими торосами. Сильный вѣтеръ нагонялъ ледяныя ча берега; онъ сшибался и ломался съ оглушительнымъ трескомъ.

Ночь 6-го густой туманъ покрывалъ всю окрестность и только къ полудню продолжительный NO вѣтеръ очистилъ нѣсколько атмосферу. Термометръ показывалъ 1 1/2° тепла.

Слѣдуя направленно низменнаго берега, достигли мы Чукоцкаго мыса и здѣсь переночевали, въ балаганѣ, на берегу Большой Чукоцкой рѣки. Отсюда берегъ на протяженіи 10 верстъ низменный, но далѣе становится крутъ и образуетъ Чукоцкій мысъ, лежащій подъ 70° 01' широты и 159° 48' долготы восточн. отъ Гринвича. Онъ состоитъ изъ сыроватой глинистой земли и со стороны моря образуетъ два уступа; высота его до 75 футовъ надъ поверхностью моря. Скатъ возвышенія его обставленъ обломками, вѣроятно, отторгнутыми каменн.набудъ переворотами отъ вершины и представляя видъ правильныхъ конусовъ, до 20-ти и 25-ти футовъ вышины.

На вершинѣ мыса нашли мы небольшое озеро, покрытое такимъ толстымъ льдомъ, что лошади безопасно переходили черезъ него.

Отсюда осмотрѣть я море. Между О и N появилось одно неподвижное льдомъ и торосами,

а отъ О на S послѣдъ на немъ огромный лѣдникъ. Въ направленіи SW 35° берегъ былъ шапелный, а на NO 8° азбѣтилъ я возвышеніе, казавшееся отдѣльнымъ отъ берега. Въ послѣдствіи открылось, что то былъ *Крестовый островъ*, самый южный изъ куны Медвѣжьихъ острововъ.

На всемъ протяженіи отъ Малой Чукочьей рѣки до мыса сего имени морской берегъ низменъ и изрѣзанъ множествомъ болотъ и озеръ. Чукочья губа, куда впадаетъ рѣка, здѣсь до 5-ти верстъ ширины; западный берегъ ея едва возвышается надъ поверхностью моря.

Снимая берега губы, послалъ я казака на лодкѣ измѣрить ея глубину. Онъ возвратился съ повѣстіемъ, что черезъ устье можно переправиться на лошадицѣхъ, но передовая, пройдя несколько шаговъ въ воду, внезапно по самую шею завляла въ наносную илѣ, такъ что до поздней ночи напрягали мы все успіи освободить ее.

Увѣрсь въ невозможности переправы, мы расположились здѣсь ночлегомъ и бросили въ воду неводъ. Опытъ ловли не удался намъ и на другой день вытащили мы неводомъ только одного чира.

Не пайда бродя, поехали мы вверхъ по Чукочьей и въ 9-ти верстахъ отъ ея устья счастливо переправились на другую сторону. Она впадаетъ въ море по направленію NO 70°, глубока и между невысокими берегами течетъ весьма быстро. Съ хозмовъ, на восточномъ берегу ея лежащихъ, принимаетъ она несколько небольшихъ

ручьев, состоящая на северь предель, до которого доходить жители Нижне-Колымска.

Съ западной оконечности Чукотской губы перелетовалъ я мысъ сего имени на SO 90°, а вершину Крестоваго острова на NO 13°.

Цюля 8-го, слѣдуя по берегу, мы достигли Крестоваго мыса, лежащаго подъ 70° 17' широты и 139° 55' долготы. Онъ состоитъ, такъ же, какъ и Чукотскій мысъ, изъ сѣровой глины, и возвышается на 65-ть футовъ надъ поверхностью моря. Отсюда берегъ изгибается на западъ. Съ вершины мыса замеченовалъ мною снова Крестовый островъ на NO 5°. Море было покрыто неподвижными льдами; клани показывались огромные торосы.

Въ 6-ти верстахъ отсюда, къ NW, большое озеро, длиною 7-ми, а шириною отъ 5-ти до 6-ти верстъ; оно отдѣлился отъ моря довольно длиннымъ перешейкомъ, шириною въ 200 сажень, который, хотя не слишкомъ высокъ, но холмистъ и съ моря походить на гряду небольшихъ конусообразныхъ бугровъ. Восточная часть его состоитъ изъ сѣровой глины, а западная изъ черной; въ 13-ми верстахъ отъ озера впадаетъ въ море неширокая, но глубокая рѣка, которую называлъ я, въ честь сегодняшняго свѣтаго, рѣкою св. *Проконія*.

Въ 7-ми верстахъ отъ нашего мѣстца, на прибрежномъ лѣду, лежали зерна, весьма похожія на рожь; въ послѣдствіи узналъ я, что то были различные виды сѣмянъ травъ ковыль

чосу и переносивали въ 14-ти верстахъ, при устьи рѣчки Куродагина; она импринно только 10 сажень, но довольно глубока. Дорога отъ устья Крестовой до Куродагина была чрезвычайно тѣгостна для лошадей; волны, набѣгая далеко на плоскій берегъ, размачиваютъ грунтъ, состоящій изъ песка и глины.

13-го числа удалось мнѣ взять полуденную высоту солнца, которая опредѣлила положеніе нашего вояска подлѣ $70^{\circ} 53' 37''$ широты. Изъ десяти разстояній луны отъ солнца получить я $158^{\circ} 55' 36''$ долготы. По полудни отправились мы далѣе, сѣдѣя по низменному берегу, и въ тотъ день проехали вообще 28 верстъ.

Рѣка Куродагина отъ 1-й до $1\frac{1}{4}$ версты въ ширину и при устьѣ раздѣляется на три рукава, изъ коихъ два почти высохли. На восточномъ берегу ея, около 4-хъ версты отъ устья, находится хорошо сохранившійся балаганъ. На западной сторонѣ, въ 10-ти верстахъ отъ рѣки и 3-хъ и 7-ми верстахъ отъ морскаго берега, тянется на NW довольно высокаго цѣвь холмовъ, доходящая до рѣки Куропаточной. Берегъ, едва поднимающійся надъ поверхностью воды, состоитъ изъ твердой, сѣровой глинистой земли; на немъ изрядка показывалась тощая трава и все пространство было покрыто слоемъ соляныхъ частицъ и ракушками. Въ окрестности лежало множество перьевъ линнннхъ аляскъ гусей. Напоснаго лѣса встрѣчалось мало, и то было весьма старый, разсыпавшійся отъ удара копытъ. Въ нѣ-

которых изъ ледяныхъ озеръ вода была почти совершенно черна, впрямую, отъ стгнившихъ въ ней деревь.

Июля 13-го расположились мы ночетомъ недалеко отъ довольно высокой горы, которую называлъ я *Сибирскимъ Парнасомъ*. Съ вершины ея осматривалъ я море. Въ 6-ти верстахъ отъ насъ, параллельно съ берегомъ, стояли ствкою высокіе торосы; за ними носились плавающія льдины. На торосахъ лежало много панюснаго лѣса, и отъ напора льдовъ на отъѣмъ оны, то подымаясь вертикально, то снова падали, что придавало странную жизнь картинѣ. Намъ удалось убить здѣсь четырехъ гусей и двухъ нырковъ.

Июля 14-го погода была ясна; термометръ съ полудня показывалъ $9\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. Я воспользовался благопріятнымъ временемъ и постарался высушить часть моего пороха; оны намъ были теперь особенно нужны, потому что провіантъ нашъ былъ на исходе, а далѣе не было надежды встрѣтить ливневыхъ гусей, которыхъ можно бить налкая. По полуденной высотѣ солнца мы были подъ $71^{\circ} 00' 56''$ широты и $158^{\circ} 10'$ долготы; склоненіе магнитной стрѣлки оказывалось $10^{\circ} 00'$ восточное.

По полудни переправились мы черезъ пять незначительныхъ ручьевъ и прошли вообще 28 верстъ на W. Здѣсь былъ намъ случай испытать нашъ высушенный порохъ; мы застрѣлили нѣсколько гусей. Хотѣли почти прямо на W отъ Сибирскаго Парнасса.

На другой день отправились мы в путь при $15\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла и достигли реки *Большой Куропаточной*; устье ее шириною до 2-х верст, но так мягко, что мы переправились через него в бродь. Сегодня проехали мы всего 31 версту.

Цель холмовъ, идущая параллельно съ берегомъ, получаетъ отъ Севернаго Параллеля SW направление и поворачивается отъ устья *Большой Куропаточной* на $80\ 23^{\circ}$. Здесь начинается, такъ называемый, *Куропаточий яръ*, т. е. отвесный высокий берегъ. Онъ состоитъ изъ слоевъ ильма не тающего льда, смешаннаго съ черпоземомъ и глиною, и въ немъ попадаются длинные, тонкіе древесные коренья, а въ вьботахъ, гдѣ волны поднимаютъ берегъ, показываются иногда мамонтовья кости.

Ночью 16-го, во полуденной обсерваци, широта ночлега оказалась $71^{\circ}\ 04'\ 20''$. Термометръ показывалъ $18\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. Мы проехали 17 верстъ по берегу и достигли устья *Малой Куропаточной*, которая тутъ шириною около 2-хъ верстъ и течетъ между двумя рядами холмовъ, поднимая восточный; западный находится въ 4-хъ верстахъ отъ берега. Вероятно, некогда все сѣе пространство составляло дно реки. На западной сторонѣ устья находится балаганъ, но мы не остановились здѣсь на ночлегъ, и проехали еще 13-ть верстъ далѣе. Отъ устья *Малой Куропаточной* сначала берегъ низменный, но вскоре снова начинается крутой яръ, вышиною отъ 30 до 35 футовъ; онъ одного образованія съ предыдущимъ.

Здесь вырыл я несколько корней, большую частью березовых, которые были так еще свежи, как будто только что срубленные с дерева, хотя ближайший отсюда лес находится, по крайней мере, в 100 верстах. Узкая низменность между яром и морем состоит из неважного белого песку и покрыта полуставшими махитовыми костями. Здесь не встретили мы намосного леса, хотя песчаные слои показывали, что берег часто покрывается водою.

Ночь 17-го находилась мы под $70^{\circ} 56' 48''$ широты и $155^{\circ} 31'$ численной долготы. Термометр показывал $16\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. Столь теплая погода, в продолжение трех дней, заставляла нас забыть, что мы находимся под 70° северн. широты, если бы нам не напоминали того вечно замерзшая земля и необозримые ледяныя пространства моря. Три дня тому кузались мы в зимней шубы, а теперь легчайшая одежда была уже намъ въ тягость. Солнце в течение 72-хъ часовъ не сходило съ безоблачнаго небосклона. Испаренія Ледовитаго моря, усиливая преломленіе солнечныхъ лучей, безпрестанно изменяли положеніе и окраенность свѣтила: оно, то уменьшалось, то принимало эллиптическую форму, или, по видимому, скрывалось за горизонтъ и вдругъ снова поднималось въ полномъ блескѣ. Такое странное и великолѣпное явленіе продолжалось цѣлый день, и не смотря на пестеринную боль въ глазахъ, отъ яркаго свѣта и сильной рефракціи, я немогъ налюбоваться волшебною картиною. Ночью на 17-е
часть II. 9

число, когда солнце стояло на полуденном меридиане, измерил я секстансом горизонтальный и вертикальный поперечники; первый был $37' 15''$, а второй $28' 20''$.

Юля 18-го показалась на горизонте небольшая облачка, но надь нами небо было ясно. Поднявшийся къ вечеру сильный сѣверный вѣтеръ наполнилъ густыя тучи и принудилъ насъ снова закутаться въ шубы. Плоскій берегъ изрезанъ здѣсь мелкими озерами и покрытъ наносными лѣсами. На разстояніи $19\frac{1}{2}$ верстъ, которыя сегодня мы проехали, впадаютъ въ море четыре рѣки. Первая и значительнѣйшая изъ нихъ называется *Большая Конечная*. Двѣ версты отъ нея *Малая Конечная*. Еще четыре версты далѣе течетъ рѣка, названія которой проводники мои не знали, а наконецъ, четвертая, *Шкулеса*, гдѣ мы расположились ночлегомъ. Всѣ сѣи рѣки называются въ крутыхъ берегахъ, прорѣзывая цѣпь невысокихъ холмовъ. На берегахъ Большой и Малой Конечныхъ выстроены балаганы.

Вьюжныя лошади наши были такъ измучены, что мы разложили часть поклажи ихъ на другихъ, а проводники мои пошли пешкомъ.

Юля 19-го сѣверный вѣтеръ скрѣпчалъ; все утро шелъ дождь, а къ полудню, не смотра на 11° тепла, выпалъ порядочный снѣгъ. После полудня проехали мы 9-ть верстъ по берегу, направились черезъ довольно широкую рѣчку, и проехавъ еще $3\frac{1}{2}$ версты, достигли *Лазачкина*, восточнаго протока рѣки Алазен. Глубокій и бы-

стрый протокъ сей течетъ большими излучинами въ крутыхъ берегахъ, и неподалеку отъ устья разделяется и образуетъ островъ, который отъ W къ O имеетъ до 2-хъ верстъ протяженія. Мы переправились черезъ рѣку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она до 150 сажень ширины, проѣхали $3\frac{1}{2}$ пересты даѣе, и снова переправлясь черезъ другой рукавъ Алазея, такъ называемый Большой Алазейскій протокъ, расположились потомъ недалеко отъ берега на ночлегъ.

Алазея самая значительная рѣка изъ впадающихъ въ море между Колымомъ и Индигиркою. Она вытекаетъ подъ 67° широты, изъ Алазейскихъ горъ, принимаетъ въ себя множество побочныхъ рѣкъ съ горъ и изъ озеръ, довольно глубока, и образуя въ теченіе своемъ крутые изгибы, впадаетъ въ море пятью рукавами; два восточные протока, черезъ которые мы переправлялись, самые важнѣйшіе, а остальные три маловодны и нерѣдко совершенно высыхаютъ.

Рукава Большой Алазейскій и Лагачкинъ образуютъ островъ, въ NNW направленіи нывающій до 12-ти верстъ протяженія. Лагачкинъ рукавъ течетъ при устьѣ, между низменными берегами, чрезвычайно быстро; отъ западной оконечности берега идетъ даѣе въ море длинная песчаная коса. Тутъ, въ великой радости мой, нашелъ и моихъ проводниковъ, Якутскаго старшину Сазонова, съ 6-ю свежими лошадьми для езды. Онъ прѣхалъ сюда по прежде заключенному условію изъ ближайшихъ Якутскихъ селеній (въ раз-

стоянии 150 верст) и ожидать меня уже пять дней.

Слабый ОНО ветер снова охладил атмосферу и 20-го Июля термометр возвысился до 11°. После долгого времени одиночества, общество наше увеличилось и я решился провести здесь целый день. Мы забросили сеть и поймали 6-ть больших вельм и до 20-ти чирков, чья и угостили наших новых знакомцев, а они с своей стороны помогли нам починить лошадиную сбрую и исправить почти развалившиеся лодки.

На другой день, в 4 часа по полудни, отправились мы далее, на свежих лошадях. Десять расстояний луны от солнца определили долготу нашего ночлега в $153^{\circ} 43' 10\frac{1}{2}''$ и убедились, что в верности моего счисления. Склонение магнитной стрелки было $10^{\circ} 00'$ восточное. В 13-ти верстах от ночлега, переправясь еще через один рукав Алазен, мы достигли *Милдаго Алазейского протока* и персвхали через него в брод. Здесь остановились почевать. Низменный берег покрыт был тощю, редкою травой и множеством навозного мса.

Июля 22-го сильный восточный ветер покрыл небо тучами, першел в вечеру на север и загнал густой туман. В полдень термометр показывал $9\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. Мы находились под $70^{\circ} 48' 46''$ широты и $152^{\circ} 59' 44''$ долготы, определенной 10-тью расстояниями луны от солнца. Следу направлению берега, переправившись мы,

въ 6-ти верстахъ отъ ночлега, черезъ рѣчку *Гул-гину*. Провхавъ еще $11\frac{1}{4}$ версты, переправились опять черезъ небольшую рѣчку, которая въ двухъ верстахъ отъ устья рѣки *Влудной*. Она течетъ чрезвычайно быстро, между крутыми берегами, и ширина ея до 80 сажень.

Сильный вѣтеръ не позволилъ намъ переправиться черезъ устье на маленькихъ лодкахъ и принудилъ подвинуться по теченію на N до $5\frac{1}{2}$ версты отъ устья. Здѣсь перетхали мы черезъ оба рукава по льду, и въ 8-ми верстахъ отсюда остановились ночевать при устьѣ рѣки *Винсой*, подъ $70^{\circ} 55'$ счислимой широты и $152^{\circ} 15'$ долготы.

Винсовая рѣка довольно глубока, течетъ между уступистыми берегами и шириною при устьѣ до 80-ти сажень. Юкагиря называютъ ее *Нилою*, потому что быстрымъ теченіемъ поднимаетъ она берега и увлекаетъ съ собою землю, открывая такіе образцы въ нижнихъ слояхъ множество мамонтовыхъ костей. На восточномъ берегу находится балаганъ, юрта и большой деревянный крестъ, по словамъ жителей береговъ Индигирки, выброшенный сюда моремъ, вместе съ наконечнымъ лѣсомъ. На немъ была извѣгда вырѣзана надпись, но я едва могъ разобрать нѣсколько буквъ, безъ всякой связи.

Юля 23-го проехали мы по низменному берегу 26 версты и переночевали у рѣки *Делюковой*. Мы расположились на довольно возвышенномъ мѣстѣ. Ночью сильный сѣверный вѣтеръ нагналъ воду на берегъ и принудилъ насъ искать друго-

го убывающа, но и туда начала достигать волна, такъ, что съ трудомъ переправились мы на близлежащій холмъ. На другое утро, съ переменною вѣтра, вода сбыла, и мы продолжали путь по низменному берегу. Въ 5-ти верстахъ отсюда достигли мы *Колымскаго протока*, восточнаго рукава Индигирки. Рѣзкій сѣверный вѣтеръ охладилъ температуру и въ полдень было только $\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла.

Колымскій протокъ шириною до 3-хъ верстъ и отдѣляетъ отъ твердой земли *Колесовскій островъ*, сѣверная часть котораго была покрыта тушаномъ. Вдоль восточнаго берега прошли мы 6-ть верстъ, переправились чрезъ рѣку *Пропадшую* и въ $5\frac{1}{2}$ верстахъ отъ нея остановились подлѣ устья *Блудной*. Мѣсто ночлега было подлѣ $71^{\circ} 00'$ сѣверной широты и $151^{\circ} 10'$ долготы.

Рѣка *Блудная* течетъ на NW въ Колымскій протокъ; при впаденіи раздѣляется она на два рукава: *Малую* и *Большую Блудную*. Здѣсь нашли мы нѣсколько семействъ прибрежныхъ Индигирскихъ жителей; ихъ привлекли сюда рыбная ловля и хорошія пастбища. У нихъ оставилъ я, подлѣ надзоромъ Якута, моихъ лошадей, а самъ, съ казакомъ и однимъ изъ туземцевъ, отправился на лодкѣ въ селеніе *Едомку*, лежащее въ 60 верстахъ отсюда. Такъ называемое здѣсь *лѣто*, кажетсѣ, уже кончилось: 25-го и 26-го июля шелъ снѣгъ съ градомъ, и въ послѣдніе дни мѣсяца термометръ, подлѣ вечера, показывалъ 1° холода.

Медленно поднималась мы противъ теченія рѣ-

жи, не смотря на то, что четыре собаки тянули лодку бичеюю и проводники гребли, а гдѣ позволяли изгибы рѣки, ставили мы парусъ изъ оленьей шкуры. После 16-ти часовъ пути, мы достигли деревни Едомки, лежащей подлѣ $70^{\circ} 54' 30''$ широты и $151^{\circ} 08'$ долготы, при впадѣніи *Истровой* въ *Кольмскій* протокъ. Селеніе состоитъ изъ трехъ юртъ и одной избы. Онѣ были пусты; всѣ жители занимались рыбною ловлею и охотою. Приближеніе зимы было уже здѣсь замѣтно. Снѣгъ, на полъ-фута глубиною, покрывалъ всю окрестность. Холодный, разскій сѣверный вѣтеръ принудилъ насъ остановиться. Вечеромъ прѣѣхалъ *Индигирскій* ханчанинъ *Кочевниковъ*, издѣясь запастись *Черкесскимъ* табакомъ; здѣшніе жители выманиваютъ его иногда за малую рухлядь и рыбу у проезжающихъ *Русскихъ* купцовъ. Прибытіе этого, по крайней мѣрѣ 80-ти лѣтняго, но добраго и разговорчиваго старика, произвело пріятную перемену въ нашѣмъ обществѣ. Я одарилъ его табакомъ и мы довольно весело провели вечеръ. Зная хорошо всѣ побочныя рѣки и протоки *Индигирки*, онъ обѣщалъ намъ спутствовать до *Русскаго устья*. Мы отправились на другой день вѣчать. Дорогою разсказалъ мнѣ *Кочевниковъ* исторію своей жизни, довольно замѣчательной.

Онъ родился въ *Киренскѣ*. На 15-мъ году жизни взялъ его братъ съ собою въ путешествіе внизъ по рѣкѣ *Лена*. Въ прежнія времена здѣшніе жители, непривыкшіе ничѣмъ къ своей ро-

дний, скудно издѣленной потребностями жизни и не являвшей для нихъ ничего приказательнаго, часто предпринимали цѣлыми обществами подобныя походы, безъ всякой опредѣленной цѣли. Вмѣстѣ съ Кочевниковыми поехали до 40 человѣкъ мужчинъ и дѣтей. Они отправились подъ начальствомъ Киренскаго иеромонаха Афанасія, на когть, вѣнзъ по Ленѣ, въ надеждѣ найти изобильнѣйшія страны. Лѣтъ зиму провели они въ безлюдной тундрѣ, скудно питаясь рыбою, но собрали множество изоментовыхъ костей. На вторую зиму многіе изъ ихъ спутниковъ умерли; въ томъ числѣ былъ и иеромонахъ Афанасій. Тогда старшій Кочевниковъ, какъ опытный водоходъ, принялъ начальство надъ остальными. Они достигли Ледовитаго моря и долго носились по водамъ его, борясь съ безчисленными недостатками и опасностями, и сами не зная, гдѣ находились. Наконецъ при устьѣ рѣки Индигирки потерпѣли они кораблекрушеніе. Здѣсь братья разлучились съ своими товарищами, собрали немногія уцѣлѣвшія вещи и пошли внутрь страны. На берегу рѣки, изобильной рыбою, построили они хижины и провели такъ зиму. Хотя жилище ихъ лежало только въ 15-ти верстахъ отъ селенія Едоки, но съ жителями они не видались, потому что прежде много слышались о хитрости и разбойхъ туземцевъ. На слѣдующее лѣто увидѣли они двухъ человекъ и рѣшились убить ихъ, но прежде нежели братья исполнили свое намѣреніе, объяснилось, что пришельцы бы-

ли также Русскіе искатели счастья. Братья уго-
стили своихъ гостей и они уговорили ихъ предпри-
нять въ четверомъ путешествіе на кочь вверхъ
по Нидигиркѣ. Братья согласились, но на третью
ночь тайно покинули судно и убежали въ свою
хижину.

На мой вопросъ: почему они такъ поступили,
когда настоящее существованіе ихъ не предста-
вляло имъ ничего привлекательнаго, а въ путе-
шествіи они могли надѣяться достигнуть своей
родины? старикъ отвечалъ мнѣ, что въ тѣ време-
на, если товарищи на одной кочѣ раздѣлялись
на двѣ партіи, существовало обыкновеніе при пер-
вой добычѣ выходить на берегъ и рѣшать ору-
жіемъ, кому она должна принадлежать. Видя, что
ихъ товарищи сильные и здоровые люди и не
надеясь съ ними справиться, Кочевниковы рѣ-
шились лучше возвратиться въ свою пустыню.
Здѣсь провели они еще полтора года, и нако-
нецъ на пятую зиму, преслѣдуя оленя, случай-
но приблизились къ селенію Русское Устье, со-
стоявшему тогда изъ 6-ти юртъ. Въ немъ жили
15-ть человекъ Рускихъ. Кочевниковы, кото-
рымъ кочевая жизнь надоела, также тутъ посе-
лились. О товарищахъ перваго своего путеше-
ствія они ничего не слышали.

Старикъ, казалось, былъ очень обрадованъ,
что нашелъ человека, который еще въ первый
разъ слышалъ его походы. Мы прибыли уже
къ Станчикъ 27-го Июля, а онъ все еще продол-
жалъ разсказывать. Небольшое селеніе Станчикъ

состоить собственно из избы, юрты, уроса и двух сараевъ, но тогда было оно особенно живо, потому что все пародонаселеніе Едоэки перебравлось сюда на житье, со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ. Здѣсь волны выкидываютъ на берегъ множество наноснаго лѣса, а рѣчка *Аудушица*, впадающая при селеніи въ Колымскій протокъ, обилуетъ рыбою. Станчикъ лежитъ подъ 70° 51' широты и 150° 12' долготы.

На другое утро (28 Июля), при лѣткѣхъ сѣвернохъ вѣтріи и 3½° тепла, отправились мы далѣе и достигли, послѣ 23-хъ часовъ тѣды, *Русскаго Устья*, гдѣ старый Кочевниковъ принялъ насъ съ истиннымъ гостепріимствомъ. Здѣсь размѣлся я прожить до половины Сентября, пригresti въ порядокъ мои замечанія и описи, и съ наступленіемъ зимы отправиться въ обратный путь ближайшею дорогою, черезъ тундру. Мнѣ отсюда особый довѣ, гдѣ расположился я довольно удобно. Когда погода позволяла, я предпринималъ походы внутрь страны и занимался астрономическими наблюденіями. Между прочимъ, шестью полуденными высотами определялъ я положеніе мѣста въ 71° 00' 19" широты, а 78-мъ разстояніи луны отъ солнца, по 10-ти численіямъ, далъ мнѣ 149° 30' 53½" долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки, по соответствующимъ азимутамъ, было 10° 00' восточное.

Небольшое селеніе Русское Устье состоитъ собственно только изъ четырехъ жилищъ, съ ценностями, принадлежащими къ низъ строеніямъ. Оно

на западномъ берегу западнаго рукава Индигирки, который называется *Русскимъ Устьемъ*.

Въ 2-хъ верстахъ отсюда другая деревенька, *Усть-Елоэ*, при речкѣ сего имени, и состоитъ только изъ двухъ язбъ и трехъ юртъ. Речку въ верхнихъ частяхъ Якуты называютъ *Бурюлихъ*.

Народонаселеніе трехъ селеній: *Едомки*, *Русского Устья* и *Елонскаго Устья*, простирается, по послѣдней ревизіи, до 108 человекъ мужичинъ. Они все Рускіе и называются вообще *Индигирскими жителями*. Главные промыслы здѣсь рыбный ловля, охота и сборъ мамонтовыхъ костей. Рыба составляетъ почти единственную пищу туземцовъ. На берегахъ моря ловятъ они очень искусно песцовъ, и шкуры ихъ, такъ же, какъ мамонтовыя кости, мѣняютъ *Нажис-Кольскимъ* и другимъ купцамъ на разные потребности жизни. Для избежанія споровъ при охотѣ, туземцы раздѣлили между собою всю страну: селенію *Едомки* принадлежитъ пространство до устья *Курудагинной*, а *Русскому Устью* и *Усть-Елонску* земля между рѣками *Яною* и *Кондратьевою*. Говорятъ, что сіи границы строго наблюдаются при устройствѣ ловушекъ для песцовъ.

Летомъ рыбною ловлею занимаются только женщины и дѣти. Мужчины расходятся по тундрѣ на оленью и гусиную охоту, и собираютъ мамонтовыя кости, составляющія одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ здѣшней торговли. Собранныя и шкуры кости складываются вмѣстѣ; каждый хозяинъ заводитъ свою кучку, и зпиво на нар-

такъ отвезить добычу домой. Не помнять припирокъ, чтобы охотникъ завладелъ чужою кучею.

По словамъ здѣшнихъ жителей, гуси и лебеди во время линья гораздо болѣе посѣщаютъ берега Индигирки, нежели Колымы, а напротивъ Колыма изобилуетъ болѣе икосою рыбою. Озера въ окрестностяхъ Индигирки обильны, такъ называемую, *красною* рыбою, которой не должно однакожь смѣшивать съ породами рыбъ, носящими такое названіе въ Россіи.

Индигирскіе жители гораздо трудолюбивѣе и промышленнѣе Колымцевъ, но несмотря на то Колымцы живутъ въ болѣешихъ довольствѣхъ, что происходитъ отъ того, что селенія по берегамъ Колымы лежатъ, такъ сказать, на *большой дорогѣ Якутскихъ купцовъ*, закупающихъ меха, и потому жители Колымы всегда съ выгодой могутъ сбывать добычу своей охоты, продавая меха за чистыя деньги, или променявая на разные потребности жизни. Они не бывають принуждены уступать свои товары купцамъ за какуюнибудь плиту, и въ случаѣ слишкомъ невыгоднаго для нихъ торгова, находя болѣе совѣстливостя между привѣзшими, могутъ ожидать выгоднѣйшаго покупателя. Индигирка, напротивъ, течетъ въ сторонѣ, и возможность сбыта произведеній здѣшняго края ограничивается только малымъ числомъ торговцевъ изъ Якутска и Колымска, предпринимающихъ отдаленное и трудное путешествіе единственно въ надеждѣ на значительную только выгоду. Бѣдные жители Индигирской пустыни принуждены

продать свои товары монополистам по самым дешевым ценам, или лишаться средств приобрести себе самые необходимые потребности, как-то: одежду, меха, и проч. Потому, имея большие склады драгоценных мехов и манотковых костей, съ трудом доставляют себе Индигирцы ежедневное пропитание и часто не въ состояніи приготовить запасовъ на зиму.

Вблизи Русскаго Устья видны слѣды большихъ селеній и становищ, но неизвѣстно кому они принадлежали. По древнему и довольно общему преданію обитало здѣсь некогда многочисленное и могущественное племя Омоковъ; они дзинулись отсюда на западъ, тѣ однакожь, сколько мнѣ извѣстно, не осталось отъ нихъ никакихъ слѣдовъ. Первые Русскіе пришельцы, поселившіеся здѣсь, нашли на берегахъ многочисленныхъ протоковъ Индигирки уже полуразрушенныя юрты, землянки и очаги, и въ нихъ разныя домашніе сосуди. Довольно находить еще иногда здѣсь топоры изъ камня, и разныя орудія, совершенно отличныя отъ употребленныхъ нынѣ. Вообще не одно преданіе, но и самая страна свидѣтельствуетъ, что здѣсь жилъ некогда многочисленный, но въ послѣдствіи исчезнувшій народъ.

Въ Русскомъ Устьѣ посетили меня нескотное множество сосѣднихъ селеній и привезли мнѣ драгоценнѣйшее лакомство, такъ называемый, олений жиръ, т. е. жиръ со спины оленя; съ своей стороны одарилъ я ихъ чаемъ и табаккомъ.

Сентября 2-го показались на Индигиркѣ пер-

выя льдины. Еще прежде при берегах образовались уже закраины, а через три дня рѣка стала, такъ, что 5-го Сентября можно было взлѣзть по ней на саняхъ.

Начальникъ Усть-Лиской экспедиции, лейтенантъ Анжу, прибылъ сюда 23-го Сентября, окончивъ опись берега Ледовитаго моря отъ устья рѣки Яны до Русскаго Устья. Я также привелъ въ порядокъ все свои наблюденія и замѣчанія, и могъ отправиться въ обратный путь.

Время года не позволяло мнѣ возвратиться прежнею дорогою по берегу, ибо такъ морозы гораздо сильнѣе и снѣгъ бываетъ столь плотенъ, что лошади не въ состояніи выгребать изъ-подъ него травы. По сей причинѣ, а также сокращая возвратный путь, рѣшился я ѣхать прямо черезъ тундру. Сентября 28-го отправился я въ партахъ на собакахъ въ селеніе Едожку, а отсюда, на лошадяхъ, поѣхалъ черезъ пустынную, безлюдную тундру къ Якутскому селенію у рѣки Алаземъ, гдѣ перемѣнилъ лошадей, и 6-го Октября прибылъ въ Нижне-Колымскъ.

На 10-ти дневномъ переездѣ не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, кромѣ многочисленныхъ стай волковъ, особенно по ночамъ весьма безпокоившихъ нашихъ лошадей и принуждавшихъ насъ всегда быть готовыми къ оборонѣ. У одной такой полчей стѣи удалось намъ отбить полуоглоданнаго оленя, что было для насъ весьма важно. Вся наша провизія, кромѣ немногихъ сухарей, тогда уже издержалась.

=

ГЛАВА V.

Третье путешествие по льду. Непроторенный. Повороты между
скалами. Плавотворчество. Поездка на север. Нападение
белого медведя. Смерть путешника по льду. Выходу торгов.
Второй съезд торговцев. Разделение экспедиции. Должны при-
знаки земли. События происшедшие. Вторая поездка на север.
День Писем. Ловля медведя. Шлягерский мост. Посещение на
восток. Мохадский. Голод. Привалы в Нижне-Колымске. На-
воднение.

Лето 1821-го года, краткое, но обильное вся-
каго рода неудачами для жителей Нижне-Колым-
ска, миновалось. Наступила долгая, мучительная
зима. Бедствие было всеобщее.

Несчастная олеца охота, и отъ разлитія рѣкъ
и ранняго наступленія зимы неудавшася рыб-
ная ловля, были неизбежнымъ слѣдствіемъ
общій голодъ. Къ тому присоединилось новое,
дошло въ Нижне-Колымскѣ послѣднее несча-
стіе: сильное похвѣтріе на собакъ похитило боль-
шую часть сихъ полезныхъ и необходимыхъ здѣсь
животныхъ.

Летомъ показались уже разныя припавчичья болыши между собаками на берегахъ Идигирки, Яны и Лены, а съ наступленіемъ зимы обнаружилась и въ Колымскомъ округѣ. Зная, что угодь и даже вся возможность моего путешествія по льду зависела единственно отъ числа годныхъ къ вѣдъ собакъ, я употреблялъ всевозможныя средства къ ихъ сохраненію: хотѣлъ собрать, по крайней мѣрѣ, сто здоровыхъ собакъ и немедленно отправить ихъ къ Большому и Малому Чукотымъ, кормить тамъ на счетъ экспедиціи, и для предосторожности прекратить всякое сообщеніе ихъ съ окрестностями. На такъ же собакъ должно было перевезти часть нашихъ рыбныхъ запасовъ въ балагаи, востроенный латомъ при Большой Бараньихъ. Но прежде, нежели успѣли мы привести все въ исполненіе, ноябрь до такой степени усилился, что вместо 98-ти собакъ, необходимыхъ для поѣздки, собрали мы только 31. Тотчасъ были они отправлены къ Чукотамъ и почти всѣ остались живы. Падень усиливался съ морозами со дня на день и распространялся наконецъ по лѣсамъ деревнямъ и селеніямъ округа, до того, что здоровая собака слѣжалась даже рѣдкостью. Жители лѣвѣнскихъ странъ привыкли, такъ сказать, къ ежедневному вообязательнымъ недостаткамъ жизненныхъ припасовъ и переносить такое несчастіе съ какою-то безмолвною покорностію судьбѣ, но потеря собакъ, столь необходимыхъ для нихъ существованія, привело всѣхъ въ отчаяніе. Люди сами дол-

жины были впрягаться въ сарты и на себя перевозить въ свои жилища дрова и собранную на берегахъ разныхъ рѣчекъ рыбу. Наконецъ, безъ собакъ не могли они заниматься единственнымъ своимъ промысломъ, ловлею пушковыхъ зѣбрѣй. Столь безпомощное состояніе распространило повсюду горестъ и уныніе.

Такимъ образомъ встрѣтили мы 1822 годъ. Время отъѣзда нашего приближалось. Видя невозможность достать себе все нужное на Колымѣ, я послалъ надежнѣйшаго казака на берега Индигирки, гдѣ повѣтріе уже прекратилось, поручить ему собрать, по крайней мѣрѣ, 60 собакъ, хорошо накормить, привести въ Большое Чукочье и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Марта 5-го получалъ я донесеніе, что посланный могъ достать только 45-ть хорошихъ собакъ, но привезъ ихъ благополучно въ назначенное мѣсто.

Съ уменьшеніемъ морозовъ повѣтріе начало ослабѣвать; наконецъ оно вовсе прекратилось, но бедные жители Колымска потеряли болѣе четырехъ пятыхъ частей изъ своихъ собакъ. Большее число ихъ сохранилось у казаковъ здѣшней станицы, и видя мое затрудненіе при недостаткѣ необходимыхъ для поѣздки животныхъ, вѣсть съ некоторыми гражданами, добровольно, съ рѣшкимъ самопожертвованіемъ и готовностью предложили они мнѣ 20-ть сартъ, въ полныхъ упряжкахъ. Такимъ образомъ имѣли мы, считая находившихся въ Чукочьенѣ, около 300 собакъ. Къ несчастію, не болѣе 60-ти изъ нихъ,

часть II.

следственно, только пять упряжек, были годны для дальняго путешествія, а остальные слишком слабы и ненадежны. Такое обстоятельство произвело существенную перемену въ первоначальномъ планѣ моего путешествія. Раздѣлить экспедицію на два отряда не было возможности. Также нельзя было начать поѣздки отъ устья Большой Баранки, ибо зимою, при недостаткѣ собакъ, не успѣли перевезти туда необходимаго провіанта. Съ великимъ трудомъ удалось намъ занести все нужное только въ Сузаринъ.

Наконецъ, всѣ приготовленія были кончены и мы могли отправиться въ путь. Нагрузивъ нарты потребностями путешествія, а также остатками запасовъ сушеной и свѣже-замороженной рыбы, я выехалъ 10-го Марта изъ Нижне-Колымска, въ сопровожденіи мичмана Матюшкина, пугрымана Козымина и матроса Нехорошикова *. Кроме пяти нартъ для путешествія, запряженныхъ лучшими и надежнѣйшими собаками, имѣли мы еще 10-ть нартъ для провіанта, которыя какъ и въ прежнихъ путешествіяхъ, тотчасъ по разгрузкѣ должны были возвращаться назадъ. Между проводниками находился одинъ знавшій Чукотскій языкъ и могъ служить, въ случаѣ нужды, переводчикомъ.

Марта 12-го прибыли мы въ Сузаринъ и занялись весь слѣдующій день разными подготов-

* Докторъ Кибертъ, несмотря на ослабѣвшее здоровье, хотѣлъ провожать насъ въ сей экспедицію, но 14-го Марта принужденъ былъ, уже изъ Сузарина, возвратиться назадъ.

ленийя. Марта 13-го начали мы путешествие по Медовитому морю, имея съ собою на 40 дней провизага и на 35-ть дней корма для собакъ. На следующий день достигли Большаго Баранова Камня и по возможности нагружали нарты на-носными лѣсомъ. Знал по опыту, что попадающаея обыкновенно въ сѣхъ странахъ лѣственница тяжела и худо горитъ, еще въ прошломъ году велѣлъ я заготовить березовыхъ дровъ по берегамъ Анюя (по Колымѣ береза не растетъ); они были доставлены въ Пижне-Колымскъ и для большей легкости высушены. Мы взяли съ собой такихъ дровъ на 15-ть дней, и кромѣ того на 10-ть дней (4 пуда) рыбьяго жира, смѣшеннаго съ мохомъ и стружками, а наконецъ у Баранова Камня запаслись лѣственницею, такъ, что нѣтъ топлива дней на сорокъ, отъ чего нарты наши были въ началѣ очень тяжелы.

Въ полдень 16-го числа поехали мы далее, при рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, пасмурной погодѣ и сильномъ снѣгѣ. Сѣверная и сѣверо-западная части Баранова Камня состоятъ изъ циферныхъ утесовъ, въ 6-ть саженъ вышиною, отъѣсно спускающихся въ море, и только нарядка прорѣзанныхъ узкими лѣзвевыми долинами. Прѣзжавъ 8-мъ персть, достигли мы сѣверной оконечности Баранова Камня. Здѣсь стоитъ нѣсколько отдѣльныхъ каменныхъ столбовъ, называемыхъ туземцами *Кежуры*, что придаютъ мысу издали видъ древняго, полуразвалившагося замка.

Дальнѣйшій путь въ море взяли мы на NO

30°. Въ семь направленія нахвренался я проин-
кнуть до $71\frac{1}{2}^{\circ}$ широты, гдѣ мы пересѣкли бы
меридіанъ Шелагскаго мыса, въ разстояніи 150-
ти верстъ. Тамъ предполагалось устроить склад-
ку провіанта и отослать часть партъ въ Нижне-
Колымскъ, а съ остальными продолжать изслѣ-
дованіе на NO и NW. Такимъ образомъ путеше-
ствіе наше послужило бы продолженіемъ про-
шлагогодняго и могло повести къ удовлетвори-
тельнымъ выводамъ о предполагаемомъ существованіи
земли къ сѣверу.

Удалившись на $1\frac{1}{2}$ версты отъ берега, встрѣ-
тили мы значительную гряду неправильныхъ вы-
сокихъ торосовъ и проѣхали между ними 18-ть
верстъ. Не столько усталость, сколько поврежде-
ніе двухъ партъ, заставило насъ расположиться
здесь нацѣлоу. Транспортыя парты далеко
отстали и уже поздно ночью соединились съ на-
ми, въ самомъ жалкомъ положеніи. Отъ воды
черезъ торосы такъ онѣ пострадали, что мы при-
нуждены были большую часть нашихъ березо-
выхъ дрогъ употребить на починку. Сія скуч-
ная работа занимала насъ весьма слѣдующій день,
и только въ 11-ть часовъ 18-го Марта можно было
продолжать путь. Погода была насмурная. При
13° холода и рѣзкомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ
шелъ сильный снѣгъ. Торосы уменьшались, на-
конецъ вовсе прекратились, и вмѣсто того очутились
мы на необозримой равнинѣ, уставленной свѣжы-
ми волнообразными буграми. Въ мягкомъ снѣгѣ
парты не столько повреждались, какъ въ среднія

торосовъ, но зато собаки здесь чрезвычайно утомлялись. Плотность и высота (до 2-хъ саженъ) наносныхъ снежныхъ слоевъ доказывали, что здесь часто выпадаютъ сильный сѣвѣгъ, а направление ихъ заставляло предполагать, что здесь господствуютъ восточные вѣтры.

По полуденному наблюдению находились мы подъ $69^{\circ} 56\frac{1}{2}'$ широты. Счислимой долгота была $0^{\circ} 14'$ на востокъ отъ Бѣлаго Баранова Камня *. Сегодня (18-го Марта) проехали мы только 23-хъ версты, по причине позднего выѣзда, а главнѣйше отъ худого состоянія транспортныхъ нартъ, безпрестанно ломавшихся и принуждавшихъ насъ останавливаться. Намъ удалось убить здесь большого бѣлаго медведя. Мясо и жиръ его подкормили ивичихъ собакъ. Ночью морозъ усилился до 25° . Несмотря на то, что морозъ продолжался весь слѣдующій день, но совершенно безвѣтрію стужа не очень была чувствительна. Къ полудню атмосфера прояснилась. Большой Барановъ Камень вѣднѣ былъ отъ насъ на разстояніи 40 верстъ, по направленію SW 11° .

Съ 9-ти часовъ утра до полудня проехали мы по довольно гладкой ледяной рапшѣ, 18-ть верстъ. Здесь, по полуденному наблюдению, определено $70^{\circ} 12'$ широты въ $0^{\circ} 50'$ восточной счислимой долготы, отъ Баранова Камня. После полудня поехали мы далѣе и сѣдзали сегодня вообще 36-ть верстъ. Сильный сѣверо-западный

* Счислимая долгота показана здесь отъ меридіана Бѣлаго Баранова Камня.

ветер и густая мятель принудили насъ ранее обыкновеннаго расположиться ночлегомъ. Транспортныя нарты сегодня также отстали. Изъ 16-ти три были уже разгружены и отправлены въ Нижне-Колымскъ; 14-ть нартъ поздно ночью соединились съ нами, но не привезли никакихъ вѣстей о духъ остальныхъ. Я весьма безпокоился объ ихъ судьбѣ, потому что здѣсь водятся множество бѣлыхъ медведей. Одинъ изъ нихъ ворвался даже къ намъ въ лагерь, но былъ убитъ, прежде нежели успѣлъ причинить какой нибудь вредъ. Мы провели ночь въ мучительной неизвестности объ участи нашихъ спутниковъ. На другой день, едва начало свѣтать, отправилъ я людей на поиски. Наконецъ прибыли оставшіе и донесли, что потерявъ среди мятели слѣды другихъ нартъ, они принуждены были за наступившею темнотою остановиться и провести холодную ночь безъ огня, почти безъ пищи, въ непрерывномъ страхѣ нападенія бѣлыхъ медведей. Только крикомъ и лаемъ собакъ избавлялись они отъ своихъ ужасныхъ непріятелей. Здѣсь во льду устроили мы складку провіанта, назначеннаго на возвратный путь, и отправили три разгруженныхъ нартъ въ Нижне-Колымскъ.

Северо-западный ветеръ крѣпчалъ и мятель становилась сильнѣе. Термометръ показывалъ 18° холода. Несмотря напасурную погоду, удалось намъ взять полуденную высоту солнца и опредѣлить широту мѣста въ 70° 19 $\frac{1}{2}$ '; синимал долгота 1° 6' восточная.

Марта 21-го вѣтеръ стихъ и перешелъ къ востоку. Небо нѣсколько прояснилось, но края небосклона были покрыты тучами. Термометръ показывалъ 19° холода. Въ 10-ть часовъ поехали мы dalje, черезъ торося, къ сѣверо-восточному направленію. По полуденному наблюденію находились мы подъ 70° 26' широты и 1° 22' сѣв. сѣв. долготы на востокъ. Вечеромъ удалось намъ убить большаго бѣлаго медведя, который въ жару сраженія ранилъ трехъ нашихъ лучшихъ собакъ. Нѣкоторые изъ проводниковъ, недополучивъ тощаго пищенія, рѣшились, не смотря на всеобщее отращеніе, отведать поджареннаго медвѣжьего мяса и утверждали, что оно очень вкусно. Въ ночи термометръ, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, показывалъ 25° холода.

Исправивъ поврежденныя въ торосяхъ карты, мы отправились 22-го Марта dalje. По полуденному наблюденію определена широта 70° 39', а сѣв. долгота была 1° 51' восточн. Склоненіе ручнаго компаса было 14 $\frac{1}{2}$ ° восточн.

Съ болышнимъ трудомъ встаскивали собаки варты наши изъ глубокаго снѣга на высокіе торося; потому мы подвигались весьма медленно и проехали сегодня только 1 $\frac{1}{2}$ -ть верстъ, когда наступленіе ночи и общая усталость принудили насъ остановиться. Транспортныя варты прибыли къ намъ шесть часовъ послѣ насъ. Опасаясь, чтобы сильная вѣтель, затемнявшая воздухъ, не разсыпала ихъ, я передъ отъѣздомъ приказалъ имъ держаться всѣмъ вместе. Такимъ образомъ

были онъ въ состояніи подавать взаимно помощь, и наконецъ, послѣ многихъ трудовъ и опасностей, все счастливо съ нами соединились.

Къ общей радости, 23-го Марта подулъ, такъ называемый во всей сѣверо-восточной Сибири, теплый вѣтеръ, съ ОСО. При ясной погодѣ оказывалъ онъ самое быстрое вліяніе на температуру, такъ что ртуть термометра въ короткое время подыалась до $1\frac{1}{2}^{\circ}$ градусовъ холода. Мы спѣшили воспользоваться благоприятною погодою. Палатки, нарты и шесты въ янгѣ обильнымъ намокнувшимъ платьемъ и бѣльемъ для сушки. Вывѣшенные одежды, общая заботливость найти себѣ лучшее, болѣе вѣтру подверженное мѣсто, и наконецъ видное наслажденіе отъ вѣявшаго теплаго воздуха, составляли комическую картину.

Отсюда посылалъ я г-на Матюшкина, съ двумя нартами, на востокъ, для изслѣдованія: не становятся ли тамъ торосы проходимѣе? Часа черезъ два онъ возвратился съ извѣстіемъ, что къ востоку торосы не уменьшаются, но на западѣ замѣтили довольно гладкую полосу льда, по которой, вѣроятно, ѣзда будетъ удобнѣе. Мы тотчасъ нагрузили нарты и отправились на западъ. Въ полдень находились мы подлѣ $70^{\circ} 42'$ шпроты и $1^{\circ} 51'$ сѣв. долготы на востокъ.

Но и здѣсь скоро въстрѣтили мы огромные крутые торосы. Ѣзда между ними была сопряжена съ большими опасностями и трудами. Между прочимъ, при переправѣ черезъ одинъ изъ высочайшихъ торосовъ, когда подыались мы на са-

ную вершину его, ремень, прикреплявший упряжь къ ногамъ саней, лопнулъ. Собаки стремглавъ полетѣли внизъ, а я съ мартою остался педен-жать на вершинѣ. Къ несчастью, собаки встрѣ-тили сызкій медвѣжьей слѣдъ, съ лапой и лапго-мъ бросились за зверемъ и вскоре исчезли у насъ изъ вида. Положеніе наше было критическое. Потерявъ лучшую упряжь, надобно было оста-вить мою варту. Мы долго и напрасно искали убежавшихъ собакъ, и наконецъ нашли ихъ, поч-ти въ четырехъ верстахъ отъ насъ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Длинный ремень, колотась за ними, зацѣпился въ трещинѣ между дву-мя льдинами и остановилъ ихъ, причѣмъ онъ совершенно выбилъ изъ силъ, стараясь выр-ваться.

Хотя въ теченіе четырехъ часовъ пробыли мы только 6-ть верстъ, но принуждены были оста-новиться на ночлегъ и расположились подъ за-щитою льдины, величиною во все стороны до 8-ми сажень. На SW лежала длинная гряда вы-токнухъ торосовъ. Какъ обыкновенно, транспорт-ныя карты остались вблизи къ ночлегу 6-ю часами позже насъ; въ теченіе 10-ти часовъ по-двинулись онѣ только 6-ть верстъ. Ночью ветеръ перешелъ на SW и началъ кричать, но къ ут-ру стихъ и мы вышли при облачномъ небѣ и 11° холода. Около полудня шелъ снѣгъ.

Трудность сегодняшняго (24-го ч.) путеше-ствія превосходила все доселѣ нами испытанное. Съ помощью вѣпней приближались мы черезъ гряды

ду плотных торосов, немощной вышивы. Лед их был чрезвычайно тверд. Местами был он сыпанъ съ голубоватою глиною и крупнымъ пескомъ. Почти на каждомъ шагу ломались нарты и рвалась упряжь. Несмотря на все предосторожности, сами скользили съ гладкихъ хребтовъ торосовъ и падали въ промежутки, подобные оврагамъ. Вытаскивать оттуда нарты, держась на узкой и скользкой полосе льдинъ, стоило несказанныхъ трудовъ. Люди и собаки совершенно измучились. Весь, больше или меньше, были ушибены. После 6-ти часовъ непрерывныхъ усилій подвинулись мы только на 5-ть верстъ, и для отдыха, а преимущественно для исправленія поврежденныхъ саней, рѣшились остановиться. Особенно транспортныя нарты сильно повредились и причинили намъ безпрестанныя остановки. Потому положили мы здѣсь во льду устроить главный складъ запасовъ и все разгруженныя нарты отправить въ Нижне-Колымскъ. Тотчасъ приступили къ работѣ, вырубали во льду два большія углубленія и положили туда все наши запасы и кормъ для собакъ. Сверху покрыли все тщательно большими льдинами, а шели и скважины между ними засыпали сугломъ и залили водою, такъ, что при морозѣ въ короткое время образовалась твердая масса, непроницаемая для медведей. Окончивъ работу, принялись мы за починку нартъ; и тутъ также много было дѣла. Проводники наши, возвращавшіеся въ Нижне-Колымскъ, такъ рдова-

лись избавленію отъ немоварно труднаго путешествія, что несмотря на усталость, весело и дружно принялись за работу и скоро все кончили. Остатокъ дня провели они въ пѣсняхъ, пляскахъ и разныхъ играхъ.

Къ вечеру атмосфера прояснилась и мы увидѣли на горизонтѣ два возвышенія. Одно изъ нихъ лежало на SW 19°, и мы приняли его за Большой Барановъ Камень. По счисленію отстоялъ онъ отъ насъ въ 130 верстахъ. Другое лежало на SW 5°, но были ли то дѣйствительно горы, или только густая облака и пары, точно сказать было невозможно.

По пеленгамъ перваго возвышенія опредѣлять я положеніе наше, совершенно согласовавшееся съ счисленіемъ. Оказалось, что дальнѣйшій восточный пунктъ нашей прошлагодней поѣздки находился отъ насъ въ 30-ти верстахъ къ западу. Мы провели здѣсь ночь и на слѣдующее утро 20-го отослали 13-ть разгруженныхъ нартъ въ Нижне-Колымскъ.

На каууцъ отправилъ я г-на Матюшкина, на двухъ нартахъ, съ провизіею на пять дней, въ сѣверо-восточномъ направленіи для изслѣдованій, а сегодня самъ, въ сопровожденіи г-на Козьмина, на трехъ нартахъ, съ провизіею на три дня, поѣхалъ прямо на сѣверъ. Мы условились соединиться 20-го числа у замоченнаго склада провіанта, гдѣ для облегченія собакъ оставили намъ большой уросъ. Отъѣхавъ 14-ть верстъ отъ мѣста ночлега, находились мы, по полуденному ша-

блюдения, подь $70^{\circ} 52'$ широты и $1^{\circ} 56'$ сближной восточной долготы. Здесь мало по малу исчезают торосы, состоящие изъ вѣчнаго, некогда плавящаго льда, а мѣсто ихъ заступаютъ другіе, образованныя отъ плавленія льдинъ. Они отличаются отъ предыдущихъ зеленоватосиними пятнами, обнаженными острыми вершинами и нѣкоторою правильностью формъ. Мы встрѣтили гладкую, непокрытую снѣгомъ полосу льда (вѣроятно, недавно замерзнувшую полярною) по направленію на WNW. Прѣхавъ по ней около 5-ти верстъ, къ изумленію удивленію, замѣтили мы старыя сапные слѣды, и по ближайшему наблюдению оказались они нашими, сохранившимися отъ прошлогодней поѣздки. По счисленію находились, мы по крайней мѣрѣ, въ 85-ти верстахъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ прошломъ году зашли; должно предпологать, что господствовавшіе здѣсь во все лѣто сѣверо-западные вѣтры подвинули цѣлкомъ всю ледяную поверхность на востокъ.

Между новыми торосами попадались нѣмъ нѣмъ торосы стараго образованія, и послѣ одного изъ нихъ расположились мы ночевать, прѣхавъ 51-цу версту. Бока тороса были совершенно покрыты крупнымъ пескомъ, что мы и прежде уже неоднократно замечали при торосахъ стараго образованія. Вечеромъ и ночью небо было ясно; термометръ показывалъ 20° холода, при слабыхъ юго-восточныхъ вѣтрахъ. Весь горизонтъ былъ обставленъ торосами, и только нѣредка попадались

разломанный ледъ, смешанный съ снегомъ и пескомъ.

Путру 27-го Марта находились мы подъ 71° 13' широты; солнечная долгота была 2° 13' вост. Г-нъ Козминъ, съ вершины тороса, увидѣлъ на NO два холма; тотчасъ навели мы въ ту сторону зрительныя трубы, но ничего не могли открыть. Простыми глазами можно было довольно ясно отличать два темно-синія возвышенія, окруженные, какъ горы, и то исчезающія, то снова являвшіяся. Высочайшее изъ нихъ занесено было на NO 40°. Мнѣнія наши относительно нихъ были различны, но мы оба, и я и г. Козминъ, навѣрное полагали, что видныя землю, а наши проводники утвержи, что то были подымавшіеся изъ открытаго моря пары, издавающія темнo-синій цвѣтъ.

Отъѣхавъ отсюда съ версту на NO 40°, встрѣтили замерзшее во льду и почти уже сгнившее дерево. Чемъ далѣе ѣхали въ, тѣмъ явственнѣе становились замѣченныя нами возвышенія, и скоро явились они надъ недалекой гористой землей. Холмы резко окривились; мы могли различать долины и даже отдѣльные утесы. Все утѣрило изъ, что послѣ долгихъ трудовъ и препятствій открыла мы исконную землю. Поздравляя другъ друга съ счастливымъ достиженіемъ изъ, мы спѣшили далѣе, надѣясь еще до наступленія вечера вступить на желанный берегъ. Но наша радость была непродолжительна и всѣ прекрасныя надежды наши исчезли. Къ вечеру, съ пе-

реального освещения, наша *ночноткрытая* земля подвинулась по направлению юга на 40° , а через несколько времени еще обхватила она весь горизонтъ, такъ, что мы, казалось, находились среди огромнаго озера, обставленнаго скалами и горами.

Потерлиъ едва родившуюся надежду, остановились мы въ самомъ несприятномъ расположеніи духа на ночлеги, проехавъ сегодня между торосами всего 40 верстъ. При 16° холода вьѣлъ рвзній ОНО вьтеръ. На другое утро (28-го), къ досади, увидѣли мы повтореніе вчерашняго оптическаго явленія. По стряному преломленію лучей, отраженныхъ отъ дальнихъ и ближнихъ торосовъ на низшихъ, сгущенный парами слой атмосферы, казалось намъ, что мы находились среди низменной, изрытнной плоскими холмами тундры. Проехавъ еще $11\frac{1}{2}$ верстъ, мы достигли, по полуденному наблюденію, $71^{\circ} 34'$ широты и $2^{\circ} 50'$ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было 17° восточное. Не замѣтивъ ни малѣйшаго уменьшенія торосовъ, и не предвидя, по прежнимъ опытамъ, никакой скорой перемены, и рѣшился возвратиться отсюда назадъ, чтобы въ опредѣленное время прибыть къ нашей складкѣ провіанта. Возвратный путь нашъ былъ скорѣе, отъ того, что собаки вообще по знакомой дорогѣ бѣгутъ быстрее и охотнѣе, а отчасти и отъ того, что при нашей повзакѣ сюда мы, по возможности, слѣдили труднѣйшія мѣста. До заката солнца проехали мы 50-ть верстъ.

Марта 20-го свежий восточный ветер распространял в атмосфере влажность. Термометры показывали 9° холода. В снегу видны были следы медведей и снутиков их песцов. Поздно вечером прибыли мы къ складу съ провизии, гдѣ г-нъ Матюшкинъ ожидалъ уже насъ съ утра. Онъ ѣздилъ по северо-восточному направлению, и пройдя въ три дня 90 верстъ, достигалъ 71° 10' широты, а по долготѣ почти меридіана Пешаного мыса. Торосы на пути его являлись рѣже, но глубокій, рыхлый снег весьма затруднялъ ѣзду. Подобно зимѣ, онъ видѣлъ на горизонтѣ снѣгу и принималъ ее за ледяную землю. Кромѣ многихъ песцовыхъ следовъ, замѣтилъ онъ следъ лисы, что въ такомъ дальномъ разстояніи отъ берега было большою рѣдкостью.

На пути одинъ изъ нашихъ проводниковъ, знавшій Чукотскій языкъ, занемогъ сильными желудочными припадками. Къ счастью, съ нами былъ Юкагиръ, съѣзжавшій въ Оюконгъ цырюльникомъ; никогда, даже и въ путешествіи нашемъ, не разставаясь онъ съ своимъ ланцетомъ. Видно обрадованный случаю показать свое искусство, тотчасъ рѣшился онъ пустить кровь и окончилъ операцію очень снѣжливо. Не могу утверждать, чтобы действительно отъ того больной почувствовалъ облегченіе, но слабость его заставляла насъ целый день оставаться на мѣстѣ.

Всѣ мы равно страдали въ то время болѣю въ глазахъ, происшедшую отъ яркаго блеска осенняго снѣга, но болѣзнь была уже намъ зна-

кома изъ прежнихъ повозокъ, и мы облегчали ее натирая глаза спиртомъ, а потомъ при помощи очковъ изъ чернаго флера вовсе отъ нея избавились.

Пользуясь невольнымъ бездѣйствіемъ, вырыли мы изъ льда провѣзій на 20-ть дней и нагрузили ею наши нарты.

Въ 2 часа по полудни, 31-го Марта, отправились мы далее, по прежнему прямому сѣверному направленію, ибо оно казалось намъ удобнѣе сѣверо-восточнаго. Отъѣхавъ только 12-ть верстъ, расположились на ночлегъ. Вечеромъ и ночью было совершенное безвѣтріе. Все небо застилалось густыми облаками. Но на слѣдующее утро (1-го Апрѣля) поднялся восточный вѣтеръ, перешелъ къ полудню на югъ и очистилъ горизонтъ. Сегодня проѣхали мы только 20-ть верстъ. Медленность происходила главнѣйше отъ того, что почти всю дорогу шли мы пѣшкомъ, и нередко, вместе съ собаками, тащили тяжело нагруженные нарты.

По случаю дня Св. Пасхи (2-го Апрѣля) оставались мы на мѣстѣ. Двойная порція мяса и по две чарки пива на каждого распространили между нами проводниками веселье, и оно еще болѣе поддерживалось въ нить теплою и ясной погодою. Они пѣли, плясали, стрѣляли въ цель изъ ружей и луковъ. Такъ провели мы цѣлый день.

На слѣдующее утро благопріятная погода продолжалась; мы поѣхали далее, но среди частыхъ

и высоких торосов подвинулись только на 18-ть верст. При переезде через одну гряду их сорвался нарты, сильно ушибла двух проводников и задавила одну из наших лучших собак, что было для нас само чувствительною потерей. Вообще мы испытали в нынешнюю поездку разные бедствия и неудачи. Так, например, 4-го Апреля проехали мы только 13-ть верст и уже принуждены были остановиться, потому что в торосах полозья трех наших нарты сложились.

Исправить по возможности безаварийные дротики повреждения, 5-го числа отправились мы далее, по гладкому льду, покрытому разломами и мелкими соляными кристаллами. В 9-ти верстах от ночлега увидели тюленя; он грався на солнце, но заметив нас тотчас нырнул в продушину. Ледь здесь был около $1\frac{1}{4}$ аршина в толщину; глубина моря 12-ть сажень; грунт его зеленоватый ил. Термометр в воде показывал $1\frac{1}{2}^{\circ}$, а на воздух 3° холода. Заметно было довольно сильное течение на OSO. Проехав 96 верст, остановились мы ночевать и выставили караулы для предохранения себя от внезапного нападения медведей, следы которых попадались нам во множестве. Сегодня видели мы странное явление: свежий восточный ветер нагнал туман на всю окрестность, и проникнув в короткое время наши плащи и палатку, покрыть все толстым слоем инея.

Проехав 6-го Апреля 30-ть верст, мы достигли

часть II.

II

того самого места, откуда 28-го Марта начали обратный путь къ складкѣ съ пропантомъ, такъ, что намъ потребно было 7-мь дней на проездъ такого пространства, которое тогда проехали мы въ 2½ дня, разумеется съ легчайшими нартами. На 10-й верстѣ отсюда расположились мы пологомъ. Къ северу тянулся рядъ высокихъ, частыхъ торосовъ, очевидно болѣе стараго, нежели новаго образованія, затруднявшихъ каждую особенно глубокимъ спускомъ, который наполняли между ними промежутки. Проводники наши были принуждены безпрестанно поддерживать нарты и тащить ихъ, влечь съ собаками. Отъ изнѣмныхъ успѣй, едва только выздоровѣвшій проводникъ нашъ снова началъ страдать желудкомъ и привелъ насъ тѣмъ, при совершенномъ недостаткѣ пособій (кроме ланцета Юлгирскаго Эскулапа), въ большое затрудненіе. Видя безнадежное положеніе наизне и разсуждая, что больной и впредь будетъ принимать намъ частыя остановки, рѣшился я отослать его въ Нижне-Колымскъ, несмотря на то, что мы находились въ 250 верстахъ отъ земли и 390 верстахъ отъ нѣраго обитаемаго мѣстечка. Хотя такое уменьшеніе нашего общества было крайне стѣснительно, но для отклоненія худшихъ послѣдствій оставалось одно средство, и я отправилъ больнаго, съ двумя проводниками, на крѣпкой нартѣ, запряженной не 12-тью, а 24-мя собаками. Оставшiеся отъ того парту безъ упряжки разобрали мы для употребленія на починку другихъ. Лишнюю провизію и другія, не столь

нужныя вещи зарыли мы здесь въ ледъ на обратный путь. Большой уростъ отдачи былъ нами возвращавшимся во свои, а себя оставили мы только нару вологовъ, или небольшихъ лѣтнихъ палатокъ. Насъ оставалось теперь только идти человекъ, на трехъ партахъ.

Цю ночь и слѣдующій день густой туманъ покрывалъ окрестности, и только поутру слабый сѣверный вѣтеръ очистилъ на короткое время атмосферу. Термометръ показывалъ 5° холода.

Пройхавъ 3 версты, по довольно гладкому льду, мы снова встретили купы плотныхъ торосовъ; глубокіе промежутки между ними были наполнены рыхлыми суглоемъ. Съ высочайшей льдины осмотрѣли мы горизонтъ. Вся поверхность льда была изрезана частыми грядами торосовъ. Оставалось одно средство: проложить себѣ дорогу пещинами. После 5-ти часовъ непрерывныхъ усилий удалось намъ пробиться до удобившейся дороги и прохажь 13-ть верстъ среди непрерывныхъ большихъ и малыхъ торосовъ, новаго и стараго образованія. Двѣ парты сильно повредились и далеко отстали, такъ, что только поздно ночью соединились со мною.

На слѣдующій день снова пробивались мы черезъ высокую стѣну торосовъ на разстояніи двухъ верстъ и достигли гладкой полосы льда до $5\frac{1}{2}$ верстъ въ ширину, ограниченной на сѣверъ стѣною высокихъ взгроможденныхъ льдинъ. Съ вѣтъ на большое протяженіе можно было осмотрѣть горизонтъ. На сѣверъ тянулись, параллельно одинъ

другому, нѣсколько рядовъ торосовъ свѣжаго ледя
и зеленоватого цвѣта. Издали были они подобны
огромнымъ волнамъ океана. По сѣю сторону ихъ
визнчалась узкая, безмяжная полоса, какъ рѣка
между ледяными утесами. На югъ возвышались,
будто покрыты снѣгомъ горы, исполинскіе торо-
сы стараго образованія. Дикая неровность сей ча-
сти моря придавала ему видъ страны, порытой
глубокими оврагами и ущельями.

Противоположность южныхъ старыхъ торосовъ
новымъ, свѣрхне лежащимъ, была слишкомъ
резка и не оставила сомнѣнія, что мы достигли
предѣла Сибирскаго прибрежнаго твердаго льда,
и что передъ нами море неограниченное съ сѣ-
вера никакою близкою землею. Мы переправи-
лись еще чрезъ двѣ кучы торосовъ и располо-
жились у третьей на ночлегъ. На пути видѣли
мы нѣсколько полейшій, еще незамерзшихъ; глуби-
на моря была въ нихъ $14\frac{1}{2}$ сажень; грунтъ зе-
леноватый илъ. Здѣсь снова зарыли мы въ ледъ
часть нашихъ запасовъ, чтобы съ облегченіемъ
партами удобнѣе можно было пропихнуть на сѣ-
веръ.

Апрѣля 9-го, при ясной погодѣ и слабомъ во-
сточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 10° хо-
лода. По полуденному наблюденію выходилась
мы подъ $71^{\circ} 50'$ широты и $3^{\circ} 20'$ сѣверной дол-
готы. Склоненіе магнитной стрѣлки было $18\frac{3}{4}^{\circ}$
восточное.

Переправляясь черезъ ледяную гряды, подлѣ ко-
торой ночевали, мы очутились среди дикой, не-

правильной кумы торосовъ. До сихъ поръ ничего подобнаго мы еще не видывали. Работая непрерывно семь часовъ пеминимъ, проехали только три версты. Видя, что въ качествъ льдовъ нельзя ожидать никакой перемены, и опасаясь отъ крайняго изнуренія собакъ и сальнаго поврежденія нартъ лишиться того и другаго, я рѣшился спросить у сопровождавшихъ меня офицеровъ ихъ мнѣнїя: полагають ли они возможнымъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, проникнуть на большое разстоянїе къ сѣверу? Оба единодушно объявили, что еслибы даже ледъ оставался дѣлѣ твердымъ и надежнымъ, и тогда, съ утомленными собаками, среди непрерывныхъ торосовъ, въ теченїе цѣлой недели подвигнется мы впередъ не болѣе 30-ти верстъ. Такое мнѣнїе, основанное на прежнихъ опытахъ и мною вполне раздѣляемое, побудило меня возвратиться отсюда назадъ. Но желая устранить причины упрека себя въ пассивности, я поручилъ г-ну Матюшкину, на усердіе и распорядительность котораго можно было совершенно положиться, захватъ въ пустой нартъ, съ двумя проводниками, къ сѣверу, съ тѣмъ, чтобы болѣе увѣриться: можно или нѣтъ проникнуть еще далѣе? Онъ отправился 10-го Апрѣля. Ночью, при посредственной вѣтрѣ, слышали мы трескъ ломающагося льда. По утру поднялся рѣзкій сѣверный вѣтеръ. Термометръ показывалъ 8° холода.

Сегодня слышали мы нѣсколько наблюденій надъ лавошесіемъ магнитной стрѣлки.

Обращая делениемъ къ О:

верхній конецъ стрѣлки $81^{\circ} 00'$

нижній ————— $81^{\circ} 15'$

Среднее..... $81^{\circ} 7\frac{1}{2}'$

Обращая делениемъ къ W:

верхній конецъ стрѣлки $81^{\circ} 00'$

нижній ————— $81^{\circ} 15'$

Среднее..... $81^{\circ} 7\frac{1}{2}'$

Среднее наклоненіе стрѣлки $\approx 81^{\circ} 7\frac{1}{2}'$

Склоненіе ея по азимутамъ было $18^{\circ} 45'$ восточное. Полуденная высота солнца дала намъ $71^{\circ} 52' 19''$ широты и $3^{\circ} 23'$ восточной долготы. Глубина моря была $14\frac{1}{4}$ сажень; грунтъ зеленоватый пль.

Послѣ шести часового отсутствія, г. Матюшкинъ возвратился. Онъ переходилъ черезъ множество высокихъ, почти непреступныхъ торосовъ, переправлялся черезъ открытыя полыньи, и не смотря на легкость пустой нарты проехать только 10-ть верстъ въ прямомъ сѣверномъ направленіи. Наконецъ разломанный ледъ и открытое море перерезали ему дорогу. Здѣсь было онъ свидѣтелемъ явленія, возможнаго только въ полярныхъ странахъ, съ которыми обыкновенный ходъ льда изъ самыхъ величайшихъ и быстрѣйшихъ рѣзкахъ не имѣетъ никакого подобія: Ледовитое море слергало съ себя оковы зимы; огромныя ледяныя поля, поднимаясь почти перпендикулярно на хребтахъ бунующихъ волнъ, съ трескомъ сплывались и исчезали въ приближавшей пу-

чить, и потому снова показывалось на изрытой поверхности моря, покрытой льдом и песком. Невозможно представить себе чтонибудь подобное сему ужасному разрушению. Необразимая, мертвая, одноцветная поверхность колеблется; ледяные горы, как легкія щепки, возносятся къ облакамъ; непрерывный громоподобный трескъ ломающихся льдинъ сменяется съ плескомъ бушующихъ волнъ, и все въострѣ представляетъ единственную въ своемъ родѣ, ни съ чѣмъ не сравнимую картину. И такъ путь на северъ былъ нами отрезанъ. Возвращаясь, г. Матюшкинъ во многихъ мѣстахъ не находилъ болѣе слѣда своихъ саней, и видѣлъ, вмѣсто нихъ, большія пространства покрытыя водою.

Мы должны были свѣшнуть въ ближайшему складу нашего провіанта, пока еще ледъ держался. *Нагрузивъ карты наши, лавы* удалось найти среди торосовъ менѣе затруднительную дорогу, и по ней 10-го Апрѣля проехали мы 16 верстъ, въ WNW направленіи. Отъ юга на северъ видно было множество слѣдовъ медвѣдей, вѣроятно, проходившихъ къ поманькамъ за тю-лешами.

Апрѣля 11-го, при слабомъ морозѣ, встать спѣшь. Мы поехали подъ 71° 51' широты и 29 52' счислительной долготы; потомъ ѣхали по довольно гладкому льду, на WNW, но скоро опять встрѣтились старые торосы. Пачтываясь направить путь къ NO, осмотрѣли мы прежде окрестности съ ледяной горы, имѣвшей до 15 саженъ вышины. Штормы

непроходимые торосы окружали пасть со всех сторон, но глухой треск, подобный отдаленному грому, и густые белые пары, во множестве подымавшиеся между NO и NW, ясно предсказывали скорую разломку и неадекватность здесь морского льда. Мы никак не могли заметить, что если твердый и толстый лед трескается, то от внезапного прикосновения воздуха, из воды, смотри по состоянию атмосферы, поднимаются пары, принимая обыкновенно вид вертикальных темпо-слизких столбов.

Пропекуть далее на север не было возможности, и мы направили путь к западу, вдоль торосов старого образования, до того места, где они принимают того-западное направление. Здесь расположились мы ночлегом, к 24-х верстах от вчерашнего ночлега. Остаток рыбного жира от дневной теплоты растаял, а дровяной запаса наш так уменьшился, что мы могли только раз в день разводить огонь, чтобы сварить на нем чай и пищу, а остальное время довольствовались сухим или мороженою рыбою и утоляли жажду спиртом.

Апреля 19-го отправил я г. Матюшкина, с поручением: исследовать старые торосы и поискать еще прохода на север. Через три часа возвратился он, с известием, что хотя и трудно, но возможно одиночку пройти в том направлении далее. Мы тотчас собрались в путь. Пройдя только шесть верст, заметили мы, что лед оказался весьма топким, скользким и во мно-

гихъ мѣстахъ покрывался разсоломъ, что было несомнѣннымъ признакомъ скорой разморки льда. Я не смѣлъ вѣхать далѣе, особенно при свѣркомъ вѣтрѣ, все болѣе и болѣе усиливавшемся. Глубина моря равнялась $1\frac{1}{2}$ саженимъ; грунтъ его состоялъ, не изъ зеленоватого пла, а изъ крупнаго песку.

Мы находились подъ $72^{\circ} 2'$ широты, въ 262 верстахъ, прямо на сѣверъ, отъ Большаго Баранова Камня. Качество льда и постепенно увеличивалось, но мѣръ удаленія отъ берега, глубина моря, дали намъ причину съ вѣроятностью предполагать, что если дѣйствительно существуетъ на сѣверѣ неизвѣстная земля, то мы достигли еще не болѣе половины разстоянія ея отъ береговъ Сибири. Впрочемъ, не сіе соображеніе, а единственно физическая невозможность заставила насъ отказаться отъ намѣренія проникнуть далѣе въ сѣверъ. Мы рѣшились, направивъ путь на востокъ, попытаться достигнуть меридіана Шелагскаго мыса, ибо въ данной мѣѣ инструкцій исконая земля полагалась прямо на сѣверъ отъ сего мыса, что и побуждало меня возвратиться отсюда. Къ вечеру пріѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ ночевали 10-го Апрѣля.

Апрѣля 13-го достигли мы склада съ провіантомъ, заложеннаго 6-го Апрѣля, и замѣтили въ окрестностяхъ множество медвѣжьихъ слѣдовъ. Вѣроятно, медвѣди были привлечены сюда запахомъ нашихъ припасовъ, но не могли проникнуть къ нимъ сквозь ледяную покрывку. Открывъ пеш-

непроходимые торосы окружали нас со всех сторон, но глухой треск, подобный отдаленному грому, и густые синие пары, во множестве подымавшиеся между NO и NW, ясно предвещали скорую разломку и ненадежность здесь морского льда. Мы были случаи заметить, что если твердый и толстый лед трескается, то от внезапного прикосновения воздуха, из воды, смотря по состоянию атмосферы, поднимаются пары, принимая обыкновенно вид вертикальных темно-синих столбов.

Проникнуть далее на север не было возможности, и мы направили путь к западу, вдоль торосов старого образования, до того места, где они принимают юго-западное направление. Здесь расположились мы ночлегом, в 24-х верстах от вчерашнего почтага. Остаток рыбьего жира от дневной теплоты растаял, а дровяной запас так уменьшился, что мы могли только раз в день разводить огонь, чтобы сварить на нем чай и пищу, а остальное время довольствовались сухою или мороженою рыбою и утоляли жажду снегом.

Апреля 19-го отправил я г. Матюшкина, с поручением: исследовать старые торосы и поискать еще прохода на север. Через три часа возвратился он, с известием, что хотя и трудно, но возможно однакож проникнуть в северном направлении далее. Мы тотчас собрались в путь. Пройдя только шесть верст, заметили мы, что лед оказался весьма тонок, шестая и во мно-

гихъ мѣстахъ покрывалася разсоломъ, что было несомнѣннымъ признакомъ скорой разломки льда. Я не смѣлъ ѣхать далѣе, особенно при сѣверномъ вѣтрѣ, все болѣе и болѣе усиливавшемся. Глубина моря равнялась $14\frac{1}{2}$ саженимъ; грунтъ его состоялъ, не изъ зеленоватого ила, а изъ крупнаго песку.

Мы находились подъ $72^{\circ} 2'$ широты, въ 202 верстахъ, прямо на сѣверъ, отъ Большаго Баранова Камня. Качество льда и постепенно увеличившаяся, по мѣрѣ удаленія отъ берега, глубина моря, дали намъ причину съ вѣроятностью предполагать, что если дѣйствительно существуетъ на сѣверѣ неизвѣстная земля, то мы достигли ея не болѣе половины разстоянія ея отъ береговъ Сибири. Впрочемъ, не сіе соображеніе, а единственно физическая невозможность заставила насъ отказаться отъ намѣренія проникнуть далѣе въ сѣверъ. Мы рѣшились, направивъ путь на востокъ, попытаться достигнуть меридіана Челюскаго мыса, ибо въ данной намъ инструкціи некомпетентная земля полагалась прямо на сѣверъ отъ сего мыса, что и побуждало меня возвратиться отсюда. Къ вечеру пріѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ ночевали 10-го Апрѣля.

Апрѣля 13-го достигли мы склада съ провіантомъ, заложеннаго 6-го Апрѣля, и замѣтили въ окрестностяхъ множество медвѣжьихъ слѣдовъ. Вѣроятно, медвѣди были привлечены сюда запахомъ нашихъ припасовъ, но не могли проникнуть къ нимъ сквозь ледяную покрывку. Открыть пеш-

нами погребъ нашъ, мы вышли его наполненнымъ водою, прососавшись туда сквозь небольшую щель на дивъ. Къ счастью, стертіе было такъ мало, что пришлось только подмокши, но ничто изъ нихъ не пропало. Весь слѣдующій день оставались мы на мѣстѣ для просушки провизіи, а главнѣйше для того, чтобы дать отдыхъ нашимъ собакамъ. Апрелья 15-го числа, при слабомъ NNO вѣтрѣ, поехали мы далѣе. Термометръ показывалъ $14\frac{1}{2}$ градусовъ холода.

Мы проехали, въ OSO направленіи, 36-ть верстъ, по гладкой полюсѣ, обставленной съ обѣихъ сторонъ высокими градами торосовъ; постепенно сближаясь, они соединились и образовали огромныя, разрывавъ земляныя частицы покрывавшія ледяныя массы. Въ промежуткахъ можно было бы пробѣжать, еслибы они не были занесены горами рыхлаго снѣга, въ которыхъ тонули люди и собаки. Мы принуждены были возвратиться отсюда назадъ и расположились ночлегомъ у начала гладкой полюсы. Ночь провели мы безъ огня; холодъ былъ чувствителенъ. Термометръ показывалъ 20° .

На слѣдующій день, при ясной погодѣ и совершенномъ безвѣтріи, мы поехали далѣе на востокъ, вдоль грядъ высокихъ торосовъ. Полуденнымъ наблюденіемъ опредѣлили $71^{\circ} 30'$ широты; считавшаяся долгота была $3^{\circ} 54'$. Не смотря на глубокій снѣгъ и чрезвычайно трудную ѣзду, сегодня проехали 30-ть верстъ и поздно вечеромъ остановились на ночлегъ.

Хотя 17-го Апреля было только 18° холода, но сильный, рѣзкій и сопровождаемый вятелью юго-западный вѣтеръ заставлялъ насъ целый день оставаться на мѣстѣ. Въ полдень, воспользовавшись благоприятною минутою, взяли мы высоту солнца, которая дала намъ 71° 18' широты. Счисленная долгота 4° 4'. Склоненіе магнитной стрѣлки 18° восточное.

Апреля 18-го вѣтеръ утихъ и мы продолжали путь черезъ старыя, свѣжими зеленоватыми пломъ покрытые торосы. Въ 18-ти верстахъ отъ нашего вѣстрѣли двухъ бывшихъ медвѣдей; тотчасъ погнались за ними, но охота причиняла намъ болѣе вреда и потери времени, нежели выгоды, ибо, хотя после долгаго боя одинъ изъ медвѣдей былъ убитъ, но мясо его оказалось такъ твердо, что не годилось даже и на кормъ собакамъ. Притомъ разсѣкшійся зверь переранилъ у насъ многихъ собакъ. Потерявъ большую часть дня и до крайности утомившись, мы расположились на ночлегъ. Ночью видѣли признаки приближающейся весны: летящее на NW большое стадо черныхъ утокъ (*anas nigra*), здѣсь, въ сѣверныхъ странахъ Сибири, часто покрывающая собою, въ полномъ смыслѣ сего слова, огромныя плавающіе льдины.

По полуденному наблюденію 19-го Апреля, мы находились подъ 71° 18' широты и 4° 30' счисленной долготы. Сильный сѣверо-западный вѣтеръ, поднимая густую вятель, заставлялъ насъ

ранее обыкновенного остановиться и остатки дня провести на льсте.

На другой день, не смотря на продолжавшиеся вьюги и снег, мы поехали dalje. В 3-хъ верстахъ отъ почлега встрѣтили гладкую полосу, окрашенную съ сѣвера высокими торосами, мыльными направленіе къ SSO. На западъ отъ нихъ видны были ледяныя горы стараго, а на востокъ новаго образованія. Здѣсь, въ трещину, затлапую тонкими слоями льда, мы измѣряли глубину моря; она равнялась 21 сажени, на востокъ дѣл. Теченіе замѣтили довольно быстрое къ OSO. На сѣверо-восточной части горизонта подымались темно-синіе столбы пара. Провхавъ сегодня всего около 39-ти верстъ, расположились почлегомъ на высокою ледяную хребтъ, образовавшемся отъ соединенія старыхъ и новыхъ торосовъ, изъ коихъ новые простирались на В. до краевъ горизонта.

Г. Мещокмы и штурманъ Козьмъ 21-го Апрѣля, рано поутру, отправились на одной легкой нартѣ искать прохода на востокъ.

Съ великимъ трудомъ прохали они версту на NNO, черезъ частые остроконечные торосы, и достигли края огромной помыпы, ширинною, по крайней мѣрѣ, въ двѣ версты. На восточной сторонѣ ея ледъ казался изрѣзаннымъ множествомъ щелей. Съ вершины высокой ледяны показывались вдали большіа непокритыа льдоитъ пространства. Помыпы простирались отъ OSO къ WNW до предѣловъ горизонта, и льстами неслись по

ней небольшія тонкія ледяныя поля. Около сажени ниже поверхности моря замечено сильное течение на SO. Глубина была $19\frac{1}{2}$ сажени; грунтъ зеленый илъ. Открытое море снова пресѣкло намъ дальнѣйшій путь. Мы рѣшились, согласно съ первыми планами, достигнуть меридіана Шеласкаго мыса, следуя по скатамъ старыхъ торосовъ, гдѣ вода была удобнѣе и безопаснѣе.

Пройхавъ всю ночь, и безпрестанно погружаясь къ глубокіе снѣга, мы подвинулись только на 27 верстъ къ SSO, принужденны были остановиться и дать отдыхъ утомленнымъ собакамъ.

По утру 22-го Апрѣля густой туманъ застигнулъ всю окрестность и скрывалъ отъ насъ даже ближайшіе предметы. Когда вѣтеръ нѣсколько разсыпалъ его, на южной части горизонта ясно очертились черныя и острыя скалы Шеласкаго мыса, юго-западный хребъ котораго пеленгованъ на SO 33° , отъ насъ въ 87-ми верстахъ.

Въ $3\frac{1}{4}$ часа по полудни взяли мы азимуты солнца, по которымъ исчислено склоненіе ручнаго пелькомпаса $18^\circ 49'$ вост. Полуденная высота солнца дала намъ $70^\circ 52' 41''$ широты; долгота, по пеленгамъ, $6^\circ 40'$ къ В. отъ Большаго Баранова Камня. Счисленная долгота отстояла отъ истинной, къ западу, на 24, или на 8 миль.

Наблюденія надъ инклинометромъ дали слѣдующій выводъ:

Дѣленіемъ въ 0:

нижній конецъ стѣлки $81^\circ 25'$

верхній — $81^\circ 25'$

среднее..... $81^\circ 25'$

Азимутъ съ W:

нижній конецъ стрѣлы $78^{\circ} 30'$

верхній ——— $78^{\circ} 30'$

среднее..... $78^{\circ} 30'$

Среднее наклоненіе стрѣлы $= 79^{\circ} 55\frac{1}{2}'$

Постепенно увеличивавшаяся глубина моря и множество полиней противорѣчій близкому разстоянію, въ какомъ отъ насъ, по счисленію, находился берегъ, такъ, что дѣлали невозможнымъ, слабы мы не были въ томъ увѣренны, самое предположеніе, что берегъ материка отстоятъ отъ насъ только на 90 верстъ. Такое замѣчаніе вѣдѣтъ къ заключенію, что наши неудачные опыты открытія предполагаемой земли нимало не опровергаютъ ея существованія, а только показываютъ, что мы, на смотря на все усилія, не могли ея отыскать. Впрочемъ, не смѣю утверждать, чтобы непреодолимыя препятствія, встрѣченныя нами, и впрямь сдѣлали подобныя попытки безуспѣшными. Необходимымъ считаю наконецъ замѣтить, что недавно вломанный около насъ ледъ былъ, по большей части, очень толстъ и покрытъ твердымъ снѣгомъ, а къ сѣверу казался онъ тонкимъ и обнаженнымъ; также, что сѣверные вѣтры всегда распространяютъ влажность въ воздухъ. Отсюда можно съ достовѣрностью заключить, что свойства моря, по мѣрѣ удаленія его на сѣверъ, переменяются.

Къ вечеру, при сѣвѣхъ SSW вѣтръ, небо покрылось тучами. Тогда на SW весьма затруд-

налась высокими торосами и глубоким сивгомъ, что заставило насъ переменить направление на SSO. Здесь мы заметили во льду молусогипсовое сосновое бревно, нарубилъ его на явкія части и взяли съ собою, благодаря судьбу за умноженіе нашего топлива. Проклавъ въ прилономъ направлении 19-ть верстъ, встрѣтили непроходимые торосы, простиравшіеся до самаго Шелагскаго мыса, и уверились въ невозможности проикнуть далѣе. Утесы мыса резко рисовались на горизонтѣ; ихъ оконечность зашлептована на SO 31°. Хотя небо совершенно было чисто и ясно, но ни на востокъ, ни на сѣверъ не видны ни признаковъ земли. Принимая въ соображеніе, что каждый, не совсѣмъ извѣстный берегъ бываетъ виденъ здѣсь въ разстояніи 50-ти верстъ, и что мы находились въ 80-ти верстахъ отъ Шелагскаго мыса, можно съ основаніемъ утверждать, что къ сѣверу отъ сего мыса, на разстояніи ста тридцати верстъ нѣтъ предполагаемой земли. Выше уже достаточно доказано, что на 300 верстъ къ сѣверу отъ Большаго Баранова Камня никакая земля также не существуетъ.

Мы имѣли корку собакъ только на четыре дня, находясь въ 200-хъ верстахъ отъ нашего ближайшаго склада съ провіантомъ, что, при наступавшей притомъ веснѣ, побудило насъ обратиться назадъ. На слѣдующій день (23-го Апрѣля), мы проехали 26-ть верстъ, въ западномъ направленіи, черезъ торосы и рыхлый снѣгъ. Въ полдень находились подъ 70° 50' широты и 2° 8'

счисленной долготы, къ западу отъ Шелагскаго мыса.

Послѣ похудня, изъ меридіанъ Пещанаго мыса, показалась намъ на югъ, нѣсколько выше истиннаго горизонта, низменная земля. Мы находились отъ Сибирскаго материка, по крайней мѣрѣ, въ 98-ми верстахъ, почему и могли поидти, что леденіе происходило отъ обшлаговаго въ полярныхъ моряхъ, и нами уже нѣсколько разъ замеченнаго преломленія лучей свѣта.

Сегодншній путь былъ совершенно подобенъ вчерашнему. Мы видѣли много медвѣжьихъ и песцовыхъ слѣдовъ, и прохавъ 35-ть верстъ, останавливался на ночлегъ.

На слѣдующій день, полуденная высота солнца дала $70^{\circ} 54'$ широты; счисленная долгота $3^{\circ} 12'$ на западъ отъ Шелагскаго мыса. По трудной дорогѣ, черезъ торосы и глубокой рыхлый снѣгъ, прохали 38-ми верстъ. Вечеромъ многочисленныя стаи черныхъ утокъ тянулись высоко надъ нами головою къ западу.

Не смотря на трудный путь, 29-го прохали мы 43 версты; вблизи отъ нашего почета нашли свѣжее осиновое бревно. Сегодня кончились наши остальные припасы и кормъ для собакъ, но какъ по счисленію, на вѣрность котораго можно было полагаться, мы находились на разстояніи дневнаго пути отъ склада съ провіантомъ, то на слѣдующій день, 27-го, снѣла продолжали

путь и подвигались довольно скоро, потому что торосы сдвигались здесь реже и меньше. Въ 10-ти верстахъ отъ склада встрѣтили слѣды г-на Матюшкина, въ началѣ повозки псакашаго здѣсь прохода на сѣверъ. Проклаивъ всего до 40 верстъ, остановились на ночлегъ у склада съ провіантомъ. Недалеко отсюда нашли толстое сосиновое бревно. Такимъ образомъ, имѣя средство обогрѣться и несколько отдохнуть, а также накормить усталыхъ и голодныхъ собакъ, расположились остаться здѣсь на весь слѣдующій день. Судя по разрытымъ лѣдникамъ и сильно утоптанному снѣгу, должно было предполагать, что во время нашего 28-ми дневнаго отсутствія медведи дѣлали неоднократныя, но къ счастью безуспѣшныя попытки проникнуть къ нашимъ запасамъ. Мы нашли ихъ всѣ въ цѣлости.

Быстрое приближеніе теплаго времени и худое состояніе нашихъ нартъ дѣлало невозможнымъ продолженіе путешествія и заставили насъ возвратиться прежнею дорогою. Мы отправились по старому пути, между тѣмъ значительно поправившемуся, ибо рыхлый снѣгъ между торосами отвердѣлъ и сдѣлался совершенно плотнымъ, что намъ очень благопріятствовало, такъ, что 29-го Апрѣля проехали мы 55, а на слѣдующій день 50-ть верстъ, и 1-го Мая, вечеромъ, достигли берега. Здѣсь расположились мы ночлегомъ между Большими и Малыми Барановыми Камнями.

Не смотря на чрезвычайную усталость, мы проснулись съ разсвѣтомъ и востановились давцо частью п.

невиданною землею, непокрытою снѣгомъ. Даже мореходецъ послѣ долгаго плаванія порадуется, увидѣвъ берегъ, а мы послѣ 46-ти дневнаго скитанія по пустыннымъ равнинамъ Ледовитаго моря, среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, безпрестанно борясь съ опасностями и недостатками, часто не имѣя средствъ развести огонь и защищаясь отъ морскихъ бурь и холода членами только легкою палаткою, съ радостью привѣтствовали землю и прибрежные холмы. Не смотря на ихъ дикость, они казались намъ уютными възорамъ живописными и прелестными. Зеленеющій мохъ, низкіе кустарники и щебетаніе птицъ показывали скорое наступленіе весны и наше возвращеніе въ оживленную страну. Радостно поздравляли мы другъ друга съ счастливымъ окончаніемъ трудовъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ исполняю я здѣсь сладостную для меня обязанность выраженіемъ искреннѣйшей благодарности моимъ ревностнымъ спутникамъ: г-мъ мичману *Матюшкину* и штурману *Козлину*, за ихъ неутомимое усердіе въ продолженіе всей поездки. Только ихъ дѣятельности и терпѣнію обязанъ былъ я тѣмъ, что наши проводники, слѣдуя примѣру офицеровъ, охотно и безъ ропота переносили всѣ труды и опасности.

Мая 4-го пріѣхали мы въ Походскъ, гдѣ насъ встрѣтилъ другъ и сослуживецъ, лейтенантъ Анжу. Онъ пріѣхалъ сюда съ своею экспедиціею съ Новой Сибири, чтобы черезъ Нижне-Колымскъ

возвратиться на Яну берегомъ. Неожиданное свиданіе въ отдаленныхъ лѣсистыхъ пустынныхъ долинахъ имѣла великую радость. Она была однакожь помрачена видомъ бедствъ и недостатковъ, насъ окружавшихъ. Шесть Тунгусскихъ семействъ, умирая съ голода, оставили свои станы, и наирагая послѣднія силы, пришли въ Походскъ, въ надеждѣ найти здѣсь какую нибудь похощь и спасеніе отъ голодной смерти. Но здѣшніе жители сами были не въ лучшемъ положеніи. Истощивъ свой скудный запасъ, они питались самыми отравительными предметами. Только бланковое наступленіе весны и каждаго на удачный ловъ рыбы поддерживали еще ихъ ослабшія силы. Всеобщее уныніе и отчаяніе были ужасны. Мы раздѣлили весь остатокъ нашей провизіи между несчастными, и утѣшались мыслью, что спасли хоть немногихъ отъ голодной смерти.

Мая 5-го возвратились мы наконецъ въ Нижне-Колымскъ, послѣ 57-ми дневнаго отсутствія, пройдя всего 1,355 верстъ. Здѣсь нашелъ я новыя предписанія отъ г. Сибирскаго Генералъ-Губернатора, касательно занятій экспедиціи въ нынѣшнемъ году. Навѣ спутникъ докторъ Кибель все еще былъ нездоровъ, страдая слочно прежнею болѣзною.

Нижне-Колымскъ, какъ мы и ожидали, былъ уже совершенно пустъ. Всѣ жители его разсѣялись по лѣсамъ и тундрамъ за промыслами. Въ мѣстечкѣ оставалась только два постоянные жителя, *инвалидъ* — казакъ и *старуха* — мѣщанка

Сухомасиха, по обыкновенію, встрѣтившая насъ вкуснымъ пирогомъ и дѣятельное услужливостію старавшаяся изгладить въ насъ воспоминанія о повеселенныхъ трудахъ и лишенияхъ.

Мая 10-го шелъ первый дождь, но вскоре послѣ того вѣшалъ довольно глубокой снѣгъ. Мая 17-го на берегу, въ мѣстахъ наиболѣе подверженныхъ вліянію солнца, показалась молодая трава, а 22-го тронулся по Колымѣ ледъ, въ нынѣшнемъ году покрывавшій реку 250-ть дней. Съ тѣмъ вѣсѣ выступила изъ береговъ вода и принудила насъ, 26-го числа, оставить избу и расположиться со всеми собаками, вещами и припасами, на ея плоской кровлѣ. Здѣсь, какъ будто на усѣненной скалѣ среди океана, оживали мы, единственные живые существа въ мѣстечкѣ, окончаніи наводненія, приблизивъ къ себѣ карбась и яликъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ болѣе опасной опасности спастись на Пантелеевскую сопку, и при самой высокой водѣ составляющую безопасное убежище. Жители передъ отъѣздомъ на лѣтніе промыслы обыкновенно выставляютъ все свое движимое имущество на крыши; и теперь всѣ оны были завалены ящиками, боченками, сѣяномъ, и проч.

Мая 31-го вода начала сбывать, и мы спустились въ избу, но еще долгое время, не смотря на непрерывный огонь очага, жили въ холодной и сырой атмосферѣ.

ГЛАВА VI.

Путешествіе по Камчатской гублѣ, летомъ 1822 года.

Лѣтніе мѣсяцы 1822-го года предполагено было отделить на описаніе морскаго берега отъ устья Колымы до Большаго Баранова Камня и поѣздки астрономическихъ наблюденій, сделанныхъ въ 1821-мъ году.

Когда весенній разливъ рѣкъ прекратился, я послалъ, 11-го Іюня, четырехъ надежныхъ людей въ деревню Пантелеевку, и оттуда велѣлъ ѣхать на лошадахъ въ новый станъ нашъ, съ порученіемъ выстроить карбась, настрѣлять гусей и лебедей, и наловить, какъ можно болѣе, рыбы, всегда составлявшей главную часть зимнихъ запасовъ экспедиціи.

Іюня 23-го отправился я, съ лейтенантомъ Анжу, мичманомъ Матюшкинымъ и штурманомъ

Козышнымъ, внизъ по рѣкѣ, на катеръ Колыма, и осмотрѣлъ рыбныя ловли въ селеніяхъ Крестовомъ, Черноусовъ и Походскъ. Здѣсь расстался съ нами лейтенантъ Анжу и поехалъ вверхъ, съ тремя проводниками, черезъ тундру къ берегамъ Индигирки. Юня 26-го достигли мы скалистато мыса *Крестъ*, на правомъ берегу Колымы, и застали тамъ два Русскія семейства, посѣтившія сію страну для рыбной ловли. Въ 15-ти верстахъ отсюда впадаетъ въ Колыму небольшая рѣчка *Пантелеевка*.

Мѣстоположеніе урочища во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ существенныя преимущества передъ Нижне-Колымсконъ, такъ, что перемещеніе сюда городка, вѣроятно, имѣло бы выгодное вліяніе не только на городскіхъ, но и вообще на всѣхъ окружныхъ жителей. Возвышенный берегъ не покрывается здѣсь весеннею водою и представляетъ сухую площадь, гдѣ удобно могутъ помѣститься всѣ зданія Нижне-Колымска. Наносный лѣсъ, лучшаго качества, для строенія, попадаетъ здѣсь во множествѣ, а берега и острова представляютъ отличныя пастбища, могущія доставлять лошадямъ достаточное количество сѣна на зиму. Вообще прозябаніе здѣсь гораздо сильнѣе и разнообразнѣе, нежели въ окрестностяхъ Нижне-Колымска. Лѣтнее время достигаетъ порядочной высоты и стволъ ея гораздо кѣтвистѣе; окрестности изобилуютъ разными полезными травами и ягодами. Кроме того, Брестъ лежитъ въ центрѣ всѣхъ селеній и деревень, жители кото-

рых несколько разъ въ годъ должны посещать остроги для покупки състныхъ припасовъ и другихъ потребностей. Перемѣненіе острога изъ Пижне-Колыиска въ Крестъ можно произвести легко, потому, что взаимное разстояніе ихъ всего 25 верстъ, внизъ по рѣкѣ, и переносъ немногихъ, достойныхъ того строеній, не можетъ стоить большихъ трудовъ и издержекъ. Наконецъ, положеніе Креста гораздо пріятнѣе и здоровѣе; а отъ близыскавшихъ холмовъ и лесовъ самый воздухъ здѣсь не столь суровъ и холодеющъ, какъ въ Пижне-Колыискѣ. Словомъ, перемѣненіе сюда мѣстечка было бы истиннымъ благодѣяніемъ и имѣло въ короткое время самую выгодную пользу для на всю страну.

Крутой берегъ, заворачивающійся здѣсь на NO 40°, состоитъ изъ твердой каменной гальки, темно-краснаго и зеленаго цвѣта; послѣдняя, нѣрѣдко похожая на зеленый шпатель, лежитъ слопомъ, по направленію отъ NO 60° къ SO 30° и по наклону къ горизонту подъ угломъ 65°.

Противный вѣтеръ задержалъ насъ цѣлый день, и только 28-го Іюля могли мы продолжать путь. На протяженіи 15-ти верстъ сѣверный берегъ крутъ и утесистъ. Скалы, того же образованія, какое подлѣ Креста, тянутся вдоль по теченію воды, но потому уклоняются во внутренность страны и прививаются къ западному скату Суровской горы, омываемой Пантелеевскою, имѣющею свой источникъ въ такъ называемыхъ, *Бѣлыхъ Камняхъ*, и впадающею здѣсь въ Колы-

ну, образуя устье въ 12-ть сажень шириною. Отсюда поплыли мы вверх по Пантелеевск. Полоная нартепшая упряжка довольно быстро тащила лодку нашу бичевою против течения воды. До деревни Пантелеевой, лежащей въ 17-ти верстахъ отъ устья, берега рѣки состоятъ изъ чернозема и обросли тальникомъ, ольховникомъ и местами обгорѣлымъ лиственничнымъ лѣсомъ.

Продолжительная теплая погода наполнила воздухъ роемъ комаровъ, истинною изюю Сибирскихъ тундръ, такъ, что мы обрадовались, когда достигли деревни Пантелеевой и заперлись въ дышникъ сараи. Селеніе расположено на лѣвомъ берегу рѣки, среди пространной равнины, поросшей тучною травой и устьиной озерами, обильными рыбою. Жилою живутъ здѣсь, въ восьми хижинахъ, семь семействъ, льются по большей части переходящихъ на Колыму. Гора Пантелеева, съ ея раздвоенною вершиною, въ 8-ми верстахъ отсюда, на противоположномъ берегу рѣки.

Здѣсь встрѣтилъ мы шутлившаго купца Бережного, нашего спутника во второй поѣздкѣ по Ледовитому морю, и онъ выручилъ насъ изъ большаго затрудненія. Не смотря на всевозможныя старанія, не могъ я достать себѣ въ Нижне-Колымскъ лошадей, необходимыхъ для дальнѣйшаго путешествія, и вѣроятно, провелъ бы все короткое лѣто въ тщетныхъ поискахъ, еслибы Бережной самъ не предложилъ намъ десять изъ своихъ лошадей, рѣзительно отказываясь отъ всякой за то платы. Онъ вѣдалъ къ Чаусовой губѣ за на-

мешковатыми костюми, и узнавая, что г. Матюшкын также предполагает посетить эти места, добродушно вызвался ему сослуживать.

Следующий день занялись мы окончательными приготовлениями к путешествию, и пользуясь свободным временем и хорошей погодой, поехали Пантелееву гору. До самой вершины ее идет узкая дорожка, протоптанная здешними жителями, обыкновенно собирающимися на гору, растущую там в изобилии голубицу (*vascissima nigrescens*). Такою работою занимаются здесь девушки, несущие на себе тяжести хозяйства. С половины Августа, ежедневно, с утра до ночи, на горе раздаются их веселые песни.

Правый берег реки, на расстоянии шести верст, постепенно, но почти незаметно возвышается; даже неровности и возвышения становятся значительнее и прилегают к подошве сопки. Поднявшись на порядочную высоту, она защищает собою от действий холодных северных ветров равнину, на юг лежащую, и много способствует прозябению. Густой лиственный лес, покрывавший южный скат горы и соседнюю равнину, пятьдесят лет тому служил жертвою пожара, опустошившего в то время все леса на севере от Аноя. Замечательно, что только за два года снова показался лиственный подрост, но молодые деревья составляют уже, хотя невысокую, но прекрасную рощу, среди поля, неспешающего шествия. Выше, на гору, растут душица, бегородская трава, ромашка,

а по камням стелется слянец, и наконец тальники, ближе к вершинам горы, являющийся только отдельными листочками. Между низменными кустарниками зеленеет мох, но самая вершина сопки совершенно обнажена. Разнотравье противоположности газой, черной вершины с подошвою горы, покрытую яркою зеленою лиственницей и испещренною лыжными цветами, дает вид подгорья еще прелестнее.

Отсюда осмотрели мы окрестность. От сьеро-запада до юга сливается с горизонтом необозримая низменная тундра, взрытая озерами, упирающаяся лавый берег Колымы и устья обеих Анюев. Колыма, с ее безымянными, отчасти зеленеющими, отчасти обнаженными островами, открывается отсюда на протяжении 130-ти верст, до самого моря. Северную часть горизонта заслоняла от нас града плоских гор; за ними показывались покрытые вечными снегами и льдом вершины Сухарных гор, а еще дальше, на север, черные зубчатые верхи прибрежных скал Ледовитого моря. На восток поднимаются Бѣлые Камни. Хребты их идут из ОЗО, а потому представляется отсюда отдельною горною группою. На юго-восток и юг стелется низменная равнина, обставленная по горизонту цепью гор, которая тянется по берегамъ рѣкъ Анюя и Тимкины. Такимъ образомъ съ Пантелеевой сопки открывается пространство около 300 верст въ поперечникъ.

Самая вершина горы покрыта обломками чер-

ного аспида и изредка бѣлаго гранита. Словъ твердаго камня горы нигдѣ не показываются. Южный скатъ наклоненъ къ горизонту подъ угломъ 30°, а северный плетъ гораздо крутѣе. Ущелій, а даже значительныхъ овраговъ, мы не замѣтили.

Кромѣ главной вершины, на заднемъ скатѣ горы другое значительное возвышеніе, рядомъ небольшихъ холмовъ соединяющееся съ Суровою горою, какъ первая вершина такимъ же образомъ примыкаетъ къ Бѣлымъ Камнямъ. Высота главной вершины, взятая изъ Нижне-Колымска, равнялась 0° 48' 45", а разстояніе ея отсюда 14,758 саженьми; следовательно, гора поднимается на 1,391 Англійскихъ футовъ надъ горизонтомъ острога. При тихой, ясной погодѣ, въ 5-ть часовъ пополудни, термометръ Реом. показывалъ на вершинѣ горы 1¼°, а при подошвѣ горы 5° тепла.

Взявъ съ горы пеленги самыхъ замѣтныхъ пунктовъ окрестности, мы возвратились въ деревню. По полуденной высотѣ солнца, взятой 29-го Юля, она лежитъ подъ 68° 57' широты и 0° 40' долготы, на востокъ отъ Нижне-Колымска. Склоненіе ручнаго пелькоинаса было 12½° вост.

По закатѣ солнца ртуть въ термометрѣ тотчасъ спустилась ниже 0, а къ ночи густыя тучи облегли со всѣхъ сторонъ гору и поднялся сильный западный вѣтеръ. На разсвѣтъ верхняя часть горы была покрыта сивгомъ; въ долину шелъ проливной дождь. Непогода задержала насъ здѣсь до 1-го Юля. Тогда атмосфера очистилась и

воздухъ сдѣлался снова теплый, такъ, что мы могли продолжать путь. Г. Матюшкинъ отправился съ купцомъ Бережковымъ въ Островное на Малый Анюй, взять тамъ толмача Чукотскаго языка и ѣхать къ Чаунской губѣ. Мой путь лежалъ на сѣверъ къ Барановымъ Камнямъ, гдѣ, согласно съ моею инструкціею, должно было поверить опредѣленіе широты, сдѣланное капитаномъ Биллингсомъ въ 1787 году. Меня сопровождали штурманъ Козыминъ, матросъ и два Якута, съ шестью выючными лошадьми.

Въ первый день проѣхали мы только 11-ть перетей, по извѣстности, между горами Нантелесовой и Суровой, и останавливались ночевать на сѣверномъ скатѣ Суровой, подлѣ небольшого озера. Страна, насъ окружавшая, ни чѣмъ не защищенная отъ вліянія холодныхъ сѣверныхъ ветровъ, представляла видъ самый унылый и пустынный. Антленица, столь пышно и могущественно произрастающая за горою, превращается здѣсь въ низенькій, изогнутый кустарникъ; ивѣстами стелются тальнякъ и березовый ерникъ, не болѣе фута вышиною. Обгорѣлые дні и кусты, слѣды пожара, дѣлаютъ картину еще печальнѣе. Въ долинахъ, между горами, гремятъ глинистые, но дно озера, подлѣ котораго мы остановились, было покрыто крупнымъ пескомъ, и отъ того озерная вода была чиста и прозрачна.

Не смотря на унылыя окрестности, мы провели однакожь вечеръ довольно пріятно. Воздухъ былъ теплый, небо ясное, и даже въ полночь термом-

метр стоялъ на 5° тепла. Въ гладкой поверхности озера расплались вершины Пянтелевой горы и Бѣлыхъ Камней. Я воспользовался спокойствіемъ воды, я взялъ секстансомъ угловую высоту видныхъ горъ. Такимъ наблюденіемъ, съ помощію прежде взятыхъ пеленговъ и полуденныхъ высотъ, определялъ я слѣдующія возвышенія:

Средняя вершина Бѣлыхъ Камней.....	2,500	Англ. ф.
Восточная вершина Пянтелевой.....	1,739 $\frac{1}{4}$	— —
Западная	1,167	— —

Въ глубокихъ ущельяхъ Бѣлыхъ Камней лежало еще много снѣга, отчасти иногда вѣтающего, отъ чего произошло и названіе сихъ горъ. Вершины ихъ не были покрыты снѣгомъ, что происходить не столько отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, или теплоты, сколько отъ сильныхъ порывистыхъ вѣтровъ, нередко среди зимы свывающихъ снѣгъ съ возвышеній. Такое обстоятельство весьма затрудняетъ здѣсь точное обозначеніе высоты снѣжной линіи. Известно, что въ Сибирскихъ тундрахъ, открытыхъ вліянію солнечныхъ лучей, растаиваетъ слой земли не толще 4-хъ и 6-ти вершковъ. На берегу моря всегда находятся выкшлутыя льдины, не таяшія лѣтомъ, и тамъ же, а отчасти и въ долинахъ, снѣгъ лежитъ иногда отъ одной зимы до другой, и вѣроятно, море было бы скопано вѣчными льдами, еслибы напоръ речной воды и господствующіе здѣсь вѣсною сильныя вѣтры не разламывали его.

Юля 2-го, по полуденной высотѣ солнца, мы

нашли $68^{\circ} 41' 49''$ широты и $160^{\circ} 51'$ долготы, на востокъ отъ Гринвича. Магнитная стрѣлка склонилась на $12\frac{1}{2}^{\circ}$ къ востоку. Термометръ показывалъ 8° тепла.

Мы слѣдовали по теченію разныхъ ручейковъ, скатывающихся съ горъ Паштелевой и Суровой, и впадающихъ въ рѣчку Филиповку, на берегахъ которой расположились мы ночевать, пробѣжавъ сегодня всего 20-ть верстъ. Дорога шла по глинистому болоту, изрѣдка покрытому тальникомъ и изсохшими лиственничными кустами. На берегахъ рѣчки растутъ однакожь довольно высокія и пышныя ивы и лиственницы, а также попадаются голубица и княженика (*rubus alcticus*), у которой листья, какъ у земляники, а ягоды на подобіе малины, но она отличается пѣжнымъ ароматическимъ вкусомъ и запахомъ, такъ, что трудно поверить, что она созреваетъ въ здымнѣмъ климатѣ.

Рѣчка Филиповка вытекаетъ изъ Бѣлыхъ Камней, течетъ довольно быстро по песчаному дну и впадаетъ въ Колыму. Въ ней ловится въ изобиліи рыба *карбусъ*, изъ рода *salmo thymallus*. Филиповская долина въ прежнія времена славилась множествомъ сохатыхъ, или Сибирскихъ лосей. Большой лѣсной пожаръ, въ 1770 году, разогналъ ихъ, но въ послѣдствіи, когда лѣсъ снова началъ подростать, они опять появились, и въ короткое время такъ размножились, что въ 1812-мъ году рѣдкій охотникъ не убивалъ здѣсь полудюжины сохатыхъ. Десятеро жителей де-

реки Пантелеевки на свою долю застреляли семьдесят. Нельзя утвердительно сказать, по какой причине после того сохатые опять исчезли, но упоминаемая мною была последняя счастливая охота. В наше пребывание появление сохатого в Колымском округе почиталось уже редкостью и составляло эпоху в охотничьем промысле. Но Омолонь и к югу оттуда можно еще водятся, но в малом количестве. Уход сего полезного зверя имеет самое пагубное влияние на жителей Колымского края, ибо они лишались в нем единственного пособия на случай неудачной рыбной ловли и оленьей охоты.

Юля 3-го, при южном ветре, термометр показывал по утру 8°, а в полдень 10 1/2° тепла. Не смотря на приятность такой погоды, мы нетерпеливо ожидали однакож возвращения холода, избавлявшего нас и лошадей от вьюжества комаров. Полуденная высота солнца дала 68° 52' 59" широты, в долг. 162° 4' восточн. от Гринвича *. Магнитная стрелка склонилась на 13° к востоку.

Следуя известному течению Флиновки, мы поехали на стверь, имея в виду Сухаринья горы. Пройдя 10-ть верст, оставили мы берега реки и направили путь наш на NW, чтобы переправиться через горную гряду, связывающую Сухаринья горы с Аризонскими Камнями, стоящими на правом берегу Колымы. Не надеясь

* Долготы считаны здесь вообще к востоку от Гринвича, почему на последнем особо о томъ упоминаемо не будетъ.

найти вблизи хорошей травы для лошадей, и рѣшился остановиться здесь на ночлегъ. Тутъ, подъ $69^{\circ} 5'$ широты, прекращается высокоствольный лѣсъ и въстаетъ густая низменный, стелющийся кустарникъ, въ палецъ толщиной. Мы достигли предѣла *Каменной тундры*, необозримой голой равнины, усеянной большими камнями и скалами и обставленной со всехъ сторонъ снѣжно-вершинными горами. Холодъ былъ здесь чувствителенъ и заставлялъ насъ закутаться въ шубы. При заходѣ солнца тутъ въ термометръ спустился на 1° ниже нуля.

На слѣдующій день поднимались мы на горный хребетъ, около девяти верстъ, до того мѣста, откуда начинается спускъ. Всю дорогу ехали мы по тропинкѣ, пробитой стадами оленей. На вершинѣ гряды, изъ полуденной высоты солнца, вывели $69^{\circ} 5' 29''$ широты, изъ $162^{\circ} 6'$ сильной долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было 15° къ востоку. При ясной погодѣ совершенно видны отсюда устья Колымы, но густой туманъ позволялъ намъ взять только два пеленга.

Сѣверный скатъ гряды, черезъ которую мы перешли, былъ совершенно различенъ отъ южнаго, который поднимается постепенно и едва замѣтно, когда сѣверный, напротивъ, круто спускается въ узкую низменную долину, падушую по направленію SW 56° , и состоящую изъ несколькихъ параллельныхъ отлогихъ террасъ. Каменныхъ слоевъ мы не замѣтили, но все пространство бы-

ло устьяно обломками белого гранита и черного пингера.

Направо отсюда поднимаются *Сухарини* горы, составили узелъ, отъ котораго расходятся хребты и гряды, перерывающіе всю страну. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сопкокъ, идущихъ на ННО и покрытыхъ вѣчными снѣгами. Мы отправились далѣе по ихъ направленію, следуя извилистымъ долинамъ, закрутой съ одной стороны Сухарини горы, а съ другой возвышеніями, обставляющими правый берегъ Колымы. Для отдыха лошадей остановились мы у небольшой рѣчки, *Кименной Виски*, впадающей въ Колыму, обгибая сѣверный скатъ Ларионова Канья. Въ 8-ми верстахъ отсюда переправились мы черезъ первый рукавъ Сухарнаго ручья, и остановились на ночлегъ, пройдя еще 6-ть верстъ, у другаго рукава того же ручья, на дугу, поросшую сочною травою. Въ долинахъ лежало еще много снѣга и лошади наши шли черезъ него не проваливаясь. Ночью, при тихомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ $2\frac{1}{2}^{\circ}$ холода.

Июля 5-го, по полуденному наблюденію, мы находились подлѣ $69^{\circ} 17' 55''$ широты и $162^{\circ} 03'$ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было $5\frac{1}{2}^{\circ}$ восточн. Мы переправились еще черезъ два довольно быстрые рукава Сухарнаго ручья. Сія протоки, соединяясь, впадаютъ въ Колыму противъ Сухарнаго балагана. Въ долинѣ течетъ еще, такъ называемый, *Глубокій*

ручей, огибая противоположный скат невысоких холмов, идущих вдоль правого берега Сухарного ручья, и впадая в Кому недалеко от Лаптева мыса. Берега Глубокого ручья земляные, и в них находят промышленники много мамонтовых костей. Переправясь через холмы, достигли мы *Медовяской речки*, впадающей по долине, образованной скатами прибрежных холмов и Сухарных гор, загибающихся здесь на юго-восток. Она значительно предшествовавших, до 10-ти саженей шириною, и местами так глубока, что через нее нельзя переправляться в бродь. Здесь летало множество диких гусей и мы дополнили ими нашу исленую провизию, уже несколько дней совершенно истощенную. На сухих песчаных местах растут здесь дикий лук, составивший весьма вкусную и здоровую приправу нашей похлебки.

Мы взошли у подошвы горы, прилегающей к Барановым Камням. В полночь, при 3° холода, шел снег. К утру, при ясном небе, ртуть поднялась на 5° тепла. Путь наш лежал через прибрежные холмы, идущие параллельно с берегом моря. Они состоят из слоев льда и земли, и отделяются один от другого глубокими оврагами. С вершины одного из них осмотрели мы Ледовитое море. На север возвышались огромные ледяные горы, а на восток, при далеко выдавшемся в море Большом Барановом Камне, до самого материка стоял неподвижный, сплошной лед.

Мы выехали на берег при Маломъ Бараномъ Каннѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 35 лѣтъ тому приставалъ во время своей экспедиціи капитанъ Виллингсъ и поставилъ, до нынѣ хорошо сохранившійся, деревянный крестъ, съ надписью: 1787 года, 12-го Іюля. Для проверки сделанныкъ пмъ тогда наблюдений остановились мы здѣсь на ночлегъ. Погода на слѣдующій день благопріятствовала нашимъ работамъ. При чистомъ небѣ и небольшомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ термометръ показывалъ 5° тепла.

По наблюденьямъ двумя секстантами полуденной высоты солнца широта мѣста вышла $69^{\circ} 38' 00''$, при долготѣ по нашимъ прежнимъ наблюденіямъ $162^{\circ} 49'$.

Соотвѣтствующіе азимуты солнца показывали склоненіе ручнаго компаса на $12\frac{1}{4}^{\circ}$ къ востоку. Такое внезапное уменьшеніе склоненія казалось намъ такъ болѣе страннымъ, что по мѣрѣ увеличенія широты мѣста, оно здѣсь вообще увеличивается.

Для проверки другихъ наблюдень капитана Виллингса повели мы на востокъ, вдоль скалистого берега, по крутымъ изрытымъ тропинкамъ, гдѣ наши лошади неоднократно падали и заставляли насъ часто останавливаться. Такая дорога и безпрестанные, сильные порывы вѣтра въ глубокихъ оврагахъ затрудняли и замедляли наше путешествіе, такъ, что съ трудомъ достигли мы мѣста, гдѣ капитанъ Виллингсъ дѣлалъ наблюденія 29-го Іюля, а именно, устья небольшой рѣчки, впадающей въ бухту, на западной

сторону Баранова Камня, тамъ, гдѣ онъ наиболѣе выдается въ море.

Западная сторона мыса состоитъ изъ простаго кварца, щетки котораго, правильныхъ кристалловъ, попадаются въ дробнѣй величину. Кажется, что кварцевый слой идетъ подѣ моря на $NO\ 20^{\circ}—SW\ 20^{\circ}$, наклоняясь къ горизонту подѣ угломъ 65° . На востокъ не видно каменныхъ слоевъ, но вся поверхность завалена грудамъ весьма плотнаго чернаго шпесра, проросшаго кварцомъ. На сѣверо-востокъ лежатъ неправильные слои бѣлаго мелко-зернистаго гранита; обломки его разбросаны и по горѣ.

При ясной погодѣ и 7° тепла, 8-го Июля, мы продолжали наши наблюденія двумя инструментами, по концѣ полуденнаго высота солнца для широты мѣста $69^{\circ}\ 41'\ 48''$, при долготѣ $163^{\circ}\ 19'$, а склоненіе магнитной стрѣлки было 13° на востокъ.

Окончивъ наши занятія, мы поспѣшили къ тому мѣсту, гдѣ капитанъ Биллингсъ дѣлалъ свои наблюденія 6-го Июля, руководствуясь для отысканія его картою, выданною намъ въ Адмиралтействъ-Комиссію.

Восточный скатъ горы, черезъ которую мы переправились, и отлогій берегъ, поросли тучною травою. На нихъ паслись значительныя стада дикихъ барановъ, во множествѣ здѣсь водившихся; съ непомѣрною быстротою карабкаются они по крутымъ скаламъ мыса. Отъ нихъ, какъ выше было мною замѣчено, происходятъ и са-

ное названіе Барановыхъ Камней. Дорога черезъ гору была весьма утомительна, потому, что отъ подножія до вершины покрыта она огромными глыбами бѣлаго гранита, состояющаго изъ кекуры на вершинѣ, видъ которыхъ четырехугольные параллелепипеды, отъ 30-ти до 60-ти футовъ вышиною, а северныя и южныя стороны нѣсколько шире. На востокъ отъ гранита идетъ опять шиферъ, необразующій однакожь кекуры, а вертикально упирающійся въ море продолговатый мысъ (по здѣшнему *опирь-дэмьель*), въ 30 футовъ вышиною.

Вообще у сѣхъ горъ отлогіе скаты на WNW и OSO, а на O и W крутые. У долинъ, по которымъ текутъ ручьи и рѣчки, впадающіе въ море, направленіе также на WNW. Съ вершинъ видно значительное пространство моря. Вѣсь заливъ между Большими и Малыми Барановыми Камнями былъ покрытъ неподвижными льдами; обгибая мысы, онъ простирался до предѣла горизонта. Вечеромъ было совершенное безвѣтріе, при чистомъ небѣ, а въ полночь термометръ показывалъ 5° тепла.

По полуденной высотѣ солнца, взятой 9-го Іюля, однимъ сенстантомъ, мы опредѣлили 69° 40' 34" широты, при 163° 52' долготы; склоненіе магнитной стрѣлки было 13 1/2° восточн. Мысъ Маглаго Баранова Камня (за которымъ дѣлали мы наблюденія 8-го Іюля) лежалъ отъ насъ въ 7-ми Итальянскихъ миляхъ, по пеленгу на SW 80° 30'.

Не могу утверждать, чтобы мы определили широту именно того самого места, где наблюдать в 1787 году капитан Виллингс. Берег здесь однообразен, вездь круть, безъ всякихъ мѣстныхъ, отличительныхъ признаковъ, и мы могли руководствоваться только однимъ показаннымъ у Виллингса разстояніемъ отъ Малаго Баранова Камня.

Недостатокъ състныхъ припасовъ принудилъ насъ отклониться отъ берега и приблизиться къ многочисленнымъ озерамъ, прорывающимъ всю сію страну и составляющимъ любимое пристанище линюющихъ гусей. Намъ удалось въ короткое время застрѣлать нѣкъ 15-ть штукъ, что для настоящаго времени года, по утврѣнію нашихъ проводниковъ, было весьма счастливою охотою. Въ прежнія времена, гусиная охота бывала здѣсь обыкновенно весьма изобильна, но съ нѣкотораго времени гуси предпочитаютъ, кажется, берега Индигирки, гдѣ туземцы убиваютъ ихъ тысячами на коряхъ собакамъ, запасаясь на зиму. Гусей добываютъ здѣсь двоякимъ образомъ: бьютъ въ полѣ палками, или загоняютъ стаю ихъ въ пустой урочъ и режутъ. Въ обоихъ случаяхъ, особенно въ первомъ, требуется навыкъ и большое ловорство охотника. Линяющіе гуси, потерявъ перья изъ крыльевъ, не могутъ летать, но за то бѣгаютъ по тундрѣ, такъ скоро, что ихъ почти невозможно догнать. Видя опасность и не надѣясь уйти, они ложатся на землю, протягиваютъ шею, и спрятавъ голову подъ моръ, или подъ кочку, лежатъ неподвижно, какъ уби-

тые; неопытный охотник легко проходить мимо. В каждой большой стае гусей свой вожакий, которого все другие покидают только при самой крайней опасности. Эдашние жители различают четыре породы гусей: *большой гусь*, прежде во множестве поднимавшийся по берегамъ Ледовитого моря, а нынѣ совершенно исчезнувшій; *гуменника*, обыкновенный дикій гусь, самый крупный изъ сврыхъ; *козарка* и *искусун*, оба гораздо меньше другихъ породъ, такъ, что искусуны ростомъ нечѣмъ выше домашней утки, или, по эдашнему, *островостки*.

Некоторые изъ озеръ окружены довольно высокими земляными холмами, гдѣ находятъ много мамонтовой кости. Сія холмистая, усаженная озерями равнина обставлена съ юга цѣпью горъ, далеко изгибающагося внутрь страны и соединяющею Малый Барановъ Камень съ Большимъ, который издали походить на отдѣльный островъ.

Гусиная охота вывела насъ на берегъ въ 15-ти верстахъ на востокъ отъ Большаго Баранова Камня. Значительное пространство моря покрывалось еще сплошнымъ льдомъ. Здѣсь провели мы ночь, а на другой день (10-го Июля), при совершенномъ безвѣтрїи и при 7° тепла, поехали далѣе.

Капитанъ Биллингсъ сдѣлалъ свое четвертое и послѣднее наблюденіе на сѣверо-восточной оконечности Большаго Баранова Камня; тутъ и мы отправились, оставя обѣихъ проводниковъ нашихъ на мѣстѣ, для продолженія охоты.

При устьѣ *Земляной рѣчки*, называющейся межъ

ду горами, заметили мы многочисленную стаю гусей; увидев нас, съ крикомъ бросились они въ море, переплыли черезъ полынью на твердый ледъ и быстро скрылись изъ вида. Въ послѣдствіи никакъ я случай заметить, что и олени, спасаясь отъ охотниковъ, переплываютъ на морской ледъ. Взабавясь на южный свѣтъ Большаго Баранова Камня, мы увидѣли въ небольшой долине стадо дикихъ оленей, щипавшихъ молодую траву. Къ несчастію, лай собакъ нашихъ перепуталъ ихъ и намъ ни одного не удалось застрѣлить. Спустился въ долину, заметили мы большіе клочья оленьей шерсти; вѣроятно, для лишились олени выбирать берега моря, гдѣ избавляются отъ преслѣдованія комаровъ.

По удобной дорогѣ, вдоль отлогатаго берега, достигли мы горы, черезъ которую должно было намъ перебираться, ибо восточный и западный скаты Большаго Баранова Камня спускаются обрывами въ море. Черезъ южную гору перешли мы довольно легко, хотя крутость сѣверной стороны несколько затрудняла спускъ, но переходъ черезъ сѣверную гору представлялъ намъ гораздо большія препятствія. Крутые скаты горы состояли здѣсь изъ каменныхъ, гладкихъ слоевъ и покрыты были множествомъ обломковъ гранита и аспиза, скользящихъ изъ-подъ ногъ; скатываясь съ ужасной высоты въ море, они ежеминутно угрожали увлечь за собою всадниковъ и лошадей. Съ немаловажными усиліями продолжалъ путь цѣлые полчаса, а уверился въ не-

возможности достигнуть горной вершины и решился попытаться обойти гору с юга, через возвышение, связывающее ее с южною горою, что нам удалось, и мы выехали, по глубокому оврагу, снова на север, к берегу моря, именно в томъ мѣстѣ, гдѣ скла поворачиваетъ къ SO.

По моему мнѣнію, здѣсь былъ тотъ самый пунктъ, гдѣ капитанъ Биллингсъ дѣлалъ свои наблюденія 21-го Іюля 1787 года. Мѣсто замѣтно тутъ потому, что высокая, скалистая, сѣверо-восточная сторона камня примыкаетъ здѣсь къ болѣе отлогому берегу, а къ западу отсюда, на высокомъ холмѣ, стоятъ нѣсколько кекуръ, самыхъ восточныхъ на всемъ пространствѣ берега.

Большой Бариковъ Камень составляетъ собственно двѣ горы, соединенныя по направленію на XNO крутою грядою, но каждая изъ нихъ образуется также изъ двухъ возвышенностей, продолговатыхъ, по направленію WNW. Впрочемъ, издалека сн раздѣленія незаметны и весь мѣстъ представляеть видъ длинной крыши, заостренной къ северу. Восточная сторона скалы изъ чернаго шифера, а западная изъ бѣлаго гранита; направленія слоевъ пемзы было рассмотреть, ибо все пространство изрѣзано здѣсь тѣлами и покрыто множествомъ камней. Находящіеся на западъ кекуры, также изъ бѣлаго гранита, стоятъ съ двѣ ряда, по направленію на XNO, и всѣ нѣсколько наклонены къ OSO.

Вечеръ сегодня былъ лучшій изъ всего лѣта.

Термометръ въ полночь показывалъ 10° тепла, при ясной небѣ и совершенномъ безвѣтрїи. Напротавъ, на другой день, Юля 11-го, при 5° тепла, дулъ свѣжій западный вѣтеръ. Полуденными наблюденіями, двумя секстансами, найдена широта $69^{\circ} 43' 56''$, при долготѣ $164^{\circ} 10'$. По соответствующимъ азимутамъ, склоненіе магнитной стрѣлки было $12^{\circ} 33'$ восточное.

Въ 2 часа по полудни густой туманъ покрылъ всю окрестность; вскоре пошелъ дождь, и такая погода стояла до 19-го Юля. По счастью, мы успѣли уже поверить все сдѣланныя Биллингсону наблюденія. Изъ слѣдующей таблицы видно усмотрѣна разность широтъ, определенныхъ въ 1787 и 1822 годахъ.

МѣСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	1787 г.	ШИРОТЫ.	1822 г.	ШИРОТЫ.	РАЗНОСТЬ.
У северн. мыса Малаго Баранова Камня.	Юль 20.	$69^{\circ} 27' 26''$	Юль 8.	$69^{\circ} 41' 48''$	$14' 22''$
Между Большимъ и Малымъ Барановымъ Камнями.	Юль 6-го.	$69^{\circ} 27' 43''$	Юль 9.	$69^{\circ} 40' 34''$	$12' 51''$
На У. сторонѣ Малаго Баранова Камня.	Юль 12, 13.	$69^{\circ} 22' 48''$ $69^{\circ} 22' 44''$	Юль 7.	$69^{\circ} 38' 00''$	$15' 14''$
У Ю. оконечности Большаго Баранова Камня.	Юль 21.	$69^{\circ} 33' 56''$	Юль 11.	$69^{\circ} 43' 56''$	$8' 00''$
Въ Нижне-Большомъ островѣ.		$68^{\circ} 17' 14''$		$68^{\circ} 31' 51''$	$14' 27''$

Здѣсь надобно еще замѣтить, что Биллингсону наблюденіе 21-го Юля дѣлано было съ корабля,

въ 3-хъ миляхъ на северъ отъ Большаго Баранова Камня², следовательно, разность въ широтѣ увеличится до 11-ти миль, если мѣсто нашего наблюденія 11-го Июля находится именно на томъ самомъ меридианѣ, гдѣ стоялъ корабль Виллингса. Въ противномъ случаѣ, самая малая разниця въ долготѣ обѣихъ пунктовъ произведетъ значительное различіе въ широтѣ, потому, что берегъ круто изгибается здѣсь по меридіану.

Выше было уже сказано, что нельзя съ точностью опредѣлить пункта, съ котораго наблюдалъ Виллингсъ; следовательно, только о трехъ изъ его наблюденій можно достоверно утверждать, что они были нами повторены, а именно: о первомъ, третьемъ и пятомъ, въ коихъ разность довольно одинакова, около 14'.

Склоненіе магнитной стрѣлки по всему берегу, отъ Нижне-Колымска до Большаго Баранова Камня, съ 1787 года уменьшилось почти на 5°.

Мѣста наблюденій.	СКЛОНЕНІЕ 1787 г.	СКЛОНЕНІЕ 1832 г.	РАЗНОСТЬ
Въ Нижне-Колымскѣ.	14° 34' О	9° 36'	5° 8'
Между Великимъ и Большимъ Барановымъ Камнями.	17° 12' О	12° 30'	4° 42'
У Большаго Баранова Камня.	17° 40' О	12° 35'	5° 05'

² Описание путешествія капитана Виллингса, поданное секретарю экспедиціи Саурову (Английскій подл.), стр. 77.

Означенное здесь склоненіе отнесено къ ручному палькомпасу, который показывалъ среднее между другими ручнымъ палькомпасомъ и большимъ корабельнымъ.

Окончивъ наблюденія возвратились мы къ мѣсту полета 10-го Июля. Земляная рыбка выступила изъ береговъ отъ приливной морской воды, нагнавшею западныи и сѣверо-западными ветрами. При южныхъ, напротивъ, вода всегда сбываетъ. Но впрочемъ, правильнаго прилива и отлива, ни назъ, ни туземцамъ не удавалось замечать.

Берегъ Ледовитаго моря наводитъ нѣсколько задумчивость и уныніе на человека. Онъ типется необозримою равниною, гдѣ утомленный одпообразіемъ взоръ не встрѣчаетъ ни дерева, ни кустарника, и только мрачные утесы и огромныя лѣдныя высоко поднимаютъ свои голыя вершины. Нигдѣ не видно слѣдовъ дѣятельности человѣческой, и даже земля, какъ будто утрачиваетъ здѣсь свою производительную силу. Только въ краткій періодъ лѣта стада оленей и стаи гусей оживляютъ нѣсколько безмолвную тундру.

Мы поѣхали далѣе по устьинной болыниимъ и малымъ озерамъ извилиности и переправились черезъ три ручья, текущіе параллельно одинъ къ другому; у берега, гдѣ встрѣчаются они на нѣсколькихъ холмкахъ, раздѣляются они на нѣсколько рукавовъ и исчезаютъ между лѣдниками въ море. На берегу послѣдняго изъ сихъ ручьевъ,

цире и глубже других текушаго, врыто въ землю бревно, подобное найденному въ прошлые годы на Шелагскомъ мысѣ. Впрочемъ, эти памятники Сибирскихъ жителей, посещавшихъ на кочкахъ въ ХУН-мъ столѣтій здѣшнія страны. Здѣсь расположились мы ночевать (12-го Іюля), и найдя на берегу довольно травы, рѣшились остаться на мысѣ весь слѣдующій день для отдыха лошадей. Погода была суровая и непріятная. Резкій северо-западный вѣтеръ нагонялъ съ моря густой туманъ. Въ полдень термометръ показывалъ только 1° тепла, а ночью маленькія озера покрылись льдомъ. Подлѣ нашего почлега лежало нѣсколько вставленныхъ мамонтовыхъ костей и вытонныхъ ребръ*.

Іюля 14-го, при переправѣ черезъ рѣчку, близъ которой мы ночевали, лошадь г. Козымина чего-то испугалась и сбросила его въ воду. Онъ влезъ достать другого берега, и хотя тогчасъ перешла платье и бѣлье, но не смотря на то, опасаясь, чтобы онъ не простудился при холодномъ вечернемъ воздухѣ и сильномъ дождѣ, рѣшился я не останавливаться до утра. Мы ѣхали и шли всю ночь, и непрерывными сильными движе-

(*) Лучшаго качества мамонтовыхъ кости всего чаще попадаются на некоторой глубинѣ, обыкновенно въ глинистыхъ томахъ, въ черномъ рѣжѣ, а въ нѣзжѣ ипоско. Чѣмъ тверже глина, тѣмъ лучше сохраняются кости. Замѣчено также, что въ хвойныхъ, зашищенныхъ лѣсныхъ горахъ, соседя можно найти болѣе мамонтовыхъ костей, нежели при морскихъ берегахъ, или въ тѣмной тундрѣ.

нiемъ г. Козыкинъ избавился отъ дальнiйшихъ послѣдствiй простуды.

Послѣ 18-ти часовъ пути, проѣхавъ всего 35 верстъ, достигли мы балагана экспедицiи, построеннаго въ прошломъ году при устьи Большой Баранки. Строеиe находилось на лѣвомъ берегу рѣки и состояло собственно изъ одного жилища покоя съ очагомъ и чулана для запасовъ. Устье Большой Баранки около версты въ ширину, но такъ мелко, что при малой волѣ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ и въ самой срединѣ рѣки, показываются пеманья мѣли. Берега совершенно различны одинъ отъ другаго: лѣвый пещанато образованъ и весьма отлогъ, а правый, напротивъ, крутъ и скалистъ. Весь горизонтъ отъ Ю. З. до Ю. В. обставленъ длинною цѣпью горъ, покрытыхъ отчасти вѣчными снѣгамъ. Здѣсь источники Большой Баранки, и другой, также Баранкою называемой рѣки, впадающей въ море въ 35-ти верстахъ западнѣе отсюда. Обѣ рѣки получили свои названiя отъ того, что въ верховьяхъ ихъ водятся во множествѣ дикiе бараны, составляющiе предметъ довольно изобильной зимней охоты. На югъ подлѣ нашего балагана лежали небольшiя озера, на берега концы въ 10-му Июля обыкновенно собираются дикiе гуси. Въ 30-ти верстахъ на востокъ, около 1-го Августа появляются стаи лебедей и тамъ линнують. Недалеко отъ нашего стана нашли мы признаки прежняго Чукотскаго жилища: большiя кучи обгорѣлыхъ оленьихъ

костей и роговъ, разные обломки домашней посуды, и между прочимъ, выдѣланную изъ базальта плотьку для рыбьего жира.

Присланные сюда въ началѣ лѣта изъ Нижне-Колымска работники были все здоровы. Они прибыли двумя неделями прежде насъ и занимались постройкою лодки, вѣзавшемъ съѣсть и другими заданными имъ работами. По вѣдѣнію, во время переезда съ ними ничего особеннаго не случилось, хотя они рассказывали намъ о почтовыхъ нападеніяхъ и другихъ приключеніяхъ, существовавшихъ, вѣроятно, только въ воображеніи ихъ, зараженномъ врожденною болѣзью Чукчей.

Последній переездъ нашъ былъ быстрее обыкновеннаго, а потому Якуты съ ихъ вьючными лошадьми отстали и уже поздно ночью прибыли въ ставъ. Причиной медленности ихъ была особенно встрѣча съ чернымъ медведемъ; появленіе его испугало лошадей; оны вырвались изъ рукъ проводниковъ, сбросили съ себя вьюки и разбѣжались по тундрѣ. Медведь ушелъ однакожь, не причинивъ никакого вреда, но часть нашихъ вещей и провизіи попала въ воду и подмочилась, а одинъ термометръ изломался.

Мы проводили здѣсь время въ полезныхъ для экспедиціи занятіяхъ и ловили рыбу на зимніе записи, а когда погода неблагопріятствовала ловлѣ, сѣдали лошадей, выезжали на тундру, посѣщая берега моря и озера, стрѣляли гусей, убивали чернаго медведя, и главнѣйше осматрива-

ли окрестности и познакомились съ ними. Между прочимъ, предпринимали мы небольшое плавание на новопостроенной лодкѣ, но оно кончилось не слишкомъ удачно. Намъ хотѣлось попытаться ловить рыбу въ рѣчкѣ Козьминна, впадающей въ море, 20-ть верстъ къ востоку отъ Большой Баранихи. Несмотря на лето, только средняя рѣка была свободна отъ льда, а у береговъ стояли толстыя и огромныя закраины. Когда возвращались мы къ стану, льды оторвались отъ берега, сперлись въ среднюю рѣку и затерли нашу лодку. Мы провели на ней три дня подъ открытымъ небомъ, подвергаясь частымъ ливнямъ. Наконецъ южный вѣтеръ выгналъ льдины въ море и освѣтилъ намъ возвратный путь.

Рѣчка Козьминна не такъ широка, какъ Бараниха, но гораздо глубже ея. Рыбы въ ней много, и особенно омулей и красной рыбы, которая въ Колымѣ не попадается. Красинна очень вкусна, но вредна для здоровья; после нея вы чувствуете тошноту и слабость во всемъ тѣлѣ.

Можно утвердительно сказать о сей части Ледовитаго моря, что она утратила свое прежнее богатство, слѣды котораго истощаются въ разныхъ мѣстахъ по берегу. Здѣсь валяются надѣхучи китовыхъ усовъ, и некоторые куски ихъ были еще такъ хороши, что мы съ пользою употребляли ихъ на невода. Также попадаются здѣсь цѣлые остатки китовъ, но крупность и позрѣлость ребръ ихъ доказываютъ ихъ глубокую древность. Даже наносный лѣсъ выкидывается

панихъ здѣсь рѣдко, и тотъ, который мы находили, былъ уже полуиставившій. Весьма изрѣдка, что масса морскаго льда въ кратчайшія времена уничтожилась, и препятствуя вообще свободному движению воды, не допускаетъ къ берегу плавающихъ по морю предметовъ. Между прочими произведеніями природы, посланцы на себя прикиски древности, найдемъ мы здѣсь также полустигматическихъ, коротко хвостыхъ раковъ, называемыхъ въ Англіи *Shrimps*, и которыхъ не удалось мнѣ нигдѣ болѣе видѣть въ Сибири. Здѣсь кстати замѣтить, что нѣсколько лѣтъ тому, у берега моря и въ Колымѣ появлялось здѣсь множество разноцвѣтныхъ моллюсковъ, величиною съ человеческую голову; они во множествѣ приставали къ слѣдамъ и неводамъ и употреблялись съ пользою для корма собакъ, но въ наше время сіи моллюски не показывались.

Произведенія произрастаемаго царства сей страны ограничиваются мхомъ и рѣдкою жесткою травою, да немногими цвѣтами. Туземцы утверждаютъ, что здѣсь показывается иногда, такъ называемая *морская капуста* (*сгамбе маритима*), но столь рѣдкаго явленія мнѣ не удалось видѣть.

Во все время нашего здѣсь пребыванія погода была насуряная и туманная; дождь шелъ довольно часто и нѣсколько разъ выпадалъ порадонный снѣгъ. Самый теплый день былъ 24-го Іюля; въ полдень термометръ показывалъ 10°, а

въ полночь $9\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла *. Столь теплая температура наводила намъ благодатные лѣтніе дни и роскошныя ночи южныхъ предѣловъ нашего отечества. Ни малѣйшій вѣтеръ не нарушалъ тишины воздуха, и только по временамъ раскаты грома на востокъ прерывали торжественной безмолвіе. Необходимыя слѣдствіемъ такой теплоты были густой туманъ, покрывавшій всю окрестность, такъ, что въ 10-ти саженьяхъ нельзя было различать предметовъ. Ночью на 26-е Іюля снова слышались отдаленные перекаты грома, а во утро ртуть въ термометрѣ поднялась до 16° тепла, но къ полудню спустилась уже на 9° . Въ 5-ть часовъ по полудни свѣжій западный вѣтеръ нанесъ сильный ливень и порядочную грозу. Бскорѣ послѣ того термометръ показывалъ только 2° тепла, а въ полночь 1° холода. Такія измѣнныя температуры означали, кажется, переломъ лѣта. Послѣ того густой туманъ безпрестанно покрывалъ всю страну; термометръ въ полдень не подымался выше $+3^{\circ}$, а по началу обыкновенно морозило.

Когда погода позволяла, мы наблюдали температуру воды, выплывая для того на лодка сажень сто въ море. Въ такомъ разстояніи, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ сажени, температура воды перемѣнялась отъ 1° до $3\frac{1}{2}^{\circ}$, безъ всякой впрочемъ соот-

* Съ 6-го Іюля ртуть въ термометрѣ, по ночамъ, опускалась обыкновенно на 2° ниже точки замерзанія, а въ полдень стояла обыкновенно въ 3° выше на 7° тепла.

вѣтвенности съ температурою воздуха, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Месяцъ.	Часы.	Состояніе атмо-сферы.		
10.	Полдень.	Ясно. NW тихій вѣтеръ.	+ 2	+ 3 1/2
23.	Полдень.	Малооблачно. WSW тихій вѣтеръ.	+ 3	+ 1
24.	Полдень.	Совершенно облачно. Безвѣтріе.	+ 10.	+ 2
30.	Полночь.	Туманно. Безвѣтріе. Отъ W теченіе.	+ 1 1/2	3 1/2
Августа 7.	Полдень.	Облачно. OSO тихій вѣт.	+ 5 1/2	+ 3.
8.	Полдень.	Пасмурно. W сильный вѣт.	+ 5 1/2	+ 3.
9.	Полдень.	Пасмурно. W сильный вѣт.	+ 2 1/2	+ 1 1/2

Морская вода здѣсь не очень солона, вѣроятно, отъ большого количества прѣсной воды, вливающейся въ море изъ рѣкъ, а также и съ береговъ отъ таянія снѣга и льда. Прилива и отлива мы не замѣтили, но при западныхъ вѣтрахъ вода прибывала на 3 и 4 фута. При сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ море имѣло теченіе на западъ, но какъ сей вѣтеръ рѣдко бываетъ силенъ и продолжителенъ, то восточное теченіе здѣсь всегда господствуетъ.

Морской неподвижный ледъ непрерывно сто-

лял на горизонте, а ближе къ берегу плавали небольшія льдины. Въ тихую погоду ясно слышались мы трескъ ломающихся едвали льдовъ. При этомъ приходило въ соображеніе, что сѣверный вѣтеръ никогда не разводитъ здѣсь сильнаго волненія, можно достоверно положить, что на сѣверѣ, вѣрно въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ прошломъ году зарывали нашъ провiантъ, находится вечный, неподвижный ледъ. Такимъ образомъ, предположеніе мое, основанное тогда на внешнемъ качествѣ и цвѣтѣ льда, подтверждается и последовавшими наблюденіями.

Ночью на 21-е Іюля пріѣхалъ г. Матюшкинъ съ спутниками, провелъ съ нами нѣкую недѣлю и отправился далѣе, къ Чаунской губѣ.

Съ намѣреніемъ продлить я свое пребываніе на Большой Баранкѣ, чтобы взять разстоянія между солнцемъ и луною, показываемыя въ календарѣ до 1-го Августа. Но туманъ и облака безпрестанно застилали небо, и только 31-го Іюля, когда я собрался уже въ путь, сѣверо-восточный вѣтеръ очистилъ атмосферу. Мы воспользовались тѣмъ, желая опредѣлить положеніе балагана; долгота по 50-ти разстояніямъ вышла $166^{\circ} 40' 39''$, а изъ нѣсколькихъ полуденныхъ высотъ солнца вышли мы среднюю широту $69^{\circ} 30' 41\frac{1}{4}''$. Склоненіе магнитной стрѣлки, по соответствующимъ лангманъ, было $15^{\circ} 25'$ восточн.

Окончивъ наблюденія, оставилъ я, съ двумя провожатыми, балаганъ, и пошелъ къ верховью

Баранки, чтобы оттуда возвратиться на Колыму через Аюй. Г-нъ Козыкинъ, съ четырьмя работниками, остался на месте, продолжать рыбную ловлю и заботиться о сохраненіи нашихъ запасовъ на зиму. По окончаніи всѣхъ работъ, онъ долженъ былъ возвратиться въ Нижне-Колымскъ кратчайшимъ путемъ. Первый день пути шли мы въ некоторомъ отдаленіи отъ берега рѣки, перебираясь черезъ невысокіе холмы и предполагая переправиться на другой берегъ рѣки, впадающей въ Бараннуху. Холмы и долины, гдѣ мы шли, были покрыты безчисленнымъ множествомъ песчаныхъ норъ. Въ каждой было по нѣскольку молодыхъ песцовъ, мнѣ, по здѣшнему, *нормковъ*, такъ, что собаки наши не успѣли ихъ душить, а провожавшій насъ Якутъ съ удивительнымъ проворствомъ сдиралъ съ нихъ шкуры.

Замѣчательно, что песцы плодятся во множествѣ только черезъ три года. Тунгусы, опытные охотники, всдѣтъ точный счетъ такого времени, и уже за два года предсказывали намъ, что въ 1822 г. будетъ много песцовъ.

Мы провели ночь на сухомъ зеленомъ лугу, въ 22-хъ верстахъ отъ балагана и 4-хъ отъ берега Бараннихи. Къ великому удивленію проводниковъ моихъ показались недалеко отъ насъ два журавля. Сія птицы рѣдко посѣщаютъ отдаленныя, сѣверныя страны, такъ, что даже немногимъ изъ здѣшнихъ жителей удавалось ихъ видѣть.

Августа 1-го находились мы по полуденному наблюдению, под $69^{\circ} 22' 57''$ широты. Склонение ручного компаса, по соответствующим зануламъ, было 15° на востокъ. Погода была теплая, но точно определить температуры не имѣлъ я средствъ; одинъ, ушлыйишій термометръ остался у г. Козымина, для продолженія наблюдений на берегу моря.

По мѣрѣ приближенія къ берегамъ Баранихи холмы становились рѣже и ниже и наконецъ вовсе исчезаютъ, а вместо нихъ разстилается просторная равнина, усыпанная множествомъ озеръ разной величины. Мы пробѣжали 26-ть верстъ и останавливались полевать на лѣвомъ берегу рѣки, въ 38-ми верстахъ отъ ея устья. Здѣсь она до 20-ти саженъ въ ширину и течетъ довольно быстро. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно переходить ее въ бродъ. Правый берегъ крутъ, скалистый, покрытъ камнями шиферной породы и зеленого порфира, между камнями попадаются кремни, куски темно-красной шпата и карбонаты, довольно чистой воды и хорошаго цвѣта. Ночлегъ нашъ былъ при соединеніи двухъ главныхъ протоковъ Баранихи, изъ коихъ правый течетъ съ юго-востока, а лѣвый съ юга.

Августа 2-го небо было покрыто облаками; погода, при совершенномъ безвѣтріи, стояла теплая. Мы поѣхали на югъ, черезъ рядъ каменистыхъ холмовъ; они тянутся близъ лѣваго берега рѣки. Пробѣжавъ пять верстъ, мы выѣхали снова къ рѣкѣ, у довольно высокаго, отдѣльнаго утеса, се-

столбчатого изъ чернаго шифера и бѣлаго гранита. Каменные слои идутъ по направленію WNW и наклоняются къ NNO, подъ угломъ 60° ; въ обломкахъ попадаются много кварца. У подошвы сего утеса рѣка круто поворачиваетъ съ запада. Мы переправились черезъ нее и слѣдовали по ручью, текущему съ юга и впадающему здѣсь въ Бараниху. Столице на правомъ берегу невысокіе, отъсыпные холмы состоятъ также изъ чернаго шифера, гдѣ попадаются слои конгломерата, сажень въ 25-ть толщины, направляясь на NW 30° и наклонясь на NO 60° , подъ угломъ въ 50° . Переправляясь черезъ цѣпь холмовъ, съ конхъ скатывается ручей, снова вышли мы на берега Баранихи, обмывающей южную подошву холмовъ, состоящихъ также изъ чернаго шифера, слои котораго направляются на NW 30° , съ наклоненіемъ на SW 60° , подъ угломъ въ 70° съ горизонтомъ.

Здѣсь рѣка также изъ двухъ притоковъ. Мы слѣдовали по лѣвому, въ 5-ть сажень шириною, не довольно быстрому, и остановились на ночлегъ, проехавъ всего 22 версты. Съ двухъ сторонъ тлутся холмы; за ними черплютъ горы. Всю ночь и слѣдующее утро (3-го Августа) шелъ сильный дождь, при холодномъ свѣрженъ вѣтрѣ. Въ полдень атмосфера прояснилась, и я взялъ полуденную высоту солнца, изъ коей вывелъ $68^{\circ} 57' 17''$ широты; численная долгота была $0^{\circ} 14'$, на западъ отъ багата на р. Баранихъ, взятаго за пунктъ отсчета.

Въ 6-ти верстахъ отсюда достигли мы мѣста,

где сливаются три ручья, составляющие верховья Баранки. Мы поехали по берегамъ среднего. Долина здѣсь суживается и горы и утесы сближаются, такъ, что мы подошли наконецъ къ самой подошвѣ цѣпи, и для продолженія пути предстояло намъ или карабкаться по крутымъ обшарпаннымъ утесамъ, или пробираться по мрачнымъ оврагамъ, заваленнымъ глубокимъ сѣвомъ. Съ большими усиліями выбрались мы, уже поздно ночью, на вершину горы, посматривая на высоту, покрытую болотомъ, отчасти замерзшимъ. Не найдя здѣсь удобнаго мѣста для ночлега, мы поехали далѣе на утолщенныхъ лошадей. Изъ южнаго края болота вытекаетъ рѣчка *Погиндема*, впадающая въ Малый Ануй. Слѣдуя теченіемъ ея, спустились мы съ горы по отлогому скату. Здѣсь холмы разступаются и образуютъ широкую долину, гдѣ медленно течетъ рѣчка по болоту, поросшему стелющимся тальникомъ. Мы ночевали въ 7-ми верстахъ отъ хребта, черезъ который переправились. Передъ нами, на югъ, весь горизонтъ отъ востока до запада опоясывала высокая горная цѣпь, и къ ней примыкали ряды холмовъ, концы обшарпана Погиндевская долина.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся три источника Баранки, находилъ я гранитные слои, а далѣе, въ горахъ и ущельяхъ, попадались твердый шиферъ, проросшій толстыми жилами кварца.

Августа 4-го была теплая и ясная погода; по полуденной высотѣ солнца определялъ я $68^{\circ} 46'$

43° широты; считанная долгота разпалась (° 29', на западъ отъ балагана; склоненіе магнитной стрѣлки было 15° къ востоку.

Около полудня спустились съ восточныхъ холмовъ и прошли, почти подѣвъ нашего ночлега, два безчисленные стада (по эвѣнскому, *иласинны*) оленей; съ морскихъ береговъ возирались опять страны болѣе теплыя и въ тѣсныхъ рядахъ медленно подвигались на югъ, образуя собою заостренный впереди треугольникъ. Высокіе вытѣстыя рога ихъ представляли видъ подвижнаго леса. Впередѣ каждого стада шелъ *сержаный*, животное огромнаго роста, и по увѣреніямъ извѣстныхъ проводниковъ, всегда самка (по эвѣнскому *валжинка*). За однимъ изъ стадъ крался голодный волкъ, по видимому, ожидавшій только случая броситься на какого нибудь изъ оставшихся молодыхъ оленей; увидя насъ, онъ убѣжалъ въ горы. За другимъ стадомъ слѣдовала большой чернѣй медвѣдь, но безъ всякихъ кровавыхъ пятенъ; онъ разрывалъ по временамъ землю, лопая съ удивительнымъ проворствомъ мышей и ѣлъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ. Невинное гаскровошическое препровожденіе времени такъ занимало огромнаго звѣря, что онъ и не замечалъ насъ. Съ трудомъ удерживали мы нашихъ собакъ, потоку что лай ихъ и всякое наше движеніе могли испугать оленей и лишить Алюбскихъ промысловиковъ ожидаемой добычи. Проходя оленьихъ стадъ задержалъ насъ два часа на мѣстѣ. Мы отправились потомъ за оле-

нами, и проехав 20 верст, остановились у подножия цепи горъ, которую видели съ послѣдняго ночлега. Въ восточныхъ частяхъ ея начинается ручей, впадающій въ Погнидану, а на западъ поднимаются отвѣсныя, зубчатая скалы. Погнидана поворачиваетъ здѣсь круто на западъ и течетъ по широкой долинѣ, обставленной съ сѣвера и юга рядами горъ. Судя по большимъ, извѣстнымъ кустарникамъ и сочной травѣ, климатъ здѣсь долженъ быть теплѣе и грунть мѣстѣ болотистъ. На песчаныхъ мѣстахъ растутъ въ изобиліи дикий лукъ. Столь замѣтнал переѣзжа прѣизбещія и температуры, а также и болѣе быстрое теченіе рѣки, доказываютъ, что здѣсь начинается настоящій скатъ горнаго хребта. Мы расположились ночевать въ 5-ти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ Погнидана загибается на западъ, при устьи впадающаго въ нее ручья.

Августа 5-го свѣжій восточный вѣтеръ нагналъ на небо тучи и не позволилъ намъ взлѣзть поудвоенной высоты. По счисленію, мѣсто ночлега было вѣдь $68^{\circ} 33'$ широты и $0^{\circ} 35'$ долготы, на западъ отъ балагна.

Мы продолжали путь на западъ, следуя изгибамъ Погниданы, которая здѣсь только въ 7-мъ сажень ширины, но глубока и весьма быстра. Руслѣ перегороджено во многихъ мѣстахъ камнями, образующими водопады. Только по торчавшимъ верхамъ сихъ камней можно переходить рѣку въ бродъ. Погниданская долина занята съ юга и съ сѣвера рядами горъ; южные вскорѣ пони-

жаются и превращаются въ небольшие холмы, а створыя удерживаютъ свою высоту и отъясно спускаются на берега рѣки. Въ 12-ти верстахъ отъ ночлега нашего увидѣли мы, после столь долгаго времени, первую рошу высокоствольнаго леса. Я воспользовался случаемъ, чтобы опредѣлить широту ея положенія и тѣмъ повѣрить и подтвердить сдѣланныя нами прежде наблюденія надъ предѣлами лесовъ. Мы съ г-нъ Матюшенинымъ уже имѣли случай замѣтить, въ двухъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго пунктахъ, что на востокъ отъ Нижне-Кольиска высокоствольныя деревья не растутъ далѣе $68^{\circ} 54'$ широты, а также и г-нъ Козыинъ въ провѣздъ своемъ черезъ Индигирскую тундру не встрѣчалъ лесовъ далѣе $68^{\circ} 40'$ широты. Но здѣсь линия лесовъ начиналась подъ $68^{\circ} 36'$ широты, впрямую, по причинѣ возвышеннаго положенія мѣста.

У края лесовъ, по южному берегу Погнандены, холмы состоятъ изъ шифера, отчасти глинистой породы, проросшаго кварцевыми жилами. Подъ шиферомъ лежитъ слой конгломерата, въ 4 фута толщины. Вообще слои камня идутъ отъ NO къ SO, наклоняясь подъ угломъ 20° къ горизонтальной плоскости.

Проехавъ сегодня всего 30 верстъ, мы остановились почивать на берегу рѣки, подлѣ небольшой лиственничной роши. На другомъ берегу ея возвышались мраморныя, черныя скалы. Онѣ состояли изъ тѣхъ же каменныхъ породъ, изъ какихъ были южныя, но только слои здѣсь на-

правляются на NO 80°, наклоняясь къ SO 10°, под угломъ въ 30° съ горизонтомъ воды. Долина около двухъ верстъ въ ширину; южные горы становятся выше; рѣка, шириною въ 10 сажень, течетъ весьма быстро, образуя несколько водопадовъ. Ночью лошади наши привлекли волка; онъ переплылъ рѣку, но испуганный лаямъ собакъ, удалился, прежде нежели мы успели взяться за ружья.

Августа 6-го небо очистилось. Рѣка широкими изгибами течетъ здесь по долине, омывая попеременно водошны горы, съсыпавшихъ ее съ юга и съвера. На берегахъ зеленѣютъ высокія ивы, а между ними изрѣдка поднимаются стройныя тополя и темно-вершинныя лиственницы. Такая простая картина представляла намъ нечто неизъяснимо прелестное, и даже мрачныя скалы, местами увѣнчанныя зеленымъ мхомъ, казались намъ мѣле утѣшныи. Вся окрестность напоминала благословенные края родины.

Пройхавъ 24 версты пріятѣйшаго дорогаго, мы остановились на ночлегъ. Долина расширяется здесь на 5 верстъ, а горы заметно становятся ниже; съвершии состоятъ изъ шиферной породы, сохраняя прежнее направленіе слоевъ. Берега и самое русло рѣки покрыты обломками шифера, кварца, конгломерата и зеленаго порфира.

На слѣдующее утро (7-го Августа) рѣзкій восточный вѣтеръ нагналъ туманъ. Вскорѣ вѣтеръ ужасно скрипчалъ и дулъ такими сильными порывами, что мы едва сидѣли на лошадяхъ. Ту-

чи несаясь съ немощною быстротою и наконецъ разразились проливнымъ дождемъ. Несмотря на такую погоду, мы продолжали путь, спеша достигнуть населенныхъ странъ, потому, что наши съездовые припасы почти уже совершенно истощились. Размоченная земля сдѣлалась столь топкою, что при всѣхъ успѣхахъ, мы проѣхали только 18-ть верстъ. Лошади наши едва двигались, а одна изъ нихъ была до того утомлена, что мы боялись ея лишиться, что заставило меня два дня оставаться на мѣстѣ. Между тѣмъ буря утихла; дождь шелъ однакожь все 8-е число, а на 9-е выпалъ сильный снѣгъ и на холмахъ не таялъ. Наше положеніе было самое затруднительное. Рѣка отъ дождевой воды выступила изъ береговъ и затопила всю окрестность, такъ, что холмъ, гдѣ мы ночевали, превратился въ островъ и ежеминутно ожидали мы совершеннаго потопленія. По счастью, сильный холодъ 9-го Августа избавилъ насъ отъ опасности. Здѣсь начинается обгорѣлый лѣсъ, придавая Погибденской долины унылый и обнаженный видъ береговъ Филиппки.

Августа 10-го, въ сильную мятежь, отправились мы далѣе. Горы, главный предметъ нашихъ наблюдений въ сей поездкѣ, недалеко отсюда сглаживаются. Потому рѣшился я ѣхать прямо на югъ, желая скорѣе достигнуть береговъ Малаго Аниса. Глубина и быстрота теченія Погибденны дѣлали тщетными все наши попытки переправиться черезъ нее въ бродъ. Мы прину-
жи-

лены были, въ 2-хъ верстахъ отъ ночлега, остановиться и ожидать убыли воды, у небольшого порога, гдѣ переправа казалась удобнѣе. Ночью вода замѣтно сбыва и до разсвѣта поспѣвшики мы пересбраться на другой берегъ по мылководнѣ, или, по здѣшнему, шиберу, образуемому пороги. Вода достигала до сѣдла, но переправа наша кончилась благополучно.

Неподалеку отсюда впадалъ въ Погиндену ручей, текущій съ юга. Скалистые берега его поросли густымъ тальникомъ и молодыми лиственничными, въ тѣни коихъ надѣялись мы найти куропатокъ. Такое пріобрѣтеніе могло быть намъ тѣмъ пріятнѣе, что уже четыре дня питались мы только сухарями и чаемъ. Отправивъ одного изъ своихъ проводниковъ на охоту, съ другимъ поѣхалъ я крайчайшею дорогою черезъ холмы. Здѣсь, особенно въ Августѣ мѣсяцѣ, куропатки водятся во множествѣ, а потому мы были уверены, что охотникъ нашъ возвратится съ богатою добычею. Но уже приближалась ночь, а онъ еще не явился. Мы начали уже беспокоиться, думалъ, не случилось ли съ нимъ какого нибудь несчастія, тѣмъ болѣе, что на зовъ нашъ и выстрѣлы не получили отвѣта. Наконецъ, поздно ночью, нашли мы своего охотника. Утомленъ отъ большихъ переходовъ и не надѣясь сплести пастъ, онъ преспокойно спалъ на берегу ручья. Вся добыча его состояла изъ одной куропатки, которая впрочемъ была послѣдняя изъ замеченныхъ нами до самыхъ береговъ Анны. Съ обманутыми

надеждою и голоднымъ желудкомъ, отправились мы далѣе.

Ручей, по берегу котораго былъ нашъ путь, отъ верховья до устья, $3\frac{1}{2}$ верстъ длинны. На западномъ берегу его тянется рядъ невысокихъ скалъ изъ чернаго шифера, а на восточномъ болото, изрѣзанное плоскими холмами и поросшее стелющимися листовичными кустарничками. Изъ холма, гдѣ начинается сей ручей, вытекаетъ на югъ другой, впадающій въ трѣхъ верстахъ отсюда въ небольшую рѣчку, текущую съ востока на западъ и составляющую одну изъ притоковъ Погиндены. Здѣсь остановились мы на ночлегъ. За низменными шиферными холмами поднимается на востокъ *Лобогенскій* хребтъ; вершины его украшены кекурами и съ него стекаетъ рѣчка *Лобогена*, впадающая въ *Анюю*. Мы продолжали путь черезъ невысокіе холмы и болота, переправились черезъ два ручья, текущіе въ Погиндену, и прохажъ всего 21 версту, остановились на ночлегъ среди болотистой, усыпанной озерцами равнины, разстилающейся до берега Погиндены. Рѣка сія, въ 8-ми верстахъ разстоянія на западъ, казалась намъ едва замѣтнымъ ручейкомъ. Въ томъ же направленіи видны были *Алединскія горы*, которыя тапугса грядою на *SSO* и выходить изъ берега *Анью* въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ Погинденною. На югъ, въ некоторомъ отдаленіи видѣть еще хребтъ островершинныхъ горъ.

Мѣсто нашего ночлега, по полуденному наблю-

ленин, было подлѣ $68^{\circ} 32' 57''$ широты и $2^{\circ} 42'$ численной долготы, на западъ отъ балагана. Склоненіе магнитной стрѣлки было $12\frac{1}{2}^{\circ}$ восточн.

Августа 13-го, проспавшись рано поутру, мы увидѣли, что изъ нашихъ четырехъ лошадей осталась подлѣ палатки только одна, и то самая старая и безсильная. Остальныхъ разбѣжались ночью, вѣроятно, испуганнымъ приближеніемъ волка или медвѣдя. Мы разошлись въ разные стороны искать нашихъ бѣглецовъ, но напрасно. Поздно вечеромъ возвратились мы въ свою палатку, гдѣ не имѣли утѣшенія даже подкрѣпиться пищею, потому, что наканунѣ послѣднія порціи сухарей были между нами раздѣлены и у насъ оставались только сахаръ и чай.

Къ потерѣ лошадей присоединилось еще несчастье. Служившій намъ путеводителемъ Юкагиръ рѣшительно объявилъ, что онъ сбился съ дороги, и не знаетъ, гдѣ именно мы находимся; утверждалъ, что горы, насъ окружающія, ему совершенно незнакомы, а лежащая на югъ островершинная сопка ничего не похожа на тѣ, какія пахотятся на берегахъ Анны подлѣ селенія Ковалова, зимовья Юкагирова, и что потому мы должны быть еще очень далеко отъ лѣтней станицы народа. Непобѣдимыя при извѣщеніяхъ ошибкѣ заставили меня сомнѣваться въ вѣрности численной долготы, но и самъ Юкагиръ до того растерялся, что въ идіиной нашей рѣчѣ не узнавалъ Погибелъ, и никакъ не могъ мнѣ сказать, когда именно слишкомъ далеко уклонились мы на востокъ

или на запад. Наше положение, особенно по недостатку съестных припасовъ, было самое критическое. Не смевъ терять времени, мы должны были по возможности спешить къ берегамъ Анюя, гдѣ есть несколько селеній. И пришлось ожидать здѣсь лошадей до утра, и если онѣ не найдутся, продолжать путешествіе пѣшкомъ.

Августа 14-го поутру лошади не показывались. Мы свезли наши палатки и вещи и продолжали ихъ въ безопасномъ мѣстѣ. Чайники, котелъ и инструменты мои павыючили на оставшуюся лошадь, и при проливномъ дождѣ и холодномъ вѣтрѣ пошли далѣе пѣшкомъ. Избывая по возможности болотистыхъ мѣстъ, мы шли по плоскимъ холмамъ. Ближе было бы описывать трудности нашего пути, то по вязкому болотистому грунту, поросшему сухими, колючими, стеблистыми кустарникомъ, то по скользкимъ крутымъ скатамъ холмовъ, и наши переправы черезъ разлившіеся отъ дождевой воды ручьи, иногда по коленъ въ воду, а иногда по набросанному искрому мосту. Въ теченіе 8-ми часовъ безпрерывныхъ усилій прошли мы только 15-ть верстъ и принуждены были остановиться на ночлегъ. Дождь пересталъ. Мы развели огонь, высушили, какъ могли, наши платья, вместо ужина наполнили чаю и провели ночь подъ открытымъ небомъ. На другой день голодъ сталъ насъ мучить и ежедневную усиливаться. Мы надеялись въ порыхъ полевыхъ мышей найти кореньевъ и морсони, которыми обыкновенно запасаются онѣ

часть II. 15

на зиму и чьяз перьдко спасаются Юкагирь оть голодной смерти, но надежда нась обманула, потому что мыши никогда не доверяють своихъ запасовъ болотистому грунту. Наконецъ, мы приблизили къ древесной корѣ: срубили молодую аистосиницу, очистили верхіе слои коры, а мякче вѣжіе осторожно отдѣляли оть дерева, разрубали на мѣлки части и положили вариться въ котель съ водою. Прежде нежсали посылы наше кушанье, употребленное здѣсь въ голодные годы, надобно было несколько разъ снимать съ воды стру, по мѣрѣ варенія коры всплывавшую на поверхность. Наконецъ образовался у насъ родъ жидкой кашки, отъ приваса соли и перца, полученной непротивный вкусъ, несмотря на вязкость и смоляность. Впрочемъ, сія пища, при умеренномъ употребленіи, не имѣетъ вредныхъ послѣдствій. Во время обѣда нашего небо обложилось густыми облаками и весь день 15-го Августа шелъ дождь.

Мы отправились въ путь, не смотря на погоду. Ходмы становились выше и чаще, по мѣрѣ нашего приближенія къ тому мѣсту, гдѣ, по моему счисленію, протекала Аинюй. Въ 13-ти верстахъ отъ ночлега, переправившись къ броду, по грудь въ воду, черезъ быстрый ручей, достигли мы подошвы горной цепи, и съ большими усилиями сообрались по крутому скату на самую высокую солку. Отсюда открылся намъ далекій видъ на окрестность. Горы тянулись къ юго-западу, а на югѣ лежала пространная долина,

где переболел предель наших страданий, давал искомый Аниой. Можно себя представлять на эту радость. Юкагирь ушамать долину, реку и свое зимнее жилище, Коновалова, забыть усталость, голод и громко запеть веселую *Андыд-вину* (Юкагирскую любовную песню). Меня больше всего радовала твердость моего сновидения.

Намъ оставалось пройти еще $3\frac{1}{4}$ версты до реки, а отъ насъ было еще две версты до Коновалова, такъ, что мы падалились только къ вечеру быть въ селеніи, но подойдя къ реке, отъ усталости не могли мы идти дальше и рѣшились провести ночь подъ открытымъ небомъ и подъ сызынымъ дождемъ. Сегодня находились мы въ пути всего $11\frac{1}{2}$ часовъ, безпрестанно карабкась на крутыхъ склонахъ горы по крутымъ скользкимъ тропинкамъ.

Намъ Юкагирь рѣшился однакожь идти въ селеніе, съ тѣмъ, чтобы принести намъ съветныхъ припасовъ. Мы развели огонь и ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія посланнаго, но черезъ $1\frac{1}{2}$ часа пришелъ онъ съ пустыми руками. Все чуданы и казновыя жители, находившіеся еще на лѣтнихъ, были пусты: вѣрное доказательство, что и здѣсь народъ терпитъ голодъ.

Мы до того были утомлены, что не думали уже о лѣтвенничьей корвѣ, а напились только чаю и провели ночь на сырой землѣ. На другой день (16-го Августа), рано поутру, отправились мы въ Островной острогъ, гдѣ можно было найти людей и съветные припасы, но и здѣсь на-

дежда насъ обманула. Острогъ былъ еще пустъ. Жители его разошлись по окрестностямъ, занимаясь охотою и рыбною ловлею. Въ кладовыхъ не нашии мы ни крошки запасовъ. Съ горъ сварили мы себѣ оплѣть лиственничной коры и подкрепили ею силы свои. Отсюда послали я проводниковъ къ Обромской горѣ, гдѣ здѣшніе Юкагiry обыкновенно сторожать оленей, и велѣли просить у Князьва съѣстныхъ припасовъ. Князекъ прислалъ мнѣ всю свою провизію, состоявшую изъ куска оленины, двухъ оленьихъ языковъ и одной рыбы. Во всей здѣшней сторонѣ свирѣпствовала голодь; люди питались точенными костями, оленьего шкурою, кореньями, и т. п. Вѣсенній промыселъ оленей не удался, а время осенняго еще не наступало.

Нельзя было безъ состраданія смотреть на народъ, существованіе котораго записать единственно отъ случая. Здѣшніе Юкагiry такъ бѣдны, что не могутъ приобрести себѣ пельцовъ и сѣтей для рыбной ловли, и занимались съ незапамятныхъ временъ оленью охотою, только въ ней находить средство пропитанія, съ года на годъ скуднѣющее. Съ пѣкотораго времени олени, какъ будто наученные многолѣтними опытами, перемѣнили сроки своихъ переходовъ. Прѣжде переправлялись они черезъ Анюю лѣтомъ впаивъ, а нынѣ переходятъ весною и осенью по тонкому льду, и потому охота сдѣлалась гораздо опаснѣе и часто бываетъ совершенно невозможна. — «Нынѣ и олень сталъ мудрѣе,» говорятъ Юкагiry.

Здѣсь узнать я, что въ острогѣ ожидаетъ меня казакъ, прибывшій изъ Якутска съ бумагами, письмами и деньгами для экспедиціи. Спѣша въ Нижне-Колымскъ, я долженъ былъ отнѣнить посещение Обронскихъ горъ и осмотръ прибрежныхъ Анюйскихъ скалъ. Отправивъ двухъ надежныхъ людей, верхомъ, за оставленными отъ насъ вещами, поплылъ я, 17-го Августа, въ лодкѣ, внизъ по быстрому Анюю. Извилистые берега его украшались еще зеленеющими тополями.

Берега и окрестности Анюя посѣщены были въ 1821-мъ году г. Матюшкинымъ и съ достаточною подробностью описаны выше.

Августа 20-го возвратился я въ Нижне-Колымскъ, по 62-хъ дневномъ отсутствіи. Недалеко спусти въѣхалъ г. Козьминъ. Рыбная ловля на Баранихъ кончилась не весьма удачно, такъ, что вся надежда наша оставалась на сельдей, въ безчисленномъ множествѣ поднимавшихся вверхъ по теченію Колымы.

Сентября 18-го рѣка покрылась льдомъ и установились зимніе дорожки, а 24-го возвратился г. Матюшкинъ, совершившій трудное путешествіе, до самыхъ Чукотскихъ кочевьевъ. Журналъ его составляетъ слѣдующую главу.

ГЛАВА VII.

Путешествіе штурмана Матюшкина, по тундрамъ къ востоку отъ
Колымы, дѣлано 1822-го года.

Въ наступившее лѣто 1822 года, начальникъ экспедиціи, въ сопровожденіи штурмана Кошкина, намереваясь посѣтить, такъ называемую, *Кажиную тундру*, а мнѣ поручить осмотрѣть и описать страны къ сѣверо-востоку отъ Колымы лежащія. Мы вышли изъ Нижне-Колымска вмѣстѣ, 23-го Іюня, и 27-го числа достигли деревни Нантелески, гдѣ наши пути раздѣлились. Здѣсь засталъ мы купца Бережного, спутника нашего въ послѣдней поездкѣ; онъ отправлялся съ караваномъ къ Чаусскому заливу, для отысканія мамонтовыхъ костей и мѣловой торговли съ Чукчамъ. Мнѣ мой былъ одинъ и тотъ же съ его путевъ, а потому, по просьбѣ Бережного, рѣшился и взѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

Июля 1-го простившись мы съ начальством экспедиции, переправлялись на правый берег Пантелеевки, навьючили лошадей и начали путешествие. Сначала дорога шла по узкой тропинке на Пантелеевскую гору, а на третьей версте сворачивала на восток, къ такъ называемым *Камнямъ*. Сими поворотами избежали мы переправы черезъ притоки рѣкъ Пантелеевки и Учинны отъ непрерывнаго, въ теченіе двухъ послѣднихъ дней дожда разлившихся и недавнихъ бродя. До заката солнца ѣхали мы черезъ гряды утесистыхъ, поросшихъ гъсомъ холмовъ и черезъ болотистыя долины, изрѣзанныя безыменными ручейками и протоками. Въ сумерки переправлялись черезъ глубокую и быструю рѣчку *Шупица*, вытекающую изъ Бѣлыхъ Камней и впадающую въ Пантелеевку, въ 10-ти верстахъ выше деревни сего имени. Слѣды вчерашней бури были видны по всей дорогѣ; ваковыя деревья, вырванные съ корней, лежали длинными рядами и весьма препятствовали ѣздѣ. Къ ночи мы остановились, разбили палатку и пустили лошадей на лугъ.

На слѣдующій день (2-го Іюля) отправились далѣе. По мѣрѣ приближенія нашего къ Бѣлымъ Камнямъ, лѣсъ постепенно рѣдѣлъ и наконецъ превратился въ низменный кустарникъ, надъ которымъ вѣрѣдка торчали обгорѣлыя лиственничныя деревья. Болотистый грунтъ былъ покрытъ сѣяннѣмъ зеленымъ мохомъ, а между кочками журчали безыменныя ручейки. На позывъ

шеніяхъ и холмахъ бродили стаи болотныхъ птицъ, которыя къ сѣверу отсюда не попадаютъ. Вообще произведенія животнаго и произрастающаго царствъ постепенно исчезали и степь становилась мертвѣе и пустѣе; только туча комаровъ равнялась надъ тундрою и мучила насъ и лошадей. Въ надеждѣ избавиться отъ пѣхъ прѣдложеніи, мы рѣшились ночевать на возвышеніи, вѣдая незащищенномъ отъ вліянія вѣтра холмѣ, но къ несчастію, вѣтеръ стихъ и наша предосторожность намъ не пособила. Наконецъ закрывались мы сѣтками изъ лошадиныхъ волосъ, окружали себя кострами изъ травы и моха, забирались въ наполненную густыми дымами палатку—ничто не могло защитить насъ отъ укушенія ужасныхъ враговъ. Наконецъ, темнота и прохлада ночи доставили намъ спокойствіе, но не на долго, ибо съ первыми лучами солнца появились нунителіи наши съ новою яростью.

На следующее утро (3-го Іюля) мы спустились съ Бѣлыхъ Камней; заметно уменьшались, они тянулись на востокъ цѣлью плоскихъ холмовъ и идуть къ югу, черезъ поросшую лѣсомъ и разрезанную рѣками холмистую долину. Лѣсъ становился гуще и гуще, такъ что наконецъ мы насплу могли подвигаться впередъ. Бхатъ по берегамъ рѣкъ было неудобно, потому что онъ впадалъ въ Анюй слишкомъ далеко на западъ отъ цѣли нашего путешествія, источника Островнаго. Мы блуждали по лѣсу, то направо, то лѣвѣе, выбирая мѣста, гдѣ деревья стояли

не такъ часто, намъ сдвину по тропинкамъ, протоптаннымъ оленями. Къ ночи остановились на крутыхъ берегахъ одного изъ притоковъ Учины, среди дремучаго лиственничнаго лѣса. Здѣсь, въ первый разъ послѣ отъѣзда нашего, встрѣтили мы слѣды людей, а именно нѣсколько ловушекъ для соболей и лисицъ.

Ноча 4-го, рано по утру, увидѣли мы за лѣсомъ двѣ горы, *Круги* и *Нунголь*, лежащія на берегу Аноя. Между ними проходила наша дорога. Впрочемъ, не смотря на близость, мы никакъ не могли шизяться сегодня достигнуть рѣки. Лѣсъ становился на каждомъ шагѣ дремучѣе и непроходимѣе, и вероятно, пока человѣкъ никогда еще не проникала сюда. Единственный нашъ путеводитель, оленья тропа исчезла; корни, сучья и поваленныя деревья безпрестанно пересѣкали намъ дорогу.

Направляясь постоянно къ востоку, мы часто принуждены были переправляться черезъ быстрые ручьи, а иногда топорами прорубать себѣ путь, такъ что со всевозможными усиліями пролазили въ часъ немного ползуверсты. На смотря на то, къ вечеру, противъ ожиданія, достигли мы безъдной долины, гдѣ уединенно возвышается отдѣльная гора *Круги*. * Къ востоку отсюда, за низменною цѣпью плоскихъ холмовъ, называемыхъ здѣсь *Долгами Соловьиными*, лежитъ гора *Нунголь*, среди пространной долины, изрѣ-

* Должно замѣтить, что въ восточной Сибири всѣ отдѣльно стоящія горы, не смотря на ихъ образованіе, называются *Кругами*.

завиной бесчисленными озерами и речками. Дорога туда была весьма утомительна, и потому, не дойдя пяти верст до горы Нунтоля и лежащих там Юкагирских дзювьев, мы остановились на ночлег в лесу.

Дорогою, при переправе через небольшой ручей, застряли мы огромный мамонтовый клык, вероятно, пуда в два с половиною веса, который вполне вознаграждал бы Бережного за все переносимый им грузило. К сожалению, после ближайшего исследования оказалось, что значительная часть клыка примераю ко лбу на дне ручья и без помощи длинных, острых пешней не могла быть отвлечена. К досаде всего общества, но особенно при себе необходимых орудий, мы не могли воспользоваться нашим находкою.

На следующее утро (5-го Июля), в 9-ть часов утра, достигли мы дзювья одного семейства Юкагирских рыбаков, лежащего при подножии Нунтоля, на берегах Анюа. По совету Юкагиря, мы переправились здесь через реку, потому что далее вверх, по его сторону Анюа, совершенно непроходимо, берега необитаемы и переправа через устье реки Поглядепы в настоящее время года невозможна.

Июля 6-го продолжали мы путь по берегу Анюа, через довольно густой лес. Между огромными лиственными деревьями заметили несколько пня старых деревьев: гробницы коренных обитателей страны, Юкагиря или Ожо-

ковъ; въ настоящее время у нихъ здѣсь одно общее названіе *некрещенныхъ*. Подобно большей части кочевныхъ народовъ, племена сѣверо-восточной Сибири хоронили своихъ умершихъ въ большихъ четырехугольных гробахъ, утвержденныхъ, для большей отъ хищныхъ зверей безопасности, на высокихъ столбахъ *. Почти все видѣнная нами гробница уже обрушилась. Бревна, поддерживающія и составляющія гробы, были, по видимому, обтесаны каменными топорами. Я надѣялся отыскать здѣсь какія нибудь древнія оружія, или принадлежности одежды; но кромѣ неслѣвшихъ костей и череповъ ничего не нашелъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ меня Юмугаровъ утверждалъ, что въ могилахъ шамановъ попадаются иногда остатки идоловъ, а также разныя вещи изъ китоваго уса и жиди.

За лѣсомъ лежала пространная, болотистая долина, вероятно, некогда покрытая деревьями, что доказывали небольшія крутила кочки, поросшія ихою; между ними извивались безчисленныя ручейки. Дорога была ужасна. Лошадки наши, то спотыкаясь на кочки и ямы, то утонали въ болотъ, такъ, что нѣсколько разъ

* Подобные ямки, утвержденные на высокихъ столбахъ, известны здѣсь подъ именемъ *саббъ*; когда употреблены они уже не для погребенія мертвыхъ, а для сожженія рыбъ и другихъ животныхъ отъ дикихъ зверей. Говорятъ, что когда нибудь иногда перепрыгивать саббъ, поддерживающіе такой ямочки. Для очищенія ихъ попытка прыгнуть здѣсь обыкновенно нѣтуетъ, или вскакивъ столбы порою и дѣло нѣтъко истощающею силою, что равно прѣтенью выдыханья.

принуждены мы были ихъ развѣчивать. Тогда не могла быть быстрою. Поздно вечеромъ достигли мы небольшого селенія на правомъ берегу Анхы, въ 25-ти верстахъ отъ нашего послѣдняго кочета. Сюда для рыбной ловли собралось тогда нѣсколько Чувашскихъ семействъ, потерявшихъ своихъ оленей. Но даже и сія обильная рыбная рѣка не избавила несчастныхъ отъ голода; у нихъ не было сетей и для ловли употребляли они весьма несовершенный родъ удочекъ и еще болѣе несовершенный родъ неводъ, въ которые только чудомъ могла попасться рыба. Бѣдствія и нужды Чувашевъ превосходятъ всякое описаніе. Мы подарили имъ часть нашихъ записокъ. Однѣхъ впль порядочной пищи привелъ голодныхъ дикарей въ истинное восхищеніе, а насытившись, они вдругъ презаались самымъ страннымъ порывамъ радости и благодарности, до того, что мы едва могли ихъ успокоить и найти время отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ. На слѣдующее утро, все народонаселеніе деревни провожало насъ на другой берегъ; женщины пѣли въ нашу похвалу сочиненныя стихи, а мужчины стрѣляли въ честь нашу изъ ружей. Наконецъ, они разстались съ нами, повторяя увѣренія въ своей благодарности и долго еще доносились до насъ ихъ веселыя пѣсни. Несчастные забывали, что только сегодня они еще сыты, а завтра нужда и голодъ наступятъ съ новою силою, тѣмъ болѣе, что по общей безснотности ихъ никто незабо-

тился даже въ тотъ день закинуть уду, или запустить неводъ.

По высохшему руслу рѣки достигли мы довольно скоро лѣтвя, лежащаго на южномъ берегу Анюя, противъ горы Оброма. Пездоровье Бережного и утомленіе лошадей принудили насъ проехать здѣсь два дня.

Юля 10-го велѣли мы переправить нашихъ лошадей на правый, сѣверный берегъ Анюя, а сами, на небольшомъ плоту, попалимъ по рѣкѣ въ Островное, куда вскоре послѣ насъ прибыли и лоподы съ поклажею. Купецъ Бережной взялъ отсюда Чуванскаго Кизька, знавшаго Чукотскій языкъ и согласившагося провожать насъ въ качествѣ переводчика. Разныя приготовления къ поѣздкѣ заняли цѣлый день, и только 12-го числа отправились мы далѣе, вдоль свѣтоспадающаго, лѣсистаго ската горы Оброма, переправились черезъ рѣчку Островную и недалеко отсюда расположились воевать, проехавъ всего 15-ть верстъ.

На слѣдующій день небо покрылось тучами; атмосфера наполнилась густыми парами; наконецъ пошелъ дождь и продолжался безпрерывно цѣлую недѣлю. 13-го Юля взяли мы по высокимъ лѣснымъ холмамъ, до источниковъ ручья Кониюмова, гдѣ переночевали, а на другой день, при сильномъ дождѣ, поехали далѣе. Къ вѣтеру передъ нами открылась просторная, голая долина, огораживающаяся съ противоположащей стороны лѣсомъ, раздѣленнымъ на отдѣльныя кусты.

Начь казалось, что онъ прорѣзывается извили-
нами значительной рѣки, которую почитали мы
Погниденною. Къ сожалѣнью, достигнувъ лѣса
уже поздно ночью, мы нашли только незначи-
тельный ручеекъ, черезъ который переправились,
и потомъ вереничезали.

До сего мѣста дорога была наша по об-
наженной, мертвой равнинѣ. Мы не видали ни
птицы, ни другихъ животныхъ, и ждали ско-
рѣе достигнуть усталой озерной тундры, гдѣ
можно было надѣяться найти рыбу и гусей и
ими дополнить истощенныя наши запасы. Съ
разсвѣтомъ поспѣшили мы далѣе и скоро до-
стигли холма, съ котораго открывалъ къ сѣве-
ру низинную островами и обильную рыбною рѣку
Погнидену. Мы прѣехали къ ней въ полдень, и
долго и тихо искавши брода, расположились
на берегу, въ тѣни густой тополевоы рощи. Ло-
шадѣ наши съ наслажденіемъ питали сочную
траву, а мы забросали съѣсть и вошли искать
удобнаго мѣста для перехода черезъ рѣку.

Берега Погниденны составляютъ рѣзкую про-
тивоположность съ пустынною печальною стра-
ною, доселѣ нами осматрѣвную. Переходъ такъ
внезапный, что кажется, какъ будто волшебствомъ
переносится путникъ въ другую страну и дру-
гой климатъ. Вѣсто однообразныхъ лиственницъ
и непрерывныхъ топкихъ болотъ видите здѣсь
прекрасныя, свѣжею зеленою одеждою лужайки,
съ густыми рощами высокоствольныхъ тополей,
осиновъ и особаго рода ивы, отличающейся свѣп-

ки длинными, тонкими сучьями. На возвышенных берегах цветут разные благоухающія травы. Здесь нашли мы также много дикаго лука, составившаго очень вкусную приправу наших кушаньевъ.

Не съезжая удобно для переправы места, мы возвратились къ палаткѣ, вытащили изъ воды нашу сеть, и—увы! она была пуста. Презвѣдънаго цѣловальныя двоякою неудачею, мы расположились здѣсь почевать, къ надеждѣ, что къ утру вода въ рѣкѣ сойдетъ. Такое мнѣніе въ Сибири очень обыкновенно, потому что даже зимой ночные морозы покрываютъ льдомъ ручьи и малые притоки большаго рѣки, а въ чемъ виновна вода по утру въ послѣдъ ниже, нежели вечеромъ.

Дѣйствительно, 16-го числа, рано поутру, нашли мы, что вода въ Ногиндѣ сошла на цѣлыя два фута. Мы успѣли тѣмъ воспользоваться и выбрали для переправы мѣсто, гдѣ рѣка раздѣлилась на три руссана. Первый изъ нихъ была совершенно суха, во второй вода достигала почти до сѣдей, а въ третьей мы едва не потонули одной изъ нашихъ вьючныхъ лошадей. Черезъ послѣднюю руссану переправляясь мы по порогу; теченіе было весьма сильно, но гладкое каменистое дно представляло болѣе удобства переправѣ. Противопоставляя стремительному напору воды всю силу лошади, должно было идти наискось противъ теченія рѣки, и такимъ образомъ мы все счастливо достигли крутого про-

тиломещающего берега. Но пока переднія лошади карабкались на него, сила теченія повернула самую заднюю лошадь и повлекла ее съ собою. Она погибла бы непременно со всеми выюками, еслибы не была привязана къ переднимъ лошадямъ ремнемъ, который былъ такъ крепокъ, что мы могли вытянуть на берегъ несчастное животное.

Отсюда отправились мы dalje на сѣверъ. Съ вершинъ обнаженнаго холма открылась передъ нами обширная болотистая равнина, усыпанная безчисленными озерами и орошаемая рѣкою Филатовою, принадлежащею къ тремъ главнымъ притокамъ Погнанды. Почти параллельно съ нею тянется цепь невысокихъ холмовъ, по которой мы слѣдовали, и переправлялись черезъ болото, достигая береговъ Филатовой. На дорогѣ замѣтили нѣсколько пустыхъ Тунгусскихъ юртъ.

Филатова гораздо меньше Погнанды и вѣстали нешире 10-ти сажень, но ея теченіе чрезвычайно быстро и образуетъ, можно сказать, непрерывныя водопады. Она исчезаетъ островами, а пещаные берега ея поросли пламеннымъ киякомъ. Приближаясь къ холмамъ, рѣка круто изгибается, составляя на правомъ берегу высокія мысы, гдѣ залегаютъ отдѣльныя купы лиственницъ. На одномъ изъ такихъ возвышеній расположились мы на ночлегъ; древесныя вѣтви защищали насъ нѣсколько отъ дождя, непрерывно продолжавшагося.

Две цепи горъ таялись по обоимъ берегамъ реки, постепенно повыжаясь, и въ 20-ти верстахъ на него-скала оказывалась высокая, зубчатыйи утесами обставленная гора, известная подъ именемъ Шарикованаго Каина. Далее горныя цепи превращаются въ ряды скалъ; большая часть ихъ такого страннаго образованія, что воображеніе находитъ здѣсь исполненія фигуры людей, зверей, разнородныя строеній, и т. п. Господствующая каменная порода въ сей полость шиферъ, проросній кварцовый жеманъ.

Не смотря на безпрерывный дождь, превратившійся ночью въ сильный снѣгъ, мы продолжали путь. Въ 10-ти верстахъ отъ ночлега достигли мы реки, которую наши проводники называли *Федотихой*. Она течетъ по опушкѣ леса и выдаетъ съ правой стороны въ Фалатову, подъ 69° 3' широты.

Здѣсь оканчивается влакоствозный лѣсъ; на противоположной сторонѣ растутъ только низовый кустарникъ, превращающійся наконецъ въ низменный, стекающійся ерикъ. Запасшись шестами для нашихъ палатокъ, мы отправились далѣе, и переправившись черезъ несколько ручьевъ, впадающихъ въ Федотиху, остановились ночевать у подножьи небольшого холма, доставшаго изъ-за запылу отъ холоднаго вѣтра. Пока лошади наши выгребали себѣ коры изъ-подъ снѣга, проводники собрали достаточное количество прутьевъ, такъ что мы могли сдѣлать себѣ ужинъ и поддерживать небольшой огонь. Ночью

громкий лай собаки разбудил нас: большой черный медведь приближался к палатке, но испуганный лаем собак набежал и вскоре скрылся в кустарниках. Теннота не позволила нам преследовать бегунаго.

Холодная дождливая погода не слишком благоприятствовала нашей путешеству. Юля 18-го густой туманъ покрывъ всю окрестность; въ ста шагахъ нельзя было различать предметов. Горы по правому берегу рѣки, вдоль которыхъ мы слѣдовали, казались выше и крутѣе лежащихъ на сѣверъ; мѣстами, гдѣ позволялъ туманъ, мы видели, что вершины горъ были скалисты и покрыты снегомъ.

Отъ непрерывнаго дождя и сѣтя разлившіеся ручьи, лились, вырывались изъ ущелій южной итти горъ и прорѣзывали во всѣхъ направленіяхъ долину; она постепенно становилась уже, и наконецъ уподобилась высохшему руслу рѣки; по обѣимъ сторонамъ отъ него подымались ряды скалъ, утѣчавшихъ зубцами страннаго образованія. Между горами зѣлали мрачныя пропасти и ущелья; вся земля замалена была осколками камней. Вообще вся долина являла дикій видъ и произвела на насъ унылое впечатлѣніе. Юкагирь увидѣли, что злые духи основали здѣсь свое лѣтнее жилище. Несмотря на такое мнѣніе, туземцы, принявъ большія мѣры для защиты себя отъ вреднаго вліянія злыхъ духовъ, посѣщаютъ осенью сию долину для охоты за дикими баранами. Всего изобилнѣе водятся сіи

животных на берегах Березовой, получившей от того название Малой Бараньих. Несколько времени следовали мы между скалами, по извилистым берегам реки, но резкий ветер, вырвавшийся с неожиданною силою из ущелий и оврагов, ежесекундно грозил снести и прогнать лошадей и сбежать и принудить нас остановиться. Для почлега выбрали мы устою под навесом скалы, защищавшей нас от непрерывного снега.

К утру ветер стих и мы могли отправиться дальше. Долина, постепенно раздвигаясь, достигла наконец 10-ти верст ширины; с тем вместе, обставленная ее горы понижались и в 20-ти верстах от почлега превратились в отдельные земляные холмы. Течение Березовой стало спокойнее; бардак понаделся небольшой, свойственный тундре озера. К вечеру расположились мы ночевать при подножии невысокого холма. Долина была здесь уже около двадцати верст в ширину.

За труды сегодняшней поездки были мы с купцом Бережновым несколько награждены: он нашел прекрасный мамонтовый рог, а мне удалось застрелить жирного лебедя. Моя добыча из настоящих наших обстоятельств была гораздо драгоценнее находки моего спутника, потому что наши запасы были очень уже скудные и ограничивались немногими сухарями.

На другой день, по утру, мы были разбужены громкими криками стада диких гусей, в бесчисленном множестве плескавшихся недалеко

ко отъ насъ, въ озеро. Мы: поспѣшили воору-
житься палками, оседлали лошадей и окружили
озеро, въ надеждѣ на богатую добычу. Собака
наша бросилась въ воду и выгнала птицъ на
берегъ; въ короткое время намъ удалось убить
палками 75 гусей. Не привыкши владѣть палкою
такъ искусно, какъ туземцы, и не зная всякъ хит-
ростей дикихъ гусей, я убилъ только одного.
Быстрота и проворство, съ какими туземцы пре-
спѣваютъ разбѣгаться въ разныя стороны гу-
сей, безпрерывно дѣйствуя палкою по всякъ
направлеиіямъ, заслуживаютъ удивленіе. Вообще
гусиная охота представляется оригинальную
и необыкновенную картину, несколько напоми-
нающую посылку оленей въ воду.

Обрадованные столь значительнымъ прираще-
ніемъ дневныхъ съѣстныхъ припасовъ, мы нагру-
дили ныи лошадей и отравились въ путь. Сего-
дня былъ первый ясный день съ самаго отъѣз-
да изъ Островнаго. Мы снѣжили воспользоваться
благопріятною погодою и достигнуть мор-
скаго берега, по вѣтрно нашего проводника,
бывшаго отъ насъ въ 30-ти верстахъ, но въ пол-
день я вѣдалъ полуденную высоту солнца, и къ
общей радости моихъ спутниковъ, нашелъ, что
мы находились только въ 5-ти верстахъ отъ ко-
ря. Дѣйствительно, переиравнившись на правую
сторону Березовой и перейдя цѣль невысокихъ
и плоскихъ холмовъ, мы достигли морскаго бе-
рега и расположились почевать въ нѣсколькихъ
верстахъ на востокъ отъ устья рѣки.

Твердый, блестящій, бѣлый ледъ покрывалъ море до края горизонта и только въ заливахъ была вода. Ночью сильный вѣтеръ разнесъ копѣние и выбросилъ на берегъ огромныя льдины; холодъ былъ весьма чувствителенъ.

Юля 21-го, рано по утру, отправлялся мы далеко на востокъ, по морскому берегу. Обходя богатѣйшимъ устьемъ многихъ ручьевъ и рѣчекъ, впадающихъ здѣсь въ море, и занимался по дорогѣ гусиною и леоповою охотою, подвигались мы весьма медленно, и только въ полночь прибыли къ богатому акваторіи, гдѣ нашли начальника нашего съ его спутниками.

Приготовленія къ дальнѣйшему путешествію задержали насъ здѣсь несколько дней. Наконецъ, 31-го Юля оба каравана отправились въ путь. Начальникъ экспедиціи поѣхалъ на югъ, къ верховьямъ Большой Баранихи, а мы переправились на лодку, устроенную г. Колыновымъ, черезъ три устья сей рѣки, до того мѣста, куда лошади наши были отправлены за несколько дней. Здѣсь были мы принуждены остановиться, потому, что Чуванскій Князь, сопровождавшій насъ въ качествѣ Чукотскаго толмача, внезапно занемогъ. Наши прѣстѣя лекарица, вода, чай и перецъ, соединенныя съ діетой и спокойствіемъ, оказали желаемое дѣйствіе на больного. Черезъ сутки былъ онъ почти здоровъ, и 1-го Августа могли мы продолжать путь.

Правый берегъ Баранихи, гдѣ мы находились, совершенно ослѣпшаго образованія противъ лѣ-

лаго. Вместо обрывистых спутанных кряжей, скаль и утесовъ, затруднявшихъ прежде наше путешествие, тянутся здѣсь параллельные ряды невысокихъ холмовъ. По скатамъ ихъ тѣли мы на ZO. За нами, на краю горизонта, рисовались черные зубцы утесовъ и скаль.

Періодъ ливня гусей окончился и бесчисленными стадами летали они на югъ, но столь высоко, что были вне нашихъ выстрѣловъ. Напротивъ, намъ удалось убить 18-ть лебедей. Они линяютъ не стадами, какъ гуси, а попарно, и изрѣдка по четыре на одну озеръ.

Въ 10-ти верстахъ отъ рѣчки, значительнейшей изъ впадающихъ въ море на востокъ отъ Баранкина, заметили мы развалившійся холмъ. Все пространство, отъ подошвы его до морскаго берега, на разстояніи полуверсты, было, въ полномъ смыслѣ слова, усѣяно останками разныхъ допотопныхъ животныхъ. Мой спутникъ надеялся получить здѣсь богатую добычу, но не смотрѣлъ на самыя тщательныя изысканія, не могъ онъ найти ни одного мамонтоваго клыка. По большому количеству чешуекъ сего животнаго заключили мы, что другіе, болѣе счастливые промышленники посещали уже здѣшнія мѣста прежде насъ и загладили всѣми драгоцѣнностями. Наше предположеніе въ послѣдствіи оправдалось. Недалеко отсюда, на небольшой долиинѣ, жилили мы слѣды, гдѣ некогда горѣли костры и стояли палатки; вокругъ валялось много полуспорченныхъ кусковъ мамонтовыхъ клыковъ.

Вероятно, партия промышленников очищала и готовила здесь къ перевозу свою добычу.

На другомъ берегу рѣки переправились мы черезъ рядъ холмовъ и достигли долины, по которой течетъ рѣчка *Козьминка*, среди безчисленныхъ озеръ. На правомъ берегу ея встрѣтились мы совершенно неожиданно съ штурманомъ Козьминнымъ. По недостатку рыбы изъ Большой Баранчей, онъ перескочилъ на лодкѣ сюда, и въ первую ночь послѣ своего приѣзда проловилъ весьма обильную ловлю. На слѣдующее утро сильный свѣрцкій вѣтеръ нагналъ къ берегу и въ рѣку столько льдинокъ, что рыбная ловля не могла продолжаться.

Козьминка, при низкой водѣ, до 25-ти сажень ширинною и отъ 4-хъ до 5-ти сажень глубиною. Мнѣ кажется, что Козьминка не рѣка, а узкій, далеко впадающій въ землю заливъ. Мое мнѣніе подтверждается тѣмъ, что проводники наши, преслѣдуя птицъ, удвигались на 20-ть верстъ отъ моря и замѣтивъ, что мнимая рѣка нисколько не уменьшалась, ни въ ширинѣ, ни въ глубинѣ, и что вода въ ней имѣла вкусъ соленый, оторачивательный и не годилась ни на питье, ни для пищи.

Августа 3-го разлучились мы съ г-мъ Козьминнымъ; онъ остался еще на мѣстѣ. Съ помощью его работниковъ выстроили мы небольшую лодку, необходимую намъ для переправы черезъ встрѣчающіеся рѣки. Нашъ караванъ состоялъ теперь изъ 6-ти человекъ: купца Бережнего,

Чувашского Князька, по имени Мордовского, трех Якутов и меня. Подъ нами было 16-ть верховых и вьючных лошадей. Мы следовали в прежнемъ направлении. Ручей,падающий въ Бозьминку и небольшой озеро были покрыты льдомъ целовавшимися подъ нами. Мы ночевали у подножьи холма.

На другой день, намъревалось съ возвышенія осмотрѣть окрестность, и отдаваясь отъ коней товарищей, и пробираясь среди холмовъ, вышли на рѣчку, текущую по WSW направлению. На ней плескалось целое стадо зимующихъ гусей. Оставивъ лошадей на холмѣ, приблизился я съ подветренной стороны къ безпечнымъ птицамъ и бросился на нихъ съ палкою. Привыкнувъ уже нѣсколько владѣть коннымъ оружіемъ и ознакомившись съ хитростью гусей, довольно успешно охотился я и убилъ нѣсколько штукъ. Бережной, безпечный о судьбѣ моей, послалъ Якута отыскивать меня. Онъ подошелъ очень кстати и мы возвратились въ таранту съ богатою добычею.

Августа 4-го провели мы ночь на краю глубокой долины, некогда, вероятно, составлявшей дно озера. Лошади нашли здѣсь хорошую траву, а крутые обрывы и земляные холмы, обставлявшие долину, обещали Первизову богатую добычу мамонтовыхъ костей. Онъ рѣшился прожить здѣсь нѣсколько дней. Къ сожалѣнію, успѣхъ не соответствовалъ ожиданію. Мы нашли много костей, но собственно мамонтовыхъ клыковъ добы-

дик мало. Охота наша была счастлива. На берегу озера удалось намъ застрѣлить двухъ оленей; они, казалось, принадлежали къ постоянно живущимъ въ сѣверѣ и на зиму въ лѣсъ изгнаннымъ. Въ послѣдствіи встречаемъ мы на берегу моря небольшіе табуны такихъ оленей.

Съ высоты обвала, гдѣ были расположены наши палатки, показывались на востокъ, въ 100 верстахъ отъ насъ лежащія, высокія горы: *Вайштинъ*, *Гейла*, *Раутанъ* и *Шелагскій лавъ*, или *Кри*, какъ называютъ его туземцы. Островершинные утѣсы, концы обставлены восточные и южные берега Чаунской губы, ясно рисовались на горизонтѣ, и я могъ запечатлѣвать некоторыя изъ нихъ.

Проведя здѣсь два дня въ изнуренныхъ помыслахъ, Бережной рѣшился ограничить свое путешествіе только торговлею съ Чукчами, прекратить дальнѣйшіе поиски мамонтовыхъ костей. Не теряя болѣе времени въ продолженіи качества соседнихъ холмовъ, отправились мы, 7-го Августа, далѣе на юго-западъ, черезъ земляные яры и покрытыя льдомъ озера. После небольшого перехода достигли западнаго устья Чаунской губы, десертъ почитаемой рѣкою и называемой *Большою*.

Здѣсь долженъ я упомянуть о замѣчательномъ явленіи, свойственномъ, кажется, только самымъ отдаленнымъ полярнымъ странамъ. Начиная отъ береговъ Баранжи, а особенно отъ Козьмавки, вся страна изрѣзана безчисленными глубокими

озерами разной величины, отделенными одно от другого узкими, иногда нешире фута, платинами. Линия поверхности воды столь притом неровна (иногда на 2 фута и более), что подземное сообщение между соседними озерами невозможно. Самыя плотины на верку покрыты толстым слоем чернозема, но даже состоять, вероятно, как и весь грунт, из никогда нетаяншаго льда. Тѣмъ можно объяснить чрезвычайно холодную температуру воды въ этихъ озерахъ. При семъ предположеніи одно обстоятельство требуетъ однакожь поясненія, а именно: отъ чего узкія массы мерзлой земли, раздѣляющія озера, не таютъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и непрерывнаго соприкосновенія съ водою?

Чулукскіа губа состоитъ изъ двухъ устьевъ, образующихъ островъ *Ойюк* (по прежнимъ картамъ *Сиббидей*), на сѣверъ оканчивающійся возвышеннымъ мысомъ. Вообще весь островъ, кажется, ледяного свойства; на немъ не видно ни кустовъ, ни травы, и только изрѣдка зеленѣетъ мохъ. Западное устье, гдѣ мы находились, менѣе восточнаго и въ малую воду глубина его не болѣе 2-хъ футовъ, а потому въ прошломъ году Бережной переправился черезъ него въ бродъ. Въ настоящее время, отъ продолжительныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, вода была однакожь высока, и залилъ, раздѣляющій материкъ отъ острова, простирался до 15-ти верстъ въ ширину.

Мы слѣдовали вдоль скатовъ прибрежныхъ

холмистъ, по узкой лещиной полосѣ, покрытой раковинами. Здесь росли широколистая капуста и другія морскія травы, а также парадка попадались полины и скорлупа приморскихъ.

Съ самаго утра дулъ сильный восточный вѣтеръ. Небо было совершенно чисто. Въ полдень показалось прекрасное небесное явленіе и проводники наши пошли его за предвѣстіе непогоды: около солнца появились четыре побочныя солнца, соединенныя между собою радугами арктическихъ цвѣтовъ. Такии образы составился кругъ, поперечникъ котораго равнялся 40° . Кроме того, черезъ самое солнце и черезъ два изъ побочныхъ, проходила горизонтально радуга, длиною около 80° , а на оконечностяхъ ея стояли, перпендикулярно къ горизонту, два небольшихъ радуги съ обратными, весьма слабыми цвѣтами. Явленіе продолжалось два часа и потомъ исчезло. Вѣтеръ мало по малу стихъ, а съ тѣмъ вѣвѣть пошелъ снегъ и началась метель.

На ночь остановились мы въ узкой долинь, гдѣ нашли хорошій лугъ для лошадей и довольно много наоснаго лѣса. На скатѣ холма, подле котораго расположились мы лагеремъ, земля растаяла только на 3 вершка.

Августа 8-го продолжали мы путь по цѣпчому берегу. Направо отъ насъ пролегалъ крутой яръ, отъ 3-хъ до 7-ми сажень вышины. Въ меня не было надѣяться найти манонтовыхъ костей, ибо онъ казался повѣйшаго образованія и состоялъ изъ волокъ разныхъ корней и

ерника *. В одномъ изъ обломовъ видѣли мы разрезъ небольшого обсохшаго озера. Оно было отъ 4-хъ до 6-ти футовъ глубиною. На днѣ его лежало довольно толстый и гладкій слой льда, надъ нимъ находился другой слой, а пространство между обоями было пусто. Верхній слой льда былъ покрытъ землею, на которой росла трава и мѣстами селась ерника.

Къ полудню достигли мы небольшой рѣки, впадающей двумя устьями въ Чаупекій заливъ; она была неширока, но столь глубока, что мы переправляли лошадей вплавь, а само съ показаніемъ перешагивало на вѣтки. Предполагаю, что рѣка сія только второе устье Козышника, и нѣтъ ное подкрѣпляется быстрымъ теченіемъ ея отъ запада.

Переправившись черезъ рѣку, мы продолжали путь среди низменныхъ холмовъ и безчисленныхъ лѣзвѣвыхъ озеръ. Дорога была чрезвычайно затруднительна. Восточный вѣтеръ перенесъ на NW, сильно скрывало и ночью на 9-е Августа открытъ ситгоизъ всю окрестность. Матемъ, сопровождаемый дождемъ, сѣлазлась столь густа, что мы не могли различать даже окружающихъ насъ предметовъ. На верховьяхъ одной рѣки замѣтили мы множество слѣдовъ медвѣдей. Недалеко отсюда поѣхали мы опять къ морю. На берегу лежала доска, съ деревянными гвоздями, вероятно, остав-

* На сѣмъ обломѣ находилъ я, въ двухъ саженьхъ надъ поверхностью моря, возмущающій вниманіемъ лѣсокъ, свѣжій по-прежнему только на вѣнечномъ берегу, что и можно считать доказательствомъ убыли и здѣсь было по малу нуря.

таясь от какого нибудь разбитого судна. Непогода продолжалась, но дорога, хотя часто пересыпанная рынками и ручьями, была гладка и удобна, состоя из крупного песка. Мы подвигались довольно скоро, вдоль стывшей гряды шиповниковых утесовъ, проросшихъ толстыми кварцевыми жилами.

Къ вечеру небо прояснилось и вѣтеръ перешелъ къ северу. Несмотря на то, ледъ въ Чаунскомъ заливѣ не показывался; вѣроятно, оттаяли, находящіяся при входе въ заливъ, были тому причиною. Въ морѣ, недалеко отъ берега, находился уединенный утесъ, похожій издали на корабль, идущій въ полвѣтра; судя по дымчато-серому цвету, онъ долженъ быть кварцеваго образованія. Недалеко отъ ночлега, при переправѣ черезъ неширокую, но быструю рѣку, одинъ изъ нашихъ Якутовъ опрокинулся съ лодкою, и не умевъ плавать, вѣроятно, утонуть бы, еслибы не успѣлъ схватиться за брошенный ремешъ и такимъ образомъ выбраться на берегъ.

Августа 12 продолжали мы путь по морскому берегу. Онъ здѣсь крутъ, возвышенъ и составляетъ собственно скалы Вайнаинской горы. Намъ попадались довольно наноснаго лѣса, а въ оврагахъ лежалъ глубокой снѣгъ. На ночь остановились мы при подножьи холма. Ночью подогнали къ нашему стану четыре медвѣдя, но испуганные лаемъ собакъ убѣжали.

Августа 13-го отправились мы далѣе, въ юго-восточномъ направленіи, черезъ холмы. Съ воз-

вышняя можно было осмотреть весь Чаупскій заливъ. Берегъ его образовывалъ, недалеко отъ нашего послѣдняго ночлега, мысъ. Послѣ 7-ми часовъ быстрой ѣзды достигли мы низменнаго песчаннаго берега моря; съ каждой стороны обставлялъ онъ рядомъ крутыхъ, зубчатыхъ утесовъ. Отставши отъ товарищей, я вхалъ стороной и внезапно наткнулся на медвѣдя, съ жадностью терзавшаго тюленя. Я хотѣлъ удалиться, но не успѣлъ. Медвѣдь оставилъ свою добычу и съ ревомъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Надобно было защищаться. Все мое оружіе состояло изъ охотничьяго ножа. Но не смотря на то, я вспомнилъ похвальные охотниковъ, что медведи боятся пристальнаго взгляда, а слѣзъ съ лошади и пошелъ събѣло на зверя. Не знаю, чѣмъ кончилась бы наша схватка. Моя твердая поступь, пристальный взоръ и обнаженный ножъ не дѣлали никакого впечатлѣнія на зверя, съ возрастающею яростію ко мнѣ приближавшагося. Къ счастью, подоспѣла наша собака, съ громкимъ лаемъ бросилась на него и изгнала уstraшеннаго непріятеля. Я успѣлъ завладѣть оставленнымъ отъ медвѣдя тюленемъ и соединиться съ товарищами.

Наше положеніе становилось весьма затруднительно. Около шести недѣль бродили мы по пустынямъ, но главной цѣли поѣздки нашей, Чукотской земли, не хотая еще достигнуть. Разныя неблагоприятныя обстоятельства заедляли наше путешествіе, а между тѣмъ холодное пре-

ня года приближалось, и мы опасались, чтобы не пришлось нанять окончить поездку нашей зимовки путем, а к нему мы совершенно не были приготовлены. Бережной решился потребовать от нашего вожатого, Чуванского Князьки, объявивши, где именно мы находимся и скоро ли можем надѣяться встрѣтить Чукчей? После многих отговорокъ оказалось, что я давно предвидѣлъ и предсказывалъ, а именно: Чуванецъ объявлялъ, «что онъ падаялся здѣсь найти Чукчей, а теперь совершенно не знаетъ, где искать ихъ самыхъ и ихъ жилища.» Можно себя представить нашу глупь и нашу досаду при такомъ открытіи! Я былъ еще такъ счастливъ, что исполнилъ возложенное на меня порученіе, описавъ осмотрѣнную страну, а Бережной, за всѣ труды и лишения, былъ вознагражденъ несколькими мамонтовыми клыками. Главная цель нашего путешествія: знакомство и мѣшная торговля съ Чукчами, осталась недостигнутою. Соображивъ всѣ обстоятельства, Бережной решился наконецъ отказаться отъ своего намеренія, и прямою дорогою, черезъ тундру, возвратиться въ Нижне-Кольмскъ. Вполнѣ полагаясь на многолѣтнюю опытность и совершенное знаніе мѣстности моихъ товарищей, я вышло не противорѣчить ему, и мы отправились, 14-го Августа, въ обратный путь. Отсюда повернули мы на востокъ, въ надеждѣ достигнуть горы, подобно обрывистому мысу подымавшейся надъ тундрою. Съ вершины ея хотѣли мы осмотрѣть о-

крепость и определить наш путь. Пройдя 20-ть верст, мы приближались к горь. С одной стороны подымалась она быстро и глубоко рывкою, через которую не без труда мы переправились. Усталость и темнота принудили нас расположиться ночевать на другом берегу рывки у подошвы горы.

С первыми лучами утреннего солнца, мы увидели неожиданное и приятное явление. Случай вел нас лучше проводника: мы находились в пределах Чукотской земли. Перед нами, в долину изгибалась речка Таунича, а на берегах ее стояло множество юрт. Мы посетили туда, но юрты были пусты. Все уверяло нас, что здесь недавно еще находились жители; вглубь не разнесся еще запах сн. мяса, где горьки костры; вокруг них валялись кости и разные остатки съестных запасов, даже волки, немедленно приходящие поохотиться на оставленные имъ мяса, не успели всего очистить. Вероятно, обитатели долины только что оставили ее жадно и находились еще не далеко. И поехали на гору, которую наш проводник, снова утверждавший, что знает страну, называл Гейль, в надежде с вершины ее осмотреть окрестности; но мы не успели дойти до средней высоты, какъ внезапный туманъ спустился на землю и обхватил весь небосклонъ. Такое обстоятельство и сигнальные выстрелы оставшихся в долине товарищей принудили нас поспешить назад. Г. Бережной, оставшись при своем намерении,

сѣдоваль вверхъ по теченію рѣки; мы свѣли на лошадей и вскорѣ достигли кзравашъ.

Долина, орошаемая рѣкою Тауниссо, довольно широка и услана безчисленными озерами. Съ боковъ, обставлена рядами плоскихъ холмовъ; постепенно возвышаясь, они превращаются наконецъ въ утесы, обрывомъ спускающіеся въ долину. На мѣстахъ, нѣсколько защищенныхъ отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, растетъ по землѣ низменный березнякъ; онъ служилъ намъ топливомъ.

Въ продолженіе всего пути вверхъ по рѣкѣ, 16-го Августа, встречали мы много мѣстъ, гдѣ нѣкогда стояли Чукотскія юрты, но самыхъ жителей нигдѣ не видали. Между прочимъ, замѣтили мы также большія стада оленей, позволявшія къ нимъ приближаться, изъ чего заключили мы, что то были, вѣроятно, домашнія животныя отсутствующихъ жителей. Въ послѣдствіи предположеніе наше оправдалось; олени действительно принадлежали Чукчамъ, которые насъ видѣли, но по боязни скрывались отъ насъ.

По мѣрѣ удаленія нашего отъ морскаго берега, воздухъ становился теплѣе, а вечеромъ появились и комары. Къ счастью, сильный сѣверо-западный вѣтеръ разогналъ мучителей. Мѣстами росли здѣсь по долинѣ разные ягодныя растенія, какъ то: *шишья* (*Empetrum*), *голубика* (*Vaccinium uliginosum*) и *морозника* (*Rubus chamaemorus*); но по причинѣ холоднаго лѣта, на нихъ не было плодовъ и, вѣроятно, онъ даже не цвѣтилъ.

часть II.

Грунты были сплошь болотистый, устланный моховыми кочками, а между ними стоялъ тонкій ледъ.

Августа 17-го порывистый северо-западный вѣтеръ, съ сильнымъ снегомъ и дождемъ, не позволилъ намъ продолжать путешествія. Мы остановились, но при сильной бурѣ не было возможности, ни разбить палатки, ни развести огня. Ночью, вместо снега и дождя, наступилъ порочный морозъ. Промокшія платья наши промерзли, и мы весьма страдали отъ холода, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ съ большою силою.

Съ разсвѣтомъ 18-го Августа, пославши мы отправиться въ путь, идясь движеніемъ согрѣть нѣсколько нашихъ оцѣлѣвшихъ членовъ. Отъ ночного мороза вся озеро покрылась толстымъ льдомъ, а болота такъ скрѣпли, что не проламывались подъ лошадей; рѣка дала также большіе забереги. Мы провели ночь при соединеніи двухъ притоковъ рѣки; меншій изъ нихъ шель съ юга, а другой съ запада.

Августа 19-го сдѣлали мы небольшой переходъ, боясь слишкомъ утопить лошадей, которымъ предстоялъ трудный путь черезъ высокій хребтъ. Всю ночь провели мы безъ огня. Нѣсколько сухихъ, черствыхъ сухарей, были нашею единственною пищею.

На другой день повернули мы къ западу; по нашему направленію тянулось нѣсколько многочисленныхъ стадъ оленей. Въ долину, между двумя рѣками, зашли мы порядочно узкаямъ

ную дорогу; по ней, как въ послѣдствіи узнали мы, Чукчи отправляются въ Островное. Я предполагалъ было слѣдовать по сей дорогѣ, потому, что по моему счисленію, она должна была вывести насъ на сѣверъ отъ тундры. Но товарищи мои не согласились съ моею мнѣніемъ, и рѣшились слѣдовать вверхъ по рѣкѣ, которая привела насъ въ ледяную пустыню. Паническая парализмъ и туманная атмосфера ежеминутно измѣняла видъ окрестности. Мы находились въ глубокой долинѣ; окружавшія насъ скалы безпрестанно принимали самыя разнообразныя и странныя формы. Висознно густой туманъ скрывалъ все небосклонъ, и только мѣстами можно было различать черныя зубчатые верхи утесовъ. Илесь въ извергавшихся со лѣхъ сторонъ водопадовъ, грохотъ отторгнутыхъ волнами камней, свистъ и зашумѣніе вѣтра въ ущельяхъ, и наконецъ, постепенно сгущавшійся туманъ, закрывшій отъ насъ даже ближайшіе предметы, наводили невольный ужасъ. Подвигаться впередъ, при совершенномъ незнакомствѣ, было опасно и затруднительно. Мы замѣтили наконецъ, что земля подъ нами становится круче, а шумъ копытъ постепенно отдалается. Мы попали въ узкій оврагъ, который могъ довести насъ въ пропасть. Оставалось слѣзть съ лошадей и вести ихъ за поводья. Два часа карабкались мы вверхъ по рыхлому грунту; камни и песокъ катились изъ-подъ ногъ, угрожая увлечь съ собою и насъ и лошадей. Въ ежеминутной опасности сорваться съ ужасной высо-

ты, оступясь, добрались мы до вершины горы, где оканчивалась тропинка. Передь нами лежала пропасть; туманъ скрывалъ ее глубину. Одинъ за другимъ, собрались все нашли сонутники на небольшой площадке горы. Напрасно смотрели мы въ мрачную бездну, наполненную туманомъ, и напрасно напрягли взоры вдаль — выхода не было! Положеніе наше становилось ужасно; впереди была пропасть, и возвратиться назадъ, къ лугамъ, черезъ разстояніе около 30-ти верстъ, при совершенномъ изнеможеніи лошадей, было невозможно. Изъ мучительной неизвестности были мы выведены раздавшимся недалеко отъ насъ топотомъ и хрюканьемъ оленей. Мы прислушались за утѣшительными звуками, и вскоре увидѣли большую движущуюся массу. Она разстлалась отъ нашего приближенія и скрылась въ туманъ. По следамъ мы замѣтили, что большая часть оленей побѣжала къ устью на юго-западъ. Мы пошли туда же, ведя нашихъ лошадей. Устал, крутая степь, изгибаясь въ скалы, вывела насъ на вершину хребта, который все почитали предлежащею тундрой, несмотря на мои уверенія, что онъ долженъ лежать гораздо южнее. Здѣсь мы вышли изъ тумана, какъ море, волновавшееся подъ нами. Густыя массы паровъ, медленно клубясь, набѣгали на утесы, и сопка, на которой мы стояли, уюдообразлась острову среди необозримого океана.

При всей трудности, путь сюда могъ почтаться

легкимъ, въ сравненіи съ опасностями и препятствіями, ожидавшими насъ при спускѣ съ хребта. Сажень сто перпендикулярной высоты пела насъ извѣстнѣе тропы оленей, и здѣсь равно надобно было удивляться осторожному и хитрому ходу ихъ и цѣлости нашихъ лошадей. Дале тропы исчезла на рыхломъ пескѣ и осколкахъ камней, безпрестанно катившихся изъ-подъ насъ въ бездну, и падавшихъ въ озеро, лежащее надъ ея. По крутому скату сводили мы нашихъ лошадей, то опираясь на нихъ, то поддерживая ихъ. Пооди ночью достигли мы пещаныхъ береговъ, и не смотря на совершенное изнуреніе, должны были идти еще далѣе. Наконецъ, на берегу ручья, свергавагося со скалы и впадающаго въ озеро, нашли мы хорошій лугъ и расположились на ночлегъ. Лошади наши были обезпечены, но за то мы сами находились въ жалкомъ положеніи. Обійій, свѣтый подробный обзоръ всехъ вещей и кармановъ доставилъ намъ только нѣсколько старыхъ, сухихъ сухарей и немного рыбы. Подвигнувшись поровну крохами, легли мы спать чрезвычайно голодные, но большая часть въ сладкой уверенности, что переходъ черезъ горы совершенно конченъ, голыя тундры остались за нами, и поутру достигнемъ мы Анюя и Лисовъ, гдѣ насъ ожидаютъ защита отъ непогоды и всякаго рода съѣстные припасы. Намъ казалось, что граница тундры еще далеко передъ нами; но коему мнѣнію никто не вѣрилъ. Не смотря на голодь, спали мы очень хорошо,

и иногда видели уже во снѣ жареныхъ гусей и жирную уху.

Съ развѣтомъ все наше общество поднялось и приготовилось къ дальнѣйшему путешествію, но первый взглядъ на окрестности утвердилъ меня, что къ сожалѣнію, я былъ правъ. Крутой и высокій хребтъ горъ, составляющій предѣль тундры, опоясывалъ всю южную часть небосвода. При вчерашнемъ туманѣ мы заблудились, взяли не ту дорогу; переправились съ цѣлновѣрными трудами и опасностями черезъ сѣверо-западную часть главнаго хребта, и вышли на одинъ изъ источниковъ Барабинки. Всевозможными доводами старался я увѣрить Бережного и другихъ въ нашей ошибкѣ и необходимости обратиться назадъ, но напрасно. Служившій намъ переводчикомъ Чувашень утверждалъ, что совершенно знаетъ страну, называлъ по именамъ каждую гору, рѣчку и долину, и не смотря на многократныя доказательства его невѣдѣнія, одержалъ верхъ. Г. Бережной, какъ хозяинъ лошадей, рѣшился идти впередъ, и мы отправились.

Въ дурномъ расположеніи духа и съ голоднымъ желудкомъ продолжали мы путь—я въ полной увѣренности, что принятое нами направленіе было неправильно, а Бережной въ смѣтаніи и безпокойствѣ о послѣдствіяхъ. Всема веденіемъ полагались мы, и шли почти всю дорогу плышомъ, ведя имѣвшихъ утомленныхъ лошадей. Къ вечеру достигли подошвы высокаго кряжа скалъ и остановились на небольшой равнинѣ,

поросшей тучною травою. Дикій лукъ и нѣсколь-
ко корней, вырванныхъ Якутами изъ мышиныхъ
норъ, были нашею единственною пищею.

Августа 22-го, съ рассветомъ, мы увидѣли
въ направленіи, которому слѣдовали, густой мор-
ской туманъ, что открыло глаза моимъ странни-
камъ, и даже Чуванецъ признался, что онъ за-
блудился и совершенно не знаетъ страны, гдѣ
мы находились. Бережной и Якуты пришли къ
отчаянію, думали, что мы попали въ Чукотскую зе-
млю, и были въ нѣсколькихъ стахъ верстъ отъ
Анонъ, безъ всякихъ средствъ къ пропитанію,
съ утомленными лошадьми, и должны неминуе-
мо здѣсь погибнуть.

Тогда всѣ утѣрились наконецъ въ справедлив-
ности моихъ предположеній и обратились ко мнѣ
съ просьбою вывести ихъ отсюда, обещая во
всемъ безпрекословно мнѣ повиноваться. Хотя
при сжатомъ голодномъ желудкѣ человекъ не
можетъ быть слишкомъ чувствителенъ къ по-
добной чести, однакожъ я радовался, что дело
пришло такой оборотъ, и что я имѣю возмож-
ность освободиться изъ самаго непріятнаго поло-
женія. По моему счисленію, находились мы въ
двухъ дняхъ пути отъ Малаго Анонъ и его при-
брежныхъ лавосъ. На третьи сутки обещалъ я
привести караванъ нашъ къ рѣкѣ, и 23-го Авгу-
ста отправились мы въ путь.

Пройдя 15-ть верстъ по глубокому, иррациому
оврагу, бока котораго, перпендикулярно спускав-

жились, скрывались отъ насъ двумя и тремя слоями облаковъ, мы вышли къ небольшой рѣчкѣ. Она быстро текла къ северу и привела насъ къ большому озеру, берега котораго были обставлены огромными черными скалами. Обогнувъ озеро съ западной стороны, и подвинувшись еще 10-ть верстъ, мы рѣшились остановиться на ночлегъ, разложили огонь и, по привычкѣ, повесили котелъ, но — варить намъ было нечего. Пока всѣмъ, молча и угрюмо, сидѣли около костра, одинъ изъ Якутовъ отозвалъ меня въ сторону и, показывая изъ-подъ одежды своей утку, которую, отставъ отъ товарищей, случайно убилъ онъ камнемъ, сказала мнѣ: «Возьми, тойонъ, и съѣшь одинъ; ты сильно усталъ.» — Я поблагодарилъ Якута за его добросердечіе, и безъ всякаго приготовления бросилъ утку въ общій котелъ. Хотя похлебка наша была очень водяниста, и каждому изъ насъ досталось по самому незначительному кусочку утки, однакожъ съѣдая пищу нѣсколько подкрепила наши силы. За то, кромѣ перьевъ, отъ утки ничего не осталось, не только внутренности, даже кости съ были нами съѣдены.

Вечеръ былъ ясенъ. Ни одно облако не показывалось на темне-голубомъ, устланномъ звездами небѣ, и мы заснули въ сладкой надеждѣ, что завтра погода будетъ благоприятна для нашей поездки. Ночью поднялся сильный вѣтеръ, и 23-го, по утру, когда мы проснулись, всѣ окрестности были покрыты глубокимъ снѣгомъ. Стараясь нѣсколько согрѣться и обсушиться, мы раз-

ложили огонь из шестов нашей палатки, поймали лошадей и пошли дальше, прямо въ горы.

Мы шли по течению ручья, по колено въ снѣгу и весьма медленно подвигались къ югу. Дорога становилась круче и привела насъ наконецъ на остроконечный гребень хребта. Туманъ, облака и густая выюга скрывали всю окрестность. Мы расположились отдыхать на снѣгу. Вскорь показалось солнце и туманъ разбѣлся. Насъ окружали со всѣхъ сторонъ крутые, покрытые снѣгомъ горы. После долгаго поиска, нашли мы на южной сторонѣ мѣстечко, казалось, удобное для спуска. Крутая и узкая разщелина упиралась въ пропасть. Пустивъ лошадей нашихъ однихъ впередъ, мы начали спускаться за ними, и здѣсь вполнѣ почувствовали мы благодѣтельность названнаго снѣга, безъ котораго не было намъ возможности сойти съ горъ; снѣгъ неоднократно поддерживалъ насъ, когда мы скользили, и спасъ отъ ушибовъ при паденіяхъ.

До наступленія темноты, все счастливо достигли подошвы хребта, и только павы изъ насъ передочно но опасно ушиблись. Наши лошади были также хотя изранены при паденіи на остроконечные камни, но могли за нами следовать. Мы излавливали другъ друга съ счастливѣйшъ переходомъ черезъ горы, и расположились на снѣгу, подъ которымъ лошади нашли себѣ траву. Въ надеждѣ достигнуть завтра Анола, все мы скоро заснули; но уже ночью голодъ, послѣ трехъ-дневнаго поста, при безпрестанныхъ усн-

лечь, начал нас мучить и вскоре свдвигаясь шестероникъ. Замечательны были разные печатанія, которыя такое мучительное чувство производили на всѣхъ насъ: нѣкой молчалъ; другой беззаботно пилъ улымая вѣспы; третій прыгалъ и кричалъ; нѣкоторые стояли неподвижно, устремивъ въ землю безжизненные взоры, а нѣкоторые, но безъ всякой связи. Якутъ, прежде съ особеннымъ уваженіемъ, даже со страхомъ подводящій къ лошади, обнималъ меня и полу-плача, спрашивалъ: «Скоро придетъ къ Анноу!» Я старался всѣхъ утѣшить, обнимая къ вечеру достигнуть рѣки и лучшихъ странъ. Но одно благое Провидѣніе было нашимъ руководителемъ. Безъ всякой побудительной причины, повелъ я моихъ товарищей къ высокой цепи холмовъ. Съ трудомъ добрались мы до ихъ вершинокъ и вдругъ увидѣли передъ собою обширную долину и разбросанныя по ней кусты деревень! Какъ на морѣ, послѣ долгаго и затруднительнаго плаванія, крикъ: «Земля, земля!» возбуждаетъ радость и дѣятельность на кораблѣ, такъ и здѣсь видъ деревень подѣйствовалъ, будтоэлектрическій ударъ, на утомленное общество. *Ансъ! Ансъ!* раздалось съ всѣхъ сторонъ, и мы радостно погнались лошадей впередъ. Антой, а съ нимъ и конецъ нашихъ страданій, были недалеко.

Утомленные лошади, не раздвѣлая нашей падежды, едва передвигая ноги, спотыкались на каждомъ шагу. Такъ дотащились мы до лѣса, грѣхъ былъ еще дѣйствительно, и расположились под-

ль небольшого озера на хорошею дугу. Голодь мучилась пасть. Я предложил убить одну из лошадей. «Нѣтъ,» сказали одинъ изъ Якутовъ, «лошади наши измучены, покрыты шрамами и ранами; ихъ кровь воспалилась, и мы заболѣемъ, если станемъ есть ихъ мясо.»—Но вы умираете съ голода. —«Ну, Богъ поможетъ!» Протяжно едва слышными голосами повторили мы всѣ: «Богъ поможетъ!» перекрестились, и не заботясь о пламени и огнѣ, бросились на сырой пещаный берегъ. Съ трудомъ удалось намъ уговорить Якуза закинуть свѣ въ озеро. Черезъ полчаса мы погрузились въ крепкій сонъ.

Когда мы проснулись (25-го Августа), солнце уже высоко стояло на небѣ. Свѣ наша лежала въ водѣ. Ни кто не смѣлъ къ ней коснуться. Казалось, всѣ боялись, что дѣвъ окажется неудаченъ, что приведетъ бы насъ въ совершенное отчаяніе. Наконецъ я рѣшился и велѣлъ тащить свѣ. Мы принялись за работу. Взоры всѣхъ устремлялись на мутную воду; свѣ показалась. Она была тяжелѣе обыкновенной, въ ней что-то дивилось; мы поймали трехъ большихъ и нѣсколько малыхъ рыбъ. «Господь помогъ!» вскричали всѣ и преклонили колѣни съ молитвою, а потомъ вскочили, и радостно обнимаясь, поздравляли другъ друга. Огонь тотчасъ развели; котелъ закипѣлъ и за жирною ухотою, съ дикими лукомъ и другими травами, мы забыли перевертыванія наши лишешія и были вполнѣ счастливы.

Лошади наши также подкрѣпили свои силы

на ручном луку, и мы отправились далее. Векорь показался пламя Аюой, но путь нашъ къ нему перескальзъ ручей, стремившійся изъ озера. Переправа черезъ него, на утомленныхъ и безсильныхъ лошадяхъ, была опасна, и признаюсь, я не согласенъ бы повторить ее. Рѣка была не мала, такъ, что вода иногда покрывала седла, и русло ея было покрыто огромными острокопечными камнями. Лошади на каждомъ шагѣ спотыкались и оступались, и слабѣе которая изъ нихъ упала, то дерзостно была бы не въ состояніи подняться. Но мы счастливо переправились, и пройдя еще 5-ть верстъ, переплыла и перешла черезъ нѣсколько рѣчекъ, достигли наконецъ давно искомаго, желаннаго Аюоя. При устьѣ небольшого ручейка расположились мы ночевать. Надъ нашими головами летѣло два стада гусей, а надъ ними несли соколъ. Внезапно устремился онъ на стадо; одинъ изъ гусей свернулся и упалъ мертвымъ на землю; а мы успѣли завладѣть добычею сокола, благодаря Провидѣнію за столь неожиданную помощь.

Августа 26-го расположились мы лагеремъ въ небольшой топазовой рощицѣ, на мысу, образуемъ соединеніемъ рѣкъ Аюоя и Шичутини. Отпустивъ лошадей на лугъ, покрытый высокою, сочною травою, еще до наступленія ночи устроили мы заколъ на Шичутинѣ и поставили тамъ нашъ неводъ. Спусти не болѣе часа послѣ того, неводъ началъ уловать; мы поспѣшили его вытаскать и изшли въ немъ до двухъ сотъ рыбъ

разной величины. Тотчас разложили мы большой огонь и все приплыли варить и жарить нашу добычу; а довольно сильный мороз позволял нам даже полакомиться свежее *амру-закисою*.

Подкрепившись изобильными, сытными обидомъ, снова приплыли мы за ловлю, и работал всю ночь, наловили до 800 рыбъ. Заря играла уже на восточной части неба, когда мы легли отдыхать.

Если бы случай привел насъ къ рѣкѣ не такъ рано или позже, вероятно, наша рыбная ловля не была бы столь удачна. Мы вышли на Анюю именно въ тотъ самый періодъ, когда рыба идетъ для зимовки глубокимъ моремъ, уходя изъ небольшихъ рѣчекъ и притоковъ, при сильной стужѣ нередко совершенно вымерзающихъ. Днемъ здѣсь рыба не попадается, потому, вероятно, что лежитъ на днѣ, такъ что видны только зыблы и сѣти. Такъ 27-го Августа плавъ нашъ пролежалъ въ лодѣ целый день понапрасну, а ночью, напротивъ, наловили мы до 2000 рыбъ.

Запасы наши были теперь весьма богаты, и же смотря на неясность Якутовъ, ежедневно умножалась. Узнавши на опытъ весь ужасъ голода, мы рѣшились устроить здѣсь складъ изъ оставшейся у насъ рыбы, для другихъ путешественниковъ, которые могутъ придти сюда во время менѣе счастливое для рыбной ловли. На двухъ лавстеникахъ была нами устроена сайба, и въ нее положили мы около 5000 рыбъ. Вспомни насту-

пнише морозы обеспечивали наши запасы от порчи. Подъез сайбы поставили мы большой деревянный крестъ. Впоследствии два Чураппа рассказывали намъ въ Нижне-Колымскѣ, что целое семейство изъ земляковъ, томяное голодомъ, вышло на Аппой, напало на нашъ складъ и несколько человекъ поглотило нашей рыбою.

Постройка сайбы заняла намъ целый день 29-го Августа. Между тѣмъ лошади наши видимо поправлялись на завесенномъ снѣгомъ, но тучновъ луку.

Августа 30-го, день незабвенный, который каждый Русскій, подданный Александра I-го, встрѣчалъ съ веселіемъ и торжествомъ, рѣшились и мы, вдали отъ нашихъ собратій, праздновать, сколько позволяли намъ наши средства. Рано поутру, Березной прочелъ приличныя молитвы; наши полудикіе проводники стояли съ благоговѣніемъ во все время молитвъ и служеній и искренно молились Богу за *Благо царя и Сына солнца* (такъ называютъ они Императора). Къ обѣду Якуты наготовили множество рыбы, во всевозможныхъ видахъ, съ приправою дикаго лука и другихъ травъ и кореньевъ. По неизвѣстной вѣдкѣ, Березной раздѣлилъ между проводниками оставшіеся у него табакъ, а въ заключеніе, по предложенію моему, Якуты стрѣляли въ цель изъ луковъ, при чемъ мой большой охотничій ножъ и хорошая уда были назначены наградами побѣдителей. Не смотря на скудость средствъ нашихъ къ должному торжеству дня, истин-

ное веселье господствовало въ нашемъ обществѣ, и громкія пѣсни проводниковъ до самой ноги раздавались въ долину. Благопріятное открытіе заключило въкоторыя образы сегодняшнее торжество. Мы располагались на другой день ехать далѣе. Якуты наши пошлѣ ловить лошадей, и нашли въ лѣсу Чуванскую сайбу, гдѣ отсутствующіе жители оставили нѣсколько зимней одежды. Такая находка была для пастышей драгоценна, что морозы ежедневно усиливались, а наши платья совсѣмъ не были приспособлены къ зимнему путешествію. Взять изъ сайбы для каждаго изъ насъ по мѣховой рубашкѣ и по парѣ рукавицъ и сапоговъ, мы оставили тамъ въ замѣнъ достаточное количество табаку, дорожа п свинца. Кроме того поставили мы здѣсь крестъ, въ направленіи къ построенному нами складу съ рыбою. Такіе простые указатели попадаются весьма часто въ странахъ, гдѣ кочуютъ Сибирскіе народы. Не смотря на видную недостаточность подобныхъ указателей, они бываютъ совершенно понятны для туземцевъ и всегда достигаютъ своего назначенія.

Съ разсвѣтомъ, 31-го Августа, навьючили мы нашихъ отдохнувшихъ лошадей, и взявъ съ собою изъ състныхъ припасовъ до тысячи рыбъ, отправились далѣе. Круглыя горы принуждали насъ сегодня нѣсколько разъ переправляться черезъ Анхой, что было весьма легко, ибо отъ сильныхъ морозовъ и вѣтровъ вода въ рѣкѣ значительно спала. Къ вечеру переправились мы че-

резь рѣку Ебундонъ и переночевали на львонъ берегу его. Стужа усиливалась; ледъ въ небольшихъ рѣчкахъ не дождался подлѣ ночи, и даже на Анюв неглубокія мѣста покрылись льдомъ.

Сентября 1-го шли мы черезъ холмы и долины, почти всю дорогу лыжонъ, въ надеждѣ несколько согрѣться. Чувашская зимняя одежда не защищала насъ отъ холода. Анюв составлялъ здѣсь большой изгибъ вправо; онъ оставался у насъ въ сторонѣ за густымъ лѣсомъ.

Сентября 3-го, мы снова выбрались на Анюв и въ 12-ть часовъ глубокою рысью, едва успѣвъ достигнуть Юкагирскаго лѣтвища, но темнота принудила насъ остановиться на ночлегъ въ лѣсу. Здѣсь, и на дорогѣ сюда, видѣли мы нѣсколько шалашей изъ древесныхъ вѣтвей, гдѣ Юкагирь обыкновенно сторожатъ стада оленей. Казалось, что охота ихъ была несчастлива; около шалашей не было видно, ни роговъ, ни другихъ остатковъ убитыхъ животныхъ.

Рано поутру были мы разбужены говоромъ и пѣснями Юкагирскихъ женщинъ; онѣ проводили ночь недалеко отъ насъ, за холмомъ, и стерегли закомъ, устроенный для рыбной ловли на рѣкѣ Елошбалъ. Новости, разсказанныя ими, были для насъ нерадостны: по берегамъ Колымы и обонхъ Анюевъ свирѣпствовалъ голодъ. Оленья охота и рыбная ловля равно были неудачны, и все народонаселеніе здѣшней страны съ трепетомъ ожидало ужасной наступающей зимы.

Въ 5-ти верстахъ отсюда находились юрты

встреченных нами Юкагрокъ на лѣвомъ берегу Елошбала. Тамъ жило ихъ пять семействъ. Намъ припили радушно и отвели намъ самый большой балаганъ. Якуты наши были въ восторгѣ, что наконецъ нашли людей, съ терпѣливымъ вниманіемъ слушающихъ рассказы ихъ объ ихнемъ путешествіи, опасностяхъ, какія мы подвергались, мужества и рѣшимости, оказанныхъ при разныхъ случаяхъ всеми членами нашего общества. Какъ обыкновенно въ северной Сибири, Якуты хвастали безсовѣстно и даже ужасно. Присутствіе наше нисколько не стѣснело Якутовъ, а напротивъ, неоднократно призывали они насъ въ свидѣтели, и, казалось, сами твердо вѣрили справедливости своихъ рассказовъ.

Бережной объявлять мнѣ, что онъ намерѣнъ прожить здѣсь нѣсколько недѣль, отдохнуть отъ труднаго путешествія и дать лошадямъ время оправиться и собраться съ силами на здѣшнемъ хорошемъ лугу. Окончавъ осмотръ тундры, и рѣшившись поселить, остававшеся до наступленія зимы время, описанію Малаго Аноа до Инжине-Колымска, на протяженіи 500 верстъ. Съ собою плетью, вѣзлѣ и сколотить мнѣ изъ оспивыхъ бревенъ, связанныхъ ивовыми прутьями, плоть *, и привалить для управленія его два ве-

* Такіе плоти строятся слѣдующимъ образомъ: несколько длинныхъ, дощатымъ толстымъ пестовъ (дощатыхъ деревъ, главнѣйше осины и тополя), связанныхъ тончайшими изъ ивы, которые и составляютъ верхній поперекъ плота, а толстые концы пестовъ расходятся отъ него, какъ радиусы круга, въ нѣкоторую часть ии.

сла. Къ 6-му Сентября плоть мой была пригото-
влена, и я отправился на утломъ суднѣ по-
есть даже. Лоцманомъ въ порогѣхъ и отивлахъ
Анюя отпустилъ со мною старый Юкагиръ сло-
его сына, мальчика лѣтъ пятнадцати, а въ за-
мѣнь того позволялъ я отцу пользоваться на
охотѣ конемъ, ружьемъ, порохомъ и свинцомъ.

Проплывъ 5-ть верстъ, мы заметили на бере-
гу дикаго оленя. Мой проводникъ, хороший стрѣ-
локъ, убилъ его стралою. Обрадованные столь
неожиданнымъ приращеніемъ съестныхъ при-
пасовъ, мы пригнали добычу къ плоту и по-
павали даже. Къ вечеру достигли мы скалы Че-
ревокъ, обрывомъ упирающейся въ рѣку. Здѣсь,
въ настоящее время года, обыкновенно находит-
ся нѣсколько Юкагирскихъ дѣтенышъ, но къ не-
счастью, мы никого не нашли, что было тѣмъ
досаднѣе, что мы забыли взять съ собою огниво,
и принуждены были провести холодную ночь
безъ огня, довольствуясь, вѣсто теплой пищи,
ножными кнзлами и мозгомъ убитаго оленя, ко-
торые ѣдятъ сырымъ, почтита важнѣйшимъ ла-
комствомъ.

До восхода солнца, мы уже отправились въ
путь. Трудно представить себѣ путешестіе за-
труднительное нашего. Неуклюжій плотъ не слу-

гомя растопилъ одинъ отъ другаго; прошехутъ между ними
дишляются другими нѣжными плотами, и все перемѣняется
и перемѣняется новымъ путями. Такимъ образомъ устроен-
ный плотъ имеетъ видъ огромнаго кнза, и при своей остроко-
нечной формѣ плыветъ хорошо и быстро.

шлася веселье и безпрестанно задвигая за камни и омуты, и то вертелся среди раки, то шлепал корною вперед. Силы наши были недостаточны управлять столь непокоротливым судном. При спусках съ высоких пороговъ, плотъ нашъ погружался переднийя концы въ волны, и вода покрывала насъ, такъ, что мы были насквозь промочены. Въ такомъ положеніи, безпрестанно цыплясь за мокрая бревна, чтобы не упасть въ раку, провели мы день, и къ вечеру причалили въ устье Абунгены, впадающей съ сѣвера въ Анюй. Ночь провели мы опять безъ огня.

Въ полдень 8-го Сентября, увидѣли мы на берегу дымъ и поспѣшили туда, надѣясь найти тамъ людей, но—напрасно. Въ замѣцъ того назвали мы тлѣющій костеръ, разложенный, вѣроятно, во время ночи охотниками, или рыбаками. Тутчасъ воспользовались мы счастливою находкою, развели большой огонь и сварили себѣ слабую похлебку изъ оленьихъ. Подкрѣпившись, и вѣсившись по возможности наплъ платья, поехали мы далѣе, но зная изъ опыта, какъ непріятно провалять холодныя ночи безъ огня, устроили на плоту родъ очага, и въ немъ цѣлый день поддерживали небольшой огонекъ, что было возможно потому, что отсюда пороги прекращаются и Анюй принимаетъ спокойное, хотя и быстрое теченіе. Впрочемъ, предосторожность наша оказалась лишнею. Къ ночи достигли мы подошвы горы Обромъ, гдѣ находились лавовыя выходы Юкагирскихъ семействъ. Къ несчастью, они

могли намъ предложить только шалашъ изъ ветвей и огонь, и—ничего болѣе, потому что сдѣи терпѣли голодъ и уже два дни ничего не ѣли. Угостили нашихъ хозяевъ олениною, мы провели здѣсь ночь весьма спокойно, въ сравненіи съ предыдущими. На другой день отправились мы далѣе, но за сильнѣйшій вѣтрокъ и противнѣйшій волненіемъ, достигли только до залива Мулголь. Сентября 11-го мы почевали въ Плотбицъ, а 12-го въ Маломъ Вѣтрениомъ. Всю сію страну посѣщала уже я съ докторомъ Киберомъ въ прошломъ году. Тогда живъ здѣсь довольный, и по своимъ понятіямъ, счастливый народъ, но теперь все было мертво и пусто. Въ покинутыхъ жилищахъ гавзались птицы, голодные волки рыскали кругомъ. Печальная картина Свѣра! Неизогіе, неистребимѣе еще голодомъ жители разсыпались по тупрѣ, отыскивая себѣ пропитаніе. Въ Маловѣтрениомъ наша мы нѣсколько Юкагировъ, сдѣла похожихъ на людей. Они принадлежали къ богатому некогда семейству Коркина, который въ прошломъ году такъ гостепріимно угощалъ насъ. И нынѣ, не смотря на совершѣнную нищету свою, онъ предложилъ намъ все, что имѣлъ—изящнаго рыбы. Боясь оскорбить старика, мы должны были хотъ отвѣдать его пищи. Несчастные жители принимались за пищу только однажды въ 48 часовъ! Нѣкогда здоровый, сильный народъ, теперь сдѣла таскала и былъ болѣе похожъ на жертвенцовъ, нежели на людей.

Наша плоть отъ долгаго плаванія весьма по-

страдать и не могъ противостоять большимъ льдинамъ, которыя пелись по рѣкѣ. Добродушный Коркинъ, видя мое затрудненіе, предложилъ мнѣ свой карбасъ, на которомъ и отправился я далѣе. Витеръ былъ попутный; мы поставили парусъ, и въ короткое время достигли Молоткова, гдѣ нѣсколько Юкагирскихъ семействъ рыбнѣю ловлею спискивали себѣ скудное пропитаніе.

Не смотря на быстрое теченіе, Анюй далѣе уже большіе забереги и мѣстами покрылся тонкими льдомъ; онѣ ломались однаковъ отъ напора нашего карбаса. Зимніе морозы приближались. Первое обитаемое мѣстечко, Байково, лежитъ отсюда въ 100 верстахъ. Опасаясь замерзнуть на рѣкѣ прежде, нежели достигнемъ его, я рѣшился, на всякій случай, нанять въ Молотковѣ семь собакъ съ нартою, и взять ихъ съ собою на лодку.

Съ разсвѣтомъ 15-го Сентября, мы вышли изъ Молоткова и мѣстами съ трудомъ и опасностью пробивались сквозь ледъ. Не смотря на то, проѣхали мы 50-ть верстъ, и къ ночи достигли Русскаго острова, покрытаго густымъ, высокоствольнымъ лиственничнымъ лѣсомъ. Недалеко отъ него, два большія льдины затерли нашу лодку, и съ трудомъ, проломавъ насквозь, выбрались мы на берегъ, вытащивъ съ собою собакъ, нарту и наши вещи. Здѣсь предстояло намъ прожить нѣсколько дней; а потому тотчасъ устроили мы себѣ шалаши изъ шестовъ и вѣтвей, покрыли его сверху кожей, сѣнгомъ и обилии водою, такъ, что составили себѣ довольно прочное и

теплое жилище. Привязав собак вокруг шалаши, и обезопасивъ тѣмъ себя отъ внезапнаго нападенія медвѣдей, мы развели огонь, сварили ужины и провели ночь весьма хорошо.

Два дни прожили мы на островахъ. Ледъ былъ такъ еще тонокъ, что 17-го Сентября спутникъ мой проломился на немъ и едва спасся.

Наконецъ, 18-го Сентября можно было вѣхать дальше, и мы счастливо переправили свою варту на южный берегъ рѣки. Собаки наши были еще очень слабы, такъ что едва тащили пустыя сани. Мы подыгались медленнѣе, и въ два дни проехали только 16-ть верстъ. Не смотря на сильные морозы, ледъ былъ еще тонокъ и два раза проламывался подъ нартою.

Сентября 20-го ледъ нѣсколько сгустъ; собаки по хорошей дорогѣ бѣжали скорѣе. Въ 13-ти верстахъ отъ ночлега заметили мы на лѣвомъ берегу дѣлзъ. Я поспѣшилъ туда, въ надеждѣ найдути людей, но въ срединѣ рѣки ледъ подо мною проломился, и только съ помощью шеста удержался я надъ водою. Къ счастью, подошлѣвъ Юкагиръ и на нартовомъ ремнѣ вытащилъ меня на твердый ледъ. Обходясь мы достигли берега и встрѣтили тамъ бѣдное семейство Ламутовъ. Они явились оленей, своего единственнаго богатства, и перешли сюда для рыбной ловли. Ламуты были счастливые Юкагиротъ, имѣя у себя порядочный запасъ сушеной и мерзлой рыбы, и угостили насъ ее достаточное количество, для насъ и нашихъ собакъ. Ночью подуть, такъ на-

званный, *теплый стелеръ*, и принудить насъ оставаться два дни на мѣстѣ. Только 23-го Сентября отправились мы далѣе, и не безъ опасности достигли деревни Байковой. Здѣсь еще являлось одно Русское семейство изъ Нижне-Колымска.

Наконецъ, 24-го Сентября возвратился я въ Колымскій острогъ, послѣ 94-хъ дневнаго отсутствія.

ГЛАВА VIII.

Истинная поездка по льду и окончъ берега до острова Колочина. Отплытъ. Встрѣча съ Чукчами на Шмидтовомъ мысѣ. Сказанія о земляхъ на Северѣ. Итъ въ море. Помынь и толпѣй лѣвъ. Попытки. Опасное поплавание. Потери части запаса. Вызвалъ на берегъ. Встрѣча съ п. Матюшенинымъ. Намекъ на Шмидтова. Продолжили описъ морского берега до острова Колочина. Замечанія о Чукчахъ. Недостатокъ путешественниковъ и крайне изнуреніе собакъ. Возвращеніе.

Заключеніе.

Зима 1822-го и 1823 гг., по понятіямъ здѣшнихъ обитателей, была гораздо умереннѣе обыкновеннаго, потому что термометръ только однажды (10-го Января) спустился на 37° мороза, и северныя сіиія показывались рѣдко и слабо. Не смотря на то, нельзя было рѣшиться предпринять зимое путешествіе по Ледовитому морю, гдѣ стужа сама по себѣ сильнѣе, а при совершенномъ недостаткѣ пречнаго жилища и топлива, гораздо чувствительнѣе. Потому отложили и путешествіе до наступленія болѣе умереннаго времени года, а между тѣмъ занимался затруд-

нительными и продолжительными сборами и приготовлениями къ поездкѣ, или сидя въ моей хижинѣ, у ярко пылающаго чучала, за толстыми ледяными окнами, приводилъ въ порядокъ и записывалъ сдѣланныя въ теченіе прошлаго лета наблюденія и описки.

Пріѣздъ г-на Тарабукина, бывшаго Верхоянскаго Окружнаго Цѣлснравника, занявшаго ту же самую должность въ Колымскѣ, произвелъ весьма пріятную перемену въ однообразіи нашей жизни. Дѣятельный чиновникъ сей, принявъ живѣйшее участіе въ успѣхъ нашей экспедиціи, и зная при томъ очень хорошо здѣшнюю страну, вслѣдствіе старался намъ быть полезнымъ.

Въ прошломъ году рыбная ловля была весьма изобильна, и собаки, изъ которыхъ мы всего болѣе пуждались для нашей поездки, съ прекращеніемъ заразы, оправились и снова размножились. Г. Тарабукинъ употребилъ сія и другія благопріятныя обстоятельства въ нашу пользу, и не мало не стѣняя тѣмъ обитателей, а напротивъ, доставилъ имъ отъ того выгоды. Большіе запасы корма для собакъ были перелезены въ стапы изъ у Большой Баранки, къ Малому Баранку Камлю и къ Сухарику, а также въ Походскъ, Черноусову, Малое Чукотъ и въ Нижне Колымскъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, въ семь отношеній были мы обезпечены.

Зная на опытъ, какъ мало можно надѣяться на вспомоцествованіе окрестныхъ жителей, при всемъ стараніи могущихъ доставить только не-

большое число собакъ, годныхъ для дальняго и продолжительнаго путешествія, я не ограничился Колымой, а обратился къ прибрежнымъ жителямъ рѣкъ Индигирки, Хромы и Ямы, у которыхъ собаки обыкновенно бываютъ очень хорошо выдрессированы. Для вѣрнѣйшаго успѣха, объѣхалъ я самъ сіи страны и остановился на нѣкоторое время въ Устьевскѣ, гдѣ спутникъ мой, лейтенантъ Анжу, оказалъ мнѣ дѣятельное вспоможеніе. Мнѣ удалось уговорить племена, живущія по берегамъ упомянутыхъ рѣкъ, выставить для предлежащаго путешествія нашего 15-ть хорошихъ мартовъ, съ самыми надежными собаками и провѣантовъ на два мѣсяца. Обезпеченный и съ сей стороны, возвратился я въ концѣ 1822 года въ Нижне-Колымскъ, и съ увѣренностью могъ надеяться, что для успѣшнаго окончанія нашей экспедиціи, не представится уже никакого существеннаго и неудобнаго отклоняющаго препятствія.

Употребляя въ пользу время, до нашего отъѣзда оставшіяся, отправилъ я 30-го Января 1823-го года, штурмана Козымина, на двухъ мартахъ, къ Медвѣжьимъ островамъ, для точнѣйшаго опредѣленія положенія Крестоваго острова, и чтобы удостовѣриться въ существованіи предполагаемаго въ томъ краю другаго острова подъ тѣмъ же названіемъ. Февраля 17-го, не смотря на сильныя морозы, окончилъ г. Козыминъ свое чрезвычайно трудное путешествіе и представилъ мнѣ подробныя описи, какъ Медвѣжьихъ острововъ

добрые, так и Крестового особенно. Они убедились, что другой Крестовый остров не существует; по крайней мере, все развѣдала и старанія г. Козьмина найти его, были тщетны.

Между тѣмъ мы безпрестанно занимались приготовлениями къ нашему послѣднему большому путешествію по льду, которымъ должно было довершить исполненіе даннаго намъ порученія. Не только люди, собственно для экспедиціи назначенные, но и все жители мѣстечка, работали дѣлательно; старыя карты тщательно исправлялись, новыя готовились, дорожныя палатки приводились въ порядокъ, и проч. Мало по малу, собралось столько картъ, съ надлежащими частію собакъ, что согласно моему желанію, намечъ я возможнымъ раздѣлить экспедицію на двѣ части, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ г. Матюшкина, должна была обисать Чукотскій берегъ до Севернаго мыса, тогда, какъ я съ другою частию, хотѣлъ предпринять путешествіе по льду въ Ледовитое море, чтобы еще разъ попытаться отыскать предполагаемую тамъ большую землю. Берега твердой земли обисали болѣе предметовъ для изысканій естественнаго характера, нежели льдины и торосы Ледовитаго моря, поэтому докторъ Кибель отправился съ г-мъ Матюшкинымъ. Мнѣ сопутствовать штурманъ Козьминъ.

Получивъ извѣстіе, что собаки и карты съ береговъ Идлагирки и Хромы прибыли въ Походскъ, посѣщавъ я съ г-мъ Тарабукинымъ

осмотреть и принять ихъ. Къ сожалѣнію оказа-
лось, что болѣею частью собаки были изнуре-
ны, и не могли выдержать путешествія по Ле-
довитому морю, а потому принуждены мы бы-
ли отпустить ихъ обратно. Лучшихъ взяли къ
себѣ въ Сухарное, гдѣ, съ 14-го Февраля,
60 собакъ, т. е. пять упражекъ, выбранныхъ
изъ всего Колымскаго округа, откармливались
и приготавливались къ поѣздкѣ. Съ ними и съ
лучшими изъ остальныхъ паръ оставили мы,
28-го Февраля, Сухарное и направилъ путь на
постовъ по берегу. Марта 1-го достигли части
посланной нарочно изъ Нижне-Колымска казакъ,
и привезъ шибъ отъ Сибирскаго Генералъ-Губер-
натора бумаги, заключающія въ себѣ инструкцію
для зачатій экспедицій въ сѣв. году. Стоить за-
метить, что сіи бумаги пролетѣли, можно сказать,
огромное разстояніе, до 11,000 верстъ, между С.
Петербургомъ и устьемъ рѣки Березовой, въ Ле-
довитое море, не болѣе, какъ въ 88 дней, вклю-
чая еще и тѣ дни, пока по полученнымъ изъ
столицы предписаніямъ, составлялась въ Иркут-
скъ моя инструкція. Для прохода такого разстоя-
нія съ обыкновенною почтою изобило, по край-
ней мѣрѣ, 6½ мѣсяцевъ. Я воспользовался слу-
чаемъ и послалъ Начальству съ возвращавшимся
казакѣмъ отчетъ о нашихъ работахъ, который
не могъ быть иначе, какъ слишкомъ подробенъ, ибо
составлялся на льду, подъ открытымъ небомъ,
при 22° холода. Съ тѣмъ же казакѣмъ отправилъ
я двѣ изъ моихъ Нидигирскихъ паръ, ибо меж-

ду собаками ихъ оказались признаки болѣзни. Отославъ казака, продолжали мы путь съ 19-тью нартами, и въ тотъ же вечеръ достигли балагана у Бараннихъ, выстроеннаго нами въ прежнее путешествіе. Здѣсь нашли мы благодѣтельную защиту отъ мороза, усилившагося до 33°.

Не теряя времени, занялись мы не совсемъ легкой работою: раздѣлять и моровцу нагружать на нарты съѣстные припасы и другія вещи, теперь привезенныя нами и прежде сюда присланныя. Изъ съѣстныхъ припасовъ взяли мы $7\frac{1}{2}$ пудовъ ржаныхъ сухарей, 6 пудовъ свѣже-заморзшаго мяса, 3 пуда съ половиною крупы, пудъ *затпураку* *, 1200 штукъ юколы, 224 олуя, 12 гусей, 12 фунт. чаю, 10 фунт. сахару, 15 фунт. леденцу, 8 кружекъ акаппаго свирта, 20 ф. соли, 20 ф. масла, пудъ Черкаскаго табаку, 5 пудовъ рыбьяго жира и 88 штукъ сухихъ березовыхъ дровъ. Для корма собакъ ** назначалось до 7000 штукъ юколы, 4000 сельдей и еще несколько другой рыбы.

Кромѣ того, должны мы были взять съ собою еще слѣдующія вещи: уросъ, т. е. палатку изъ оленьихъ кожъ, съ принадлежностями, двѣ пѣшины, двѣ лопаты, два топора, чайникъ и котелъ съ треножникомъ, 5 ружей, 5 пикъ, 100 бое-

* *Затпураку* называется мука, заваренная съ масломъ или съ рыбьимъ жиромъ, которую ѣдятъ потому, что холодно и много вѣтъ.

** Ежедневно порціею корма для каждой собаки назначалось 1 юкола и 3 сельди, или 2 юколы.

выхъ патроновъ, карманный фонарь и нѣсколько восковыхъ свѣчъ, два секстана, два искусственныхъ ртутныхъ горизонта, карманный хронометръ, фунтъ ртути и лѣтъ съ липень, развѣранныма на футы. Все это помещалось на нашихъ 19 нартахъ.

Три дни занимались мы разборомъ и нагрузкою. Марта 4-го все было готово, но сильный штормъ отъ W.N.W. препятствовалъ намъ отправиться въ путь. Вѣтеръ дулъ закиви порывами, что неоднократно угрожалъ опрокинуть нашу баляганъ, и при томъ холодъ увеличился до 25°. Хлѣбца доставляла намъ еще хоть какую прибавку запяту, но собаки наши оставались целый день подверженныя всей ярости вихря, который, развѣвая густыя массы снѣгу, затемнялъ воздухъ. На другой день должны мы были отрывать изъ спящихъ бугровъ нарты и собакъ.

Марта 5-го буря утихла, и мы поехали далѣе. Безъ всякихъ замѣчаній достойныхъ приключеній, достигли мы 8-го Марта Шелагскаго мыса, гдѣ счастливый случай сблизилъ насъ съ народомъ, знакомство котораго до сихъ поръ тщетно старались мы приобрести.

На двухъ нартахъ опередилъ я съ г-мъ Козьминнымъ нашихъ товарищей, желая отыскать удобное мѣсто для ночлега, на узкомъ перешейкѣ, къ югу отъ мыса лежащемъ, какъ вдругъ изъ-за горосовъ появился Чукча, на легкихъ саняхъ, запряженныхъ двумя оленями. Онъ остановился въ

из некоторого расстоянія и закричала намъ что-то; но видя, что мы не понимаемъ, сделала рукою знакъ; мы подошли къ нему, и не зная Чукотскаго языка, не могли съ нимъ объясняться. Желая однакожъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, и завести ближайшее знакомство съ этимъ народомъ, я всячески старался знаками удерживать Чукчу, надеясь, что между тѣмъ придетъ переводчикъ, оставшійся назади съ другими нартами. Не знаю, появля ли меня нашъ новый знакомецъ, но онъ вырвался изъ саней, не показывая никакой болѣзненной недовѣрчивости, вынулъ свою саму (трубку) и потребовалъ отъ насъ табакъ. Я поспѣшилъ исполнить его желаніе; онъ очень спокойно расположился курить. Но вскорѣ послѣ того, проговорилъ нѣсколько разъ слово: *Камкай* (что означаетъ старшину или начальника), вскочилъ въ сани свои и скрылся между торосами. Вечеромъ, когда все общество собралось и расположилось лагеремъ, посетили насъ трое Чукчей; двое изъ нихъ ѣхали въ саняхъ, а третій бежалъ подлѣ нихъ, погоняя оленей. Приблизясь къ лагерю, Чукчи, сидѣвшіе въ саняхъ, дѣлали обильныя руками разныя странныя движенія и знаки, желая, вѣроятно, показать, что они пришли безъ оружія и съ дружескимъ намѣреніемъ. Они остановились не далеко отъ лагеря, и малорослый Чучка, лѣтъ 60-ти, закутанный въ меховую куртку, безбоязненно подошелъ къ намъ, объявляя, что онъ *Камкай* Чукотскихъ племенъ, обитающихъ по бере-

гасть Чаушскаго залива. Его смѣлыя и быстрыя движенія обнаруживали сильное телосложене, а маленькіе блестящіе глаза выражали мужество и самонадѣянность. После обыкновеннаго привѣтствія: *Торома* *, велѣлъ онъ вынуть изъ своихъ сапей жирный бокъ тюленя и кусокъ сважаго медвѣжьего мяса, и подарилъ мнѣ ихъ, какъ произведеніе своей страны. И привелъ его въ нашу палатку, угощалъ табаконъ, рыбу и проч., и онъ велъ себя такъ непринужденно и спокойно, какъ будто бы мы были съ нимъ старые знакомцы. Черезъ переводчика разговаривалъ я съ нимъ, и съ удовольствіемъ слушалъ его замѣчанія.

Всего болѣе желательно ему было знать, что насъ побудило въ такое холодное время года предпринять столь дальнюю поѣздку? Почему спрашивалъ бы: много ли насъ и вооружены ли мы? Отвѣчая ему на вопросы, вѣжливо старался я объяснить, что наше посещеніе совершенно мирное. Не смотрѣлъ на то, казалось, что внезапное появленіе наше возбудило въ дикаря недоверчивость, и проникательные взоры его слѣдили за каждымъ движеніемъ нашимъ. Впрочемъ, онъ былъ очень скромнѣе, и съ добродушною откровенностью отвѣчалъ на все наши вопросы. Между прочимъ, желали мы знать, видѣли ли Чукчи деревянный крестъ, поставленный нами въ 1820 году на горѣ Шелагскаго мыса? «Мы видѣли

* Торома есть испорченное русское слово: здорово, переплетое Чукчамъ у Русскихъ на Островной ярмаркѣ.

вашъ крестъ и не тронули его,» отвѣчалъ Камакай, и рассказалъ, что онъ первый увидѣлъ крестъ и тѣмъ болѣе удивлялся такому явленію, что въ окрестностяхъ не замѣтно было никакихъ слѣдовъ недавняго поклоненія. На слѣдующую весну тюленя и медвѣжья охоты были особенно удачны; Чукчи приписали это вліянію креста и принесли ему на жертву бѣлаго оленя. Напротивъ того, другой крестъ, поставленный священникомъ Слѣцовымъ на берегу Чаванской или Чаунской рѣки, былъ или сломанъ и сожженъ, потому что жители тѣхъ мѣстъ показались, будто со времени сооруженія его рѣка сдѣлалась мазорѣбною. Также рассказывалъ онъ намъ, что Чукчи не пьютъ постоянного жилища на Шелагскомъ мысѣ, но обыкновенно собираются туда въ Мартѣ мѣсяцѣ, для охоты за бѣлыми медвѣдями, которыхъ, вооруженные одними копьями, съ удивительною смѣлостью преслѣдуютъ и умерщвляютъ они среди самыхъ неприступныхъ торосовъ. Старикъ выдавалъ себя за потомка древнихъ Шелагцевъ, или, какъ Чукчи обыкновенно называютъ, Часанцевъ, много лѣтъ тому назадъ, двинувшись на западъ по морскому берегу, и болѣе невозвращавшихся. Отъ имени сего народа рѣка и галѣвъ получили названіе Чаванкиитъ, или Чаунскиихъ. Часа черезъ два, гость нашъ разстался съ нами, очень довольный, какъ казалось, ласковымъ приемомъ и полученнымъ при прощаньи подаркомъ.

На слѣдующій день, 9 Марта, Камакай поѣхалъ и.

тивъ насъ съ своими женою, дѣтиш и съ однимъ молодымъ Чукчею, котораго представилъ намъ, какъ своего племянника. Мы предложили гостямъ чаю, но она только отклани его, и съ видимымъ отвращеніемъ выпила остальное, а потомъ каждый вырзалъ себѣ по большому куску сыжжого, твердаго снѣгу и принялся жевать его⁴, чтобы истребить чайный вкусъ и прохладиться. Сахаръ имъ весьма понравился. Замѣчательно, что несмотря на чрезвычайное употребленіе табаку, который Чукчи безпрестанно курятъ, нюхаютъ и жуютъ, они несовершенно притупили свой вкусъ. Племянникъ Камакалъ разсказалъ намъ, что онъ былъ много сахару на Лриаркв въ Островномъ, когда его тамъ крестили. Мы сдѣлали ему несколько вопросовъ объ его крещеніи; но кромѣ некоторыхъ обрядовъ, онъ ничего не помнилъ, и даже забылъ данное ему имя. Жена его, также крещеная, хотя знала, что мужа называютъ *Николаемъ*, а ее *Агафеею*, и показывала намъ данные имъ кресты; но тѣмъ ограничивался все ея воспоминаніе. Проводники наши посовѣтили показать ей, какъ должно креститься и кланяться въ землю, что она, въ радости гордаго своего мужа, очень скоро переняла. Маленькій сынъ ея, мальчикъ лѣтъ десяти, воспользовался тѣмъ, что всеобщее вниманіе было обращено на такую сцену и спрятать очень искусно

⁴ Въ послѣдствіи часто замѣчали мы, что большой кусокъ сыжжого снѣгу, исколотъ на сильный холодъ, составляетъ всегда лакомство для Чукчей, и послѣ каждого купанья служилъ имъ, какъ будто десертъ.

въ свою широкую кухлянку пару пожей, несколько бисеру и других мелочей. Нежелая нарушать доброго между нами согласія, я притворился, будто бы не замѣчаю воровства.

Казакай былъ, въ своемъ родѣ, довольно образованный человекъ. Узнавши языкъ нашей потѣлки, и уверившись, повидимому, что мы не имѣемъ пантерей, опасныхъ свободѣ народа его, и напротивъ желаемъ только точнѣе узнать положеніе и свойства береговъ, чтобы открыть, какими путемъ могутъ Русскіе доставлять Чукчанъ табакъ и другіе товары, онъ описалъ намъ подробно, не только границы земли своей отъ Большой Баранихи до Севернаго мыса, но даже нарисовалъ углемъ на доскѣ положеніе Шелагскаго мыса, называя его *Ерри*. Въ Чаупскимъ заливѣ назначилъ онъ островъ *Драутана* совершенно правильно, по формѣ и положенію, а къ востоку отъ него другой маленький островъ, который въ послѣдствіи и назвали мы; онъ утверждалъ утвердительно, что кромѣ сихъ двухъ, на всемъ протяженіи нѣтъ никакихъ болѣе острововъ. На вопросъ нашъ, не существуетъ ли какая нибудь земля на морѣ къ северу отъ Чукотскихъ береговъ? подумавъ нѣсколько, разказалъ онъ слѣдующее: «Между мысомъ *Ерри* (Шелагскимъ) и *Пр-Кайио* (Севернымъ), близъ устья одной рѣки, съ невысокихъ прибрежныхъ скалъ въ ясные лѣтніе дни бывають видны на северъ, за моремъ, высокія, снѣгомъ покрытыя горы, но зимою однакожь ихъ не видно. Въ прежніе годы

приходили съ моря, вероятно, оттуда, болыиія стада оленей, но преслѣдуемыхъ и истребляемыхъ Чукчами и волками, теперь они не показываются. Самъ онъ однажды преслѣдовалъ въ Апрельхъ ислѣ, цѣлый день, стадо оленей на своихъ саняхъ, запряженныхъ дауръ оленями, но въ какомъ-то отдаленіи отъ берега, морской ледъ сдѣлался столь неровенъ, что онъ принужденъ былъ возвратиться.» По мнѣнію Каймакал, индѣицы съ береговъ горы находились не на острову, а на такой же пространной землѣ, какъ его родина. Отъ отца своего слышалъ онъ, что въ давній времена, одинъ Чукотскій старшина, съ своими дѣмочадцами, похаживалъ туда на большой кожаной байдаркѣ, но что такъ далеко онъ, и вообще возвратился ли онъ оттуда, неизвѣстно. Онъ полагалъ, что отдаленная сѣверная страна населена и доказывалъ нѣтъ спосъ тѣмъ, что за нѣсколько миль, на берега острова Араутана, въ Чаускомъ заливѣ, выброшено мертвое китъ, разбитое дротиками, съ остриемъ изъ шифера; а какъ Чукчи не имѣютъ такихъ оружіевъ, то должно предполагать, что такіе дротики употребляются жителями неизвѣстной страны *. Основывался на томъ, что съ высоты даже Шелагскихъ горъ не видно на сѣверъ никакой земли, Камалъ полагалъ, что она противъ того мѣста, гдѣ

* Известно, что Алеуты бьютъ китовъ острогами съ шиферными остриями; и какъ киты плаваютъ очень скоро, то можно полагать, что упоминаемый здесь китъ раненъ былъ на Алеутскихъ островахъ.

видны высокія, снѣгомъ покрытыя горы, образуетъ мысъ, далеко вдающійся въ море.

Я одѣлалъ старику нѣсколько подарковъ, за готовность его, съ которою отвѣчалъ онъ на наши вопросы, увѣряя, что если такіе рассказы окажутся истинными, то само Правительство не преминетъ доставить ему приличное вознагражденіе. Онъ былъ за все очень благодаренъ и просилъ меня похотѣтьствовать, чтобы *Богій Царь* прислалъ ему желѣзный котелъ и мышекъ табаку, которыхъ ему недостаетъ для совершеннаго счастья. Я долженъ былъ обѣщать, что употреблю съ моей стороны всѣ усилія, и помогу ему достигнуть цели его желанія. Тогда Кавакий и его спутники простились съ нами, весьма довольные знакомствомъ и пріемомъ.

Мартъ 9-го числа, воспользовавшись ясной погодою, взявъ я полуденную высоту, и 22-ми луновыми разстояніями опредѣлилъ положеніе перешейка подъ $70^{\circ} 2'$, $59'$ широты и $171^{\circ} 3'$ $15'$ восточной долготы отъ Гринвича. Склоненіе стрѣлки въ ручномъ пейль-компасѣ по азимутамъ, при соответствующихъ высотахъ солнца, найдено $18^{\circ} 3'$ восточн.

На слѣдующій день продолжали мы путь черезъ перешеекъ, направляясь къ восточной стороне Шелагскаго мыса. Къ морозу въ 26° присоединилась столь сильный вѣтеръ отъ NW+N, что многія парты были имъ опрокинуты и повреждены, а другія отстали и потеряли изъ вида передовыя сапп; къ тому поднялась густая

нитель, совершенно превратившаяся отличить покрытый снегом берегъ отъ морской поверхности, такъ что, вероятно, многие изъ нашихъ спутниковъ заблудились бы по льдамъ, еслибы увеличивающіеся торосы не показывали нѣтъ отдаленія земли.

Берегъ, на протяженіи 18-ти верстъ, обставленъ крутыми скалами, мало по малу приближающимися до устья ручейка. Здѣсь мы остановились исправить поврежденныя карты и привести все въ порядокъ; 11-го числа вѣтеръ затихъ и сдѣлался перелѣвнымъ; термометръ показывалъ по утру 10°, а вечеромъ 25° мороза. Въ полдень достигли мы скалы *Козмина* и опредѣлили ея положеніе въ 70°, 00' 53" широты, по полуденной высотѣ солнца, и въ 171° 55' счисленной долготы восточн. отъ Гринвича. Магнитная стрѣлка склонилась на 18° къ востоку.

Отъ сей скалы берегъ покрытъ холмами, между которыми лежали большіа купы китовыхъ реберъ, но очень мало было маносаго лѣса. Перейхавъ черезъ устье еще одного ручья, мы расположились на ночлегъ, въ 24-хъ верстахъ, при устьѣ значительной рѣки, протекающей среди горъ и называемой Чукчами *Верхонь*. Рѣка сіи при впаденіи въ море 1 1/2 Италіянскихъ или шириную. Лѣвый берегъ ея низменъ и покрытъ крупнымъ пескомъ, а правый, напротивъ, скалистъ и образуетъ кругой мысъ, обрывисто возвышающійся въ море, и возмывающійся до 280 футовъ отвѣсно. Я назвалъ его мысомъ *Киберы*.

На скалы паходится конусовидная гора, называемая Чукчами *Ежиком*.

Версты три съ половиною севернее мыса Кибера скалистый островъ, обставленный огромными торосами, и $2\frac{1}{2}$ версты въ окружности. Не зная, что Чукчи называютъ его *Амгаоманъ*, а именуютъ его *Шалауровымъ*, въ память путешественника, своею предприимчивостію, терпимостію и смелію въ снѣхъ крикъ вложилъ заслуживающаго, чтобы имя его, хоть такимъ образомъ, было сохранено для потомства. На северъ и западъ Шалаурова острова, скалы поднимаются на 15 сажень высоты; западная сторона ихъ склонается отлого къ морю и покрыта вся китовыми ребрами, лежащими здесь въ небольшихъ отдельныхъ кучкахъ. Они составляютъ скелеты хищнаго народа, некогда здесь обитавшаго и питавагося рыбосою и морскими маскопитающими, преимущественно китамъ, употребляя ихъ огромныя ребра вместо бревенъ и шестовъ при сооруженіи жилищъ. Говорить, что лѣтъ сего народа было непонятно колющихъ одичавшихъ Чукчей, и много сходствовало съ нунгическѣ осѣдлыхъ Чукчей на берегахъ Берингова пролива, доселѣ живущихъ въ землянкахъ, устроенныхъ на китовыхъ ребрахъ, съ однимъ толькоходомъ съверху. Впрочемъ, достаточно доказано, что осѣдлые Чукчи составляютъ съ Алеутами и Гренландцами одно поколѣніе, распространенное такими образамъ по берегамъ Ледовитаго моря, отъ

восточныхъ краевъ Америки до Шелагского мыса.

Марта 13-го дулъ слабый западный вѣтеръ, и хотя покрывъ весь небосклонъ туманомъ, но не произвелъ никакого вліянія на температуру. Термометръ показывалъ по утру 19°, а вечеромъ 25° мороза.

Погрузившись, сколько можно болѣе, паносомъ лавсомъ, здѣсь нами найденнымъ, оставили мы берегъ и направили нашъ путь по льду, прямо на сѣверъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ берега зарыли мы, съ известными предосторожностями, часть нашихъ запасовъ въ ледъ, который былъ здѣсь не толще 1 1/4 аршина. Глубина моря была 5 саженъ; грунтъ жилакій, зеленый илъ. Разгруженные парты отослали мы отсюда въ Ко-лымскъ.

Марта 14-го, прѣдвѣсь 17 верстъ къ NNO (при 25° и 28° мороза), по довольно гладкому льду, были мы остановлены огромными торосами, чрезъ которые надлежало пешими прорубать дорогу. До позднего вечера работали мы съ величайшими усиліями, и подвинувшись версты на три впередъ, принужденны были остановиться изъ-за нечистоты отъ усталости и для исправленія поврежденныхъ партъ.

На слѣдующій день, при 20° холода и туманной погодѣ, ѣзда была еще затруднительнѣе вчерашней. Мы работали пешими целый день въ безконечныхъ торосахъ, и подвинулись только на 5 верстъ. Парты наши, устроенныя товстѣй

не для такого пути, пришли в самое жалкое положение, и мы принуждены были остановиться и хоть несколько привести их в порядок. Сегодня, на средней дороге, нашли я глубину моря в 19-ть саженей; грунт состоял из песка, смешанного с глинною.

Торосы становились все выше и плотнее, а между ними лежали огромные бутры рыхлого наможенного снега. Уверившись в невозможности проплыть далее с тяжело нагруженными партами, и решив оставить здесь большую часть наших запасов и отослать назад восемь парт. Мы вырубали во льду две ды и положили в них провiantа и корма для собак на 23 дня. На 4-хь пиртах хотья я сь г-мъ Козымынымъ и плыю проводниками пробираться далее на северъ. Мы нагрузили саня наши, какъ можно легче, и взяли сь собою только на пять дней привiantа и изьскозько дрова.

Сильный западный вѣтеръ, затемнившій воздухъ итд., не позволилъ намъ однакожь предпринять немедленно дальтѣйшее путешествие къ северу. Ночью на 18^е число вѣтеръ перешелъ къ WNW, постепенно крутясь, превратился въ штурмъ и разломалъ около нашего лагеря ледъ. Мы очутились на большой льдинѣ, саженъ пятидесять въ поперечникъ. Отъ сильного вѣтра ледъ сь шумомъ трескался, шени разширялись и иькоторыя простирались до 15-ти саженъ ширины. Льдина, на которой находились мы, послалась по морю. Такъ провели мы часть ночи, въ те-

ность и ежеминутное ожидание смерти. Наконец наступило утро и ветер смотал нашу лодку съ другими, такъ, что вечеромъ 18-го Марта были мы снова на неподвижной ледной поверхности. Море подъ нами было въ 19 саженъ глубиною, при глянцестомъ грунтѣ.

Буря затихла 19-го, и небо прояснилось, но на сѣверѣ поднимались густыя испаренія, по видимому, изъ открытаго моря, отнимая у насъ надежду проникнуть далеко къ сѣверу. Несмотря на то, мы не оставили нашего намеренія, и рѣшились попытаться проложить себѣ дорогу, среди окружающихъ насъ торосовъ. Безпрерывно, въ теченіе цѣлаго дня работали мы, обходяши огромныя трещины, еще нессоединившіяся, и переправлялись черезъ другія, покрытыя уже тонкою ледяною корою. Весьма медленно подвигались мы, и отъѣхавъ десять верстъ, остановились на ночлегъ у высокой льдины, назва въ виду Ай-ленскій берегъ.

Марта 20-го числа погода была ясная; ветеръ затихъ, сѣверная часть горизонта покрывалась темными голубыми омыками; термометръ показывалъ 19° холода. Огромные, одинъ на другой нагроможденные торосы, стояли стѣною, и совершенно отняли у насъ возможность проникнуть далѣе. Мы рѣшились изъять направленіе на WNW, но проѣхавъ верстъ 8-мь, встрѣтили огромную щель, повидимому, только что затанутую тощими и совершенно гладкими ледяными слоями. Обойти ее не было возможности, ибо она простиралась

лась къ WNW и QSO до краснѣ видимаго горизонта. Тутъ расположились мы на ночлегъ, на $10\frac{1}{2}$ саженьяхъ морской глубины; дно моря составляло глинистый грунтъ, смешанный съ пескомъ.

На слѣдующее утро, первымъ занятиемъ нашимъ было осматрѣть окрестности и изыскать средства къ продолженію пути. Торосы, находившіеся на северномъ краю шельфа, были, по видимому, прежняго образованія, и казались нѣсколько круты и плоски, а потому надѣялись мы проложить себя между ними дорогу dalje къ северу. Но проникнуть туда не было иного средства, какъ только перебраться по тонкой ледяной корѣ, покрывавшей шельф. Митный менѣе проводникомъ были различны. Я рѣшился на сіе предпріятіе, и при неистовѣйшей скорости бѣга собакъ, удалось намъ оно лучше, нежели мы ожидали. Подъ передними саними ледъ гнулся и проламывался, но собаки, побуждаемые проводниками, и чуждая опасность, бежали такъ скоро, что сани не успевали погружаться въ воду, и быстро скользя по ломашенуеу льду, счастлииво достигли до противоположнаго края. Остальные три нарты ѣхали въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ледъ казался надежнее, и также всѣ благополучно переправились на другую сторону. Здѣсь принуждены мы были дать отдыхъ утомленнымъ собакамъ.

Довольно благоприятное качество льда дозволило намъ проехать 24 версты въ направленіи NNO, черезъ торосы и глубокій снѣгъ. Поль-

зудь светомъ прекраснаго Сѣвернаго сіявія на NO части горизонта, мы вѣли долѣе обыкновеннаго, и уже поздно вечеромъ расположились ночаскомъ среди торосовъ.

Марта 22-го, по утру, небо было ясно, но къ полудню вѣтеръ перешелъ на западъ, скръпчалъ и поднялъ сильную волну. Сегодняшняя поездка наша была безпрестанно прерываема волнами, и неоднократно подвергалась мы опасности утонуть. Край подобныхъ, непокрытыхъ льдомъ, мѣсть, обыкновенно бываютъ зачесены глубокимъ свегомъ, такъ, что передовыя собаки часто погружались въ воду, и только съ величайшими усиліями удерживали мы нарты на поверхности льда. Осторожно проехавъ мы впередъ 20 верстъ, по направленію къ NO, гдѣ мащелъ я 21 сажень глубины на плыстоиъ и мелководномъ грунтѣ. Мы подвинулись еще на 10 верстъ, и перепочевали на грунтѣ торосовъ, окруженныхъ со всехъ сторонъ большими шхелями и представлявшими видъ скалистаго острова. Ночью поднялся сильный вѣтеръ отъ WNW, и разширивъ шхель, привелъ насъ въ самое затруднительное положеніе. Къ счастью, вѣтеръ затихъ, и мы успѣлиши поквануть наши островскъ и перебраться на твердый ледъ, устроивъ себя изъ небольшихъ льдинъ родъ моста.

Къ ненадежности морскаго льда присоединилось еще другое неудобство, а именно недостатокъ корма для собакъ. Я рѣшился отправить двѣ нарты къ послѣднему складу нашихъ заша-

совъ, чтобы употребить оставленные для нихъ провiантъ и кормъ, а съ остальными двумя нартами проникнуть еще далее на сѣверъ.

Марта 23-го продолжалъ я путь на двухъ нартахъ, но столько въ надеждѣ на успѣхъ, сколько для собственнаго успокоенiя, и исполнял все зависящее отъ нашихъ усилiй и обстоятельствъ. До полудня было ясно и тихо, но къ вечеру вѣтеръ усилился, небо покрылось тучами и по всему протяженiю горизонта отъ NW до NO подымались густыя темноглубыя испаренiя, непреложное доказательство открытаго моря. Мы видѣли совершенную невозможность пропикнуть далеко на сѣверъ, но несмотря на то, продолжали путь. Отъѣхавъ 9 верстъ, встрѣтили мы большую щель, въ самыхъ узкихъ мѣстахъ до 150 сажень шириною. Она простиралась на О и на W до краснъ виднаго горизонта и совершенно преграждала нашъ путь. Усиливавшiйся западный вѣтеръ болѣе и болѣе расширялъ сей каналъ, а быстрота теченiя въ немъ, на востокъ, равнялась $1\frac{1}{2}$ узламъ. Мы взлезли на самый высочiй изъ окрестныхъ торосовъ, въ надеждѣ найти средство проникнуть далее, но достигнувъ вершины его, увидѣли только необозримое открытое море. Величественно-ужасный и грустный для насъ видъ! На дивящихся волнахъ моря носились огромныя льдины и, несомнѣ вѣтромъ, набѣгали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала лежащую. Можно было предвидѣть, что сила волненiя и удары ледяныхъ

глубь скоро сокрушать сію преграду, и море разольется до того мѣста, гдѣ мы находимся. Можетъ быть, намъ удалось бы по плавающимъ льдинамъ переправиться на другую сторону канала, но то была бы только безнадежная смѣлость, потому что тамъ мы не нашли бы уже твердаго льда. Даже на нашей сторонѣ, отъ вѣтра и силы теченія въ каналѣ, ледъ началъ трескаться и вода, съ шумомъ прыжая въ щели, разрывала льдины и раздробляла ледяную равнину. Мы не могли ждать даже.

Съ горестнымъ удивленіемъ въ невозможности преодолѣть поставленную природою препятствіи, исчезла и послѣдняя надежда открыть предполагаемую нами землю, въ существованіи которой мы уже не могли сомнѣваться. Должно было отказаться отъ цѣли, достигнуть которой постоянно стремились мы въ теченіе трехъ лѣтъ, презиря все лишения, трудности и опасности. Мы сдѣлали все, чего требовали отъ насъ долгъ и честь. Бороться съ силою стихій и лавною невозможностью было безразсудно, и еще болѣе — бесполезно. Я рѣшился возвратиться.

Положеніе мѣста, откуда принуждены мы были возвратиться, было подъ 70° 51' сѣверной широты и 175° 27' долготы, въ 150-ти верстахъ по прямой линіи отъ берега, скрытаго отъ насъ туманомъ. Глубина моря была 22½ сажени, на вѣстохъ грунты.

Мы поѣхали по прежней дорогѣ, и несмотря на то, что должны были обходить много вновь

образовавшихся шель, въ короткое время про-
тхали 35 верст и остановившись на полуге сре-
ди торосовъ. Здесь ледъ также былъ изчерченъ
во всѣхъ направленіяхъ трещинами, но вѣтеръ
примытно стикалъ, и онъ уже не казался намъ
опаснымъ.

На другой день, рано по утру, отправились
мы далѣе, при легкой западной вѣтрѣ и $17\frac{1}{2}^{\circ}$
мороза. Были причины слышать. Проложенная
нами дорога во многихъ мѣстахъ затронулась
огромными новыми торосами, и все доказывало,
что во время нашего отсутствія вся сія ледяная
поверхность находилась въ движеніи. Черезъ мно-
гія широкія трещины, неудобныя для обхода,
должны мы были переправляться на льдинахъ.
Иногда онѣ были такъ малы, что не могли по-
мѣстить на себѣ нарты со всею упряжкою; мы
стакивали собакъ въ воду и онѣ переплывали
на другую сторону, таща за собою льдину съ
нартою. Сильныя теченія дѣлали подобныя пе-
реправы нѣсколько весьма опасными. Въ одной изъ
трещинъ, недалеко отъ нашего послѣдняго скла-
да съ провіантомъ, стремленіе воды по нап्रा-
вленію OSO равнялось 4-мъ миль въ часъ.
Температура воды была здесь $1\frac{3}{4}^{\circ}$, а воздуха 10°
холода.

Послѣ многихъ трудныхъ и опасныхъ пере-
ходъ, поздно вечеромъ достигли мы нашего скла-
да съ провіантомъ, куда за день передъ тѣмъ
прибыли уже двѣ нарты, отосланныя нами пре-

жде. Все зарытые нами припасы нашлись въ изюбствѣ.

Марта 25-го, слабый восточный вѣтеръ нагналъ густой туманъ и закрылъ отъ насъ берегъ. По утру было 15°, а вечеромъ только 10° холода. Съ первыми вѣтра, многія трещины закрылись, а въ другихъ теченіе остановилось. Не смотря на то, растрескавшійся, рыхлый ледъ, при самомъ утѣренномъ вѣтрѣ могъ совершенно разломаться и дѣлать наше положеніе ненадежнымъ. Нельзя было обращать вниманія на утомленіе собакъ, и я рывшись, не теряя времени, перевезъ все наши съѣстные припасы на твердую землю. Пока занятыя мы важными приготовленіями, лучший проводникъ мой почувствовалъ вдругъ сильную боль въ крестцѣ, что не могъ подняться съ мѣста; это заставило насъ пробыть здѣсь целый день. Больной, оставаясь въ спокойствіи, отъ тренія волкою и жиромъ получилъ некоторое облегченіе. Вообще о проводникахъ моихъ долженъ я сказать, что при величайшихъ опасностяхъ, были мужественны и хладнокровны, и безъ ропота переносили все лишенія и тягосты путешествія. Недалеко отъ насъ встрѣтили мы слѣды двухъ песцовъ, что возбудило въ проводникахъ врожденную страсть къ охотѣ. Скоро были сдѣланы и поставлены дѣя, довольно хитро придуманныя ловушки. Одинъ изъ песцовъ попался, а другого, вѣроятно, долгое время и тѣтство искавшего добычи, нашли мы недалеко отъ насъ падохшимъ отъ голода.

Морозъ съ каждымъ днемъ заметно усиивался. Марта 26-го при слабомъ SSO вѣтрѣ, было по утру 2°, а вечеромъ 8°. Нашъ больной чувствовалъ некоторое облегченіе, но не могъ еще занять мѣста кожаната на нартъ, ибо для того требовалось слишкомъ сильное движеніе. Между тѣмъ, частъ отъ часу увеличивавшаяся несадежностъ льда заставляла насъ испробовать перебраться на берегъ. Г-нъ Козьминъ, всегда готовый принять на себя все полезное для экспедиціи, вызвался самъ управлять нартою, а свое мѣсто уступилъ больному проводнику. Сѣли скорее перебезти наши запасы на берегъ, взяли д. пзъ взятыхъ нами матеріаловъ для починки саеи, построили пятую нарту. Мы запрягли въ нее собакъ, одѣланныхъ по возможности изъ другихъ нартъ, и ввѣрили ее управленію нашего толмача.

Несмотря на то, что мы нагрузили сами, сколько можно ближе, надобно было значительную часть запасовъ нашихъ оставить на мѣстѣ; впрочемъ мы надѣлись еще разъ сюда возвратиться и взять остальное.

Едва прошли мы три версты, проложенная нами сюда дорога совершенно исчезла. Огромные торосы и вновь образовавшіеся шели преградили намъ путь, такъ что для облегченія принуждены мы были бросить часть груза. Но и сія жертва не принесла намъ большой пользы. Подвинувшись еще версты двѣ, мы совершенно потеряли надежду проійти дальше. По-

льдины простиралась по всему направлению. Къ западу виднелось открытое море, съ появившимися на немъ льдинами. Густые пары затеняли небосклонъ. Къ югу отъ насъ лежала неподвижная ледяная поверхность, состоявшая изъ большихъ льдинъ, прижатыхъ одна къ другой; но туда не было возможности проехать.

Отрезанные отъ всякаго сообщенія съ твердымъ льдомъ, со страхомъ ожидали мы наступленія ночи. Только спокойно моря и почному морозу обязаны мы были здѣсь спасеніемъ. Слабый NW вѣтеръ понесъ льдину, гдѣ мы находились, къ востоку, и приближилъ ее къ твердому льду. Шестами притянули мы небольшой льдины, вокругъ насъ плававшія, и составили изъ нихъ родъ моста до твердаго льда. Морозъ скрепилъ сѣнъ льдины до такой степени, что онѣ могли насъ сдерживать. Работа была кончена 27-го Марта, до восхода солнца; мы успѣли покинуть нашу льдину и счастливо переправились на твердый ледъ. Пройхавъ съ версту по SO направлению, увидѣли мы себя снова окруженными полынями и шельми, при невозможности продолжать путь. Находясь на льдинѣ огромнѣе другихъ, насъ окружавшихъ (она была до 75 сажень въ поперечникъ), и видя всѣ неопровержимыя признаки приближающейся бури, рѣшились мы остаться здѣсь на мѣстѣ и предаться волю Провидѣнія.

Скоро показалиcя предвѣстники наступающей непогоды. Темныя тучи поднялись съ запада, и

густые пары наполнили атмосферу. Внезапно поднялся резкий западный ветер и вскоре преобразился в бурю. Море сильно взволновалось. Огромные ледяные горы встывали на волнах, съ шумом и грохотом сползали и исчезали в пучине; другія съ нестройною силою набегали на ледяныя поля, и съ треском прошивали ихъ. Видъ волновавшагося полярнаго моря былъ ужасенъ.

Въ мучительномъ бездѣйствіи смотрѣли мы на борьбу стихій, ежеминутно ожидая гибели. Три часа провели мы въ такомъ положеніи. Лыжня наша носилась по волнамъ, но все еще была цѣла. Внезапно огромный валъ подхватилъ ее и съ нестройною силою бросилъ на твердую ледяную массу. Ударъ былъ ужасенъ; оглушительный трескъ раздался подъ нами, и мы чувствовали, какъ раздробленный ледъ началъ разсыпаться по волнамъ. Минута гибели нашей наступала. Но въ это роковое мгновеніе спасло насъ врожденное человеку чувство самосохраненія. Невольно бросились мы въ сани, потянули собакъ, сами не зная куда, быстро полетѣли по раздробленному льду и счастливо достигли ледины, на которую были брошены. То былъ неподвижный ледяной островъ, обставленный большими торосами. Мы были спасены, и радостно возблагодарили Провидѣніе.

Ревъ вѣтра и ярость волнъ не позволили намъ здѣсь оставаться на долго. Отдохнувъ несколько, направили мы путь къ берегу; къ вечеру до-

стисли нашего первого склада провiанта, нагрузили, сколько можно больше, нарты, и тотчас потянули, въ надеждѣ до наступленiя ночи перебраться на берегъ, что намъ удалось, и мы расположились на ночлегъ не далеко отъ устья рѣки Верхова, у подошвы довольно большой скалы, защищавшей насъ отъ вѣтра и давшей возможность развести огонь. Мы поспылили обсушиться, согрѣться горячимъ чаемъ и подкрепиться пищей.

Марта 28-го буря затихла; умѣренный ОНО вѣтеръ разогналъ облака. По утру термометръ показывалъ $9\frac{1}{2}^{\circ}$, а вечеромъ 13° холода. Весь день занимались мы перевозкою провiанта изъ нашего первого склада на берегъ. Можно было надѣяться, что спокойное состоянiе атмосферы и усиливавшiйся холодъ, покрывъ льдомъ поляны, позволить намъ проникнуть и къ другому складу съ провiантомъ, далѣе на сѣверъ лежавшему, и отсюда перевезти остальные запасы. Зналъ, какъ мало можно было надѣяться на вспомошествованiе Чукчей, относительно свѣстныхъ припасовъ, имѣ преимущественно хотѣлось обезопасить себя съ сей стороны.

Марта 29-го далъ я отдыхъ утомленнымъ собакамъ. Погода была ясная; термометръ показывалъ отъ 18° до 19° мороза. По полуденной высотѣ солнца определялъ я положенiе оконечности восточнаго берега р. Верхова подъ $69^{\circ} 51' 23''$ широты и $173^{\circ} 34'$ сѣвн. долготы. Склоненiе магнитной стрѣлки было $18^{\circ} 56'$ во-

сточн. Отсюда на SW 83° переправлять мысъ Ки-
бера, а на SW 87 $\frac{1}{2}$ ° средина Шалаурова острова.

Холодъ къ 30-му Марта усилился до 21°, и я
полагалъ, что можно будетъ достигнуть нашего
склада съ провѣантомъ; почему и отправилъ туда
г-на Козьмина, съ тремя партами. Но черезъ шесть
часовъ возвратился онъ назадъ, съ горестнымъ
извѣстiемъ, что полныя разнѣрились, по край-
ней мѣрѣ, на 15 верстъ и совершенно отшли
возможность проникнуть далѣе. Потеря нашихъ
запасовъ могла имѣть для насъ самыя гибельныя
послѣдствiя.

Во время отсутствiя г-на Козьмина, занимался
я описью восточнаго берега рѣки Веркона. Онъ
обтравленъ цѣпью кругловершинныхъ горъ, на
коихъ поднимаются столбовидныя скалы (кеку-
ры), подобныя тѣмъ, какія видѣли мы у Бара-
нова Камня. Горы сія выступаютъ въ море длин-
нымъ, низменнымъ мысомъ, и его можно почесть
восточною оконечностью устья рѣки. Онъ на-
званъ мною Кекурнымъ мысомъ, находится на раз-
стояніи 30 верстъ отъ мыса Кибера подъ 69° 50'
53" широты и 174° 34' долготы. Все простран-
ство между сими двумя мысами занято плоски-
ми, низменными островами, образованными ру-
кавами рѣки; главное русло ея идетъ по восточ-
ному берегу, и имѣетъ до полу-версты ширины.

Апрѣля 1-го, при 12° холода, сильный ОСО
вѣтеръ поднялъ густую мъель и заставилъ насъ
цѣлый день оставаться на мѣстѣ. На слѣдующее
утро отправились мы къ востоку, въ надеждѣ

соединиться съ г-нъ Матиюшкинымъ, которому поручена была опись сего берега. Видя непреодолимое препятствіе нашимъ поискамъ на севере, намѣреваемъ я разделить труды съ г-нъ Матиюшкинымъ. На слѣдствіе примѣтнотъ морей, у устья рѣки Веркона, поставили мы, на случай прибытія въ сіи мѣста япсахъ товарищей, знакъ съ запискою, что терпимъ недостатокъ въ съестныхъ припасахъ и нуждаемся въ скорой помощи. Потеря провѣнта привела насъ въ столь затруднительное положеніе, что единственная надежда наша было теперь на соединеніе съ отрядомъ Матиюшкина.

Пропуская собственное описаніе осматриваемаго берега, ибо намѣреюсь поживитъ его ниже, здѣсь вкратцѣ упомяну я о дѣлѣйшихъ происшествіяхъ походахъ.

Въ 23-хъ верстахъ отъ Кекурнаго мыса остановились мы ночевать, на плоскомъ низменномъ берегу. Въ извѣстномъ разстояніи на NO видны были остатки балагана, построеннаго изъ навознаго лѣса, вѣроятно, Русскими путешественниками. Брезня были здѣсь вбиты вертикально въ снѣгъ, и образовывали полукружіе, выгнутое къ северу для большей защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ. По вѣсѣ признаковъ, мѣсто сіе уже давно не было никѣмъ посѣждено.

Ночью, на 4-е Апрѣля, сильный западный вѣтеръ нагналъ много снѣгу; по утру термометръ показывалъ 9°, а вечеромъ только 4° холода. Вѣтеръ сей, продолжавшійся на озвученный день,

была пашь попутный. Множество оленьих следов побуждали собакъ къ скорому бѣгу, и менѣе нежели въ пять часовъ пробѣжали мы около 40 верстъ, по низменный, едва отъ поверхности моря отланившейся тундрѣ.

Долгое отсутствіе г-на Матюшкина беспокоило меня, тѣмъ болѣе, что наши запасы были уже на исходѣ. Желая продолжать описъ берега, рѣшивъ я еще разъ попытаться проникнуть къ северу и отправить г-на Козьмина, на одной нарѣ, съ порученіемъ отыскать пашь склады съ провіантомъ, или досмотрѣть, не удастся ли ему убить медвѣдя для корма собакамъ, въ чемъ мы всего болѣе нуждались. Черезъ 10 часовъ отсутствія, возвратился онъ безъ успѣха. Около 20 верстъ въ прямомъ северномъ направленіи, можно еще было хвать, хотя ледъ былъ очень неровенъ и вѣстами занесенъ глубокими сѣвгомъ; но даже широкія полынья совершенно преграждали путь. Съ вершины высокаго тороса г-нъ Козьминъ увидѣлъ, что отъ WSW до N, все море было усыяно полыньями; онѣ уменьшались постепенно отъ N къ NO, но оттуда стѣною возвышались огромные торосы. Отъ NO къ O не видно было полыней, за то вдаль горизонтъ былъ покрытъ таинственнымъ цѣтомъ, признакомъ открытаго моря. Ни медвѣдей, ни следовъ ихъ, г-нъ Козьминъ не встрѣтилъ; но замѣтилъ нѣсколько песцовыхъ следовъ; всѣ они направлялись къ NO. Извѣстіе г-на Козьмина удостовѣрило насъ, что мы были совершенно отрезаны

отъ нашего склада съ запасами, конечно, при лож-
кѣ льда потонушаго. Ближайшій складъ прові-
анта при устьѣ Большой Баранья находится отъ
насъ въ разстояніи 360-ти верстъ; корма для со-
бакъ оставляю у насъ, по болшей мѣрѣ, толь-
ко на три дни, и потому я принужденъ былъ воз-
вратиться отсюда. Мы отправились въ обратный
путь, предвидя печальную будущность, что на-
ши собаки падутъ отъ голода на дорогѣ, а мы при-
нуждены будемъ кончить путешествіе наше пѣш-
комъ, если не встрѣтимся съ вторымъ отдѣлені-
емъ экспедиціи и не получимъ отъ него помощи.

Въ уныломъ расположеніи духа прошли мы
10-ть верстъ отъ лагеря нашего, въ западномъ
направленіи, когда внезапно обрадованы были
встрѣчею съ г-мъ Матюшкинымъ. Радостно при-
ветствовали мы товарищей, избавлявшихъ насъ
изъ самаго затруднительнаго положенія. Отрадѣ
нашѣ былъ въ совершенномъ порядкѣ и доста-
точно снабженъ съѣстными припасами. Выбирая
по возможности удобнѣйшіе пути, г-мъ Матюш-
кинъ не имѣлъ случая, посланнаго нами при
устѣ рѣки Верхова, и не предполагая, что мы
терпимъ недостатокъ въ провѣантѣ, подавался
небольшими порціями, занимаясь оцѣнкою бе-
рега. Овъ имѣлъ случай неоднократно сближать-
ся съ Чукчами. Сначала принимали они его съ
нѣкоторымъ подозрѣніемъ, но потомъ совершенно
дружески. Между прочимъ, на Шельгокомъ
мышу наши нашли небольшое Чукотское селеніе.
Канакай (старшина) его посѣждалъ г-на Матюш-

лина, и через толмача, съ которымъ прежде былъ уже знакомъ, много рассказывалъ о своей странѣ. Онъ также утверждалъ, что къ сѣверу лежитъ большая земля, обитаемая дикими племенами, единственною пищею коимъ служить сѣтьгъ.

Бие рассказывалъ Камакай, что на тундрѣ, къ востоку отъ устья Веркона, находятся остатки хижины, построенной, по словамъ отца его, Русскими, спасшимися съ разбитаго у снѣгъ береговъ большого корабля. Много лѣтъ тому, кочующіе Чукчи открыли сію хижину, и нашли въ ней нѣсколько человѣческихъ оставовъ и череповъ, обглоданныхъ, вѣроятно, волками, а также немного провѣанта и табаку, и большіе бѣлые паруса, которыми была обтянута вся хижина. Недалеко отсюда лежали наковальня и другіе желѣзные вещи. Рассказъ сей заставилъ г-на Матюшкина посѣтить тундру. Дѣйствительно нашелъ онъ на означенномъ мѣстѣ остатки хижины, по прочности и роду построенія, казавшейся произведеніемъ не Чукчей, или какихъ либо проезжающихъ путешественниковъ; но видному, она назначалась для постоянного житія. Хотя г-нъ Матюшкинъ не нашелъ никакихъ болѣе признаковъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, мѣсто и самое время (въ 1764-мъ или 1765-мъ годѣ), когда, по словамъ Камакай, случилось рассказываемое имъ происшествіе, заставляють полагать, что здѣсь именно встрѣтилъ смерть свою сильный

Шалауровъ", единственный мореплаватель, посещавший въ означенный періодъ времени сію часть Ледовитаго моря. Кажется, не подлежит сомнѣнію, что Шалауровъ, обогнувъ вторично Шелагскій мысъ, потерпѣлъ кораблекрушеніе у пустынныхъ береговъ, гдѣ ужасная кончина прекратила жизнь его, полную неутомимой деятельности и рѣдкой предприимчивости. Нія сего мореплователя извѣстно во всей Сибири, такъ, что воспоминаніе о судьбѣ его, и повидимому, непреклонныя признаки мѣста его ужасной кончины тронули даже нашихъ грубыхъ проводниковъ...

Докторъ Кибель, сопутствовавшій г-ну Матюшкину, познакомился въ Островномъ со многими старшинами приморскихъ Чукчей. Они также разсказывали ему о существованіи Сѣверной земли и утверждали, что сами *видѣли* ее, въ ясные лѣтніе дни, съ мѣста, называемаго *Якашъ*. По описанію ихъ предполагали мы, что *Якашъ* лежитъ далѣе на востокъ, и потому рѣшился я туда отправиться.

На ночлегъ занялись мы раздѣленіемъ припасовъ; часть ихъ зарыли въ ледъ, и 6-ть порожнихъ нартъ отправили обратно въ Нижне-Колымскъ. У насъ осталось семь нартъ, четыре для меня и три для г-на Матюшкина. Апрѣля 7-го было тепло, при слабомъ SSW вѣтрѣ; термометръ по утру стоялъ на 0°, а въ полдень на 2° тепла:

* См. часть I, глава I, стр. 84 - 92.

Съ какого-то времени, по причине теплой погоды, оставался мы днем на мѣстахъ, а вѣли ночью, при свѣтѣ зари, потому что тогда обыкновенно морозило и собакамъ было легче тащить шарты. Ночью съ 7-го на 8-е Апрѣля было такъ тепло, что мы не могли отправиться въ путь и оставались на мѣстѣ, именно томъ самомъ, гдѣ почва въ 5-го Апрѣля. Во время нашего небольшого бездѣйствія, занимались мы разными астрономическими наблюденіями. Намъ удалось взять въсколько разстояній между солнцемъ и луною, по которымъ определяли мы долготу въ $176^{\circ} 09' 45''$, а широту, по полуденной высотѣ солнца, въ $69^{\circ} 48' 12''$. Отсюда начали мы вести новое счисленіе.

На слѣдующій день, къ вечеру, сдѣялось холоднѣе; мы продолжали путь по берегу. Отъѣхавъ 12-ть верстъ, въ SW направленіи, остановились мы у небольшой скалы, составившей, такъ сказать, границу между низменною тундрою и холмистымъ берегомъ, начинающимся въ 15 верстахъ къ востоку отъ Кекурнаго мыса. Окрестности устья рѣки Лууона, впадающей въ море 23-ми Итальяскими милями восточнѣе Веркопа, совершенно низменны, и судя по множеству оленьихъ слѣдовъ, должны обильно вѣствовать.

Апрѣль 8-го погода была ясная; по утру и вечеромъ было не болѣе 3° холода, а въ полдень 2° тепла. Прѣхавъ 7-ми верстъ по берегу, возвышенному на 90 футовъ, мы достигли доволь-

но далеко вдавшись въ море скалы; за нею начинался плоскій и низменный берегъ, покрытый пескомъ и мелкими каменьями. По снѣгу и другимъ признакамъ, согласнымъ съ описаніемъ Чукотскихъ старшинъ, долженъ и быть принять сѣ мѣсто за мысъ Яканъ. Положеніе скалы опредѣлилось въ $69^{\circ} 41' 32''$ широты и $176^{\circ} 32'$ долготы. Долго наблюдали мы горизонтъ, въ надеждѣ открыть на сѣверъ землю, которую по рассказамъ Чукчей можно было отсюда видеть. Не открывъ ни малѣйшихъ признаковъ ея, мы поехали далѣе, и въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ, достигли устья маленькой рѣчки Яканъ-Увалитъ. Не далеко отсюда нащли мы основу большой байдары въ 21 футъ длиною, что совершенно убѣдило насъ въ томъ, что скала, нами опредѣленная, была именно Яканъ, ибо не только Чукотскіе старшины въ Островномъ, но и другіе Чукчи, встрѣченные нами на Сѣверномъ мысѣ, описывал и-стоположеніе Якана, упоминали о байдарѣ, рассказывая при томъ, что они обтягиваютъ ее ла-таками (выдѣленными моржовыми кожами), а ког-да положеніе льда позволяетъ, проишпалуютъ на ней моржей, во множествѣ здѣсь водившихся. Замѣчательно, что къ западу отъ Якана и Ше-латскаго мыса, до самой Индигирки, моржи рѣд-ко являются, а здѣсь, напротивъ, и на всемъ прострѣствѣ до Чукотскаго носа, моржи и ки-ты весьма часто встрѣчаются.

Провхаль отъ Яканъ-Увала 16 верстъ на во-

ство, мы принуждены были, по причине голода, остановиться.

Вечером отправились мы далее, и проехав 10 верст, встретили ряд скал, простирающихся на 21 версту; за ними песчаный берег, покрытый небольшими холмами. В 35-ти верстах от кочета вошли мы множество наможенного леса, преимущественно соснового и елового, а отчасти и лиственничного. Давно уже тосковали мы такой недостатке в топливе, что раз в день только разводили огонь. Счастливая находка наша дала нам снова возможность заготовить дровами и в особенности была она важна для г-на Матюшкина, который, в свою очередь, хотел предпринять путешествие по льду в море, для отыскания предполагаемой на север земли.

Апреля 9-го небо покрылось темными тучами; сильный западный ветер поднял туман; холод значительно усилился; утром было 6°, в полдень 9°, вечером 11° мороза. Г. Матюшкин воспользовался благоприятным временем, и поехал на 3-х нартах, с провизией на 15 дней, к северу в море, а с г-м Козыньным и доктором Кибером, на 4-х нартах, с запасом на 13 дней, продолжать опись берега. Чуванского Килзика Соболева, хорошо знавшего Чукотский язык и сопровождаемого прежде г-на Матюшкина, взял я с собою, а ему отдал служившего мне толмачем казак Кивриakov.

Только к вечеру успели мы окончить все раз-

поражений, необходимая при разделении экспедиции. Г-нъ Матюшкинъ поехалъ на северъ, въ море, а я съ конями спутниками по берегу, на востокъ. Густой туманъ покрывалъ окрестности, и до того ограничивалъ нашъ горизонтъ, что мы не могли точно наблюдать пакибонъ берега.

Пройдя 48-ю верстъ, миновали мы устье небольшой рѣчки Кусгунъ, и въ 13 верстахъ отъ туда остановились на ночлегъ, уже въ 5-ть часовъ утра 10 Апрѣля. На всемъ протяжении берега казался плоскимъ и постепенно понижавшимся небольшими уступами къ морю. Во многихъ мѣстахъ видѣли мы сложенный кучами наносный лѣсъ и недавніе слѣды саекъ, запряженныхъ оленями, что подавало намъ надежду встрѣтиться и ближе ознакомиться съ прибрежными жителями.

До разсвѣта восточный вѣтеръ былъ едва чувствителенъ, но потомъ скрѣпчалъ, и съ сильною вѣтровою продолжался цѣлый день. Но утру термометръ показывалъ 16°, а вечеромъ 13° холода.

Отъ ночлега нашего берегъ круто поворачивалъ къ SO. Въ семь направленій прошли мы 23 версты, и зайдя на востокъ скалу, далеко вдавшуюся въ море. Она соединялась съ берегомъ длиннымъ низменнымъ перешейкомъ, и къ разстоянію 14-ти верстъ казалась отдѣльнымъ островомъ. На перешейкѣ находилось нѣсколько Чукотскихъ жилищъ.

Не было сомнения, что мы достигли места, которое капитанъ Кука, въ 1777 году, называлъ *Севернымъ мысомъ*. Два холма, соединенные съ З. и В. перешейкомъ, море на Ю. и все другіе явственныя признаки согласовались вполне съ разсказами Кука, а определенное въ послѣдствіи положеніе места совершенно удостоверило насъ, что мы достигли Севернаго мыса *. Онъ впрочемъ весьма сходенъ въ образованіи съ Шелангскимъ мысомъ, и состоитъ собственно изъ известковой скалы, вышиною въ 105 футовъ, положивъ скалою примыкающей къ другой точно такой же скалѣ; вся сія масса соединяется съ берегомъ низменнымъ перешейкомъ. Море по ту сторону мыса, виднвшее съ корабля Кукова, похожее на, какъ известно, заливомъ, или устьемъ большой рѣки.

Усмотрѣвъ Чукотское селеніе, мы удержали быстрый бѣгъ панихъ собакъ, и въ разстояніи полуторы версты отъ берега остановились, боясь внезапнаго приближеніемъ панихъ испугать жителей. Но несмотря на нашу предосторожность, неожиданное появленіе наше возродило въ Чукчахъ недоверчивость. Они бѣжали изъ хижинъ въ хижину и суетились по берегу, а извонцы столпились вѣсть и, казалось, о чемъ-то разсуждали. Двое изъ нихъ отбѣлались отъ толпы и приблизились къ намъ, медленными шагами,

* Одинъ старикъ Чукча, житель этого края, уверялъ доктора Кибера, что много лѣтъ тому назадъ, приплыли сюда два большихъ корабля. Вероятно, это были суда Кука.

не показывая однакожь ни малѣйшаго страха. Я послалъ моего толмача уведомить ихъ о цѣли нашей поѣздки, и увѣрить въ наше дружеское расположеніе. Посланники съ обѣихъ сторонъ встрѣтились торжественно, поклонялись и молча сѣли на ледъ. Толмачъ, не говоря ни слова, набилъ Чукчамъ гавзы и не прежде, какъ выкуривъ по трубкѣ, началъ длинную рѣчь, объясняя причины нашего прѣзда. Кончивъ ее, кажется, произвелъ онъ хорошее впечатлѣніе въ своихъ слушателяхъ, потому что они встали, и вмѣстѣ съ нимъ прибавились къ намъ.

Одинъ изъ нихъ назывался *Этель*, и выдавая себя за старшину поколѣнія, онъ передалъ мнѣ въ подарокъ двухъ недавно убитыхъ тюленей, и объявилъ, что совершенно устрѣць въ дружелюбіи нашемъ, а съ своей стороны готовъ, по силамъ, помогать намъ. Въ разговорѣ узнали мы, что онъ родня Камакаго, съ которымъ познакомился мы на Шелагскомъ мысѣ, и такое объясненіе водворило между нами прѣзвеченныя отношенія. Я одарилъ *Этеля* табакомъ и другими мелочами, которыя, казалось, ему очень понравились. При прощаніи, онъ настоятельно просилъ меня посѣтить его жилище, что и исполнялъ я на слѣдующій день. Меня приняли подъ наметомъ, гдѣ *Этель* былъ окруженъ всеми своими сокровищами. Стѣны жилища его были обставлены копьями, луками, стрѣлами и другими потребностями охоты и рыбной ловли, а также кожаными латаніи и красиво отделанными санями. Кучами

лежали тутъ же песцовыя шкурки, китовыя усы, широкіе моржовыя ремни, и т. п. Среди разговора, между прочимъ, старшина сказалъ мнѣ: «Выбирай, что тебѣ угодно изъ моихъ вещей, а мнѣ въ займы дай ружье и пороху. Я ходилъ бы съ нимъ на охоту, потому, что стрѣляю гораздо мѣтче многихъ нагорныхъ Чукчей, у которыхыхъ однажды я вѣдалъ ружье.»

Безпрестанно возобновлялъ онъ свою просьбу, и наконецъ я обещалъ исполнить его желаніе, съ условіемъ, что онъ дастъ мнѣ 13-ть тюленей на кормъ собакамъ, перевезетъ на своихъ саняхъ дрова, лежащія въ 20-ти верстахъ отъ селенія, и кромѣ того проводить насъ до острова Колючина, гдѣ, какъ мы узнали, живетъ у него сестра. Вероятно, онъ ожидалъ гораздо большаго требованія, потому что съ радостью и безъ затрудненія тотчасъ согласился, удивляясь моему великодушію. Немедленно приказалъ онъ приготовить тюленей и перевезти дрова. Отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на другой день. Имѣя въ своей власти главу племени, я рѣшился, для облегченія собакъ, три четверти нашего груза оставить, до возвращенія, въ лѣжнѣ Этел. Когда собирався я образно въ лагерь, сдѣлать необходимыя для отъѣзда распоряженія, Этель подошелъ ко мнѣ и попросилъ позволенія взять съ собой бѣлѣсъ, * назначенный мнѣ въ подарокъ его сестры. Хотя я понималъ, что не братская любовь,

* Бѣлѣсъ называется большой песъ, прирученный къ личной охотѣ.

а желаніе пить при семъ обычное Чукчамъ оружіе, было главною причиною просьбы, но, опасаясь возбудить недобрѣвольность Этеля, позволялъ ему, и мы разстались друзьями.

На другой день, рано по утру, пришелъ къ намъ Этель, въ полномъ дорожномъ платьѣ; за спиною у него висѣла котомка съ табакомъ и другими Европейскими сокровищами, которыхъ хотѣлъ онъ провѣнчать на Колочинѣ. Шапка его была унизана бисеромъ, сережками и другими украшениями, а на самомъ верху ея повѣшана голова ворона; по увѣренію Этеля, она должна была доставить намъ счастливый путь и поспособствуетъ ласковѣй пріемъ. Мы отправились, сопровождаемые всеми жителями селенія, вѣдимо безпокоившіяся о судьбѣ своего начальника. Онъ прощаясь съ нами, безпрестанно повторяя, чтобы Этель какъ можно скорѣе возвратился.

Послѣ 11-ти часовъ вѣдомъ, приближались мы, поздно вечеромъ, къ двумъ уединеннымъ Чукотскимъ хижинамъ, гдѣ, по совѣту нашего повода спутника, положено было переночевать. Лай приближающихся собакъ разбудилъ и перепугалъ спящихъ жителей. Въ страхъ схватили они Шаманскій бубенъ и подняли оглушительный шумъ. Знакомецъ нашъ Этель, съ своею вороньею головою на шапкѣ, успокоилъ ихъ и уговорилъ принять насъ. Все населеніе сихъ двухъ хижинъ состояло изъ четырехъ мужчинъ и пяти женщинъ. Они казались весьма бѣдны, и съ трудомъ рѣшились дать намъ одного тюленя.

Место это, называемое *Такохавикъ*, отстоитъ отъ мыса *Пръ-Кайпи* на 90-то верстъ. На всемъ пространствѣ берегъ низменъ. Въ 40-ка верстахъ отъ мыса впадаетъ въ море, хотя не широкое, но несма быстрая и рыбная рѣка *Ексата*. Кроме того, въ губу впадаютъ здѣсь ручьи *Емуаеми*, *Теисурхуйни* и *Кентмелъ*. Наноснаго лѣса попадалось намъ мало, а кустарника вовсе не было видно. Вообще здѣсь наносный лѣсъ встрѣчается рѣдко, отъ того, что его собираютъ Чукчи, приходящіе сюда на значеную и морховую охоту, и отъ того, что впадающія здѣсь рѣки текутъ по безлеснымъ степямъ. Хотя лѣсъ, почти непрерывно покрывающій всю часть моря, препятствуетъ наносному лѣсу приближаться къ берегамъ, но попадающіеся здѣсь еловыя и сосновыя бревна заставляютъ предполагать, что отъ Американскаго происхожденія, ибо все рѣки на востокъ отъ Индигирки текутъ по степямъ, гдѣ сіи древесныя породы не произрастаютъ. Лѣна сплавляетъ иногда съ верховьями своиѣ сосны и ели, но не много, такъ, что между устьями Лены и Индигирки, въ большихъ трудахъ лѣсостенничнаго и основного лѣса, нрядка только находится сосновыя и еловыя бревна. Что лѣсъ наносится сюда съ Американскихъ береговъ, тому служить доказательствомъ свидетельство Чукчей, находившихъ обрубленные сосновые стволы (вероятно, каменными топорами).

На слѣдующій день, 14-го Апрѣля, продолжали мы путь по пустынному песчаному берегу,

и въ 12-ти верстахъ отъ помѣга перекрѣвая черезъ устье рѣки *Омгуема*, которое здесь до $2\frac{1}{2}$ верстѣ ширины. Этель разсказалъ намъ, что въ-когда во множествѣ приходили сюда олени, и Чукчи съ Колочьяна острова за ними охотились; но что съ некоторого времени приходившихъ прекратил-ся. Низменность простирается еще на 14 верстѣ къ востоку, но отсюда берегъ поднимается и образуетъ, хотя не высокій, но крутой уступъ. Земля, постепенно возвышалась, примыкая къ подножью горной цѣпи; она тянется параллельно съ берегомъ, въ разстояніи 20—35 верстѣ. Мѣсто, гдѣ оканчивается низменность, лежитъ, по сдѣланному наблюденію, подъ $68^{\circ} 9' 51''$ широты и $182^{\circ} 6'$ сѣв. долготы.

Въ сей день проехали мы 84 версты, и достигли мыса *Ваккарама*, находящагося на западной сторонѣ устья рѣки сего названія, гдѣ положено было переночевать, въ небольшой Чукотскомъ селеніи, изъ четырехъ хижинъ состоявшемъ. Когда прибыли мы туда, всѣ жители уже спали. Утомленные собаки не лаяли, и мы остановились въ серединѣ селенія, нѣмѣть незамѣченные. Этель, прежде нежели пошелъ разбудить жителей, отыскавъ мѣсто, гдѣ, по его словамъ, погребенъ былъ одинъ изъ его предковъ; тамъ проговорилъ онъ надъ могилою, съ торжественною набожностью, молитву и пожертвовалъ тѣмъ умершаго нѣсколько табачныхъ листьевъ. Потомъ уже вошелъ онъ въ одну изъ хижинъ, и, вероятно, описалъ намъ свои же за-

мѣстами съ самой выгодной стороны. Старшина селенія принималъ насъ весьма радушно и предложилъ нѣсколько тюленей на кормъ собакъ. Мы щедро оларили его и провели здѣсь ночь весьма спокойно.

Замѣчательно, что мысъ *Шелажскій*, *Ир-Кай-нйя* и *Ванкаремъ*, совершенно одинаковаго образованія; всѣ они состоятъ изъ высокихъ скалъ*, соединенныхъ съ берегомъ длинными узкими перешейками, и различаются только тѣмъ, что размыты скалы и перешейки тѣмъ болѣе уменьшаются, чѣмъ далѣе сіи мысы лежатъ на востокъ.

Апрѣля 15-го, съ разсвѣтомъ, продолжали мы путь. Небо было ясно; горизонтъ на сѣверъ покрывался тѣмной синевой; по утру термометръ показывалъ 11°, а вечеромъ 12° мороза. Спустившись съ перешейка усмотрѣли мы на востокъ, верстахъ въ 5-ти отъ мыса, малецкій островокъ, версты на двѣ въ окружности. Отсюда берегъ значительно возвышается, и въ 25-ти верстахъ по ту сторону мыса являются уже высокіе, гранитные и порфирные утесы. На 80 80°, въ отдаленіи 10-ти верстъ, находится скалистый мысъ *Омьяно*; на немъ возвышается значительная гора. Не подалеку, но отдѣльно отъ мыса, рядъ столбовидныхъ утесовъ, вышиною въ 140 футовъ, похожихъ на развалины огромнаго зданія. Тутъ, на высокомъ берегу, находились также два

* Скалы сіи состоятъ изъ нежесткаго гранита, сплывшаго съ зеленоватымъ шпатомъ, темнаго розоваго базальта и слюдокъ.

Чукотскіе шалаши, защищенные только съ южной стороны, и совершенно открытые суровому северному вѣтру. Чукча нечувствителенъ къ холоду и не нуждается въ произведеніяхъ произрастающаго царства. Ледовитое море замѣняетъ ему лѣсъ, кашню и лукъ, а тюленя и моржи удовлетворяютъ всѣмъ его потребностямъ.

Обогнувъ мысъ Оньма, мы увидѣли на горизонтѣ (SO 80°), въ разстояніи 33 версты, островъ *Колочинъ*, показавшійся намъ кругловершинною горой. Туда направили мы путь, и по хорошей дорогѣ ѣхали весьма скоро. Берегъ твердой земли отъ мыса Оньма круто загибается на югъ и составляетъ западную сторону *Колочинской губы*; восточную, за густыми туманами, мы едва видѣли.

Островъ *Колочинъ*, названный Кукомъ *Wigney's Island*, по направленію берега на $3\frac{1}{2}$ версты въ длину. Северный берегъ его обставленъ крутыми скалами изъ красноватаго гранита; онѣ спускаются въ море обрывами; южный, напротивъ, низовъ. Здѣсь находится Чукотское оленіе, состоящее изъ 11-ти хижинъ. Мы хотѣли посетить его. За четверть версты остановились мы, и расположились лагеремъ на льду. Чукчи заивтили насъ, и все пародонаселеніе вѣстечка пришло въ движеніе. Жѣнщины и дѣти спрятались въ близлежащей горѣ, а мужчины, вооруженные ковыями, батогами и стрѣлами, выстроились въ рядъ передъ хижинами, ожидая нападенія. Тогда только увидѣли мы, какъ полезеть бытъ

намъ. Этель, съ своею вороньею головою на шапкѣ. Безъ оружія пошелъ онъ, одинъ, къ Чукчанъ, и вкоро совершенно ихъ успокоилъ. Они положили оружіе и дружески приблизились къ намъ. Предложеніе мое мѣнять на табакъ и бисеръ китовое мясо, на кормъ собакамъ, было принято съ радостью, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ году жители острова убили до 50-ти китовъ, вообще часто здѣсь попадающихся. Кроме того, въ Колочинской губѣ, особенно когда разламывается ледъ, норжовыя охоты бываютъ весьма удачны.

Извѣстіе о прибытіи нашего скоро достигло Чукчей, живущихъ по берегамъ губы, и въ надеждѣ получить отъ насъ табакъ, они съѣзжались со всѣхъ сторонъ, на саняхъ, нагруженныхъ китовымъ мясомъ, моржовыми ремнями и дровами. Въ короткое время, до 70 человекъ собралось около нашего стана такъ, что онъ походилъ на рынокъ. Каждый изъ вновь пріѣзжавшихъ Чукчей, прежде начатія торга, требовалъ себя въ подарокъ табакъ. Богатые пріѣзжали въ саняхъ, запряженныхъ четверью и плетью собаками въ рядъ, а подлѣ саней ихъ обыкновенно бѣжало, потопая собакъ, Чукча, простомудръ изъ беднѣйшаго сословія. Почти всѣ гости наши выдавали себя за старшинъ и требовали подарковъ болѣе другихъ, такъ, что намъ небольшой запасъ табакъ весьма скоро истощился.

Между нашими гостями находился одинъ старшина Носовыхъ Чукчей (живущихъ у Беринго-

ва пролива). Онъ отличался отъ всѣхъ другихъ страннымъ и необыкновенно-убрашеннымъ парадомъ. Сверхъ мохнатой кузляки своей, носилъ онъ на шеѣ два образа и четыре креста, а на груди его, между двумя дощечками въ видѣ футляра, висѣли два письменныя свидѣтельства: одно о принятіи насъ и его тремя сыновьями, Св. Крещенія, а другое о пожалованіи ему Государемъ Императоромъ камень изъ красного сукна, за присылку чернубурой лисины. Насъ ревности къ жизни, онъ безпрестанно крестился и хвастался умываньемъ съ сахара и сахара и пить чай, съ чѣмъ другіе земляки его оказывали совершенное невѣжество. Этотъ хвастунъ былъ намъ несносенъ, потому что, пользуясь правомъ единогласія, безстыдно требовалъ онъ отъ насъ безпрестанныхъ подарковъ, не оказывая намъ съ своей стороны никакой услуги. Впрочемъ, мы вообще были довольны поведеніемъ Чукчей, хотя, не смотря на всѣ предосторожности, у насъ пропаало нѣсколько бездѣлицъ. Кажется, страсть къ воровству также сродна съ Гиллерборейцамъ, какъ островитякамъ Южнаго моря. Даже Отель, не доверяя своимъ Колючинскимъ землякамъ, всѣ свои пожитки отдалъ на сохраненіе намъ.

Отдѣливше путешествие, успѣвъ при переходѣхъ среди торосовъ и версправѣхъ черезъ полынья, пригнали нашихъ собакъ въ самое жалкое положеніе, такъ, что я почелъ необходимымъ дать имъ въ Колючинѣ два дня отдыха. Не имѣя болѣе табаку, мы не имѣли возможности доста-

точно запасти кормовъ для собакъ, что, при совершенномъ изнеможеніи мнѣ, принудило меня перемѣнить прежнее namъреніе описывать берега до самаго Берингова пролива, а возвратиться скорее въ Ильяне-Колымскъ, отъ котораго находились мы въ разстояніи 1000 верстъ. Приближеніе теплаго времени года еще болѣе заставляло насъ спать. Хотя весьма неохотно, я рѣшился отказаться отъ моего плана оканчить описъ северныхъ Азіатскихъ береговъ, но съ другой стороны утѣшался мыслью, что гдѣ не составится важной потери для Географіи, ибо берега Берингова пролива и Ледовитаго моря до острова Колымчина уже были осмотрѣны и подробно описаны экспедиціею капитана Виллантеса. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, положено было намъ возвратиться. До послѣдней минуты нашего здѣсь пребыванія, приважали на островъ новые посетители изъ окрестныхъ Чукотскихъ селеній, и крайне надоедали намъ безвѣрными просьбами и требованіями подарковъ. Наконецъ, 17-го Апрѣля, вечеромъ, оставили мы Колымчанъ, сопровождаемые толпою Чукчей, надевшихся при прощаніи выпросить у насъ еще какіе нибудь подарки.

По полученной высотѣ определяли мы широту южной оконечности острова Колымчина подлѣ $67^{\circ} 26' 36''$, въ счисленной долготѣ $184^{\circ} 24'$. Склоненіе магнитной стрѣлки, по соотвѣствующему азимуту солнца, было на $23^{\circ} 26'$ восточн. Падъ наклона іемя съ не могли мы дѣлать

наблюдений; нашъ выключатель повредился въ дорогѣ.

При сильномъ и рѣзкомъ ОСО вѣтрѣ, достигли мы, 20-го Апрѣля, селенія Ир-Кайнѣ, и были встрѣчены жителями. Безчаски старались они выразить намъ свою радость о счастливомъ возвращеніи Этели, а, можетъ быть, и объ успѣхахъ вѣвы его на Колючнѣ. Запасы мои были въ совершенной цѣлости, и жители, изъ благодарности, подарили намъ еще нѣсколько тюменей. Приготовленіе и нагрузка отняли у насъ два дни. Намъ удалось здѣсь наблюдать двѣ секстансами полуденныя высоты солнца, по коимъ опредѣлялась широта селенія Ир-Кайнѣ $68^{\circ} 55' 16''$, при долготѣ $179^{\circ} 57'$. По соотвѣствующимъ азимутамъ, склоненіе магнитной стрѣлки было $21^{\circ} 40'$. В. Апрѣля 23-го оставили мы селеніе Ир-Кайнѣ и поехали на западъ по берегу, причемъ можно было намъ вторично наблюдать и проверять, какъ разстоянія, такъ и положеніе описанныхъ нами мѣстъ.

Прежде описанія возвратнаго нашего пути, не лишнимъ, кажется, будетъ сказать нѣсколько словъ о Чукчахъ, народѣ столь замѣчательномъ и столь мало извѣстномъ, хотя, по краткости времени, свидѣій, нами собранныхъ, не могли быть весьма ни обширны, ни подробны.

Чукчи обитаютъ на сѣверо-восточной оконеч-

* Капитанъ Кузь, по корабельному списанію, опредѣляетъ положеніе Севернаго мыса, или Ир-Кайнѣ, подъ $68^{\circ} 56'$ широты и $180^{\circ} 49'$ долготы.

ности Азии, отъ Чаунской губы до Берингова пролива съ одной стороны, и отъ рѣки Анадыря и верховьевъ Сухого Аиоа до Ледовитаго моря, съ другой. Сосѣдніе съ ними народы, на югъ Корелки, на западъ Чувашы и Ангийскіе Юкагирь.

Названія двухъ рѣкъ Большая и Малая Чукочьа, впадающихъ съ западной стороны въ устья Колымы, заставляютъ предполагать, что Чукчи занимали некогда гораздо большее пространство земли, и что Лепскіе казаки, покоривъ берега рѣки Колымы, вытѣснили ихъ отсюда. Такое предположеніе еще болѣе подтверждаютъ преданія, сохранившіяся между жителями Колымскаго округа, о частыхъ, опустошительныхъ набѣгахъ Чукчей на перобытныя Русскія поселенія по лѣвому берегу рѣки. Говорятъ, что тогда получили свои названія Погробное и Убитное урочища. На берегахъ средней части рѣки Колымы обитали некогда Омоки, о которыхъ было уже выше говорено. По преданію, сей многочисленный и сильный народъ въ короткое время почти совершенно истребился повѣтріями, голодомъ и другими бѣдствіями. Оставшіеся въ живыхъ бѣжали изъ своей родины, и се заняли Русскіе, Якуты и другіе народы. Омоки укрылись на свєрѣ и тамъ погибли, отчасти на торосяхъ и льдахъ моря, отчасти въ бояхъ съ Индигирскими Тунгусами, въ то время еще воинственными и многочисленными. Вотъ все, что могъ я узнать о судьбѣ Омокскаго, некогда столь замѣчательнаго поколѣнія. Единственными ла-

матриковъ существованіи его остается название мѣстечка: *Омокское Юртовище*, лежащаго на берегахъ Индигирки.

Однѣковая съ ними судьба постигла *Шелаговъ*, обитавшихъ на приморской тундрѣ, лежащей къ востоку отъ Колымы. Они были вытѣснены отсюда Чукчами. Отъ Шелаговъ получили свое названіе *Шелагскій мѣръ*. Чукчи называютъ сей народъ *Ча-уаджанъ*, или *Чавача*, а вѣсть съ тѣмъ рѣку и губу *Чауускими*, или *Чаванскими*.

Отъ одного корня съ Шелагами происходятъ Тунгусы, и вполне могутъ почесться кочевымъ народомъ, ибо хотя и непринужденные необходимости, часто перемѣняютъ они свои жилища. Въ непостоянномъ образѣ жизни, имъ къ чему ихъ непривыченность, должно, кажется, искать причины беззаботности и веселости характера, чѣмъ такъ отличаются Тунгусы отъ Чукчей; и Чукчи переходятъ также съ мѣста на мѣсто, но у нихъ гораздо болѣе осыдлости, нежели у другихъ кочевыхъ народовъ. Чукчи собираютъ запасы, и только скудность пастбищъ и недостатокъ корма оленямъ, могутъ принудить ихъ перемѣнить жилье. Наклонность Чукчей къ осыдлой жизни проявляется и въ бережливости, даже скупости, качествахъ, совершенно чуждыхъ кочующимъ народамъ. Самая одежда Чукчей, широкая, неуклюжая кушачка и длинныя меховыя шаровары, приспособлена къ сидячей жизни. Напротивъ, короткіе въ обтяжку штаны и узкій *саналъ* (родъ плаща, или стариннаго

фрака), совершенно соответствуют безпрестанной движливости Тунгусовъ, вообще отъ всѣхъ своихъ соседей отличающихся проворствомъ, легкостью и востдашнеею веселостью, такъ, что мы обыкновенно называли ихъ *Французами тулдры*.

Оленимы Чукчи, называющіе себя *Талыкыкы*, занимаютъ гористую часть страны, и составляя значительнѣйшее народонаселеніе, могутъ почитаться владетелями Чукотской земли.

На берегахъ Анадырскаго залива обитаетъ народъ, называемый Чукчами *Ониклонъ*, т. е. морскіе, отъ котораго они совершенно отличаются телосложениемъ, одеждою и языкомъ. Капитанъ Виллингсъ, въ описаніи своего путешествія по Чукотской землѣ, показываетъ сходство языка сего народа съ языкомъ *Кадыкскихъ Алеутовъ*, которые одного происхожденія съ *Гренландцами*.

По преданію, народъ Ониклонъ, 200 лѣтъ тому, занималъ весь Азіатскій берегъ, отъ Шелагскаго мыса до Берингова пролива. Преданіе подтверждается тѣмъ, что на всѣмъ протяженіи здѣсь видны слѣды хижины, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, въ какихъ обитаютъ горные Чукчи. Судя по остаткамъ, хижины сія были несколько углублены въ землю, и покрывались китовыми ребрами и землею. Сильная вражда между Ониклонскимъ старшиною Крехаемъ и главою Оленимъ Чукчей Еррямомъ превратилась въ междоусобіе. Крехай былъ разбитъ и бѣжалъ съ своимъ народомъ. Съ тѣхъ поръ берегъ опустѣлъ.

Жители деревни Ир-Кайпін, гдѣ, по преданію, Крехай нѣсколько времени скрывался, рассказывали намъ объ немъ слѣдующее: онъ убилъ Чукотскаго старшину Еррима и былъ преслѣдуемъ сыномъ его, долгое время скитался, и наконецъ скрывается на мысѣ Ир-Кайпін, гдѣ доселѣ видна природная стѣна, за которою онъ поселился. По молодой Чукча Ерримъ, жаждая мщенія за смерть отца своего, нашелъ средство вернуться туда и умертвить сына Крехая. Хотя, по понятіямъ здѣшнихъ жителей, крошечная мѣсть была тѣмъ удовлетворена, но, вѣроятно, Крехай все еще имѣлъ причину страшиться преслѣдованій своего непримиримаго врага. Потому, ночью спустился онъ по рѣшню со скалы, въ приготовленную для побѣга лодку, и думая обмануть своихъ непріятелей, поплылъ сперва на востокъ, но потомъ повернулъ на западъ и достигъ Шалаурова острова, гдѣ укрѣпился въ земляникъ, развалины которой мы видели. Туда собрались, мало по малу, все его родные, и вскорѣ, на 15-ти байдаркахъ, убѣжали въ неизвѣстную землю, въ ясные солнечные дни видимую съ мыса Якана. На слѣдующую зиму скрывается еще одинъ Чукча, родня Крехая, съ своими домохозяцами и оленями; подозреваютъ, что и онъ также удалился въ ту заморскую землю.

Здѣсь будемъ кстати привести еще одно преданіе, относящееся къ предполагаемой землѣ; его рассказали намъ жители острова Колымска. Одинъ старикъ говорилъ, что при жизни

его дѣда, и сестъ Чукчей и одна женщина на байдарѣ слишкомъ далеко отплыли отъ берега и потеряли его изъ вида. Они долго носились по волнамъ и наконецъ были брошены на неизвестную землю, жители которой даже и Чукчамъ показались дикими и зѣвскими. Мужчины были всѣ уверилены; съ женщиною, напротивъ, обходились хорошо и возили ее по всей землѣ, какъ нечто редкое и замѣчательное. Такія образы перешла она наконецъ къ Керсаулламъ, народу, обитающему въ Америкѣ на берегахъ Берингова пролива, и отсюда возвратилась на родину. Она много разсказывала своимъ землякамъ о приключеніяхъ на неизвестной большой землѣ, лежащей къ сѣверу отъ Колочина острова и простирающейся отъ Америки далеко на западъ. «Земля эта,» говорила она, «раздѣлена между многими поколѣніями; живущіе на западъ весьма сходны съ Чукчами, а напротивъ, обитающіе на востокъ, столь зѣвски и дики, что едва похожи на людей.» Это преданіе до того искажено самыми невѣроятными прибавленіями, что не заслуживало бы замечанія, если бы не было въ немъ сходства съ исторіею Крехалъ.

Въ прежнія времена, Чукчи жили единственно произведеніями своихъ стадъ, скитаясь съ ними по тундрамъ. Въ послѣдствіи некоторые изъ нихъ лишились своихъ оленей отъ болѣзней и другихъ несчастій, и для пропитанія своего принуждены были обратиться къ ловлѣ китовъ, моржей и тюленей. Они покинули тундры и на-

горным странами, и поселились на берегах моря. Сии земноводныя животныя являются чаще въ краяхъ, ближе на востокъ лежащихъ, потому и береговое народонаселеніе, по вѣрѣ приближенія къ Берингову проливу, является многочисленнѣе.

Такимъ образомъ Чукчи раздѣляются нынѣ на два отдѣла: на оседлыхъ, или береговыхъ, и на оленящихъ, или кочевыхъ. Оба племени живутъ въ хорошенькомъ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями. Береговые Чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржовыя ремня, жиръ, а въ замѣну получаютъ оленья кожи и готовыя платья.

Оседлые Чукчи живутъ малыми селеніями. Хижины ихъ дѣлаются на шестахъ и китовыхъ ребрахъ, обтягиваемыхъ сверху оленьими кожами, и видою уподобляются большаго шепровильнаго конуса. Сторона, обращенная къ северу, далеко выдается впередъ, а южная, напротивъ, почти совершенно прима. Здѣсь бываетъ маленькая низкая дверь, или отверстіе, завышающее оленью шкурою. На вершинѣ хижины продѣлано бываетъ кругое отверстіе для дыма отъ очага, помѣщенного въ срединѣ хижины. Въ углубленіи, обращенномъ къ северу, помещается другая, маленькая, четырехъ-угольная палатка изъ оленьихъ кожъ, служащая спальнею. Въ сильныя морозы служитъ она и кухней, и въ такомъ случаѣ живутъ здѣсь, вѣсто дровъ, мехъ, облитый жиромъ. Вообще Чукчи, по недостатку мяса, употребляютъ вѣсто дровъ китовыя ре-

бра и всякія кости, обливая ихъ для лучшаго горяща жиромъ.

Главное занятіе береговыхъ жителей, особенно на Ир-Каппи, составляетъ ловля тюленей и моржей. Для первой употребляютъ они родъ сетей, сдѣланныхъ изъ ренней, спускаемыхъ подъ ледъ, въ проруби, и тюлени запутываются въ нихъ головою и лапами. Впрочемъ за тюленями охотятся и другимъ способомъ: Чукча надѣваетъ бѣлое платье, чтобы какъ можно меньше отличаться отъ снѣга, и ложится недалеко отъ того мѣста, куда тюлени обыкновенно вылезаютъ грѣться. Кромѣ копья, у охотника бываетъ еще особаго рода орудіе, состоящее изъ цѣпкоязычъ медвѣжьихъ зубовъ, прикрепленныхъ къ палкѣ; имъ скребетъ онъ безпрестанно по льду и снѣгу, для того, чтобы, по мнѣнію Чукчей, усыпить звѣря. Вѣроятно, что такой дѣтскій однообразный шумъ производится для того, чтобы заглушить шорохъ снѣга при движеніяхъ охотника, который мало по малу приближается къ тюленю и умерщвляетъ его копьемъ. Сей родъ охоты почти всегда удается. Волковъ ловятъ Чукчи совершенно особеннымъ образомъ: концы довольно длиннаго куска китоваго уха заостряются и связываются пшхою. Образовавшійся такимъ образомъ вѣтвь обливается водою, до тѣхъ поръ, пока не покроется весь толстѣю ледяною корою, недопускающею его разогнуться, а потомъ веревка разрывается и все обмывается жиромъ. Такая приманка бросается на снѣгъ, и волкъ, найдя ее, съ жадностію глотаетъ; но въ

желудки его медь растаивает, китовый усъ разгибается и заостренными концами умерщвляется зверя. Уверяють, что редко не удается сіе средство.

На Колючинскомъ островѣ убивають моржей во множествѣ. Когда выходить они на берегъ грѣться на солнце, жители нападаютъ на нихъ, отрезываютъ имъ дорогу къ водѣ, гонятъ ихъ далѣе на землю и легко бьютъ палками. Моржи для осѣдлыхъ Чукчей, хотя и не столь необходимы, но полезны не менѣе оленей для комушечихъ. Мясо, нѣкоторыя части кожи и жиръ ихъ употребляются въ пищу, и жиръ иногда служить еще вмѣсто топлива, согрѣвая и освѣщая жилища Чукчей. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочія подошвы. Изъ внутренности и кишокъ моржевыхъ дѣлается легкое, непротокающее лѣтнее платье. Жилы заплываютъ нитки. Наконецъ, изъ моржевыхъ клыковъ дѣлають Чукчи особенное орудіе, употребляя его вмѣсто пилы для ломки льда и рытья замерзшей земли, но преимущественно клыки моржевыя составляютъ главный предметъ мѣстной торговли съ оленными Чукчами, передающими ихъ Русскимъ.

Гораздо опаснѣе охота Чукчей за бѣлыми медведями. Чукчи отыскивають ихъ среди неприступныхъ торосовъ Ледонитаго моря и убивають копьями. Для рыбной ловли употребляютъ Чукчи, вмѣсто сѣтей, родъ корзины изъ тонкихъ прутьевъ, и для птичьей родъ сѣтей, изъ длин-

поях и узелках ремней, съ камнями, или кусками моржовой кости на концахъ. Такія сѣти бросаютъ Чукчи весьма искусно въ летящихъ высоко гусей или другихъ птицъ, и запутываютъ ихъ въ ремняхъ, попергають на землю. Вообще Чукчи не страстные охотники, и хотя земли ихъ обилуетъ дикими оленями и баранами, лисицами, волками, медведями и другими зверьми, но они ихъ не преслѣдуютъ. Только за медведями гоняются они, потому что мясо ихъ почитаютъ лакомствомъ. Чукчи вооружаются луками и стрѣлами, но не очень ловко ими владѣютъ. Обыкновенныя оружія ихъ копье и особенно бита, употребляемые ими и противъ медведей и противъ непріятелей. Вмѣсто железа, у нихъ весьма рѣдкаго, оружія Чукчей снабжены остріями изъ моржевыхъ клыковъ.

Оседлые Чукчи вѣдять на собакахъ, но запрягаютъ ихъ не попарно, какъ на Колымѣ, а по четыре въ рядъ, и самое построеніе саней ихъ отлично, и болѣе похоже на устройство саней, въ которыхъ вѣдять на оленяхъ. Чукотскія собаки менше ростомъ и слабѣе Колымскихъ и Камчатскихъ. Замѣчательно, что въ 1831-мъ году Чукчи также лишились многихъ собакъ отъ повѣтрія, свирѣпствовавшего по берегамъ Колымы, Нидигирки, Явы и Лены.

По собственнымъ нашимъ наблюденіямъ и сообщеннымъ отзывамъ другихъ оказывается, что у кочующихъ и у оседлыхъ Чукчей существуетъ рабство. Богатѣйшіе изъ Чукчей владѣютъ цѣ-

лыми семействами, уже съ древнихъ временъ находящимися у нихъ въ зависимости, несамостоятели удаляться никуда, неимѣющими собственности и совершенно подчиненными произволу своего господина, употребляющаго ихъ на самыя тяжелыя работы; въ вознагражденіе, онъ одѣваетъ и кормитъ ихъ. О началъ такой зависимости, ни переводчикъ нашъ, ни другіе Чукчи не могли ничего сказать, а полагали, что «такъ было и должно быть». Вѣроятно, рабы Чукчей суть потомки прежнихъ военно-плѣнныхъ.

Пища Чукчей состоитъ изъ наиболее изъ произведеній животнаго царства; обыкновенно составляетъ ее жареная оленина, съ тюленьими, или рыбьими жирами. За лакомство считаютъ Чукчи мясо бѣлаго медвѣди и китовую кожу, которую ѣдятъ сырую, оставляя на ней при сѣмкѣ тонкій слой мяса; вкусомъ она похожа на стерлядь. Мясной сокъ смѣшиваютъ они со смѣгомъ и составляютъ изъ него особый родъ пива, которое подаютъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ. Каждый Чукча носитъ при себѣ маленькую, просверленную оленью кость, черезъ которую втягиваетъ въ себя питье изъ чашки. Рыбу употребляютъ въ пищу только при недостаткѣ, а отъ соли показываютъ рѣшительное отвращеніе. Замѣчательно, что въ стравкахъ, гдѣ, при ужасныхъ морозахъ, каждое средство согрѣваться должно быть дорого, все кушанья подаются совершенно холодныя, а въ заключеніе съѣдается даже большой кусокъ смерзающагося снѣга. Мы часто случались видѣть, что при 30° и болѣе мороза,

Чукчи брали от времени до времени пригоршню снега, и съ виданнымъ удовольствіемъ жевали его.

Въ заключеніе долженъ я упомянуть о странномъ явленіи, замеченномъ нами между снѣжн. грубыми дѣтми природы, а именно о томъ, что педерастія между Чукчами весьма обыкновенна и нисколько не скрывается. Они никакъ не могли понять нашего отращиванія, и полагали, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и каждый позволялъ слѣдовать своему вкусу. Непонятно, какимъ образомъ сія противустественная страсть могла искорениться въ народѣ, у котораго въ женщинахъ нѣтъ недостатка и бракъ не затрудняется камнемъ, какъ у Якутовъ и Юкагировъ, а, напротивъ, безъ всякихъ препятствій заключается и расторгается.

Апрѣля 23-го оставили мы мысъ Пр-Кайпинъ, направили путь на западъ и достигли на слѣдующій день мыса, откуда г-нъ Матюшкинъ предпринялъ путешествіе по льду, для отысканія предполагаемой сѣверной земли. Здѣсь нашли мы большой деревянный крестъ, на которомъ была прибита записка г-на Матюшкина, увѣдомлявшая насъ, что огромныя поляны со вѣсѣхъ сторонъ пресѣкали ему дорогу по морю, такъ, что послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, онъ принужденъ былъ обратиться назадъ, удалившись отъ берега не болѣе, какъ на 16 верстъ.

Апрѣля 25-го переночевали мы подлѣ Шалаурова хижинъ, у реки Веркова, на NO 80° отъ

Керуриного мыса. Строение это стоит уже 60-ть лет, и несмотря на то, стены его совершенно хорошо сохранились, а только крыша обвалилась и вся внутренность засыпалась землею и суглинком. Здесь нашли мы, кроме нескольких черепов и кончалков от костей, деревянный, обрубший ножов, патронташ. В последствии Камакай Шелагского мыса рассказывал намъ, что когда ему было еще 10-ть летъ, въ жилищахъ этой нации несколько труповъ, и говорили, что оставшіеся въ жилищахъ пять человекъ пошли отсюда плыть на Колыму.

Мая 1-го рано по утру, достигли мы Шелагского мыса, и тотчасъ разбудили Камакай, надеясь достать отъ него съестныхъ припасовъ для себя и корма собакамъ. Но надежда наша была тщетна. Камакай решительно объявлялъ, что рыбная ловля и охота его были неудачны, и онъ ничемъ не можетъ снабдить насъ, присовокупляя, что отказалъ уже въ томъ г-ну Матюшкину, который, проѣзжая здѣсь, оставилъ на насъ нѣ письмо, заключающее некоторыя подробности о неудачной попыткѣ его достигнуть сѣверной земли.

Мы возмолвились въ самомъ затруднительномъ положеніи. Провіантъ и кормъ собакъ совершенно у насъ истощались, и запастись ими на пустынномъ берегу не было возможности. Даже Чукчи, козлющіе обыкновенно съ своими оленями на острова Айоявъ, или Сабадевъ, отъ которыхъ можно бы получить нѣсколько припасовъ, удалились во внутренность земли. Утомленные труд-

ными и большими перевозками, собаки износили себе прѣтомъ ноги, такъ, что оставляли за собою кровавый слѣды. Некоторые изъ нихъ были до такой степени измучены, что мы принуждены были положить ихъ на шты. Въ такихъ обстоятельствахъ продолжать путь оставалось только, следуя принятому здѣсь правилу, т. е. гнать собакъ и не давать имъ ни малѣйшаго отдыха, до того мѣста, гдѣ есть надежда добыть корму. Такъ доходясь мы 3-го Мая до стана при устьѣ Большой Бараньей, гдѣ нашли нѣсколько провѣанта и достаточное количество корма собакамъ. Мы пробыли здѣсь два дня; собаки нѣсколько отдохнули, и 5-го Мая отправились мы снова въ путь.

Во все это время холодъ былъ умеренный, не болѣе $3\frac{1}{2}^{\circ}$, но 3-го Мая внезапно усилился до 18° . Впрочемъ, несмотря на сильный морозъ, воздухъ былъ чистъ и небо безоблачно, что позволило намъ сдѣлать нѣсколько удачныхъ наблюдений.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Колымѣ, воздухъ становился замѣтно теплѣе. Снѣгъ съ отлогихъ береговъ здѣсь уже сталъ. Рѣка была еще покрыта толстымъ льдомъ, но отъ распустившагося снѣга вода стояла на поверхности его, и до крайности затрудняла ѣзду. Только крепкими полозьями изъ китовыхъ реберъ, купленными въ Ир-Кайиѣ и на Колымѣ, обязаны мы были счастливымъ окончаніемъ путешествія.

Наковецъ, 10-го Мая, достигли мы Нижне-Кольмска, после 78-ми дневного отсутствія, проехавъ всего около 2,300 верстъ. Г. Матюшкинъ прибылъ сюда шестью днями прежде насъ. На возвратномъ пути съ подробностью описалъ онъ берега Чауской губы, сдѣлавъ много астрономическихкихъ наблюдений, для опредѣленія положеній мѣстъ; но съ Чукчамъ, кромѣ известнаго звкомца нашего, Канака Шелагскаго мыса, не встрѣчались.

Возвращеніемъ въ Нижне-Кольмскъ кончилась рядъ попытокъ нашихъ для открытія земли, предполагаемой на сѣверномъ Ледовитомъ морѣ. Хотя не знаемъ мы правъ, ни опровергать ея существованія, ни подтверждать его, но наши, неоднократно и въ разныхъ направленіяхъ предпринятые поѣздки на сѣверъ по льду, кажется, достаточно доказываютъ, что въ удободостигаемомъ отъ Азіатскаго берега разстояніи нѣтъ на Ледовитомъ морѣ никакой земли. Если, несмотря на наши усилія, оставшіяся только непреодолимыми естественными препятствіями, на сѣверъ действительно существуетъ земля, то открытіе ея зависитъ единственно отъ случая и благоприятнаго расположенія обстоятельствъ. Главныя условія удачі составляютъ безбурная, морозная зима и позднее наступленіе вѣтровъ. При такихъ условіяхъ путешествіе должно быть предпринято отъ Якама, гдѣ, по преданіямъ жителей, неизвестная страна вблизи ея обливается съ берегомъ Аляскаго материка.

Согласно съ полученными отъ Правительства предписаніями, наша экспедиція въ Нижне-Колымскъ должна была кончить свои дѣйствія и изслѣдованія, и при первой возможности возвратиться въ С. Петербургъ. Разныя обстоятельства заставили меня еще промедлить здѣсь; но г-нъ Матрошкинъ съ докторомъ Киберомъ отправились отсюда въ началѣ Іюля. Они поднялись по Колымѣ до Верхне-Колымска, и потомъ по Охотку до Иркутска, гдѣ хотѣли посвятить это естественновѣдѣнію сей, все еще неизвѣстной страны. Августа 1-го получилъ я предписаніе обѣдать въ Нижне-Колымскѣ прибывшаго чиновника Якутскаго Областнаго Правленія, и съ нимъ вмѣстѣ кончить мои счеты съ жителями Колымскаго округа. Время до прибытія чиновника, хотя и стараясь я сокращать его, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ моихъ записокъ, описей и картъ, было для меня самое скучное, и показалось мнѣ гораздо тягостнѣе трудныхъ путешествій по льду.

Наконецъ пріѣхалъ ожидаемый чиновникъ, и мой расчетъ съ жителями скоро былъ конченъ. Ночью 1-го оставилъ я съ г-нъ Козьминъ Нижне-Колымскъ, послѣ трехъ-днѣшняго въ немъ пребыванія. Скоро достигли Средне-Колымска, гдѣ соединился съ нами г-нъ Тарбукинъ. Мы наняли лошадей у нашего стараго знакомаго, купца Бережного, и въскрѣ потхали въ Якутскъ, 19-ти Ноября, 1823 года, при 32° мороза.

ГЛАВА IX.

Возвратный путь из Средне-Колымска въ Санктпетербургъ, въ
1823 и 1824 гг.

Отправясь изъ Средне-Колымска въ Якутскъ на нелегкихъ лошадяхъ, и не имѣя надобности слѣдовать почтовымъ трактомъ, идущимъ отъ Алазейскихъ горъ черезъ Зашиверскъ, Талзбать и Верхоянскъ, мы поехали по дорогѣ, выбранной обыкновенно купеческими караванами. Она протекаетъ къ сѣверу отъ Зашиверска, вдоль рѣки Селенки, по пустынь, изрѣдка обитаемой Якутами. Такимъ образомъ прорывали мы страну въ другомъ направленіи, а не по прежнему нашему пути отъ Якутска въ Нижне-Колымскъ. Но по совершенному однообразію всей сѣверо-восточной Сибири, описаніе нашего возвратнаго пути было бы только повтореніемъ прежняго, потому ограничусь я здѣсь немногими предметами, на которые не имѣлъ прежде случая обратить вниманіе.

Купеческіе караваны предпочитают вятскую на-
ни дороге обыкновенному почтовому тракту, по-
тому что распины, орошаемая Селенгою, до-
ставляют лошадям тучную пищу. На пеща-
ных берегах сей рѣки растетъ изобильно тра-
ва изъ рода хвощей (*equisetum*); она едва дости-
гаетъ дюйма высоты и лѣтомъ у нея горькова-
тый вкусъ, почему тогда лошади и не ѣдятъ ея.
Но послѣ первыхъ морозовъ, ова получаетъ сла-
коватый вкусъ и дѣлается лучшею и любимую
пищею лошадей, которая въ короткое время отъ
нея тучнѣютъ. Полезное растеніе, известное здѣсь
подъ именемъ *Чибоги*, него вліяніе на физическій
организмъ лошадей столь сильно, что даже потъ
ихъ получаетъ зеленоватый дѣлтъ. Хотя един-
ственно морозъ дѣлаетъ Чибогу способною для
употребленія въ пищу, но за то слишкомъ силь-
ная стужа вредитъ ей, ибо тогда дѣлается
она хрупкою и разсыпается на части, когда
лошадь конитомъ сгребаетъ съ нея верхній слой
сѣнга.

Наши лошади видимо поправлялись отъ такого
хорошаго корма, и потому для ночлеговъ всегда
выбирали мы тѣ мѣста, гдѣ можно было пред-
полагать изобиліе Чибогы. Между прочимъ, 9-го
Декабря переночевали мы, при 33° мороза, око-
ло большаго огня подъ открытымъ небомъ, на
лужайкѣ, ничѣмъ незащищенной отъ рѣзкаго
холоднаго вѣтра. Здѣсь имѣлъ я случай замѣтить
на сопровождающаго меня Якута, до какой сте-
пени можетъ человекъ привыкнуть къ холоду и

непогода. Въ дорогѣ Якуты не зашасаются, ни палатками, ни одеялами, даже не берутъ съ собою какойнибудь теплой одежды, безъ которой имъ, при нѣсколько сильномъ морозѣ, не снѣтъ выйти изъ комнаты. Самые отдаленныя зимнія путешествія совершаютъ они въ своемъ обыкновенномъ домашнемъ костюмѣ, и проводятъ ночи почти всегда подъ открытымъ небомъ; попона лошади служить имъ постелью, а деревянное сидѣло подушкою. На ночь Якутъ скидываетъ свой сандыгъ и покрываетъ имъ плечи и спину, а передняя часть тѣла его, обращенная къ огню, остается почти безъ покрыва. Прислѣдась такимъ образомъ нѣсколько времени, и чувствуя, что начинаешь согреваться, Якутъ затыкаетъ себя небольшими клочками шкуры носъ и уши, и сія единственная предосторожность совершенно обезпечиваетъ его отъ замерзанія. Впрочемъ, даже и здѣсь въ Сибирѣ называютъ Якутовъ *жиззиги* или *любды*, и такое названіе имъ вполнѣ прилично. Впрочемъ, нѣтъ другаго народа, который всякаго рода тѣлесныя страданія, особенно стужу и голодь, переносилъ бы въ такой ужасной степени и съ такимъ хладнокровіемъ, какъ Якуты. Нѣсколько разъ могъ я наблюдать сонъ моего проводника, при 20-ти и болѣе градусахъ холода. Часто ночной огонь едва тѣлѣтъ; сандыгъ его свалился съ плеча и все тѣло спящаго было покрыто толстымъ слоемъ инея; но ничто и нисколько не препятствовало сну его и въ послѣдствіи не вредило носу Якуту. Сверхъ того, Яку-

ты одарены чрезвычайнымъ, даже неизвѣстнымъ зрѣніемъ. Одинъ Якутъ среднихъ лѣтъ утверждалъ начальника Устьинской экспедиціи, лейтенанта Анжу, что ему случалось видѣть, какъ одна большая голубоватая звезда (Юпитеръ) глотала другія меньшія звезды и послѣ нихъ выплевывала. Такимъ образомъ этотъ Сибирякъ простыми глазами могъ наблюдать затмѣніе спутниковъ Юпитера! Также нельзя не упомянуть объ удивительной наглости Якутскаго народа, особенно относительно местности. Въ путешествіяхъ по необозримымъ, однообразнымъ пустынямъ, каждая лужа, каждый камень и кустъ, каждое едва замѣтное возвышеніе поверхности, не обращавшія на себя вниманія Европейца, врезываются въ память Якута, и много лѣтъ спустя служатъ ему единственными и верными путеводителями черезъ степи и тундры.

Здѣсь имѣлъ еще я случай наблюдать замѣчательное явленіе природы, такъ называемыя *таряны*, весьма затруднявшія намъ путь, и если не образованіемъ, то наружнымъ видомъ, походящимъ на глетчеры. Пешаный грунтъ здѣшнихъ горныхъ долинъ (особенно на берегахъ Догдо) во время жаркаго лѣта, и обыкновенно послѣ того наступающей сухой осени, совершенно высыхаетъ. Зимой, при сильныхъ морозахъ, изъ внутренности земли выступаетъ вода, разливается во всѣ стороны и замерзаетъ. Ледъ, ею образуемый, получаетъ трещины и щели; изъ нихъ выступаютъ свора вода, и замсрзая, образуетъ

второй слой. По мере усиления мороза, вода подымается из рыхлого грунта больше и больше на поверхность, ледяные слои распространяются, становятся толще и покрывают кустарники и даже деревья. Так остаются они до весны, когда лучи солнца и теплота начинают действовать. Тогда лед тает и в бесчисленных ручьях скатывается на низменности, где вода снова уходит в землю. По дороге в Охотск и на Охотанских горах встречаются также ледяные поля и иногда возвышения, но они образуются от скопления дождевой и снежной воды, а потому совершенно отличаются от тарымы на берегах Догдо. Лед в тарымах блестящего белого цвета, и получаемая из него вода, судя по вкусу, и потому, что весьма худо разводил мыло, должна заключать в себя много известковых частиц.

Переходъ через тарымы очень затруднителен и опасен; если онъ крѣпко замерзъ, то ледяная поверхность ихъ такъ скользка, что даже хорошо подкованныя лошади на каждомъ шагѣ падаютъ и переломъ убиваются. Особенно опасны переходы черезъ тѣ тарымы, лежащія на сѣвѣхъ, или на краю опраговъ. Бѣда каравану, когда сильные, внезапные и довольно обыкновенные въ Сибирѣ порывы вѣтра застанутъ его на такой дорогѣ! Люди и лошади низвергаются тогда въ ярупасть. Безопаснѣе, но не легче, переходы черезъ тарымы, покрытыя ночью выступившею, но еще незаморозшею водою. Караванъ дол-

жизнь проходить здесь черезъ глубокія лужи; причемъ главнѣйше надобно остерегаться, чтобы не замочить, и потому не отморозить себя руки и ноги. Но Якуты все переносятъ. Въ подобныхъ случаяхъ, пройдя черезъ воду и промочивъ насквозь свои *торбасы*, они довольствуются тѣмъ только, что вступаютъ въ рыхлый снѣгъ, который впитываетъ въ себя воду и на торбасахъ образуетъ толстую ледяную кору, легко оттаивающуюся. Потомъ на ночлегъ торбасъ окончательно высушивается.

Декабря 22-го достигли мы *Верхоянска*, называемаго Якутами *Борогнэ*, гдѣ простился съ нами Бережной. Онъ доставилъ насъ изъ Средне-Колымска сюда (около 1224 персть) на однихъ лошадяхъ въ 32 дни, и такое путешествіе можно дать понятие о крѣпости здѣшнихъ лошадей.

Городокъ *Верхоянскъ* состоитъ собственно только изъ пяти деревянныхъ домовъ, и деревянной же, не давно выстроенной и еще не освященной, церкви. Небольшое мѣстечко это лежитъ на западномъ берегу рѣки *Лены*, текущей здѣсь излучинами и ежегодно болѣе и болѣе подымающей берега, почему *Верхоянскъ* со временемъ, вѣроятно, будетъ перенесенъ на противоположную сторону. Войдя въ отведенную для меня квартиру, у здѣшняго издателя *Дорохова*, я былъ пріятно изумленъ, ибо меня окружали предметы, сдѣлавшіеся чуждыми мнѣ глазами: высокая, просторная, чистая горница была хорошо освѣ-

щена большими стеклянными окнами и убрана хорошою мебелью. Каминъ сдѣланъ былъ изъ изразцовыхъ кирпичей; въ углу помещался кюль, съ богатыми образами, а подлѣ у стѣны столъ шкафъ съ сочиненіями нашихъ лучшихъ писателей. Въ продолженіе всего путешествія, кромѣ собственныхъ моихъ книгъ, я видѣлъ только свитцы, и то изрѣдка. Нельзя описать, какое пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня видъ сихъ признаковъ нравственнаго образованія въ столь отдаленномъ, неизвѣстномъ уголку земли. Хозяинъ и здѣшній окружный исправникъ Михайловъ угостили меня Европейскимъ обѣдомъ, и послѣ сухой, часто затхлой рыбы, онъ показался мнѣ истинною роскошью. Между прочимъ, рассказывали мои хозяева, что Устьинская экспедиція, подлѣ начальствомъ лейтенанта Аяжу, проѣхала здѣсь на возвратномъ пути въ Якутскъ, въ первыхъ числахъ Ноября.

Верхотурскъ, лежащій по нашимъ наблюденіямъ подлѣ 67° 33' широты, жестокопребывающій исправника Яскаго, Индигирскаго и Жиганскаго округовъ, которые объемами равняются Франціи, по народонаселенію уступаетъ многимъ деревнямъ. Не смотря на то, исправникъ, обязывая ежегодно свою обширную пустыню, всегда находить довольно дѣла для себя, своего секретаря и писаря, потому, что гдѣ живутъ хоть два семейства, тамъ непремѣнно уже зараждаются здѣсь ссоры и тяжбы, а ихъ должно изслѣдовать и разрѣшать.

Окрестности Верхоянска населены Якутами. Главный их промысел скотоводство, чему много способствует гористое положение страны и умеренный климат долины. Зимой скотъ выпасается здѣсь гораздо въ меньшемъ количествѣ, нежели въ другихъ частяхъ сѣверо-восточной Сибири, и стада остаются въ теченіе всего года на лугахъ, всегда находя себѣ достаточную пищу, что весьма важно, ибо жаркое лѣто, псушая землю, не позволяетъ дѣлать значительныхъ запасовъ сѣна. Озера попадаются здѣсь рѣже, нежели въ Колымскомъ округѣ, но недостатокъ ихъ вознаграждается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ богаты маленькими, въ два дюйма длиною, рыбками, воляющимися въ чрезвычайномъ множествѣ, такъ, что Якуты черпаютъ ихъ ведрами. Рыбка эта замораживается и сохраняется на зиму, а для ѣды ее растираютъ и варятъ съ толченою корою молодыхъ лиственницъ. Второе мѣсто между промыслами здѣшнихъ Якутовъ занимаетъ охота. Куропатки и зайцы водятся здѣсь въ немногочисленномъ количествѣ. Лѣса изобилуютъ сверхъ того звѣрями, какъ то: сохатыми, оленями, черными медвѣдями, волками, кабаргами, лисицами, бѣлками, горностаями отменной доброты, и т. д. Черныя лисцы попадаются здѣсь рѣдко; соболей вовсе нѣтъ. Надобно полагать, что кабарга попадаетъ здѣсь во множествѣ, ибо фунтъ мускуса въ Верхоянскъ продается по 10 и 15 рублей.

Здѣшніе Якуты, отъ частыхъ сношеній съ сво-
часть II.

нии соплеменниками, около Якутска живущими, утратили первобытную чистоту нравовъ. Страсть къ спорамъ, тяжбамъ и хитростямъ, обману и пороку вкоренились въ здѣшній народъ до немалой степени. Взаимная недоверчивость и страхъ покражи принуждаютъ здѣшнихъ Якутовъ жить въ одной юртѣ со всѣми своими домашними скотомъ. Можно представить послѣ сего чистоту и воздухъ въ подобномъ жилищѣ. Колымскіе Якуты, особенно въ жѣсткѣ, лежащія вдали отъ большой дороги, гдѣ не проходятъ караваны съ водкою, живутъ гораздо опрятнѣе; дома ихъ чище и одежда лучше здѣшнихъ.

Во время пребыванія моего въ Верхоянскъ, существовало тамъ и въ окрестностяхъ особаго рода простудное повѣтріе, обнаруживавшееся сильными стѣсненіемъ въ груди, головною болью и стрѣланіемъ въ ушахъ. Болѣзнь появилась отъ того, что послѣ необыкновенно густаго тумана, наполнившаго атмосферу въ теченіе цѣлой недѣли, внезапно наступили сильные морозы. Отъ 23-го до 26-го Декабря термометръ Реомюра показывалъ 36°, 40°, 42° и даже 42¹/₂° холода. Всѣ жители, болѣе или менѣе, были нездоровы, и я также страдалъ нестерпимымъ стѣсненіемъ въ груди, отъ котораго избавился только при помощи медика въ Якутскѣ. Казакъ, посланный туда вверстъ, съ бумагами, сдѣлался жертвою сей болѣзни. По общему здѣсь мнѣнію, какъ сія, такъ и другія эпидеміи, гибельны только кореннымъ и постояннымъ жителямъ Сибири, а для

проблжающихся и короткое время живущихъ здѣсь, не опасны.

Встрѣтивъ праздникъ Рождества Христова въ Верхоянскѣ, 27-го Декабря отправились мы въ дальнѣйшій путь.

Стужа не утихла; ртуть въ термометрѣ постоянно стояла на 40° ниже точки замерзанія. При такомъ холодѣ, всякая поездка, даже и въ саняхъ, затруднительна, а верховъ на лошади несносна. Безъ собственнаго опыта, нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о тѣхъ мученіяхъ, съ какими сопряжено подобное путешествіе. Закутавшись въ толстыя, но прохерашія мѣховыя платья, около пуда вѣсомъ, дышать можно только украдкой изъ-за медвежьего воротника, прикрытаго густымъ вѣсомъ; мѣховая шапка закрываетъ все лицо, ибо вѣшній воздухъ столь рѣзокъ, что каждый вздохъ производить несносно болезненное чувство въ горлѣ и легкихъ. Сверхъ того путешественникъ, въ продолженіе десяти часовъ (обыкновеннаго перѣзда отъ одного мѣста, или привала, къ другому), прикованъ къ лошади, съ трудомъ пробирающейся по глубокому снѣгу, въ которомъ человекъ утонулъ бы, не говоря уже, что въ тяжелой шубѣ всякое движеніе почти невозможно. Лошадя терпятъ столько же, сколько и всадникъ, отъ холода, равно на нихъ дѣствующаго. Около поздравленій у нихъ ледяныя закраины и сосульки, препятствующія дыханію. Они возмущаютъ о томъ болезненнымъ ржаніемъ и судорожными

трясеніем головы. Тѣлокъ долженъ носитьшииъ подать въ такомъ случаѣ помощь своей лошади, а безъ того она можетъ задохнуться. На безцвѣтныхъ ледяныхъ пустыняхъ, при сильномъ снѣжной стужѣ, копыта лошадей нерѣдко трескаются. Караваны всегда бывають окружены густымъ снѣгомъ облакомъ, производимымъ собственными его испареніями. При сильнѣйшихъ холодахъ, даже снѣгъ, болѣе и болѣе сжинаясь, отдѣляется отъ себя теплотворъ. Видныя частицы паровъ мгновенно превращаются въ миллионы ледяныхъ блестокъ, наполняютъ всю атмосферу и производятъ непрерывный шорохъ, несколько похожій на звукъ, происходящій отъ раздраженія борбата, или толстой шелковой матеріи. Даже олень, единственный житель отдаленнѣйшаго Сѣвера, ищетъ въ лѣсахъ защиты отъ ужаснаго холода. На тундрахъ олени становятся въ тѣсныя кучи, стараясь согрѣть другъ друга своими испареніями. Только зинній воронъ медленнымъ, слабымъ полетомъ разсѣкаетъ ледяной воздухъ, оставивъ за собою толкую, какъ нить, струйку паръ, и не одни одушевленные, но даже и неодушевленные предметы, подвержены бывають ужасному вліянію стужи. Вѣковыя деревья трескаются съ ошумительнымъ шумомъ, который раздается въ степяхъ, какъ выстрѣлы среди моря; тундры и скалистые долины щелятся, образуя глубокія рывины; скрытая въ пещерахъ земля вода, дымясь, разливается по поверхности и мгновенно превращается въ ледъ, а въ горахъ отрожныя скалы

отрываются и съ грохотомъ катятся въ долины. Даже на самый воздухъ простирается влияние сильныхъ морозовъ. Столь часто и справедливо восхваляемая, величественная красота темно-голубаго полярнаго неба пропадаетъ въ атмосферъ, сгущенной стужей; звезды теряютъ свой обыкновенный блескъ, и сіяніе ихъ становится тусклымъ. Таинственная, поатическая прелесть лунной ночи исчезаетъ тамъ, гдѣ мертвая природа скрыта подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ, и измѣненное однообразиемъ изображение тупеетъ нищетъ предмета своей дѣятельности въ странѣ, гдѣ все неподвижно, и гдѣ послѣднія усилія животнаго организма человеческого клонятся только къ тому, какъ спастись отъ замерзанія.

Начъ предстоялъ еще трудный переходъ черезъ Верхоянскія горы. Мы достигли подошвы ихъ 4-го Января. Разкій вѣтеръ вырывался изъ ущельевъ ихъ съ немощною силою и грозилъ гибелью отважному путнику. Мы рѣшились пронести ночь и ожидать перемѣны въ построенной здѣсь поварни. Тотчасъ послѣ заката солнца, густой, ледяной туманъ, вытѣсненный вѣтромъ съ горъ и изъ овраговъ, разлился по долине и обхватилъ весь видимый горизонтъ. Вѣсъ съ тѣмъ поднялся ужасная буря. Вѣтеръ избѣгалъ порывами на лѣсъ, ломая и опрокидывая въковыя деревья, и только малая вышина нашей утлой хижинки спасала ее отъ разрушенія. За то намъ угрожала ежеминутная опасность быть раздавленными какими либо изъ окружающихъ насъ

деревьев. Так провели мы ночь. Къ утру бури затихла; атмосфера очистилась и температура сдѣлалась умереннѣе; термометръ показывалъ только 19° холода, и такая погода казалась намъ уже весьма сносною послѣ бывшихъ до того морозовъ. Мы успѣли воспользоваться столь благоприятною переменною и совершили переходъ черезъ горы довольно скоро и безъ особенныхъ затрудненій.

Января 7-го спустились мы счастливо съ горнаго хребта въ большой сосновый лѣсъ. Видъ огромныхъ, вѣчно зеленыхъ деревьевъ, производилъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе, напоминалъ намъ другія болѣе благословенныя страны отечества. Пройдавъ еще нѣсколько такихъ лѣсовъ, 10-го Января прибыли я счастливо въ Якутскъ. Здѣсь встрѣтилъ меня со товарищъ и другъ, лейтенантъ Анжу, возвратившійся изъ его труднаго и опаснаго путешествія.

Въ продолженіе почти четырехъ-лѣтняго отсутствія моего, Якутскъ значительно перемѣнился и улучшился. Между другими улучшеніями было и то, что бесполезный, старый деревянный острогъ разломали, и изъ уцѣлѣвшихъ въ немъ годныхъ бревенъ построили домъ для кауба, куда въ положенные дни собираются почетнѣйшіе жители города. Здѣсь нашелъ я хорошо освѣщенную залу, буфетъ съ разными кушаньями и напитками, бильярдъ, комнату для картонной

игры, и проч. По праздникамъ здѣсь обѣдаютъ, танцуютъ, а иногда залъ превращается въ театръ и разыгрываются разныя пьесы. Въ наше время давали тутъ оперу: *Мильвика*. Актерами были молодые казаки и играли весьма порядочно. Предки ихъ строили остроги, который, превратясь нынѣ въ храмъ Талии, вмѣсто ужаса, разливаетъ общее удовольствіе. Всѣми такими улучшеніями обязанъ былъ Якутскъ своему тогдашнему городничему г-ну Мордвинову.

Здѣсь собственно кончилась наша поездка. Въ наши спутники, идя за другимъ, оставляя городъ, слѣша на родину. Только мы съ г-нъ Авжуджны были прожить въ Якутскъ еще цѣлый мѣсяцъ для совершеннаго окончанія счетовъ, и не прежде 8-го Февраля могли отправиться въ дальнѣйшій путь. Февралъ 25-го прибыли мы въ Иркутскъ, гдѣ ожидалъ насъ докторъ Кибержъ. Здѣсь испросили мы позволеніе г-на Генераль-Губернатора Александра Степановича Лавинскаго посѣтить горячіе ключи, находящіеся по ту сторону Байкала, и доставившіе намъ некоторое облегченіе отъ мучительнаго ревматизма, неизбежнаго слѣдствіа путешествій по полярнымъ странамъ. Докторъ Кибержъ, въ описаніи обратнаго пути его изъ Средне-Колымска, помѣщая свои наблюденія и собирая имъ свѣдѣнія о Турени-скихъ горячихъ ключахъ и имѣ оставаясь только замѣтить, что пользованіе тамошними водами замедлило наше возвращъ въ Санктпетербургъ, ку-

— 360 —

да мы пріѣхали уже 15-го Августа 1824 года.
Мичманъ Матюшкинъ и штурманъ Козьминъ
опередили насъ тремя мѣсяцами.

к о н е ц ъ .

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Глава I. Второе путешествие по льду. — Приготовление. — Плав. — Отплыть. — Медвежья охота. — По- хаживать на морском льду. — Главная бухта. — Четыре-столбовой остров. — Рыболов. — Ловля лососей. — Цепь островов. — Горы старого образования. — Среднее сакралих курст сре- ди горосей. — Скалы провалы во льду. — Мед- вежьей хребты. — Приливный Пасеп. — Белье ме- дведи. — Медвежий остров и Крестовый ос- тровок. — Возвращение из Нижне-Колымск . . .	1
Глава II. Весна. — Незаконные съездовъ правительствъ. — Рыбная ловля для высиживания. — Устройство суда. — Распределение делъ въ работъ высиживания. — Жары. — Ковары. — Перелетная птица. — Оу- лыты въ новопостроенномъ катере. — Рыбную ловлю при деревнѣ Похолодой. — Охота охоты на тундре. — Прѣздъ въ Чукотск. — Исследования для охоты морского берега до рѣки Иллитря. — Затруднение при охотѣ устьевъ Колымъ. — Возвращение изъ Чукотскаго. — Пожаръ. — Прѣ- здъ изъ Нижне-Колымскъ. — Пожаръ въ Сре- дне-Колымскъ. Якутскъ, въ лѣтніе жилища и образъ жилища. — Разсказъ старика. — Выте- чныя озера. — Главная жила. — Возвращение въ Нижне-Колымскъ. — Прѣздъ гг. Матюшнина, Кибура и Кошкина.	53
Глава III. Отвѣтъ г. Матюшнина о путешествіи въ Боль- шону и Малую Анюлу. — Отплыть изъ Нижне- Колымскъ. — Мамоновыя кости. — Плотбище. — Первобытныя жители страны. — Нынешнее на- родонаселение. — Переходъ оленей и охоты. — Дальнейшее путешествие. — Скала Обрамъ. — Общій языкъ г. Малого Анюла. — Путешествіе вероятно по берегамъ Большой Анюлы. — Рѣка Камешкова. — Охота за пушными зверями. — Ло- пуши. — Мѣстечки Сладкое и Лобанки. — Дѣлѣ	

тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. — Несчастная оленья охота. — Голод. — Возвратный путь водою. — Урожай <i>Доное</i> . — Рыболовство. — Дальнейший путь на портах. — Прибытие в Нижне-Колымск. — Общие замечания о племен- ных, живущих на берегах Лены	74
Глава IV. Путевой журнал штурмана Казимира, в 1881 году, при описи берегов Ледовитого моря, ме- жду устьями реки Малой Чукоткой и Индигир- ки	115
Глава V. Третье путешествие по льду. — Приготовление. — Поездка между собаками. — Жизнь путешествия. — Поездка на север. — Непадение благаго медведя. — Склад провизии на льду. — Высшие торосы. — Второй склад провизии. — Разделение экспеди- ции. — Ложные признаки земли. — Соединение эк- спедиций. — Вторая поездка на север. — Днев- ники. — Дневники. — Шелетский мыс. — Возвращение на берег. — Подоснов. — Голод. — Прибытие в Нижне-Колымск. — Заключение.	133
Глава VI. Путешествие по Каменистой гряде, летом 1882 года	181
Глава VII. Путешествие мичмана Матюшина, по тундре, из востoku от Колымы, летом 1882 года	230
Глава VIII. Четвертая поездка по льду и описи берега до острова Колымова. — Отъезд. — Встреча с Чуко- тами на Шелетском мысе. — Сказанья о земле на Севере. — Путь по морю. — Потопы и тонкий лед. — Поворот. — Ослепное положение. — Потери части запасов. — Высадка на берег. — Встреча с с. Матюшкиными. — Встреча с Шелетскими. — Продолжение описи морского берега до остро- ва Колымова. — Завершение в Чукотке. — Недоста- ток провизии. — Прибытие в крайнее изурванное село. — Возвращение. — Заключение.	280
Глава IX. Возвратный путь из Средне-Колымска в Санкт- петербург, в 1883 и 1884 гг.	340

ОПЕЧАТКИ

ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Читать:
4	1	прошлогодовой	первой
12	4	побота	полюта
24	5	заструги уже	заструги же
30	17	лѣва	права
	19	правя	лѣва
39	27	лукомъ и стрѣлами — вылучивать.	
75	3—4	ялою	лодою
77	13	рогъ	роговъ
108	6	моменекить	маленькить
110	6	туклярь	туклярь
	14	къ отъ отдаленных	къ отдаленным
155	сверху—3	нѣтъ	нѣтъ
161	23	66 верста	69 верста
168	20—31	спорать	спорить
177	9—10	шморить	шморить
209	5	вода	вода

211

Роскопоровъ терм.	
на водухъ	на вод.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Читать:
231	1	начальствомъ	начальникомъ
233	23	на смотра	не смотра
239	21	рассли	рассли
	25	рассли	рассли
291	19	отъ него	отъ М. Шаламова
293	25	NW + N	NW + N
295	9	Еголицъ	Еголицъ
297	23	18°	18°
300	19	на грунтъ	въ грунтъ
312	30	наши	наши путешествен- ники
313	6	снѣга.	снѣга!
322	1	при себя	при себя
325	29—30	снѣжного	снѣжного
340	18	снѣга	бульонъ
346	14	Селенки	Селенки
347	23	Селенкою	Селенкою
	12	Полезное растеніе, извѣстное	Съ полезное расте- ніе извѣстно
348	26	20-ти	30-ти

КЪ ПУТЕШЕСТВИЮ Г. ВРАНГЕЛЯ ПРИЛОЖЕНЫ:

1. Меркаторская карта северовосточной части Сибири.
2. Меркаторская карта части северного берега Сибири.
3. Меркаторская карта Малыхъ острововъ.
4. Меркаторская карта рѣкъ Волжскаго и Малого Антона.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ

ПУТЕШЕСТВІЮ

ПО

СѢВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ И ПО ЛЕДОВИТОМУ
МОРИЮ, СОВЕРШЕННОМУ ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 И 1824
ГОДАХЪ, ЭКСПЕДИЦІЕЮ, СОСТОЯВШЕЮ ПОДЪ НА-
ЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА ЛЕЙТЕНАНТА

Фердинанда фонъ - Врангеля,

СОДЕРЖАЩІЯ ВЪ СЕБѢ:

замѣчанія о Ледовитомъ морѣ, полярныхъ льдахъ,
сѣверныхъ сіяніяхъ, пѣсь на собакахъ, языкахъ ту-
земцевъ, метеорологическихъ, климатологическихъ на-
блюденій и таблицъ географическаго положенія
мѣстъ,

съ приложеніемъ 12 литографированныхъ реперировъ, развѣтъ сѣверныхъ сія-
ній и исчисленія продолжительностей.

ИЗДАВАНІЯ

ИЗДАННОЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. КОЗЛОВА И СЪ.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было указанное число экземпляровъ въ Ценсурный Комитетъ. С. Петербургъ. 16 Іюля 1840 г.

Цензоръ А. Кутерга.

I.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О ЛЕДОВИТОМЪ МОРѢ.

—

Промышленники, приѣзжающіе ежегодно на острова Котельный и Новую Сибирь для лѣтówki, замѣчаютъ, что между материкомъ и этими островами Ледовитое море замерзаетъ на-кратко не ранее послѣднихъ чиселъ октября, хотя по берегамъ скрывается оно гораздо ранее. Такъ и на оборотъ, берега очищаются отъ льдовъ уже въ исходѣ юня, а въ большемъ отдаленіи отъ нихъ ледъ ломается въсѣмъ позже, разслабленный прежде множествомъ щелей, образующихся весною, можетъ быть, и въ самую зиму.

Летомъ море покрыто большими и малыми льдинами, несомыми по разнымъ направленіямъ вѣтрами и теченіями, производящимъ ужасное явленіе взаимнаго снѣганія и сокрушенія огромныхъ ледяныхъ массъ, известное по описаніямъ путешественниковъ. Мѣстами, на небольшихъ глубинахъ и въ сторонѣ отъ направленія теченія большихъ рѣкъ, въ моревпадоушникъ, ледъ стоитъ недвижимо, и бывають годы, когда онъ почти не отходитъ отъ некоторыхъ береговъ материка.

Изъ большого числа впадающихъ въ Ледовитое море рѣкъ выносятся ежегодно множество льда, который изъ отблѣиванія солнечныхъ лучей, изъ соли, содержащейся въ морской водѣ, совершенно исчезать не можетъ, и темъ не менѣе, что при самомъ превращеніи льда въ воду, понижается значительное количество теплоты и понижается температура окружающаго его воздуха. Такъ огромный запасъ льдовъ Ледовитаго моря получаетъ и отъ рѣкъ изъ которое приращеніе, въ добавокъ къ ежегодно замерзающему въ самомъ морѣ.

Зимой Ледовитое море представляеть, въ маломъ размѣрѣ, видъ сѣверной безлѣсной части Сибири, гдѣ необозримыя голыя тундры окружены горами. Равнообразно протягиваются и въ морѣ медленные хребты, образующіе долины, и ограничивающіе равнины, на коихъ глубокий снѣгъ получаетъ твердость льда и принимаютъ виды волнообразныхъ возвышеній. Щели и полыньи бывають въ ровномъ лѣду, и между торосами, вероятно, во всякое время года, и уподобляются озерамъ, рыскаютъ и болотамъ.

Земная рефракція оказываетъ сильное дѣйствіе на Ледовитомъ морѣ, какъ среди зимы, отъ стуженнаго морозомъ воздуха, такъ и въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцехъ, отъ испаренія снѣговъ. Горы и морскіе торосы обособляются и принимаютъ самыя странныя виды, часто кажутся даже яснѣе на воздухѣ. Дѣйствіемъ сей рефракціи должны бы показываться самыя отдаленнѣйшіе предметы, если бы тому не препятствовала единообразная близина, покрывающая всю природу, и неопредѣленность очертаній ихъ.

Послѣ сего общаго взгляда на Ледовитое море, пространство особенно о главнѣйшихъ явленіяхъ его и во-первыхъ, о *торосахъ*.

ТОРОСЫ.

Ледяныя глыбы, покрывающія зимою горизонтальную поверхность моря, называются отъ приморскихъ жителей Сѣверной Сибири вообще *торосами*. Или покрывается необозримая ледяная равнина, то въ видѣ неправильныхъ группъ, то на подобіе цѣпи горъ, а иногда отдѣльными массами, и во всѣхъ сихъ видахъ представляеть собою обломки льдинъ, которыхъ показываются отчасти свѣжими, съ острыми границами, а отчасти старыми, такъ сказать, зачѣрканными въ формахъ болѣе или менѣе округленныхъ.

Въ слѣдствіе сего должно различить два разряда торосовъ: 1) *торосы свѣжаго лова*, и 2) *старые торосы*.

1. Торосы свѣжаго лова.

Къ сему разряду отношу я торосы, образованные лопаніемъ моря съ осени, до наступленія лѣта ближайшаго года. Въ нихъ приметны два подраздѣленія: а) *осенніе торосы*, и б) *зимніе и весенніе торосы*.

Трудно себя представить, чтобы море, на пространстве нѣсколькихъ сотъ верстъ, вдругъ покрылось льдомъ. Замерзаніе его начинается отъ береговъ материка и острововъ, и бываетъ временно прерываемо волненіемъ отъ крижкихъ ветровъ, дѣствующихъ на воды незначительныхъ частей океана, сообщающихъ свое

движущие воды и льды уже покрыты. Такие образцы делаются полками в замерзших частях океана, и они становятся причинами других полыней, между тем, как сами замерзают или сжимаются от случайного движения льдов. Разных величин и фигур куски льда, разломанного при образовании полыней, плавая в них, вмерзают от следующего за тем вояра, и покрывают море на большае пространство. Сей-то торосъ, думаю я, делается в начале зимы, или осенью, когда въ море есть еще много обширных полыней. Онъ самый затруднительный для эды, ибо пространство между его остроугольными, ростъ человеческій превышающими ледниками, наполнены рыхлыми сплывомъ, гдѣ нарта съ собаками тонеть. Но сей торосъ не столь опасенъ, какъ зимній, или весенній.

Когда море представляеть уже непрерывное ледное поле, отъ береговъ материка до постоянной полыни (о чемъ будетъ сказано ниже), образующаея въ немъ частныя и временныя полыни получаютъ довольно правильныя направленія, и по сторонамъ ихъ ледъ разламывается и подымается градами. Значительнѣйшіе изъ сихъ ледныхъ хребтовъ направлены бывають обыкновенно параллельно между собою, и слѣдуютъ общему направленію постоянной полыни, т. е. на сѣверо-западъ и юго-востокъ. Ихъ встрѣчаютъ отъ береговъ въ некоторомъ отдаленіи, которое, завися отъ близости полыни и глубины моря, весьма измѣняется (между материкомъ и островами Котлинымъ и Новая Сибирь, торосы не принимаютъ вида хребтовъ, направленныхъ въ одну сторону). Сія торосы бывають различныхъ видовъ: съ равнонаклонными сторонами, или

одна съ одною стороною пологою, а другую отвѣсною. Торось, виданный нами въ 1821-мъ году, апреля 6-го, можетъ служить примѣромъ втораго изъ сихъ видовъ, и вотъ описаніе его, изъясъ мною изъ путевого журнала: «Пробравшись съ трудомъ чрезъ крупныя торосы, вылезли мы на узкую и довольно ровную полосу В (изображеніе I), направленную къ NW и отравленную съ правой стороны торосами СС осенняго ледя, а съ лѣвой возвышеніемъ льда DD, пологость котораго съ SW стороны, а къ NO падавшій отрубъ были до 6-ти саженъ вышиною. Вдоль всего отруба была щель, за которую видны были поляны, такъ далеко, какъ только глазами скинуть было можно; внутренность всего возвышенія, со стороны отвѣса, наполнена была крупными и мелкими льдинами, часть концы взбросивъ на была даже на самый верхъ. У подошвы пологой стороны сего ледянаго хребта, поступала со многихъ мѣстъ вода, разливаясь на нѣсколько саженъ вдоль пологой стороны возвышенія; по срединѣ его направлялась мѣстами горизонтальная щель А, въ $\frac{1}{2}$ аршина шириною. Я смотрѣлъ въ сіе отверстіе внутрь льда на 8 футовъ, но воды не видалъ; примѣчательно, что ледъ распадался здесь по своей толщинѣ на нѣсколько параллельныхъ межъ собою слоевъ, каждый въ $\frac{3}{4}$ аршина толщиной.» Большую частію цѣпи торосовъ свѣжаго ледя бываютъ составлены изъ множества огромныхъ ледяныхъ массъ и мелкихъ льдовъ, величину и видокъ весьма разнообразныхъ и поддерживаемыхъ взаимно удивительнымъ механизмомъ: иногда на льдинѣ, толщиной не болѣе 2-хъ, а шириною въ 1 футъ, лежитъ ледяная гора кубиче-

ской фигуры, изъимшей по двѣ сажени въ каждую сторону, а возвышеній до 70-ти футовъ отъ горизонта воды! Какъ въ сѣн торосы входить и обломки стараго льда (о чемъ упомянуто ниже), близеть съ сѣвѣннѣ льдомъ, то они представляютъ различныя цвѣта: *сперый*, весьма нечистый цвѣтъ, означаетъ льдины осенняго дома, потому что на небольшой глубинѣ дѣлается вода отъ волненій и тухлою и замерзаетъ прежде осадки ея иловатыя частицы; *бѣлозатый* цвѣтъ принадлежитъ поверхности стараго льда; яркій *зелено-голубой* цвѣтъ свойственъ близеть послѣднему зимнему льду. Вблизи отъ постоянной полыньи, западнѣ Шелагскаго Носа, протягиваются цѣлыя торосовы (до 70-ти футовъ вышиною), состоящихъ изъ льдинъ, толщиною отъ $1\frac{1}{4}$ аршина до 3 дюймовъ, когда и горизонтальный ледъ не толще $1\frac{1}{4}$ аршина (что доказываетъ непрерывное здѣсь разламываніе моря.) Сѣн льдины зимняго послѣдняго замерзанія весьма мало прозрачны, безъ внутреннихъ пузырей и прекраснѣйшаго яркаго зелено-голубаго цвѣта, почему въ солнечные дни показываются на большомъ разстояніи. Вкусъ сего льда солодковой, тѣмъ болѣе, чѣмъ зеленѣе цвѣтъ. Между ними находили мы льды совершенно прѣснаго вкуса; ихъ цвѣтъ голубѣе, и они прозрачнѣе другихъ. Переправы чрезъ сѣн крупныя торосы, составленныя изъ остроганныхъ льдинъ, сопряжены съ немалой опасностью, какъ для людей, такъ и для собакъ. (Въ фиг. 2-ой изображена града торосовъ сължскаго дома, образовавшихся на закрапѣхъ полыньи.)

2. Старый торосъ.

Горизонтальный ледъ, получивши въ продолженіи одной зимы толщину $9\frac{1}{2}$ футовъ, будучи разломанъ на части, между собою свободныя, долженъ погрузиться въ воду, примерно на 8-мъ футовъ. Следующею зимою замерзаетъ къ этимъ плавающимъ кускамъ новый слой, положивъ въ 5 футовъ. Сія масса, составляя уже 14 футовъ толщины и дѣлясь летомъ свободною, погрузится въ воду около $12\frac{1}{2}$ футовъ. Она получила уже большую стойкость, и, когда зимою замерзаетъ, то не столь удобно бываетъ разламываема, какъ вновь образующіеся около нея ледъ. Сей новый ледъ, получивъ толщину около 9 футовъ, и ломаясь отъ сильнаго волненія, или другихъ причинъ, напираетъ на ближайшую толстую массу льда, и огромныя льдины, скользя одна по другой, поднимаются вверхъ, а другія, претерпѣвъ давленіе отъ соседнихъ льдинъ, погружаются въ воду и прижимаются къ нижней площади массы, такъ, что тѣмъ другія льдины отъ морозовъ соединятся въ одно нераздѣльное тѣло (*), достигающее толщины уже 32 футовъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, толщина раздѣльных прежде между собою ледяныхъ массъ можетъ дойти до 150 и болѣе футовъ. Плавая по морю, въ лѣтнее время, сіи громады должны мѣнять на глубинѣ 22-хъ сажель, и дѣлаются неподвижныя.

(*) Сверхъшвы льдинъ способствуютъ остающіеся на ихъ верхнихъ поверхностяхъ слои снега, омерзавающіеся на вертикальныхъ поверхностяхъ толстыхъ массъ стараго льда тонкими параллельными жилами.

Отъ различнаго расположенія сихъ толстыхъ ледяныхъ массъ, принимаютъ онѣ въ морѣ разнообразныя виды, уподобляясь: а) отдельно стоящимъ скаламъ, въ окружности около 100 и въ вышину отъ 20 до 30-ти футовъ; б) валу подобнымъ кряжамъ, гдѣ множество толстыхъ массъ сгруппировано по одному прямолинейному направленію; и в) система холмовъ, когда нѣсколько отдельныхъ массъ расположились вокругъ другихъ въ некоторомъ между собою разстояніи. Въ такомъ положеніи заносятся сіи массы сыгломъ со всѣхъ сторонъ, такъ, что стороны ихъ уравниваются, и онѣ принимаютъ виды сахарныхъ головъ, или куполовъ.

Для примѣра сего вида старыхъ торосовъ можетъ послужить описаніе такъ названнаго мною *ледянаго острова*, видѣннаго нами апрѣля 4-го 1821-го года, около 17½ верстѣ въ морѣ отъ берега: «Мы въыходимъ изъ торосы совершенно видаго вида отъ всѣхъ прежде нами замѣченныхъ. Будучи подобны холмамъ, они представляли со всѣхъ сторонъ покатости, такъ, что весьма удобно можно было по нимъ ходить. Холмы ихъ были величавою и видомъ весьма различны: нѣкоторые подобны куполамъ, другіе остроковечными скаламъ, образуящими между собою глубокія долины, отъ гладкой и ровной поверхности концы возвышаются они отъ 10 до 70 футовъ. Цѣль льда, составляющаго сіи холмы, бѣлый, иногда съ весьма темными пятнами; куски онъ прѣсны и притомъ тверды и хрупки. Вероятно, вкусъ сей образовался еще изъ морской воды, но примерзавіемъ дождю, туманамъ, тающего снѣга и проч., на подобіе образующагося льдомъ на высокихъ горахъ льда (Gletscher Eis.)

«Въ одной глубокой впадинѣ вырубилъ мнѣ яму, въ 2 аршина глубины, и на днѣ ея находили такой же «прѣсный бѣлый ледъ, какъ и на вершнѣхъ самой высокой сопки.» Особенно много такихъ холмовидныхъ торосовъ видѣли мы въ 1822 году, противъ Песчаного Мыса, а въ послѣдней нашей поездкѣ по морю, съѣзжали мы по ледяному острову, покрытому сопками до 80-ти футовъ вышиною. Въ толстои и твердости снѣгъ, покрывавшемъ стороны сихъ ледяныхъ горъ, находили много медвѣжьихъ берлогъ (*). Отличительныя свойства всякаго стараго льда: ярснѣйшій вкусъ, бѣлая противъ морскаго льда свѣжаго намерзання, нѣсколько соленый вкусъ, твердость, и стѣсненные цвѣты: бѣлый, сѣрый, бурый. Фиг. III представляетъ отдѣльную торосину стараго льда, въ вертикальномъ ея разрѣзѣ, а фиг. IV изображаетъ гряду старыхъ торосовъ, сбитыхъ со льдинами новаго льда.

(*) Скорсби, въ своемъ Account of the arctic regions, часть 1, стр. 107, 223, описываетъ сего рода льды, подъ названіемъ Iceberg, образующіеся, по его замечаніямъ, въ глубокихъ заливахъ, окруженныхъ горами. Въ водахъ исландскія и гринландскія находятъ такую Iceberg въ 200 футовъ вышины надъ водою: пани видѣныя въ полонину мнѣше, что такъ и должно быть, если сего рода ледяныя массы получаютъ свое приращеніе отъ холоднаго дождя, надывшаго осеню въ величайшемъ обиліи въ странѣ, описываемой надъ описаннымъ Китловымъ (Скорсби Voyage, стран. 342.) Но въ шети Ледовитого моря, ограниченной къ югу пространною землею, дождя, по весьма естественной причинѣ, должны идти рѣже и слабѣе. Слѣди сего Icebergъ не нѣше составляться могутъ, какъ только въ глубокихъ заливахъ, между крутыми горами, то дождевыя капли сего рода льды должны быть приращены къ землѣ менѣею, ибо по берегамъ Сибири и лежащихъ въ сѣхъ морѣ острововъ, нѣтъ столь глубокихъ и крутобережныхъ заливовъ, гдѣ могла бы образоваться ледяныя горы.

ПОСТОЯННАЯ МОРСКАЯ ПОЛЫНЯ И ТЕЧЕНИЕ МОРЕ.

Около 25 верст къ северу отъ острова *Котельнаго* и *Новой Сибири*, море зимою вовсе не замерзаетъ. Сопникъ Татаринцовъ, бывшій съ геодезистомъ Пиненинымъ на *Новой Сибири*, видѣлъ открытое свободное отъ льдовъ море, въ 1811-мъ году, въ апрѣль мѣсяцъ, въ означенномъ разстояніи, по направленію отъ сѣвернаго берега *Новой Сибири*. Г. Геденштромъ, въ 1810-мъ году, дотхалъ до полыньи, въ 70 верстахъ къ востоку отъ *Новой Сибири*, и даже замечалъ приближенное направленіе ея на юго-востокъ. Г. лейтенантъ Анжу слѣдовалъ вдоль полыньи, обгибаящей съ сѣверной стороны *Котельный Островъ* и *Новую Сибирь*, и замѣтилъ въ западной сторонѣ ея, къ NW отъ *Котельнаго острова*, перемѣнное теченіе моря, которое призналъ за приливъ и отливъ. Геодезін прапорщикъ Леонтьевъ, въ 1764-мъ году, удалясь къ северу отъ острова *Четырехъ-Столбоваго*, на половинное разстояніе хорошаго дневнаго переезда, т. е. около 40 верстъ, былъ задержанъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи тонкимъ льдомъ, который, если простирается на большія пространства, всегда можетъ служить предвѣстникомъ близости обширной полыньи. Мы встрѣтили такой тонкій ледъ въ 70-ти верстахъ къ NNO отъ упомянутаго острова, и были удержаны полыньями въ 118-ти верстахъ. Г. Геденштромъ, въ 1810 году, съ пушестѣи своимъ на NNO отъ *Малаго Баранова Камня*, видѣлъ широкую открытую шель и тонкій ледъ, по замѣреніямъ его, въ 250 верстахъ отъ берега (*), и замѣтилъ быстрое въ ней

(*) Если сравнить глубины, замѣченные Г. Геденштромомъ въ семъ

течение къ SOO. Мы встрѣтили, въ 1821-мъ году, лонившійся толстый ледъ образовавшійся въ немъ щели и полыньи въ 190 верстахъ на NO отъ Малаго Баранова Камня, слѣдовали вдоль нихъ, вообще по направлению SO, на 140 версть, и нашли направление теченія въ нихъ на OSO по $\frac{1}{4}$ узла, хотя вътеръ дулъ тогда сѣвѣжій NO. Въ 1822-мъ году, оставили насъ полыньи и лонившѣ льда морскаго въ 270-ти верстахъ на NNO отъ Большаго Баранова Камня. Вдоль полыней сѣхъ слѣдовали мы къ SOO, до меридіана Шелагскаго Носа, въ 80 верстахъ сѣвернѣе когдо видѣли ту же обширную полынью. Въ 1823-мъ году, хотя потѣхали мы отъ берега, съ устья рѣки Веркона, около 100 верствъ къ NNO, однако жъ отетоніе полыньи отъ берега должно полагать здѣсь около 25 верствъ, тамъ, гдѣ, на возвращеніи пути, оторвалась льдина, служившая намъ мѣстою почлега, а далее къ востоку г. Матюшкинъ въ 5 верстахъ отъ берега встрѣтилъ ту же самую полынью. При сѣверо-западныхъ вѣтрахъ замѣчено нами въ ней быстрое теченіе къ SO, но непостоянное. По словамъ Чукчей, полынья удалется отъ Сѣвернаго Мыса даже, нежели противъ Явана. Мы замѣтили также, что сѣверные, сѣверо-западные, а часто и сѣверо-восточные вѣтры нагоняють здѣсь туманы, столь

мелкіе, 11 сажень, съ нѣкими измѣреніями глубины, въ 1821-мъ и 1822 годахъ, въ весьма близкіяхъ разстояніяхъ отъ упомянутой линіи, то окажется странная несправдливость, которая мною въ Ледовитомъ морѣ не замѣчена. Полагая, что г. Геленштрѣмъ означилъ разстояніе отъ берега болышми, нежели какъ было должно, что такъ вѣроятно, что они были притѣсно полаганы по блгу собакъ, безъ покурна измѣренія обсервационныхъ широтами.

сырой, что платья и платки наши от него были мокры.

Приведенныя мною замечанія и сырость въ воздухъ при сѣверныхъ вѣтрахъ свидѣлствуютъ согласно о постоянной морехой волнѣ, которая, кажется, слѣдуетъ направленію къ того-востоку и тѣмъ болѣе приближается къ материку, чѣмъ ближе подходитъ къ Якану, восточнѣе коего опять удаляется отъ берега. Начало ея должно полагать къ NW отъ Котельнаго Острова, гдѣ, по вѣне приведенному замечанію прилива и отлива, простирается открытое море. Отъ того происходитъ, что при западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ море ложится сильнѣе, и приметнѣе образомъ (не морщина) направляется отъ NW къ SO, и теченіе моря отъ того также весьма усиливается при сѣверо-западныхъ вѣтрахъ. Промышленники, живущіе на Новой Сибири, замѣчаютъ въ Восточнѣйскомъ проливѣ постоянное дѣйствіе прилива и отлива. Далѣе къ востоку море не повиновется сему закону природы. Можетъ быть, во время тихой и холодной зимы въ январѣ и началѣ февраля, не бываетъ волнѣй между меридіанами Шелагскаго Мыса и Якана, т. е. въ достаточно отдаленіи отъ предполагаемаго мною обширнаго моря къ сѣверо-западу отъ Котельнаго Острова.

Теченіе моря отъ Святаго Носа до острова Колонина направляется лѣтомъ отъ востока на западъ, а осенью отъ запада на востокъ, что согласно свидѣтельству морскихъ путешественниковъ купцовъ Шадууровыхъ до Шелагскаго Мыса, мѣшавшихъ Захаровымъ въ 1773 году на лодкѣ къ первому Ляховскому острову, и въ 1787 году капитаномъ Вильямсомъ

около Большаго Баранова Камня. Чукчи, обитающіе по морскому берегу отъ Шелатскаго Мыса до острова Колочина, сказывали намъ, что лѣтомъ ледъ весьма быстро несется отъ востока на западъ, а осенью пріямъ противоположное теченіе. Правда, что въ *Иръ-кайли* (Свербный мысъ) говорилъ намъ Чукча, будто лѣтомъ течетъ море на востокъ, а осенью обратно, но, можетъ быть, переведчикъ извѣтъ ошибся, а иначе было бы такое странное исключеніе. Капитанъ Кузь испыталъ также слабое теченіе на западъ, къ северу отъ Берингова Пролива. Замѣченное г. Геденштромомъ и нами теченіе моря въ полынѣхъ въ весеннее время къ юго-востоку, должно, приписать должно дѣйствию свѣро-западныхъ свѣжихъ вѣтровъ, образующихъ полынѣи.

ГЛУБИНЫ МОРЯ.

Взглянувъ на карту нашихъ поѣздокъ по Ледовитому морю показывають довольно быстрое увеличеніе глубины моря къ востоку и весьма медленное къ северу, такъ, что въ разстояніи 200 верстъ на северъ отъ Малаго Баранова Камня глубина 12 сажень 2 фута, а въ 10-ти миляхъ къ востоку отъ Большаго Баранова Камня, по измѣренію на суднѣ Ясашнѣ, въ 1787-мъ году, она была 17 сажень. Въ 250 верстахъ на северъ отъ N устья Сабалейскаго пролива глубина $14\frac{1}{2}$ сажень, а 68 верстъ южнее и 38 верстъ восточнѣе, она уже 21 сажень. Глубины, найденныя капитаномъ Кукомъ къ востоку отъ Севернаго Мыса, показывають также увеличеніе ихъ по долготѣ къ востоку до меридіана Берингова Пролива. Гроты найдены нами вездѣ наг-

кий зеленоватый илъ, исключая одного случая, о которомъ упомянуто въ нашемъ журналѣ (72° 3' широты и 166° 12' вост. долготы отъ Гринв., гдѣ грунтъ камень).

ОТСТУПАНИЕ МОРЯ ОТЪ БЕРЕГОВЪ.

Мнѣніе, что море отступаетъ отъ свѣрзыхъ береговъ Сибири, общее между свѣрзными Сибиряками и основывается на замѣчаніи, что на низменныхъ тундрахъ, версть около 50-ти отъ моря, и на увалахъ, въ значительномъ возвышеніи надъ моремъ, находятъ множество иставшаго наносаго лѣса. Нищѣ, ни роды, ни даже люди морскіе не достигаютъ сихъ мѣстъ. Островъ *Дюлидо*, помеченный на картѣ Шелаурова къ востоку отъ Святаго Носа и образующійъ полъ материка узкій проливъ, по которому прошесть сей мореплавателей на своей суднѣ, нынѣ не существуетъ. Испорочно, чтобы проливъ замыка землю, и льдины, застрявъ на островѣ, сравняли бы его съ берегомъ. Не разсматривая, происходить ли такое явленіе действительно отъ уменьшенія воды Ледовитаго моря, или отъ земли, примыкаемой рыбами и дождемъ съ горъ, по берегамъ моря находившихся, замѣчу, что для поясненія сего явленія будущія наблюденія, можетъ служить *отпридаши* (каменный столбъ въ морѣ близъ берега) возле Малаго Паранова Камня, подле такъ называемой *Виллиановой* дресвы. Въ 1822 году, ѣмъ, измерена нами вертикальная высота его отъ морской грани до морскаго льда, составлявшая 30 англійскихъ футовъ.

СОЛЬ МОРСКАЯ.

Вездѣ, гдѣ ледъ не покрытъ толстымъ слоемъ снѣга, видны морской разсолъ, т. е. соль, остающаяся на поверхности льда, когда море замерзаетъ. На тонкомъ льду, и особенно близъ полыньи, находящяя морская разсолъ въ такомъ количествѣ, что онъ проникаетъ сквозь снѣжный слой до 3-ти дюймовъ толщиною, отъ чего въ солнечные дни снѣгъ таетъ. По захожденіи солнца, поднимаются отъ сего морскаго разсола (гдѣ его много) пары; но они остаются однакожь на небольшой высотѣ отъ поверхности льда. По нуждѣ можно употребить сей морской разсолъ въ пищу; промышленники, переизжающіе съ Яны на острова, рѣдко запасаются солью, надѣясь найти ея довольно на морскомъ льду. Вкусъ сего разсола сившанъ съ горечью, и дѣйствіе его на желудокъ слабительное. По разсолу тащется парта такъ же тяжело, какъ по песку.

II.

ЗАМѢЧАНІЯ

О СВѢРНЫХЪ СІЯНІЯХЪ.

=

Въ полярной странѣ Сибири свѣрное сіяніе является слѣдующимъ образомъ.

Надъ свѣрнымъ горизонтомъ показывается слабый свѣтъ, въ видѣ сегмента, горизонтальный уголъ ви-

днѣя коего простирается отъ 20° до 80° и болѣе, а вертикальный отъ 1° до 6° . Сегментъ свѣта спокойнаго и слабѣ полной луны. Потомъ, отъ времени до времени, являются въ немъ (по большей части въ восточной сторонѣ) движущіеся столбы, или струи лучей, сильнѣйшаго свѣта, поднимающіеся съ низу въ верхъ, движущіеся и кривящіеся, какъ будто отъ дѣйствія вѣтра. Такое движеніе столь же примѣтно, какъ хожденіе облаковъ при крѣпкомъ вѣтрѣ. Внутри сегмента, какъ будто отъ дѣйствія вѣтра, зажигаются другіе столбы; все собраніе столбовъ принимаетъ свое движеніе въ одну общую сторону, и по 2-хъ или 3-хъ минутномъ промежуткѣ, исчезаютъ столбы постепенно одинъ за другимъ, уступая мѣсто вновь появившимся столбамъ, изъ коихъ нѣкоторые не выходятъ изъ сегмента, а другіе достигаютъ вершинъ весьма большаго возвышенія; часто зажигаются столбы въ каждомъ углу сегмента почти одновременно съ появленіемъ ихъ въ восточномъ его концѣ. По прекращеніи сего непрерывнаго появленія и исчезанія столбовъ, продолжающагося неопредѣленное время, становясь рѣже и слабѣе, они вовсе исчезаютъ, а затѣмъ и самый сегментъ потухаетъ. Когда игра столбовъ продолжается съ необыкновенною живостью, то часто сегментъ разливается на свѣтлыя, неправильныя, криво и прямолинейныя фигуры, сохраняющіяся около $\frac{1}{4}$ часа и потомъ исчезающія.

Таковъ общій характеръ видимыхъ явленій сіяній. Кроме того, замѣтилъ я слѣдующее:

1) Когда столбъ поднялся однажды на большую высоту и приблизился къ полной лунѣ, то образовалъ кругъ около сего свѣтила, и въ разстояніи по диаметру

между 20° и 30° , оставаясь въ семь положеній нѣкоторое время, а потомъ исчезъ.

2) Когда сіяніе распространилось однажды до близости зенита, то оно прекратилось въ видѣ малыхъ слабосветящихся облаковъ, принимавшихъ молочный цвѣтъ, и часто остававшихся на слѣдующій день въ видѣ волнистыхъ бѣлыхъ облаковъ, *барашками* называемыхъ.

3) По сѣверному горизонту подъ сіяніемъ лежатъ нѣредко темно-синіе облака; онѣ кажутся нѣмъ заслуживающими нѣкоторое вниманіе, по великому сходству ихъ съ испареніями, изъ океана выходящими, при высочайшемъ разломаніи льда.

4) Ни треска, ни сильнаго шума не слышалъ я при *игрѣ столбовъ* (такъ въ Сибири называютъ движущіеся столбы, отъ стариннаго Русскаго слова: *сполохъ*, означавшаго *пожаръ*, почему во многихъ мѣстахъ Россіи говорятъ: *сполохъ*, *уполохъ*, вмѣсто *набать*, и *положить* значить: *бить въ набить*); но при сильномъ сіяніи, когда лучи падаютъ часто и движутся скоро, кажется какъ будто слышишь легкое дуновеніе *игры въ пламени*.

5) Сіянія, видимыя въ Нижне-Колымскѣ, имѣютъ свое начало обыкновенно въ С. В. четверти неба, и средина занимаемаго ими по сѣверному горизонту пространства лежитъ пополю на одинъ, или на два румба отъ истиннаго сѣвера къ востоку. Замѣчу, что склоненіе компасной стрѣлки въ семь разѣвъ около 10° восточное.

6) У береговъ моря *сполохи* бывають обыкновеннѣе и сильнѣе, нежели въ отдаленіи отъ него, неземиси-

но отъ широты мѣста. Такъ, напримеръ, по рассказамъ Чукчей съ острова Колымска (въ широтѣ $67^{\circ} 26' / 3$) сполохи ярче свѣтятъ и чаще случаются, нежели въ Нижне-Колымскѣ подъ широтою $68^{\circ} 32'$. У моря они часто доходятъ до зенита, что въ Нижне-Колымскѣ случается рѣдко.

7) Замѣчаніе приморскихъ жителей, будто послѣ сильнаго сіянія обыкновенно настаетъ свѣжій вѣтеръ со стороны появленія сполоховъ, не оправдывается нашими наблюденіями въ Нижне-Колымскѣ. Впрочемъ такое несогласіе можетъ произойти отъ местныхъ причинъ, препятствующихъ приморскимъ вѣтрамъ доходить до Нижне-Колымска и раздувающихъ перѣдко вѣтра совершенно съ противной стороны. Въ селеніи Походскомъ, въ 70-ти верстахъ сѣвернѣе Нижне-Колымска, часто бываетъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ, когда въ Нижне-Колымскѣ дуетъ онъ отъ юга.

8) Сильнѣйшіе сполохи случаются при наступленіи крѣпкихъ вѣтровъ, въ ноябрѣ; въ январѣ, когда стужа достигаетъ максимума, они бываютъ рѣже.

9) При появленіи падающихъ звездъ въ свѣтящемъ сегментѣ, на томъ мѣстѣ, куда звезда упала, зажигаются мнѣшнне сполохи; такое вліяніе падающихъ звездъ на зажиганіе сполоховъ замѣчено мною въ 1820 году декабря 10 и 17 и 1821 года декабря 18.

Изъ сихъ замѣчаній можно слѣдующее заключить:

а) Что замерзаніе моря способствуетъ образованію сѣвернаго сіянія. Можетъ быть, отъ сильнаго испаренія воды, или вѣ отъ вѣснаго тренія огромныхъ льдинъ, рождается здѣсь электричество.

б) Сіяніе не всегда занимает ту возвышенную часть атмосферы, гдѣ образуются огненные метеоры, и опускается иногда гораздо ближе къ землѣ, такъ что дующій на ея поверхности вѣтеръ приводитъ свѣтлице столбы въ движеніе, что мною не рѣдко замечено.

ЧАСТНЫЯ ОПИСАНІЯ

СВЕРНЫХЪ СІЯНІЙ,

ЗАМѢЧЕННЫХЪ ЛЕЙТЕНАНТОМЪ ВРАНГЕЛЕМЪ

въ Нижне-Колымскѣ, зимою съ 1820 на 21-й и съ
21-го на 1822-й годы.

=

1820 года.

Ноябрь.

20-е. Въ видѣ сегмента сіяніе началось въ 10 часовъ вечера и продолжалось за полночь; оконченности пеленгованнаго компаса на NOO и NNW, середина NO $\frac{1}{2}$ O. Свѣтъ слабый, подобный свѣту луны, закрытой не густымъ облакомъ; ширина сегмента или полосы, въ среднѣ 3°, высота надъ горизонтомъ 6°; подъ сіяніемъ темное облако, уподобляющееся лисареніямъ морской воды, по разламываніи льда въ сильные морозы, — какъ то въ Ледовитомъ Морѣ передъ его случаетсѣ; около полуночи темное облако исчезло и пока-

зались звязды. Ночь ясная, реом. терм. — $34\frac{1}{2}$, вятрь сначала легкій W, въ продолженіи сіянія O тихій, на другой день SO свѣжій. Сіяніе слабѣло постепенно.

21-е. Началось въ 11 часовъ вечера на подобіе вечерняго сіянія, оконечности на $NW\frac{1}{4}W$ и $NO\frac{1}{2}O$, срединна $N\frac{1}{4}O$, восточная оконечность свѣтлѣе и округленнѣе западной; подъ сіяніемъ цвѣтъ неба темный, однакожь звѣзды сверкають. Нѣздалка показывались вертикальные столпы около $\frac{1}{4}^\circ$ ширины, то у правой, то у левой оконечности; они зараждались мгновенно въ свѣтлой полосѣ и исчезали чрезъ 10". Въ 1 часъ утра сіяніе исчезло, предъ окончаніемъ раздробилось оно и не выходя изъ прежняго пространства, образовались на темносинемъ небѣ различныя фигуры. Вятрь прежде сіянія: SO свѣжій, во время сіянія SO умиротворенный, на другой день SSO тихій, терм.— 27° .

22-е. Въ 8 часовъ вечера едва примѣтный и худо окрашенный свѣтъ на северной горизонтѣ; около 9 часовъ вспыхнули на $NO\frac{1}{2}N$ и NO два наклонные къ O столба вышиною около 12° , шириною $\frac{1}{2}^\circ$, кои разширяясь къ верху, исчезли чрезъ 5", придавъ сіянію большій свѣтъ. Подъ сіяніемъ небо имѣло темносиній цвѣтъ, отличный отъ остальной части неба, на которомъ звѣзды ясно сверкали; въ полночь въ свѣтлой полосѣ сіянія появились мгновенно и исчезли чрезъ 2" или 3" пучки свѣтлыхъ лучей, выходившихъ вершинами изъ границъ сіянія. Оконечности делетованы въ полдень $NO\frac{1}{2}N\frac{1}{2}O$ и NNW — срединна $N\frac{1}{2}O\frac{1}{4}O$; терм.— $32\frac{1}{2}^\circ$, вятрь прежде сіянія OSO тихій, при немъ маловетріе межъ S и O; на другой день SO умиротворенный.

23-а. Слабое сіяніе на горизонте началось въ 10 часовъ вечера и было видно за полночь; оконечности полосы на NO и NNW — середина NO. Небо чистое, звѣзды сверкали; терм. — $25\frac{1}{2}^{\circ}$, вѣтеръ до сіянія SO тихій, при немъ SO свѣжій, послѣ SO тихій.

24-е. Въ обыкновенной фигурѣ сегмента показалось сіяніе въ 2 часа утра, имѣя восточный край какъ-будто отъѣсно отрезанный, который вскорѣ округлился, будучи свѣтлѣе и шире западнаго края; оно продолжалось до зари. Оконечности на $N\frac{1}{2}O$ и NWtN — середина NW; небо покрыто тонкимъ туманомъ, терм. 27° , вѣтеръ прежде сіянія SO тихій, при немъ тотъ же, послѣ SO умеренный.

26-е. Слабое сіяніе, безъ темнаго отдѣла неба подлѣ низомъ оного, продолжалось съ 11 часовъ вечера за полночь; край на ONO и NWtW — середина $N\frac{1}{2}O$; чистое небо, сверканіе звѣздъ, терм. — 23° , вѣтеръ до сіянія SO тих., при немъ безвѣтріе, послѣ мало вѣтріе межъ SW.

28-е. Начало въ 6 часовъ вечера въ видѣ сегмента, подлѣ сіяніемъ весьма темное и черное небо; около полуночи сіяніе раздробилось на свѣтлыя облака, кои, подвинувшись выше зенита, ослабѣвали въ свѣтѣ и были наконецъ, вѣтромъ или отъ другихъ причинъ, разнесены; темный цвѣтъ на северномъ горизонтѣ не измѣнился до совершеннаго исчезанія свѣтлыхъ облаковъ. Въ началѣ края на ONO и NW — середина NO; небо чистое, по горизонту облака, терм. — 23° , вѣтеръ прежде сіянія W умеренный, при немъ SO свѣжій, послѣ SO умеренный.

29-е. Въ 9 часовъ вечера, при блѣдномъ небѣ, покрылся сѣверный горизонтъ бѣлыми облаками, въ концѣ сія-

віе востріало своє начало, показувався сперва в восточной, а після и в западной сторони: тогда зажглися сподоби отъ восточной послѣдовательно къ западной сторони; они были наклонны къ западу, возвышались острыми вершинами до 60° отъ горизонта и потомъ скоро исчезали. Краи сіянія ONO и NW(W, середина $N\frac{1}{2}O$, терм. — $17\frac{1}{2}^\circ$; вѣтръ прежде W кривий, который дулъ безъ перемѣны и слѣдующій день.

Декабрь.

1-е. Ночью съ 11 часовъ вечера до 2 часовъ утра вѣселя слабое, худо окраенное сініе, терлясь въ облакахъ; и въ синевѣ неба середина къ NNO; чистое небо, по горизонту вранность, терм. — $24\frac{1}{2}$, вѣтръ до сіянія WSW умеренный, при немъ мажъ S и O маловѣтріе, послѣ SO свѣжій.

9-е. Утра съ $2\frac{1}{2}$ час. до 3 часовъ появился на $O(N\frac{1}{2}O$ свѣтлый вертикальный столбъ около 2° шириною и до 3° выше горизонта, который былъ яснѣе, какъ и все небо, — чрезъ 2° показался такой же столбъ на WtN : оба столба, раздѣляясь на вѣтви, сближались близь зенита, гдѣ свѣтъ, занимающій большее пространство чѣмъ въ нижней части, былъ и прѣятнѣе слабѣе; вѣтви кривлялись и безпрерывно назывались въ видѣ; на NO появлялись отъ времени до времени небольшіи свѣтлыи облака, которыя терлились въ возвышеніи 10° надъ горизонтомъ. Прядь ополчаніемъ явленія, успѣли свѣтъ западнаго столба съ вѣтвями, которыя образовали обширную дугу, обращенную выпуклою стороною къ полной лузѣ, а впадою къ сѣверному горизонту: сей-то изогнутый

полос, составленный из нескольких светлых полос, имела весьма примитивное движение, вершиною своего приближаясь к лунѣ, между тѣмъ, какъ самый столбъ оставался недвижнымъ; но этой причины выпуклость становилась постепенно круглею. Въ 8° отъ луны этотъ полсъ остановился, соединяясь съ вѣтвями теперъ вновь полнившася восточнаго столба, — и вскоре послѣ снѣже исчезло; во сѣверную, сѣверо-западному и восточному небу оставались разбросанными множество облачковъ млечнаго цвѣта. Небо было ясное, звѣзды сверкали и полная луна сіяла, терм. — 24°, вѣтръ прежде снѣжн SO тихій.

10-е. На ONO зажегся пучокъ лучей, отъ коихъ переливался огонь примѣтнымъ для глазъ движениемъ, до NWtW, занимая полсъ въ $\frac{1}{2}$ южную и возвышалась срединою на 20° сверхъ горизонта; въ сѣвѣ полсъ колебался огонь подобно волнамъ; иногда и въ срединѣ зажигались сполохи, отъ коихъ какъ-будто возобновлялись уже потухшіе на оконечностяхъ, — и всѣ они двигались то въ одну, то въ другую сторону. Я примѣтилъ, что на O краю въ полсъ упали три звѣзды, отъ коихъ мгновенно зажигались нѣсколько столбиковъ сполоховъ. Когда снѣже на восточномъ концѣ почти исчезло, тогда оно возобновилось въ большей степени на западномъ краю. По немногу осѣдало ниже и ниже, оно зашло подъ сѣверный горизонтъ около 1 часа, начавшись въ 10 часовъ вечера. Небо ясное, терм. — 22°, вѣтръ прежде снѣжн NNW тихій, при немъ NNO тихій, послѣ N и O маловѣтріе.

11-е. При ясномъ небѣ показались около полдня на сѣверномъ горизонтѣ бѣлая облака, принявшія крѣ-

новатый павѣтъ въ послѣдствіи; на ОНО цвѣтъ былъ довольно яркій, а на NWtN едва приметный; терм. — $24\frac{1}{4}^{\circ}$; вѣтры прежде сіиіи NO маловетріе, при павѣт NO тихій, послѣ SO тихій.

Съ 5 часовъ вечера до полуночи при облачномъ небѣ былъ освѣщенъ сѣверный горизонтъ межъ OLS и NW; послѣ полуночи распространился свѣтъ отъ SO до OLS на высоту 26° . Вѣтры дуть отъ NO тихій, а послѣ маловетріе отъ NW, терм. — 15° .

17-е. Въ 10 часовъ вечера сіиіе началось при совершенно ясномъ небѣ и горизонтѣ въ видѣ сегмента; чрезъ часъ оно поднялось къ верху и по появленіи выплывавшихъ въ восточномъ краю слохоховъ, разсыпалось въ видѣ свѣтлыхъ облаковъ по всему сѣверному небу, переходя и къ S отъ зенита; потомъ чрезъ $\frac{1}{2}$ часа, при ясномъ небѣ, возобновилось сіиіе на NWtW полосами, восходящими дугообразно до высоты 50° и опускавшимися къ горизонту на ОНО; потомъ стали играть слохохи, передвигаясь съ постепенною скоростью отъ запада къ востоку и возобновляя сіиіе полосы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно ослабѣвало; изсколко звѣздъ падали въ сіиіе съ $\frac{1}{2}^{\circ}$ высоты и мгновенно зажигались отъ паденія западъ слохохи. Ширина полосы была около $2''$, а слохоховъ план пучковъ дугавшихся лучей отъ 1° до $20'$. Сіиіе прекратилось около 1 часа утра, терм. — 22° ; вѣтры прежде и при сіиіи NW тихій, а послѣ безвѣтріе.

20-е. Въ полночь появилась на сѣверномъ горизонтѣ два свѣтлыхъ облака, кои чрезъ $\frac{1}{2}$ часа слились и приняли обыкновенный видъ сегмента; окончности на

NNO и NtW. Оно простояло 4 часа; втрѣ прежде и послѣ SO свѣжій, терм. — $3\frac{1}{2}^{\circ}$, небо облачное.

22-е. Яркое сіяніе со сполохами, началось въ полночь, кончилось въ $1\frac{1}{2}$ часа утра, оконечности на NO и NtW; втрѣ прежде SO тихій, при немъ NO умеренный, послѣ N свѣжій; небо ясное, терм. — 18° .

24-е. Началось въ 9 часовъ вечера появленіемъ верхней светлой полосы; чрезъ нѣсколько минутъ показался свѣтъ и снизу, и вскорѣ зажглось промежуточное пространство: потомъ стали играть сполохи, двигавшіеся къ NO. Сіяніе прекратилось послѣ полуночи; оконечности были на NOtO и NWtW; небо ясное, терм. — $28\frac{1}{4}^{\circ}$; втрѣ прежде O тихій, при сіяніи SO умерен., послѣ O тихій.

25-е. Подобно вчерашнему сіянію, но слабѣе и имѣя подъ собою на горизонтѣ темную облака. Оно продолжалось съ 5 часа вечера за полночь; оконечности межъ NO и NW; втрѣ прежде и при немъ S тих., послѣ W тихій, небо ясное, терм. — 27° .

27-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь между OtN и NWtW играли сполохи и измѣнялось сіяніе въ разнообразныя фигуры, пока не разсталось въ видѣ светлыхъ облаковъ. Небо ясное, терм. — 32° ; втрѣ прежде W тихій, при немъ O умеренный, послѣ SO тихій.

28-е. Въ видѣ обыкновеннаго сегмента, слабого свѣта и безъ сполоховъ, съ 11 часовъ вечера до 1 часа утра, межъ NOtO и NW, втрѣ прежде SO тихій, при немъ безвѣтріе, послѣ SO тих. Небо ясное, терм. — $32\frac{1}{2}^{\circ}$.

29-е. Въ видѣ едва свѣтящихся облаковъ на сѣверномъ горизонтѣ, около $\frac{1}{4}$ часа утра. Небо покрытое.

1824 года.

Январь.

3-е. После полуночи играли сполохи на XNO и все северное небо до зенита покрыто было слабо святились облаками; ветер прежде N тихий, при сиянии NO тихий, после NW тихий; небо ясное, терм. — $39\frac{3}{4}^{\circ}$.

6-е. С полуночи до 2 часов утра сияние со сполохами меж ONO и NW; ветер прежде SO умиротворенный, при немь SO свистящий и после SO свистящий; небо ясное, терм. — $31\frac{1}{2}^{\circ}$.

13-е. С 10 часов вечера за полночь сияние без сполохов меж ONN и NWtN в виде сегмента; ветер прежде SO умиротворенный, при немь NO умиротворенный, после N тихий. Небо ясное, терм. — $32\frac{1}{2}^{\circ}$.

15-е. С 9 часов вечера за полночь меж NWtW и ONO в возвышении 10° над горизонтом и со сполохами, игравшими в темной части неба под сиянием; ветер прежде SO тихий, при немь тот же, после SSO тихий. Небо ясное, терм. — $35\frac{1}{8}^{\circ}$.

16-е. С полуночи до 1 часа утра меж WNW и NO, при туманности на север горизонты, слабое сияние с приятными в W стороне сполохами; ветер прежде и после SO тихий, при немь безветрие; небо ясное, термометр — $38\frac{1}{4}^{\circ}$.

17-е. Около полуночи простояло с $\frac{1}{2}$ часа на NO весьма слабое сияние, почти на горизонте; небо ясное, терм. — $39\frac{5}{4}^{\circ}$.

23-е. С 11 часов вечера за полночь меж ONO и NWtW обыкновенное сияние со сполохами около 2° над горизонтом; небо ясное, терм. — $33\frac{1}{4}^{\circ}$.

24-е. Около полуночи $1\frac{1}{2}$ часа въ видѣ свѣтлѣющихъ облачковъ, разбросанныхъ по северному небу 8° надъ горизонтомъ, было немного сполоховъ. Небо ясное, термометръ $-31\frac{1}{2}^{\circ}$.

25-е. Съ 11 часовъ вечера за полночь межъ NO и NW значительные сполохи, выходящіе будто изъ темныхъ облачковъ; небо ясное, терм. $-29\frac{1}{2}^{\circ}$.

26-е. Съ 10 часовъ вечера за полночь межъ NO и NWtW въ видѣ двухъ свѣтлыхъ облачковъ, безъ сполоховъ; небо покрыто, терм. -28° .

Февраль.

2-е. Съ полуночи до $1\frac{1}{2}$ ч. утра, при совершенно чистомъ горизонтѣ сѣнне, въ видѣ сѣтллага пояса отъ NOtO до WNW дугообразно на высоту 10° ; въ поясѣ двигались сполохи при OSO вѣтръ дѣ западу, прежде и послѣ сѣнне тотъ же штръ; небо ясное, терм. -27° .

3-е. Съ 11 часа вечера до полуночи подобное мерцашесу сѣнню, но гораздо слабѣе; вѣтръ, прежде и послѣ SO тихій, небо ясное; терм. -31° .

11-е. Около $\frac{1}{2}$ часа утра едва приметное сѣнне близъ горизонта къ N; небо ясное, терм. $-27\frac{1}{2}^{\circ}$.

12-е. Съ 11 часа за полночь межъ OтO и NWtW около $3\frac{1}{2}^{\circ}$ надъ горизонтомъ, безъ сполоховъ; небо ясное, терм. -33° .

21-е. Въ полночь увидѣли вдругъ все небо обитымъ сѣннемъ; на северной сторонѣ сѣтъ были ярче и тамъ играли сполохи, двигаясь перпендикулярно къ горизонту; въ $\frac{1}{2}$ 1. часа сѣнне на южномъ небѣ исчезло, на западномъ же усилились сполохи, концы ниж-

ние концы пиклы красной цвѣтъ; въ 1 часъ 20 минутъ прекратилось сіяніе, ослабѣвая сперва къ NO, а потомъ къ NW. Вѣтръ прежде WNW средств. при сіяніи NNW тихій, послѣ NW малое; небо ясное, терм. — 32°.

22-е. Около полуночи къ N едва приметное сіяніе; вѣтръ прежде и послѣ отъ W к N тихій; небо ясное, терм. — 28°.

Мартъ.

2-е. Около 11 часа вечера едва приметное сіяніе къ N, небо ясное, терм. — 28°.

Сентябрь.

12-е. Съ $\frac{1}{3}$ 10 часа за полночь межъ ONO и NW при облачномъ горизонтѣ слабый свѣтъ, въ концы приметили небольшіе сіялохи, когда вѣтромъ горизонтъ очистился. Небо ясное, терм. — $5\frac{1}{3}$ °.

13-е. Съ 10 часовъ и за полночь межъ NO и NW едва приметное сіяніе; небо ясное, терм. — 9°.

20-е. Съ 11 часовъ вечера за полночь, межъ ONO и N весьма слабое сіяніе; облачное небо, терм. — 10°.

21-е. Въ 9 часовъ вечера при облачномъ небѣ показалось весьма слабое сіяніе отъ ONO до S дугою, вершина коей достигла 20° высоты надъ горизонтомъ; въ полночь при ясномъ небѣ разсѣялся свѣтъ межъ ONO и NW около 15° надъ горизонтомъ, по которому остались темные облака. Прежде безвѣтріе, при сіяніи O маловѣт., послѣ NO малое, терм. — 6°.

22-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь межъ NO и NW слабое сіяніе въ обыкновенномъ видѣ сегмента; небо ясное, терм. — 7° .

23-е. Съ 10 час. вечера за полночь къ N на горизонтѣ едва приметное сіяніе; небо ясное, терм. — $4\frac{1}{2}^{\circ}$.

25-е. Въ $\frac{1}{2}$ 9-го часа вечера къ SO едва приметное сіяніе на горизонтѣ; б. ясное небо, терм. — $7\frac{1}{2}^{\circ}$.

Октябрь.

1-е. Съ 11 часовъ вечера за полночь къ N на горизонтѣ едва приметное сіяніе; небо ясное, терм. — 15° .

3-е. Съ 10 часовъ вечера за полночь межъ SO и NNW въ видѣ продолговатаго облака слабого свѣта, 2° надъ горизонтѣмъ; небо ясное, терм. — 7° .

14-е. Въ 6 часовъ вечера къ N на горизонтѣ едва приметное сіяніе; небо пасмурное, терм. — 15° .

17-е. Съ 8 часа къ N на $1\frac{1}{4}^{\circ}$ сверхъ горизонта слабыя сполохи, прекратившіеся въ полночь, когда остался на горизонтѣ спокойный слабый свѣтъ; небо ясное, термометръ — 19° .

19-е. Съ 8 часовъ до 10 час. вечера сквозь легкій туманъ къ N слабое сіяніе, терм. — 17° .

20-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь на NO при лунѣ небо тиннооблачный горизонтъ, палъ копы сѣніе со слабыми сполохами, терм. — $17\frac{1}{2}^{\circ}$.

Ноябрь.

11-е. Съ 11 часовъ вечера за полночь межъ NO и NW слабое сіяніе обыкновеннаго вида; небо ясное, термометръ — 20° .

13-е. Съ 8 часовъ вечера за полночь, подобно потухающей за торами зари, межъ NW и NOЮ; въ полночь сіяніе усилилось отъ WNW до O, какъ слабая зари; небо ясное, терм. $+24^{\circ}$.

15-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь былъ северный горизонтъ весьма слабо освѣщенъ при туманномъ небѣ; терм. -22° .

16-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь межъ NNO и NW сіяніе обыкновеннаго вида сегмента; небо ясное, термометръ -28° .

Декабрь.

2-е. Съ 7 до 11 часовъ вечера межъ NOIN и NW въ видѣ пояса яркаго свѣта, около 6° надъ горизонтомъ; небо ясное, терм. -25° .

11-е. Съ 10 часовъ вечера за полночь, сначала въ видѣ сегмента межъ NO и WNW, потомъ съ небольшими сполохами, кои скоро потухли; небо ясное, терм. -23° .

18-е. Съ 2 часовъ до 3 часовъ утра межъ NOЮ и NW сегментами въ 3° высоты; въ немъ двигались весьма тихо отъ O къ W небольшіе сполохи при назовѣтрѣн отъ O. Я захватилъ одну улитку въ сіяніе аэраду, отъ коей зажгется слабый сполохъ и сіяніе немного усилилось; небо ясное, терм. $+26\frac{1}{4}^{\circ}$.

1822 года.

Январь.

4-е. Съ 9 до 11 часовъ вечера къ N на горизонтѣ свѣа яркѣе сіяніе; небо ясное, терм. -21° .

5-е. Съ 8 часовъ вечера за полночь яркое сіяніе межъ WtS и O; въ западной части сполохи, которые перешли къ O; вѣтры зри сіяніи W тих., послѣ безвѣтріе и прежде SO маловѣтріе; небо ясное, терм. — 21° .

6-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь межъ ONO и NNW, сіяніе съ движущимися по вѣтру сполохами; вѣтры прежде и послѣ O тихій; небо ясное, терм. — 25° .

7-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь, къ N на горизонтѣ слабое сіяніе въ видѣ облака; небо туманное, терм. — $27\frac{1}{2}^{\circ}$.

13-е. Съ 10 часовъ вечера за полночь межъ NNO и NW слабое сіяніе въ видѣ сегмента; небо облачное, терм. — $36\frac{1}{4}^{\circ}$.

the first of these is the fact that the
the second is the fact that the
the third is the fact that the
the fourth is the fact that the
the fifth is the fact that the
the sixth is the fact that the
the seventh is the fact that the
the eighth is the fact that the
the ninth is the fact that the
the tenth is the fact that the

10

III.

ТАБЛИЦА I.

=

**КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ,**

ДЛЯ ЛАНУКЪ

ВЪ НИЖНЕ-КОЛЫМСКѢ,

ВЪ 1820, 1821, 1822 и 1823 ГОДАХЪ.

==

ТАБЛИЦА МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ СЪ 21-ГО ПОЛЮСА ПО 31-Е ДЕКАБРЯ 1820 ГОДА.		
1820 годъ.	Ноябрь.	Декабрь.
Сам. боя. боя.	20 полночь 17 1/2	31 полночь 30
Терм. пошны.	22 полночь 32 1/4	31 полночь 37
Среднее	. . . . . 24. 8.	. . . . . 2 — 23 1/4.
Вѣтры.	Сильнѣе: 24-го SO и OSO. 23-го. SO. 26-го. SO. 28-го. SO. 29-го. W. 30-го. SO. Умерен. 24-го. SO. 25-го. SO. 26-го. SO. 28-го. W. Тихий и шаловат. 22. 23. 24. 25. 26. 27. слабѣе чѣмъ SO четверти.	Сильнѣе: 1. WNW. 2. SO. 4. SO. 9. SO. 15. WNW. 18. NO. 21. SO. Умерен. 1. WNW и WSW. 2. SO. 5. SO. 6. SO. 8. SO. 9. SO. 14. SW. 15. WSW и WNW. 22. NO. 23. WNW. 24. SO. 27. SW и O. Тихий и шаловат. 2. 3. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 16. 17. 18. 19. 20. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. Пль всѣхъ чет- вертей.
Туманъ и пасмурность.	23. 24. 30. Ночью стали дождливо и пасмурно.	1. 2. 4. 6. 12. 13. 15. 16. 17. 18. 19. 26. 27. прочие дни были довольно ясныя.
Морозы.	во весь мѣсяць.	во весь мѣсяць.
Снѣгъ.		12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19 и 20.
Сильное сѣверное сѣвѣе.	20. 21. 22. 23. 24. 26. 28. 29.	1. 9. 10. 11. 17. 20. 22. 24. 25. 27. 28. 29.
Круги около мѣсяца и по- бочныя столбы около мѣсяца или солнца.		20. 30. 30-го показались два по- бочныя солнца, на 22° отъ олаго удалялись.

ТАБЛИЦА МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ВЪ 1821 ГОДУ.		
1821 годъ.	Июль.	Февраль.
Полн. солнц. Терм. бол. топ. Среднее	28 утро . . . . . 20 ¹ / ₂ 8 утро . . . . . 50 ¹ / ₄ 30, 4.	12 полночь . . . . . 41 ⁰ / ₂ 18 полночь . . . . . 33 24.
Вѣтръ.	Средне: 6 и 7 отъ 50. W. W. 10. W. 11. W. WSW. и 8. 12. S. 13. S. 13. SSO. 23. O. Тихіе и малые, отъ раз- мѣтъ N; но болѣе изъ 80. четвер. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 8. 9. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 27. 29. 30. 31.	Средне: 18. S и W. 2. OSO. 3. W. 6. SO. 8. NW. 9. S. 11. NW. 13. N. 14. SO. 16. N. 17. N. 19. NW. 24. WNW. Тихій и малые, отъ раз- мѣтъ N; но болѣе изъ 80. четъ. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28.
Туманъ и пасмурность.	2. 11. 13. 16. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 23. 28 и 29. Но болѣе части стояла ясная гирланта пасмур- ности.	5. 6. 11. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 22. 26. и 27. Но болѣе части стояла дожд- ливо пасмурно, частью и об- лачно.
Морозы.	18 во весь мѣсяцъ.	18 во весь мѣсяцъ.
Снегъ.	2. 10. 13. 19. 21. 27. 28. 29 и 31. Снега нѣтъ малый и ко- роткое время.	8. 9. 11. 14. 15. 16. 19. 23 и 25. Котъ болѣе части стояла ясная пасмурно.
Градь.		
Гроза.		
Сильное сѣверное сѣверное.	3. 6. 13. 16. 17. 17. 23. 24. 25. 26. по вечерамъ и ночью; мно- го авраловъ дѣлать изъ N бѣлая облака.	3. 3. 11. 12. 21. 22.
Круги около солнца и по- бочные ста- бынныя обла- ки и мѣсяцъ.	1. 4. 25. Удаленіе отъ сѣвера все- гда около 23°.	6. 8. 12. Приливъ сѣверной Б-ой, когда по восточной круги около мѣсяца от- дѣляясь для побѣды мѣсяца.

ТАБЛИЦА
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ВЪ 1821 ГОДУ.

1821 годъ.	Мартъ.	Апрѣль.
Возвыш. макс. Терм. бол. пон. Среднее	29 утро. . . . . $41^{\circ} 0$ 12 полдень. . . . . $35^{\circ} 4$ — $45^{\circ} 7$	30 полдень. . . . . $41^{\circ} 3$ 6 полдень. . . . . 13 — $7^{\circ} 4$
Дождь.		
Вѣтры.	Сѣвѣн: 4, 5, 9, 3, NW, 10, NO, 12, NW, 24, 5, 25, SSO, 3, SO, 6, N, 10, NO, 11, 8, 12, N, 20, SW, Тихій и маловѣт. 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 и 31, съ 12-го до 24-го не замѣчалъ.	Сѣвѣн: 7, NNO, 8, NO, 28, NNO, 27, NNW, Умерен. 2, NW, 4, N, NW, 9, NNW, 12, NNW, 12, NNW, 14, NO, 15, N, 16, NNW, 24, NO, 26, N, 27, W, 30, W, Тихій и маловѣт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 28, 29, 30, болѣе изъ NW четверго.
Туманъ и спутность.	4, 9, 10, Прочіе дни были ясны. Въ лѣхоту тумана обла- ны; съ 12 до 24 не замѣ- чалъ туману.	20, 21, 28, Прочіе дни были по боль- шей части ясны.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Исключая 4, 26 и 30 весь мѣсяцъ.
Греть.		
Греть.		
Сѣверное сѣнѣ.	1, 2, 3, 8 и 22, съ 12-го до 24-го не де- лали наблюденія.	
Круги около мѣсяца и по- бочные стол- бы около солн- ца и мѣсяца.		

ТАБЛИЦА		
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ВЪ 1921 ГОДУ.		
1921 год.	Мая.	Июль.
Болѣе. позн. Тем. бол. поз. Среднее	31 познень . . . + 13 1/4 4 познень . . . + 3 Среднее . . . + 5 1/4	1 познень . . . + 13 1/4 9 познень . . . + 2 наблюдения деланы до 16 числ . . . + 10 1/4
Дождь.	6, 26 и 27.	6, 7, 8, 9 и 13 до 16 числ.
Вѣтры.	Сѣвѣе: 6, SSO, 7, SW, 3, N, 9, NW, 11, OSO, 12, OSO. Ужасе: 2, NNW, 3, WNW, 6, OSO, 14, OSO, 7, NW, 16, WSW и OSO, 15, OSO, 27, NO, 28, WNW, 31, NNO. Тихий и вѣтров: 1, 4, 5, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 24, 26, 28, 29, 30 съ разныхъ сторонъ.	Сѣвѣе: 4, OIN, 5, ONO, 6, ONO, 7, SSO, 25, W, Ужасе: 2, NNW, 3, W, 4, OIN, 7, SO, 9, WWS, 13, W, 15, WWS. Тихий и вѣтров: 1, 3, 8, 10, 11, 13 и 15. Въ остальныхъ числахъ вѣтры были вообще NW сѣвѣе вѣтры.
Туманъ и туманность.	3, 4, 23. проче дни по большае части ясные.	Несколько облачныхъ дней было поуте туману; тумановъ не было.
Морозы.	1, 2, 3, 4, 5, 7, 8 и 9.	Въ нѣкоторыя числа ощущался термом. ниже 0.
Снегъ.	2, 3, 6, 7 и 9, вообще мокрый снегъ.	Въ нѣкоторыя числа выпалъ мокрый снегъ.
Градъ.	6.	
Гроза.		13 слышны были громъ и слухъ.
Сильное сѣвѣе.		
Круги около солнца и по бокамъ столба около солнца и мѣсяца.		

ТАБЛИЦА		
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ВЪ 1821 ГОДУ.		
1821 годъ.	Июль.	Августъ.
Возвѣщ. повож. Тери. повож. Среднее	Не давалъ никакихъ таблицъ.	метеорологическихъ дней.
Дождь.	Въ началѣ мѣсяца было дождя.	Въ первой половинѣ было дождя, крупной 21 в.
Вѣтры.	Вообще дули N и NW и W сильнѣ вѣтры.	Вообще дули S и SO. Пер- вое сильнѣе, въ послѣдней половинѣ чаще W и NW сильнѣе.
Туманы и пасмурность.	Тумановъ не было, а по большой части облачно- ебо.	По ночамъ жестоки туман- ы, дни облачны, однако въ началѣ было и ясное время.
Морозы.	Въ продолженіи мѣсяца опускался термом. нѣко- лько разъ ниже 0.	Съ 22 м. подымался тер- мом. только выше 0. Въ началѣ было и теплое вре- мя.
Снеги.	Мокрый снегъ падалъ часто.	Съ 22 ч. начался снегъ, который болѣе не сходилъ, и послѣ того часто шелъ снегъ.
Градъ.	не было.	
Грозы.	не было.	
Сильный снѣгъ.		
Круги около лунны и по- бочные слои около сол- нца и кометы.		

ТАБЛИЦА МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ВЪ 1821 ГОДУ.		
1821 годъ.	СЕНТЯБРЬ.	ОКТАБРЬ.
Божищ. возн. Терм. нощна: Среднее	12 полдень . . . . . 6° 30 полдень . . . . . 18 — 6	3 полдень . . . . . 3° 13 полдень . . . . . 26 — 14
Дождь.	Сильнѣе 1. W и NW. 4. NW. 3. NW. 11. 12. N. 13. N. 17. W и S. 19. W. 20. SW. 21. O и OSO. 24. SSO. 25. NW. 26. N. 27. N. Умѣрен. 2. NW. 5. NW. 11. NW. 16. S. 15 и 16. S. 18. S и SW и O. 22. O. 23. SO. 24. SSO.	Сильнѣе 1. OSO. 3. OSO. 27. SO. 30. SW. Умѣрен. 1. O. 4. OSO. 6. WNW. 15. W. 25. SO. 26. SO. 28. SO. 29. SO. Тихѣе и слабѣе. 1. S. 6. O. 7. S. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 31. Ночь SW и северна дула, весьма удула, а иногда дула совершенно безшумна.
Вѣтры.	Тихо и маловѣтріе: 2. 3. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 14. 15. 18. 21. 22. 25. 28. 29. 30. болѣе или NW и NO чет- вертей.	Ночь SW и северна дула, весьма удула, а иногда дула совершенно безшумна.
Туманъ и пасмурность.	3. 5. 6. 9. 14. 16. 17. 25. 26. 27. 29. Вообще небо было обла- но, иногда дней не было.	6. 8. 9. 10. 12. 13. 14. 15. 16. 18. 19. 24. 22. 23. 25. 28. 29 и 30. Вообще стояла густая и весьма скорая туманъ.
Морозы.	Во весь мѣсяць.	Во весь мѣсяць.
Снеги.	2. 3. 6. 14. 16. 19. 25. 26. 27 и 29.	5. 6. 7. 9. 14. 15. 22 и 29.
Градъ.		
Гроза.		
Сильное сильнѣе.	12. 13. 20. 21. 22. 23 и 25. слабѣе	1. 3. 14. 17. 19 и 20. сильнѣе
Круги около мѣсяца и по- бочные стол- бы около солн- ца и мѣсяца.	29 круги около мѣсяца, диаметръ около 50°.	

ТАБЛИЦА МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ВЪ 1821 ГОДУ.		
1821 года.	Ноябрь.	Декабрь.
Больш. вѣс. . . . . Бороз. шимм. . . . . Среднее	9 полдень . . . . . $11\frac{1}{2}$ 29 полночь . . . . . 35 — $20\frac{1}{2}$	13 утро и полдень 18 27 полночь . . . . . 38 — $26\frac{1}{2}$
Дождь.		
Вѣтры.	Своими: 0, S, O, 10, 16, W, SW и W. 17, NW. 19, K. 27, WNW. 30, NW. Утрен. 9, 30 и SW 12, O. 19, NW. 23, SW. 24, K. 26, SW. 27, NW. Тихий и шимм: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27 и 29 изъ всѣхъ четвертей.	Своими: 1, W. 2, SW и SSO. 7, WSW. 8, NW. Утрен. 2, SSO. 7, WSW. 8, NW и W. 10, WNW. 13, W. 16, NW. 23, O. Тихий и малое. Во весь мѣсяцъ дули болѣе изъ 50 четвертей тихихъ вѣтровъ.
Туманы и пасмурность.	6, 7, 22, 24, 26, 17, 10, 21, 23, 24, 28, 26 и 30. Тумановъ не было. Пасмурности вѣсьма мало; а иногда короче.	1, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 28 и 29. Тумановъ не было. Лесные дни 4, 5 и 27; въ прочие дни морозъ.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Во весь мѣсяцъ.
Снегъ.	9, 12, 13, 18, 23 и 30.	9, 13 и 29.
Градь.		
Грозы.		
Слѣдств. сильнѣе.	12, 13, 15 и 10. слабѣе сильнѣе.	3, 11 и 17.
Врута около луны и по бокамъ ея: было около полночи и вѣсели.	10, 19 и 25. 19 ч. было примѣтнѣе: около полночи: около мѣсяца въ изъ.	1, 22, 23, 25 и 30. Круги около луны.
	<div style="text-align: center;"> </div>	

ТАБЛИЦА		
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ВЪ 1822 ГОДУ.		
1822 годъ.	Январь.	Февраль съ 18 ч.
Выш. поз.	32 утро . . . . . 11°	30 полдень и вѣч. 15
Тем. мѣс. пом.	14 д. и полдень . . 35°	1 полночь 36
Среднее	— 27	— 24°
Вѣтры.	Сѣвѣе 5, SO 10, 17, SSO, 18, 0 и OS, 21, SO, 22, SO, 26, SO. Туман, морозъ и безвѣтріе: почти во весь мѣсяцъ и болѣе нѣз SO четверти.	Враніе: 14, 18 и 19 SSO; сѣвѣе в утрѣхъ 7, W, 10, NW, 11, WNW, 12, W, 13, SO и O, 18, SO, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 и 31. Туман, морозъ и безвѣтріе: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21 и 22 отъ полудня рѣдко.
Листо днѣ.	1, 3, 6, 7, 22, 30 и 31.	1, 2, 3, 4, 6, 18, 11, 15, 16, 18, 23, 24, 28, 29, 27 и 28.
Туманъ и пасмурность.	2, 3, 11, 24 и 29 туманъ; во время прочіе дни были морозныя.	5, 7 и 11, туманъ; во время прочіе дни стояла морозъ.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Во весь мѣсяцъ.
Снѣгъ.	26, 27 и 29. Въ сіи дни перепадалъ небольшой снѣгъ.	5, 7, 11 и 20.
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное свѣтѣ.	4, 5, 6, 7 и 13, по вечерамъ.	9 слабѣе.
Кругъ около мѣсяца и большіе столбы около мѣсяца или солнца.	15, черезъ мѣсяцъ крестъ; 23, кругъ около луны.	

ТАБЛИЦА МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ВЪ 1822 ГОДУ.		
1822 годъ.	Мѣсяцъ до 9-го числа.	Ангиль.
Болни. жара. Терм. макс. пос. Среднее.	7 подднемъ. . . . 18° 7 полночь. . . . 22°	
Дождь.		
Вѣтры.	Сильнѣе: 2. SW. 3. W. 4. SW. 5. NW. 6. SW. Тихѣе: 1 и 6. Маловѣтрно: 7. 8 и 9 бо- льше изъ NW четверти.	
Ясные дни. Туманъ и пасмурнасть.	1. 2. 7 и 8. 3. тумановъ не было, сто- яли морозные дни.	
Морозы.		
Снѣгъ.	3. мокрый.	
Градъ.		
Гроза.		
Сильное снѣго.	8 и 9.	
Круги около луны и до- брые сто- белко-и-вѣ- тра или сонныя.		

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ВЪ 1822 ГОДУ.

1822 годъ.	Май съ 8 числа.	Июнь съ 1-го по 23 чис.
Возв. возз. Терм. вѣт. доз. Среднее	27 поддвѣ . . . + 12 12 подвѣ . . . + 8 + 2 3/4	1 подвѣ . . . + 14 12 подвѣ . . . + 1 1/2 + 5 3/4
Дождь.	10, 16, 17, 21, 28 и 29.	2, 3, 5, 7, 11, 12, 16, 18 и 21. большіе были про- ливные.
Вѣтры.	Крѣпкіе: 7 и 8, SO, 17, W, NW, 18, WNW, 28, NW. Слабые и умерен. 12, N, 13, NNW, 14, O, 15, SW, 16, W, 23, NO и NNO, 22, NNO, 23, NW, 30, NW. Тихіе: 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 22, 25, 26, 27, 29 и 31. Маловѣт. и безвѣт. 19, 20 и 22 отъ вѣтра K.	Слабые и умерен. 2, SO, 3, N, 5, N, 8, N, 9, NW, 10, N, 11, N, 13, N, 16, 17, N, 18, 21 и 22, N, Тихіе: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8 и 9. 11, 12, 13, 14, 15, 17, 19, 20 и 21. болышею частью отъ N. Маловѣтис и безвѣт. 1, 5, 6, 9 и 13. болышею чис- тно между N и O.
Ясные дн. Туманъ и пасмурность.	Ясные дн. 24, 25 и 27. Туманъ: 28 и 30. болышею частью стояли облачные дн.	1, 14 и 15. Прочіе дн. были облач- ные. Туманъ 3.
Морозы.	Термометръ четыре раза показывалъ 0, а 29 пока- завъ 1°.	
Снегъ.	11, 16, 18 и 22.	
Градъ.		
Гроза.		
Сильное вѣтѣ.		
Круга около лунныя и по- добныя сто- бы около луны и въ сумракѣ.		

ТАБЛИЦА МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНІЙ въ 1822 году.		
1822 годъ.	Августъ съ 12 ч.	Сентябрь съ 12 ч.
Полнѣе, вѣтръ. Терм. поминк. Среднее		16 вѣчеръ . . . + 3 24 утро . . . . . 10° — 3°
Дождь.		
Вѣтры.	въ присутствіи, въ наблюдѣн:	Вѣтры: 11, 080. Сильнѣе вѣтра: 11, 080. 15, 0 и 045, 20, 20, 23, 27, 20, 28, 0, 20, 0. Тихіе: 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 и 30 отъ вѣтра К. Магнетизмъ и барометр. 16 и 30 между 8 и 0.
Ясные дни.	за отъсутствіемъ, въ наблюдѣн:	12, 13, 22 и 24.
Туманы и пасмурность.	за отъсутствіемъ, въ наблюдѣн:	17, 18 и 23; прочие дни были обычные; тумановъ не было.
Морозы.	за отъсутствіемъ, въ наблюдѣн:	во весь вѣсѣнь не было.
Снеги.	за отъсутствіемъ, въ наблюдѣн:	16, 17, 18, 23, 27, 29 и 30.
Грозы.		
Ливни.		
Сильное снѣго.		5, вѣсѣнь слабѣе.
Круги около луны, столбы около вѣсѣльи и солнца.		6, вѣсѣнь слабѣе столбы около солнца.

ТАБЛИЦА		
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ЛЬ 1822 ГОДУ.		
1822 годъ.	Декабрь.	
Ветры. макс. Терм. макс. Среднее	14 утро . . . . . 4 17 полдень . . . . . 33 — 26	
Дождь.		
Ветры.	Сильные WIN и WNW. 2, 6, NNW. 7, W. Тихие: 1, 3, 8, 9, 10, 21, 23, 27, 28, 30 и 31. Большаго числа отъ NO. Маловатые и безвѣт. 4, 5, 9, 10, 14, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28 и 29, но болшей части между 8 и 0.	
Наше дн.	1, 10, 21, 24, 26, 27, 28, 29, 30 и 31.	
Насмурное и облачные туманы.	2, 3, 5, 7, 8, 9 и 11. Тумановъ не было въ прочие дни мороза.	
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	
Снѣгъ.	3, 8, 7, 8, 11, 18 и 19.	
Ледъ.		
Грозь.		
Сильные снѣги.		
Буря: около лунны, сильныя около вѣтра и болше.	3, снѣгохъ по ветру небу, 4, 5, 24 и 29, снѣгохъ снѣгохъ.	

ТАБЛИЦА		
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ВЪ 1823 ГОДУ.		
1823 годъ.	Январь.	Февраль.
Большая вода.	24 вечера и полночь 13	8 полдень и веч. 3
Терм. поиним.	10 во все сутки. 37	18 утро 30 1/2
Среднее	— 26	— 22
Дождь.		
Ветры	Краніе: 3, N. Свѣжіе и утирен. 3, W. 10, W. 17, 8, 19, N. 20, NNW. 21, WNW и NW. 22, W. 31, SO. Тихіе: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24 и до 31, отъ вѣтра N. Маловетры и безвет. 7, 18, 23 и 27 между N и O.	Краніе: 3, 8. Свѣжіе и утирен. 2, SO. 3, 8, 4, 5, 5, NW. Тихіе: 1, 2, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 24 и 25. Маловетры и безвет. 4, 6, 6, 14, 16, 17, 20, 26 и 27 отъ вѣтра R.
Ясное дни.	9, 10 и 29.	3, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 24, 25, 26, 27, и 28.
Пасмурно, облачно и туманъ.	1, 4, 5, 6. Прочіе морозны. Не было.	Во врое для мороза. Тумановъ не было.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Во весь мѣсяцъ.
Снегъ.	19.	
Градъ.		
Гроза.		
Сильное снѣгъ.		24 и 28.
Кругъ около мѣсяца и столба около луны и солнца		

ТАБЛИЦА		
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ВЪ 1823 ГОДУ.		
1823 годъ.	Мѣсяць ию 14 числ.	
Больш. дожд.	13 полдень 79	
Мелк. дожд.	30 полдень 30 1/2	
Среднее		
Дождь.		
Вѣтры.	Сильные и умеренные: 3, SW, 12, SSW, 14, W, тихие: 3, 9, 10 и 11. Безветрие и шаловат. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13 и 14.	
Ясные дни.	1, 2, 6, 7, 8 и 9.	
Пасмурно, облачно и туманъ.	3, 4, 9, 10, 11, 12, 13 и 14. Въ прочіе жарокъ. Тумановъ не было.	
Морозы.		
Снѣгъ.	2, 10, 11, 12 и 13. Небольшіе снѣги.	
Градъ.		
Гроза.		
Сильное сіяніе.		
Кругъ около солнца и столбы около луны и кометы.	11. около луны кругъ.	

IV.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О ВѢТРАХЪ.

—

Сѣверъ. Рѣдко дуетъ свѣжій и недолго стоитъ; въ лѣтніе мѣсяцы бываетъ чаще, нежели въ зимніе; зимою приноситъ туманъ и тепло; при немъ термометръ рѣдко показываетъ ниже 23° ; лѣтомъ бываетъ холодный.

Сѣверо-востокъ, а чаще СНО. Рѣдко дуетъ долго и съ силою. Вообще очищаетъ воздухъ отъ тумановъ, при чемъ лѣтомъ термометръ подымается, а зимою опускается. Надъ барометромъ большой переносы не производятъ. Зимой при семъ вѣтрѣ часто случаются сверкныя сіянія.

Юго-востокъ. Можно почитать господствующимъ зимою и осенью. Изъ очищается воздухъ отъ тумановъ. $SOtO\frac{1}{2}$ и $SOtO$ дуетъ въ срединѣ зимы, иногда съ большою силою, и приноситъ удивительное тепло: съ 25° термометръ вдругъ подымается на 3° , а иногда и выше 0° ; снегъ таетъ, и льдины, вставленныя въ окна, выпадаютъ. Ртуть въ барометрѣ передъ тѣмъ опускается всегда, въ продолженіе 8 часовъ, на 0, 4 дюйма. SSO очищаетъ воздухъ, не при-

носить приятного тепла и не показывает большого влияния на барометр. После Ю. В. ветров вообще, а больше после OES и O, случаются *сверзные сияния*.

Югъ. Дуетъ редко сильно; нагоняетъ облака и не оказываетъ влияния ни на барометръ, ни на термометръ.

Юго-западъ. Сильно дуетъ редко, и тогда никакихъ особенныхъ переменъ на температуру воздуха не оказываетъ, а если бываетъ тихий зимой, то обыкновенно холодный и пронзительные вѣсѣхъ ветровъ. Жители называютъ его особенно *малюшкѣ* или *сиуль*.

Западъ и Северозападъ. Оба сѣ ветра, и особенно сѣверо-западный, дуютъ въ продолженіе года чаще вѣсѣхъ, и какъ SO господствующій зимою, такъ NW лѣтомъ. Однако жъ и зимою дуетъ онъ часто и долѣе другихъ ветровъ протавиваетъ; лѣтомъ приносить холодъ, а зимою снѣгъ, ягель и испашье; надъ барометромъ и термометромъ особеннаго влияния не оказываетъ. По направленію снѣжныхъ застрругъ на льду моря, заключить должно, что зимою господствуютъ тамъ западъ и востокъ или вѣтры WNW и OSO.

V.

ТАБЛИЦА II.

ТЕРМОМЕТРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ,

въ Инжен.-Колымскъ, въ широтѣ 68° 32' N.

Приложение. Спиртовый термометръ раздѣленія Реомюра, работы мастера Роснина.

ВЪ 1820 ГОДУ.

Мѣсяцы.	Число.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Октябрь.	21	29°, 7	29°, 0	28°, 2	27°, 0
	22	29, 0	30, 8	32, 0	32, 3
	23	31, 8	29, 6	27, 0	26, 3
	24	28, 7	27, 0	27, 0	24, 0
	25	25, 0	25, 5	24, 5	23, 0
	26	19, 0	18, 0	20, 5	23, 0
	27	22, 4	23, 0	25, 5	25, 5
	28	24, 0	23, 5	23, 0	23, 0
	29	20, 0	19, 5	18, 0	17, 5
	30	20, 0	24, 0	23, 0	23, 2
	Среднее...	24, 8	24, 85	25, 07	24, 72
Декабрь.	— 24°, 81				
	1	17, 2	15, 0	23, 0	24, 2
	2	24, 7	25, 0	23, 2	23, 2
	3	23, 0	26, 0	24, 0	20, 5
	4	23, 0	24, 0	27, 0	22, 5
	5	24, 0	24, 5	23, 0	22, 0
	6	21, 0	20, 0	22, 0	17, 3
	7	28, 0	19, 0	19, 0	21, 5
	8	20, 3	18, 2	21, 0	24, 0
	9	23, 7	23, 0	21, 5	18, 2
	10	20, 5	21, 2	22, 0	23, 0
	11	23, 0	24, 2	19, 0	13, 0
	12	15, 0	12, 5	10, 2	12, 8
	13	16, 0	15, 5	15, 0	12, 5
	14	16, 3	15, 7	20, 0	21, 7
	15	21, 2	23, 0	23, 5	20, 7
	16	20, 5	21, 0	21, 5	20, 5
	17	18, 0	19, 0	19, 0	22, 0
	18	21, 0	19, 5	23, 5	22, 0
	19	14, 0	13, 0	13, 0	13, 0
	По всему столбцу за 29 дней Декаб.				
	Среднее...	21, 61	21, 4	21, 04	21, 52

Месяцы.	Июль.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Декабрь.	30	149, 2	167, —	119, 3	99, 5
	31	8, —	6, 8	5, —	3, —
	32	11, 2	12, 0	13, —	18, 3
	33	21, 0	22, 7	28, 8	29, —
	34	32, —	31, —	30, 5	39, 2
	35	28, 5	29, —	28, 8	27, —
	36	30, 5	30, —	30, —	27, —
	37	29, 7	30, —	32, 8	32, 5
	38	29, 5	29, —	29, 5	32, 5
	39	31, 2	32, —	32, 7	32, —
	40	32, 2	33, —	33, —	34, —
	41	33, 7	34, —	35, —	37, —
Среднее...		22, 0	21, 73	23, 36	22, 02

... 23°, 63

ВЪ 1831 ГОДУ.

Месяцы.	Июль.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Январь.	1	330, 0	312, 0	290, 0	275, 5
	2	322, 2	302, 5	285, 5	269, 2
	3	318, —	298, 7	280, 2	264, 7
	4	309, —	288, 7	270, 8	259, —
	5	300, 3	280, —	260, —	250, —
	6	277, —	257, —	237, 7	227, 5
	7	269, 0	250, 7	230, —	220, 2
	8	255, —	235, —	215, —	205, —
	9	240, 7	220, 2	200, 5	190, —
	10	227, —	207, 2	187, 2	177, 5
	11	218, 5	198, 5	178, 5	168, 2
	12	209, 2	189, 2	169, 2	159, 5
	13	201, 7	181, 7	161, 7	151, —
	14	193, —	173, 2	153, 5	143, 3
	15	184, —	164, —	144, 0	134, 2
	16	175, 0	155, 0	135, 0	125, 2
	17	166, —	146, 7	126, 7	116, 3
	18	157, 0	137, —	117, —	107, 3
	19	148, 2	128, 2	108, 2	98, 3
Среднее...		30, 00	29, 87	30, 34	29, 10
По роному стилю за Январь.	20	30, 0	30, 5	29, 2	28, —
	21	30, 2	30, 2	29, 2	28, —
	22	31, —	31, —	30, 5	29, 2
	23	32, —	31, 5	30, 5	29, 2
	24	33, 7	32, 7	31, 7	30, 5
	25	34, —	33, 6	32, 5	31, 5
	26	35, —	34, 5	33, —	32, —
	27	36, —	35, 5	34, —	33, —
	28	37, 3	36, 5	35, —	34, 2
	29	38, 5	37, 5	36, 2	35, 2
	30	39, 2	38, 5	37, 2	36, 3
	31	40, 2	39, —	38, —	37, 3
Среднее...		31, 63	30, 88	31, 4	30, 45

— 31°, 38

[illegible][illegible]

Measure.	8 sec.	12 sec.	6 sec.	12 sec.
Aspirate.	33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100	33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100	33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100	33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100
Measure.	8 sec.	12 sec.	6 sec.	12 sec.
Aspirate.	33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100	33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100	33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100	33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

[illegible]

Минуты.	1 час.	2 час.	3 час.	4 час.
Сентябрь.				
23	— 8°, 3	— 2°, 0	— 29°, 0	— 4°, 3
24	4, 4	4, 2	1, 5	1, 3
25	3, 2	2, 4	7, 3	7, 3
26	0, 0	7, 3	40, 3	13, 5
27	12, 10	10, 12	13, 13	13, 13
28	15, 8	13, 14	47, 17	47, 17
29	16, 12	12, 14	43, 13	43, 13
30	17, 8	14, 15	15, 3	48, 18
Среднее	— 6, 84	— 4, 43	— 5, 22	— 7, 37
— 6°, 62				
Октябрь.				
1	— 18,	— 12, 2	— 43, 8	— 13, 5
2	14, 10	8, 7	7, 5	7, 5
3	8, 3	3, 4	6, 8	9, 3
4	6, 4	4, 5	6, 8	8, 3
5	12, 8	8, 10	11, 13	15, 17
6	10, 10	8, 10	40, 40	40, 40
7	10, 10	8, 10	40, 40	40, 40
8	10, 10	8, 10	40, 40	40, 40
9	12, 11	13, 15	17, 17	17, 17
10	15, 15	15, 17	24, 24	24, 24
11	22, 19	22, 22	26, 26	26, 26
12	23, 20	22, 22	26, 26	26, 26
13	24, 20	24, 26	26, 26	26, 26
14	18, 15	15, 17	17, 17	17, 17
15	17, 17	17, 17	18, 18	18, 18
16	12, 15	15, 17	17, 17	17, 17
17	17, 17	17, 17	19, 19	19, 19
18	16, 16	16, 17	21, 21	21, 21
19	19, 18	18, 17	16, 16	16, 16
Среднее	— 12, 73	— 10, 2	— 11, 37	— 13, 42
20	11, 11	11, 13	17, 17	17, 17
21	17, 15	16, 16	16, 16	16, 16
22	15, 15	15, 13	13, 13	13, 13
23	14, 14	14, 14	14, 14	14, 14
24	15, 14	14, 13	16, 16	16, 16
25	15, 15	15, 17	24, 24	24, 24
26	22, 20	20, 21	21, 21	21, 21
27	17, 15	15, 14	14, 14	14, 14
28	10, 8	8, 7	7, 7	7, 7
29	11, 11	11, 10	11, 11	11, 11
30	15, 15	15, 16	20, 20	20, 20
31	20, 19	19, 20	21, 21	21, 21
Среднее	— 11, 58	— 10, 01	— 13, 09	— 13, 23
— 14°, 23				

Минуты.	1 час.	2 час.	3 час.	4 час.
Октябрь.				
1	— 21,	— 20,	— 22,	— 26,
2	14, 14	17, 17	17, 17	18, 18
3	12, 12	10, 10	20, 20	21, 21
4	20, 20	21, 21	21, 21	19, 19
5	9, 9	9, 9	9, 9	10, 10
6	13, 13	13, 13	16, 16	17, 17
7	20, 21	21, 22	22, 21	21, 21
8	9, 10	10, 11	11, 10	10, 10
9	2, 1	1, 2	2, 1	12, 12
10	17, 18	18, 20	20, 20	22, 20
11	21, 20	20, 20	20, 20	20, 20
12	14, 13	13, 16	16, 17	17, 17
13	17, 19	19, 20	20, 20	20, 20
14	20, 20	20, 20	20, 20	20, 20
15	17, 19	19, 20	20, 20	20, 20
16	20, 20	20, 20	27, 27	27, 27
17	22, 23	23, 23	23, 23	21, 21
18	22, 23	23, 23	23, 23	21, 21
Среднее	— 16, 34	— 16, 05	— 16, 05	— 17, 6
19	20, 20	20, 20	20, 20	24, 24
20	23, 23	23, 23	24, 24	25, 25
21	30, 30	30, 30	30, 30	28, 28
22	21, 21	21, 21	22, 22	22, 22
23	23, 23	23, 23	23, 23	23, 23
24	24, 24	24, 24	24, 24	24, 24
25	18, 18	18, 18	20, 20	21, 21
26	25, 25	25, 25	25, 25	25, 25
27	24, 24	24, 24	24, 24	24, 24
28	29, 29	29, 29	29, 29	29, 29
29	31, 31	31, 31	31, 31	31, 31
30	32, 32	32, 32	32, 32	32, 32
Среднее	— 20, 18	— 20, 41	— 21, 41	— 21, 72
— 20°, 87				
Дектябрь.				
1	— 21, 0	— 22, 0	— 23, 0	— 23, 3
2	18, 18	18, 18	22, 22	23, 23
3	26, 26	26, 26	26, 26	26, 26
4	27, 27	27, 27	27, 27	27, 27
5	30, 30	30, 30	32, 32	33, 33
6	33, 33	33, 33	33, 33	34, 34
7	34, 34	34, 34	34, 34	35, 35
8	35, 35	35, 35	35, 35	35, 35
9	35, 35	35, 35	35, 35	35, 35
10	35, 35	35, 35	35, 35	35, 35

Месяц.	Число.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Декабрь.	11	— 10°, 5	— 20°, 4	— 20°, 5	— 23°, 5
	12	21, 5	21, 5	20, 5	21, 5
	13	18, 5	18, 5	20, 5	21, 5
	14	22, 5	21, 5	21, 5	20, 5
	15	20, 5	20, 5	20, 5	21, 5
	16	22, 5	21, 5	21, 5	21, 5
	17	23, 5	22, 5	21, 5	20, 5
	18	31, 5	31, 5	24, 5	27, 5
	19	29, 5	25, 5	24, 5	31, 5
По порядку дню за Декабрь.	Среднее	— 25, 03	— 24, 33	— 24, 29	— 25, 10
	20	32, 5	31, 5	30, 5	28, 5
	21	28, 5	28, 5	28, 5	28, 5
	22	25, 5	25, 5	25, 5	25, 5
	23	28, 5	28, 5	28, 5	28, 5
	24	31, 5	32, 5	32, 5	32, 5
	25	30, 5	30, 5	27, 5	31, 5
	26	31, 5	32, 5	31, 5	33, 5
	27	34, 5	35, 5	37, 5	38, 5
	28	34, 5	33, 5	32, 5	30, 5
	29	29, 5	27, 5	26, 5	29, 5
	30	28, 5	30, 5	31, 5	32, 5
	31	30, 5	30, 5	31, 5	32, 5
Среднее	—	— 26, 25	— 26, 30	— 26, 30	— 27, 25

— 24°, 51

ВЪ 1892 ГОДУ.

Месяц.	Число.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Январь.	1	33°, 5	33°, 5	33°, 5	33°, 5
	2	31, 5	30, 5	29, 5	27, 5
	3	29, 5	29, 5	22, 5	20, 5
	4	26, 5	18, 5	20, 5	24, 5
	5	13, 5	14, 5	16, 5	18, 5
	6	25, 5	25, 5	26, 5	25, 5
	7	29, 5	29, 5	27, 5	27, 5
	8	28, 5	28, 5	27, 5	27, 5
	9	23, 5	22, 5	22, 5	23, 5
	10	23, 5	27, 5	28, 5	31, 5
	11	24, 5	24, 5	27, 5	29, 5
	12	27, 5	27, 5	28, 5	30, 5
	13	32, 5	32, 5	33, 5	36, 5
	14	33, 5	34, 5	35, 5	35, 5
	15	31, 5	34, 5	35, 5	35, 5
	16	33, 5	33, 5	33, 5	33, 5
	17	30, 5	30, 5	30, 5	30, 5
	18	30, 5	29, 5	30, 5	30, 5
	19	31, 5	31, 5	31, 5	31, 5
По порядку дню за Январь.	Среднее	— 28, 57	— 28, 73	— 29, 0	— 29, 3
	20	27, 5	24, 5	29, 5	17, 5
	21	21, 5	17, 5	12, 5	10, 5
	22	11, 5	12, 5	17, 5	24, 5
	23	26, 5	25, 5	23, 5	20, 5
	24	29, 5	25, 5	24, 5	28, 5
	25	27, 5	28, 5	29, 5	28, 5
	26	25, 5	28, 5	29, 5	29, 5
	27	21, 5	20, 5	23, 5	27, 5
	28	30, 5	28, 5	29, 5	31, 5
	29	24, 5	24, 5	27, 5	30, 5
	30	31, 5	32, 5	33, 5	33, 5
	31	31, 5	31, 5	33, 5	33, 5
Среднее	—	— 27, 24	— 26, 32	— 28, 01	— 27, 25

— 26°, 63

Месяцы.	Час.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Февраль.	1	34°	— 35°	— 36°	— 36°
	2	33, 5	33,	34,	34,
	3	34,	33,	34,	34,
	4	34,	32,	34,	30, 5
	5	33,	32, 5	33,	30,
	6	33,	33,	34,	30,
	7	30,	30,	32,	23,
	8	30, 5	22,	23,	23,
	9	27,	34,	26,	26,
	10	30,	28,	27,	25,
	11	17, 5	16,	16,	20,
	12	22,	21,	22,	24,
	13	26, 5	29, 5	23,	23,
	14	30, 0	27,	34,	31,
	15	32, 0	27,	25,	31,
	16	32, 0	27, 5	27,	30,
Среднее	...	— 27, 34	— 32, 02	— 29, 03	— 26, 75
По новому стилю из Февраля.	17	32, 0	27,	25,	26,
	18	30,	30,	28,	25,
	19	22,	20,	19,	18,
	20	17, 5	18,	15,	20,
	21	20,	16,	18,	16,
	22	17,	16,	25,	37,
	23	30,	22, 3	28,	28,
	24	26, 0	20,	22,	20,
	25	24,	18,	20,	33,
	26	25,	10,	17,	23,
	27	29,	20,	20,	21,
	28	24,	17,	18,	29,
Среднее	...	— 26, 8	— 22, 04	— 22, 34	— 25, 07
— 21° 58					
Март.	1	— 23,	25,	21,	25,
	2	26,	22,	23, 5	23, 5
	3	23,	20,	22,	24,
	4	25,	20,	20,	21,
	5	21, 3	19,	20,	23,
	6	25,	20,	21,	20,
	7	25,	18,	20,	20, 5
	8	25,	20,	21,	21,
	9	28,	20,	21,	24,
	10	28,	20,	21,	24,
Среднее	...	— 24, 53	— 20, 13	— 21, 72	— 24, 44
— 22° 37					

Месяцы.	Час.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
По новому стилю из 21 д. Марта.					
Среднее	...	— 24°, 53	— 10°, 53	— 21°, 23	— 24°, 4
Май.	1	—	—	—	—
	2	—	—	—	—
	3	—	—	—	—
	4	—	—	—	—
	5	—	—	—	—
	6	—	—	—	—
	7	—	—	—	—
	8	—	—	—	—
	9	—	—	—	—
	10	—	—	—	—
	11	—	—	—	—
	12	—	—	—	—
	13	—	—	—	—
	14	—	—	—	—
	15	—	—	—	—
	16	—	—	—	—
	17	—	—	—	—
	18	—	—	—	—
	19	—	—	—	—
Среднее	...	— 2°, 12	— 3°, 37	— 1°, 30	— 0°, 0
По новому стилю из 12 д. Мая.					
Среднее	...	— 2°, 12	— 3°, 37	— 1°, 30	— 0°, 0
Июль.	1	—	—	—	—
	2	—	—	—	—
	3	—	—	—	—
	4	—	—	—	—
	5	—	—	—	—
	6	—	—	—	—
	7	—	—	—	—
	8	—	—	—	—
	9	—	—	—	—
	10	—	—	—	—
	11	—	—	—	—
	12	—	—	—	—
	13	—	—	—	—
	14	—	—	—	—
Среднее	...	— 4°, 24	— 6°, 50	— 5°, 37	— 1°, 1
+ 5° 47					

Месяц.	Число	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Июль.	10	+ 7.	+ 12.	+ 8.	+ 3.
	11	5.	7.	6.	1.
	12	3.	6.	4.	3.
	13	6.	10.	7.	3.
	14	3.	9.	8.	3.
	15	10.	16.	12.	8.
По новому стилю	16	6.	10.	8.	4.
на 1918.	17	2.	7.	6.	2.
	18	1.	6.	5.	1.
Среднее ...		+ 4, 94	+ 1, 97	+ 6, 9	+ 2, 97
	19	6.	3.	7.	3.
	20	6.	8.	6.	6.
	21	3.	6.	6.	2.
	22	3.	6.	6.	3.
Среднее ...		+ 5, 14	+ 8, 16	+ 6, 23	+ 3, 31
		+ 30, 54			
Сентябрь.	12	- 2, 0	- 0, 8	- 0, 5	- 4, 0
	13	- 4, 0	- 0, 5	- 0, 3	- 3, 3
	14	- 2, 0	- 1, 1	- 1, 1	- 1, 1
	15	+ 1, 2	+ 2, 8	+ 3, 7	+ 1, 4
По новому стилю	16	+ 2, 8	+ 3, 8	+ 4, 3	+ 2, 8
на 7 д. Сентября	17	- 2, 8	- 3, 8	- 4, 3	- 2, 8
	18	- 3, 3	- 4, 3	- 4, 3	- 4, 3
Среднее ...		- 1, 4	- 0, 33	+ 0, 1	- 1, 24
	19	- 3, 8	- 3, 8	- 3, 8	- 3, 8
	20	3, 5	3, 5	3, 5	3, 5
	21	3, 5	3, 5	3, 5	3, 5
	22	4, 5	4, 5	4, 5	4, 5
	23	4, 5	4, 5	4, 5	4, 5
	24	10, 5	7, 5	7, 5	7, 5
	25	7, 5	7, 5	7, 5	7, 5
	26	10, 5	7, 5	7, 5	7, 5
	27	10, 5	7, 5	7, 5	7, 5
	28	10, 5	7, 5	7, 5	7, 5
	29	7, 5	7, 5	7, 5	7, 5
	30	3, 5	3, 5	3, 5	3, 5
Среднее ...		- 1, 58	- 2, 63	- 3, 19	- 1, 72
		- 30, 78			

Месяц.	Число	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Октябрь.	1	- 40, 7	- 40, 0	- 40, 5	- 40, 5
	2	4, 5	2, 5	3, 5	4, 5
	3	5, 5	3, 5	3, 5	7, 5
	4	9, 5	8, 5	13, 5	13, 5
	5	11, 5	11, 5	23, 5	14, 5
	6	13, 5	12, 5	12, 5	13, 5
	7	11, 5	11, 5	11, 5	10, 5
	8	14, 5	12, 5	13, 5	13, 5
	9	10, 5	10, 5	10, 5	10, 5
	10	10, 5	10, 5	10, 5	10, 5
	11	11, 5	10, 5	10, 5	11, 5
	12	11, 5	10, 5	11, 5	11, 5
	13	11, 5	11, 5	11, 5	12, 5
	14	14, 5	12, 5	13, 5	17, 5
	15	10, 5	16, 5	18, 5	21, 5
	16	23, 5	18, 5	20, 5	23, 5
По новому стилю	17	22, 5	20, 5	22, 5	24, 5
за Октябрь.	18	24, 5	22, 5	22, 5	22, 5
	19	23, 5	20, 5	19, 5	16, 5
Среднее ...		- 10, 64	- 9, 14	- 9, 79	- 10, 9
	20	11, 5	10, 5	11, 5	13, 5
	21	11, 5	13, 5	14, 5	16, 5
	22	16, 5	15, 5	15, 5	18, 5
	23	20, 5	19, 5	19, 5	20, 5
	24	21, 5	21, 5	22, 5	21, 5
	25	21, 5	21, 5	22, 5	22, 5
	26	21, 5	20, 5	21, 5	21, 5
	27	18, 5	17, 5	18, 5	20, 5
	28	17, 5	16, 5	18, 5	19, 5
	29	17, 5	16, 5	18, 5	19, 5
	30	17, 5	16, 5	18, 5	19, 5
Среднее ...		- 15, 31	- 12, 94	- 13, 31	- 11, 54
		- 130, 92			
Ноябрь.	1	- 17, 5	- 16, 5	- 21, 5	- 20, 5
	2	22, 5	20, 5	22, 5	19, 5
	3	23, 5	22, 5	18, 5	14, 5
	4	17, 5	17, 5	15, 5	17, 5
	5	17, 5	17, 5	15, 5	17, 5
	6	17, 5	17, 5	15, 5	17, 5
	7	11, 5	10, 5	10, 5	9, 5
	8	6, 5	7, 5	8, 5	13, 5
	9	13, 5	15, 5	15, 5	15, 5
	10	22, 5	23, 5	26, 5	23, 5

Месяц.	Час.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Сентябрь.	11	— 20°, 5	— 19°, 5	— 20°, 5	— 21°, 5
	12	25,	25, 5	25,	23, 5
	13	21,	20,	23,	25,
	14	27,	26,	26, 5	27,
	15	27, 5	26,	26,	20, 5
	16	27, 5	27,	27,	27, 5
По новому стилю за Ноябрь.	17	28,	28,	28, 5	30, 0
	18	33,	32, 5	33,	34, 0
Среднее	...	— 18, 95	— 18, 08	— 18, 47	— 19, 35
	19	31, 0	31, 0	31, 2	32,
	20	20, 0	23,	22,	19, 0
	21	20, 0	18, 5	19,	20,
	22	20,	17,	18,	18,
	23	10,	19,	20,	20,
	24	20,	20,	30, 5	21,
	25	18,	17,	17,	10,
	26	20,	20,	21,	20, 2
	27	20,	27,	25,	32,
	28	31, 5	30,	31,	33,
	29	32,	32, 5	33,	33,
	30	32,	32,	33,	34, 2
Среднее	...	— 22, 33	— 21, 83	— 22, 26	— 23, 28
— 23°, 42					
Октябрь.	1	30, 5	30,	30,	30,
	2	27,	27,	27,	26, 5
	3	28,	34, 5	25,	25, 5
	4	25,	25, 5	26,	26,
	5	24,	23,	23,	20,
	6	—	—	—	—
	7	—	—	—	—
	8	23,	23,	24, 5	24, 5
	9	24,	24,	25, 0	27, 0
	10	28,	27,	27, 5	28, 5
	11	—	—	—	—
	12	—	—	—	—
	13	—	—	—	—
	14	—	—	—	—
	15	—	—	—	—
	16	6,	20,	21,	32,
По новому стилю за 24 дня Октября.	17	32, 5	31, 0	33,	33,
	18	27,	20,	21, 5	21,
	19	18,	17, 5	19,	20,
Среднее	...	— 24, 5	— 24, 58	— 25, 13	— 26, 39

Месяц.	Час.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Декабрь.	20	—	—	—	—
	21	26°, 5	26°, 5	26°, 5	26°, 5
	22	28,	30,	30,	27,
	23	16,	13, 0	17,	20, 5
	24	22, 5	22, 5	22,	22,
	25	24, 0	22,	23,	25,
	26	25, 5	25, 5	25,	20,
	27	26,	23, 5	25, 5	28,
	28	22,	21,	25, 5	26,
	29	22, 5	25,	21, 5	24, 5
	30	31,	31, 5	31,	30,
	31	26,	24,	22,	22,
Среднее	...	— 25, 20	— 25, 24	— 25, 33	— 25, 65
— 25°, 38					

Мѣсяцы.	Число.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Январь.	1	22, 0	23, 0	23, 0	23, 0
	2	24,	22,	22,	22,
	3	26, 3	26,	27,	27, 3
	4	29, 3	29,	29,	30,
	5	32,	32,	32,	33,
	6	31, 3	32,	32,	33,
	7	35,	33,	34,	34,
	8	32,	33,	34, 5	33,
	9	32,	32,	33,	33,
	10	37,	37,	37,	37,
	11	34,	33, 3	33,	33,
	12	28,	28,	21, 3	21, 5
	13	23,	23,	26, 5	24,
	14	31,	32,	32, 5	26,
	15	33, 3	33,	35,	33,
	16	20, 3	29,	29,	29,
	17	32,	31, 5	34,	34,
	18	31,	30,	31,	32,
	19	34,	29,	29,	28, 5
Среднее	...	— 29, 0	— 27, 22	— 27, 55	— 28, 22
20	23,	22, 3	22,	22,	22,
21	22,	23,	23,	23,	24,
22	26, 3	25,	23,	23,	25,
23	23,	22,	22,	21,	21, 3
24	17,	16,	14, 5	14,	14, 5
25	15,	14,	13,	13,	13,
26	17,	16,	16, 5	17,	17,
27	20,	18,	18,	20,	20,
28	21, 3	22,	19,	18,	18,
29	17, 3	16,	16,	15,	15,
30	16,	15,	15,	15,	15,
31	18,	16,	15,	13,	13,
Среднее	...	— 20, 28	— 23, 69	— 25, 48	— 26, 43

— 250, 87

— 250. R2

Месяц.	числ.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Февраль.	1	—	—	—	—
	2	13°	8°	8°	7°
	3	4,	3,	3,	5,
	4	5,	7,	7,	18,
	5	16,	17,	20,	23,
	6	23,	24,	20,	20,
	7	21, 5	20,	17,	10,
	8	17,	16,	18,	21, 5
	9	24,	23,	23,	24,
	10	21, 3	20,	23,	24,
	11	26,	22,	28,	27,
	12	27, 3	22,	24,	27,
	13	30,	23,	26,	27,
	14	27,	23,	23,	28,
	15	23,	24,	23,	26,
	16	30,	21,	22,	26,
		30,	21,	23,	26,
Среднее	...	— 20, 77	— 18, 3	— 18, 74	— 20, 3
	17	30,	22,	23,	27,
	18	30, 5	24,	27,	38,
	19	31,	23,	—	—
	20	23, 3	23,	23,	21, 5
	21	26,	23,	23,	28,
	22	24,	23,	23,	20,
	23	24,	23,	23,	28, 5
	24	24,	24,	24, 5	20,
Среднее	...	— 23, 75	— 20, 13	— 20, 74	— 23, 26
— 21°, 08					
Март.	1	— 30, 0	— 24, 0	— 25, 0	— 20, 5
	2	23,	20,	18,	21, 5
	3	21,	18,	15,	19,
	4	13,	13, 5	13,	14, 5
	5	13,	12,	11, 5	12,
	6	18,	14,	13, 5	16,
	7	15,	13,	19, 3	14,
	8	19,	14,	14, 5	17, 5
	9	22,	12,	22, 5	23,

Месяц.	Число.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Март.	10	— 18°,	— 18°,	— 13°,	— 11°,
	11	18,	13,	13, 5	18,
	12	17,	16,	14, 5	15,
	13	12,	10,	11, 5	14,
	14	15,	14,	15,	18,
	Средне	— 18, 64	— 15, 38	— 15, 48	— 17, 37
По формуле стан- да 22 д. Марта.					
Средне					
		— 22, 13	— 18, 38	— 17, 62	— 19, 9
— 10°, 72					

VI.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ТЕМПЕРАТУРЫ

въ Нижне-Колымскъ (шир. 68°, 32') и въ Усть-Янскъ (шир. 70°, 55').

ГОДЪ и МЕСЯЦЪ по старому стилю.	Въ Нижне-Колымскъ.					Въ Усть-Янскъ.				
	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Средне	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Средне.
1821. Въ Январѣ...	— 31°, 63	— 30°, 45	— 31°, 40	— 31°, 40	— 31°, 33	— 32°, 75	— 32°, 07	— 32°, 32	— 32°, 17	— 32°, 32
1822. — — —	27, 54	26, 32	24, 94	27, 22	26, 03	28, 45	28, 77	28, 77	28, 01	28, 01
1823. — — —	26, 38	26, 60	25, 44	26, 03	25, 87	33, 40	33, 02	33, 30	33, 30	33, 30
					— 29°, 05					31, 77
1821. Въ Февралѣ...	25, 04	24, 11	25, 27	26, 13	26, 08	34, 86	34, 86	34, 86	34, 86	34, 86
1822. — — —	20, 80	22, 04	23, 84	23, 87	24, 57	21, 26	20, 18	22, 03	21, 12	21, 12
1823. — — —	23, 75	20, 13	20, 74	21, 20	21, 96	24, 03	24, 03	24, 46	24, 23	24, 23
					24, 19					25, 08

ГОД ИСПИТЪ по старому стилю.	Въ Нижне-Камыскѣ.					Въ Усть-Нискѣ.				
	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Среднее.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Среднее.
	°	'	°	'	°	°	'	°	'	°
1820. Въ Ноябрь...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1821. — — —	20° 43'	20° 47'	21° 14'	21° 79'	20° 57'	—	—	—	—	—
1822. — — —	22 35	21 30	22 30	23 37	22 42	—	—	—	—	—
1820. Въ Декабрь...	22 40	21 73	22 38	22 03	22 03	—	—	—	—	—
1821. — — —	26 28	28 40	26 96	27 28	26 71	—	—	—	—	—
1822. — — —	25 26	24 25	26 33	28 03	25 36	—	—	—	—	—
						Среднее температуры воздуха года.....				
						— 24, 71				

УЩ.
ТАБЛИЦА,
показывающая склонение компаса и наклонение стержня индикатора.

Время наблюдений.	Название и топографическое положеніе мѣстности.	Географическое положеніе.		Склоненіе руж. компаса по магнитн. склоненію.	Наклоненіе стержня индикатора.
		Широта N.	Долгота отъ Гринева до Оу.		
1820 г. Августъ.	Гора Ямурская, на рѣкѣ, по лѣвой сторонѣ устья Ямы, вблизи тороса отдаленн. отъ гора.	° 17	° 43	° 1	° 1
1820 г. Июль.	Индигирское Абсолютное, на отдаленн. рѣкѣ, въ отдаленн. отъ гора.	51. 01. 42	139. 43	5. 05. W	73. 51
1821 г. Июль.	Въ Нижне-Камыскѣ, на устьѣ, по лѣвой сторонѣ Камыска, вблизи отъ гора.	52. 16. 57	104. 33	2. 20. 0	57. 11
4. Августа.	Рѣка устье Индигирки, гора, въ отдаленн. отъ гора, близъ моря.	66. 31. 52	160. 50	9. 56. —	77. 56
4. Июня.	Мѣсто Усть-Камыска, близъ моря, въ отдаленн. отъ гора.	71. 00. 19	149. 34	9. 53	—
4. Августа.	Мѣсто Усть-Камыска, близъ моря, въ отдаленн. отъ гора.	69. 30. 40	160. 16	11. 45	—
4. Августа.	Мѣсто Усть-Камыска, близъ моря, въ отдаленн. отъ гора.	68. 38. 00	157. 27	12. 50.	78. 34

Время наблюдения.	Название и географические координаты мест.	Географические координаты			Среднее число компасов по азимуту, со- вп.	Направление ветров по числу дней.
		Широта N.	Долгота от Гринвича	С		
1822 г. Июль.	Восточный берег моря, южнее, горы вблизи г. Гринвича.	68. 43. 55	163. 51	0	12. 35	
Август.	На берегу, в горах Сандовитца, вблизи от Мелкого залива.	69. 53. 55	164. 03		13. 45	
1821 г. Июль.	Австрия на Аляске, в горах Сандовитца.	67. 09. 29			13. 50	
1822 г. Август.	Король Невеланд, в Сандовитца горах.	68. 36. 31	164. 43		14. 00	
1821 г. Август.	Восток, в горах Сандовитца, южнее, вблизи от Мелкого залива.	70. 46. 35	161. 46		14. 00	
Август.	На берегу, в горах Сандовитца, южнее, вблизи от Мелкого залива.	70. 37. 06	162. 52		14. 06	70. 40
Июль.	Восток, в горах Сандовитца, южнее, вблизи от Мелкого залива.	68. 00. 47	163. 56		14. 30	
Август.	На берегу, в горах Сандовитца, южнее, вблизи от Мелкого залива.	71. 36. 41	163. 53			80. 16%
	На море, в Сандовитца горах.	70. 40. 56	163. 53		14. 51. 0	

1822 г. Август.	На берегу, в Сандовитца горах.	69. 52. 57	165. 31	14. 59	—
Август.	Средняя у моря, в Сандовитца горах.	69. 50. 41	165. 41	15. 46	
1822 г. Март.	На берегу, в Сандовитца горах.	70. 03. 23	171. 03	18. 03	
1822 г. Август.	На берегу, в Сандовитца горах.	70. 53. 41	170. 00	18. 40	81. 09
1822 г. Март.	На берегу, в Сандовитца горах.	69. 54. 35	173. 31	18. 58	79. 50
Август.	На берегу, в Сандовитца горах.	68. 55. 16	180. 06	21. 40	
	На берегу, в Сандовитца горах.	67. 56. 40	181. 57	23. 46	

Примечание. Ручной компас-сигнализатор, который находится в руках моряков, показывает, что восток находится в направлении, близком к востоку. Сигнализатор, который находится в руках моряков, показывает, что восток находится в направлении, близком к востоку.

вычислений широты Нижне-Колымска, observations в 1820, 1821 и 1823 годах.

Годъ, мѣсяцъ и число.	Термометръ.	Барометръ въ левѣй- шихъ дои- дахъ.	Каково состо- яніе и погрѣ- шность.	Длина высо- ты.	Повышеніе высота.	Широта.	Погрѣшность широты.
1820, Декабря 2 11	-25°	—	☉	27. 27. 30 S	28. 48. 00 S	68. 31. 11 N	R.
Декабря 7 15	-23	—	☉	48. 36. 40	49. 42. 17	68. 31. 30	R.
1821, Февреля 1	-30	29. 7	☉	47. 56. 48	48. 48. 08	68. 31. 18	K.
Февреля 2 11	-30	29. 73	☉	48. 43. 15	48. 08. 21	68. 32. 02	R.
Февреля 14 25	-35	30. 5	☉	43. 56. 23	42. 33. 03	68. 31. 32	K.

18 Марта 30	-18	30. 01	☉	29. 40. 59	25. 00. 04	68. 31. 54	K.
Марта 20 Апреля 1	-10	30. 2	☉	25. 55. 09	23. 49. 43	68. 31. 43	K.
Мая 16 25	—	—	☉	42. 35. 45	42. 31. 23	68. 31. 36	K.
Мая 17 25	—	—	☉	42. 46. 15	43. 01. 07	68. 31. 36	K.
Мая 18 30	—	—	☉	42. 55. 50	43. 10. 23	68. 31. 33	K.
Мая 22 Юня 3	—	—	☉	43. 38. 47	43. 43. 41	68. 32. 00	K.
Мая 23 Юня 4	—	—	☉	43. 56. 22	43. 31. 40	68. 31. 37	K.
Мая 25 Юня 6	—	—	☉	43. 56. 00	44. 04. 52	68. 31. 57	K.

(*) Въ описаніи гласъ было атласно поведеніи, бузлы Б. ивчуга Лѣт. Муртаже; М. Иичеюль Момон-
амилан; Е. Штуршомъ Казимыне.

Год, месяц и число	Термометр	Барометр счит. по милл.	Какого состо- яния и в какой клуб.	Прям. инсо- ляц.	Исправленная высота	Широта	Курс Одино- кого наблюдателя
Мая 20 Июня 11	—	—	☉	44. 47. 03	44. 31. 36	68. 32. 04	Б.
Мая 31 Июня 12	—	—	☉	44. 31. 20	44. 34. 14	68. 32. 00	Б.
Июня 1 Июня 13	—	—	☉	44. 26. 00	44. 30. 34	68. 32. 08	Б.
Июня 20 Июня 13	—	—	☉	43. 47. 34	43. 32. 26	68. 32. 08	М.
Июня 4 Июня 18	—	—	☉	63. 09. 19	63. 24. 41	68. 31. 57	М.
Июня 2 Июня 14	—	—	☉	43. 00. 40	43. 15. 41	68. 31. 57	М.
Июня 3 Июня 15	—	—	☉	43. 51. 26	43. 06. 47	68. 31. 57	М.

1924. Июня 4 Июня 16	—	—	☉	42. 41. 59	42. 58. 40	68. 32. 17	М.
Июня 5 Июня 17	—	—	☉	42. 31. 42	42. 46. 33	68. 32. 39	М.
Июня 7 Июня 19	—	—	☉	42. 09. 19	42. 29. 39	68. 31. 51	М.
1923. Октября 21	—10%	—	* А Юпитер. Мерк.	41. 13. 02	41. 13. 50 N.	68. 31. 01	Б.
Октября 9 Октября 20	—12	—	* Б Андромеда.	56. 16. 10	56. 09. 37 S	66. 31. 37	Б.

ТАБЛИЦА.

показывающая наблюдения и вычисления долготы Нижне-Колыска, по расстояниям между солнцем и луною, составленная лейттенантом Врангелем.

1874 год.	Число наблюдений.	Вычисленная величина широты.	Вычисленная величина долготы.	Величина разности между широтой и долготой.	Число разностей.	Величина разности между широтой и долготой.	Вычисленная величина долготы от широты.
Март 27	22, 23, 24	41, 80	24, 20	44, 02, 54	8	44, 02, 54	44, 02, 54
д.	27, 22, 23	42, 41	26, 23	36, 41, 43	6	36, 41, 43	36, 41, 43
Март 28	32, 26, 28	41, 43	26, 53	46, 15, 56	10	46, 15, 56	46, 15, 56
д.	23, 26, 18	43, 33	30, 32	48, 55, 06	7	48, 55, 06	48, 55, 06
Март 29	2, 43, 38	37, 43	36, 11	62, 09, 46	7	62, 09, 46	62, 09, 46

д.	2, 35, 09	38, 64	36, 36	62, 42, 37	6	62, 42, 37	62, 42, 37
д.	2, 57, 28	36, 41	36, 40	62, 45, 34	6	62, 45, 34	62, 45, 34
Март 27	3, 44, 33	33, 18	46, 34	66, 33, 47	12	66, 33, 47	66, 33, 47
Март 28	3, 00, 31	26, 40	48, 02	67, 58, 08	12	67, 58, 08	67, 58, 08
Март 29	18, 49, 09	26, 46	21, 50	61, 19, 47	11	61, 19, 47	61, 19, 47
1872 Март 30	3, 01, 42	35, 02	54, 06	71, 06, 37	10	71, 06, 37	71, 06, 37
Март 31	3, 06, 27	31, 41	26, 29	82, 34, 49	6	82, 34, 49	82, 34, 49
д.	3, 18, 19	33, 54	27, 02	82, 35, 58	7	82, 35, 58	82, 35, 58
Июнь 25	6, 04, 17	21, 39	20, 49	78, 36, 52	7	78, 36, 52	78, 36, 52

1821 год.	Полное количество пайков	Всего пайков	Всего пайков	Всего пайков	Всего пайков	Всего пайков	Всего пайков	Всего пайков
Мая 23 Июня 4	0. 00. 20. 9	33. 30. 49	33. 12. 07	42. 04. 22	8	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1
Мая 24 Июня 5	1. 14. 33. 1	38. 37. 33	38. 20. 00	52. 47. 24. 7	0	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1
Мая 25 Июня 6	4. 24. 04. 4	20. 53. 21	38. 19. 49	52. 40. 45. 3	0	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1
д.	23. 04. 42. 2	43. 10. 07	42. 04. 24	72. 10. 32	7	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1
Июня 10 Июня 22	18. 24. 20. 1	23. 59. 33	22. 11. 04	91. 32. 12	40	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1
д.	18. 34. 42. 2	24. 39. 46	22. 06. 26	91. 16. 48	40	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1
1822. Мая 15 Мая 27	3. 46. 19	31. 44. 45	28. 20. 37	83. 37. 52. 4	8	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1	10. 43. 20. 1

Июня 23	0. 29. 47. 1	19. 37. 43	20. 08. 03	78. 43. 43	10	10. 43. 41. 12
---------	--------------	------------	------------	------------	----	----------------

Средняя из 101 разности 40. 41. 38. 4
или 100. 53. 38

XI.

ТАБЛИЦА

вычислений широты Русского устья гряда Нидерланд в 1821 году.

Масштаб и н.	Брошюра	Которая сдана в архив	Брошюра сдана в архив	Поправка к высоте	Широта	Высота
Июня 20 Июня 21	+ 7	—	—	—	—	—
Июня 22	+ 0	—	—	—	—	—

Масштаб и в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.
Августа 2	19	—	—	—	—
Августа 5	13	—	—	—	—
Августа 9	7	—	—	—	—
Августа 16	6	—	—	—	—

Средняя из 6 71.00.19

ТАБЛИЦА

показывающая наблюдения и измерения дождя Русского уезда по расстояниям между солончак и луною, составл. штурман. окончником 14-го клас. Козышневъ, въ 1821 г.

1821 года.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.
Августа 20	21.40.15, 7	27.35.37	30.37.19	31.12.29	42	из W.	0.37.00, 7	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.
d.	22.14.46	29.40.18	34.12.32	39.33.31	7	d.	0.37.08, 43	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.
d.	22.26.36	29.30.00	33.23.09	39.30.43, 5	10	d.	0.36.54, 5	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.
Августа 23	20.04.39, 2	20.43.24	25.27.34	34.19.24	6	d.	0.39.39, 4	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.
d.	22.14.15, 3	30.13.00	39.37.21	34.33.35, 5	40	d.	0.39.45, 9	в. в. в. в. в.	в. в. в. в. в.

Средняя широта 80° 31' 38" 536
 или 149° 30' 53"/2

ХИ.

ТАБЛИЦА,

показывающая географическое положение 115 пунктов по морскому берегу, от устья Индигирки до острова Колычина и по речкам Колыма и двумь Анолюм, определенным астрономическими средствами Колымской экспедиции.

Описание мест.	Обсервационная широта N.	Долгота от Гринича к О-у.	Куда отсюда идти.
Индигирский остров . . .	68. 31. 83	160. 56. 35 *	Вост. Маг. и Коз.
Место пор. Колыма.			
Устье Виски Крутой	68. 37. 87	161. 08.	Δ
— — — Амлеттин	68. 40. 32	161. 20.	Δ
Деревня Понделейская	68. 35. 51	161. 32.	Δ
— — Каретовская	68. 44. 27	161. 11.	Δ
— — Чернушова	68. 50. 20	161. 13.	Δ
— — Походская	69. 04. 21	160. 58.	Δ
— — Малая Чуомья	69. 26. 10	160. 23.	Δ
Урочище Кобачково	69. 17. 50	161. 23.	Δ
— — Сухарное	49. 31. 23	164. 44.	Δ
Взъ у Большой Чуомой речки	70. 08. 45	158. 46.	Δ

Гринича.

Вост. Маг. и Коз.

1884 год.	Полное время наблюдения	Вычисленная долгота от Гринича к О-у.	Вычисленная долгота от Гринича к О-у.
д.	23. 23. 54. 5	30. 03. 11	31. 40. 13
д.	23. 44. 04	30. 55. 26	37. 48. 10
Августа 31 (Сентября 1)	13. 02. 48. 6	23. 42. 06	40. 07. 04
Сентября 6 (13)	0. 14. 17. 5	24. 03. 42	29. 13. 02
д.	0. 20. 20. 4	24. 01. 13	20. 40. 14

Описание места.	Обсерваци- онная широта N.	Долгота отъ Гринвича и. О-у.	Видъ опре- делен.
Вышка Выхода Каменья (W)	68. 33. 20	162. 04.	Δ
— — Пантелеевской сопки .	68. 37. 57	161. 40.	Δ
— — Суровой сопки, за- пад.	68. 43. 20	161. 29.	Δ
— — Ларионова Камня	69. 03. 15	164. 39.	Δ
Средне-Кольмскъ	67. 20. 20	— — —	—
Верхне-Кольмскъ	63. 42. 04	— — —	—
Урочище на Осибонт	63. 15. 15	142. 48. сн.с.с.	—
Мыса на торевомъ берегу, на западъ отъ Колмы до р. Ва- дигрин.	— — —	— — —	—
Мыс у реки Большой Чу- почей	70. 07. 00	159. 50.	Δ
Мыс у р. Крестовой (запад- ные мыса р. Колмы)	70. 47. 00	159. 55.	Δ
Устья р. св. Провоніе	70. 27. 44	159. 43.	Δ
— — — — Крестовой	70. 43. 33	159. 45.	Δ
— — — — Курдагской	70. 53. 37	158. 55. 36 *	Δ
У Земляной горы Стерный Парвиса	71. 40. 55	158. 10.	Δ
У Куропаточныхъ Яровъ Юля 14.	71. 03. 54	157. 23.	Δ
Въ точкѣ Юля 15.	71. 04. 20	156. 20.	Δ
— — — — Юля 16.	70. 58. 48	155. 31.	Δ
— — — — Юля 17.	70. 58. 11	154. 48.	Δ
— — — — Юля 18.	70. 53. 48	154. 13.	Δ

Означеніе мѣст.	Обсервован- ная широта N.	Долгота отъ Гринвича къ О-у.	Вѣд. оруді- я.
Устье протока Большой Ала- сеи, для мѣ точки Пола 19	70. 50. 14	153. 48. 10 *	Колымск.
Устье протока Малой Алазеи. Пола 21 . . .	70. 48. 48	152. 59. 43 *	
Селенія Русскаго устья на рѣ- кѣ Илдинскѣ	71. 00. 19	149. 30. 54 *	
Мельничья Островья на NW оконечности I-го . . .	70. 52. 14	160. 24.	Вранг.
на N оконечности IV-го . . .	70. 46. 39	161. 40.	
на SO оконечности VI-го . . .	70. 37. 06	162. 24.	
Мысъ на морскому берегу, на основаніи отъ Колымки.			Мат.
Мысъ Мельничій (восточный мысъ р. Колымки)	69. 41. 00	162. 14.	
У Малаго Баранова Камня, у креста	69. 38. 00	162. 27.	
На самомъ сѣверномъ мысѣ, у Малаго Баранова Камня . .	69. 41. 48	162. 30.	Береговая и Колымск.
Между Большой и Малой Баранови Камнями въ точкѣ Пола 9-го	69. 40. 34	163. 33.	
На сѣверо-восточной оконеч- ности Большаго Баранова Камня	69. 43. 38	163. 51. 00	
Устье р. Крестовой	69. 36. 68	164. 14.	Мат.
— — — Березовой	69. 30. 50	165. 14. сѣв.	
Въ точкѣ Февраля 26-го . . .	69. 32. 30	166. 19.	
Устья экспедиціи на устье р. Большой Баранки	69. 30. 41	166. 40. 39 *	Вр. и Кол.

Означеніе мѣста.	Обсерваци- онныя широты N.	Долготы отъ Гринвича вл. О-у.	Вѣсь опредѣ- ленъ.
Устье р. Козыма	69. 32. 16	167. 20. "	Козм.
Въ точкѣ Февраля 24-го	69. 37. 58	164. 09. "	Вранг.
— — — — — 26-го	69. 34. 22	163. 44. "	Вр. и Коз.
На почвѣ Февраля 26-го	69. 32. 39	166. 19. 45	Вр. и Коз.
У Ручья, 7-го Апрѣля 1823 г.	69. 34. 31	168. 17. "	Вр. и Коз.
У Вытепана Озера 4-го Ав- густа	69. 33. 11	167. 32. "	Матюшин.
Въ Трауской Пукѣ 8-го Ав- густа	69. 28. 18	168. 17. "	Матюшин.
Вышняя гора Вайвапни	69. 06. "	168. 46. "	Вранг.
Въ точкѣ Февраля 27-го	69. 30. 17	168. 42. сѣв.д.	Вранг.
У ручья, въ точкѣ Февраля 28	69. 37. 37	167. 47. 30 "	Вр. и Коз.
Въ точкѣ Марта 1-го	69. 42. 40	167. 33. сѣв.д.	Вр. и Коз.
На почвѣ Марта 4-го	69. 48. 22	167. 30. 15 "	Вр. и Коз.
Въ точкѣ Марта 2-го	69. 32. 38	167. 56. сѣв.д.	Вр. и Коз.
На сѣверной оконечности Са- бадея, или въ точкѣ Мар- та 2-го	69. 37. 17	168. 40. "	Вранг.
На восточной оконечности Са- бадея	69. 36. 32	— —	Вранг.
По Стрѣлкѣ Сабдебекана про- лива	69. 43. 29	168. 10. сѣв.д.	Вранг.
Южная оконечность мыса Ма- тюшкина	69. 35. 00	170. 31. "	Вранг.
Гора на М. Матюшкина	69. 36. 00	170. 42. "	Вранг.
Мыс Матюшкина	69. 43. 18	170. 33. "	Вранг.

Описание места.	Обсерваци- онная широта N.	Долгота отъ Гринвича на Ю.	Куда направ- ленъ
На точку Марта 8-го	69. 44. 53	170. 48. Δ	Вр.
Шелленб Мисс, или Эрри .	70. 00. 00	171. 04. Δ	
Западная сторона перешейка Шелленского мисс. на точ- ку Марта 9-го	70. 05. 23	171. 03. 13 *	Вр. и Кос.
Въ 10-ти верстахъ къ восто- ку отъ Шелленского Мисс, на точкѣ Апрѣля 13-го . .	70. 04. 09	171. 27. Δ	
У Крутой Черной Скалы .	70. 02. 17	171. 39. Δ	Кос.
На точкѣ Апрѣля 30-го	70. 02. 30	171. 46. Δ	
Мисс Коопмана Марта 6-го и на точкѣ Марта 11-го 1823-го года	70. 00. 33	171. 38. 00	Косм.
Устье западнаго мисс Ки- бера	69. 55. 38	172. 40. сѣвсл.	
Устье реки Вермонт, или въ точкѣ Апрѣля 16-го	69. 30. 41	173. 50. сѣвсл.	Мат.
Устье р. Вермонтъ Марта 30-го	69. 31. 06	173. 30. сѣвсл.	Врѣм.
Въ точкѣ Апрѣля 2-го	69. 52. 47	173. 54. сѣвсл.	
Мисс Кекурней, на точкѣ Апрѣля 3-го	69. 50. 33	174. 54. сѣвсл.	Мат.
Въ точкѣ 17-го Апрѣля	69. 49. 41	174. 20. сѣвсл.	
У Илона, или въ точкѣ Апра- ля 27-го, на обратномъ пу- ти	69. 41. 32	176. 32. Δ	Косм.
Въ точкѣ Апрѣля 5 и 7	69. 48. 12	176. 09. 43 *	Врѣм.
Въ точкѣ Апрѣля 8-го	69. 35. 30	176. 58. сѣвсл.	
На Северномъ Миссѣ, или въ точкѣ Апрѣля 10-го	68. 55. 16	180. 06. сѣвсл.	Косм.

Означеніе мѣст.	Обсервован- ныя широты N.	Долготы отъ Гринвича къ О-у.	Какъ опреде- лены.
Въста р. Августа, или въ точкѣ Апрѣля 14-го	08. 09. 31	182. 06. сѣмсл.	Компасная.
Мѣсть Выхарова, или почтовая Апрѣля 14-го	07. 50. 16	183. 18. сѣмсл.	
Близъ мѣста Ошанки, или почтовый 13-го Апрѣля	07. 41. 04	183. 37. 37 сѣ.	
Острова Козьмина южная обо- нечность, или почтовый 13. 16 и 17 Апрѣля	07. 28. 46	184. 27. 43	Врѣм.
Мѣсто между Аламы и мысиками Беринга.			
На устьѣ Нижней рѣки р. Филипповой, или въ точкѣ Июля 2-го	08. 41. 50	161. 35. Δ	Компасная.
Въ точкѣ Июля 3-го	08. 32. 39	161. 53. Δ	
Въ точкѣ Июля 4-го	08. 05. 22	161. 33. Δ	
У Средней рѣки р. Сухар- евской, въ точкѣ Июля 5-го	08. 17. 58	161. 47. Δ	Δ
На Тупарѣ, въ точкѣ. Авгу- ста 1-го	08. 22. 57	166. 24. Δ	Врѣм.
На тупарѣ, Мал 2-го, на ост- ровѣ Аюны или Себедева	08. 50. 33	168. 39. Δ	Комп.
Въ точкѣ Августа 2-го	08. 09. 05	166. 32. Δ	Врѣменная.
— — — Августа 3-го	08. 57. 08	166. 29. Δ	
— — — Августа 4-го	08. 46. 47	166. 14. Δ	
Гора А	78. 46. 47	166. 57. Δ	Δ
Въ точкѣ Августа 5-го	08. 36. 31	166. 16. Δ	Врѣменная.
— — — Августа 12-го	08. 23. 53	163. 32. Δ	Δ

Означеніе мѣстъ.	Обсерваци- онная широта N.	Долгота отъ Гринвича къ Оу.	Вѣтъ опуск- ающ.
На Вяткинскомъ перѣ у Чуд- ского пролива, въ точкѣ Августа 6-го	69. 39. 49	168. 52. "	Δ
Близъ перимѣла восточной рѣ- ки Болдой Баранки Августа 24-го	67. 53. 26	168. 39. "	Δ
<i>Мѣсто на Большому Аюво.</i>			
Устье двухъ рѣкъ	68. 20. 08	160. 08. "	Δ
Урочище Абылае	68. 03. 38	160. 21. сев.с.	
Тиглинка	67. 33. 16	162. 21. сев.с.	
Брусенка	67. 36. 58	162. 09. "	Δ
Капозо	68. 18. 24	160. 30. "	Δ
<i>По Малому Аюво.</i>			
Вмѣстѣ устья р. Пярей Ша- хунной, въ точкѣ Авгу- ста 26-го	67. 23. 59	167. 50. "	Δ
На устьѣ р. Елмѣла	67. 30. 09	163. 12. "	Δ
Урочище Мохомово	68. 07. 10	161. 50. "	Δ
Урочище Моховое	68. 09. 41	— —	
— — Малое Вѣтрое	67. 38. 38	161. 01. 00	
— — Шотѣла	68. 50. 03	162. 38. "	Δ
— — Аргунь	68. 07. 06	163. 09. "	Δ
Камень Пунюль	68. 10. 02	163. 10. "	Δ
Урочище Кономово	68. 03. 32	163. 49. "	Δ
Камень Оброхъ	68. 01. 00	164. 03. "	Δ

ХIV.

ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ ѢЗДѢ НА СОБАКАХЪ.

=

Большая разница употреблять собакъ въ между-дворной ѣздѣ на небольшихъ разстояніяхъ, и тащить на нихъ по бездорожью, по торосамъ и въ убродъ, во время зимнихъ холодовъ и весенняго тепла, на большихъ разстояніяхъ, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца и болѣе.

Въ семъ случаѣ весьма многое зависитъ отъ умѣнья присматривать за собаками, и нестарательный, или неопытный воинокъ подвергаетъ себя величайшей опасности въ мѣстахъ, на многія сотни верстъ отъ жительства отдаленныхъ. Желая приобрести нѣкую намъ въ семъ дѣлѣ опытность сдѣлать полезною для будущихъ предпріятій по Ледовитому Морю, я намѣренъ замѣтить здѣсь о томъ, что должно наблюдать при ѣздѣ на собакахъ на продолжительное время и на большія разстоянія.

НАРТЫ.

Въ провозахъ нашихъ по морю употребляли мы нартъ; размѣренія были слѣдующія: длина полозьевъ 10

четвертей, ширины *сложовъ* 3 четверти, высота *копильцевъ*, отъ *взаконъ* до *полоза*, 1 четверть 2 вершка, а *досажденъ* 2 четверти. Преимуществомъ предъ другими *лесомъ* употреблять должно въ *нартенный* *подъязки* березовый, а особенно на *полозья*, которые, чѣмъ менѣе сучковаты, тѣмъ крѣпче; *бараки* должны быть изъ *тапиковаго* дерева. Чтобы придать болѣе твердости *положкамъ* *дерева* *полозьевъ*, и увеличивая *плазность* по *силу*, предохранить *полозья* отъ *чорканія*, опускаютъ ихъ сверху въ *кипятилокъ*, а потомъ, на *мѣсницъ*, или болѣе, кладутъ въ *рѣчную* *воду*, подъ *ледъ*, отъ чего *дерево* набирается *влажностью*, вынутое изъ *воды* на *холодъ*, получаетъ *большую* *твердость* и *гладкость*. Зимомъ, при *морозахъ* сильнѣе 25° по *реомюру* *термом.*, *шаръ* *капителъ* *примѣтно* *тяжелѣе*, нежели при *высшемъ* *стояннѣ* *термометра*, и когда *морозъ* болѣе 32° , то можно слышать *трѣніе* *дерева* о *силѣ*. Весномъ, съ 1 марта, начинается *капиться* *одинъ* *полозъ*, какъ говорятъ *здѣшніе* *жители*; а съ *половины* *марта* *покапываются* *и* *другой*. Тогда, для *большей* *легкости* *его* *взять*, *обливаютъ* *нижнюю* *сторону* *полозьевъ* *водою*, которая въ *видѣ* *ледянаго* *слоя*, около 6-ти *линій* *толщиною*, примерзаетъ *столь* *крѣпко* *къ* *сырону* *полозу*, что не *отпавляется* *отъ* *него* *даже* *въ* *цѣлый* *день* *вѣтъ*, если *дорога* *безъ* *торосовъ*; но чѣмъ *становится* *теплѣе*, *тѣмъ* *скорѣе* *отпадаетъ* *сего* *ледяной* *слоя*, составленный *обливаніемъ* *полоза*, что называется *воддять* *нарти*. Исключилъ *доставленіе* *нарти* *большей* *плазности*, *сбояда* *представилъ* *еще* *ту* *пользу*, что *сохраняетъ* *сырость* *нижней* *стороны* *полоза* (которая безъ *того* *скоро* *высохла* *бы* *или* *обветрѣла*), и *предохраняетъ* *ее* *отъ* *чор-*

канія. Въ несниное время, когда вода держится, можно нагрузить на нарту до 35 пудовъ; но при зимнихъ холодахъ и 10 пудовъ составляетъ нелегкій грузъ. Вся нарта скрывается ремнями, отъ чего составили части епичивотъ малое движенье, которое, дѣлая нарту нѣкоторымъ образомъ эластическою, сохраняетъ въ цѣлости на самой дурной дорогѣ. Лучшіе ремни сохатинные (лосиные); за ними почитаютъ лучшими бычьи (*) и лысовые (моржовые и сивучьи). Такихъ ремней потребно: на поклажъ 7 сажень (ручныхъ), на сѣдла 12 сажень, на медведя 3 сажени, на киношари 8 сажень, на верхи 8 сажень, подъ олэки 1 сажень, на кушюги 13 сажень, на подбирюшны 3 сажени, на поклажи 8 сажень, на головинныя ремни 2 аршина, на бараншныя олпунуи 3 сажени, прищивку доски 1½ саж., на покры для нагруженной нарты 10 саж., а всего на целую нарту идетъ 108½ сажень. Грузъ укладываютъ въ рывдужный чумъ и связываютъ поарамитакъ крѣпко, чтобы нарта могла пасть безъ опасенія что либо вырвонуть изъ нея. Сберегая полозья въ торосахъ, мы нашивали проволокою желѣзные листы на головки полозьевъ, и вокругъ барана бычью кожу. Не худо въ продолжительныя дороти брать съ собою по два запасные полоза, которые хотя бы и не употреблены, оленкожь должно войти, чтобы оны не сохли; также надобно имѣть по 4 или болѣе запасныхъ копылъ и вѣлокъ. Если вѣзда должна продолжиться и во время пасты, т. е. въ концѣ вурема и пачлѣв нѣя,

(*) Намного въ Сибирей Сибирн умнотъ выдѣлывать бычьи пожи на ремни, котому болѣе употребляютъ лысовые ремни для елканя нарты.

то необходимо нужно шить съ собой брусья изъ китовыхъ ребръ, которые пришиваютъ подъ полозья, тогда, какъ войда уже болѣе не держится; пригнать и по расколу хорошо входить на костяхъ. Но немалую ихъ принимаютъ крепенья брусья.

СОБАКИ.

Мы пригнали 13 собакъ въ передовую нарту, а въ другія по 12 собакъ. Надобно набирать собакъ *свычмыхъ* въ дорогахъ; вотъ причина, почему *лидинскіе* и *даскскіе* собаки предпочтительнѣе *колымскихъ*, употребляемыхъ жителями только въ недолгопродвижные переезды, между тѣмъ какъ съ Яны и Индигирки жители перевозжуютъ ежегодно на Котельный Островъ и Новую Сибирь, и имея *пастухами* своихъ разсѣянные по обширной тундрѣ на несколько сотъ верстъ, разсѣиваютъ для промысловъ по двѣ и по три недели сряду. Въ передовой нартѣ необходимо имѣть такую передовую собаку, которая не боится бы ни вурода, ни торосовъ, и была свѣчна бѣжать по бездорожью при маломъ линіею.

Если въ продолженіе зимы вѣдали на собакахъ унты и кормили ихъ въ должное время, то на слѣдующее лѣто должны опѣ переланить всю шерсть свою, вылинять, и такіе собаки надежны притомъ тѣхъ, на коняхъ остается мѣстами старая шерсть. Осенью, по рѣкоставу, когда послѣ лѣтняго отдыха вырываютъ собакъ въ первый разъ, надобно обходиться съ ними весьма бережно. Во первыхъ, за недѣлю, или за двѣ, прежде вѣды *смылываютъ* жирныхъ собакъ, а въ вѣдѣ

стараются делать сначала малые переходы, от 10-ти до 30 верст, и отдыхают, или бердуют, по крайней мере каждые 5 верст и чаще. Такую предосторожность наблюдают после каждой новой откормки собак, пока лютый малый жор не стихнет совсем или почти; тогда, по ровной дороге, и особенно весною по пасту, выдерживают на собаках в сутки до 150 верст, но на продолжительные дороги и в зимние холода, переходы должны быть соразмерно меньше. Порядок, которому следовали мы в дорогах, был следующий: дней за 10 до вступления в путь собирали собак, в дальнюю дорогу назначенных, в одно место, где вошки откармливали их через день сырыми и вареными корнями: для сырого корня полагали по $1\frac{1}{2}$ мералые муксуна на собаку, а для вареного по 8-ми муксунов сырых и по 8 муксуновых кохал на парту (вместо них можно варить мелкую, сырую и сушеную рыбу и кости и вообще для откормки употребить такой корень, который в дорогах не годится). Самыми лучшими дорожными кормом для собак почитают *подолжаных сидей*, по 10-ти на собаку, но по причине тяжести сей полусырой рыбы и неудобства запастись ею на долгое время, употребляли мы муксуновых самых крупных кохал по 1-й, с 4-мя или 3-мя сельдями на собаку. Во время зимних походов, не годится кормить собак сухими корнями, и лучше давать им сырую мерзлую рыбу, которую надобно у огня оттаять, или разрубить на малые кусочки, а весною, когда наступит тепло, можно кормить их одними сухими корнями. По хорошей дороге, вдоль берега, без убора, пережидая

ли мы въ день сначала по 40 верстѣ, а возвращаясь домой, въ послѣдніе 20 дней поездки, отъ 60 до 100 верстѣ. Въ холодное время, даютъ собакамъ, какія либо или трие сутки, день отдыха; въ теплое время можно вѣхать безъ отдыха неделю, а при окончаніи пути и болѣе. Вообще двѣнадцать раздыхи надобно, соображаясь съ силою собакъ и продолжительностью времени, какое должно еще пребыть въ пути. Всего важнѣе беречь собакъ въ началѣ и на обратномъ пути, а возвращаясь, можно временно и кормить быть бережливѣе. За вощиками надобно присматривать, чтобы они не гнали собакъ, а особенно въ заднихъ партахъ, и лучше позволить имъ отставать отъ передней парты и пріѣзжать на *поберды* поздне, нежели понуждать собакъ. Когда собаки уже хорошо обвѣжлены, то вѣзять на нихъ по часу и по полтора часа, а въ теплое время по 3 часа и болѣе безъ отдыха, и бѣгдуютъ только отъ 10-ти до 20 минутъ. Не должно кормить собакъ тотчасъ по пріѣздѣ изъ ночлега, а надобно дать имъ сперва около 2-хъ или 3-хъ часовъ пролежать, а когда собаки отъ дороги уже изнурены, то кормить ихъ не только тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто, но если корма довольно, то надобно давать даже по немногу и на *побердахъ*. Здѣсь слѣдуетъ примечать, что такихъ собакъ, которыя неуклюжидуютъ на ночлегахъ *своры* свои, надобно выпрагать изъ алыки и привязывать къ налкѣ, которая ошейникомъ надвѣсается на собаку, и должно запрещать вощикамъ заваживать рыло собакъ, что они по лѣности часто дѣлають, вѣсто выпражки изъ алыки.

Въ продолжительныхъ проездахъ, а особенно по насту, собаки подбиваютъ себя ноги, т. е. шетки у нихъ стираются, пазъ ноги течетъ кровъ, и отъ опухоли чувствуютъ они такую боль, что не только не могутъ тапнуть въ наръ, но и бѣгаютъ съ трудомъ; такіе подбитыя собаки иногда и въ мѣсяцъ не поправляются, а потому хотя и были бы они жирны и въ силѣ, но служить не могутъ. Востого больше опасаются такого состоища собакъ и всеми мѣрами надобно стараться предохранить ихъ отъ подбивки ногъ. Сначала, когда немного крови оказывается на слѣду собаки, надобно мазать шетки кряжкимъ спиртомъ, и наливая на большую ногу родъ торбаса, а всего лучше принудить собаку стоять долго, или бѣгать по сырому морскому рассолу, въ теплое время. Когда собака мадорется, то пускаютъ ей кровъ изъ хвоста или изъ уха.

СЧИСЛЕНІЕ ПУТИ.

По ровной дорогѣ, и особенно вдоль берега, слѣдуя отъ одного приметнаго мѣста къ другому, не трудно замечать курсы довольно верно, если передовая собака приучена бѣжать прямо: надобно только заэлементовать предметъ, на который ѣдете или тотъ, который находится позади, на линіи курса. Въ торосахъ надобно имѣть особый навыкъ прищичать общее направленіе курса, называющагося между льдицами, и съ неопытными въ дѣлѣ воникаютъ весьма легко запутаться и поворотять на югъ, полагая, что ѣдете къ северу. Тѣмъ и затрудн. связки даютъ нѣ-

которое средство къ привычному измѣненію во время тѣды, а компасомъ должно поворачивать курсъ на поворотахъ.

Разстоянія пути измѣряли измѣривающимъ временемъ тѣды и скоростью бѣга собакъ, которую для своей парты различаютъ я шестью нумерами, испытывая одновременно измѣру скорости ихъ верстами въ часъ времени. Слѣдующая здѣсь таблица составлена по испытаніямъ, сдѣланнымъ мною надъ моею партою, которая считалась лучшимъ по Колымѣ, такъ, что различныя скорости ея не могутъ быть приписаны равно и другой партѣ, почему для каждой должно дѣлать особое испытаніе. Когда собаки услышатъ духъ оленей, или другихъ звѣрей, то выбѣгаютъ по 15-ти и болѣе верстъ въ часъ, но такой бѣгъ не опредѣленъ нами точно.

ТАБЛИЦА,

показывающая скорость бѣга собакъ передней из-
шей пары, въ российскихъ верстахъ.

Минуты.	№ 1.	№ 2.	№ 3.	№ 4.	№ 5.	№ 6.
1	0, 1	0, 12	0, 13	0, 16	0, 18	0, 20
2	0, 2	0, 24	0, 26	0, 32	0, 36	0, 40
3	0, 3	0, 36	0, 39	0, 48	0, 54	0, 60
4	0, 4	0, 48	0, 52	0, 64	0, 72	0, 80
5	0, 5	0, 58	0, 64	0, 79	0, 90	1, 00
6	0, 6	0, 70	0, 76	0, 93	1, 08	1, 20
7	0, 7	0, 82	0, 89	1, 11	1, 28	1, 40
8	0, 8	0, 94	1, 01	1, 27	1, 44	1, 60
9	0, 9	1, 06	1, 15	1, 43	1, 62	1, 80
10	1, 0	1, 17	1, 28	1, 58	1, 79	2, 00
20	2, 0	2, 34	2, 60	3, 16	3, 68	4, 00
30	3, 0	3, 51	3, 90	4, 74	5, 37	6, 00
40	4, 0	4, 68	5, 32	6, 32	7, 16	8, 00
50	5, 0	5, 85	6, 53	7, 90	8, 94	10, 00
60	6, 0	7, 00	8, 00	9, 50	10, 75	12, 00

ХУ.

КРАТКІЙ ДНЕВНИКЪ.

сдѣланный на пути отъ Средне-Колымска до Якутска, черезъ рѣку Селенгу.

Мѣсяцъ и число.	Дни по рекамъ на пути.	Краткое описание страны.	Температура воздуха.	Погода.
1923 года. Октябрь 19	28.	Достигли рѣки, впадающей въ рѣку Колыму, на озерахъ Сибирь, которое прежде было болотомъ, и много рыбы въ немъ не водится.	19	Прекрасная. Небольшое тепло.
20	21.	Ночевали въ жерби Якутской порты, на озерѣ Виринскомъ. Ночевали въ рѣкѣ отъ рѣки Сибирь. Подъ рѣкой Сибирь, въ отлогому извилистой рѣкѣ Колымѣ, который отдѣляетъ Амуръ отъ Колымы. Восточная половина его покрыта болотами, озерами, рѣками и горными лѣсами.	17	То же.

Итоги и число.	Данные по различным сторонам.	Краткое описание страны.	Территория России.	Погода.
Ноябрь 21	30.	Переходим Дамбо- ский хребты. Западная дальность его пока безде- сна, вероятно от ходо- вых С. З. ветров. По- чечали из жилой якут- ской юрты, в урочище позднее Дамбо, у Аллага. Здесь, есть ко- томя, сажали пашни Колымского округа Запи- веренных, достигших на Колыму каренных та- восты, и при сего случаи производился жев.	15	Влажность воздуха.
22 23 24	224.	Поля, много озер, бо- лота, переяски. Почва из жидкой якутской верхней, посидевшей по- сле на станице Сурди- на.	15 14 13	Влажный густой туман, при сверном жиз- ни.
26	23.	Поля, озера, переяски. Почечали из жилой якут- ской юрты.		
27	45.	Холмы, много паш- ночных притоков реч- ных. Рядом лесистый лес. Почечали из жи- лой повара.	23	Облачно.
Февраль 28	95.	Холмы с лесом. По- чечали из повара Булдун-ура, из 23 переяс- ки от Аллагского Хребта, который отсюда виден. Дурная атмос.	29	Облачно.
29	85.	Поднимались вверх по сухим ивкам, с ре- чными лесом. Достигли среднего хребта и спус-	26	Облачно.

Мысли и впечатл.	Даты на- блюдения и время	Краткое описание страны.	Температура воздуха.	Погода.
Декабрь 4	10	Полн. обширные озера, много леса. Начекали на жидкой якутской юрте, у озера <i>Ойеппах</i> . Длинна юрта около 30-ти саженей, на самонаклонных лугах.	33	Ясно.
			35	Ночь была жарко.
5	21	Полн. озера, перелески. Начекали у якутского князя, на озере <i>Хансардыла</i> .	32	Туман, от SW и сильный ветер.
6	14	Полн. много озер и болот леса. Начекали на жидкой якутской юрте, у озера <i>Бабелю</i> .	27	Влажность на воздухе. Проманный ветер.
7	—	Длинные на Бабелем озеро.	22	Ясно.
8	30	Перелески, много озер и леса. Начекали на жидкой якутской юрте, с колодающими семейством.	25	Облачно. Противный ветер.
9	35	Песчаные холмы, поля с редким лесом. К W и S видны высокие горы, издающиеся из долины <i>Селенки</i> . Начекали в открытой местности, у притока.	20	То же.
			33	
10	30	Начекали на реке <i>Селенке</i> , правый берег которой крутая гора, в своей долинах; по берегам ее растут травы много, самый лучший подорожник для лошадей. Начекали в реке, в лесистом холме, на реке <i>Селенке</i> .	33	Ясно.
			26	Влажность.

Месяц и число.	Дневное, не- реальное, пер- сона.	Краткое описание страны.	Территория Резерва.	Погода.
Декабрь 1	46	Отсюда на восток на дель- те Селемской, между гор- ных обрывов старицы; по- ды верста от лавного бе- рега (по течению реки), горы отворотили на NW, образуя между гор, про- пастью рекою Тыманью, текущую на реку Селе- мскую, на 36 верстах от последнего поворота. По устью Тыманью бывало никогда весьма опасная мелочь. Теперь их не было. Ночевали на 4-х верстах от устья Тым- маны, на пустой, раз- лившимся лужайкой юрта. Одна чибоба.	— 22	Туман, про- зрачный ка- тер.
12	7	Вдоль реки Селемской, правый берега, который скалистый, на 4-х верстах от устья Тыманью, горы, где нити свое начало разрывается Селемская. По бе- регам, лиственничный лес. Ночевали на повороте. Ост- ва чибоба.	31	Ясно.
13	48	Вверх по западной ре- сехи Селемской. На об- рыве стороны восточной го- ры; на долинах лес и полюе кусты. Ночевали на повороте, при устье ручья Селемской. Жерде. Внутреннее общество пере- селось сюда для про- мысла рыбы хариуса. В вершинках Селемской идется сохотые, питаются тамышными. Чибоба.	33	Ясно. Холод- ный, прохлад- ный ветер.

Миссия и число.	Дневной репортаж и отчеты.	Краткое описание судан.	Температура Резерва.	Погода.
Декабрь 14	35	В междугорной раскопке Семелуха. Мало леса. На- мечены в поварни. Чи- бота.	28	Облачно.
15	30	В междугорной раскопке Семелуха. Горы с обе- их сторон постепенно сближаются: притянуто по- дмываются вершины; в Тин- верталь выехали на поч- товую дорожку, которую узнали по большому дере- вянному кресту. Потомъ поднялись на вершину го- ру, на вершинах которой находится озеро; из ве- го вытекает раскопке Се- мелуха из О и раскопке речки Додо из В. Спус- тились в ущелье и вхо- ди между двух камне- вых склонов, между откосных склонов, по рас- копке Додо. Начекали из поварни на речку Додо, из лесу. По Додо чи- бота мало.	19	Сильный Противный ветер.
16	30	В междугорной, по до- роге. Лесисто. Опасная паледа Терми. Начека- ли из поварни, из лесу.	31	Ясно.
17	30	По Додо, из междугор- ных, по термине через 25 верст. Горы принято появились и должны раздвигаться. Лес- исто. Начекали из по- варни.	27	Ясно.
18	30	Холмы, редкий лес, поля. Начекали из повар-	24	Пасмурно.

Месяц и число.	Денны не решился смер.	Краткое описание страны.	Температура по Цельсию.	Погода.
Декабрь 19	40	на. 7 ниже нуля. Делали на реке Ташкент, теку- ющей в <i>Амударю</i> , которая впадает в Яну. Поли, озера, степи. Ночевали в порте ста- ции Ташкент, на реке Ташкент, в Ташкенте таблицей.	33	Ясно.
20	50	Холода, жестокое де- рзие (инфекция) кружки стату монеты. Ночевали в жилищной куртке, у устья <i>Амудары</i> , впадаю- щей в Яну.	33	Ясно. По- угру сосредото- чене синеи.
21	60	Холода и тороний пест- рый лес. Ночевали в жилищной куртке, у озера. На <i>Амударе</i> много свя- ту.	36	Ясно.
22	50	Холода, тороний пест- рый лес, много святи- лищ. Приехали в <i>Бер- гомыш</i> (по-русски <i>Бер- гомыш</i>). (От 20-го по 26-е пробили в <i>Бергомыш</i> . Ночевали.	38 30 30 30	Ясно.
27	50	Холода, тороний пест- рый лес. Ночевали в жилищной куртке, у устья <i>Амудары</i> .	41	Ясно. Пада- ющая туман.
28	—	По <i>Бергомыш</i> дивали.	42	То же.
29	75	Лес. Ночевали в жи- лищной куртке.	40 1/2	Ясно.
30	80	Поли, озера, деревни. Ночевали в куртке.	38	Туман.
31	55	Поли, озера, деревни. Ночевали на станции <i>Ам- удары</i> .	28	Лесной ту- ман.
1921 год. Январь 1	30	Туман, безветренная жес- та, вь отдаления от Яны. Ночевали в жилищной по- варии.	25	Снегост.
2	40	По Янскому лесу. Св- ободна сторона <i>Амудары</i> .	27 1/2	Лесной ту- ман.

Месяц и число.	Дневная и ночная температура в градусах Цельсия.	Краткое описание страны.	Термометр Фаренгейта.	Погода.
Январь 3	40	Круговоротная гора. Начали в новый пространной местности, в которой, во второй и третий, в лесу.	30	Ясно.
4	38	Но той же горной долины. С обеих сторон, невысоких гор и речки здесь. Начали в такой же долине, как вчера.	25	Малооблачно, в почве нежной и в долине от О.
5	50	Горы обновились и установились в лесу, в долине, в долине, в долине. Начали в новой долине, в долине, в долине.	20	Жесткий и в долине.
6	57	Междоуровне становится, в долине, в долине, в долине. Начали в долине, в долине, в долине.	36	Ясно.
7	70	Круговоротная гора. Начали в новый пространной местности, в которой, во второй и третий, в лесу.	33	Ясно.
8	200	По долине, в долине, в долине, в долине. Начали в долине, в долине, в долине.	39	Ясно.
9		По долине, в долине, в долине, в долине. Начали в долине, в долине, в долине.	37	Ясно.
10		По долине, в долине, в долине, в долине. Начали в долине, в долине, в долине.	38	Ясно.

XVI.

СОБРАНИЕ СЛОВЪ

Чувашскаго и Орокскаго языковъ, составленное Мичи-
ианомъ Матюшкинымъ.

<i>Русскія.</i>	<i>Чувашскія.</i>	<i>Орокскія.</i>
Богъ.	Хайла.	Бха.
Отецъ.	Ете.	Еземъ.
Мать.	Еас.	Еамот.
Сонъ.	Пара.	Якромъ.
Домъ.	Хампа.	Хатмо.
Братья.	Сампа.	Екинъ.
Сестра.	Ауа.	
Мужъ.	Лтаи.	Хабомъ.
Жена.	Сарна.	Ебанъ.
Дети.	Хайда.	Баммо.
Мышлицы.	О.	Тякопереть.
Дичь.	О.	
Человѣкъ.	Ондрыкнда.	Еандъ.
Народъ.	Омме.	
Господь.	Пача.	Боточанд.

Русскія.	Чужеземныя.	Омонимы.
Али.	Налиги.	Вого.
Исф.	Есо.	Нилгоман.
Нозари.	Бидерие.	
Еллы.	Тоголи.	Тхо.
Бропи.	Пухичис.	
Учи.	Ниччи.	Чилоди.
Иби.	Назигатунъ.	Витгопъ-вого.
Водосы.	Юло.	Авранъ.
Щери.	Псы.	
Ротт.	Ангга.	Ангга.
Гормо.	Тунхунъ.	
Губи.	Амга.	
Зуби.	Тотегга.	
Ялчи.	Андаге.	Томерри.
Вореди.	Пумагин.	Витгопъ-вого.
Затмадокъ.	Илжондомунъ.	
Пленц.	Оибендомунъ.	
Гуло.	Халоба.	Порго.
Налесы.	Халобанъ.	
Ностт.		
Груда.	Малгга.	Медуръ.
Спица.	Унжидомунъ.	Хангидала.
Брюхо.	Жалко.	
Нога.	Насога.	Ханга.
Сердце.	Четонче.	

Русск.	Чувашск.	Ошанск.
Брига.	Чени.	Пелав.
Мотоко.	Монголо.	
Шкура.	Шигагы.	
Масо.	Чуло.	Убонья.
Костя.	Ашучь.	Таша.
Слаух.	Мозы.	
Вкусъ.	Белють.	
Ремесляр.	Цемжар.	
Говорить.		Кашагоя.
Кричать.		Куншаджы.
Брица.	Ошшаджы.	
Силъя.	Ноя.	
Селаться.		Водель.
Нилья.	Якшны.	
Петь.		Юшшаджы.
Ниль.	Нилья.	
Шумъ.	Палондый.	
Пилать.		Пазокъ. (Язковъ, крош).
Смѣстать.		Востра-Кушаджы.
Лешать.	Тышаджы.	Киза.
Встать.	Юшшаджы.	
Ходать.	Ходьбо.	Азренъ.
Прядти.	Яхынъ.	
Вязать.	Човондаль.	Ошшаджы.
Плестъ.	Цардыгы.	Лосоваджы.

Русск.	Чувашск.	Олонецк.
Любить.	Юмашчени.	
Радость.	Ольчич.	
Печаль.	Рычшадымур.	Чиланшадь.
Мука.	Бьшкь.	
Работа.	Дашпымур.	Непдойгохь.
Льстимый.	Ушчолоудохь.	
Я.	Мота.	Меня. (Служай).
Ты.	Тота.	Тешултунь.
Онъ.	Тудохь.	Тати.
Мы.		Мирь.
Вы.		Тинь.
Они.		Тиньсласкь.
Бать.	Ланашь.	
Питя.	Онделмусь.	(Пить воду). Данголь-Данголь.
Кормить.	Дай.	Паштань.
Брать.	Бексл.	
Умреть.	Пай.	
Бросать.	Брпла.	
Дай.		Китамь.
Тало.	Нуринко.	Тешпемель.
Дуть.		Тешпемель.
Смерть.	Ебей.	
Умирать.		Ишпизе.
Жизнь.	Людешья.	
Сладко.		

Русскія.	Чужеземца.	Означеніе.
Волокно	Орочьяна.	
Волосье.	Пухлякшій.	Тыскоуць.
Низко.	Лаудать.	Чымыгаша.
Толсто.	Юршай.	
Мало.	Экчеш.	
Стужа.	Почагыт.	Тышисел.
Тонко.	Пусуа.	Плывага.
Жирно.	Пугуч.	
Хорошо.	Омочь.	Тышисел.
Худо.	Брича.	Чымыгаша.
Умно.	Омочмонца.	Вотятиншисел.
Глухо.	Ниланш.	Надильгелю.
Легко.	Клещой.	
Жестко.	Юкелю.	
Толсто.	Корнш.	
Тонко.	Торнш.	
Широко.	Качбошай.	
Скоро.	Малюа.	
Слабо.		Хабиланд.
Молодо.		Литроволь.
Здоровь.		Алтибодуш.
Злоб.		Надильгелю.
Бело.	Починш.	Лизибиль.
Черво.	Опай.	Емобиль.
Зеленой.	Пильварис.	

Русскія.	Чувашскія.	Омасскія.
Красивыя.	Быллалмй.	Безлнгость.
Солнце.	Путусь.	Юналтн.
Луна.	Путула-Мутъ.	Юналтн порто.
Звезда.	Еронкнмечъ.	Шетей Ючюлда.
Небо.	Куятуш.	(Божій домъ).
Туманъ.	Повнозгненій.	(Божій дворецъ).
Ветеръ.	Тыммнталла.	(Божій духъ).
Дождь.	Ауна.	Кула Боньво.
Снегъ.	Итамо.	Вотомчало.
Огонь.	Манджеа.	Ланго Тымнечъ.
День.	Куятуш.	Ку.
Ночь.	Тинло.	Ленгъ.
Утро.	Илантатъ.	Нигнпнъ.
Вечеръ.	Тыммнталла.	Юлосъ.
Сила.	Потфатъ.	Талла.
Громъ.	Чебннга пюей.	
Н.	Випресшннй.	
С.	Вогойлапнмкочъ.	
О.	Башпачъ.	
W.	Кучей.	
Востокъ.	Тыламо.	
Западъ.	Потамъ.	Наллн.
Осень.	Хондаку.	Наллонъ/Паллнбасъ.
Зима.	Ченжлану.	Нантолн.
Годъ.	Топмкочъ.	

Русскія.	Чувашскія.	Омонскія.
Земля.	Понь.	Толмангъ.
Вода.	Оале.	Дявго.
Море.	Чувало.	Чямонъ Ланго.
Вулканъ.	Чувъопалатиней.	
Рѣка.	Омьугъ.	Еямонгъ.
Озеро.	Авасла.	Омьдья.
Островъ.	Ланьмугъ.	Тигли.
Берегъ.	Егенети.	
Камень, утесъ.	Пала.	Пес.
Песокъ.	Чойло.	
Глина.	Хощо.	
Гора.	Пала.	
Лесъ.	Тубыла.	
Рыбная.	Чауропъендоковъ.	
Мѣдъ.	Помгогонъ.	} Тес.
Желѣзо.	Дундыло.	
Соль.	Согоньковъ.	
Дерево.	Мутъ.	Тес.
Трава.	Уанта.	Понди (итоди).
Сохатой.	Натмагъ.	Ембосъсобо.
Медвѣдь.	Капмалымо.	Плмочилемъ. (Козлила собака).
Волкъ.	Кондеки.	Чинмо кыге.
Лисица.	Пидель.	Кпале.
Заяцъ.		Пени.
Олень. } Сиври } динъ.	Нивала динъ.	Авалъ.

Русскія.	Чувашскія.	Омонимы.
Мышья.		Чирюнкадзель.
Рыба.	Алмаш.	Вепюль.
Гусь.	Лингш.	} Веледа.
Утка.	Баллаге.	
Орешь.	Ченига.	Пичмы.
Воронь.	Ерасганла.	Хагамы.
Галыдо.	Хатлобхайло.	
Яйцо.	Хавзымудь.	
Курица.		Кабер.
Собака.	Таваш.	
Червь.	Колжотт.	
Муш.	Мурскотты.	
Дрозд.	Агано.	Ахитур.
Цеплятель.	Пеш.	Неальсинзель.
Бочка.	Италосъ.	
Господинъ.	Алежя.	
Сауто.	Хамелх.	
Вор.	Елазай.	
Войла.	Кунчпыгнш.	
Дукъ.	Елш.	Ого.
Стрел.	Согото.	Чезото.
Дроздь.	{ Тохоньш. Сонш.	Пиз.
Тотарь.		Хархоръ.
Ножь.	Чоксо.	Кирь.
Савки.	Мелуж.	Уботого.

<i>Русскія.</i>	<i>Чужеземн.</i>	<i>Омонимы.</i>
Нарты.		Того.
Ложки.		Кипки.
Ручья.		Хоржа.
Сядло.	Хомьдаль.	
Мокш.	Месомы.	
Юрта.	Наумати.	Ципиль.
Двери.	Омбедань.	
Котелъ.		Тегала.
Монгъ.		Аборъ.
Вчера.	Тымыдаль.	Эндю.
Сегодня.	Пне.	Эндю.
Завтра.	Идасъ.	Гомати.
Прежде.	Тындого.	
Послѣ.	Ламболуъ.	
Ваню.	Мехъ.	
Далеко.	Юдлукъ.	
Здесь.	Тине.	Туунъ.
Тамъ.	Та.	Тал-елдасъ.
Теперь.	Настъ.	
Гдѣ?	Ко?	
Кимъ?	Конди?	
Когда?	Хэинь?	
Что?	Ходмелъ?	
Дѣ.	Отъ.	Юнгъ.
Нѣтъ.	Нэинъ.	(Не прокъ). Али-Томбозинъ.

Русскія.	Тудалскія.	Олонекія.
Колымъ.		(большая рука). Чено смѣсь.
Чушнень.	} Андыла (молодец).	
Тунгусъ.		
Чукча.	Елена.	
Амукта.	Ерпей.	
Андобск. Юзюгар.	Шамло.	
Охоломск. Юзюгар.	Ендже.	
Якутъ.	Яхал (сала).	
Русской.	Копдасъ.	
Шаманъ.	Амшанторумъ.	
Счетъ.		
Одинъ.	Тудалей.	Урай.
Два.	Куень.	Тэнтъ.
Три.	Яюнь.	Яломъ.
Четыре.	Нагонъ.	Ерпиль. (Половина десяти). Еюичи-чюмнелъ.
Пять.	Енганонъ.	
Шесть.	Енганбагу Тудалей.	
Семь.	— — — Куень.	
Восемь.	— — — Люнь.	
Девять.	— — — Нагонъ.	
Десять.	Хавбагетей.	Кимнелъ.
Одиннадцать.	— — — Тудалей.	
Двадцать.	Пунексипокуень.	Котъ кимнелъ.
Тридцать.	Пунексипокуень е.	
Сто.	Тотанъ.	Тюмо-имнелъ.

По-Чувашски.

Майнш павыло.
Одмоушш павыло.
Човашчеш павыло?
Хамшш-мешташ павыло?
Мешташш павыло!

По-Русски.

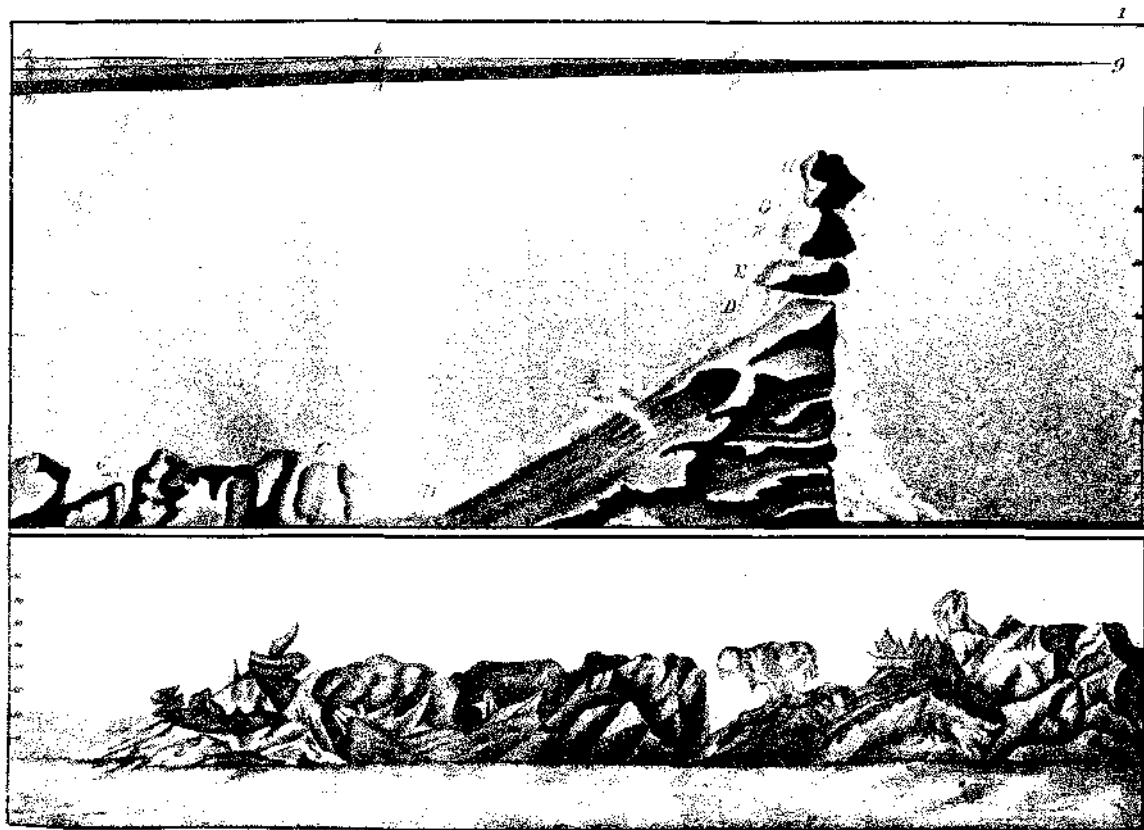
Поймай оленя.
Не лови оленя.
Поймал ли оленя?
Когда же поймал оленя?
Не поймать тебе оленя!

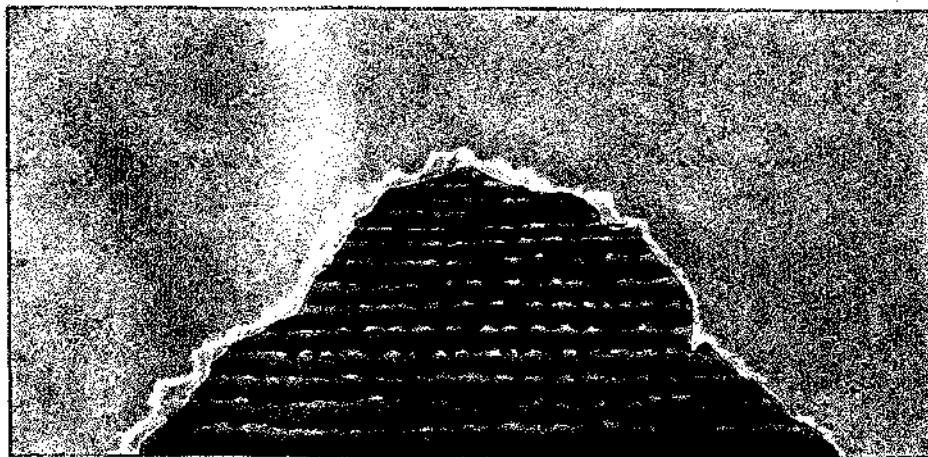
Фред. Фоль-Врангель.

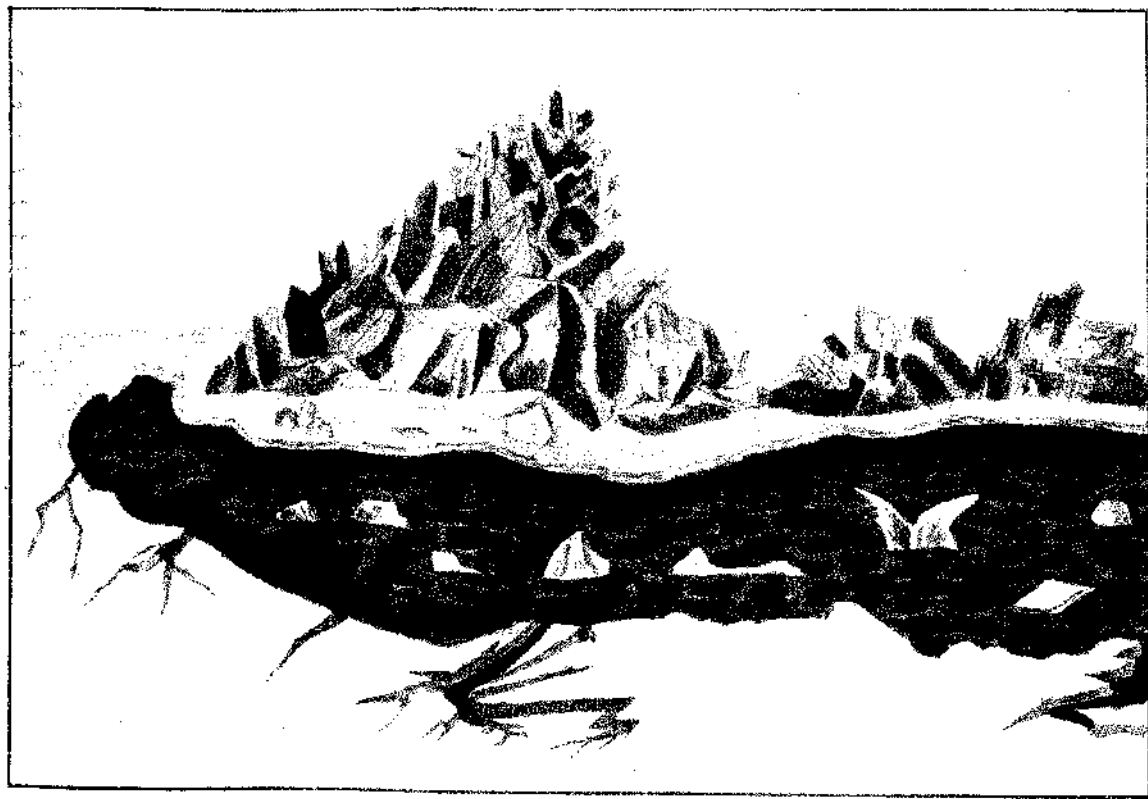
Путеш. по берегам Сибири. Атласъ съ 13 литографир. рисун. и
рисунками сибирскихъ оленей и почтовыхъ принадлежностей и Фред. Фоль-Врангель.

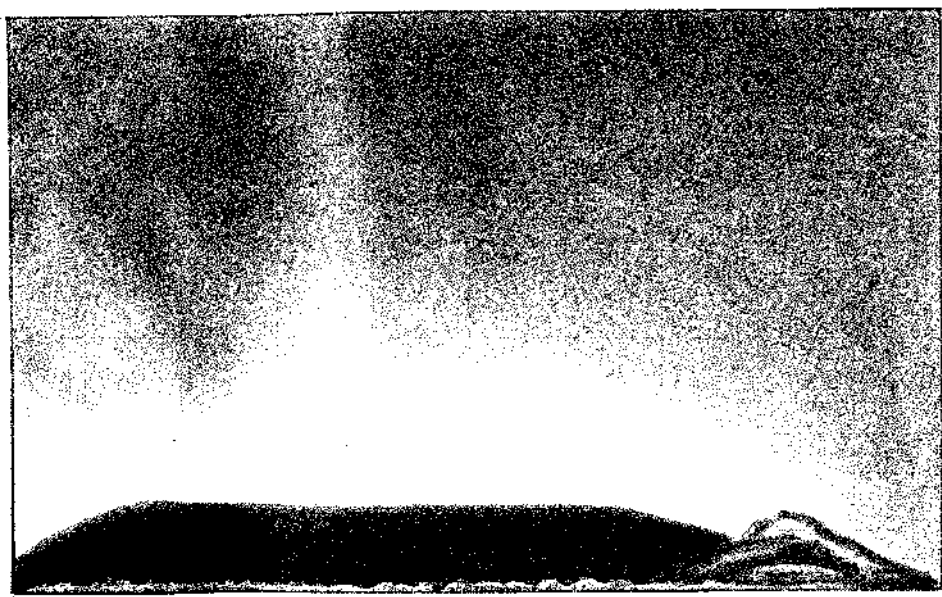
4 - XII 1894
21613

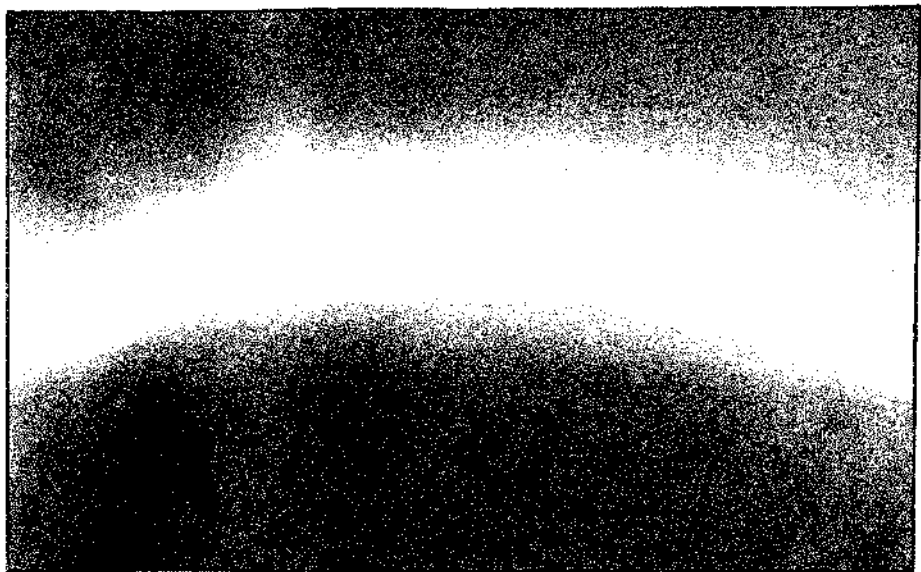

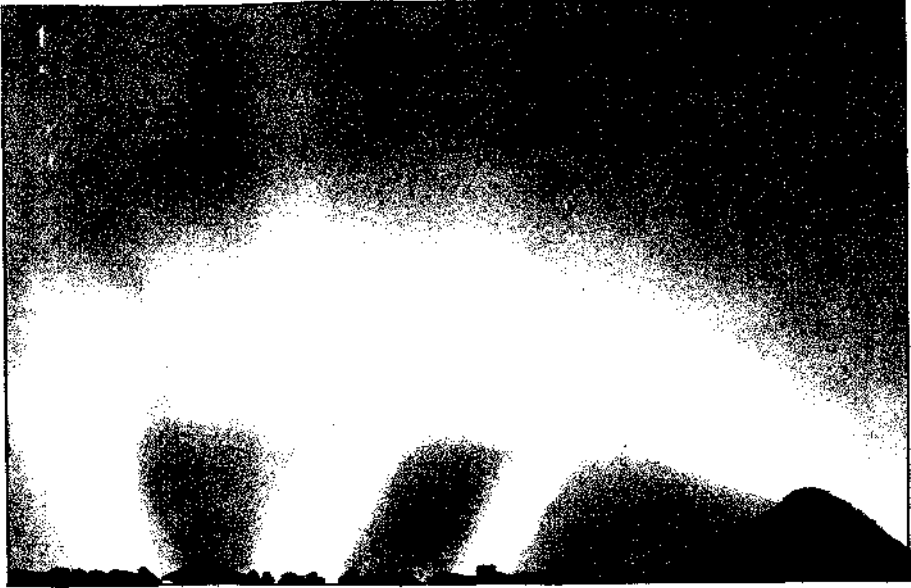

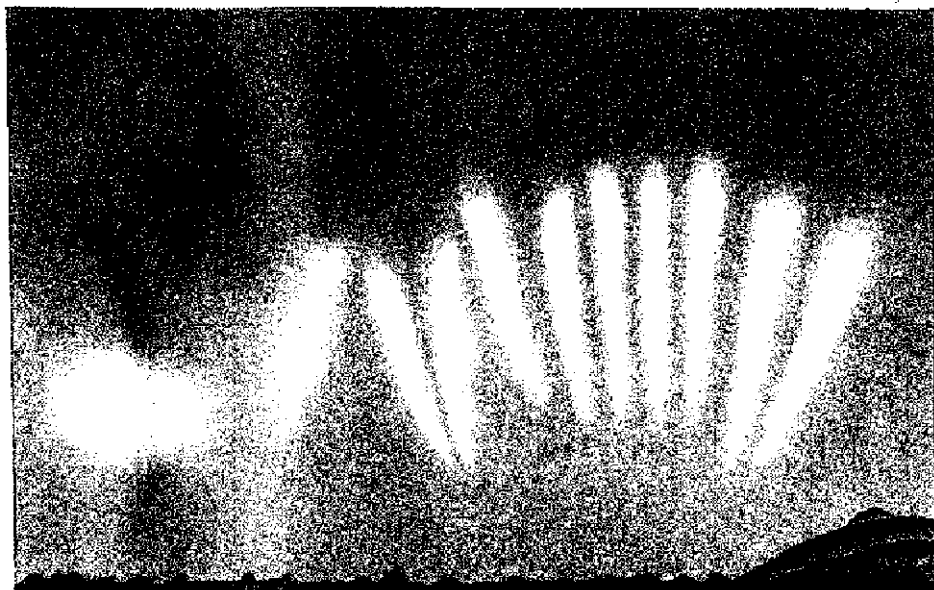

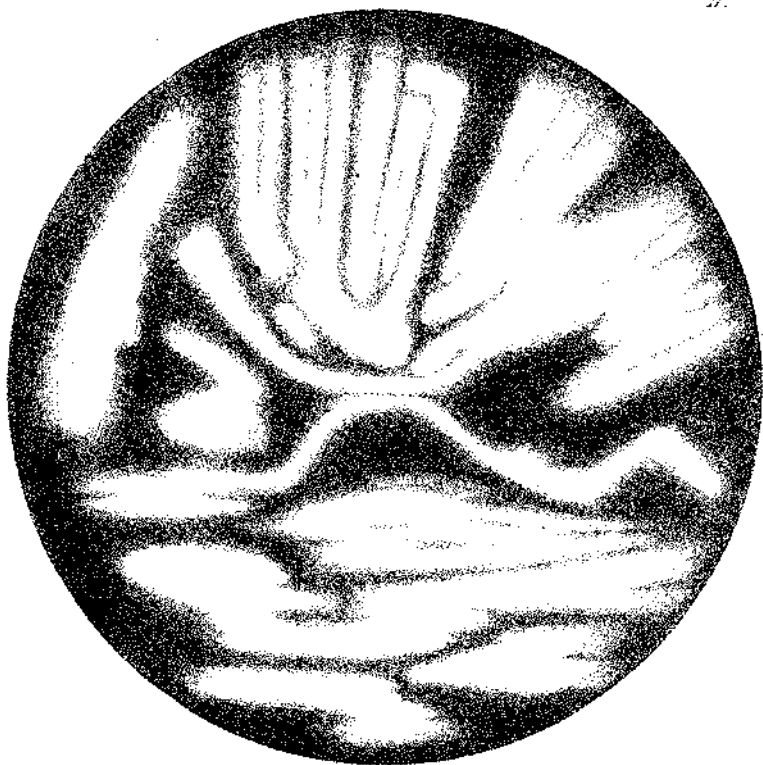

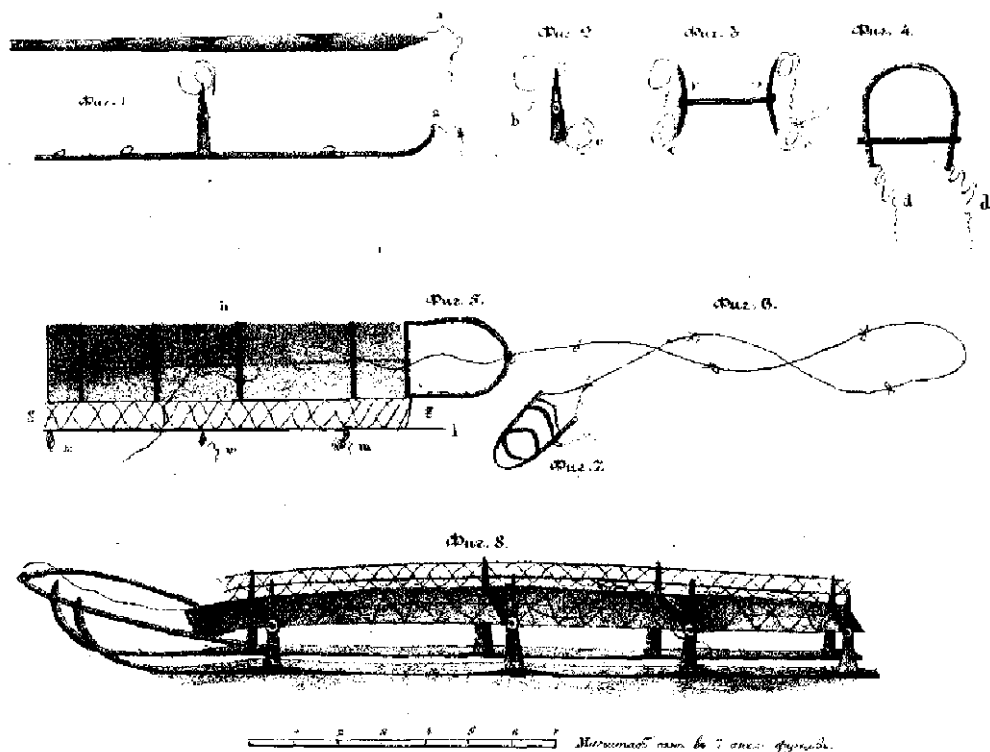

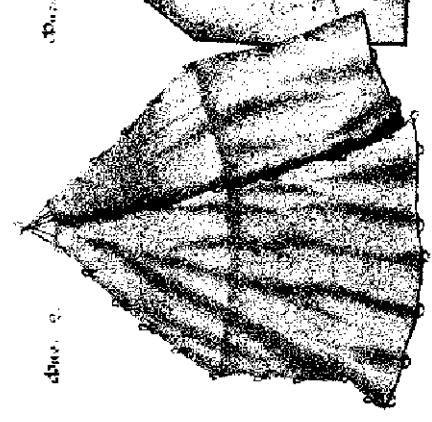
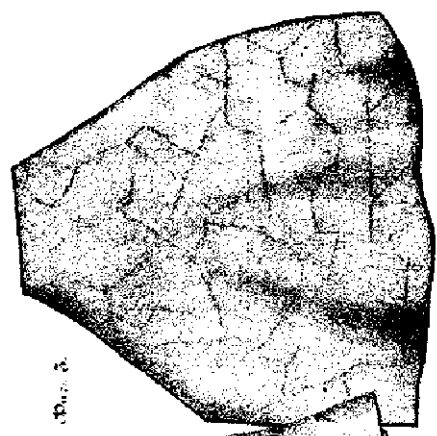
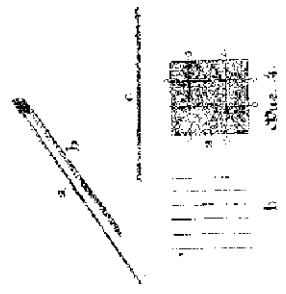
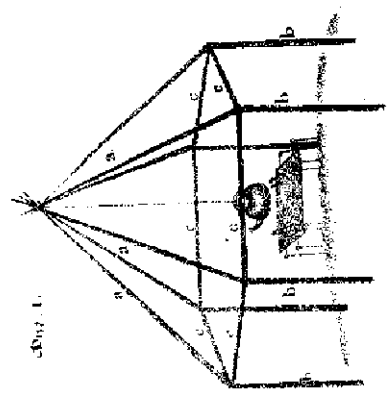

Фиг. 1. Вид с борта корабля, показывающий корпус, мачту и парусный аппарат. Фиг. 2. Деталь мачты, показывающая ее конструкцию. Фиг. 3. Деталь мачты, показывающая ее конструкцию. Фиг. 4. Деталь мачты, показывающая ее конструкцию. Фиг. 5. Деталь мачты, показывающая ее конструкцию. Фиг. 6. Деталь мачты, показывающая ее конструкцию. Фиг. 7. Деталь мачты, показывающая ее конструкцию. Фиг. 8. Вид с борта корабля, показывающий корпус, мачту и парусный аппарат.

Масштабъ 1:100000

Фиг. 1. Шпунтовый вагонетъ, видъ съ вѣтра.

2. Видъ вагонетъ съ вѣтра.

3. Видъ вагонетъ съ вѣтра, видъ съ вѣтра.

4. Видъ вагонетъ съ вѣтра, видъ съ вѣтра.